

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

по Кавказу, Турціи, Сербскимъ землямъ
и Соединеннымъ Штатамъ

(ВЪ СТРАНѢ ИГА И СВОБОДЫ)

К. СКАЛЬКОВСКІЙ

Новое изданіе

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Картографическаго Заведенія А. Ильина
1885

ПУТЕВЫЯ

ВПЕЧАТЛѢНІЯ

по Кавказу, Турціи, Сербскимъ землямъ
и Соединеннымъ Штатамъ

(ВЪ СТРАНѢ ИГА И СВОБОДЫ)

К. СКАЛЬКОВСКІЙ

Новое изданіе

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Картографическаго Заведенія А. Ильина
1885

Обертка, заглавный листъ, шмуцъ-титулъ и предисловіе печатаны въ Типографіи Министерства путей сообщенія (А. Бенке), текстъ въ Типографіи Товарищества „Общественная польза“.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

по Кавказу, Турціи, Сербскимъ землямъ и Соединеннымъ Штатамъ.

Надо умѣть быть домосѣдомъ дома и путешественникомъ въ дорогѣ.

Турецкая пословица.

Въ дорогѣ онъ имѣлъ счастливое преимущество рвать вездѣ цвѣты не натыкаясь на шипы, тогда какъ большинство современныхъ путешественниковъ, недовольные каждой встрѣчей, обращаютъ въ прихожую ада тѣ райскія пространства, которыя имъ попадаются по дорогѣ.

Жанъ Поль Рихтеръ.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Настоящее изданіе ничѣмъ не отличается отъ предъидущаго. Авторъ измѣнилъ только заглавіе книги, которое вводило нѣкоторыхъ въ недоумѣніе, не давая ближайшаго указанія на ея содержаніе. Настоящій томъ составляетъ частицу странствованій автора, который сдѣлалъ со времени перваго изданія книги не мало поѣздокъ, описанныхъ, между прочимъ, въ сочиненіяхъ: „У скандинавовъ и фламандцевъ“, „Вокругъ Свѣта“ „Путевыя впечатлѣнія въ Португаліи, Франціи, Австріи и Италіи“, и надѣется, что на этомъ не остановится его способность передвигаться, имѣя глаза и уши отверстыми.

С.-Петербургъ,
15 февраля 1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

НА ВОСТОКѢ.

Черезъ Кавказъ и Турцію.

Буда-Пештъ.

Стран.

По сербскимъ землямъ.

НА ДАЛЬНЕМЪ ЗАПАДѢ.

НА ВОСТОКЪ.

ЧЕРЕЗЪ КАВКАЗЪ И ТУРЦІЮ.

I.

Москва.— Переѣздъ изъ Москвы въ Царицынъ. — Желѣзныя дороги. — Донская степь. — Царицынъ. — Потеря чемодана. — Пароходъ «Сильвестръ». — Калмыцкая степь. — Астрахань.

16-го мая 1874 года я выѣхалъ въ Парижъ, на Астрахань и Баку, разсуждая, что «всѣ дороги ведутъ одинако въ Римъ». На Николаевской желѣзной дорогѣ мнѣ бросилось въ глаза только одно нововведеніе, а именно: какая-то дама обходила всѣ вагоны и собирала, въ пользу общества распространенія св. писанія въ Россіи, предлагая различныя душеспасительныя книги. При этомъ происходили прекомическія сцены. Пассажиры какъ бы стыдились, что жалѣютъ пятака въ пользу общества, и считали необходимымъ въ длинныхъ рѣчахъ мотивировать свой отказъ. Вагонъ нашъ напоминалъ прусскую палату депутатовъ, отказывающую графу Бисмарку въ утвержденіи бюджета на переустройство арміи —такія обстоятельныя слышались рѣчи. Въ особенности горячился одинъ изъ «охранителей», помѣщикъ, доказывавшій, что его на старости учить св. писанію нечего, да и такое дѣло онъ считаетъ «неприличнымъ» для желѣзной дороги.

— «Ужь если миссіонерствовать, такъ въ Сибири, восклицалъ помѣщикъ а то тамъ случается, что миссіонеръ проповѣдуетъ, не имѣя понятія о туземномъ языкѣ, и беретъ себѣ переводчикомъ простаго казака, кругъ понятій котораго слишкомъ ограниченъ». Я внутренно соглашался съ послѣднимъ замѣчаніемъ, хотя не могъ не пожалѣть, зачѣмъ столько краснорѣчія расточается не у мѣста. Но ужь

такова натура наша: молчать тамъ, гдѣ требуются слова, и разливать потоки элоквенціи, когда не стоитъ и рта раскрыть.

Въ Москвѣ я исполнилъ долгъ каждаго русскаго патріота—съѣздилъ въ Кремль полюбоваться чуднымъ видомъ на Замоскворѣчье и на Василія Блаженнаго, такъ удачно прозваннаго Наполеона I «la grande mosqué», и затѣмъ въ трактиръ Гурина позавтракать растегаемъ, которые всегда тамъ превосходны, а на этотъ разъ, кажется, превзошли себя. Передъ достоинствами этихъ растегаевъ, конечно, блѣднѣетъ все остальное въ Москвѣ. Видѣлъ я въ Москвѣ еще одну достопримѣчательность—это мостовая по Земляному Валу, улицѣ, ведущей къ вокзалу Курско-кіевской желѣзной дороги. Лишь море, волнуемое «циклонами», о которыхъ писалъ недавно почтенный директоръ главной физической обсерваторіи, можетъ дать только слабое понятіе объ этой удивительной мостовой. Достаточно сказать, что извощики отказываются везти по ней и предоставляютъ путешественникамъ доканчивать путь по образу пѣшаго хожденія.

Что такое изображаетъ изъ себя Московско-рязанская желѣзная дорога — объ этомъ я не могу дать точнаго отчета, потому что ѣхалъ ночью и спалъ. Вѣрнѣе слѣдовало сказать—пытался спать, такъ какъ поползновенія мои по этой части были уничтожены какой-то барыней, нѣчто въ родѣ m-me де-Курдюковъ, которая, съ завистью усмотрѣвъ, что я занялъ два мѣста и собираюсь спокойно уснуть подъ медленное движеніе почтоваго поѣзда, двигающагося не скорѣе черепахи, подняла такой шумъ и бранилась на двухъ языкахъ такъ энергично, что я былъ принужденъ искать спасенія въ другомъ вагонѣ, набитомъ пассажирами. Тамъ я узналъ, что моя антагонистка — предводительша одной черноземной губерніи. Говорятъ, будто она премилая и добрая дама; но мысль провести безсонную ночь, любуясь чужимъ блаженствомъ, очевидно, на время, испортила ея прекрасный характеръ. На мою бѣду, вагонъ былъ наполненъ барынями, и я, «прижатый къ стѣнѣ», напрасно бросалъ по сторонамъ умоляющіе взоры, не находя нигдѣ сочувствія.

Переселеніе въ другой вагонъ было для меня вдвойнѣ выгодно: во-первыхъ, я избавился отъ сосѣдства моей мегеры; во-вторыхъ, очутился въ обществѣ нѣсколькихъ помѣщиковъ, бесѣдуя съ которыми провелъ время весьма пріятно до Борисоглѣбска. Въ былое время помѣщикъ Тамбовской губерніи представлялъ самый чистокровный типъ степняка, не интересующагося ничѣмъ, кромѣ псовой охоты; но время измѣнило

«лютость нравовъ», какъ сказалъ бы моралистъ XVIII вѣка. Теперь тамбовскіе помѣщики—одни изъ самыхъ просвѣщенныхъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ, относительно сельскаго хозяйства, которое ведется у нихъ гораздо лучше, чѣмъ въ большей части черноземныхъ губерній Россіи. Значительная сѣть желѣзныхъ дорогъ, прорѣзавшая въ послѣднія десять лѣтъ Тамбовскую губернію, не была случайнымъ благополучіемъ: губернія воспользовалась ею вполнѣ. По обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги тянется непрерывный рядъ пашенъ, тщательно удобряемыхъ и воздѣлываемыхъ; въ то время, когда съ десятины чернозёма снимаютъ гдѣ нибудь въ Курской губерніи пять или шесть четвертей, въ Тамбовской получаютъ пятнадцать четвертей. Развитіе сельскаго хозяйства вызвало и промышленныя предпріятія, въ особенности свеклосахарное и винокуренное производства; есть помѣщики, выкуривающіе ежегодно до милліона ведеръ спирта. Въ вагонѣ я только и слышалъ разговоры, что объ отправкѣ спирта заграницу, объ устройствѣ туернаго пароходства по Мокшѣ и Цнѣ, о новыхъ способахъ выжимки масла изъ сѣмянъ и т. д. По словамъ помѣщиковъ, и крестьяне отличаются въ Тамбовской губерніи большою смышленностью и трудолюбіемъ. Похвальные отзывы о хозяйствѣ равномѣрно относятся и къ южной части Рязанской губерніи, сѣверной—Воронежской и къ нѣкоторымъ уѣздамъ—Пензенской.

Я, впрочемъ, слишкомъ скоро забѣжалъ въ Тамбовскую губернію, такъ какъ разсвѣтъ засталъ насъ еще въ Рязанской губерніи, не менѣе обильно, чѣмъ Тамбовская, снабженной теперь желѣзными дорогами, Но l'appetit vient en mangeant, и рязанскіе помѣщики все помышляютъ еще о новыхъ рельсовыхъ путяхъ.

— И къ намъ въ Зарайскъ, говорилъ одинъ изъ нихъ въ вагонѣ, предполагаютъ строить дорогу, говорятъ, военную или стратегическую.

— Полноте, возражали ему другіе: какая у васъ, въ Зарайскѣ, стратегія и съ кѣмъ тамъ воевать...

Возятъ на Московско-рязанской и Рязанско-козловской желѣзной дорогахъ очень тихо; станціи также неважны и буфеты плохи; видно, что все выстроено было на живую нитку, и дѣлаются понятными тѣ баснословные барыши, которые нажиты при постройкѣ этихъ дорогъ счастливыми концессіонерами. Эксплоатируются онѣ крайне небрежно. У насъ вагонъ 1-го класса былъ до такой степени дребезжащій, что качало точно на пароходѣ; видно и колеса, и рессоры, и подшинники—все изломалось и расшаталось отъ долгаго употребленія и плохаго ре-

монта. Внутреннее устройство вагоновъ довольно удобно и позволяетъ пассажирамъ спать, если публики не много; къ сожалѣнію, до Рязани, а иногда и до Козлова, вагоны почти всегда переполнены публикою. Какъ характеристическую черту на этихъ дорогахъ, я замѣтилъ, что на станціяхъ нѣтъ росписаній собственныхъ поѣздовъ, и пассажиръ читаетъ по стѣнамъ движеніе поѣздовъ всѣхъ дорогъ Россіи, кромѣ той, по которой именно онъ ѣдетъ, т. е. наиболѣе для него необходимаго.

Виды изъ окна вагона чрезвычайно однообразны. Мѣстность совершенно ровная, какъ билліардное сукно, и сплошь покрытая пашнями. Встрѣчающіяся по временамъ небольшія деревни съ избенками, съ высокими соломенными крышами и круглыми скирдами хлѣба вокругъ, поразительно напоминаютъ тѣ виды Кумасси и другихъ поселеній въ странѣ ашантіевъ, которыми были въ свое время переполнены англійскія иллюстрированныя изданія. Въ Ряжскѣ, несмотря на то, что тутъ примыкаетъ весьма важная Моршанская линія, идущая теперь далѣе на Сызрань, Самару, Оренбургъ и претендующая на дальнѣйшее продолженіе въ Индію, нѣтъ никакого вокзала. Небольшая деревянная станція не задолго до моего проѣзда сгорѣла, и буфетъ помѣщался въ какой-то избушкѣ, къ которой пассажиры переходили изъ вагона по колѣно въ грязи, такъ какъ начальство станціи не позаботилось даже положить нѣсколько досокъ въ видѣ мостковъ. Немногимъ лучше въ Грязяхъ, гдѣ сходятся четыре линіи желѣзныхъ дорогъ. Въ Америкѣ въ такомъ пунктѣ давно бы возникъ городокъ, со школою, библіотекою, церковью, театромъ; въ Грязяхъ же нѣтъ ничего, кромѣ пяти, шести домиковъ, семи или восьми кабаковъ, да желѣзно-дорожной станціи, напоминающей поразительно конюшню. Поѣзды сходятся; толкотня и безпорядокъ страшный; управленіе желѣзныхъ дорогъ само проситъ присматривать за перекладкою багажа, чтобы вещи, идущія въ Воронежъ, не попали въ Орелъ, и т. п.

Грязи находятся уже на Козлово-воронежско-ростовской желѣзной дорогѣ, принадлежащей г. Полякову, но общая картина оттого не перемѣняется; не мѣняется и окружающій однообразный пейзажъ, который казался тѣмъ непривлекательнѣе, что, несмотря на вторую половину мая, стоялъ сильный холодъ и шелъ совершенно осенній дождь, заставлявшій опасаться даже за ростъ хлѣбовъ. Грустная природа наводитъ скоро на грустныя мысли, и, пересѣвъ въ Козловѣ въ новый вагонъ, я былъ свидѣтелемъ горячаго спора о модномъ теперь вопросѣ — сожиганіи труповъ. Какая-то помѣщица приходила въ отчаяніе, такъ какъ

кто-то увѣрилъ ее, что московская дума рѣшила впредь сожигать всѣ трупы.

— Господи, Боже мой—вопила помѣщица—на что же это похоже? Развѣ мы идолопоклонники! Да, кажется, если бы у меня сожгли теперь дочь, такъ я и сама бросилась бы въ печку!

—-Въ такомъ случаѣ вы сдѣлали бы то же, что и идолопоклонники, замѣтилъ я ей.

— Не все будутъ сожигать, успокоивалъ ее одинъ изъ пассажировъ: сердце будутъ вырѣзывать и возвращать въ банкѣ родственникамъ.

— Да на что мнѣ эта банка? горячилась помѣщица.—Какъ услыхала я это, говорила она, такъ вотъ уже третьи сутки не сплю: чуть закрою глаза, такъ все и кажется въ огнѣ. И отчего это дума занимается такими глупостями; лучше бы позаботилась, чтобы въ Москвѣ прислуга была повѣжливѣе.

На Грязе-царицынской дорогѣ пассажиры ѣдутъ только до Борисоглѣбска, а затѣмъ вагоны идутъ почти пустыми до самаго Царицына. Такая пустота понятна, потому что за три станціи отъ Борисоглѣбска дорога вступаетъ уже въ предѣлы пресловутой «République des cosaques du Don»—какъ переводятъ французы «Область Войска Донскаго»—гдѣ, кромѣ невоздѣланной пустыни, ничего не встрѣчаешь. Какъ ни однообразенъ пейзажъ отъ Москвы до Борисоглѣбска, но и его нельзя сравнить съ безжизненностью Донской степи, которая лѣтомъ, когда зелень выгараетъ, еще не красивѣе. Какое вліяніе имѣютъ законы на цивилизацію человѣка, очень наглядно можно видѣть здѣсь, гдѣ, при одинаковой почвѣ и томъ же племенномъ составѣ населенія, встрѣчается такое рѣзкое различіе въ культурѣ. При настоящемъ своемъ устройствѣ, Донская область настолько же отстала отъ прочей Россіи, насколько сама Россія отстала отъ западной Европы.

Дорога изъ Борисоглѣбска въ Царицынъ проходитъ мѣстностью бѣдною нетолько людьми, но и культурою; тутъ недостаетъ даже такихъ простыхъ вещей, какъ камень и вода. Камень для баласта возятъ теперь изъ Грязей, а прежде возили за 200 верстъ гужомъ. Воды также въ иныхъ мѣстахъ нѣтъ въ окружности верстъ на 20, а для снабженія сторожевыхъ будокъ устроены вассеръ-цуги. Относительно желѣзной дороги могу сказать только, что станціи красивой архитектуры отличаются безлюдіемъ, вагоны комфортабельны, ѣзда спокойна, дрова перестаютъ уже жечь почти отъ самыхъ Грязей и замѣняютъ скопинскимъ каменнымъ углемъ и донскимъ антрацитомъ. Вообще если

сравнить эту дорогу съ дорогами Рязанскою и Козловскою, то выводъ будетъ тотъ, что безпорядки на Царицынской дорогѣ могутъ быть оправданы еще бѣдностью средствъ и новизною устройства; но что сказать о послѣднихъ дорогахъ, приносящихъ отличный доходъ и устроенныхъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ?

По пріѣздѣ въ Царицынъ, оказалось, что у меня пропалъ чемоданъ. Положеніе весьма непріятное въ началѣ длиннаго путешествія. Начальникъ станціи утѣшалъ меня тѣмъ, что это случается безпрерывно, и виновата суматоха, господствующая въ Грязяхъ. Онъ оказался очень любезнымъ человѣкомъ, и сталъ энергически разсылать телеграммы, понукая къ скорѣйшему отысканію драгоцѣннаго для меня чемодана, въ который я, кромѣ вещей, положилъ и бумаги, и рекомендательныя письма. Мысль прожить нѣсколько дней въ Царицынѣ, въ ожиданіи моихъ вещей, не очень-то мнѣ улыбалась, хотя Царицынъ, гдѣ я не былъ уже нѣсколько лѣтъ, заслуживаетъ того, чтобы на изученіе его посвятить нѣкоторое время. Это одинъ изъ городовъ, наиболѣе быстро развивающихся теперь въ Россіи, и быстротою своего роста напоминающій Самару въ 50-хъ годахъ. Долгое время Царицынъ только тѣмъ и былъ извѣстенъ, что въ городской ратушѣ его хранились треухъ и палка Петра Великаго, торговля же сосредоточивалась въ сосѣдней Дубовкѣ. Соединеніе въ 1858 г. Царицына желѣзной дорогой съ Калачемъ положило начало процвѣтанію города, которое стало еще болѣе развиваться съ открытіемъ Грязе-царицынской желѣзной дороги.

Царицынъ теперь важный торговый пунктъ, служащій для перегрузки товаровъ, идущихъ изъ Персіи, Закавказья и Астрахани и направляющихся на Донъ, къ Азовскому морю и прямо къ Москвѣ, минуя Нижегородскую ярмарку. Вся мѣстность около очень хорошенькаго, новаго вокзала, и далѣе по Волгѣ, застроивается каменными домами, и Царицынъ имѣетъ уже два банка, много страховыхъ и пароходныхъ конторъ и другихъ подобныхъ учрежденій; не мало въ немъ также купцовъ, разъѣзжающихъ на откормленныхъ рысакахъ, съ разодѣтыми въ яркіе цвѣта толстыми купчихами. Въ городѣ нѣсколько гостинницъ, въ которыхъ — о, прогрессъ земли Русской! — нѣтъ клоповъ. Добравшись до Волги, я, конечно, прежде всего озаботился истребленіемъ значительнаго количества свѣжей икры, балыка и особеннно стерлядей. Только въ созерцаніи этихъ гастрономическихъ прелестей я и могъ утѣшить себя нѣсколько въ потерѣ чемодана, запивая къ тому же горе краснымъ

цымлянскимъ виномъ, всѣмъ извѣстнымъ въ Россіи, и менѣе извѣстнымъ краснымъ астраханскимъ виномъ Климова, довольно сноснаго качества.

Къ ночи пришла радостная телеграмма: чемоданъ мой не былъ ни украденъ, ни засланъ, а простро-на-просто забытъ въ Козловѣ, и если поѣздъ не опоздаетъ—что на Грязе-царицынской дорогѣ случается очень часто—то я могъ получить свою кладь на другой день, затѣмъ попасть своевременно въ Астрахань на идущій въ Каспійское море пароходъ. У меня свалилась гора съ плечъ, и я спокойно дожилъ въ Царицынѣ сутки, не терземый опасеніями за будущее...

Царицынъ былъ полонъ воспоминаніями о персидскомъ шахѣ, проѣздъ котораго нѣсколько разнообразилъ монотонную жизнь уѣзднаго города. Разсказывали, что шахъ пріѣхалъ съ тремя женами, закутанными весьма плотно, и огромнымъ количествомъ ящиковъ, содержаніе которыхъ заинтересовало царицынскихъ дамъ. Изъ Москвы жены и часть ящиковъ возвратились. Одинъ кондукторъ случайно видѣлъ женъ безъ покрывала и нашелъ, что онѣ красивы; Богъ вѣсть, однако, какъ строги кондукторы на счетъ чертъ женскаго лица. Нѣкоторые ящики при перегрузкѣ разбились и оказались наполненными скверными конфектами и плохими персидскими апельсинами. Самъ шахъ поразилъ всѣхъ тѣмъ, что не отвѣчалъ на поклоны, а со своими министрами разговаривалъ болѣе движеніемъ глазъ. Мѣстные фотографы сняли моментъ выхода шаха на берегъ, украшенный декораціями.

Мысль изучить исторію Царицына за послѣдніе годы, къ счастію для меня, не пришлось осуществить и, получивъ чемоданъ, я не замедлилъ уѣхать на пароходѣ «Сильверстъ» общества «Кавказъ и Меркурій».

«Сильверстъ» — пароходъ буксирный, уже лѣтъ двѣнадцать слишкомъ работающій на Волгѣ; на пассажирскую линію онъ попалъ случайно, вслѣдствіе поломки какого-то пассажирскаго парохода. На пароходѣ было, впрочемъ, все исправно, каюты опрятны, а буфетъ, послѣ станцій желѣзныхъ дорогъ, казался очень удовлетворительнымъ. На нашихъ пароходахъ вообще обращаются съ публикой гораздо лучше, чѣмъ на желѣзныхъ дорогахъ. Оно и понятно: желѣзныя дороги монополисты, пароходныя же компаніи подчиняются тягостному закону конкурренціи; онѣ соперничаютъ не только между собою, но и съ желѣзными дорогами. Конкурренція дошла уже до послѣднихъ предѣловъ, и для спасенія отъ конечной гибели, въ виду постояннаго и систематическаго пониженія фрахтовъ, волжскіе пароходчики хлопочутъ теперь о

братствѣ и соединеніи. «Дружина» соединилась съ «Камско-Волжскимъ обществомъ» «Кавказъ и Меркурій» съ «Обществомъ 1843 года», и, по всей вѣроятности, мало по малу общества эти сольются между собою въ одну обширную ассоціацію. Во всякомъ случаѣ, будущее пока не представляется для нихъ въ правлекательномъ видѣ: новыя желѣзныя дороги все примыкаютъ къ Волгѣ, количество грузовъ на послѣдней растетъ медленно, а фрахты продолжаютъ понижаться. Пароходныя общества строятъ новые, болѣе экономическіе пароходы, сожигающіе менѣе топлива и перевозящіе заразъ болѣе клади и пассажировъ, но старые не находятъ себѣ покупателей. Пароходъ, стоившій прежде 100,000 рублей, легко купить теперь на Волгѣ за 30,000 рублей. Говорятъ, что даже число пароходовъ, возросшее до 600, теперь уменьшается. Изъ пароходныхъ обществъ пока счастливѣе другихъ «Кавказъ и Меркурій»; оно покрываетъ убытки доходами отъ каспійскаго пароходства; а между тѣмъ недавно еще рѣчное дѣло только и позволяло этому обществу вести безъ убытка морское пароходство, не смотря на получаемую послѣднимъ отъ правительства значительную помильную плату.

На пароходѣ я безъ всякихъ приключеніи пробѣжалъ путь, мнѣ довольно знакомый. Въ Сарептѣ та же продажа горчичнаго масла, сарептскаго бальзама и пряниковъ; тѣ же стереотипныя нѣмецкія физіономіи, заимствовавшія отъ мѣстныхъ жителей только одну дурную привычку — цѣлый день щелкать подсолнечныя сѣмечки. Репутація Сарепты теперь очень упала, хотя ничего въ послѣдней не перемѣнилось къ худшему. Въ прежнее время, при всеобщей мерзости, при грязи и голодѣ на станціяхъ, измученному и одичавшему въ пути путешественнику казалось земнымъ раемъ найти кусокъ мыла, чистую комнату, опрятную постель, обѣдъ изъ нѣсколькихъ блюдъ и бутылку вина; вечеромъ онъ могъ даже услышать на площади хоръ духовой музыки, разыгрывающій подъ руководствомъ какого либо изъ гернгутскихъ старшинъ мотивы изъ «Нормы». Въ настоящее время пообѣдать и выспаться можно почти во всякомъ уѣздномъ городѣ, а про губернскіе и говорить нечего—для этого тамъ спеціально существуютъ дворянскіе и коммерческіе клубы; потому, не находя въ Сарептѣ ничего чрезвычайнаго, путешественники разочаровываются, хотя и прежде очаровываться, собственно говоря, было нечѣмъ.

Ниже Сарепты Волга принимаетъ уже характеръ, спеціально присущій Астраханской губерніи; рѣка течетъ между множествомъ острововъ, покрытыхъ зеленью, которая дѣлается все бѣднѣе и бѣднѣе, по мѣрѣ

приближенія къ Астрахани, причемъ глина низкихъ береговъ замѣняется сыпучимъ пескомъ, сметаемымъ вѣтромъ, свободно гуляющимъ по Калмыцкой степи, въ бугры, путешествіе по которымъ зимою въ саняхъ—чистое мученіе.

Пароходъ останавливается у Владимірской пристани — мѣстности, которую ожидаютъ въ будущемъ «великія и богатыя милости». Уже и въ настоящее время постоянное развитіе добычи соли на Баскунчакскомъ озерѣ, подорвавшемъ знаменитый нѣкогда Елтонъ, обратили Владиміровку въ весьма оживленную мѣстность, напоминающую во время разлива Волги Венецію въ миніатюрѣ; когда же проектируемая желѣзная дорога соединитъ Владимірскую пристань въ Баскунчакомъ и пройдетъ затѣмъ къ горѣ Чапчачи, гдѣ залегаетъ одно изъ богатѣйшихъ въ мірѣ мѣсторожденій каменной соли, то Владиміровка сдѣлается весьма важнымъ торговымъ пунктомъ; она займетъ тогда первое мѣсто въ Россіи по торговлѣ солью. Положеніе это еще улучшится съ пониженіемъ акциза на соль, тягость котораго замѣтна особенно въ Астраханской губерніи, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются ватаги (рыбные заводы), гдѣ недостаточно просоленная отъ дороговизны соли рыба, составляющая у насъ такую важную часть народной пищи, наполняетъ воздухъ зловоніемъ.

Рыбныя ватаги, впрочемъ, въ настоящее время очень измѣнили свой характеръ. Теперь это цѣлые городки изъ красивыхъ зданій, съ деревьями вокругъ, для храненія же рыбы устроены громадные ледники или погреба, напоминающіе, по наружности, склады пива на петербургскихъ пивоваренныхъ заводахъ. Рыбный промыселъ очень возросъ со введеніемъ свободнаго лова и развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, а на устройство заводовъ затрачены весьма значительные капиталы рыбопромышленниками. Но если рыбопромышленники богатѣютъ и число ватагъ увеличивается, то уѣздные города Астраханской губерніи — Черный Яръ, Царевъ и др. — постоянно падаютъ и замѣтно бѣднѣютъ. Причина тому лежитъ какъ въ ихъ неудачномъ географическомъ положеніи, несоотвѣтствующемъ современному торговому движенію, такъ особенно въ томъ, что главное занятіе жителей — торговля съ кочевниками, уменьшается отъ постепеннаго обѣдненія и вымираніи калмыковъ.

Изъ всѣхъ полудикихъ народовъ, населяющихъ Россію, калмыки— одинъ изъ самыхъ несчастныхъ. Ихъ собственная аристократія, плутоватая торговля сосѣдей и болѣе всего оспа уничтожаютъ мало по малу этотъ народъ. Злѣе всѣхъ дѣйствуетъ оспа. Калмыки имѣютъ передъ

нею суевѣрный страхъ: больнаго оспою бросаютъ безъ жалости въ степи прежде оставляли при немъ деньги, но, замѣтивъ, что подбирались только деньги, а не больные, стали бросать послѣднихъ безъ денегъ. Говорятъ, что слово «оспа» производитъ такое впечатлѣніе на калмыка, что онъ, заслышавъ его, внезапно можетъ заболѣть и умереть. Чтобъ разогнать въ такомъ случаѣ грустное настроеніе калмыка и заставить его чѣмъ-нибудь «развлечься», товарищи его начинаютъ колотить изо всѣхъ силъ нагайками. Средство это, какъ извѣстно, испробовано было съ успѣхомъ русскими поморами, на Шпицбергенѣ, отъ цынги и, должно быть, дѣйствуетъ цѣлительно подъ всѣми широтами.

Жизнь калмыка есть безпрерывное истязаніе нагайками судьбы, и нѣтъ человѣка болѣе покорнаго своей участи. Калмыкъ довольно честенъ и если не любитъ работать, то не столько изъ лѣнности, сколько изъ философіи, которая заставляетъ его видѣть въ трудѣ не цѣль, а только средство. Впрочемъ, чѣмъ, строго говоря, отличается эта философія отъ знаменитаго изреченія Гизо въ Палатѣ Депутатовъ, «le travail est un frein»? Злѣйшимъ врагомъ калмыковъ, послѣ оспы, являются тѣ же калмыки, прихватившіе кое-что изъ русской цивилизаціи и употребляющіе свои таланты на эксплуатацію соплеменниковъ. Въ послѣднее время принято правительствомъ не мало мѣръ для улучшенія положенія калмыцкаго народа, но едва-ли неслишкомъ поздно; покрайней мѣрѣ статистическія данныя несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что калмыки вымираютъ довольно быстро. Часть калмыковъ обратилась въ христіанство, и приписано къ Астраханскому казачьему войску, которое, безъ сомнѣнія, составляетъ самую некрасивую часть русскаго воинства. Только въ одной станицѣ, гдѣ живутъ потомки древнихъ московскихъ стрѣльцевъ, великорусскій типъ сохранился во всей чистотѣ. Вообще въ Астраханской губерніи встрѣчается множество «калмыковатыхъ» (мѣстное названіе) лицъ, что мѣстныя бабы объясняютъ наивно испугами отъ встрѣчи съ калмыками на прогулкахъ во время беременности!

Видъ Астрахани нисколько не измѣнился за пять лѣтъ, что я ея не видѣлъ. Варваціевскій каналъ въ такомъ же запущеніи; въ городѣ почти не видно новыхъ построекъ, старыя же мало по малу приходятъ въ разрушеніе; такъ, стѣны Кремля разбираются и замѣняются какими-то уродливыми казенными постройками, передъ которыми даже самодѣльная архитектура наша XVI вѣка—верхъ изящества. Неужели мало въ Астрахани пустырей для того, чтобъ изъ-за какой-нибудь ничтожной постройки разрушать немногіе остатки старины? Астрахань—городъ не-

сомнѣнно восточный; однихъ армянъ здѣсь живетъ болѣе четырехъ тысячъ; кромѣ того, на каждомъ шагу встрѣчаются персы, татары, калмыки, букеевскіе киргизы, хивинцы, горцы, попадаются и индусы, афганцы и трухмены; между тѣмъ постройки города не приспособлены не только къ характеру восточной жизни, но даже къ климатическимъ условіямъ. Весь городъ выстроенъ въ самомъ убійственномъ, старо-казарменномъ стилѣ; все криво, косо и безвкусно. Даже великолѣпный соборъ — эта живая исторія Астрахани, одинъ изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ русскаго искусства, испорченъ мизерною колокольнею, пристроенною къ нему въ томъ же казарменномъ стилѣ. Всѣ зданія, окружающій соборъ — архіерейскій домъ, госпиталь, зданія военнаго вѣдомства — все это производитъ самое плачевное впечатлѣніе.

Сады Астрахани, о разведеніи которыхъ такъ усердно заботился великій Преобразователь Россіи, также находятся въ печальномъ положеніи. Этому способствуетъ отчасти и измѣненіе климата, который постоянно ухудшается въ томъ смыслѣ, что зима дѣлается въ Астрахани суровѣе и продолжительнѣе. Но если астраханскіе сады потеряли свое прежнее назначеніе — служитъ источникомъ для распространенія въ краѣ садоводства и производства вина, то получили новый характеръ, способствующій потребленію вина: въ нихъ устраиваются, сообразно современной модѣ, кафе-шантаны. При мнѣ процвѣтала въ этихъ садахъ, далеко не похожихъ на Армидины, оперетка, распѣвала г-жа Корбіель и разсказывалъ свои народныя сцены И. Ѳ. Горбуновъ.

II.

Астрахань.—Устья Волги.—Течь.—Пароходъ «Великій Князь Михаилъ»—Петровскъ.—Дербентъ.—Приходъ въ Баку.

Астрахань—городъ демократическихъ нравовъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно побывать въ коммерческомъ саду Гавеловскаго, около клуба. Единственный вечеръ, бывшій въ моемъ распоряженіи въ Астрахани, я провелъ въ этомъ саду. Садъ, дорога къ которому ведетъ по непроходимымъ лужамъ грязи, гдѣ легко можетъ утонуть семилѣтній ребенокъ, состоитъ изъ виноградныхъ лозъ и нѣсколькихъ фруктовыхъ деревьевъ, недающихъ тѣни, но служащихъ лѣтомъ притономъ гусеницъ. Воксалъ очень обширный, съ огромнымъ буфетомъ; оркестръ музыки изъ Вѣны; русскій театръ, съ довольно-разнообразною труппою, исполняющею и «Жизнь за Царя» Глинки, и «Разбойниковъ» Шиллера, и «Синюю Бороду» Оффенбаха, и пьесы князя Кугушева: однимъ словомъ, чего хочешь, того просишь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что провинціальная сцена сдѣлала въ Россіи огромные успѣхи, въ особенности въ послѣднія десять лѣтъ. Въ прежнее время провинціальная труппа неизмѣнно состояла изъ одного ревущаго трагика, вѣчно-пьянаго комика, беззубой jeune-première, лѣтъ сорока, и перваго любовника, въ засаленномъ, фракѣ съ черезъ чуръ короткими рукавами. Теперь все это обратилось въ область преданій. Въ каждомъ почти губернскомъ городѣ можно найти труппу съ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ ансамблемъ; комическія пѣвицы одѣваются со вкусомъ и бойко канканируютъ; первые любовники шьютъ панталоны у Шармера и «въ видѣ опыта» пожираютъ сердца драматическихъ актрисъ; ingeunes имѣютъ приличныя манеры и нисколько не напоминаютъ жеманящихся

горничныхъ, и т. д.; все это хотя бы и въ столицу. Астраханскій театръ, очень удовлетворительный, не является исключеніемъ.

Гораздо интереснѣе, впрочемъ, въ театрѣ и въ саду была публика. Рядомъ съ чопорно-одѣтыми чиновницами и купчихами, утрирующими петербургскія моды, сидятъ простые персіяне съ выкрашенными красною краскою ногтями и пятками, пьютъ чай и притворяются, что слушаютъ вальсы съ видомъ коровы, любующейся проходящимъ поѣздомъ желѣзной дороги. Публика вообще поразительно разношерстная, передъ которою молодцовскій клубъ въ Петербургѣ—сливки сенъ-жерменскаго предмѣстія. Все это, однако, держитъ себя довольно чинно, хотя и «прикладывается» неустанно у буфета. Особенно много армянскихъ физіономій. Молодежь гайканскаго народа въ новенькихъ цилиндрахъ, жаждущая хурды-мурды, т. е. приданаго, строитъ куры дѣвицамъ съ красивыми черными глазами, но съ черезъ-чуръ длинными носами: это армянская аристократія. Буржуазія держитъ себя проще: сидитъ человѣкъ по двѣнадцати въ маленькой ложѣ; дамы курятъ во время представленія; много дѣтей и нѣтъ почти пожилыхъ—тѣ вѣроятно сидятъ дома и считаютъ деньги. Въ картѣ ресторана нарочно прописанъ рядъ армянскихъ національныхъ блюдъ, какихъ-то шишъ-кебавъ, юли-кебавъ, стрелядь-кебавъ и т. д., все кебавъ, что, полагать должно, означаетъ чеснокъ, потому что всѣ армянскія блюда, да и не одни блюда, даже армянскія красавицы, сильно пахнутъ чеснокомъ. Какъ въ городѣ исключительно торговомъ, въ Астрахани всѣ умы направлены въ одну сторону, какъ бы оплести ближняго; сообразно съ этимъ ведутся и разговоры. При мнѣ астраханцы продолжали заниматься пересудами о весьма неожиданномъ банкротствѣ Сапожниковыхъ, весьма старинной въ Астрахани торговой фирмы, возбудившемъ самыя странныя предположенія и разорившемъ много семействъ, ввѣрившихъ фирмѣ свои капиталы.

Въ 9 часовъ утра двинулся я въ непривѣтливый Каспій на баржѣ «Арагва», буксируемой пароходомъ «Державинъ». Такимъ образомъ должны мы были съ вечера пробраться черезъ мелководное устье Волги, на 140 верстъ отъ Астрахани, до глубины въ 9 футовъ, гдѣ насъ ждалъ пароходъ «Великій Князь Михаилъ», совершающій рейсы по каспійскимъ портамъ западнаго и южнаго берега. Волга, какъ извѣстно, имѣетъ огромный недостатокъ: она раздѣляется въ устьѣ на множество мелководныхъ протоковъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ лѣтомъ болѣе 3 футовъ воды. Вслѣдствіе того водяной путь изъ моря прерывается весьма некстати и требуется перегрузка для всѣхъ паро-

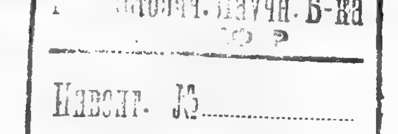
ходовъ и пассажировъ, идущихъ въ Каспійское море или обратно. Неудобству этому, свойственному большинству нашихъ рѣкъ, хотя ни одна не страдаетъ имъ такъ, какъ Волга, давно старались помочь наши инженеры путей сообщенія, но до-сихъ-поръ крайне неудачно. Болѣе трехъ милліоновъ рублей затрачено на загражденіе нѣкоторыхъ протоковъ для устройства фарватера въ рукавѣ Камызякѣ, и совершенно напрасно; повидимому, подобный проектъ равнялся желанію удержать воду въ рѣшетѣ. Вмѣсто закрытыхъ протоковъ Волга легко промывала себѣ новые въ легкой, песчанно-глинистой почвѣ устьевъ. Въ настоящее время предложенъ новый проектъ исправленія главнаго рукава Волги; исполненный съ толкомъ, подобный проектъ пособитъ нѣсколько судоходству, хотя, конечно, и онъ не дастъ возможности морскимъ судамъ безъ перегрузки слѣдовать въ Астрахань. Недавно гг. Яницкій и Шавровъ, сравнивая прежнія морскія карты Каспійскаго моря съ новыми, нашли, что берегъ у устьевъ Волги наростаетъ отъ наносовъ, приносимыхъ рѣкою съ быстротою чрезвычайною; потому всякое исправленіе устьевъ уже лѣтъ черезъ десять будетъ уничтожено и придется безпрерывно выдвигать работы впередъ въ море. Исходя изъ этой мысли, они пришли къ заключенію, что гораздо практичнѣе и дешевле устроить морской каналъ, въ обходъ устьевъ Волги, изъ Астрахани къ Серебряковской пристани; подобный каналъ въ мягкомъ песчаномъ грунтѣ не долженъ стоить дороже 5 милліоновъ рублей. Къ сожалѣнію, и этотъ проектъ едва-ли принесетъ ту пользу, которой отъ него ожидаютъ. По крайней мѣрѣ всѣ моряки безусловно осуждаютъ выборъ Серебряковской пристани и доказываютъ, что и теперь въ Астрахань попасть съ моря гораздо легче, чѣмъ къ Серебряковской пристани, которая лежитъ у высохшихъ устьевъ Кумы; слѣдовательно, не стоитъ и проводитъ канала для соединенія двухъ одинаково неудобныхъ пунктовъ...

Судьба видимо не благопріятствовала моему путешествію. Проѣхавъ главный рукавъ Волги и выйдя въ море на такъ называемую Розсыпь, мы испытали маленькое несчастіе. Налетѣлъ шквалъ съ проливнымъ дождемъ; баржа наша была отнесена къ мели; отъ напора лопнулъ буксиръ; баржу понесло водою и нанесло на буекъ, указывающій фарватеръ, причемъ якоремъ буйка проломило дно баржи. Поднялась тревога; дыру отыскали, ощупывая босою ногою, и заткнули кошмою съ саломъ, начали отливать воду ведрами, но ничего не помогало, такъ какъ помпа была испорчена; вода прибывала въ трюмѣ и была выше пояса. Въ водѣ, какъ анчоусы въ банкѣ масла, плавалъ пассажирскій багажъ.

Можно себѣ представить отчаяніе дамъ, у которыхъ были тамъ шелковыя и другіе наряды; напрасно утѣшалъ я ихъ, что полинялые цвѣта теперь въ модѣ. При этой оказіи интересно было наблюдать различное дѣйствіе опасности на разныхъ людей: матросы и нѣсколько пассажировъ 3-го класса работали какъ волы; пассажиры первыхъ двухъ классовъ вели длинныя разсужденія о томъ, какъ это все непріятно, подавали совѣты, но никто не пошевельнулъ пальцемъ; дамы падали въ обморокъ исключительно на руки молодыхъ людей; часть пассажировъ третьяго класса пѣла и танцовала подъ гармонику; горцы и др. восточные люди лежали съ апатическимъ видомъ. Они знали, что жизнь не въ опасности, а объ имуществѣ ближняго большинство безпокоились очень мало. Сколько, однако, воду ни отливали, но она все прибывала, и ничего не оставалось, какъ тащиться на буксирѣ до Бирючьей косы, чтобъ тамъ найти помощь.

Бирючья коса служитъ теперь пристанью для пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій», идущихъ къ Серебряковской пристани. Тутъ стоитъ брандвахта, а прежде помѣщалась таможня, переведенная на такъ называемый 9-й футъ.

Бирючья коса служитъ также центромъ дѣйствій рыболовной полиціи. Вдали видны поселеніе и маленькая церковь. До берега, впрочемъ, баржа не доходила. Мы взяли только съ пристани рабочихъ для откачки воды и слесарей съ буксирнаго парохода, и послали телеграмму въ Астрахань о случившемся; люди эти работали усердно и, стоя иногда по поясъ въ водѣ, за ночь откачали воду, чему способствовалъ подведенный подъ баржу парусъ. Утромъ, часамъ къ восьми, мы были уже на 12 футѣ, гдѣ, впрочемъ, вслѣдствіе западнаго вѣтра, согнало воду до 10½ футовъ. Тамъ ждалъ насъ «Михаилъ». Перегрузка продолжалась часовъ семь. За-границею никто не повѣритъ, чтобы почтовый пароходъ терялъ столько времени. И вся эта остановка была изъза перегрузки какихъ-нибудь 5 тысячъ пудовъ груза, которые, при небольшихъ механическихъ приспособленіяхъ, могли быть перегружены въ часъ. Но общество «Кавказъ и Меркурій», являющееся на Каспійскомъ морѣ монополистомъ и не связанное съ правительствомъ обстоятельнымъ контрактомъ, очень мало заботится объ интересахъ пассажировъ, расчитывая, что послѣдніе продолжаютъ въ Россіи переводить американскую поговорку—«время деньги» другою,—болѣе подходящею къ славянской натурѣ: «дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ». Вся операція перегрузки совершается руками нѣсколькихъ матросовъ.

Пока мы стояли и перегружались, подошелъ пароходъ «Князь Барятинскій», возвращавшійся изъ Россіи въ Персію; «Князь Барятинскій» и «Великій Князь Константинъ» — два лучшихъ компанейскихъ парохода на Каспійскомъ морѣ; въ строгомъ смыслѣ слова, ихъ только и можно назвать почтовыми пароходами, такъ какъ остальныя суда общества «Кавказъ и Меркурій» — обыкновенныя грузовыя шкуны, плохо приспособленныя для перевозки пассажировъ. «Константинъ» дважды возилъ персидскаго шаха. Въ послѣднее путешествіе случился казусъ, хорошо характеризующій персидскіе придворные нравы. Когда пароходъ пришелъ къ Энзели, гдѣ шаху слѣдовало высаживаться на берегъ для возвращенія въ Тегеранъ, оказалось, что волненіе не позволяло подойти къ берегу. Пришлось бросить два якоря и на парахъ съ трудомъ держаться двое сутокъ въ виду берега. Шахъ чрезвычайно страдалъ морскою болѣзнью и предлагалъ капитану награду, если онъ поскорѣе высадитъ его на твердую землю. Награда состояла, однако, въ томъ, что шахъ кому слѣдуетъ «напишетъ, чтобъ капитана наградили». Понятное дѣло, что это обѣщаніе журавля въ небѣ бури не успокоило. Когда же вѣтеръ стихъ, пароходъ началъ поднимать якоря, на что понадобилось не мало времени. Шахъ очень торопилъ и, видя, что дѣло подвигается медленно, закричалъ: «вѣроятно, у васъ мало людей, вотъ возьмите всѣхъ этихъ», т. е. министровъ и придворныхъ; такимъ образомъ, только первый министръ, сказавшійся больнымъ, избавился отъ чести работать на брашпилѣ рядомъ съ нашими матросиками...

«Великій Князь Михаилъ», на которомъ мнѣ пришлось ѣхать въ Баку, — очень длинная и узкая шкуна, крайне неустойчивая на волнахъ. Самая легкая зыбь заставляетъ ее прыгать, какъ пробку. Качка эта очень мучительна. Капитанъ парохода, лихой морякъ, утѣшаетъ пассажировъ тѣмъ, что хотя «Михаилъ» качаетъ сильнѣе другихъ пароходовъ, но зато качка эта будто бы какая-то ровная. Плохое утѣшеніе! «Михаилъ» считается на Каспійскомъ морѣ первымъ ходокомъ, хотя даже въ тихую погоду скорость его не превосходитъ 9 миль въ часъ, т. е. довольно посредственна. Во всякомъ случаѣ скорость эта далеко не выкупаетъ мученія, испытываемаго отъ плаванія точно въ пустомъ боченкѣ. Пароходъ имѣетъ и другія неудобства: сильное дрожаніе винта мѣшаетъ спать пассажирамъ 1-го класса, кромѣ того, постели устроены въ той же каютѣ, гдѣ столовая, что весьма непріятно, когда много больныхъ. На такомъ скверномъ суденышкѣ судьба обрекла меня болтаться въ теченіе трехъ сутокъ. Къ счастію, западный вѣтеръ хотя и

дулъ въ первый день довольно сильно, но, идя отъ берега, не могъ развести волненія и дѣло ограничилось легкою зыбью. Пассажирокъ всетаки укачало, а также одного слабонервнаго артиллериста. Болѣе всего боялся качки одинъ московскій протопопъ; наслушавшись моихъ разсказовъ объ ужасахъ морской болѣзни, онъ думалъ было даже съ Бирючьей Косы ѣхать въ Дербентъ на почтовыхъ, но потомъ публично каялся въ своемъ преувеличенномъ страхѣ; обыкновенное же послѣдствіе морскаго плаванія—удвоеніе аппетита—ему даже очень понравилось.

Наши пассажиры вообще ѣли съ какимъ-то ожесточеніемъ, чему способствовало соображеніе, что вотъ-вотъ перемѣнится вѣтеръ, начнетъ сильно качать—и придется нѣсколько дней сидѣть не ѣвши. Въ ожиданіи этого момента, который однако, не наступилъ, мы исправно утромъ пили чай, въ 11 часовъ завтракали тремя блюдами, въ 3 часа обѣдали пятью, въ 7 часовъ снова пили чай, а въ 9 садились за ужинъ изъ трехъ блюдъ. Каждый пріемъ пищи сопровождался, по русскому обычаю, закусками, выборъ которыхъ былъ не малъ, ибо мы находились на Каспійскомъ морѣ, гдѣ икра, балыки и прочіе соленые продукты дешевы. Такъ прошло все время нашего морскаго путешествія, невозмущаемое ничѣмъ ни особенно пріятнымъ, ни непріятнымъ. Маленькимъ разнообразіемъ служили только посѣщенія противъ: Петровска и Дербента, гдѣ мы стояли очень недолго, такъ какъ изъ-за течи опоздали значительно противъ росписанія.

Въ Петровскъ «Михаилъ» пришелъ на разсвѣтѣ и не стоило потому съѣзжать на берегъ. Сколько я могъ судить по наружному осмотру, за пять лѣтъ, что я въ немъ не былъ, Петровскъ увеличился очень мало, а въ портѣ его не стояло ни одного судна. Петровскъ имѣлъ нѣкогда важное значеніе по снабженію нашей, прежде многочисленной кавказской арміи провіантомъ съ Волги. Теперь это значеніе очень уменьшилось, новаго же, торговаго положенія Петровскъ все еще не пріобрѣлъ, не смотря на постройку порта, единственнаго искусственнаго гидротехническаго сооруженія во всемъ Каспійскомъ морѣ. Поднять Петровскъ могутъ двѣ вещи—переводъ въ него управленія Дагестанской области изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, о чемъ поговаривали одно время, и еще болѣе—сооруженіе вѣтви желѣзной дороги изъ Петровска къ Владикавказу, по Тереку или по Сунжѣ. Въ послѣднемъ случаѣ Петровску предстоитъ блистательная будущность, и онъ, занимая центральное положеніе относительно торговли съ Закавказьемъ, Персіей и Средней Азіей, подорветъ тогда торговое значеніе не только Астрахани, но и

Царицына. Бакинская нефть, персидскій и хивинскій хлопокъ, марена, сальянская рыба, сухіе фрукты и другіе товары, вмѣсто того, чтобы съ трудомъ переходить чрезъ мелководныя устья Волги, направятся уже прямо по желѣзной дорогѣ черезъ Петровскъ, Владикавказъ и Ростовъ-на-Дону, къ Москвѣ. Подобное значеніе Петровска предчувствовалось когда ассигновывались значительныя средства для постройки въ немъ порта.

Сооруженіе послѣдняго г. Фалькенгагеномъ обошлось относительно недорого, но въ проектѣ, очевидно, вкрались ошибки, потому что не прошло еще четырехъ лѣтъ послѣ окончанія работъ, какъ портъ обмелѣлъ уже настолько, что къ моламъ нельзя приставать; еще хуже то, что параллельно южному молу насыпало длинную мель, совершенно заграждающую входъ въ портъ, попадать въ который можно только держась вплоть сѣвернаго мола; новая мель не обставлена даже порядочно вѣхами. Видъ имѣетъ Петровскъ довольно казенный; всѣ дома его выбѣлены и однообразной архитектуры; впрочемъ съ моря, съ южной стороны, видъ города, съ господствующимъ надъ нимъ маякомъ, укрѣпленіемъ и покрытымъ зеленью высокимъ хребтомъ горъ на заднемъ планѣ, недуренъ.

Тотъ же характеръ мѣстности имѣетъ берегъ отъ Петровска до Дербента. Виднѣющаяся тутъ цѣпь Табассаранскихъ горъ покрыта растительностью, и только впереди, у моря, тянется низменный песчаный берегъ, по которому проектирована Петровско-бакинская желѣзная дорога, которая можетъ послужить современемъ звеномъ для кратчайшаго соединенія Европы съ Персіей и Остъ-Индіей. Во время плаванія, меня интересовали на нашемъ пароходѣ двѣ вещи: отопленіе вмѣсто каменнаго угля, нефтяными остатками, и экипажъ, состоявшій исключительно изъ бакинскихъ персовъ. Паровые котлы нагрѣваются нефтяными остатками, пульверизируемыми вдуваніемъ водянаго пара, по системѣ механика общества «Кавказъ и Меркурій», г. Ленца. Система эта очень опрятна, не даетъ почти дыма и искръ, нѣтъ золы и требуется немного кочегаровъ. По словамъ капитана, отопленіе нефтяными остатками въ девять разъ выгоднѣе существовавшаго прежде отопленія антрацитомъ. Относительно персовъ я узналъ, что они матросы смышленые, ловкіе и трудолюбивые, но во время большой опасности довольно трусливые, и дѣло не обходится безъ палки. Руки для этого у помощника капитана, остзейскаго шкипера, казались, по выраженію капитана Копѣйкина, «самимъ Богомъ устроены», напоминая скорѣе обломки какихъ-то гигантскихъ статуй.

Каспійское море чрезвычайно пустынно: до Дербента мы не встрѣтили ни одного судна. Отъ Петровска подулъ попутный вѣтеръ, поставили паруса—и «Михаилъ» пошелъ очень скоро. Пассажиры весело гуляли по палубѣ, а нѣкоторые изъ нихъ выучились уже плевать «по вѣтру», что считается, какъ извѣстно, первымъ элементомъ морскаго образованія. Даже дамы вышли изъ каютъ, чтобъ расправить нѣсколько на чистомъ воздухѣ свои измятыя физіономіи. Такимъ образомъ къ обѣду увидѣли мы Дербентскую гору, своею странною формою напоминающую нѣсколько Аюдагъ въ Крыму, а затѣмъ и самый Дербентъ, расположенный въ высшей степени оригинально, на склонѣ горы въ лощинѣ очень узкой полосою.

На верху сохраняется въ цѣлости родъ старинной цитадели, въ которой помѣщены разныя строенія военнаго вѣдомства; отъ цитадели, внизъ по скату горы, съ двухъ сторонъ, идутъ стѣны бывшей нѣкогда персидской крѣпости, взятой Петромъ Великимъ; стѣны эти теперь отчасти разрушены. Весь городъ выстроенъ изъ желто-сѣраго известняка-ракушника, изъ котораго построены почти всѣ города южной Россіи, и имѣлъ бы печальный видъ, еслибы гробообразныя зданія туземцевъ не перемѣшивались съ бѣлыми казенными постройками, церквами и даже фабриками болѣе новой постройки, и вся группа зданій не выдавалась рельефно на зеленѣющемъ склонѣ высокой горы; съ моря видны также сады, которыхъ особенно много по берегу. Издали городъ кажется расположеннымъ на крутомъ обрывѣ; но это относится только до персидской части города; русская же часть находится на довольно пологой покатости къ морю, и экипажи свободно разъѣзжаютъ по ея улицамъ.

Несмотря на свою незначительность, Дербентъ, какъ и другіе кавказскіе города, имѣетъ очень порядочныхъ извощиковъ; но за то у него нѣтъ порта и суда стоятъ на совершенно открытомъ рейдѣ. Сообщеніе съ городомъ очень часто невозможно въ свѣжую погоду. Море тутъ очень глубоко у самаго берега и устройство порта обошлось бы недешево. Вотъ причина, почему до-сихъ-поръ ничего не сдѣлано, несмотря на вывозную торговлю въ нѣсколько милліоновъ рублей, которую ведетъ Дербентъ. Къ несчастію, торговлѣ этой угрожаетъ уже нѣсколько лѣтъ весьма опасный кризисъ, такъ какъ главный продуктъ дербентской торговли—марена,—не находитъ себѣ покупателей иначе, какъ въ явный убытокъ для производителей. Причина кризиса—измѣненіе моды и новыя открытія. Когда были въ ходу гарансиновыя краски, одиннадцать тысячъ жителей Дербента съ выгодою занимались мареноводствомъ; въ поле-

выхъ работахъ имъ помогали около сорока тысячъ лезгинъ изъ южнаго Дагестана. Но въ послѣднее время изобрѣтенъ ализаринъ, искусственный крапъ, приготовляемый изъ антрацена, получаемаго изъ каменноугольнаго дегтя; марена остается безъ требованія, и на Нижегородской ярмаркѣ за нее не даютъ и полцѣны. Такимъ образомъ, отчасти прихоть дамъ, но болѣе всего успѣхи химіи сдѣлались невольною причиною обнищанія цѣлаго населенія лезгинъ и персіанъ. Пособить горю очень трудно, и дѣло тѣмъ непріятнѣе, что для разведенія марены затрачены большіе капиталы на длинные сроки, такъ какъ марена даетъ доходъ только спустя восемь лѣтъ послѣ посѣва. При мнѣ Дербенту угрожало еще новое бѣдствіе — неурожай въ Дагестанѣ. Хлѣба, положимъ изъ Персіи, можно привезти по морю сколько угодно; но вопросъ въ томъ, чѣмъ заплатитъ за него полуразоренное населеніе. Матеріальное довольство было между тѣмъ главнѣйшею причиною успокоенія нѣкогда буйнаго лезгинскаго населенія, прогрессъ котораго видѣнъ уже изъ того, что на пароходѣ вмѣстѣ съ нами ѣхалъ изъ Казани первый студентъ университета изъ лезгинъ.

Воспользовавшись остановкою парохода, я съѣздилъ на берегъ посмотрѣть на городъ. Онъ содержится очень опрятно, вслѣдствіе, вѣроятно, того обстоятельства, что въ Дербентѣ изстари имѣется особый градоначальникъ. Въ полчаса я обошелъ и осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности города: хорошенькій городской садъ, полный цвѣтущей бѣлой акаціи и лезгинъ, съ длинными носами и еще болѣе длинными кинжалами; клубъ; домъ градоначальника; присутственныя мѣста; соборъ въ грузинскомъ стилѣ; домъ и складъ фирмы Малютиныхъ, въ Москвѣ, державшей нѣкогда всю торговлю мареною въ своей монопольной зависимости, и т. д. Утѣшительно, что новыя казенныя постройки возводятся со вкусомъ. Я успѣлъ даже сдѣлать визитъ начальнику мѣстной военно-медицинской части, у котораго пилъ замѣчательное бѣлое вино изъ дербентскихъ виноградниковъ Кочергина, вкусомъ очень напоминающее хорошій рейнвейнъ. Вина этого въ торговлѣ почти не встрѣчается, а вина, продаваемыя подъ именемъ дербентскихъ, репутаціей не пользуются. На берегу же я узналъ, что, не смотря на различныя административныя преобразованія, увеличивающія число мѣстъ, на Кавказѣ чувствуется избытокъ не только въ маренѣ, но и въ другомъ, болѣе цѣнномъ и подверженномъ порчѣ отъ времени «товарѣ». Въ старину Кавказъ служилъ удобнымъ мѣстомъ для сбыта всѣхъ засидѣвшихся дѣвицъ, особенно московскихъ; въ настоящее время не только

не встрѣчается необходимости въ привозныхъ невѣстахъ, но предпріимчивые родители помышляютъ о томъ, нельзя-ли направить излишекъ кавказскихъ барышень въ Россію, въ особенности въ тѣ мѣстности, гдѣ сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ открыло молодежи достаточныя средства для содержанія себя съ семействомъ. Заношу эту черту въ мою записную книжку, какъ матеріалъ для физіологіи кавказскаго общества.

Отъ Дербента до Баку переходъ довольно значителенъ—около восемнадцати часовъ. Пароходъ идетъ близко отъ берега и путь сначала живописенъ, видна даже снѣжная вершина Шагъ-Дага, одной изъ высочайшихъ точекъ кавказскихъ горъ (слишкомъ 14,000 ф. высоты). Мы шли, однако, ночью и ничего этого не видали; утромъ же открывается берегъ Бакинской губерніи, довольно низменный и безотрадный для глазъ. Ничего не видно, кромѣ песка и желтаго известняка. Только изрѣдка показываются слѣды человѣка: небольшія поселенія и зелень винограда и винныхъ ягодъ. Безводіе придаетъ этой мѣстности самый печальный видъ.

Около Апшеронскаго полуострова пароходъ круто поворачиваетъ на юго-востокъ и идетъ близко отъ берега. Тутъ показываются скалы, о которыя разбился казенный пароходъ «Куба», занимавшійся долго гидрографическимъ изслѣдованіемъ Каспійскаго моря и, казалось бы менѣе всѣхъ другихъ подверженный подобной печальной участи. Притомъ погибли многолѣтніе труды экспедиціи покойнаго Ивашинцева и много пришлось передѣлывать сызнова. Несчастія, впрочемъ, не проходятъ безслѣдно, и гибели «Кубы» каспійскіе мореходы обязаны устройствомъ прекраснаго маяка на Апшеронскомъ мысу. Въ проливѣ между Апшеронскимъ мысомъ и островомъ Святымъ, извѣстнымъ по устройству тамъ парафиноваго, нынѣ упраздненнаго, завода компаніи Витте, находится отличная якорная стоянка, одинъ изъ немногихъ пунктовъ спасенія для судовъ, во время штормовъ ужасныхъ на Каспійскомъ морѣ. Мы нашли тутъ около пятнадцати парусныхъ судовъ подъ самыми фантастическими флагами. Въ заграничныхъ водахъ суда подъ подобными флагами были бы, на основаніи международнаго права, взяты, какъ пираты, призами; но здѣсь, гдѣ мы господствуемъ безпредѣльно, подобное самодурство наказывается изрѣдка небольшими штрафами въ таможняхъ. Островъ Святой очень низменный и песчаный; на немъ нѣтъ воды и жизнь тамъ была, вѣроятно, не очень веселая для служащихъ на заводѣ. Парафинъ получался изъ нефтегиля (горнаго воска),

добываемаго на островѣ Челекенѣ, у Красноводскаго залива. Въ настоящее время, по приглашенію генерала Ломакина, новаго начальника Закаспійскаго военнаго отдѣла, промышленники снова бросились занимать на Челекенѣ мѣста, удобныя для добычи нефти, и тутъ вѣроятно возникнетъ вскорѣ сильный конкурентъ Баку по части нефтяной промышленности.

Обогнувъ Шахову косу, крайній пунктъ Апшеронскаго полуострова, «Михаилъ» направился, держась уже далеко отъ берега, прямо къ Баку, который закрытъ сначала съ моря островами. И, пройдя острова, городъ не видѣнъ еще очень ясно, такъ какъ въ маѣ въ полдень, при юго-восточномъ вѣтрѣ, въ воздухѣ носится родъ легкаго тумана, а желто-сѣрыя постройки города не довольно отчетливо рисуются на желто-сѣромъ же фонѣ окружающихъ горъ. Не смотря на безоблачное небо и 40° сѣверной широты, погода стояла довольно прохладная, совершенно необычайная здѣсь въ такое время года. Для меня это было конечно, очень кстати, обѣщая не слишкомъ мучительный переѣздъ въ экипажѣ отъ Баку до Тифлиса.

Вблизи Баку съ моря очень напоминаетъ Тріестъ, таже набережная вдоль залива, обстроенная домами изъ известняка, и городъ, расположенный амфитеатромъ; только въ Тріестѣ гораздо болѣе судовъ въ портѣ, и вдали видны зеленѣющія горы. Впрочемъ, и Баку довольно красивъ. Налѣво обширное адмиралтейство каспійской флотиліи, затѣмъ провалившійся недавно Баиловъ мысъ, и на верху кладбище; потомъ городъ съ Дѣвичьею башнею, названной такъ потому, что какая-то дѣвица въ старину бросилась съ нея въ море спасая свою невинность, случай, о которомъ до сихъ поръ вспоминаютъ въ Баку — вѣроятно по его необычайности. На берегу особымъ оживленіемъ отличается пристань общества «Кавказъ и Меркурій», которое имѣетъ тутъ мортоновъ элингъ для починки судовъ. Налѣво отъ города, верстахъ въ трехъ, расположенъ такъ-называемый «Черный городъ», т. е. скопленіе почти восьмидесяти керосиновыхъ заводовъ, изгнанныхъ въ 1873 году изъ города, вслѣдствіе копоти, производимой перегонкою нефти. Изгнанію не подвергся только заводъ всемогущаго откупщика Мирзоева. Разсказываютъ даже, что, вмѣсто перенесенія завода, сосѣдей его обязали подпиской выѣхать, въ случаѣ если бы ихъ пообезпокоилъ дымъ. Si non e vero e bene trovato! Надъ Чернымъ городомъ дымъ стоитъ постоянно столбомъ. Это столица русской Петроліи, съ которою я поближе ознакомлю читателей въ слѣдующей главѣ.

III.

Баку.—Гулянье.—Видъ города.—Персіянки. — Поѣздка въ Балаханы. — Сураханскій заводъ.—Вѣчные огни.—Нефтяная промышленность.

Баку—городъ быстро развивающіяся и мѣняющій свою физіономію. Въ 1866 году одинъ туристъ описалъ наружность этого города въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; не смотря на малый промежутокъ времени, очеркъ этотъ, вѣрный въ свое время, уже значительно отличается отъ дѣйствительности. Хотя Баку все еще далекъ отъ идеальнаго описанія, сдѣланнаго Дюма, даже на базарѣ нашедшаго вещи, «о которыхъ можно имѣть понятія только изъ *Тысячи и одной ночи*», но уже и теперь легко судить, чѣмъ будетъ Баку въ скоромъ времени. Самое скверное въ городѣ есть, и, конечно, останется навсегда—его климатъ Самое названіе Баку происходитъ отъ персидскаго слова, означающаго «мѣсто вѣтровъ». Дѣйствительно, нигдѣ не дуетъ такъ часто вѣтеръ, какъ въ Баку.

Особенно непріятенъ сѣверный вѣтеръ, дующій съ замѣчательною силою и поднимающій столбы ужасной пыли. Этотъ вѣтеръ является причиною, почему деревья не растутъ въ Баку, даже при поливкѣ, выше каменныхъ заборовъ. Зелени вообще въ городѣ очень мало; почти всѣ деревья на перечетъ. Больше всего ихъ въ такъ называемомъ Михайловскомъ саду, возлѣ дома губернатора. Этотъ садъ служитъ по вечерамъ любимымъ убѣжищемъ всего бакинскаго общества. Раза два въ недѣлю играетъ тутъ флотская музыка; тогда густая толпа тѣснится въ узенькихъ аллеяхъ сада, вымощенныхъ киромъ (доморощенный асфальтъ —затвердѣвшая нефть, пополамъ съ пескомъ или глиною) и вдыхаетъ quasi-чистый воздухъ набережной,

заставленной бочками съ керосиномъ и нефтяными остатками. Этотъ складъ служитъ пристанищемъ гдѣ бакинскія Юліи клянутся по вечерамъ мѣстнымъ Ромео въ любви. Въ настоящее время ассигновано 30,000 рублей на расширеніе сада на развалинахъ бывшей крѣпости: привозится съ горъ растительная земля и разсаживаются деревья. Долгое время, однако, въ этомъ саду будетъ болѣе асфальта, чѣмъ зелени, потому что деревья растутъ въ Баку съ поразительной медленностью.

По своей наружности, бакинское общесто не отличается ничѣмъ отъ обыкновеннаго общества всякаго русскаго города. Множество военныхъ и штатскихъ фуражекъ съ кокардами, и дамъ, одѣтыхъ хотя не съ большимъ вкусомъ, но навѣрное пропорціонально выше, чѣмъ дозволяетъ это скромный бюджетъ ихъ мужей. Красивыхъ лицъ въ Баку немного, чѣмъ этотъ городъ отличается отъ многихъ городовъ Закавказья, издавна славящагося красотою своихъ женщинъ, служившихъ цѣлые вѣча выгоднымъ предметомъ торговли на всемъ Востокѣ. Въ Баку встрѣкаются, впрочемъ, въ низшемъ классѣ персіянки, которыхъ, по нашимъ понятіямъ, можно бы назвать красавицами, съ правильными чертами лица, большими глазами, оживленіе которыхъ усилено еще подкраскою рѣсницъ и кончиковъ вѣкъ, съ отличнымъ цвѣтомъ лица. Но красота ихъ ограничивается лицомъ. Въ тринадцать или четырнадцать лѣтъ персіянки еще сохраняютъ миловидность и грацію, но въ двадцать замѣчательно толстѣютъ отъ сидячей и затворнической жизни. Костюмъ этихъ женщинъ, довольно оргинальный, идетъ къ ихъ своеобразной красотѣ, и, главное, способствуетъ скрытію ихъ главнаго недостатка—толщины: онъ состоитъ изъ черной, довольно короткой юбки и изъ черной же кофты, спускающейся немного ниже пояса. Рубашки ни малѣйшаго признака; она замѣняется двумя крестообразными ремнями, поддерживающими какія-то амулеты. Маленькіе толстые чулки до щиколокъ и жесткія туфли, доходящія до половины пятокъ дополняютъ ихъ костюмъ. За то на голову персіянки надѣваютъ очень много; сначала красное покрывало, съ золотымъ краемъ, очень идущее къ ихъ чернымъ, какъ смоль, волосамъ; затѣмъ бумажный платокъ, который завязываютъ на головѣ, какъ наши малороссійскія бабы, и наконецъ легкое покрывало, длиною до пятъ, которымъ закрывается лицо при встрѣчѣ съ прохожими. Замѣчено, что покрывало сжимается крѣпче, когда оно скрываетъ старую или сморщенную физіономію, чѣмъ когда подъ нимъ находится свѣжее и молодое личико. Вообще персы

не такъ суровы на счетъ кокетства своихъ женъ, какъ турки и арабы, и приближаются къ нашимъ татарамъ.

Кромѣ Михайловскаго сада, небольшой скверъ разведенъ еще на Циціановской площади, гдѣ находится памятникъ храброму генералу, князю Циціанову, измѣнически убитому при осадѣ бакинской крѣпости. Циціановъ — одинъ изъ самыхъ блестящихъ и свѣтлыхъ дѣятелей Кавказа — достоинъ бы былъ и лучшаго монумента; но замѣчательно, что этотъ памятникъ поставленъ иждивеніемъ частнаго лица — армянина Айвазова, который хотѣлъ выразить, вѣроятно, благодарность за освобожденіе его соплеменниковъ изъ подъ ига персовъ, обращавшихся съ армянами очень дурно. Армяне вообще были въ страшномъ угнетеніи на Кавказѣ до водворенія тамъ русскаго владычества; за то теперь они оправились и заняли почти господствующее положеніе, поработивъ экономически весь край. Политическая эмансипація содѣйствовала и умственному ихъ развитію. Армяне знаютъ, чѣмъ они обязаны русскимъ, и умѣютъ это цѣнить. Когда, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во время польскаго возстанія, и у армянъ началось вѣчто въ родѣ политическаго броженія, и былъ отъисканъ даже за-границею какой-то армянскій царевичъ Леонъ, старый нынѣ умершій армянинъ, Арцруни занимавшій почетное мѣсто въ тифлисскомъ обществѣ, собралъ, какъ говорятъ, старшинъ и держалъ имъ рѣчь такого рода, что всякое движеніе противъ русскихъ — безуміе, потому что нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ подряды и заготовленія были бы такъ выгодны, какъ въ Россіи. Это убѣдительное краснорѣчіе подѣйствовало мгновенно. Пахъ, пахъ, пахъ! отвѣчали восторженно армяне, и мечты о Великой Арменіи, съ границами отъ Босфора до Персидскаго залива и Нахиченани-на-Дону, остались развѣ у школьниковъ. Даже сыновей своихъ армянскіе ростовщики перестали крестить теперь Наполеонами.

За исключеніемъ нѣсколькихъ новыхъ кварталовъ, Баку — городъ чисто восточный. Мнѣ онъ напомнилъ очень арабскіе кварталы Египта: даже одинаково характеристическое зловоніе по улицамъ. Персидскіе дома сложены кое какъ, изъ неправильно отесанныхъ камней; крыша плоская и смазана киромъ; очагъ покрытъ, вмѣсто трубы, какимъ-то усѣченнымъ конусомъ; внутри домовъ голыя стѣны, никакого хозяйства. Базаръ Баку, очень обширный, напоминаетъ всѣ восточные базары: множество микроскопическихъ лавчонокъ, гдѣ не только продаютъ, но и приготовляютъ разныя издѣлія — кузнечныя, мѣдныя, кожаныя, кондитерскія и т. д. Товаръ весь на лицо и покрытъ толстымъ слоемъ пыли.

Купецъ, сидя поджавъ ноги, занимаетъ часто всю лавку; вообще публика въ туземную лавку не входитъ и торгуется снаружи. Въ новомъ городѣ армяне устроили уже лавки на европейскій ладъ. Городъ этотъ имѣетъ одну характерную черту: пыльныя улицы его, вмѣсто воды, поливаются нефтяными остатками, которые теперь на бакинскихъ заводахъ не имѣютъ никакой цѣны. Смѣшиваясь съ пылью, остатки твердѣютъ и образуютъ родъ самодѣльнаго асфальта, что, кромѣ удобства для ѣзды экипажей, помогаетъ еще тѣмъ, что нефтяной запахъ уменьшаетъ въ городѣ количество мошки, очень мучащей жителей и противъ которой простодушные бакинцы не придумали даже устраивать надъ постелями мустикеровъ: или кисея дорога, или она съ большею выгодою можетъ идти на лѣтнія платья бакинскихъ дамъ. Мошкою ограничиваются въ настоящее время всѣ ужасы царства насѣкомыхъ въ Баку. По отзыву прежнихъ туристовъ, въ Баку нельзя было поднять одѣяла постели, чтобы не найти тамъ двухъ или трехъ мирно-дремлющихъ ядовитыхъ скорпіоновъ, нельзя было надѣть сапоги, чтобъ не вытряхнуть оттуда проворныхъ и очень ядовитыхъ фалангъ. Теперь бакинцы смѣются, когда имъ разсказываютъ о такихъ вещахъ. Скорпіоны и фаланги изгнаны цивилизаціею далеко за городъ.

Кромѣ мошки, въ Баку досаждаетъ соленая вода, что особенно непріятно для любителей чая и кофе. Остряки говорятъ, что бакинцы, уѣзжая въ Россію, по привычкѣ, прибавляютъ въ самоваръ немного соли. Въ другихъ отношеніяхъ это не такъ замѣтно, потому что бакинской водою, не хуже всякой другой, можно мыть руки, полы и экипажи; для питья же за обѣдомъ употребляется дешевое вино. При этомъ вкусы бакинцевъ раздѣляются: одни отдаютъ предпочтеніе винамъ дербентскимъ, болѣе крѣпкимъ, терпкимъ и поддѣланнымъ спиртомъ; другіе — винамъ матрассинскимъ, изъ окрестностей Шемахи, мягкимъ и пріятнымъ на вкусъ, но поддѣланнымъ черною бузиною и черникою. Я отдавалъ предпочтеніе матрассинскому вину, находя болѣе пріятнымъ глотать во время жаровъ невинную бузину, чѣмъ коварный спиртъ. Кстати замѣчу еще, что кухня въ Баку очень посредственная: морской рыбы не видать, мѣстная баранина очень плоха; вкусенъ только джеранъ (горная серна). Тутъ, впрочемъ, и не можетъ процвѣтать кулинарное искусство, потому что русское общество въ Баку не богато, а туземцамъ ничего не нужно, кромѣ баранины съ рисомъ и легкаго вина, по возможности въ большомъ количествѣ. Плоха въ Баку не одна кухня. Жизнь вообще неудобна: квартиры дороги и не приспособлены къ кли-

мату, сливокъ нѣтъ, почта крайне неисправна: 30-го мая я читалъ въ Баку петербургскія газеты отъ 12-го мая, а тифлисскія отъ 15-го мая, между тѣмъ до Петербурга семь сутокъ ѣзды, а до Тифлиса—трое.

До сихъ поръ я ничего еще не говорилъ о нефти, а быть въ Баку и не обратить вниманія на нефть,—это труднѣе, чѣмъ въ Римѣ не видать папы. Тутъ положительно и дамы, и дѣти только и говорятъ, что о нефти. На нефть всѣ возлагаютъ въ Баку свои упованія, въ надеждѣ разжиться; нефтью же угощаютъ пріѣзжающихъ высокопоставленныхъ лицъ. Послѣднее требуетъ нѣкотораго поясненія. Такъ какъ нефтяные остатки ничего не стоютъ, кромѣ того нефть вытекаетъ во многихъ мѣстахъ въ окрестностяхъ города, и даже плаваетъ по морю, то, принимая кого-либо съ торжествомъ, бакинцы зажигаютъ дешевую и великолѣпную иллюминацію, о которой нигдѣ и понятія не имѣютъ, потому что горитъ даже поверхность моря. Иллюминація эта, однако, производитъ такой нестерпимый чадъ, что чествуемая особа скоро проситъ поуменьшить нѣсколько усердіе въ истребленіи горючихъ матеріаловъ.

Чтобы ознакомиться съ бакинскою нефтяною промышленностью, необходимо посѣтить въ окрестностяхъ города по крайней мѣрѣ три мѣста: Балаханскую возвышенность, гдѣ добывается значительнѣйшее количество сырой нефти, Сураханскіе вѣчные огни, на которыхъ построены два огромныхъ завода закаспійскаго торговаго товарищества и Мирзоева, и «Черный городъ», т. е. средоточіе всѣхъ прочихъ заводовъ, выстроенныхъ около Баку для перегонки нефти въ керосинъ, или, какъ называютъ его здѣшніе жители, фотонафтиль, увѣряя наивно, что «керосинъ» — слово иностранное, а «фотонафтиль»—русское. Всѣ эти поѣздки совершаются удобно въ городскихъ извощичьихъ фаэтонахъ, запряженныхъ парою лошадей, которыя хотя и питаются почти исключительно ячменною соломою, но подъ кнутами персовъ-извощиковъ, добродушныхъ малыхъ, несутся по пескамъ, камнямъ и ухабамъ, окрещеннымъ здѣсь по ошибкѣ названіемъ дорогъ, какъ бѣшеныя. Нужно удивляться только тому, какъ выдерживаютъ фаэтоны подобную ѣзду болѣе одного мѣсяца; еще удивительнѣе это оттого, что такса разсчитана въ Баку для извощиковъ на часы.

До Балахановъ отъ города верстъ двѣнадцать. Сначала нужно проѣхать туземный кварталъ, состоящій изъ сложенныхъ кое-какъ изъ камня землянокъ, песчаные промежутки между которыми названы улицами и украшены соотвѣтствующими надписями, по русски и по персид-

ски. Есть даже нумерація домовъ; только случается часто, что нумеръ прибитъ вверхъ ногами. Дорога огибаетъ затѣмъ большой заводъ Мирзоева и фабрику Багирова, снабжающую бочками многіе керосиновые заводы. Бочки играютъ тутъ важную роль, такъ какъ цѣна ихъ почти удвоиваетъ на мѣстѣ цѣну керосина. Путь идетъ по безжизненной равнинѣ, постепенно повышающейся и переломанной выходами известняка. Верстахъ въ двухъ за городомъ начинаются поля ячменя и пшеницы. Трудно повѣрить, не видавъ, чтобы почва, состоящая изъ измельченнаго известняка, пополамъ съ пескомъ и галькою, могла родить что-нибудь; между тѣмъ эта, печальная съ виду, почва очень плодородна и даетъ иногда урожай самъ-пятьдесятъ. Случается, что на мѣстѣ, гдѣ крестьянинъ добываетъ камень для постройки, оставшійся щебень, нѣсколько занесенный пылью, обращается въ пашню; при небольшихъ дождяхъ хлѣбъ родится хорошо даже и на такихъ мѣстахъ. Плодородіе известняка зависитъ, вѣроятно, отъ того, что масса погребенныхъ въ немъ ракушекъ содержитъ много фосфорной кислоты. Сильные вѣтры препятствуютъ, однако, росту хлѣбовъ около Баку, и они рѣдко доходятъ до аршина, почему ихъ неудобно ни жать, ни косить, а приходится просто вырывать руками съ корнемъ и вязать въ мелкіе снопы. Подобная культура должна очень быстро истощать почву; пахать же глубже нельзя, такъ какъ тогда придется устраивать ирригацію, для чего препятствій, впрочемъ, не встрѣчается; вся эта мѣстность богата подпочвенной водой, скрытой на небольшой глубинѣ.

Все время по дорогѣ въ Балаханы встрѣчаются арбы туземцевъ, нагруженныя бурдюками съ нефтью, перевозимою въ городскіе заводы для перегонки. Персидская арба состоитъ изъ двухъ близко-поставленныхъ громадныхъ деревянныхъ колесъ, безъ шинъ, діаметромъ въ сажень; къ этимъ колесамъ, вращающимся съ осью, придѣлывается ходъ съ двумя оглоблями, лежащими на лошади, и небольшая корзинка, служащая для помѣщенія перевозимыхъ предметовъ. Если вещь тяжелая, напримѣръ, бочка съ керосиномъ, то, чтобы не опрокинуть подобный экипажъ, ее приходится класть не въ арбу, а подвязывать снизу между колесами. Достоинство арбы — простота конструкціи и легкость; лошадь везетъ свободно въ ней отъ 25 до 30 пудовъ. Во всякомъ случаѣ, такая перевозка обходится не дешево, и существуетъ проектъ соединить балаханскую площадь съ Баку проводомъ для нефти изъ ряда чугунныхъ трубъ на манеръ водопровода. Такіе нефтепроводы прогоняютъ

въ Америкѣ петроль на 50 верстъ и болѣе. Исполнить это тѣмъ возможнѣе, что Балаханы лежатъ выше Баку на 300 футовъ.

Балаханская площадь издали видна по огромному числу башенъ для артезіанскаго буренія. Тутъ, на пространствѣ двухъ квадратныхъ верстъ, продано въ 1873 году слишкомъ за $2\frac{1}{2}$ милл. руб. разнымъ владѣльцамъ семнадцать участковъ земли, въ десять десятинъ каждый, съ обязанностью добывать нефть. На этихъ участкахъ были прежде колодцы туземной системы, въ видѣ воронкообразныхъ ямъ, откуда бурдюками вычерпывали нефть. Новые владѣльцы не довольствуются подобнымъ патріархальнымъ способомъ добычи и проводятъ постоянно при помощи пароваго буренія новые артезіанскіе колодцы, отъ 20 до 40 саженъ глубиною, обсаживаютъ ихъ желѣзными трубами, и качаютъ нефть насосами и другими способами.

Богаче всѣхъ до сихъ поръ оказалась скважина тифлисскаго торговаго товарищества на 14-мъ участкѣ; тутъ каждые полчаса аккуратно билъ по 6 минутъ широкою струею естественный фонтанъ нефти, поднимавшійся отъ 4-хъ до 7-ми саженъ въ высоту. При мнѣ на этой скважинѣ притокъ нефти уже нѣсколько уменьшился; но прежде не успѣвали собирать нефть въ особо-устраиваемыя для того каменныя хранилища, и она разливалась по землѣ, образуя цѣлые пруды по которымъ плавала лодка. Балаханская нефть тяжелѣе американской, зеленаго цвѣта, переходящаго, если смотрѣть противъ солнца, въ красный. Она даетъ меньше противъ американской нефти керосина. При содѣйствіи мѣстнаго окружнаго горнаго инженера, г. Вальберха, я свободно обошелъ всѣ важнѣйшія скважины и повсюду нашелъ одни и тѣ же пріемы буренія; разница только въ количествѣ получаемаго продукта; на это, конечно, никакихъ правилъ быть не можетъ, такъ какъ нефть вытекаетъ изъ слоевъ глины, весьма неправильно напластованныхъ въ этой мѣстности, возмущаемой по настоящее время дѣйствіемъ волкановъ. Лучшія работы производились на сважинахъ Бакинскаго общества, и у гг. Мирзоева и Бурмейстера; нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что дѣло это еще въ началѣ, и каждый годъ будетъ приносить на Балаханахъ, какъ и вообще около Баку, десятки и даже сотни новыхъ скважинъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ балаханская площадь безъ затрудненія доставляетъ уже до 20,000 пудовъ нефти въ сутки. Цифра эта легко можетъ быть усилена, потому что проведеніе новой буровой скважины требуетъ не болѣе мѣсяца времени, а увеличиваетъ ежедневную производительность площади, смотря по успѣху, отъ 300 до 5,000 пудовъ.

Понятно, что о работѣ прежнимъ варварскимъ способомъ, т. е. объ устройствѣ колодцевъ, нѣтъ болѣе и рѣчи; а какъ труденъ былъ этотъ способъ, видно изъ того, что на большую глубину приходилось спускать рабочаго, привязаннаго очень крѣпко; онъ ударялъ киркой, и сейчасъ падалъ въ обморокъ, задыхаясь отъ сильнаго притока болотнаго газа; рабочаго поднимали, спускали вмѣсто него новаго, и такъ далѣе, подвигаясь по вершку въ день. На Балаханахъ очень мало жилыхъ строеній. Отраднымъ исключеніемъ является контора Бакинскаго общества, построенная въ видѣ блокгауза. Я нашелъ тамъ не только все необходимое, чтобы смыть съ себя пыль, но и обѣдъ, чтобы подкрѣпить силы, нѣсколько истощенныя продолжительною прогулкою по скважинамъ.

Сураханскіе вѣчные огни были уже описаны и нарисованы неоднократно. Еще въ древности сильное истеченіе въ этой мѣстности горючаго газа обратило на себя вниманіе; съ тѣхъ поръ притокъ газовъ не ослабѣлъ. Нашему времени было суждено этому дару природы дать практичное употребленіе. Отъ Баку до Сурахановъ около семнадцати верстъ пути, очень похожаго на тотъ, который ведетъ къ Балаханамъ: тѣ же пески, высоты изъ известняка-ракушника, низкіе посѣвы хлѣбовъ и самосадочныя озера съ горькою солью. Мнѣ пришлось ѣхать въ такой день, когда сѣверный вѣтеръ дулъ съ порядочною силою. Пыль и песокъ поднимались вихремъ и, несмотря на высокую температуру, было довольно свѣжо, особенно къ вечеру. По неопытности, я поѣхалъ въ лѣтнемъ пальто, и тольку данный мнѣ на заводѣ плэдъ спасъ меня отъ вѣрной простуды. Въ Сураханъ любопытны три вещи: колодцы бѣлой нефти, обширный заводъ Бакинскаго общества и стоящій рядомъ храмъ огнепоклонниковъ, построенный, такъ же, какъ и заводъ, на вѣчныхъ огняхъ, т. е. на выходахъ газа, съ разнообразною силою вырывающагося по трещинамъ известняка. Газомъ пользуются тутъ для всякаго употребленія: на немъ дѣйствуютъ заводы, крестьяне обжигаютъ известь въ печахъ, освѣщаютъ дома и дворы и т. д. Газъ совершенно чистый и горитъ безъ запаха. Пламя его блѣдно и для освѣщенія полезно прибавлять нѣсколько нефти.

Колодцы бѣлой нефти находятся въ $1 \frac{1}{2}$ верстахъ отъ завода, на берегу самосадочнаго озера. Если выкопать колодецъ, то изъ глины, въ родѣ выпотѣнія, собирается небольшое количество нефти, прозрачной, какъ керосинъ, желто-зеленоватаго цвѣта. Новый владѣлецъ этой мѣстности провелъ уже нѣсколько буровыхъ скважинъ, но получаетъ по-

прежнему самое ничтожное количество нефти. Бѣлую нефть туземцы очень уважаютъ и даже пьютъ. Она очень легка и скоро испаряется. Въ настоящее время ее продаютъ, говорятъ, въ Баку, за плохой керосинъ, не обращая вниманія на опасность употребленія подобнаго продукта въ лампахъ. Заводъ Бакинскаго общества — одинъ изъ старѣйшихъ керосиновыхъ заводовъ во всемъ мірѣ — представляетъ собраніе многихъ старыхъ и вновь строющихся построекъ, окруженныхъ четырехъ-угольнымъ заборомъ. Газъ для отопленія завода собирается особою системою опрокинутыхъ надъ трещинами известняка желѣзныхъ ящиковъ, придуманною знаменитымъ Либихомъ. Заводъ устроенъ очень широко, имѣетъ всѣ необходимыя механическія приспособленія для выдѣлки керосина, ремонтную мастерскую, бондарное заведеніе и даже химическую лабораторію. Одинъ изъ служащихъ развелъ во дворѣ небольшой садъ съ рѣдкими цвѣтами, составляющими предметъ зависти всего Баку. По своему устройству, Сураханскій заводъ служитъ для мѣстной промышленности образцомъ; при настоящихъ размѣрахъ, онъ безъ труда въ состояніи приготовить пол-милліона пудовъ керосина въ годъ, т. е. переработать около $1\frac{1}{2}$ милліона пудовъ сырой нефти. Заводъ этотъ принадлежалъ прежде такъ называемому За каспійскому товариществу и стоилъ г. Кокореву съ 1859 года не одинъ милліонъ рублей.

Храмъ огнепоклонниковъ далеко не оправдываетъ своей громкой репутаціи. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшнаго столѣтія одинъ откупщикъ сальянскихъ рыбныхъ промысловъ, богатый парсисъ, найдя тутъ развалины, возобновилъ ихъ и соорудилъ нѣчто въ родѣ парсисскаго монастыря или караванъ-сарая. Монастырь имѣетъ форму неправильной трапеціи, съ кельями, выходящими во дворъ; посреди двора устроенъ родъ храма, на четырехъ каменныхъ столбахъ; огни тутъ часто тухнутъ, за то «вѣчно» поддерживаютъ ихъ въ печи, устроенной въ видѣ свода посереди двора для печенія хлѣба. Послѣдній изъ жившихъ здѣсь издавна гебровъ убитъ татарскими разбойниками и монастырь опустѣлъ. Въ настоящее время въ немъ поселился индусъ, по фигурѣ очень похожій на сипая англійской службы, и за гривенники разъигрывающій передъ посѣтителями комедіи, изображающія яко-бы церковное служеніе парсисовъ. Весь монастырь, построенный изъ известняка и выбѣленный, имѣетъ характеръ довольно мизерный, и туристъ какъ-то невольно разочаровывается, найдя вмѣсто грандіозныхъ развалинъ какое-то современное мазаніе.

Послѣднее мѣсто, интересное для изслѣдователя бакинской нефтяной

промышленности,—это «Черный городъ», какъ характерно названо собраніе восьмидесяти керосиновыхъ заводовъ, въ двухъ верстахъ отъ Баку, на низкомъ, песчаномъ берегу моря, гдѣ устраивается теперь пристань для судовъ. За малыми исключеніями, всѣ эти заводы выстроились внезапно съ 1873 года, когда нефтяной откупъ былъ уничтоженъ. Заводы разнообразнаго достоинства, но всѣ далеко уступаютъ размѣрами и устройствомъ описанному выше заводу г. Кокорева. Есть и заводы весьма своеобразные, устроенные простыми персами. Я осмотрѣлъ подобный заводъ какого-то Машади-Зюльфугаръ-Гуссейнъ-Оглы. Машади—титулъ, означающій, что хозяинъ былъ пилигримомъ въ Мехшедѣ. Мехшедъ и Керболай — любимыя святыни для персовъ-шіитовъ, опасающихся ходить въ Мекку, находящуюся въ рукахъ суннитовъ. Каждый пароходъ, приходящій изъ Персіи, привозитъ нѣсколько подобныхъ богомольцевъ, которые встрѣчаются всегда туземцами съ почетомъ: толпа выходитъ на набережную, много верховыхъ съ красными знаменами, шумъ и гамъ страшный. Заводъ Зюльфугара состоитъ изъ небольшаго сарая, сложеннаго частью изъ камня, частью изъ дерева; въ немъ живетъ самъ хозяинъ. Въ небольшую печь, отапливаемую нефтяными остатками, вдѣланъ перегонный кубъ, пудовъ на сорокъ нефти; холодильникъ помѣщенъ въ чанъ, стоящій на улицѣ; керосинъ собирается въ простой глиняный горшокъ и затѣмъ веслами разбалтывается и очищается сѣрной кислотою и ѣдкимъ натромъ, и, наконецъ, промывается въ простыхъ кадкахъ. Подобный керосинъ качествъ не высокихъ, но за то большой кубъ позволяетъ хозяину завода перегонять по два раза въ день и платить акциза по 9 копѣекъ за пудъ, когда большіе заводы вынуждены платить его отъ 18 до 21 копѣйки съ пуда. Такимъ образомъ нераціональная фискальня система искусственно создаетъ огромную премію (около 15%) въ пользу дурно-устроенныхъ заводовъ и скверныаго керосина. Удивляться же нераціональности правилъ взиманія акциза нечего, потому что для взаимнаго акциза съ керосина просто списаны буквально правила, установленныя для акциза съ фруктовыхъ водокъ! Это примѣръ не единственный, и вообще наша нефтяная промышленность издавна встрѣчала рядъ трудно объяснимыхъ препятствій со стороны фискальныхъ соображеній, которыя именно должны бы были всячески поощрять эту полезную отрасль промышленности *).

---

*) Жалобы промышленниковъ и заявленія печати не остались гласомъ вопіющимъ

Исторія кавказской нефтяной промышленности поучительна. Бакинская нефть перешла къ намъ отъ персовъ, а съ нею и откупная система, сохранившаяся до сихъ-поръ въ закавказскихъ финансахъ. Въ сороковыхъ годахъ добыча нефти была въ казенномъ управленіи. До-сихъ-поръ въ Балаханахъ сохранились развалины завода, гдѣ горный инженеръ Воскобойниковъ, завѣдывавшій промыслами, дѣлалъ опыты извлеченія изъ нефти освѣтительнаго масла. Упрочься тогда это дѣло — мы далеко обогнали бы теперь американцевъ въ нефтяной промышленности и не переплатили бы имъ десятковъ милліоновъ рублей за керосинъ. Въ 1849 году почему-то, однако, снова было признано полезнымъ возобновить нефтяной откупъ, что увеличило доходъ только на 10,000 р. въ годъ. Откупная система не была особенно чувствительна до 1862 г.; когда же съ этого времени нефтяное дѣло стало принимать въ Америкѣ громадные размѣры и американская нефть разлилась по всему свѣту, сохраненіе откупа на Кавказѣ было смертельнымъ ударомъ для русской нефтяной промышленности. При всемъ томъ, откупъ держался до 1873 г. и съ большимъ трудомъ былъ, наконецъ, уничтоженъ. Дѣло доходило до того, что въ Россіи, несмотря на ея богатство нефтью, существовалъ, съ грѣхомъ по-поламъ, только одинъ серьезный керосиновый заводъ; откупщикъ же г. Мирзоевъ, не употребляя ни копѣйки, наживалъ милліоны. До 1873 года бакинской нефти добывалось, почти безъ всякихъ расходовъ, изъ старыхъ колодцевъ, около 1½ милліона пудовъ; нефть продавалось по 45 к. за пудъ, слѣдовательно на 700,000 р., и изъ этой суммы болѣе 300,000 р., составляли чистый барышъ одного лица. На сторонѣ счастливаго откупщика стояла даже наука, потому что извѣстный ученый г. Абихъ печаталъ, что бакинскую нефть можно добывать только азіятскими колодцами, буреніе же, будто бы, годится только для американской нефти.

Уничтоженіе откупа сразу показало, гдѣ была истина: нефть подешевѣла въ десять разъ, керосинъ упалъ въ цѣнѣ на 40%; въ одинъ годъ учредилось въ Баку 82 керосиновыхъ завода, акциза съ оброчной платой получено въ 1873 году 208,000 рублей, вмѣсто прежнихъ 130,000 р. да правительство выручило еще около 3 милл. рублей единовременно продажею старыхъ колодцевъ, на что слѣдуетъ считать ежегодно процентовъ 150,000 рублей. Таковы результаты. Я не говорю

въ пустынѣ. Въ 1877 году акцизъ съ фотогена уничтоженъ вовсе, не смотря на военныя обстоятельства. *Примѣч. автора.*

уже о выгодѣ нравственной отъ уничтоженія одной изъ язвъ, разъѣдавшихъ административный персоналъ Кавказа. Въ настоящее время нефтяная промышленность стѣсняется недостатками правилъ акциза; но ихъ легко можно исправить въ одинъ мѣсяцъ. Остальныя же препятствія тѣ же, что и для всякой другой промышленности въ Россіи: недостатокъ путей сообщенія, судоходства, механическихъ и химическихъ заводовъ, образованныхъ техниковъ, и т. д. Падая равномѣрно на всю нашу производительность, препятствія эти не могутъ губить именно нефтяное дѣло, и нѣтъ сомнѣнія, что очень скоро «Черный городъ» займетъ первоклассное мѣсто въ русской промышленности.

Послѣ посѣщенія «Чернаго города» не остается ничего болѣе, какъ торопиться смыть съ себя слой копоти, оставляемый дымомъ керосиновыхъ заводовъ. Для этого въ Баку къ услугамъ путешественниковъ имѣются морскія купанья, не совсѣмъ удобныя, такъ какъ море довольно глубоко у самыхъ береговъ, и восточныя бани. Каждый народъ, какъ бы низко ни стоялъ онъ на уровнѣ цивилизаціи, навѣрное придумалъ, что либо весьма примѣчательное въ своей сферѣ дѣйствій. Востокъ отличился въ этомъ случаѣ по части омовенія грѣшнаго тѣла.

IV.

Баку. — Ханскій дворецъ. — Дорога изъ Баку въ Тифлисъ. — Сальянскій откупъ. — Шемаха. — Аксу. — Разбойники. — Нуха.

Баку — городъ отстроенный почти за-ново; отъ прежняго, персидскаго владычества уцѣлѣло немного: часть крѣпостныхъ стѣнъ, теперь на видъ мало внушительныхъ, «Дѣвичья башня», о которой я говорилъ, превращенная въ маякъ, и ханскій дворецъ. Послѣднее зданіе замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. По архитектурѣ оно считалось однимъ изъ лучшихъ въ Персіи. Время пощадило его до-сихъ-поръ, такъ что украшенія и надписи, сдѣланныя въ мягкомъ известнякѣ четыреста лѣтъ тому назадъ, кажутся свѣжими. Но рука человѣка была болѣе безжалостна, и во многомъ зданіе сильно испорчено обращеніемъ его въ цейхгаузъ, гдѣ лежитъ рублей на сто стараго артиллерійскаго имущества, для храненія котораго совершенно достаточно было-бы казеннаго сарая, а не дворца и двухъ мечетей. Многія залы испорчены устройствомъ деревянныхъ стоекъ и наръ для склада пушекъ, свинца и кусковъ старыхъ лафетовъ; еще хуже нѣкоторыя новѣйшія пристройки. Если все это сломать и очистить, то получится прекрасное историческое зданіе для помѣщенія какой-либо библіотеки, музея и т. п. И въ настоящее время отлично сохранились нѣкоторыя части судилища окруженнаго дворомъ въ мавританскомъ вкусѣ; двѣ мечети съ оригинальными минаретами; нѣсколько дверей, напоминающихъ Алгамбру; только украшенія сдѣланы здѣсь не изъ штукатурки, какъ въ Гренадѣ а изъ камня. Одну такую дверь думали даже увезти въ Тифлисъ. Не проще ли было бы сдѣлать точную копію, не портя зданія? Съ одной стороны стѣны дворца избиты картечными пулями: это слѣды осады

Циціанова, батареи котораго стояли на противоположныхъ высотахъ. По чрезвычайно неудобной лѣстницѣ, со ступеньками въ аршинъ высоты, взбираются на плоскую крышу дворца, гдѣ на асфальтѣ растетъ трава, и оттуда любуются великолѣпнымъ видомъ на городъ и на море. Съ этимъ видомъ можетъ, по красотѣ, поспорить только не менѣе превосходный видъ на Баку и его гавань съ Баилова мыса, отъ зданій Каспійской флотиліи. Какъ всѣ восточные города, Баку гораздо красивѣе издали, чѣмъ вблизи. Замѣчательно, что многіе, живущіе въ Баку по нѣскольку лѣтъ, не подозрѣвали существованія ханскаго дворца и удивлялись моимъ разсказамъ о немъ.

Какъ ни быстро ростетъ Баку, но оказывается, что ростъ его значительно еще задерживается причиною совершенно неожиданною: для города нѣтъ мѣста! Трудно повѣрить, чтобы на Апшеронскомъ полуостровѣ, который кажется безлюдной пустынею, не было мѣста для постройки нѣсколькихъ зданій, — а между тѣмъ это фактъ. Причина — неустройство на Кавказѣ поземельныхъ отношеній: всѣ окрестности Баку, которыя могли бы способствовать расширенію города, составляютъ уже предметъ спора между городомъ, казною и смѣтливыми туземцами, которые распахали даже асфальтъ на Балаханахъ, въ надеждѣ заявить такимъ образомъ о своемъ правѣ собственности. Пока эти споры рѣшатся, пройдутъ десятки лѣтъ, убытки же отъ нихъ огромны. Бакинскіе заводы нуждаются, напримѣръ, въ сѣрной кислотѣ, цѣна которой иногда внезапно утроивается. Братъ извѣстнаго петербургскаго заводчика, г. Нобель, хлопоталъ цѣлый годъ объ устройствѣ завода для выдѣлки кислоты, но дѣло не состоялось за невозможностью найти около Баку свободнаго мѣста. Онъ просилъ даже объ отдачѣ какой-то пустынной скалы у входа въ заливъ, но и тутъ возникли разныя затрудненія. Болѣе всего было безпорядковъ въ 1873 году, когда, подъ предлогомъ копоти и опасности отъ пожаровъ, были запечатаны всѣ существовавшіе среди города фотогеновые заводы и приказано перенести ихъ немедленно на другое мѣсто, внѣ города; мѣста же этого не оказывалось, за спорами. Съ большимъ трудомъ заводы помѣстились гдѣ-то на пескѣ, заливаемомъ моремъ; многіе заводы до-сихъ-поръ, однако, не выстроены, и вслѣдствіе того нѣсколько сотъ нефтяныхъ мѣсторожденій вынуждены стоять безъ эксплоатаціи. Вотъ образчикъ того, какъ покровительствуютъ у насъ новой промышленности, призванной болѣе всякой другой поддержать Прикаспійскій край, двѣ важнѣйшія отрасли промыш-

ленности котораго — производство марены и шелка, давно находятся въ сильномъ упадкѣ.

Послѣ длинныхъ разсужденій о наиболѣе выгодномъ пути изъ Баку до Тифлиса, я, по общимъ совѣтамъ, избралъ новую дорогу — черезъ Кахетію. Дороги этой не было ни на одной картѣ Кавказа, и даже въ изданномъ только что «Путеводителѣ по Кавказу» г. Владыкина — книгѣ интересной, но совершенно неудобной для употребленія, какъ гидъ—не упоминается о ней ни слова. Новая дорога составлена частью изъ прежнихъ участковъ, частью же проведена вновь. Пока она изъ Лагодехъ сворачиваетъ къ Тифлису на Сигнахскую дорогу, но предполагается отъ Телава провести ее существующимъ проселочнымъ трактомъ до Военно-грузинской дороги; тогда получится путь, который вдоль горъ прорѣжетъ самую лучшую часть Кахетіи, и вообще пройдетъ мѣстами, о красотѣ которыхъ не можетъ дать понятіе самое краснорѣчивое описаніе.

Прелести пути не даются, однако, такъ скоро. Первыя четыре станціи отъ Баку утомительны до чрезвычайности, хотя я ѣхалъ не въ особенно жаркую погоду, въ легкомъ тарантасѣ и на отличныхъ почтовыхъ лошадяхъ. Особенно несносна должна быть эта часть пути въ іюлѣ и августѣ, когда вся степь обращается въ безконечное море затвердѣвшей глины, покрытой пылью, и исчезаютъ малѣйшіе признаки растительности. Отъ Баку начинается постепенный подъемъ въ гору, дорога идетъ все болѣе и болѣе безжизненною мѣстностью. Глазъ не видитъ вокругъ ничего, кромѣ крутыхъ глинистыхъ утесовъ и изрѣдка песчаныхъ полей; грунтъ вездѣ солонцоватый, и земледѣліе возможно только въ немногихъ мѣстахъ. Гдѣ встрѣчались пашни, тамъ хлѣбъ уже былъ снятъ, или, вѣрнѣе, вырванъ, еще въ маѣ мѣсяцѣ. Безлюдіе совершенное; птицъ мало, за то множество гадовъ и насѣкомыхъ; степь въ иныхъ мѣстахъ кажется покрытою налетомъ соли;—но это паутина, стелющаяся по землѣ около безчисленныхъ норъ земляныхъ пауковъ. Единственное человѣческое существо, кромѣ ямщиковъ на станціяхъ, встрѣченное мною на этомъ пути, былъ одинъ откупщикъ сальянскихъ рыбныхъ промысловъ. Встрѣча эта позволяетъ мнѣ сдѣлать маленькое отступленіе и коснуться одного интереснаго предмета закавказской экономической жизни, на который давно слѣдуетъ обратить вниманіе.

Устья Куры отличаются, какъ извѣстно, необыкновеннымъ богатствомъ рыбы; до сихъ-поръ, однако, несмотря на успѣхъ астраханска-

го вольнаго лова, рыбный промыселъ отдается тутъ на откупъ; потому-то, вѣроятно, въ Баку, лежащемъ отъ Сальянъ такъ близко, нѣтъ никогда ни рыбы, ни икры. Откупщикамъ запрещено ловить рыбу въ іюнѣ и въ іюлѣ и устраивать сплошныя загородки по рѣкѣ, преграждающія ходъ рыбѣ. Послѣднее запрещеніе, вѣроятно, довольно неясно, по-потому что откупщики выписали для «Божьяго промысла» изъ Англіи перегородку изъ чугуна и желѣза, обошедшуюся имъ болѣе ста тысячъ рублей. Такимъ образомъ не только пароходство по низовьямъ Куры сдѣлалось невозможнымъ, но даже прекращенъ ходъ рыбы. Ухищренія откупщиковъ обратились, однако, противъ нихъ самихъ: слишкомъ узкія отверстія сѣтки въ загородкѣ наполнились скоро мелкою рыбой и иломъ и образовался родъ плотины, запрудившей Куру; рѣка разлилась, размыла берега и испортила патентованную перегородку. Откупщики хлопотали при мнѣ о томъ, чтобы, въ виду понесенныхъ убытковъ, имъ былъ дозволенъ ловъ рыбы въ іюнѣ и въ іюлѣ, т. е. именно въ тѣ мѣсяцы, когда рыба размножается и когда слѣдовательно ловъ губитъ рыболовство въ самомъ корнѣ. Подобныя домогательства возобновляются, подъ разными предлогами, каждый годъ, и, конечно, безуспѣшно. Вмѣсто поощренія такого безобразія, слѣдовало бы, наоборотъ, привлечь откупъ къ судебной отвѣтственности за явное нарушеніе условій.

Станціи за три до Шемахи характеръ мѣстности замѣтно измѣняется: подъемъ въ гору дѣлается круче, появляется трава на поляхъ, и число пашень быстро увеличивается. Измѣняется также и температура воздуха. Характеръ культуры становится совершенно русскимъ. Дѣйствительно, очень скоро подъѣзжаешь къ селенію Морозы, гдѣ живетъ около полутора тысячъ молоканъ. Послѣ долгаго созерцанія Востока очень пріятно перенестись какъ-бы въ глубь Россіи. Морозы — чисто русская деревня: дома по обѣимъ сторонамъ длинной улицы, бабы въ красныхъ сарафанахъ сидятъ у воротъ домовъ; у кабака бесѣдуютъ два солдатика, и т. д. — словомъ, пейзажъ спеціально русскій. Молокане живутъ здѣсь не дурно. Болѣе 25,000 молоканъ и другихъ сектантовъ было выселено въ прошедшее царствованіе въ Закавказскій край изъ разныхъ мѣстъ Россіи; трудолюбіе и любовь къ порядку помогли невольнымъ эмигрантамъ устроить хозяйство въ новой, далеко непривѣтливой мѣстности. Въ двадцать или тридцать лѣтъ молоканскія селенія даже разбогатѣли; хлѣбопашество идетъ отлично, разведеніе лошадей также. Сектанты во многихъ мѣстахъ содержатъ станціи и занимаются извозомъ. Не смотря на свою оборотливость, они поль-

зуются репутаціею людей честныхъ. Кромѣ того, по свойственной славянамъ добродушной натурѣ, молокане отлично уживаются съ туземцами, которые охотно идутъ къ нимъ въ работники и многое заимствуютъ у нихъ для своего хозяйства. Даже по наружности молокане обращаютъ на себя вниманіе большимъ ростомъ, силою и бодрымъ видомъ.

Въ Шемаху я пріѣхалъ поздно ночью и остановился въ заѣзжемъ домѣ, устраиваемомъ казною на Кавказѣ преимущественно для пріюта проѣзжающихъ по дѣламъ службы. Наружность подобныхъ домовъ не очень привлекательна: голыя стѣны и деревянныя скамейки вмѣсто кроватей. Въ сѣняхъ я нашелъ нѣсколько татаръ, спавшихъ сидя на полу, поджавъ ноги и съ кинжалами у пояса; съ трудомъ можно было добиться кое-какого ужина; въ домѣ вообще, кромѣ огромнаго выбора кинжаловъ, ничего не было, даже о щеткѣ для чистки платья тутъ не имѣютъ понятія. Не найдя на станціи успокоенія, я на зарѣ поспѣшилъ выѣхать изъ Шемахи, только бѣгло осмотрѣвъ городъ, нѣкогда цвѣтущій, а теперь полуразрушенный страшными землетрясеніями. Всѣ бѣдствія сразу, кажется, обратились на бѣдную Шемаху; дѣйствіе вулканическихъ силъ разрушило городъ; болѣзнь шелковичныхъ червей нанесла сильный ударъ производству шелка, значеніе котораго видно изъ того, что весь закавказскій шелкъ носилъ нѣкогда названіе «шемахинскаго»; наконецъ перенесеніе губернскаго города въ Баку окончательно подорвало благосостояніе жителей. Мѣстность эта, впрочемъ, такъ богата и производительныя силы ея такъ велики, что городъ мало по малу поправляется, и жители, не опасаясь землетрясеній, возводятъ новыя постройки. Къ Шемахѣ подходитъ оконечность главнаго Кавказскаго хребта, и это является причиною какъ красиваго мѣстоположенія, такъ и обилія воды и плодородія почвы—что еще важнѣе. Почтовая дорога идетъ среди тучныхъ пашенъ; повсюду видны сады, состоящіе преимущественно изъ тутовыхъ деревьевъ. Такъ какъ почва—жирный черноземъ, то дорога шоссирована.

Ближайшія окрестности Шемахи довольно красивыя, не даютъ еще, впрочемъ, понятія о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя ожидаютъ туриста далѣе, на второй станціи отъ города, при спускѣ къ Аксу. На гребнѣ высокаго перевала, покрытаго богатою растительностью, здѣсь открывается рядъ восхитительныхъ видовъ, съ одной стороны на снѣжный хребетъ Кавказа, съ другой—на равнину, безконечно разстилающуюся ковромъ. У подножія видны вездѣ сады, рѣчки и поселенія, далѣе пашни и, наконецъ, на краю горизонта, появляется степь, печальная, обож-

женная степь. Впечатлѣніе, производимое видомъ, необыкновенное. Конечно, по проведеніи желѣзныхъ дорогъ, мѣсто это обстроится дачами, которыя въ состояніи будутъ успѣшно конкуррировать съ Интерлакекомъ и другими прославленными пунктами, порядкомъ прискучившими туристамъ. Цѣлая станція въ двадцать верстъ по дорогѣ въ Аксу — спускъ, проведенный зигзагомъ по откосу высокой горы, откуда постоянно открываются новые виды на равнину. Внизу, около станціи, попадаешь въ мѣстность, которую потому только нельзя назвать земнымъ раемъ, что далѣе, въ Закатальскомъ округѣ и въ Кахетіи, есть мѣста еще болѣе восхитительныя и въ раю навѣрное не было ящиковъ, отъ которыхъ такъ нестерпимо пахло бы чеснокомъ.

Изъ горъ вытекаютъ рѣчки, вода которыхъ поддерживается таяніемъ вѣчныхъ снѣговъ. Эти рѣчки, то едва замѣтныя среди каменистаго русла, то свирѣпо-бушующія, доставляютъ воду для безчисленнаго множества оросительныхъ каналовъ, при помощи которыхъ разведены густые сады тутоваго дерева, абрикосовъ, грецкихъ орѣховъ миндаля, черешенъ, фиговыхъ деревьевъ; виноградники и т. д. Для красы разсажены высокіе тополи, а вокругъ участковъ идетъ сначала живой заборъ изъ ивы, а затѣмъ искусно сложенный палисадникъ изъ сухаго, колючаго терновника, въ изобиліи покрывающаго тутъ скаты горъ. Свѣжая зелень, цвѣты, плоды, хотя еще и зеленые, журчащія воды, ароматный воздухъ дѣйствуютъ очаровывающимъ образомъ; невольно заглядываешь въ сады, надѣясь увидѣть прелестныхъ фей, обитательницъ подобныхъ волшебныхъ пріютовъ,—и видишь только полуразрушенныя татарскія сакли. Присутствіе человѣка обозначается здѣсь только слѣдами грязи, изрѣдка скверным запахомъ. Разочарованный путешественникъ начинаетъ невольно сомнѣваться въ безусловной справедливости словъ Шиллера, что «самое интересное въ созданіи — все таки человѣкъ». Мѣстную культуру лучше всего можно сравнить съ тою, которую оставили послѣ себя въ наслѣдство мавры въ валенсійской, гренадской и мурсійской вегахъ, хотя, конечно, за Кавказомъ все по размѣрамъ, грандіознѣе испанскаго. Сады за Аксу тянутся, однако, по дорогѣ не долго, и, побаловавъ нѣсколько путешественника, почтовый трактъ уклоняется отъ горъ и оставляетъ садъ въ сторонѣ.

Не доѣзжая Гокчайска, извѣстнаго въ Россіи по громкимъ подвигамъ псевдо-князя Гокчайскаго и обращеннаго теперь въ уѣздный городъ, вступаешь снова въ сухую и безжизненную степь, однообразно тянущуюся до Тифлиса по всему тракту въ Елизаветполь. Почтовая

дорога пріобрѣла тутъ себѣ чрезвычайно дурную репутацію: въ особенности часты грабежи въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ. Впрочемъ, и весь трактъ отъ Баку до Тифлиса не можетъ похвастаться безопасностью; по-крайней-мѣрѣ почту не рѣшаются возить по немъ ночью, и она двигается медленно днемъ. Проѣзжающіе запасаются револьверами, купцы, кромѣ того, вооружаютъ прислугу ружьями; болѣе робкіе путешественники выпрашиваютъ охранные листы и получаютъ право брать чапаровъ, т. е. земскихъ стражниковъ. Послѣдняя предосторожность совершенно излишня, потому что чапары—тѣ же татары—разнюхиваютъ на станціяхъ, что за птица проѣзжающій, и руководятъ часто въ грабежахъ своихъ односельцевъ. По дорогѣ очень часто встрѣчаются всадники верхомъ, съ пистолетами въ кобурахъ и ружьемъ, лежащимъ поперегъ сѣдла, на передней лукѣ сѣдла. Если подобный господинъ начинаетъ заговаривать съ ямщикомъ по татарски, наведя какъ бы нечаянно дуло ружья на васъ, то слѣдуетъ немедленно прогнать его, пригрозивъ револьверомъ. Далѣе оружіе уже безполезно, потому что рѣшительныя нападенія бываютъ такъ внезапны, что путешественникъ не въ состояніи серьезно защищать себя и остается одно—отдавать разбойникамъ деньги и цѣнныя вещи. Потому-то ѣдущіе изъ Баку въ Тифлисъ, и обратно, денегъ берутъ обыкновенно очень мало, а запасаются переводами банковыхъ конторъ. Иногда, впрочемъ и смиреніе не очень полезно. Незадолго до моего проѣзда одинъ проѣзжающій отдалъ безпрекословно свои наличныя деньги; когда же разбойники начали рыться въ его чемоданахъ и нашли тамъ револьверъ, то они такъ возмутились трусости вооруженнаго путешественника, что въ наставленіе отпустили ему сто ударовъ нагайками. На станціяхъ только и слышишь занимательные разсказы о подобныхъ происшествіяхъ.

Невольно рождается вопросъ:—неужели нельзя положить конецъ подобному положенію вещей? Къ сожалѣнію, нужно сознаться что искорененіе разбоевъ—дѣло не легкое; до-сихъ-поръ не было недостатка въ строгихъ мѣрахъ для ихъ прекращенія; цѣлыя селенія, подозрѣваемыя въ потачкѣ разбойникамъ, выселялись безъ церемоніи въ Вятскую и другія губерніи; но все это было тщетно, такъ какъ разбойничество, подобно тому, какъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Греціи, Италіи и Испаніи, лежитъ тутъ во всемъ общественномъ складѣ. Земли по дорогѣ близъ Елисаветполя заселены татарами, все хозяйство которыхъ состоитъ въ томъ, чтобъ весною поковырять кое-какъ крючками землю,

посѣять хлѣбъ и затѣмъ уйти въ горы на кочевку. Послѣдняя необходима для содержанія скота, по отсутствію лѣтомъ воды на равнинѣ. При такой перекочевкѣ всѣ поселенія пустѣютъ; остаются только нѣсколько дряхлыхъ стариковъ и голодныхъ собакъ. Въ это то время молодежь спускается съ горъ на грабежи, уважаемые до-сихъ-поръ татарами, какъ подвиги удали и молодечества. Говорятъ, и теперь дѣвушки не охотно выходятъ замужъ за молодаго человѣка, который не ограбитъ кого-либо; хотя грабежъ беззащитныхъ путешественниковъ, по нашимъ понятіямъ, и не долженъ бы казаться большимъ подвигомъ рыцарства,—но нравы различны. Будь грабежи совершаемы зимою, то земской полиціи осталось бы лишь примѣнить способъ, хотя и варварскій, но, по необходимости, употребляемый во всѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ разбои—обложить штрафомъ сосѣднія деревни, пока разбойника не отъищутъ, по правилу: «бей рублемъ, а не дубьемъ». Лѣтомъ же ничего подобнаго сдѣлать не возможно, потому что всѣ жители находятся въ горахъ, и привлекать къ отвѣтственности некого; у жителей, кромѣ того, есть готовая отговорка — что будто-бы во время ихъ отсутствія врываются изъ-за персидской границы шайки кочующихъ хищниковъ, которыя производятъ грабежи. Разбои уничтожатся только постепеннымъ усиленіемъ полицейскаго надзора, распространеніемъ образованія въ средѣ магометанскаго населенія, и особенно ирригаціей края, которая сдѣлаетъ излишнимъ поголовную перекочевку всего населенія въ лѣтнюю пору. Для путешественниковъ же и почты гораздо удобнѣе будетъ постройка по этому пути желѣзной дороги, которая повсюду имѣла то вліяніе, что разбойники переставали очищать карманы по большимъ дорогамъ, и обращались къ несравненно выгоднѣйшему устройству съ той же цѣлью гостиницъ, гдѣ продолжали свой промыселъ въ болѣе невинной, но не менѣе непріятной для путешественниковъ формѣ писанія безконечно длинныхъ счетовъ.

Относительно желѣзной дороги изъ Баку до Тифлиса мнѣнія на Кавказѣ чрезвычайно раздѣлены. Одни желаютъ, чтобы линія шла на Елисаветполь, вдоль прежней почтовой дороги, гдѣ нѣтъ никакихъ техническихъ трудностей, приближаясь только по возможности къ богатой хлѣбомъ Эриванской губерніи; за это направленіе стоятъ болѣе армяне. Другіе желаютъ провести дорогу черезъ Кахетію. Послѣдняя линія несравненно производительнѣе, но ей придется пересѣчь трудные водораздѣлы рѣкъ Арагвы, Іоры и Алазани. Послѣднее направленіе отстаиваютъ грузины, доказывая, что провозомъ одного кахетинскаго

вина эта дорога заработаетъ большія деньги. Противники сомнѣваются, однако, въ разсчетахъ грузинъ, увѣряя, что до сихъ поръ не состоялась ни одна попытка грузинскихъ помѣщиковъ устроить компанію для торговли виномъ. Вино дѣйствительно провозилось, но его не продавалось ни одной бутылки, потому что одну половину помѣщики выпивали сами, а другою—гостепріимно угощали своихъ знакомыхъ. Не входя въ разборъ обоихъ направленій *), не могу не сдѣлать нѣсколько замѣчаній о возраженіяхъ, которыя я слышалъ по поводу проекта желѣзной дороги изъ Баку въ Тифлисъ еще въ Россіи. Нѣкоторые черезъ-чуръ рьяные патріоты убѣждены, что этимъ путемъ иностранные товары могутъ пойти въ Персію и Красноводскъ, и тогда — прощай русская торговля въ Азіи. Тутъ очевидно смѣшиваются два различные вопроса: одинъ о безпошлинномъ транзитѣ черезъ Закавказскій край, другой — о желѣзной дорогѣ. Если дорога протянется до Баку, то, безъ сомнѣнія, безпошлинный транзитъ долженъ быть ограниченъ, а въ случаѣ соединенія Тифлиса съ Владикавказомъ желѣзной дорогой -- и вовсе прекращенъ; но, независимо отъ европейскаго транзита, желѣзная дорога къ Баку будетъ имѣть огромное значеніе, открывая богатому Прикаспійскому району, отрѣзанному теперь отъ цѣлаго свѣта, сбытъ за границу и въ южную Россію. Передъ этою торговлею вся отпускная торговля наша въ Персіи и Красноводскѣ — совершенное ничтожество. Во всякомъ случаѣ, препятствовать постройкѣ нужной для края желѣзной дорогѣ такъ же логично, какъ не дозволить бы, напримѣръ, постройки Николаевской желѣзной дороги, подъ предлогомъ, что она облегчитъ доставку иностранныхъ мануфактуръ въ Москву— средоточіе нашей промышленности.

Отъ станціи Чемахловъ пришлось оставить пустынную и грабительскую почтовую дорогу, выслушавъ въ послѣдній разъ разсказъ о томъ, какъ недавно на базарѣ селенія выстрѣлами изъ-за забора убиты трое старшинъ, подозрѣваемыхъ въ содѣйствіи полиціи къ отысканію разбойниковъ. Дорога на Нуху и далѣе, по подошвѣ Кавказскаго хребта, нѣкогда небезопасная отъ постоянныхъ набѣговъ лезгинъ, представляла одну изъ самыхъ спокойныхъ и богатыхъ мѣстностей на Кавказѣ. Отъ Чемахловъ до Нухи дорога идетъ горами, но сейчасъ же оживляется, судя по количеству встрѣчаемыхъ арбъ. Проѣзжая ночью,

*) Теперь, какъ извѣстно, рѣшено строить дорогу на Елисаветополь, а не по Кахетіи. *Примѣч. автора.*

я только и слышалъ крикъ: «хабарда!» (посторонись), и затѣмъ поспѣшное хлестаніе кнутомъ вьючныхъ ословъ и быковъ и скрипъ немазанныхъ арбъ, запряженныхъ буйволами. По поводу слова «хабарда» могу сообщить, что такъ прозвали туземцы Тифлиса, извѣстные, говорятъ, своимъ остроуміемъ еще съ XII вѣка, кринолины. На разсвѣтѣ я увидѣлъ снова сады, совершенно схожіе съ тѣми, которые оставилъ за Аксу, и среди этой зелени доѣхалъ до Нухи, армянскаго города, буквально утонувшаго въ садахъ. Нуха, какъ Кутаисъ и нѣкоторые другіе города Закавказья, напоминаетъ скорѣе рядъ дачъ, разбросанныхъ среди роскошной растительности, чѣмъ городское поселеніе. Въ Нухѣ, впрочемъ, есть уличные фонари и другіе наружные признаки цивилизаціи; сюда на лѣто переѣзжаютъ губернскія власти изъ Елисаветполя, гдѣ во время жаровъ жизнь невозможна для европейцевъ, такъ какъ ко всѣмъ прочимъ непривлекательнымъ сторонамъ присоединяется еще гнилая вода, и «годовикъ» — ужасный лишай, совершенно уродующій человѣка. Если бы не центральное положеніе Елисаветполя, то Нуха — торговый городъ, со всѣми удобствами къ жизни и отличнымъ климатомъ — имѣлъ бы, конечно, несравненно болѣе правъ на избраніе его пунктомъ для сосредоточенія губернскаго управленія. Не меньшее право на подобное предпочтеніе имѣетъ Шуша, прекрасно обстроенный армянскій городъ, сравнительно съ которымъ Елисаветполь, кажется, совершенно деревней.

V.

Нуха.—Почтовая ѣзда за Кавказомъ.—Закаталы.—Долина Алазани.—Сигнахъ.—Кахетія.—Грузины и грузинки.—Нѣмецкія колоніи.—Тифлисъ.—Вопросъ о тифлисскомъ университетѣ.

Какъ почти вездѣ на Кавказѣ, городское населеніе Нухи состоитъ едва-ли не исключительно изъ армянъ. Въ Россіи армяне составили себѣ незавидную репутацію не совсѣмъ честныхъ торговцевъ, качествами приближающихся къ евреямъ; въ Закавказьѣ положеніе армянъ совсѣмъ другое, хотя нельзя сказать, чтобъ они и тамъ пользовались расположеніемъ; корыстолюбіе и холодный эгоизмъ по отношенію къ другимъ національностямъ повсюду составляетъ отличительную черту армянъ. Строго разбирая разноплеменный составъ Кавказа, куда, по остроумной легендѣ, разсказанной Шамилемъ, «Александръ Македонскій, въ видѣ наказанія, поселилъ собранныхъ со всего свѣта разбойниковъ и мошенниковъ», нельзя, однако, не признать за армянами серьезнаго направленія ихъ характера. Армяне занимаются въ Закавказьѣ не только торговлею, но и земледѣліемъ, ремеслами, служатъ въ гражданской и военной службѣ. Оцѣнка этой дѣятельности весьма, впрочемъ, различна. По мнѣнію однихъ, армяне отличаются трудолюбіемъ, мирнымъ нравомъ, прекрасными семейными качествами и любовью къ образованію; даже армянскія женщины выгодно отличаются отъ другихъ женщинъ Закавказья стремленіемъ къ просвѣщенію, хотя не чужды въ этомъ случаѣ увлеченію нѣкоторыми крайностями. По отзывамъ другихъ, армяне, не пренебрегая никакими средствами, стремятся играть преобладающую роль и эксплоатировать другія народности. Замѣчательно, что никогда почти не идутъ они въ услуженіе; кромѣ того, изучая очень скоро всѣ языки, сами армяне никого почти не научаютъ своему, правда очень трудному языку, который остается такимъ обра-

зомъ чѣмъ-то въ родѣ франъ масонскаго жаргона, понятнаго только для посвященныхъ. Относясь презрительно къ другимъ національностямъ, армяне, наоборотъ, поддерживаютъ другъ друга, всѣми дозволенными и недозволенными средствами. По общему отзыву, армяне лучше когда живутъ сплошнымъ населеніемъ, какъ напр. въ Эриванской губерніи или Эрзерумскомъ виляйетѣ, чѣмъ когда они разсѣяны среди чуждаго имъ населенія.

Дорога изъ Нухи до Закаталъ, и далѣе до Лагодехъ, идетъ непрерывными садами. Въ такомъ мѣстѣ совершенно забываешь, что ѣдешь по почтовой дорогѣ: деревья образуютъ непроницаемый для лучей солнца сводъ зелени надъ головою, совершенно, какъ въ роскошныхъ подстоличныхъ паркахъ. Иллюзія не совсѣмъ пріятно прерывается только безпрерывными переѣздами черезъ каменистые горные потоки, служащіе источниками для орошенія садовъ и полей. Потоковъ такъ много, что нельзя и думать объ устройствѣ мостовъ; переѣздъ же по крупной галькѣ, устилающей широкія русла полувысохшихъ рѣчекъ, по которымъ кое-гдѣ сочится узенькими струями вода, не совсѣмъ удобенъ. Возятъ по этой дорогѣ хуже, чѣмъ до Шемахи, потому что вмѣсто русскихъ и татаръ ямщиками служатъ сначала армяне, а потомъ грузины, не любящіе ни лошадей, ни ухорской ѣзды. Я ѣхалъ безъ особыхъ задержекъ, хотя почтовыхъ лошадей на станціяхъ по тракту немного. Только на одной станціи, около Закаталъ, пришлось прождать часа два, пока усталыя лошади поѣли ячмень. Сѣна закавказскія лошади почти не видятъ и круглый годъ довольствуются ячменемъ и соломою; но, не смотря на такую пищу, качествомъ своимъ лошади не дурны; лучшія, особенно верховыя, получаются изъ южной части Елисаветопольской губерніи—это знаменитыя карабахскія лошади, на тонкихъ ногахъ, обыкновенно прекрасной золотисторыжей масти. Ожиданіе на станціи было не совсѣмъ для меня удобно; помѣщеніе не было отстроено и ничего не оставалось, какъ лежать подъ деревомъ на растянутомъ на землѣ пледѣ; это, конечно, имѣетъ въ жаркій день свое удовольствіе, хотя близость конюшенъ увеличивала число разныхъ насѣкомыхъ.

Просидѣть только разъ на цѣломъ пути на станціи считается на Кавказѣ особымъ счастіемъ, чуть не чудомъ, потому что нигдѣ нѣтъ такихъ задержекъ въ полученіи почтовыхъ лошадей; всѣ книги переполнены болѣе или менѣе краснорѣчивыми жалобами проѣзжающихъ, на разныхъ европейскихъ и азіятскихъ языкахъ. Съ подорожной по

частной надобности на Кавказѣ на почтовыхъ никто почти не рѣшается ѣздить; но и казенная подорожная производитъ самое ничтожное дѣйствіе, такъ какъ всѣ почти ѣздятъ на курьерскихъ. На каждой станціи развѣшано подъ стекломъ множество циркуляровъ, «строжайше» воспрещающихъ выдачу курьерскихъ подороженъ безъ исключительной надобности; но или эти воспрещенія недостаточно категоричны, или нарушеніе почтовыхъ правилъ вошло уже слишкомъ въ нравы — только случается, что въ сутки проѣзжаетъ по десяти и болѣе курьеровъ въ дормезахъ, съ многочисленными семействами, да еще по трактамъ, «откуда три года скачи, никуда не доскачешь». Что везутъ эти курьеры и куда такъ торопятся—неизвѣстно. Разсказываютъ, что одинъ проѣзжающій, тщетно прождавъ нѣсколько дней на станціи лошадей, не нашелъ возможности уѣхать иначе, какъ записавъ въ книгу фантастическую жалобу, будто смотритель укралъ у него серебряную ложку. Бѣдный смотритель, играющій и здѣсь довольно жалкую роль, досталъ гдѣ-то лошадей, чтобъ отдѣлаться отъ непріятнаго разбирательства.

Видъ Закаталъ славится на Кавказѣ, хотя я не нашелъ въ немъ ничего особеннаго послѣ множества другихъ прелестныхъ видовъ, встрѣчающихся по дорогѣ. Городъ расположенъ у входа въ ущелье, знаменитое по многочисленнымъ экспедиціямъ противъ лезгинъ, и окруженъ высокими горами, покрытыми лѣсомъ. Онъ состоитъ изъ крѣпости, казенныя строенія которой не совсѣмъ гармонируютъ своимъ казарменнымъ характеромъ съ окружающею поэтическою мѣстностью, и форштадта—армянскаго городка, разсѣяннаго между фруктовыхъ садовъ. Почтовая станція находится на форштадтѣ, рядомъ со строющеюся большою шелкомотальною фабрикой Сапарова. Шелководство и тутъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ занятій жителей, не совсѣмъ, впрочемъ, какъ слышно, выгодное. На станціи я нашелъ обѣдъ, состоявшій изъ супа изъ баранины, бифштекса изъ баранины, овечьяго сыра и вина, налитаго изъ бараньяго бурдюка. На почтовыхъ станціяхъ подобный обѣдъ, какъ извѣстно, считается благодатью, и я, признаюсь, ѣлъ его не безъ аппетита, удвоеннаго чистымъ и прекраснымъ горнымъ воздухомъ.

Туземки въ Закаталахъ отличаются красивою наружностью и оригинальнымъ пестрымъ костюмомъ. Экземпляры эти принадлежали не армянкамъ, а племени, имени котораго я не разобралъ; оно говоритъ по-грузински, но исповѣдуетъ магометанскую вѣру. Какъ у всѣхъ горцевъ, женщины не особенно скрываютъ своего лица. Замѣчательно, что

въ восточной части Кавказа, гдѣ не было возмутительной торговли женщинами, положеніе послѣднихъ было хуже и онѣ были всегда сильнѣе обременены сельскими и домашними работами. Слѣдовательно, и у горцевъ, при ихъ первобытой простотѣ, страсть къ наживѣ была болѣе сильнымъ побужденіемъ къ лучшему уходу за женщинами, чѣмъ семейные инстинкты.

Закаталы и въ настоящее время составляетъ довольно важный стратегическій пунктъ. Какъ извѣстно, очень мало горцевъ выселилось изъ восточной части горъ, и до-сихъ поръ въ Дагестанѣ и Терской области живетъ около полумилліона населенія, обезоружить которое было бы рискованно, но которое, оставаясь вооруженнымъ, также представляетъ весьма очень опасную для нашего спокойствія на Кавказѣ силу, вызвать которую изъ инерціи весьма не трудно *). Но какъ бы ни былъ звобужденъ снова національный или религіозный фанатизмъ горцевъ мы не будемъ уже играть пассивной роли и дѣйствовать ощупью, какъ въ прискорбную эпоху 1843—1859 года. Причина упроченія нашего положенія заключается въ ознакомленіи съ топографическими условіями Кавказа. Нѣкоторыя необходимыя дороги въ горахъ уже проложены, другія хотя и не расчищены, но ихъ стратегическое значеніе извѣстно, а потому прочное обладаніе такими пунктами, какъ Закаталы, откуда идетъ нѣсколько подобныхъ путей, чрезвычайно важно и оцѣнено по достоинству. По неизвѣстнымъ для меня соображеніямъ, Закатальскій округъ до-сихъ-поръ не присоединенъ еще ни къ какой губерніи, а образуетъ особую, микроскопическую административную единицу. Администраціи его, равноправной съ губернской, дѣла, очевидно, не очень много и свое она усердіе обращаетъ на предметы, повидимому, не всегда того заслуживающіе. Дороги въ Закатальскомъ округѣ обсажены, напримѣръ, деревьями; дѣло это хорошее; но для однообразія деревья разсаживались даже тамъ, гдѣ дорога идетъ посреди густыхъ, тѣнистыхъ садовъ. Къ чему израсходованы трудъ и казенныя деньги на посадку подобныхъ деревьевъ—понять трудно.

Изъ Закаталъ въ Тифлисъ можно проѣхать тремя дорогами. Одна изъ нихъ, на Царскіе Колодцы, не совсѣмъ еще была доступна, по малому количеству лошадей на станціяхъ; затѣмъ дорога на Муганлы—кратчайшая, а дорога на Лагодехи наиболѣе живописная. Я выбралъ сред-

*) События 1877 года вполнѣ подтвердили это предположеніе.

Примѣч. автора.

нюю, т. е. путь на Муганлы, потому что, проѣзжая тутъ ночью, не могъ интересоваться видами по дорогѣ. Переѣхавъ потомъ на правый берегъ Алазани, я по довольно безпокойной дорогѣ, гдѣ даже ямщикъ заблудился и искалъ въ темнотѣ станцію, добрался на разсвѣтѣ до Сигнаха— одного изъ интереснѣйшихъ пунктовъ прославленной Кахетіи. Подъемъ у Сигнаха для тяжелыхъ экипажей совершается на буйволахъ. Мой легкій тарантасъ съ трудомъ тащили пять лошадей. Зигзаги дороги проведены еще были, вѣроятно, грузинскими царями, во время младенчества инженернаго искусства; по крайней мѣрѣ повороты въ иныхъ мѣстахъ такъ круты, что, не погоняя лошадей вскачь рискуешь непремѣнно слетѣть въ обрывъ. То же самое должно случиться, если лошади почему-либо начали пятиться назадъ или сломался бы экипажъ. Не скажу, чтобъ я ѣхалъ съ особенно спокойнымъ духомъ. Тарантасъ добылъ я по случаю въ Баку, и, какъ всѣ подобнаго рода экипажи, онъ показалъ свои достоинства на дорогѣ. На первой станціи лопнули тяжи, на второй отлетѣли постромки, далѣе пришлось перетянуть шины, наконецъ, оказалось, что расхлябались гайки. Естественно возникалъ вопросъ, что будетъ, если на подъемѣ сразу полетятъ тяжи, постромки, гайки и т. д. Эти философскія размышленія были, однако, скоро позабыты, при видѣ необыкновенной картины, открывающейся на подъемѣ въ Сигнахъ.

Сигнахъ, куда многіе тифлисскіе жители выѣзжаютъ на дачу, находится на вершинѣ водораздѣла, отдѣляющаго р. Алазань отъ рѣки Куры. Тутъ сохранилась сильная, по грузинскимъ понятіямъ, крѣпость изъ булыжника на цементѣ, служившая для удержанія лезгинъ, если бы послѣдніе, разоривъ Кахетію, вздумали ворваться въ Карталинію. Подъ защитою крѣпости весь склонъ горы густо населенъ и покрытъ садами, виноградниками и сельскими поселеніями. Это одна изъ самыхъ оживленныхъ мѣстностей Кахетіи, богатствомъ уступающая только Телавскому уѣзду, богатѣйшему въ Закавказскомъ краѣ и производящему лучшее кахетинское вино. На пространствѣ какихъ-нибудь двадцати верстъ можно увидѣть тутъ довольно близко и сельскую, и городскую жизнь грузинъ. Послѣдняя, впрочемъ, почти ничѣмъ не отличается отъ первой, такъ какъ грузины — народъ исключительно земледѣльческій. Пороки и достоинства этого племени объусловлены преимущественно этимъ образомъ жизни, а затѣмъ уже климатическими и историческими условіями.

Изъ всѣхъ народностей Закавказья, конечно, самая симпатиче-

ская — грузины, именно грузины Тифлисской губерніи, сохранившіе свою историческую независимость; другія отрасли грузинскаго племени, имеретины, мингрельцы и особенно аджары отъ долговременнаго рабства, гораздо болѣе понизились въ нравственномъ отношеніи. У грузинъ есть много чертъ, легко сближающихъ ихъ съ славянами; трудно себѣ представить народъ простодушнѣе, добродушнѣе и гостепріимнѣе. Это активъ грузинскихъ добродѣтелей; за то не малъ и пассивъ: грузины замѣчательно лѣнивы, трудъ считается наказаніемъ, а для благороднаго человѣка, которыхъ послѣ князя Воронцова поощрявшаго образованіе дворянскаго элемента множество даже въ лаптяхъ, — униженіемъ; лежать на боку, пить вино или ходить въ гости — вотъ истинное времяпровожденія для каждаго грузина. Подобное настроеніе облегчается самою природой.

Обиліе вина въ Кахетіи и другихъ частяхъ Грузіи чрезвычайное; ни одинъ рабочій не нанимается тамъ, не выговоривъ себя «тунгу» (5 бутылокъ) вина ежедневно; даже дѣвушки пьютъ вино десятками стакановъ, а угощеніе виномъ грудныхъ младенцевъ для ихъ успокоенія — дѣло обычное. Количество выпиваемаго вина считается въ Грузіи даже мѣриломъ достоинства человѣка. «Такой умный человѣкъ, одинъ выпиваетъ бурдюкъ вина», говорятъ грузины, желая похвалить коголибо. Лица, способныя руководить попойками (тулумбаши), очень цѣнятся грузинами; они содѣйствуютъ поглощенію вина остроумными приглашеніями и замѣчаніями; грузинское остроуміе, впрочемъ, самаго невиннаго свойства и основано премущественно на отъискиваніи созвучій ко всѣмъ словамъ. По этому поводу сами грузины разсказываютъ слѣдующій забавный анекдотъ. Приходитъ къ уѣздному начальнику жаловаться грузинъ, что его ограбилъ русскій.

— Все у меня взялъ, говоритъ грузинъ, хурду-мурду, курицу мурицу, баранъ-маранъ и т. д.

— Вотъ я васъ помирю, говорить закавказскій Соломонъ русскому: бери себѣ хурду, а ему отдай мурду, себѣ возьми курицу, а ему уступи мурицу, себѣ барана, а ему марана... Подъ руководствомъ опытнаго тулумбаша, грузины пьютъ иногда по трое сутокъ подъ-рядъ, причемъ величайшее искусство состоитъ въ томъ, чтобы выпить, не переводя духа, огромный турій рогъ, вмѣщающій нѣсколько бутылокъ вина. Къ чести грузинъ нужно прибавить, что скромные таланты свои по части питья они прилагаютъ къ почвѣ довольно благодарной, потому что, при самыхъ строгихъ даже требованіяхъ, кахетинское вино можетъ быть отнесено къ

числу очень хорошихъ. Достоинство вина замѣтно еще повышается, если оно хорошо выдержано и розлито въ бутылки, а не въ бурдюки. Правда, что такое вино обходится не дешево; въ Тифлисѣ, напримѣръ, самое лучшее столовое вино князя Чавчавадзе, изъ Цинондалъ, продается по рублю бутылка, безъ посуды. Посредственное вино за то нипочемъ, и грузины въ урожайные годы моютъ имъ даже руки, лѣнясь ходить за водою.

Послѣ пьянства величайшая страсть грузинъ—танцы; но какъ музыкальные инструменты, такъ и танцы крайне не разнообразны. По всему Закавказью танцуютъ преимущественно «лезгинку». Страсть къ «лезгинкѣ» до-сихъ-поръ такъ сильна, что даже въ обществахъ, гдѣ всѣ одѣваются по-европейски, на балахъ, послѣ разныхъ полекъ, вальсовъ и котильоновъ, танцуютъ непремѣнно «лезгинку».

Танцы грузинокъ даютъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ о самихъ грузинкахъ и о красотѣ ихъ, издавна прославленной всѣми путешественниками, а въ русской литературѣ чрезмѣрно возвеличенной Лермонтовымъ. Сколько я могъ наблюсти, грузинки всѣхъ племенъ хотя и отличаются породистостью, а порода, по словамъ Лермонтова важнѣе въ женщинахъ, чѣмъ даже въ лошадяхъ, уступаютъ далеко красотою мингрелкамъ, о которыхъ я сообщу подробнѣе при описанiи Кутаисской губернiи, и, судя, даже по лучшимъ образцамъ, пользующимся въ Тифлисѣ репутацiею первыхъ красавицъ, нѣсколько ниже своего реноме. Однообразiе въ ихъ фигурѣ господствуетъ чрезвычайное, и въ общей массѣ кажется, будто бы грузинки различаются между собою только лѣтами. Лица ихъ чрезвычайно типическiя, но эта типичность, повторяясь въ одинаковыхъ формахъ, утомляетъ глазъ. Всѣ грузинки имѣютъ покатый лобъ, длинный горбатый носъ, довольно выдавшiяся скулы, глаза очень большiе и красивые, но съ выраженiемъ какой-то тупости или равнодушiя, вѣроятно оттого, что въ этихъ глазахъ рѣдко отражается мысль; губы грузинокъ, румяныя какъ у всѣхъ жителей горъ, очерчены чрезвычайно правильно, но довольно рѣзкими чертами, и кажутся всегда сжатыми; подбородокъ тонкiй и какъ бы вытянутый; зубы и волосы превосходны, но черные волосы скоро сѣдѣютъ; вообще всѣ черты грузинокъ созданы такъ, чтобы въ старости, и даже ранѣе, когда юношеская свѣжесть лица пропадаетъ, получить непрiятное выраженiе: длинный носъ и подбородокъ сходятся тогда и получается выраженiе хищной птицы. Грузинки вообще не отличаются строгими добродѣтелями, и къ ученiю показываютъ гораздо

менѣе охоты, чѣмъ армянки, но за то превосходятъ послѣднихъ рѣзвою веселостью и наивностью, а въ старости бываютъ гораздо добродушнѣе. Они также гораздо лучше сложены, нежели армянки.

Женщины въ Грузіи, въ массѣ, были бы гораздо красивѣе, еслибы отказались отъ своего національнаго костюма или сдѣлали въ немъ нѣсколько благоразумныхъ реформъ. Уродливъ именно костюмъ грузинокъ и имеретинокъ; гурійки и мингрелки носятъ другой, болѣе раціональный нарядъ. Въ особенности въ грузинскомъ костюмѣ уродуетъ женщину головной уборъ: плоская круглая шапочка, «касакрави», волосы, зачесанные пуклями и пущенные впереди ушей по щекамъ, и прозрачное бѣлое покрывало. Этотъ уборъ, по своей уродливости, едва-ли даже національнаго происхожденія; онъ заимствованъ, кажется, изъ Византіи, имѣвшей до XV вѣка довольно значительное культурное вліяніе на Грузію. «Касакрави» и пукли уродуютъ грузинскихъ женщинъ особенно тѣмъ, что скрываютъ правильное очертаніе ихъ головы, красивую шею и плечи, и оставляютъ открытымъ длинный носъ, выдавшійся подбородокъ, сжатыя губы и большіе глаза, отчего всѣ эти черты кажутся еще болѣе рѣзкими, чѣмъ онѣ въ дѣйствительности; привычка глаза, конечно, играетъ свою роль, но почти несомнѣнно, что каждая грузинка выигрываетъ, измѣняя свой костюмъ на европейскій; къ сожалѣнію, это можно до-сихъ-поръ сказать о немногихъ національныхъ костюмахъ, уничтоженіе которыхъ одно изъ наиболѣе грустныхъ плодовъ цивилизаціи. Въ деревняхъ грузинки не отличаются прическою и головнымъ уборомъ отъ горожанокъ; онѣ носятъ обыкновенно черное шерстяное платье, и по цѣлымъ днямъ вяжутъ чулокъ, не оставляя его даже по дорогѣ изъ одного селенія въ другое.

Вслѣдствіе своего разгульнаго и легкомысленнаго характера, грузины, конечно, не въ состояніи копить деньги, а наоборотъ, съ чрезвычайною легкостью дѣлаютъ долги. Въ настоящее время всѣ помѣщичьи имѣнія въ Грузіи и Имеретіи чрезвычайно обременены долгами и находятся въ залогѣ у армянъ; только устройство толковаго поземельнаго банка хотя немного облегчитъ положеніе поземельной собственности. Періодъ управленія князя Воронцова, который болѣе всего способствовалъ поднятію загнаннаго до-тѣхъ-поръ туземнаго элемента, содѣйствовалъ, отчасти, къ сожалѣнію, задолжанію грузинскихъ помѣщиковъ. По понятіямъ того времени, «сближенію сословій» болѣе всего могли содѣйствовать балы и вечера. Скупые армяне уклонялись отъ этихъ празднествъ въ Тифлисѣ, но грузины чрезвычайно охотно посѣщали

всякія торжества; обходилось же это имъ не дешево, потому что на балы допускались только одѣтые по модѣ, а тогда грузинскія дамы, досихъ-поръ еще иногда пріѣзжающія на балъ верхомъ, не только о модныхъ нарядахъ, но даже о чистомъ бѣльѣ имѣли понятіе весьма смутное. Кромѣ тщеславія, подобно всѣмъ южнымъ народамъ, грузинамъ свойственно еще хвастовство. Съ величайшимъ апломбомъ грузинъ будетъ разсказывать вамъ самыя невѣроятныя вещи, за то и не обидится, если будетъ уличенъ во лжи. При мнѣ обличили одного князя, угощавшаго бутылкой «столѣтняго» вина, изъ которой, когда ее откупорили, вылетѣла муха. Подобные случаи нерѣдки.

Не доѣзжая Тифлиса, встрѣчаются нѣмецкія колоніи, поселенія швабовъ, эмигрировавшихъ въ 20-хъ годахъ. Швабы и здѣсь не потеряли своихъ отличительныхъ качествъ: трудолюбія и нѣкоторой тупости; о послѣдней на Кавказѣ существуетъ не мало забавныхъ анекдотовъ. Нѣмецкія колоніи пользуются за Кавказомъ благосостояніемъ, въ особенности тѣ, которыя могутъ снабжать Тифлисъ масломъ и огородными овощами; нѣмцы выдѣлываютъ также недурное вино; но общіе результаты переселенія ихъ, сравнительно съ данными колонистамъ привилегіями, а равно съ пособіями въ деньгахъ на переѣздъ, съ уступкой отличныхъ земель и освобожденіемъ отъ налоговъ и повинностей, признаются совершенно ничтожными. Болѣе всего виновато, повидимому, отсутствіе у нѣмцевъ способности или желанія сближаться съ болѣе неразвитыми сосѣдями. Сами нѣмцы еще кое-что переняли у туземцевъ, напримѣръ, систему ирригаціи; но туземцы, а также и русскіе, не заимствовали отъ нѣмцевъ ровно ничего, и нѣмецкія колоніи образуютъ какъ бы отдѣльные оазисы, среди совершенно чуждой территоріи. Это явленіе замѣчено повсюду въ Россіи. Я лично видѣлъ въ Сарептѣ, какъ даже калмыки понимали по нѣмецки, между тѣмъ нѣкоторые сарептскіе нѣмцы не понимали ни слова по русски, точно петербургскіе академики; нечего и говорить уже о незнаніи языковъ инородцевъ. Если сравнить успѣхи колонизаціи за Кавказомъ нѣмцевъ и русскихъ сектантовъ, то безспорно придется отдать предпочтеніе послѣднимъ, какъ достигшимъ, вслѣдствіе умѣнія ассимилироваться, болѣе значительныхъ результатовъ, и съ меньшими средствами, и въ относительно скорѣйшее время.

Во всякомъ случаѣ, зажиточная нѣмецкая колонія, вмѣстѣ съ русскимъ поселеніемъ, только и утѣшаетъ путешественника на всемъ пути отъ Сигнаха до Тифлиса. Окрестности столицы Закавказья совершенно

безжизненны по этому направленію. Горы, окружающія Тифлисъ, также кажутся мертвыми послѣ зеленѣющихъ вершинъ Кахетіи; но поближе видъ на Тифлисъ недуренъ. Безспорно Тифлисъ можетъ быть отнесенъ къ числу наиболѣе оригинальныхъ и красивыхъ городовъ Россіи. Извороты Куры мѣшаютъ нѣсколько общему впечатлѣнію; но съ одной изъ окружающихъ высотъ, отъ церкви св. Давида, изъ Ботаническаго сада и т. д., панорама Тифлиса великолѣпна. Красотѣ вида способствуетъ то, что городъ расположенъ амфитеатромъ, по обѣ стороны рѣки, и оригинальная архитектура грузинскихъ построекъ, съ множествомъ балконовъ, галлерей, легкихъ и вычурныхъ колоннъ и украшеній. Городъ будетъ еще красивѣе, когда разведутъ поболѣе садовъ и привыкнутъ красить дома въ разные цвѣта.

За пять лѣтъ, что я не былъ въ Тифлисѣ, я не нашелъ большой перемѣны. Городъ обстраивается медленнѣе прежняго; лѣтъ десять тому назадъ видно было, говорятъ, въ этомъ случаѣ болѣе оживленія. По наружности Тифлисъ кажется очень торговымъ городомъ, но существуетъ подозрѣніе, что огромное число лавокъ, какъ вообще на Востокѣ, служитъ скорѣе для времяпровожденія ихъ хозяевъ, чѣмъ для дѣйствительныхъ потребностей городской торговли. Введенный теперь за Кавказомъ уставъ о пошлинахъ за право торговли сократитъ, по всей вѣроятности, число торговыхъ заведеній въ Тифлиссѣ. Многія лавки служатъ также только средствомъ для распространенія фальшивыхъ ассигнацій, усердно заготовляемыхъ и сбываемыхъ нахичеванскими армянами среди малограмотныхъ туземцевъ, о наивности которыхъ по части печатнаго можно судить, напримѣръ, по тому, что въ Вольной Сванетіи, номинально христіанской, этикеты московской сургучной фабрики Плигина употреблялись вмѣсто образовъ. Населеніе въ Тифлисѣ чрезвычайно смѣшано; но и численно, и особенно по богатству, преобладаютъ армяне. Уже въ началѣ этого столѣтія, когда Тифлисъ былъ еще столицею Грузинскаго царства, только 15 домовъ въ городѣ не принадлежали армянамъ; въ настоящее время, если пропорція эта и нарушилась, то единственно вслѣдствіе дѣятельной постройки казенныхъ домовъ; но, исключивъ послѣдніе изъ счета, все-таки окажется, что ни грузины, ни русскіе никакой недвижимой собственности въ городѣ не пріобрѣли: обстоятельство очень прискорбное.

Путешественнику описывать Тифлисъ — дѣло не легкое. По своей величинѣ и значенію, городъ этотъ, составляя маленькую столицу, долженъ имѣть собственную печать, которая сообщаетъ рядъ фактовъ, немедленно

находящихъ отголосокъ въ столичной печати. Затѣмъ пріѣзжій изъ Россіи попадаетъ обыкновенно въ Тифлисѣ въ среду, ничѣмъ не отличающуюся отъ большинства нашихъ большихъ городовъ, а потому Тифлисъ въ его глазахъ не многимъ будетъ отдѣляться отъ Рязани, Казани или Одессы. Нѣсколько церквей, особенно св. Давида, вокругъ которой ползаютъ на колѣнахъ грузинки, желающія имѣть дѣтей — мѣстный предразсудокъ, бани на природныхъ горячихъ сѣрныхъ источникахъ, въ которыхъ я по незнанію чуть не сварился живымъ, да армянскій базаръ — вотъ все, что бросится въ глаза оригинальнаго путешестеннику, остающемуся въ Тифлисѣ нѣсколько дней. Другое дѣло, если онъ поживетъ и понаблюдаетъ: тогда Тифлисъ является однимъ изъ самыхъ интересныхъ городовъ въ Россіи. Напрасно было бы, однако, искать этого интереса въ мѣстной печати. Она состоитъ изъ офиціозной газеты «Кавказъ», сообщающей приказы, запоздалыя политическія извѣстія и faits divers, почерпаемыя изъ журналовъ сороковыхъ годовъ; о Кавказѣ же нѣтъ ни слова, или потоки неудобочитаемго и безсодержательнаго канцелярскаго краснорѣчія о томъ, что «молъ, все обстоитъ благополучно», Частные органы состоятъ изъ армянскихъ газетъ на томъ жаргонѣ, который, какъ я сказалъ выше, понимаютъ только свои люди, и двухъ газетъ, разъигрывающихъ роль мѣстныхъ «Figaro», — русской «Тифлисскій Вѣстникъ» и грузинской «Дроэба» (Времена). Хотя редакція «Вѣстника» заявляла, что она намѣрена издавать кавказскій «Times» а сотрудники его подписываются претенціозными именами: «Буржуа Плебсъ», «Imperfectum», «Футурусъ» и т. п., но дѣло далѣе сообщенія самыхъ мелкихъ уѣздныхъ скандаловъ пока не идетъ. Наружность этой маленькой газеты довольно прилична, а направленіе имѣетъ цѣлью защищать интересы мѣстной интелигенціи, особенно армянъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, которые я провелъ въ Тифлисѣ, couleur locale представлялась для меня въ длинномъ рядѣ бутылокъ кахетинскаго вина; затѣмъ все остальное времяпровожденіе не отличалось ничѣмъ особеннымъ. По образу жизни, Тифлисъ вообще городъ чрезвычайно обрусѣвшій; отъ другихъ городовъ Россіи онъ выдѣляется только пропорціонально весьма значительнымъ числомъ генераловъ, военныхъ и статскихъ. Путешественникъ, остающійся въ Тифлисѣ немного времени, останавливается обыкновенно въ «Hotel d'Europe», довольно хорошо устроенной и опрятной, и проводитъ время неизмѣнно по слѣдующей программѣ: утромъ визиты, обѣдъ въ гостяхъ съ обильнымъ возліяніемъ кахетинскаго, или въ англійскомъ клубѣ; послѣ обѣда прогулка

въ «Муштаидъ» или въ городской садъ; вечеромъ балъ въ «Артистическомъ Кружкѣ», спектакль или концертъ въ нижней части того же городскаго сада.

Англійскій клубъ устроенъ, какъ всѣ заведенія этого рода. Лѣтомъ въ немъ обѣдаютъ въ саду и пьютъ водку, приносимую со льда, вѣроятно для прохлажденія. Общество тутъ хорошее и правила строгія. Городской садъ разведенъ княземъ Барятинскимъ въ центрѣ города, на мѣстѣ бывшаго при грузинскихъ царяхъ ипподрома. При тщательной поливкѣ, садъ хорошо разросся и составляетъ украшеніе Тифлиса, вообще бѣднаго зеленью. Муштаидомъ называется загородный садъ на правомъ берегу Куры, за нѣмецкою колоніею; онъ не отличается ничѣмъ особеннымъ, кромѣ свѣжей зелени; по особой аллеѣ разъѣзжаютъ тифлисскія амазонки. «Артистическій Кружокъ», или просто «кружокъ», такъ какъ никакихъ артистовъ въ немъ нѣтъ — нѣчто въ родѣ лѣтняго помѣщенія клуба, близъ Муштаида. Тутъ по четвергамъ собирается все многочисленное тифлисское общество, и путешественникъ можетъ видѣть тифлисскихъ красавицъ, генераловъ и грузинскихъ князей. Нравы кружка ничѣмъ не отличаются, напримѣръ, отъ нравовъ лѣтняго помѣщенія петербургскаго благороднаго собранія: мужья играютъ въ карты, дамы и дѣвицы танцуютъ; затѣмъ слѣдуетъ плохой ужинъ на счетъ кавалеровъ или мужа, если послѣдній выигралъ въ карты. Лѣтній театръ даетъ по-очереди или цѣлые спектакли, или небольшіе водевили, перемѣшанные съ музыкою въ саду; это называется концертами. Зданіе театра недурно отдѣлано; театральный оркестръ также недуренъ; при мнѣ играла труппа г. Яблочкина довольно посредственная; выдавались только наши старыя знакомыя, г-жи Яблочкина 2-я и Михайловская, и провинціальный комикъ г. Протасовъ. Публика въ театрѣ крайне снисходительная. Прежде въ Тифлисѣ труппа была получше, была даже итальянская опера; но, говорятъ, что какими-то случайностями израсходованы за нѣсколько лѣтъ впередъ деньги, ассигнуемыя, въ видѣ пособія театру, администраціею. Новое театральное управленіе пополнило, впрочемъ, дефицитъ. Зданіе для здѣшнихъ представленій, помѣщающееся въ караванъ-сараѣ, на Эриванской площади, очень роскошно отдѣлано въ мавританскомъ вкусѣ *).

Живя въ Тифлисѣ, я неоднократно слышалъ заявленія о необходи-

*) Это зданіе послѣ моего отъѣзда сгорѣло и я не знаю возобновлено-ли.

мости учрежденія въ этомъ городѣ университета. Желаніе это нужно признать въ высшей степени законнымъ, а препятствія, придумываемыя этому дѣлу,—совершенно неосновательными. Въ настоящее время огромный Закавказскій край не имѣетъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, не только общеобразовательнаго, но даже техническаго, потому, для пополненія необходимаго для края числа образованныхъ людей, приходится или приглашать ихъ изъ Россіи, или воспитывать тамъ извѣстное число туземцевъ. Но туземцы остаются часто на службѣ въ Россіи; многіе изъ нихъ не выдерживаютъ суроваго климата и умираютъ или возвращаются, не кончивъ курса; другіе, удаленные отъ семейнаго надзора, лѣнятся и ничего не дѣлаютъ; при этомъ, подобная система воспитанія обходится очень дорого. Часть молодежи отправляется также заграницу гдѣ не имѣя надлежащей выдержки дѣлается глупою жертвою разныхъ проходимцевъ, якобы революціонныхъ агентовъ. Все это устранилось бы съ устройствомъ собственнаго университета. Судя по огромному приливу учениковъ въ гимназіи, хотя за Кавказомъ нѣтъ пока особаго стимула, въ видѣ всесословной воинской повинности, нельзя сомнѣваться, что всѣ факультеты университета были бы очень быстро переполнены слушателями; распространеніе высшаго образованія содѣйствовало бы скорѣе всего поднятію края, и въ нравственномъ, и въ экономическомъ отношеніи. Въ настоящее время туземецъ не мечтаетъ идти далѣе писца или армейскаго офицера, а тогда открывались бы предъ нимъ множество другихъ полезныхъ карьеръ. Устройство тифлисскаго университета откладывалось до-сихъ-поръ, говорятъ, по причинамъ, преимущественно политическимъ; а между тѣмъ нельзя не признать, что русскій университетъ былъ бы скорѣе лучшимъ орудіемъ обрусенія края и скрѣпленія его съ имперіей, чѣмъ наоборотъ.

Не говоря уже объ общечеловѣческомъ значеніи науки и чисто-реальнаго направленія большинства ея отраслей, несомнѣнно, что туземная цивилизація слишкомъ скудна, чтобы устоять противъ вліянія европейскаго просвѣщенія, производимаго на русскомъ языкѣ. И теперь многія туземныя нарѣчія такъ бѣдны, что названіе ножа, вилки и т. п. «отвлеченныхъ» понятій, цѣликомъ заимствуется изъ русскаго языка. Даже древнѣйшіе и наиболѣе распространенные языки являются совершенно безпомощными въ своемъ развитіи. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить армяне. Тифлисъ — городъ по преимуществу армянскій; но тамошнее армянское нарѣчіе съ трудомъ понимается армянами эриванскими и шушинскими:—до такой степени оно

испорчено позаимствованіями. Дѣти армянъ, выучившись по-русски, скоро забываютъ свой языкъ, а сами армяне охотнѣе всего говорятъ въ Тифлисѣ между собою на языкѣ презираемыхъ ими грузинъ. Конечно, есть и у армянъ пуристы, очищающіе языкъ, но труды ихъ безсильны передъ потребностью массы, которая измѣняетъ свой языкъ, сталкиваясь съ другими народностями. То же произойдетъ мало по малу и съ другими народами Кавказа; а языкъ, безспорно, самое сильное оружіе политической объособленности. Давно извѣстно также, что полузнаніе весьма вредно; а вслѣдствіе отсутствія средствъ къ серьезному образованію, туземная молодежь усвоиваетъ себѣ теперь изъ западныхъ знаній только самые верхи, безполезные въ ихъ грубой обстановкѣ. Просвѣщеніе вообще распространялось бы за Кавказомъ скорѣе, если-бы поощрялось поболѣе реальное воспитаніе. Въ настоящее время воспитанникъ средняго учебнаго заведенія, будучи положимъ, армяниномъ, обязанъ, по уставу, а частью вслѣдствіе своей семейной обстановки, изучать языки русскій, армянскій, грузинскій, греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій. Такимъ образомъ въ головѣ мальчика обыкновенно отъ природы довольно тупаго вмѣщаются семь труднѣйшихъ въ мірѣ грамматикъ, прежде чѣмъ туда попадетъ какое-либо полезное реальное знаніе. Возможно-ли подобное воспитаніе для полуразвитой массы?

VI.

Поти-тифлисская желѣзная дорога.—Сурамъ.—Кутаисъ.—Оплакиваніе.—Мингрелки.—Поти и его портъ.—Переходъ до Батума.

Много плохихъ желѣзныхъ дорогъ случалось проѣзжать мнѣ, но ничего хуже поти-тифлисской дороги, признаться, я не видалъ. Отъ начала до конца приходится только удивляться какъ постройкѣ этой дороги, такъ и порядкамъ, на ней существующимъ. Благодаря этимъ порядкамъ, прелестные виды, открывающіеся по дорогѣ, не обращаютъ на себя вниманія измученнаго путешественника и онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета, что проѣзжаетъ по одной изъ живописнѣйшихъ и интереснѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ въ мірѣ. Дебаркадеръ дороги находится, во-первыхъ, слишкомъ далеко отъ центра города въ Тифлисѣ. Проѣхать это пространство въ фаэтонѣ, конечно, не затруднительно, но пройти для пассажира 3-го класса пѣшкомъ—дѣло не легкое. Вмѣсто приличнаго воксала построена пока деревянная избушка, въ которой могутъ помѣститься съ трудомъ человѣкъ двадцать; между тѣмъ тутъ ежедневно отправляются и пріѣзжаютъ сотни лицъ; въ томъ же зданіи помѣщается буфетъ, багажная касса, телеграфъ и пр. Толкотня и безпорядокъ въ моментъ отхода поѣзда невообразимые. Я попалъ въ день, который соотвѣтствуетъ отходу изъ Поти двухъ пароходовъ, за-границу и въ Одессу, и потому не только взять билетъ или сдать багажъ, но даже попасть на дебаркадеръ было возможно только съ чрезвычайными усиліями, и притомъ если не гоняться, какъ говорится, за всякимъ тычкомъ. Давку усиливалъ существующій до-сихъ поръ въ Тифлисѣ обычай провожать на станцію своихъ знакомыхъ. На этотъ разъ ѣхало съ нами нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, которыхъ провожало

полъ-города, вставшаго для того съ разсвѣтомъ, такъ какъ единственный почтово-пассажирскій поѣздъ отходитъ изъ Тифлиса рано утромъ.

Отъ Тифлиса до Сурама не происходитъ ничего особеннаго; путешественникъ удивляется только необыкновенно высокой цѣнѣ проѣзда и тому, что поѣзды на каждой станціи стоятъ, неизвѣстно почему, по десяти и болѣе минутъ; на станціяхъ же нѣтъ ничего, кромѣ крошечныхъ ящиковъ для помѣщенія кассы, нигдѣ не только нѣтъ буфетовъ, но даже комнаты для отдыха пассажировъ. Въ Мцхетѣ часть публики удаляется, потому что тутъ многіе тифлисцы живутъ на дачахъ. Не мало также пассажировъ выходятъ въ Гори, уѣздъ котораго переполненъ грузинскими князьями, мелкопомѣстными помѣщиками, водворившимися на мѣстахъ древнихъ троглодитовъ, замѣчательныя жилища которыхъ, разсѣянныя во многихъ мѣстахъ Закавказья, въ семи верстахъ отъ Гори, въ Уплисъ-Цихе, образуютъ цѣлый городъ, описанный еще Страбономъ; онъ высѣченъ въ скалѣ. На станціи Михайлово поѣздъ стоитъ очень долго; отсюда идетъ дорога въ Боржомъ, лѣтнюю резиденціею Его Высочества Намѣстника, въ верховьяхъ Куры; на этой станціи выходятъ представители высшей тифлисской администраціи, отправляющіеся по службѣ, съ докладами. Дорога отъ Тифлиса до Михайлова живописна и оживляется теченіемъ Куры. Сначала насыпь идетъ по довольно узкому ущелью, которое постепенно расширяется и около Гори переходитъ въ мѣстность тщательно обработанную: повсюду видны деревни, сады, орошаемыя пашни и развалины древнихъ замковъ, которыхъ въ Грузіи и Имеретіи вообще было очень много, такъ какъ феодализмъ и кулачное право процвѣтали тутъ во всемъ блескѣ почти до нашихъ дней, да и до-сихъ-поръ, уничтоженные законодательнымъ порядкомъ, сохранились отчасти въ правахъ жителей. Изъ старинныхъ построекъ, по объему, замѣчательнѣе всего возвышающіяся надъ Гори развалины крѣпости Горисъ-Цихе, славной уже въ VII вѣкѣ.

Въ Михайловѣ происходитъ также пересадка пассажировъ въ поѣздъ, идущій черезъ Сурамскій перевалъ, наиболѣе трудную часть поти-тифлисской желѣзной дороги. Строители, ради ускоренія постройки дороги и сбереженія расходовъ, всячески избѣгали необходимыхъ туннелей, и предпочли имъ крутые спуски и подъемы и повороты съ малыми радіусами. Подобная ошибка, нисколько не сократившая ни времени постройки, ни расходовъ, служитъ причиною того, что правильное движеніе по дорогѣ прерывается безпрерывными пересадками пассажировъ

и перегрузками товаровъ. По первоначальному проекту, въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ перевала могли смѣло идти поѣзды изъ двѣнадцати вагоновъ; въ дѣйствительности же очень сильный двойной паровозъ, системы Ферли, едва можетъ поднять пять вагоновъ; нерѣдко же публику черезъ перевалъ перевозятъ на почтовыхъ лошадяхъ. Въ Михайловѣ каждый день управленію дороги предстоитъ мудреная задача помѣстить цѣлый поѣздъ пассажировъ въ пять небольшихъ вагоновъ. Имѣя въ виду огромное количество ручнаго багажа, который всегда берутъ наши путешественники, сохранившіе привычки поѣздки по почтовымъ дорогамъ, можно представить себѣ, какъ легко сдѣлать «сокращенное изданіе» поѣзда. Тутъ смѣшиваются безъ церемоніи всѣ классы; крикъ и гвалтъ страшные; на двоихъ сидящихъ приходится по два и по три стоящихъ; стоять же полсутки на ногахъ въ трясущемся вагонѣ не доставляетъ, какъ извѣстно, большаго наслажденія. На всѣ жалобы служащіе на дорогѣ возражаютъ, что necessité fait vertu, и что такъ какъ поѣздъ можетъ вытянуть только пять вагоновъ, то и толковать не о чемъ, а не желая возвратиться въ Тифлисъ, слѣдуетъ только заботиться, какъ бы не передраться со своими сосѣдями. Чтобы публика не задохлась отъ тѣсноты, открываются настежъ двери вагоновъ, и многіе сидятъ на внѣшнихъ платформахъ. Это, къ счастію, не возбраняется: просятъ только не разговаривать съ кондукторами, которые обязаны внимательно тормозить на спускахъ. Безъ особой системы сильныхъ тормазовъ и пять вагоновъ не удержались бы на существующихъ тутъ крутыхъ спускахъ. Не-заторможенный товарный поѣздъ летѣлъ здѣсь однажды со скоростію ста-восмидесяти верстъ въ часъ, и это стоило жизни болѣе двадцати человѣкъ.

Сурамскій перевалъ, низшая точка имеретинскаго хребта, славится красотою своего мѣстоположенія. Онъ напоминаетъ самыя живописныя долины Штиріи Но при обстановкѣ, въ родѣ вышеописанной, конечно, некогда, да и не охота, любоваться видами природы; время проходитъ въ пререканіяхъ съ сосѣдями о мѣстахъ и въ охраненіи своего багажа отъ похищенія. Сурамскій перевалъ мнѣ былъ уже знакомъ, такъ какъ я проѣзжалъ по немъ на почтовыхъ по великолѣпному шоссе, называемому военно-имеретинскою дорогою, и могу сказать, что желѣзная дорога, хотя она идетъ всего со скоростью сначала девяти, а потомъ двѣнадцати верстъ въ часъ, далеко не даетъ понятія о прелести переѣзда. Самое интересное на Сурамѣ — это быстрый переходъ отъ угрюмыхъ горъ, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, къ чисто-тро-

пической растительности ріонскаго бассейна, гдѣ лиственныя деревья переплетаются до верху вьющимися ліанами и смѣшиваются съ цвѣтущими кустарниками. Растительность тутъ изумительная. Станція Сурамъ, вслѣдствіе происходящихъ невольныхъ задержекъ поѣздовъ, обращается мало-по-малу въ довольно значительное торговое поселеніе. Вообще при этомъ кстати замѣтить, что относительно торговаго движенія поти-тифлисская желѣзная дорога обманула, какъ и многія другія дороги, разсчеты строителей. Полагали при ея преектированіи, что все движеніе будетъ исключительно транзитное, между Поти и Тифлисомъ, и дорога послужитъ преимущественно для заграничной торговле. Но въ первый же годъ движенія съ промежуточныхъ станцій, и грузовое, и пассажирское, превзошло всѣ ожиданія. По всей вѣроятности, оно еще усилится, если на дорогѣ будетъ хотя какой-нибудь порядокъ. Уже теперь дорога имѣла полезное вліяніе на край; Тифлисъ сталъ снабжаться овощами изъ Имеретіи; кукуруза изъ ріонскаго бассейна начинаетъ все въ большемъ и большемъ количествѣ вывозиться за-границу; наконецъ, каменный уголь изъ многочисленныхъ мѣсторожденій кутаисскаго бассейна, лежавшій вѣка мертвымъ капиталомъ, дѣятельно изслѣдуется разными компаніями и отчасти уже эксплоатируется.

На станціи Бежатубани—новая перемѣна вагоновъ. Здѣсь уже нѣтъ такихъ крутыхъ уклоновъ, но за то радіусы кривизны еще меньше; потому поѣздъ хотя идетъ скорѣе, но число вагоновъ такъ же не значительно; вагоны эти не требуютъ такихъ сильныхъ тормазовъ. Если публики много, то въ Квирилахъ снова или пересаживаютъ пассажировъ въ другой поѣздъ, или прибавляютъ вагоновъ. Всѣ эти пересадки опять вызываютъ рядъ комическихъ сценъ. Вся дорога отъ Бежатубани до Квирилъ идетъ по узкому ущелью рѣки Чхеремены, гдѣ отвѣсные утесы глинистаго сланца покрыты сначала плющемъ, а сверху густою, роскошною растительностью, и составляетъ красивѣйшую часть переѣзда. Пассажиры сидятъ тутъ просторнѣе, и потому болѣе имѣютъ возможности смотрѣть по сторонамъ. Не скажу, впрочемъ, чтобы публика особенно занималась красивыми пейзажами; туземцы присмотрѣлись къ нимъ, а мы, русскіе, мало вообще чувствительны къ красотамъ природы. Съ нами сидѣлъ въ купе генералъ, который, не доѣзжая Сурама, разсказывалъ чудеса о томъ, что насъ ожидаетъ. «Ни въ Швейцаріи, ни въ Тиролѣ нѣтъ ничего подобнаго», восклицалъ онъ. Когда же мы въѣхали на перевалъ, генералъ заснулъ крѣпчайшимъ сномъ и

проснулся только около Кутаиса. Я убѣжденъ, что и красоты Швейцаріи и Тироля онъ видѣлъ развѣ во снѣ.

Для переѣзда двухсотъ верстъ, раздѣляющихъ Тифлисъ отъ Кутаиса, требуется теперь двѣнадцать часовъ; но это еще не конецъ странствованія, потому что, по разнымъ, довольно курьезнымъ соображеніямъ, дорогу удалили отъ губернскаго города на семь верстъ, которыя приходится дѣлать въ фаэтонѣ по хорошему, къ счастію, шоссе. Кутаисъ не выдержалъ отклоненія отъ него торговаго пути, и теперь быстро падаетъ; перенесеніе губернской администраціи въ какой-либо другой городъ можетъ обратить его въ простую деревню. И прежде Кутаисъ не имѣлъ почти вида города; это было собраніе мелкихъ дачныхъ построекъ, весьма просторно расбросанныхъ по обѣимъ сторонамъ Ріона, въ весьма живописной мѣстности, среди садовъ; въ городѣ не было ни одной улицы или площади въ европейскомъ смыслѣ слова. Центральное положеніе и отличный климатъ издревле поддерживали, однако, его значеніе. Постройка шоссе оживила нѣсколько городъ. Товары, поднимавшіеся по Ріону до Орпири, слѣдовали затѣмъ на Кутаисъ; хотя самъ городъ никакой серьезной торговли не производилъ, но проѣздъ и остановка транспортовъ и путешественниковъ доставляли доходъ, и около шоссе выросли мало-по-малу двѣ слободки. Во время постройки желѣзной дороги Кутаисъ заблисталъ минутнымъ блескомъ; наѣхало много подрядчиковъ, инженеровъ, разныхъ служащихъ; скопленіе рабочихъ изъ Арменіи и Анатоліи вызвало много разныхъ потребностей: устроились гостинницы, квартиры и прислуга вздорожала, городъ началъ немного обстраиваться. Въ это время Мингрелія и Сванетія, находившіяся въ полудикомъ состояніи, вслѣдствіе ихъ политической независимости, были окончательно присоединены и начали развиваться экономически. При нѣкоторыхъ усиліяхъ, Кутаисъ могъ бы сдѣлаться дѣйствительнымъ центромъ края, довольно населеннаго и спокойнаго; но все это теперь уничтожено направленіемъ желѣзной дороги. Судъ и нѣсколько учебныхъ заведеній связываютъ еще нѣсколько городъ съ краемъ, но торговля окончательно минуетъ его, а потому въ Кутаисѣ, хотя онъ стоитъ отъ моря всего въ восьмидесяти верстахъ, нѣтъ, напримѣръ, въ продажѣ рыбы, такой же недостатокъ и во всѣхъ другихъ необходимыхъ для жизни вещахъ. Порядочныя гостиницы закрылись, клубъ также.

По необыкновенной мертвенности Кутаисъ изъ русскихъ губернскихъ городовъ можно сравнить развѣ съ Петрозаводскомъ. На улицахъ ни-

кого не видно; немногочисленныя лавки пусты; не видно ни фабричныхъ, ни ремесленныхъ заведеній. Общество города состоитъ изъ нѣсколькихъ чиновниковъ. Оно живетъ довольно дружно, но складомъ жизни напоминаетъ скорѣе уѣздный городъ; всѣ знаютъ другъ друга, по очереди собираются неизмѣнно у однихъ и тѣхъ же лицъ: карточная игра и невинныя сплетни составляютъ единственныя развлеченія. Пріѣзжій кружокъ русскихъ чиновниковъ отлично уживается съ немногимя живущими тутъ постоянно туземными помѣщиками, отличающимися добродушіемъ и гостепріимствомъ. Не смотря на миръ и согласіе, легкая скука одолѣваетъ всѣхъ жителей и они только и мечтаютъ о томъ, какъ бы вырваться поскорѣе изъ этого очаровательнаго во многихъ отношеніяхъ уголка, гдѣ стоитъ вѣчная весна, вино такъ дешево, женщины такъ красивы и несносенъ только восточный вѣтеръ. Кутаисцы надѣются, что городъ ихъ будетъ скоро соединенъ вѣтвью желѣзной дороги, которая пройдетъ къ лежащимъ въ его окрестностяхъ копямъ бураго угля; но подобная питательная вѣтвь, полезная сама по себѣ, значенія города не поддержитъ, и по всей вѣроятности губернскую администрацію придется перенести въ Поти, или, если этотъ портъ окончательно будетъ признанъ негоднымъ,— въ Сухумъ Послѣдній хотя и находится внѣ предѣловъ Кутаисской губерніи и составляетъ административный центръ такъ называемаго Сухумскаго отдѣла, но это отдѣленіе не вызвано какими-либо особенно важными соображеніями.

Въ Кутаисѣ не осталось, какъ я сказалъ, ни одной хорошей гостиницы; между тѣмъ городъ этотъ могъ бы привлекать къ себѣ лѣтомъ не малое число посѣтителей какъ для дачной жизни, такъ и особенно для путешествія по живописнымъ долинамъ Гуріи, Имеретіи, Мингреліи и Сванетіи. Причиною малаго прилива путешественниковъ нужно считать неудобныя средства сообщенія, или, вѣрнѣе, медленность сообщенія, потому что морскіе пароходы кавказской линіи довольно комфортабельны. Если бы Русское Общество пароходства и торговли, какъ давно обѣщало, устроило прямые рейсы изъ Одессы въ Поти, съ остановкою въ Ялтѣ, то на Кавказъ можно было бы попадать въ двое сутокъ; теперь же требуется морскаго пути изъ Одессы почти шесть дней, а изъ Таганрога—пять дней. Очевидно, что каждый предпочтетъ болѣе легкое и удобное заграничное путешествіе подобному испытанію, въ особенности еще, когда приходится часто садиться на пароходъ сверхштатнымъ, не имѣя даже койки, не смотря на билетъ 1-го класса. У

насъ нѣтъ при томъ порядочныхъ росписаній, и невозможно хотя приблизительно разсчитать время путешествія такъ, чтобы не просидѣть въ разныхъ мѣстахъ совершенно безполезно по нѣскольку сутокъ.

Путешественнику въ Кутаисской губерніи представляется удобный случай наблюдать нравы различныхъ малоизвѣстныхъ національностей. Имеретины, гурійцы и мингрельцы составляютъ главнѣйшую часть населенія губерніи, кромѣ того: въ разныхъ мѣстахъ живетъ не мало абхазцевъ, сванетовъ — довольно загадочнаго первобытнаго племени—и анатолійскихъ грековъ. Имеретины мало чѣмъ отличаются отъ грузинъ; нарѣчіе ихъ одинаково, только выговоръ ихъ мягче, а также и характеръ. Послѣднее является причиною, почему по всему Закавказью имеретинцевъ охотно берутъ въ услуженіе. Терпѣливому характеру имеретинъ содѣйствуетъ не мало и ихъ чрезвычайная бѣдность; не только дворянство, но даже князья ихъ, живутъ въ состояніи близкомъ къ нищенству. Сколько я могъ замѣтить, имеретинки красивѣе грузинокъ, черты лица ихъ мельче и пріятнѣе. Гурійцы образомъ жизни и языкомъ похожи на имеретинъ, но отличаются отъ нихъ наружностью, нравами и чрезвычайно живописнымъ, костюмомъ. Гурійца можно сейчасъ узнать по штанамъ въ обтяжку и широчайшему поясу за которымъ носится цѣлый арсеналъ оружія. Пограничное положеніе съ Турціею выработало изъ гурійцевъ смѣлыхъ контрабандистовъ; но, отчаянные въ дракахъ, они отличаются довольно мягкимъ и веселымъ характеромъ. У гурійцевъ красивы мужчины и особенно мальчики, у мингрельцевъ, наоборотъ, славятся красотою женщины, которыя могутъ считаться высшимъ образцомъ красоты кавказскихъ женщинъ, съ которыми не идутъ въ сравненіе ни имеретинки, ни длинносыя абхазки, ни гурійки, даже когда бываютъ бѣлокурыя. Мингрелками наполнялись цѣлыя столѣтія гаремы самыхъ высшихъ турецкихъ сановниковъ, и наполнялись бы и теперь, еслибы пограничный надзоръ не былъ очень строгъ по этой части.

Красивѣйшія мингрелки живутъ въ Сенакскомъ уѣздѣ, въ деревняхъ Хорги, Квалонги и Горди. Въ первой онѣ отличаются болѣе утонченными формами, а въ послѣднихъ двухъ—силою и здоровьемъ. Мингрелки всегда прекрасно сложены и рѣдко бываютъ, такъ же какъ и мужчины въ Мингреліи, полны; послѣднее происходитъ отъ того, что они не ѣдятъ мяса и вообще питательной пищи. Постоянная ѣзда верхомъ развиваетъ ловкость и грацію женщинъ. Волосы у мингрелокъ обыкновенно каштановые, глаза черные, съ холоднымъ, почти стеклян-

нымъ выраженіемъ; только очень молоденькія дѣвочки, «азапи», имѣютъ нѣсколько дикій, цыганскій взглядъ. Брови мингрелокъ сросшіяся; всѣ почти онѣ румянятся; талія у нихъ нѣсколько длинная; руки хорошія, но за то ноги большія, что объясняется хожденіемъ съ дѣтства въ уродливыхъ лаптяхъ, «колыбаняхъ», или босикомъ. Національный костюмъ, кромѣ самаго низшаго класса, мингрелками сильно утрачивается; сохраняется только прическа, причемъ шикомъ считается носить волосы, нѣсколько обрѣзанные, распущенными. На головѣ мингрелки носятъ кисейный уборъ, «лачаки», похожій на генуэзскій. Одинаково одѣваются и мингрельскія княгини; онѣ также ѣздятъ верхомъ по-мужски, но употребляютъ уже зонтики и ситцевыя перчатки. Мингрелки добросердечны, гостепріимны, не ревнивы, стыдливы и нрава скорѣе холоднаго; тѣмъ не мэнѣе нравственность ихъ не одобряется: точно какъ въ Италіи каждая замужняя пара должна имѣть «друга дома», положеніе котораго вполнѣ обезпечено обычаемъ.

Подобно всѣмъ грузинскимъ племенамъ, мингрельцы страстно любятъ танцы, и на своихъ сборищахъ для гулянія, «томашахъ», отличаются по части «лезгинки» и «абрекскаго танца». Относительно мингрелокъ могу еще сообщить замѣчаніе, идущее нѣсколько въ разрѣзъ съ выработаннымъ въ послѣднее время, на основаніи теоріи Дарвина, мнѣніемъ о вліяніи кормленія грудью матерьми на ухудшеніе организма въ высшихъ классахъ общества. У мингрелокъ сплошь и рядомъ ребенокъ воспитывается на рожкѣ; между тѣмъ всѣ женщины отличаются тамъ наслѣдственно великолѣпными формами.

На всемъ востокѣ обрядъ оплакиванія покойника играетъ важную роль; ему отведено было почетное мѣсто въ ряду другихъ церемоній и въ древней Греціи; но вездѣ по-немногу обрядъ этотъ измѣняется и исчезаетъ. Въ первобытной чистотѣ его еще можно видѣть теперь только у мингрельцевъ. Если покойникъ былъ сколько-нибудь зажиточный помѣщикъ, то утѣшать его вдову и оплакивать покойнаго съѣзжается почти цѣлая губернія. Зрѣлище это весьма оригинально, хотя нужно имѣть нервы буйвола, чтобы выдержать его хладнокровно. Вдова садится, съ распущенными волосами, на голый полъ въ своемъ домѣ и должна сидѣть такъ сорокъ сутокъ. Въ это время пріѣзжаютъ гости оплакивать. Является какой-нибудь родъ князей — сразу сто двадцать князей и княгинь верхами. Они сходятъ съ лошадей и, весело болтая, толкаясь и споря, становятся по четыре въ рядъ; затѣмъ одна изъ женщинъ распускаетъ волосы, растегиваетъ себѣ грудь и на-

чинаетъ вопить во все горло о покойникѣ; ее ведутъ торжественно, съ мрачными уже физіономіями, къ вдовѣ, окруженной родственниками; прибывшая начинаетъ плакать, колотить себя кулакомъ въ грудь и царапать ногтями грудь, такъ что льется кровь; иногда съ нею дѣлается и серьезная истерика. По окончаніи подобныхъ истязаній, какой-нибудь мужчина начинаетъ говорить «кислыя слова», т. е. восхвалять покойника въ гиперболическихъ выраженіяхъ и доказывать, что весь край потерялъ въ немъ перваго и незамѣнимаго человѣка. Лицо, умѣющее говорить очень «кисло», уважается здѣсь, какъ человѣкъ съ большимъ тактомъ. Сорокъ сутокъ выдержать такія сцены не легко; туземцы увѣряютъ, однако, что оплакиваніе хотя и утомляетъ нѣсколько вдову, но имѣетъ совершенно противуположные результаты противъ тѣхъ, которые можно бы предполагать: развлекая ее, оно не даетъ думать о покойникѣ, а потомъ черезъ сорокъ дней вдова забываетъ о немъ и не прочь выйти снова замужъ. Если это и справедливо, то въ Европѣ достигли почти такихъ же результатовъ съ меньшими церемоніями. У имеретинъ и грузинцевъ тоже въ модѣ оплакиваніе. Оплакивать — одно изъ средствъ собираться вмѣстѣ, а у здѣшняго народа, хотя онъ и живетъ отдѣльными поселеніями, въ глухихъ лѣсахъ — большое стремленіе къ общественнымъ собраніямъ. Этотъ народъ любитъ поболтать, поострить и вообще характеромъ напоминаетъ французовъ. У мингрельцевъ легко наблюдать и другіе интересные народные обычаи. Къ сожалѣнію, путешествіе по Мингреліи все еще не такъ легко: нужно ѣхать верхомъ, рискуя постоянно потерять лошадь, потому что конокрадство возведено также мингрельцами въ священный обычай.

Изъ Кутаиса до Поти желѣзная дорога идетъ по лѣвому, очень низменному и болотистому берегу Ріона; при каждой остановкѣ поѣзда тутъ можно наслаждаться даровымъ концертомъ, исполняемымъ милліономъ лягушекъ. Ближе къ Поти мѣстность совсѣмъ затопляется разливомъ, и такъ какъ въ полотнѣ желѣзной дороги не сдѣлано водопроводныхъ трубъ, то образовались озера стоячей воды, отъ которой погибли даже росшіе близъ дороги участки буковаго лѣса. Каково здѣсь должно быть для людей? Станція желѣзной дороги въ Поти устроена также на лѣвомъ берегу рѣки; городъ лежитъ между тѣмъ на правой, и чтобы попасть въ него—требуется не мало трудовъ и хлопотъ. Нашъ поѣздъ пришелъ въ полночь. Народу наѣхало множество, дождь лилъ, какъ изъ ведра. О какихъ-нибудь навѣсахъ или другихъ

удобствахъ для публики нѣтъ, конечно, и рѣчи; багажъ и пассажирскія вещи выбрасываются прямо въ грязь: какой-то господинъ подъ зонтикомъ медленно пишетъ и выдаетъ стоящимъ въ водѣ пассажирамъ билеты на право переѣзда на пароходѣ черезъ рѣку; онъ обязанъ перевѣшивать и багажъ, но, къ счастію, умудряется какъ-то опредѣлять вѣсъ на глазъ. Толкотня и сумахота невѣроятныя; на пароходъ силятся втиснуть ровно втрое болѣе народа, чѣмъ тамъ можетъ помѣститься. Я пробылъ подъ дождемъ часа полтора, но это было еще только началомъ бѣдствій. Гостинницъ въ Поти очень мало; если не телеграфировать заранѣе, то приходится странствовать не мало времени, пока какой-нибудь добросердечный хозяинъ не согласится принять васъ и постлать тюфякъ на полу въ столовой или билліардной комнатѣ. Такимъ образомъ приходится жить иногда по нѣскольку дней, платя огромныя деньги—и это въ точкѣ соединенія гарантированной правительственной желѣзной дороги съ двумя важными линіями получающаго отъ правительства субсидіи пароходства.

На зло и природа вооружается противъ бѣдныхъ путешественниковъ. Потійскій искусственный портъ, не смотря на затраченные досихъ-поръ слишкомъ полтора милліона рублей, еще не вышелъ изъ періода предварительныхъ изысканій; естественный же портъ Поти есть не болѣе, какъ совершенно открытый рейдъ на бурунѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ морское волненіе сталкивается съ рѣчнымъ теченіемъ. Исчислено, что ровно половину дней въ году Потійскій портъ, т. е. устье Ріона, вовсе недоступенъ для входа и выхода судовъ, даже очень мелко сидящихъ; да и въ остальное судоходство задерживается чрезвычайно капризнымъ характеромъ рѣки. Вытекая изъ горъ, Ріонъ, вслѣдствіе дождей, мѣняетъ безпрерывно свой уровень и несетъ невѣроятно большое количество осадковъ; поэтому фарватеръ его мѣняется почти ежедневно; доступный иногда для судовъ съ осадкою въ 8 футовъ, онъ не пропускаетъ часто судовъ, сидящихъ 3 фута. Я попалъ именно въ одинъ изъ послѣднихъ періодовъ. Изъ трехъ пароходовъ, содержащихъ сообщеніе потійскаго порта съ Батумомъ и Сухумомъ, откуда идутъ уже настоящіе морскіе пароходы въ Одессу и Константинополь, одинъ не могъ войти въ рѣку, другой—выйти изъ нея, а третій сидѣлъ на мели на барѣ.

Мы ждали цѣлый день, пока дѣлали новыя измѣренія фарватера. Открывъ судоходное русло, агентъ пароходнаго Общества посадилъ на единственный, имѣвшійся въ его распоряженіи пароходъ, «Ріонъ» сколько возможно болѣе пассажировъ, предоставивъ прочимъ «сидѣть

у моря и ждать погоды», и отправилъ съ тѣмъ, чтобы пароходъ зашелъ сначала въ Батумъ, а потомъ въ Сухумъ: «Ріонъ» — пароходъ плоскодонный; потому въ морѣ онъ плаваетъ, какъ лоханка, качаясь немилосердно во всѣ стороны. Жаль было бѣдныхъ пассажировъ, которымъ пришлось сдѣлать съ нами невольное путешествіе въ Турцію; но еще болѣе жаль было тѣхъ, которые остались на берегу, въ надеждѣ весьма проблематической, что авось снимется пароходъ съ мели и заберетъ и ихъ. Преспектива жить въ Поти цѣлую недѣлю въ ожиданіи слѣдующаго рейса приводила всѣхъ въ отчаяніе. Нужно замѣтить, что Поти пользуется чрезвычайно дурною репутаціею на Кавказѣ, вслѣдствіе своихъ злокачественныхъ лихорадокъ; отъ послѣднихъ страдаютъ не только люди, но даже собаки. Что потребляется въ этомъ городѣ ежегодно хинина—и сосчитать трудно; въ городѣ нѣтъ человѣка, у котораго селезенка не была бы увеличина хотя въ два раза. Теперь еще, говорятъ, лихорадка сильно уменьшила свою силу. Это въ особенности можно сказать о послѣднихъ пятнадцати годахъ, когда въ Поти провели по улицамъ шоссе, вырубили лѣса и вообще нѣсколько осушили и дренировали мѣстность. Лихорадки совсѣмъ прекратились бы, еслибы удалось осушить огромное озеро Палеостомъ, недалеко отъ моря, заросшее камышемъ и постоянно гніющее. Со временемъ это будетъ сдѣлано, потому что въ Поти нѣтъ недостатка въ энергическихъ людяхъ. Можно сказать даже, что у иныхъ тамъ даже слишкомъ много энергіи, такъ какъ убійства и грабежи на территоріи Поти не рѣдки и тутъ приходится содержать двойной противъ другихъ городовъ Кутаисской губерніи штатъ полиціи. Такимъ образомъ, избавившись отъ лихорадокъ, жители города находятся въ страхѣ отъ шаекъ разбойниковъ, поощряемыхъ близостью турецкой границы, а также и тѣмъ, что множество неблагонадежныхъ лицъ изъ туземцевъ, причисленныхъ къ благородному сословію, не могутъ быть удаляемы по приговорамъ сельскихъ обществъ.

Общая молва, что Поти быстро обстраивается; но я не замѣтилъ въ немъ большихъ перемѣнъ; быть можетъ, постройки идутъ болѣе въ окрестностяхъ. Торговля же Поти дѣйствительно развивается, особенно моремъ, съ Россіею. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ сдѣлало то, что Кавказъ, почти исключительно потреблявшій иностранные товары, теперь снабжается преимущественно произведеніями русскихъ фабрикъ и заводовъ. Вывозъ изъ Поти за-границу также усиливается, а равно и безпошлинный транзитъ въ Персію. Если удастся устроить въ

Поти безопасный портъ, въ чемъ, впрочемъ, всѣ мѣстные жители сомнѣваются, то торговля приметъ огромные размѣры. Когда же Поти будетъ окончательно признанъ неудобнымъ для устройства морскаго порта, то гораздо лучше, вмѣсто того, чтобы тратить безконечно деньги на перегрузку товаровъ и нести убытки, вслѣдствіе потери времени отъ задержекъ, бросить это болото и провести желѣзную дорогу до Сухума или до Батума. Самъ по себѣ Поти могъ еще имѣть значеніе, когда существовало ріонское пароходство; но съ прекращеніемъ судоходства по Ріону, портъ этотъ имѣетъ значеніе только какъ оконечность закавказской желѣзной дороги. Если, какъ мы выше видѣли, съ необыкновенными затрудненіями сопряжена даже перевозка почты и пассажировъ разъ въ недѣлю, на почтовыхъ пароходахъ Общества, располагающаго огромными средствами, то каковы должны быть препятствія, встрѣчаемыя частными людьми для нагрузки и выгрузки своихъ товаровъ при настоящемъ положеніи потійскаго порта.

«Ріонъ», не смотря на промѣръ, сталъ все-таки на барѣ на мель, но скоро снялся съ нея и благополучно дошелъ до Батума, плетясь, правда, медленно, около 6 часовъ, разстояніе не болѣе тридцати морскихъ миль. Переполненныя публикою каюты представляли во время пути комическое зрѣлище. Самое оригинальное было то, что пассажиры, которыхъ не укачивало, силились убѣдить больныхъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе морскаго путешествія. Видъ Батума и его тихой гавани на всѣхъ произвелъ самое освѣжающее дѣйствіе. Одни увѣряли, что легкая зыбь, которая насъ качала, было страшное волненіе; другіе — что спаслись отъ морской болѣзни единственно только какими-то каплями изъ кукельвана; третьи, болѣе самолюбивые — что ихъ всю жизнь не укачивало, а тутъ почему-то вдругъ укачало; словомъ, вранью не было конца. Были и такіе, которые уже каялись, зачѣмъ поѣхали моремъ, хотя впереди имъ предстояло еще не шесть часовъ, а шесть сутокъ плаванія. Я радовался тому, что добрался, наконецъ, до настоящаго морскаго парохода, потому что агентъ Общества изъ Поти отпускалъ насъ съ рѣчью, начинавшуюся словами: «Благодарите, господа, Бога, что достали себѣ и такія скверныя мѣста». Мнѣ очень нравится это наивное назиданіе со стороны людей, которые, получивъ отъ васъ впередъ огромныя деньги, заставляютъ еще быть признательными за вещь столь естественную, какъ мѣсто на пароходѣ. Должно быть, страданія путешественниковъ, остающихся въ Поти, не малыя, если само пароходное общество приглашаетъ благодарить Бога.

VII.

Батумъ. — Пароходъ «Веста». — Трапезунтъ. — Керасундъ. — Орду. — Вона.— Самсунъ. — Турецкій табакъ. — Инеболи.

Съ моря Батумъ имѣетъ видъ очень представительный: небольшая, но прекрасно закрытая отъ господствующихъ вѣтровъ бухта обстроена, красивыми издали, двухъ-этажными домами; нѣсколько минаретовъ, обширныя бани и красные флаги надъ укрѣпленіями напоминаютъ, что мы уже въ Турціи; но городъ не имѣетъ запустѣлаго вида, свойственнаго большей части турецкихъ городовъ. Напротивъ того, на берегу видно было оживленіе, въ гавани стояло много судовъ, а на набережной красовалась даже надпись «Hôtel d'Europe». Подобная обстановка невольно поражаетъ, если вспомнить, что Батумъ лежитъ уединенно, въ малонаселенномъ углу трапезунтскаго вилайета. Очевидно, что благополучіе города основано исключительно на эксплоатаціи сосѣдняго Закавказья, не имѣющаго ни одного хорошаго порта. Перегрузка товаровъ, идущихъ изъ Поти, и въ особенности контрабанда по сухопутной границѣ поддерживаютъ на нашъ счетъ благосостояніе Батума, который самъ по себѣ для турковъ никакого значенія не имѣетъ. Всѣмъ извѣстна легенда о томъ, какъ въ 1829 году, при заключеніи адріанопольскаго мира, смѣшеніе названія двухъ рѣкъ Черокъ и Челокъ лишило Россію обладанія Батумомъ. Какъ ни незначительно кажется это територіальное пріобрѣтеніе, но для положенія нашего за Кавказомъ оно чрезвычайно важно. Я не говорю уже о неудобствахъ, проистекающихъ для торговли отъ неимѣнія на восточномъ берегу Чернаго моря ни одного сколько нибудь удобнаго порта; но, по своему географическому положенію, Батумъ

именно долженъ бы служить центральнымъ портомъ для всего Закавказскаго края; для Турціи же этотъ портъ имѣетъ очень мало значенія, и нѣтъ сомнѣнія, что турки уступили бы его Россіи за приличное денежное вознагражденіе. Нѣсколько милліоновъ рублей, заплаченныхъ за этотъ клочокъ земли, будутъ великолѣпной затратою капитала, а для тощей турецкой казны явятся въ своемъ родѣ манной небесною. Нельзя также ожидать, чтобъ иностранныя державы, такъ ревниво охраняющія цѣлость Оттоманской имперіи, помѣшали подобной сдѣлкѣ. Уступка Батума не ослабитъ ни на волосъ политической силы Турціи; торговля же Персіи и Кавказа выиграетъ вдесятеро, а въ развитіи этой торговли иностранцы заинтересованы не менѣе насъ самихъ. Продажа Батума скрѣпила бы наши добрыя отношенія къ Турціи, какъ скрѣпила, напримѣръ, продажа американскихъ колоній дружбу Россіи съ Соединенными Штатами *).

Я имѣлъ времени для осмотра Батума болѣе, чѣмъ сколько обыкновенно достается путешественникамъ., потому что налетѣвшій сильный шквалъ, съ проливнымъ дождемъ, помѣшалъ нашему пароходу выйти въ море. «Веста»—пароходъ, **) на которомъ я долженъ былъ совершить рейсъ по анатолійскому берегу, не побоялась бы, конечно, свѣжаго вѣтра; но послѣдній дулъ прямо въ лобъ, и капитанъ счелъ за лучшее переждать нѣсколько часовъ, чѣмъ жечь понапрасну уголь. Для пассажировъ это было не лишено пріятности, потому что, противъ обыкновенія, пароходъ уходилъ изъ Батума, не получивъ изъ Поти почти никакого груза; малонагруженный же пароходъ сидитъ высоко и прыгаетъ по волнамъ, какъ пробка. Собираясь провести пять сутокъ на пароходѣ, по-неволѣ знакомишься прежде всего съ его качествами, а затѣмъ—съ пассажирами. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи меня постигло нѣкоторое разочарованіе. «Веста»—пароходъ скорѣе грузовой, чѣмъ пассажирскій; слабая машина его, со старыми котлами, не даетъ ему ходу болѣе 6 или 7 миль въ часъ; пароходъ, кромѣ того, давно плавалъ и обросъ значительно ракушками и растеніями, отчего еще болѣе терялъ ходъ; одно можно сказать въ пользу «Весты»—что на ней не слышно непріятныхъ толчковъ винта, обыкновенныхъ на винтовомъ пароходѣ.

---

*) Это было писано подъ вліяніемъ слуховъ, что генералъ Игнатьевъ велъ переговоры о покупкѣ Батума за 40 мил. руб.

**) Это та самая «Веста», которая подъ командою капитана Баранова отличалась въ нынѣшнюю войну. *примѣч. автора*

Капитанъ парохода сербъ принадлежалъ къ числу любезнѣйшихъ моряковъ, которыхъ я встрѣчалъ; а извѣстно, что любезность составляетъ почему то традиціонное качество почти всѣхъ моряковъ. Пассажиры «Весты» были крайне неинтересны. Во всемъ первомъ классѣ были только два греческіе купца, игравшіе почти все время въ трикъ-тракъ—древнюю игру, родъ «гуська», которою забавлялись еще афинскіе философы, и одна греческая дама, очень молодая и непомѣрно толстая для своихъ лѣтъ. Она поразила насъ только упорствомъ, съ которымъ страдала морскою болѣзнью. Понятно, что подобная спутница не много прибавляла оживленія. Во второмъ классѣ также почти никого не было; наоборотъ, палуба была весьма плотно усажена пассажирами, въ особенности дюжими армянскими крестьянами изъ окрестностей Вана, Карса и Эрзерума.

Это бѣдняки изъ горныхъ, малоплодородныхъ мѣстностей Арменіи; они отличаются физическою силою и честностью. Особые комиссіонеры изъ Константинополя уплачиваютъ пароходу за ихъ проѣздъ, и затѣмъ получаютъ свои деньги съ процентами изъ заработка; крестьяне эти преимущественно исполняютъ въ Константинополѣ должности носильщиковъ и другія черныя работы. Работая какъ буйволъ, перетаскивая на спинѣ невѣроятныя тяжести, въ родѣ, напримѣръ, фортепіанъ, и питаясь только хлѣбомъ, чеснокомъ и водою, въ три года армянскій крестьянинъ заработываетъ свой долгъ комиссіонеру и еще успѣваетъ скопить піастровъ пятьсотъ, на которые возвращается на родину и немедленно обзаводится семействомъ. Во весь переѣздъ эти люди сидѣли очень смирно. Между пассажирами 3-го класса было также нѣсколько ахалцыхскихъ евреевъ, одѣтыхъ какъ персіяне, черкесовъ, турецкихъ офицеровъ и чиновниковъ. Послѣдніе спали не раздѣваясь, въ своихъ форменныхъ, однобортныхъ сюртукахъ; затѣмъ утромъ, разостлавъ коверъ или одѣяло, садились, поджавъ ноги, закуривали «наргиле», и молча просиживали до вечера. Только глядя на эту тупую апатію, и можно объяснить себѣ, какимъ образомъ эти несчастные въ состояніи выносить свое положеніе; а каково оно, видно изъ того, что чиновники въ Турціи не получали уже три мѣсяца никакого жалованья, а армія не видала его уже двадцать четыре мѣсяца. Кто бы повѣрилъ въ Европѣ, что масса почти полудикихъ вооруженныхъ людей въ состояніи терпѣливо, по цѣлымъ годамъ, дожидаться улучшенія финансовъ, въ которыхъ ничего не понимаетъ? Но терпѣніе турокъ поразительно; только оно и позволяетъ имъ управляться съ множест-

вомъ самыхъ безпокойныхъ и враждебныхъ другъ другу національностей, интересы которыхъ ежеминутно приходятъ въ столкновеніе. Не уплачивая жалованья, турецкое правительство снисходительно, конечно, смотритъ на лихоимство своихъ служащихъ. Въ Турціи нельзя повернуться безъ «бакшиша», т. е. того, что русскіе чиновники называли «благодарностью»; но и взятку турокъ никогда не вымогаетъ, а принимаетъ съ чувствомъ достоинства, точно дѣлаетъ вамъ Богъ знаетъ какую милость. Черкесы на пароходѣ—эти бывшіе наши враги, теперь только и мечтающіе о томъ, какъ бы вернуться въ Россію. Они являются, по обыкновенію, вооруженные съ головы до ногъ, но на пароходѣ оружіе отъ нихъ отбирается.

Шквалъ развелъ въ морѣ довольно сильную зыбь; потому мы пришли къ Трапезунту, покачиваясь прилично съ боку на бокъ, но и тамъ не успокоились, такъ какъ гавань Трапезунта совершенно открыта. Замѣчательно, что рядомъ въ Платанѣ, имѣется отличная якорная стоянка; въ древности, однако, приморскіе города устраивались по другимъ соображеніямъ—въ мѣстахъ не столько удобныхъ для стоянки судовъ, сколько для защиты отъ нападенія съ суши. Потому-что, вѣроятно, всѣ порты анатолійскаго берега, кромѣ Батума, никуда не годятся, хотя тамъ имѣется нѣсколько очень удобныхъ бухтъ, закрытыхъ горами отъ господствующихъ круглый годъ сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Подъѣзжая съ Кавказа, видишь только одну половину Трапезунта, потому что выдающійся мысъ, съ остатками крѣпостныхъ стѣнъ, закрываетъ другую, болѣе обширную часть города. Видъ Трапезунта съ обѣихъ сторонъ очень красивъ. Задній планъ состоитъ изъ высокихъ, красноватыхъ горъ, покрытыхъ пашнями и зеленью; налѣво виднѣются снѣжныя вершины Тавра, на-право, вдали выдается въ море мысъ Іоросъ. Самъ городъ, состоящій изъ бѣлыхъ, двухъ-этажныхъ домовъ, съ красными крышами, окруженныхъ садами, живописно расположенъ на четырехъ уступахъ. Уже во времена римлянъ Трапезунтъ былъ первымъ городомъ по торговлѣ на сѣверномъ берегу Малой Азіи. Въ средніе вѣка онъ игралъ еще болѣе важную роль: черезъ него шла венеціанская торговля съ Индіею и Среднею Азіею, а покореніе Константинополя крестоносцами обратило Трапезунтъ въ столицу особой имперіи, гдѣ до конца XV вѣка царствовалъ домъ Комненовъ. Во время турецкаго владычества, вслѣдствіе недоступности Чернаго моря, Трапезунтъ очень упалъ, хотя и до-сихъ-поръ занимаетъ въ Турціи одно изъ первыхъ мѣстъ по торговлѣ, послѣ Константинополя. Когда устрой-

ство срочныхъ пароходныхъ сообщеній въ Черномъ морѣ и Архипелагѣ ослабило торговую централизацію Стамбула, Трапезунтъ началъ развиваться; черезъ него направился персидскій транзитъ. Теперь снова городу угрожаетъ сильная конкурренція въ улучшенныхъ путяхъ сообщенія черезъ Закавказье, и едва-ли можно ожидать дальнѣйшаго развитія Трапезунта, хотя онъ лежитъ въ мѣстности довольно населенной и промышленной.

Подобно всѣмъ прибрежнымъ городамъ Малой Азіи, Трапезунтъ — городъ по преимуществу греческій. Турецкое населеніе составляетъ въ немъ меньшинство; еще ничтожнѣе его значеніе. Греки разселились тутъ съ незапамятныхъ временъ и удержались, не смотря на всѣ превратности судьбы, подчинявшей ихъ по-очереди всѣмъ завоевателямъ съ запада и востока. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что греческія населенія сохраняются наслѣдственно; въ такомъ случаѣ ихъ давно бы не существовало въ Малой Азіи. Нѣтъ народа болѣе склоннаго къ передвиженію и эмиграціи, какъ греки; это качество сохранилось за ними и до-сихъ-поръ. Потому-то, въ случаѣ несчастія, греческое населеніе очень удобно выселялось въ другія колоніи, а при перемѣнѣ обстоятельствъ частью возвращалось на старое пепелище, частью пополнялось пришельцами изъ другихъ мѣстностей. Потому-то греки сохранили отъ древности почти всѣ свои географическія позиціи, хотя измѣнили и типъ свой, и языкъ до такой степени, что нѣкоторые филологи, напр. Фальмерайеръ, Гильфердингъ и др., отрицали даже непосредственную кровную связь древнихъ грековъ съ новѣйшими. Торговля и мореходство находятся въ Трапезунтѣ, какъ и по всему анатолійскому берегу, исключительно въ рукахъ грековъ; не только корабли, но даже лодки, управляются греческими матросами. Я взялъ одну изъ подобныхъ лодокъ и не безъ труда попалъ въ городъ, такъ какъ бурунъ около берега вслѣдствіе волненія былъ очень силенъ.

Интереснаго въ Трапезунтѣ для туриста, видѣвшаго восточные города, очень мало. Длинная базарная улица напоминаетъ подобныя же улицы въ предмѣстіи Галата, въ Константинополѣ; тѣ же грязныя лавчонки, кафе и кухни, даже та же порода умныхъ и кроткихъ собакъ, которыхъ по цѣлымъ днямъ бьютъ для развлеченія и никогда не кормятъ. Въ кафе греки очень мало ѣдятъ и пьютъ, но собираются для ожесточенныхъ споровъ, такъ какъ софистическія словопренія до-сихъ-поръ остались ихъ любимымъ занятіемъ, играютъ также въ карты и трикътракъ. Исключительное занятіе торговлею оставляетъ много досуга

для подобнаго времяпровожденія. Играя между собою, они не могутъ съ достаточнымъ просторомъ приложить свои извѣстные таланты, сдѣлавшіе имя «грековъ» нарицательнымъ въ западной Европѣ. Греческія кухни на открытомъ воздухѣ также не лишены оригинальности. Печи расположены снаружи вдоль улицы, а стоящіе сзади повара публично приготовляютъ и продаютъ различныя національныя кушанья; рыба, баранина и томаты въ разныхъ видахъ, очень вкусныя, хотя, къ сожалѣнію, очень неопрятно приготовленныя, составляютъ menu этихъ первобытныхъ ресторановъ, остатки которыхъ найдены и въ Помпеѣ. Греческій кварталъ хотя грязенъ, но въ немъ видна жизнь; турецкій, наоборотъ, поражаетъ своей нищетой и безжизненностью. Чего и ожидать отъ народа, который, вмѣсто труда, цѣлый день куритъ! Замѣчательно, что куреніе табаку началось въ Турціи не ранѣе XVII вѣка; любопытно бы знать, что до того дѣлали дома турки и какъ проводили время? Несмотря на стотысячное населеніе, объ экипажахъ въ Трапезунтѣ не слыхать; съ трудомъ я досталъ верховую лошадь, чтобы съѣздить посмотрѣть протекающій на востокъ отъ города Керкутъ, гдѣ стоялъ лагеремъ Ксенофонтъ съ десятью тысячами грековъ. Кромѣ обыкновеннаго булыжника, я тамъ ничего не нашелъ; впрочемъ съ тѣхъ поръ едва-ли что вокругъ и измѣнилось. Въ какіе-нибудь полчаса Трапезунтъ не только успѣешь осмотрѣть, но онъ даже надоѣстъ, потому, что смотрѣть рѣшительно не на что, развѣ на комическія сцены какъ въ иныхъ мѣстахъ города всѣ жители ходятъ заткнувъ носъ, изъ опасенія лихорадки. Достопримѣчательность города составляетъ построенное англійскими инженерами шоссе, которое должно было идти до Тавриза, но какъ всѣ турецкія сооруженія этого рода оканчивается гдѣ-то по дорогѣ, никуда не приводя и заставляя проѣзжающихъ объѣзжать его, во избѣжаніе напрасной уплаты пошлины. Въ гавани почти не было судовъ, а около таможни стояло нѣсколько ословъ и верблюдовъ, съ вьюками какурузы. Малая Азія страдала отъ голода и вывозная торговля была крайне ничтожна; нашъ пароходъ и тутъ не нашелъ себѣ грузовъ.

Передъ отходомъ «Весты», къ нашей больной гречанкѣ нагрянула цѣлая толпа гостей, между которыми было много представительницъ трапезунтскаго прекраснаго пола. Эдмонъ Абу, въ своей остроумной книгѣ «La Grèce contemporaine», одобряя мужской типъ въ Греціи, находитъ гречанокъ вообще чрезвычайно уродливыми. Подобный приговоръ, также какъ и другіе въ этой извѣстной книгѣ, черезъ-чуръ

строгъ. Я могу сказать только, что всѣ гречанки, которыхъ я видѣлъ, имѣли склонность къ толщинѣ, между тѣмъ какъ толстыхъ мужчинъ между греками никогда почти не встрѣчается; но, кромѣ этого недостатка, многія молодыя гречанки почлись бы вездѣ за красивыхъ. Даже въ среднемъ классѣ въ Трапезунтѣ онѣ сохранили очень многое изъ національнаго костюма. Я говорю «національнаго» только въ противуположности «европейскому, такъ такъ извѣстно, что національный греческій костюмъ заимствованъ частью отъ турокъ, частью отъ албанцевъ. Трапезунтскія барышни носятъ волосы, зачесанные въ одну толстую косу; сверху надѣваютъ онѣ вышитую шапочку съ монетами, покрытую платкомъ; платье, европейскаго фасона, на груди раскрыто и видна рубашка другаго цвѣта. Сверху всего, наконецъ, носится широкое, легкое покрывало, съ яркой цвѣтной каймой. Подъ этимъ покрываломъ на улицѣ греческихъ женщинъ нельзя отличить отъ турчанокъ. Покрывало въ высшей степени изящно и нарядно. Прежде, говорятъ, турки силою вынуждали христіанскихъ женщинъ ходить покрытыми, теперь же онѣ сохранили покрывало, какъ весьма выгодное орудіе для кокетства, особенно въ извѣстные годы.

Когда гости уѣхали, поѣвъ всѣ приготовленные для насъ къ завтраку лукъ и маслины и насоривъ въ каютъ-компаніи шелухою отъ огурцовъ, пароходъ поднялъ якорь, и мы снова вышли въ открытое море, гдѣ ждала насъ сильная зыбь, разведенная сѣверо-западнымъ вѣтромъ. Путешественнику, не страдающему особенно отъ морской болѣзни, переходъ по анатолійскому берегу никогда не можетъ быть скученъ, потому что пароходъ почти не отходитъ отъ берега, который очень высокъ и живописенъ, напоминая собою лучшія части кавказскаго берега, съ тою разницею, что мѣстность отъ Трапезунта до Синона, древній Понтъ, довольно хорошо обработана и не имѣетъ полудикаго, пустыннаго характера сѣверо-восточной части Чернаго моря. Послѣдній встрѣчается рѣдко, напримѣръ, у Керасунда, куда мы пришли на разсвѣтѣ, послѣ нѣкотораго колебанія въ томъ, стоитъ-ли-заходить въ этотъ портъ, совершенно открытый и недоступный для нагрузки во время зыби? Керасундъ въ древности игралъ важную роль въ торговлѣ металлами; и до-сихъ-поръ отсюда вывозится значительное количество мѣди и свинца, богатыя мѣсторожденія которыхъ лежатъ недалеко, безъ смысла и энергіи эксплоатируемыя небольшими греческими артелями. Уже по наружному виду можно заключить, что Керасундъ долженъ быть центромъ горной промышленности: угрюмыя горы покрыты

густымъ лѣсомъ, а рѣчные потоки удобны для постановки водяныхъ движителей. Городъ состоитъ изъ ряда бѣлыхъ домовъ, у подножья покрытыхъ лѣсомъ утесовъ; посреди, на выдающемся въ море обрывистомъ мысѣ, сохранилась старая генуэзская крѣпость. Вообще Керасундъ едва-ли не самый живописный пунктъ анатолійскаго берега, и если очень часто берегъ этотъ напоминаетъ своимъ характеромъ берега Рейна, то около Керасунда видъ похожъ скорѣе на нѣкоторыя швейцарскія озера. Переходъ по морю до Керасунда могъ бы доставить матеріалъ маринисту: ночью свѣтила полная луна, а утромъ мы любовались восходомъ солнца. Этимъ созерцаніемъ пришлось и ограничиться, такъ какъ грузу почти не было; на послѣдній слѣдовало разсчитывать въ Орду, торговля котораго развивается и котораго поэтому никогда не минуютъ русскіе пароходы, заходя въ другіе порты только по мѣрѣ надобности.

Орду лежитъ въ мѣстности, совершенно противуположной Керасунду: широкій, открытый заливъ окруженъ пологими скатами горъ, покрытыми пашнями. Изъ Орду ежегодно вывозится большое количество кукурузы и другихъ товаровъ. Городъ греческій, довольно опрятенъ и отстроенъ за-ново; лучшее зданіе—огромная школа, сооруженная на пожертвованіе какого-то умершаго грека. Несмотря на скупость и эгоизмъ, греки имѣютъ прекрасную черту въ характерѣ—щедрость въ пожертвованіяхъ на общеполезныя предпріятія. Трудно сосчитать число ежегодныхъ пожертвованій съ этою цѣлью, потому что жертвуютъ не только милліонеры, но и простые пастухи; въ особенности многочисленны пожертвованія на дѣло образованія. Аѳинскій университетъ весьма роскошно содержится исключительно на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ. Пожертвованія эти принесли уже плоды: греки, по образованію, немногимъ отличаются отъ другихъ цивилизованныхъ народовъ; имъ недостаетъ теперь только нравственнаго воспитанія, которое, конечно, придетъ мало по малу, и котораго невозможно требовать отъ народа, только отчасти освободившагося отъ вѣковаго рабства.

Въ Орду мы пробыли очень недолго, потому что грузъ для парохода былъ приготовленъ въ Вона: такъ называется небольшой заливъ, миляхъ въ шести отъ города, служащій для Орду тѣмъ же, чѣмъ Платана служитъ для Трапезунда, т. е. безопасною стоянкою для судовъ во время зимы. Несмотря на это назначеніе, заливъ Вона почти совершенно пустынный и, осмотрѣвшись вокругъ, трудно насчитать десятокъ домовъ, разбросанныхъ между фруктовыми садами. Грузъ, который мы должны были получить, была великолѣпная кукуруза, нагруженная въ Поти, на

небольшое парусное судно, подъ турецкимъ флагомъ. Капитанъ судна, грекъ, былъ очевидно первостатейный плутъ; по крайней мѣрѣ, не дойдя до Орду, онъ уже заявилъ, что, вслѣдствіе, шторма онъ принужденъ былъ два раза выбросить для спасенія судна часть груза въ море. Агентъ общества, въ которомъ грузъ былъ застрахованъ, подозрѣвая, что потерянный грузъ не плаваетъ по морю, а преспокойно проданъ кому-либо по дорогѣ мошенническимъ образомъ, предпочелъ остановить судно и перегрузить кукурузу на болѣе благонадежное судно. Перегрузка заняла цѣлый день; оба судна стали бортъ о бортъ; затѣмъ на турецкомъ суднѣ выбрасывали кукурузу въ корзинахъ изъ трюма на палубу, мѣряли въ особой деревянной посудѣ, насыпали въ мѣшки, которыя передавались на пароходъ и ссыпались въ трюмъ розсыпью. Все это дѣлалось съ необыкновенною быстротой рабочими, нанятыми на берегу. Въ особенности тяжелъ показался мнѣ трудъ выбрасывать корзину, содержавшую нѣсколько пудовъ кукурузы, такъ ловко на палубу, чтобы она перевертывалась въ моментъ, когда уже ни одно зерно не могло просыпаться обратно въ трюмъ. Я едва повѣрилъ, что этимъ труднымъ дѣломъ два здоровыхъ грека занимались, не разгибаясь цѣлый день; чрезвычайныя физическія усилія поддерживались пѣснями и криками.

Солнце начало порядочно припекать; на палубѣ стоялъ столбъ пыли, а потому пасажиры парохода предпочли съѣхать на берегъ— погулять и освѣжиться. Тамъ мы нашли нѣсколько фруктовыхъ садовъ, но первая попытка достать вишень окончилась неудачно: выскочила какая-то турецкая мегера и прогнала насъ криками: «шайтанъ, гяуръ»! и другими, значеніе которыхъ не было для насъ ясно, такъ какъ далѣе не шли наши познанія въ турецкомъ языкѣ, какъ говорятъ самомъ богатомъ во всѣхъ отношеніяхъ въ мірѣ. По поводу фруктовъ я могу замѣтить, что хотя Малая Азія—родина большинства ихъ, но качество фруктовъ тамъ самое посредственное. Я всегда былъ того мнѣнія, что лучшіе фрукты находятся въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, а теперь убѣдился въ томъ окончательно, тщетно стараясь найти порядочныхъ вишень около древняго Церазуса, откуда этотъ фруктъ получилъ даже свое названіе. Возвратившись съ прогулки на пароходъ, мы застали цѣлую исторію. Видя, что зерна остается еще много, рабочіе, подъученные, вѣроятно, капитаномъ судна, объявили внезапно, что работать болѣе не въ состояніи. Начались безполезные переговоры. Агентъ страховаго общества, старый итальянецъ съ необыкновенно

живыми движеніями, выходилъ изъ себя, расточая тщетные потоки краснорѣчія, и убѣждалъ то каждаго отдѣльно, то всѣхъ вмѣстѣ. Пробовали было нанять рабочихъ изъ пассажировъ 3-го класса парохода, но тѣ ограничились нерѣшительнымъ почесываніемъ затылка, нежелая, повидимому, отбивать у товарищей случай надуть хозяина. Послѣ длинныхъ объясненій обѣщаніе какой-то прибавки, въ видѣ табаку, успокоили рабочихъ; но было уже поздно. Хотя перегружено было не болѣе половины груза, но «Веста», какъ пароходъ срочный и почтовый, ждать долѣе не могъ, Къ нашему удовольствію, а также и удовольствію капитана турецкаго судна, которому представился новый случай украсть часть кукурузы, мы снялись съ якоря. Удовольствіе пассажировъ было тѣмъ сильнѣе, что отъ зыби, не стихавшей въ заливѣ, турецкое судно прыгало очень высоко и, по мѣрѣ перегрузки, килевая качка еще усиливалась; а нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ смотрѣть цѣлый день на качающійся предметъ; скрыться же въ каюту было невозможно: жара и духота умѣряются лѣтомъ только движеніемъ парохода; притомъ въ каютахъ, даже опрятно содержимыхъ пароходовъ, всегда слышится характеристическій, непріятный запахъ, съ которымъ свыкаются лишь продолжительною морскою службою.

За Воною анатолійскій берегъ начинаетъ постепенно понижаться. Тутъ въ море впадаютъ двѣ очень большія рѣки, Илишь Ирмакъ и Кизиль-Ирмакъ, между которыми лежитъ Самсунъ—городъ чрезвычайно важный по торговлѣ въ Малой Азіи; къ нему направляется караванный путь изъ Діарбекира и Токата. Самсунъ вывозитъ ежегодно большое количество козьяго пуха, кожъ, воска, пеньки, сѣмени и особенно табаку, который считается лучшимъ въ мірѣ и идетъ, между прочимъ, въ большомъ количествѣ въ Петербургъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, заключать изъ этого, что въ Самсунѣ можно достать порядочнаго курительнаго табаку. Не только въ Самсунѣ, но и во всей Турціи, хорошій табакъ теперь рѣдкость. Нѣкоторые знакомые, узнавъ, что я буду въ Самсунѣ, поручили мнѣ купить имъ тамъ побольше табаку; но уже на пароходѣ, плавающемъ постоянно по анатолійской линіи, я у всѣхъ служащихъ видѣлъ табакъ исключительно одесской фабрикаціи. Дѣло въ томъ, что турецкое правительство, изыскивая средства наполнить бездонную бочку, называемую турецкимъ казначействомъ, обратилось., наконецъ, къ налогу на табакъ, забывая, что въ Турціи табакъ не предметъ роскоши, какъ въ Европѣ, а положительно первой необходимости, почти народная пища, такъ же необходимая туркамъ, какъ для

насъ хлѣбъ. Первый фискальный опытъ былъ сдѣланъ установленіемъ табачнаго откупа для Константинополя; табакъ сразу вздорожалъ въ восемь разъ; начался рядъ кровопролитныхъ столкновеній между корчемною стражей и контрабандистами, силою провозившими табакъ въ столицу. Не имѣя средствъ обуздать послѣднихъ, откупщики отказались отъ своего контракта, и съ 1873 года въ Турціи введено нѣчто въ родѣ нашей акцизной системы: табакъ продается въ бумажныхъ пачкахъ; теперь уже нельзя видѣть лавокъ, гдѣ лежалъ на открытомъ воздухѣ кучами табакъ, и каждый бралъ его горстями сколько нужно. Въ результатѣ качество табаку чрезвычайно ухудшилось, а цѣны измѣнились такимъ образомъ, что око (три фунта) хорошаго табаку, продававшееся въ Самсунѣ 60 піастровъ, стоитъ теперь 160 піастровъ, а въ Константинополѣ, вмѣсто одной турецкой лиры,—четыре лиры. Лучшіе сорта крошенаго табаку, цѣною 3 руб. и выше за фунтъ, привозятся въ настоящее время въ Турцію изъ Одессы. Изъ Самсуна по-прежнему идетъ, однако, очень много сыраго листоваго табаку. Нашъ пароходъ взялъ его порядочный грузъ.

Самсунъ довольно красивъ съ моря, хотя своими бѣлыми, двухъ-этажными домами съ красными крышами, очень напоминаетъ другіе приморскіе города Анатоліи. Городъ стоитъ на берегу довольно обширнаго; мелкаго и открытаго всѣмъ вѣтрамъ залива. Низкій скатъ горы за городомъ обработанъ весьма тщательно; деревьевъ очень мало. Въ центрѣ видны остатки довольно большой, старинной генуэзской крѣпости постепенно разрушаемой для образованія набережной. Обыкновенная турецкая манера строить одни зданія на счетъ другихъ. Налѣво красуется большая греческая церковь—рѣдкій примѣръ христіанскаго храма, такъ рѣзко выдающагося въ турецкомъ городѣ; на право—коса и маякъ гдѣ сохранились кое-какіе остатки древняго Амизуса. Самсунъ кажется большимъ городомъ; онъ отстроенъ по большой части за-ново, такъ какъ сильный пожаръ истребилъ недавно значительную часть греческаго квартала. Не смотря на господствующія лихорадки, Самсунъ ростетъ быстро и занимаетъ теперь одно изъ первыхъ мѣстъ въ отпускной торговлѣ южнаго берега Чернаго моря. Мы нашли, впрочемъ немного судовъ на рейдѣ, и лодки занимающіяся выгрузкою товаровъ, окружили во множествѣ «Весту», наперерывъ предлагая свои услуги; такъ какъ требовалась только одна или двѣ лодки, то началась немедленно сильная драка; пущены были въ ходъ даже весла и багры, и только усердная поливка холодною водою съ парохода успокоила воинственный жаръ

сражающихся. Побѣдители показывали побѣжденнымъ раскрытую пятерню, что, какъ извѣстно, считатеся у грековъ величайшимъ оскорбленіемъ.

При довольно сильномъ вѣтрѣ, оставили мы Самсунъ, и очень долго шли вдоль дельты, образуемой впаденіемъ въ море Кизиль-Ирмака, самой большой рѣки въ Анатоліи; вся дельта покрыта кустарникомъ и отличается только лихорадками. Синопъ, славный для насъ воспоминаніями, мы прошли ночью и видѣли одинъ маякъ, указывающій входъ въ заливъ. Торговля Синопа, весьма обширная въ древности, теперь ничтожна, и гавань его служитъ лишь изрѣдка убѣжищемъ для судовъ, застигнутыхъ бурею во время зимы. Городъ не оправился еще послѣ разоренія, произведеннаго нашимъ флотомъ въ 1853 году. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Синопа пароходъ огибаетъ мысъ Индже—крайній сѣверный пунктъ Малой Азіи, и идетъ уже прямо въ Константинополь, заходя только въ Инеболи, хотя остается слишкомъ полпути. Эта часть анатолійскаго берега, гдѣ въ древности были Пафлагонія и Вифинія отличается вообще бѣдностью, а во время моей поѣздки страдала отъ неурожая, который въ провинціи Ангорѣ обратился даже въ голодъ. Инеболи—портъ Кастамуни и всей Каппадокіи—одинъ еще производитъ торговлю на этомъ, усѣянномъ нѣкогда торговыми колоніями, берегу. Но турецкое владычество обратило въ пустыню край, не только чрезвычайно богатый во всѣхъ отношеніяхъ, но еще и весьма выгодно поставленный для торговли, по своему географическому положенію. Нашъ соотечественникъ, г. П. Чихачевъ, многіе годы изучавшій Малую Азію во всѣхъ отношеніямъ, убѣжденъ, что при другомъ порядкѣ вещей она и теперь, вопреки мнѣнію Либиха и др., приписывавшихъ запустѣніе ея истощенію почвы, могла бы кормить огромное населеніе.

Сильная зыбь мѣшала «Вестѣ» подойти къ Инеболи, рейдъ котораго совершенно открытъ. Для нагрузки пароходъ сталъ въ бухтѣ, образуемой мысомъ, выдающимся въ море по лѣвую сторону отъ города. Мѣстность тутъ гористая, покрытая густымъ лѣсомъ и довольно живописная. Самый городъ, на видъ незначительный, расположенъ амфитеатромъ въ узкомъ ущельи; берега вокругъ обрывисты и дики, а прибой волнъ образуетъ бурунъ. Не смотря на сильное волненіе, перегрузка совершалась безъ затрудненія, что, кромѣ необыкновеннаго искусства здѣшнихъ лодочниковъ, нужно приписать особой конструкціи гребныхъ судовъ, килевое судно непремѣнно опрокинулось бы, но мѣстныя лодки, круглыя по всѣмъ ребрамъ, отличаются особою устойчивостью.

От Инеболи вѣтеръ по прежнему продолжалъ намъ мѣшать двигаться быстро впередъ; въ придачу зыбь шла съ трехъ сторонъ, производя не совсѣмъ пріятную качку. «Веста», порядкомъ нагрузившись была уже, однако, гораздо покойнѣе, да и пассажиры за нѣсколько дней плаванія выработали себѣ то, что называютъ французы «морскія ноги». Для развлеченія показалась еще новая комета, и мы разсуждали о томъ, что бы она предвѣщала для Турціи, и послѣ длинныхъ споровъ, рѣшивъ, что, вѣроятно, новый заемъ, дошли довольно благополучно до входа въ Босфоръ, сильно укрѣплявшагося турками. Тутъ я имѣлъ удовольствіе видѣть какъ подъ нашимъ носомъ прошелъ по Босфору пароходъ, перевозящій пассажировъ въ Варну. Такимъ образомъ, волей-неволей, чтобы попасть въ Вѣну, мнѣ пришлось остаться въ Константинополѣ четверо сутокъ.

VIII.

Константинополь. — Переходъ до Варны. — Желѣзная дорога изъ Варны въ Рущукъ.—Плаваніе по Дунаю.—Пароходъ «Sophie» и румынское общество.—Желѣзныя Ворота.—Базіашъ.

Кто въ первый разъ посѣщаетъ Константинополь, остается обыкновенно въ восторгѣ отъ чуднаго вида Босфора, своеобразнаго склада турецкой жизни, великолѣпныхъ дворцовъ и мечетей и чрезвычайно вкусныхъ бараньихъ котлетъ; при второмъ посѣщеніи восторгъ охладѣваетъ, а затѣмъ всякое пребываніе въ Константинополѣ кажется просто несноснымъ. Дѣйствительно, нѣтъ столицы въ Европѣ болѣе скучной по жизни и мизерной по обстановкѣ. Какой-нибудь Копенгагенъ сравнительно съ Константинополемъ — земной рай. Это и неудивительно: милліонъ кореннаго константинопольскаго населенія живетъ какъ стадо барановъ, а собственно европейская часть города, Пера, не вмѣщаетъ въ себѣ и двадцати тысячъ человѣкъ, т. е. нѣчто въ родѣ посредственнаго провинціальнаго города. Такова жизнь въ Перѣ: днемъ всѣ занимаются дѣлами, торговлею или службою, а вечеромъ скучаютъ; общественныхъ собраній почти нѣтъ, а частныя не оживлены по многимъ причинамъ: дипломаты должны по-неволѣ держать себѣ замкнуто, купцы не всегда бываютъ хорошо воспитаны; кромѣ того множество разныхъ національностей образуютъ столько же различныхъ кружковъ. Даже ухаживанье за женщинами въ Перѣ мало процѣтаетъ, не столько отъ темперамента жителей, сколько отъ двухъ другихъ причинъ: во-первыхъ, въ маленькомъ кружкѣ все сейчасъ же выходитъ наружу, а, во-вторыхъ, въ Константинополѣ бродятъ толпы голодныхъ мальтійцевъ, готовыхъ за лиру убить кого угодно, по приказанію ревни-

ваго мужа. А кому охота погибать за пять съ полтиною? За отсутствіемъ другаго матеріала, интрига со своими конторщиками и даже кучерами между здѣшними барынями здѣсь дѣло обычное.

Таково общество; еще хуже общественныя увеселенія. По Grande rue de Péra, въ разныхъ мѣстахъ, послѣ заката солнца, гремитъ музыка: это многочисленныя кафе и полпивныя, съ нѣмецкими оркестрами, французскими пѣвицами, итальянскими пѣвцами и другими увеселеніями, изъ рукъ вонъ плохими, но, правда, и не дорогими, такъ какъ за входъ платы не полагается, кромѣ сада «Concordia», играющаго роль нашего Демидова сада. Не многимъ веселѣе на дачахъ; прогулка на легкомъ, какъ перо, каикѣ по Босфору составляетъ тамъ главное развлеченіе. Для жителей Буюкъ-дере открытъ довольно раскошный садъ какого-то армянина, близъ знаменитыхъ своею величиною платанъ, подъ тѣнью которыхъ, по преданію, отдыхалъ Готфридъ Бульонскій, отправляясь въ первый крестовый походъ; но садъ посѣщается публикою вяло. «Il y avait foule», говорятъ мѣстные дачники, преимущественно изъ дипломатовъ и армянскихъ откупщиковъ, если въ саду соберется человѣкъ двадцать. Какъ проводятъ время остальные — понять трудно. Южный воздухъ располагаетъ, впрочемъ, чрезвычайно не только къ неподвижности ума, но и тѣла. Для того, кто куритъ, легко просидѣть цѣлый день на низкомъ диванѣ, любуясь разнообразными видами Босфора. Турецкій диванъ имѣетъ даже, говорятъ, свойство такъ портить человѣка, что послѣ него всякая мебель кажется неудобною и невольно хочется растянуться по-комфортабельнѣе.

Обычный визитъ нашему почтенному послу генералу Игнатьеву, и посѣщеніе нѣсколькихъ знакомыхъ недостаточно поглотили свободное время моего пребыванія въ Константинополѣ. Я пытался отъ скуки читать мѣстныя газеты, но тамъ, кромѣ безчисленныхъ и совершенно непонятныхъ перемѣщеній чиновниковъ изъ Виддина въ Бассору и изъ Вана въ Янину или Мекку, я ничего не нашелъ. Интереснѣе слушать городскія сплетни, а ихъ не мало въ городѣ, гдѣ вся политическая жизнь сосредоточивается въ сералѣ, населенномъ тремя тысячами женщинъ. Между прочимъ, я узналъ также о необыкновенной дѣятельности министра полиціи, Гусни-паши, положительно задавшагося задачею морализировать городъ. Конечно, это задача Сизифова; но нужно отдать справедливость пашѣ за его энергическое преслѣдованіе игорныхъ домовъ, которыми переполненъ до-сихъ-поръ Константинополь и которые болѣе всего развращаютъ населеніе, особенно греческое. Въ послѣднее

время Константинополь, преимущественно Стамбулъ, значительно улучшился по внѣшности; теперь уже много извощиковъ и проведены конно-желѣзныя дороги; правда, что здѣсь не было коммисій, которымъ бы поручалось найти идеальный типъ конныхъ дорогъ. Изъ Галаты подъ Перу проводятъ туннель для ускоренія сообщенія.

Въ Вѣну можно попасть въ настоящее время изъ Константинополя тремя путями: пароходомъ до Тріеста, а далѣе желѣзною дорогою; пароходомъ до Одессы, и также желѣзными дорогами; наконецъ, пароходомъ до Варны, оттуда по желѣзной дорогѣ до Рущука, отъ Рущука до Вѣны — на пароходѣ по Дунаю, или же на пароходѣ только до Базіаша, а отъ Базіаша до Вѣны — по желѣзной дорогѣ. Послѣдній путь предпочитается всѣмъ прочимъ, потому что онъ самый пріятный и до-сихъ-поръ едва-ли не самый скорый. Когда нибудь всѣ эти пути будутъ, впрочемъ, оставлены, такъ какъ непосредственная желѣзная дорога соединитъ скоро Константинополь съ австрійскою сѣтью желѣзныхъ дорогъ; болѣе двухъ третей этого пути уже построено и открыто для движенія. Я также отправился на Варну, ибо одесскій путь мнѣ былъ знакомъ, а морское путешествіе вокругъ мыса Матапана и по бурной Адріатикѣ мало меня привлекало, послѣ недѣльнаго плаванія на «Вестѣ».

Во вторникъ, 25-го іюня, уплатилъ я послѣдній «бакшишъ» турецкому чиновнику, осматривавшему, неизвѣстно для чего, въ таможнѣ, мои вещи, и перебрался на пароходъ «Vulcano» общества «Австрійскаго Ллойда», роскошно отдѣланный для перевозки индѣйскихъ пассажировъ изъ Египта—занятіе, отбитое теперь пароходами, плавающими по Суэзскому каналу. Пароходъ былъ переполненъ пассажирами; но вмѣсто 5 часовъ, какъ слѣдовало по росписанію, онъ отплылъ въ 7 часовъ: его задержала австрійская почта, которую, въ свою очередь, задерживаетъ дипломатическая корреспонденція посольства. Секретари посольствъ, хотя у нихъ дѣла не Богъ вѣсть сколько, все-таки считаютъ нужнымъ откладывать его до послѣдней минуты; едва-ли они не начинаютъ сочинять депеши тогда, когда пароходъ развелъ уже пары. На этотъ разъ съ корреспонденціею явился самъ австро-венгерскій посолъ, провожавшій своего сына, уѣзжавшаго въ Буду-Пештъ. Совершенно вѣрно кто-то замѣтилъ, что послы великихъ державъ отличаются всегда скромнымъ видомъ; если-же вы видите дипломата величественной фигуры, въ блестящемъ мундирѣ, съ пятью звѣздами, то это навѣрное посланникъ республики Санъ-Доминго или Санъ-Саль-

вадора. Графъ Зичи австро-венгерскій посолъ въ Константинополѣ — небольшаго роста блондинъ, въ коротенькомъ сѣренькомъ пиджакѣ и красной полосатой рубашкѣ, также держалъ себя чрезвычайно просто, и каждому чрезвычайно усердно отдавалъ поклоны. Говорятъ что онъ человѣкъ очень богатый, дѣлецъ, но дипломатъ довольно ограниченный.

Медленно тронулся нашъ пароходъ мимо тринадцати огромныхъ броненосныхъ судовъ, которыми такъ гордится Порта и которыя не выходили еще со времени ихъ постройки изъ Босфора. Лучи заходящаго солнца освѣщали чудную панораму Стамбула, Скутари, Перы, дворцовъ Долма-Бахче и Чараганъ, и безконечныхъ дачъ и кіосковъ по обоимъ берегамъ пролива; но пассажиры, не надѣясь на «коварную стихію», предпочли вмѣсто созерцанія сѣсть скорѣе за обѣдъ, чтобы подкрѣпить свои силы до выхода въ открытое море. Опасенія были, впрочемъ, напрасны: море оказалось совершенно спокойнымъ, а если дамы продолжали еще долго спрашивать, будетъ ли качать? — то, кажется, только потому, что капитанъ, къ которому относились эти вопросы, былъ красивый далматъ, говорившій подобно большинству своихъ соотечественниковъ на всѣхъ языкахъ «окромя свинячаго».

Разговаривая любезно съ дамами, этотъ господинъ съ нами поступилъ довольно невѣжливо, и даже дерзко, а именно: не далъ чая, назначеннаго по росписанію, подъ тѣмъ предлогомъ, что мы поздно обѣдали, хотя вовсе не пассажиры были виноваты въ томъ, что пароходъ запоздалъ отходомъ изъ Константинополя. Мы требовали жалобную книгу, но капитанъ, подъ разными предлогами, ея не далъ. Въ особенности горячился при этомъ одинъ молодой, весьма забавный ирландецъ, говорившій на разныхъ языкахъ, не спрягая глаголовъ и не склоняя существительныхъ. Это курьезное дѣтище города Галвея путешествовало спеціально съ тѣмъ, чтобы видѣть Багдадъ и Фіуме; почему понадобились ему на земномъ шарѣ именно эти два города, одинъ на Евфратѣ, а другой на Адріатическомъ морѣ — онъ разсказать толкомъ никакъ не могъ.

Спокойно проспавъ ночь, мы на слѣдующее утро проснулись уже въ Варнѣ. Пароходъ бросилъ якорь довольно далеко отъ берега, такъ какъ портъ Варны мелководный. Заходила-было рѣчь о его углубленіи, но ни какъ не могли отыскать плана порта; да и какъ отыскать, когда въ турецкихъ министерствахъ до-сихъ-поръ еще бумагъ не подшиваютъ, а свертываютъ и складываютъ въ кульки, причемъ дѣло это поручаютъ еще неграмотнымъ сторожамъ, которые кладутъ все, какъ по-

пало. Потому, чтобъ отыскать самую пустую бумажку, приходится высыпать сотни мѣшковъ. Интересно, что въ Турціи существуетъ особое министерство архивовъ. Какъ оно управляется съ своими кульками—вѣдаетъ Аллахъ! Городъ Варна, окруженный крѣпостью, взятою нашими войсками въ 1828 году, лежитъ на-лѣво, на высотѣ, надъ которою, однако, господствуютъ многія окружающія городъ высоты. Пассажировъ съ парохода высаживаютъ далеко отъ города, въ глубинѣ бухты, на песчаную отмель, или пересыпь, отдѣляющую болотистый лиманъ какой-то рѣки отъ моря. Отсюда, на особомъ поѣздѣ, пассажировъ довозятъ уже до дебаркадера варно-рущукской желѣзной дороги, построенной лѣтъ десять тому назадъ англичанами. Турокъ тутъ совсѣмъ не видать, явились только таможенные чиновники, которые, несмотря на то, что мы ѣхали изъ турецкаго города Константинополя въ турецкій же городъ Рущукъ, пересмотрѣли внимательно наши вещи и даже запломбировали всѣ чемоданы. Комедія эта, очевидно, творится, чтобы получить нѣсколько грошей на водку, и совершается съ подобающей важностью.

Въ гидѣ я прочелъ, что дорога изъ Варны въ Рущукъ очень скучна и непріятна; тоже я слышалъ и отъ нѣкоторыхъ путешественниковъ. Это, однако, совершенно невѣрно. Дорога скорѣе живописна, а вагоны устроены довольно комфортабельно, хотя и скромно. Насчетъ ѣды плохо; но въ Варнѣ, и затѣмъ на полдорогѣ, какіе-то польскіе эмигранты устроили буфеты, напоминающіе таковые же на варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ: тутъ можно получить бигусъ, зразы, фляки господарски, печисте по-гусарски и другія прелести польской кухни. Первыя станціи отъ Варны дорога очень живописно проложена по известковымъ ущеліямъ вѣтви Балканскихъ горъ; тутъ нѣкогда погибли въ XV вѣкѣ соединенныя европейскія силы, хотѣвшія подать помощь находившейся при послѣднемъ издыханіи Византіи. Проходъ особенно съуживается у Праводъ, также извѣстныхъ подвигами русскихъ войскъ. Дорога идетъ все время долиною рѣки Пра, потому Шумла, сильнѣйшая крѣпость Балканскаго полуострова, ключъ Константинополя, остается нѣсколько въ сторонѣ; къ ней устроено особое шоссе.

За станціею Шумла мѣстность постепенно понижается къ Дунаю; сначала она продолжаетъ быть лѣсистою, а потомъ переходитъ все болѣе и болѣе въ пашни. Поселенія по дорогѣ ничтожны и только одинъ Разградъ имѣетъ видъ значительнаго города. Разградъ — турецкій

оазисъ, среди почти сплошнаго болгарскаго неселенія, живущаго вдоль по желѣзной дорогѣ. Болгаре—самое мало-развитое изъ славянскихъ племенъ, наиболѣе угнетенное турками и эсплотируемое греками; оно имѣетъ, однако, много хорошихъ сторонъ, въ особенности добрую нравственность и трудолюбіе. Болгаре, страстные земледѣльцы, они постепенно колонизируютъ и распахиваютъ большую часть земель Болгаріи, Румеліи и Македоніи, бросаемыхъ безъ вниманія турками, считающими себя въ Европѣ какъ бы временными гостями. Въ умственномъ отношеніи въ болгарскомъ народѣ также замѣчается поворотъ къ лучшему: число школъ и газетъ значительно увеличивается, и болгаре ведутъ извѣстную страстную борьбу съ фанаріотскимъ духовенствомъ, опирающимся, не во гнѣвъ будь сказано Т. И. Филиппову, не столько на каноны вселенскихъ соборовъ, сколько на турецкихъ чиновниковъ. Болгарскія селенія имѣютъ весьма скромный видъ, а народъ какъ-то запуганъ и робко отвѣчаетъ на вопросы. Ближе къ Дунаю лѣса совсѣмъ исчезаютъ, появляется множество кустарника, культура же очень напоминаетъ южную Россію; чувствуется уже, что Востокъ оканчивается. Говорю это, конечно, съ русской точки зрѣнія, потому что для англичанъ, напримѣръ, и Россія — страна съ чисто-восточнымъ характеромъ.

Проѣхалъ я по желѣзной дорогѣ довольно пріятно, въ обществѣ Али-бея и Бертелоти, делегатовъ турецкаго правительства на вѣнской санитарной конференціи, и очень образованнаго александрійскаго банкира Ризо; послѣдній везъ свою жену къ роднымъ въ Молдавію. По этому поводу я могу сообщить интересную черту нравовъ — что почти всѣ богатые греки на Востокѣ женятся въ Румыніи, такъ какъ тамъ издревле очень много богатыхъ невѣстъ; а за золотымъ руномъ грекъ поѣдетъ даже на Шпицбергенъ.

Послѣ нашей Волги тихій Дунай, даже въ широкомъ мѣстѣ, какъ у Рущука, не производитъ большаго впечатлѣнія. Поѣздъ пришелъ вечеромъ и остановился далеко отъ города, прямо у пристани, гдѣ стояло два парохода Дунайскаго Общества, изъ которыхъ одинъ шелъ въ Галацъ, а другой—вверхъ, въ Вѣну. Когда я взошелъ на пароходъ, то сначала думалъ, что тамъ дается какой-либо торжественный обѣдъ, куда съѣхались многочисленные гости изъ Рущука и сосѣдней Журжи; между тѣмъ это были пассажиры парохода; въ одномъ первомъ классѣ ихъ ѣхало сто двадцат человѣкъ. Большая часть состояла изъ румынскихъ семействъ, отправлявшихся пить воды въ Европу. Все общество

было одѣто и наряжено съ иголочки и по послѣдней модѣ; послѣ моихъ пелеринажей, загорѣвшій и обносившійся, я имѣлъ совершенно видъ дикаго человѣка, попавшаго въ салонъ. «Sophie»—пароходъ, принадлежащій обществу «Erste kaiserliche-königliche Donau-Dampfschifffahrts-Gesellschaft»; одно подобное внушительное названіе показываетъ уже, что общество это монопольное. Австрійское правительство гарантировало ему 7% чистаго дохода, и потому никакая конкуренція съ такимъ обществомъ невозможна. Не только пароходовъ, но даже баржъ, исключая принадлежащихъ этому обществу, почти не встрѣчается по Дунаю, особенно выше Рущука, и по притокамъ. Къ чести дунайскаго пароходнаго общества нужно, однако сказать, что пароходы его великолѣпны. Это американскій типъ трехъ-этажныхъ пароходовъ, начинающій появляться на Волгѣ, къ сожалѣнію, именно въ такое время, когда число пассажировъ по рѣкамъ дѣлается все меньше и меньше. Внизу устроены спальни и туалетныя комнаты; рубка, занимающая всю палубу, обращена въ столовыя и салоны; тутъ помѣщаются также отдѣльныя семейныя каюты; на верху рубки подъ тентомъ—мѣсто для прогулки, питья кофе, и проч. Плата за проѣздъ очень дорога; правда, что въ нее входитъ продовольствіе, довольно обильное, и вино. Къ сожалѣнію, пароходы не совсѣмъ опрятны. Когда я легъ спать, что-то жестоко начало кусать меня; полагая, что это знаменитые дунайскіе комары, я лежалъ терпѣливо, но вскорѣ дѣло разъяснилось. Я позвалъ горничную, но та нахально объяснила, что у нихъ чистота примѣрная, а насѣкомыхъ приносятъ, вѣроятно, въ своихъ карманахъ пассажиры; впрочемъ, она не отказалась постлать мнѣ постель на-верху въ столовой. Тамъ было, пожалуй, еще лучше спать, чѣмъ въ спальняхъ, такъ какъ рубка всегда быстрѣе охлаждается по ночамъ на ходу, чѣмъ нижняя палуба; но полному спокойствію мѣшали игроки. Рядомъ, въ гостиной, день и ночь шелъ оживленный банкъ; на ломберномъ столѣ съ одной стороны лежало горою золото, а съ другой—карты, съ углами загнутыми «на-пе» и «на перепе». Старый румынскій помѣщикъ, съ длинными сѣдыми бакенбардами, держалъ банкъ и неустанно очищалъ публику; даже капитанъ парохода проигрался до послѣдняго крейцера. Банкометъ и меня приглашалъ присѣсть. «Вы русскій», сказалъ онъ; «я знаю многихъ русскихъ, особенно въ Одессѣ»—и при этомъ онъ назвалъ имена трехъ извѣстныхъ шулеровъ. Я, конечно, поторопился опустить въ карманъ нѣсколько наполеоновъ, которые, было наивно собирался уже поставить на карту.

Рущукъ—городъ очень большой, хотя ничѣмъ не замѣчательный, кромѣ воспоминаній о подвигахъ нашихъ войскъ. Здѣсь сосредоточивается теперь управленіе болгарскимъ вилайетомъ и живутъ консулы. На противуположной румынской сторонѣ нѣсколько ниже по Дунаю хорошенькій городъ Журжа служитъ портомъ Бухареста, соединеннаго съ Журжей желѣзной дорогой. Я было думалъ заѣхать туда, но узналъ, что лѣтомъ городъ пустѣетъ и всѣ разъѣзжаются по деревнямъ. Отъ Рущука до Виддина Дунай очень однообразенъ и неинтересенъ. Румынскій берегъ совершенно низменъ и закрытъ по большой части островами, покрытыми кустарниками; турецкій берегъ, также плоскій, состоитъ изъ возвышающихся на нѣсколько саженъ надъ водою совершенно горизонтальныхъ пластовъ известняка. Кромѣ Систова и Никополя, городовъ почти не встрѣчается, даже селеній очень мало, и тѣ имѣютъ видъ довольно бѣдный. Турецкое владычество и здѣсь, повидимому, наложило свою мертвящую руку, потому что выгоднѣе положенія въ торговомъ отношеніи трудно найти въ цѣломъ свѣтѣ: почва — черноземъ, народъ—трудолюбивъ, а Дунай доступенъ для плаванія самыхъ большихъ судовъ.

Не имѣя, такъ сказать, пищи для наблюденій извнѣ, пассажиры парохода должны были довольствоваться, для развлеченія, собственнымъ обществомъ. Затрудненія на этотъ счетъ не было, ибо, какъ я сказалъ выше, общество было очень многочисленное и разнообразное: румынскіе депутаты, помѣщики, военные, французскіе инженеры, турецкіе чиновники, австрійскіе купцы незамѣтно сливались въ одно общество, довольно дружное и державшее себя безъ всякихъ церемоній. Насчетъ послѣднихъ можно сказать, что общій тонъ былъ скорѣе противоположный, а именно излишне развязный, такъ какъ преобладали валахскія барыни, кокетство которыхъ вошло въ пословицу. Молдаванокъ было очень мало, потому что изъ Молдавіи удобнѣе теперь ѣхать за-границу по желѣзнымъ дорогамъ. Объ этомъ можно было отчасти пожалѣть, потому что молдаванки гораздо красивѣе, чѣмъ валашки. Держали себя послѣднія на нашъ, сѣверный взглядъ, нѣсколько странно; впрочемъ, въ разныхъ широтахъ — разные нравы. Вечеромъ и утромъ, когда дамы раздѣвались и одѣвались, молодежь, не стѣсняясь, отправлялась смотрѣть на это зрѣлище, что было тѣмъ удобнѣе, что, по случаю жары, во всѣхъ каютахъ двери были отворены настежь. Вы думаете, что такое наглое любопытство возбуждало крики или протесты? Нисколько! валахскія дамы принимали это только, какъ

естественную дань вниманія ихъ красотѣ. Утромъ по цѣлымъ часамъ оставались онѣ неодѣтыми, обмахиваясь вѣерами и предоставляя любоваться всѣмъ проходящимъ своими полновѣсными прелестями.

Менѣе всего интересовало это румынъ; тѣ или играли въ карты, или, забравшись на верхъ, по цѣлымъ днямъ спорили о румынской политикѣ. Почти всякій богатый румынъ—депутатъ или сенаторъ; къ тому же каждый румынъ — природный ораторъ, а потому пароходная палуба представляло въ иные часы, особенно послѣ обѣда, второе изданіе бухарестскаго парламента. Нѣкоторые ораторы ужасно увлекались; имена Боереску, Эпуреано, Катаржіу и т. п. мало вѣдомыхъ міру великихъ румынскихъ государственныхъ мужей, такъ и сыпались градомъ. Сколько я могъ понять, особенно горячились либералы, потому что уже четыре года въ Румыніи управляли консерваторы и царствію ихъ не предвидилось конца. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что румынскій консерваторъ гдѣ нибудь въ Англіи или во Франціи показался бы отчаяннѣйшимъ радикаломъ. «У насъ все есть въ Румыніи», говорилъ мнѣ съ гордостію одинъ депутатъ, «нѣтъ только реакціонеровъ!» Счастливая страна! Очень много споровъ возбуждалъ еврейскій вопросъ. Съ нами на пароходѣ ѣхалъ главный защитникъ евреевъ въ Румыніи, американскій генеральный консулъ. Этотъ юный, хлыщеватый жидокъ повѣсилъ на фокъ-мачтѣ парохода звѣздный флагъ великаго союза, а самъ одѣвался въ мундиръ какого-то яхтъ-клуба, вѣроятно изъ опасенія быть побитымъ.

Румынскія барышни, весьма нарядныя, образовали особую армію, которою предводительствовала очень скромно одѣтая, но замѣчательно бойкая и превосходно образованная г-жа Чикерленъ. Эта молодая дѣвица съумѣла сдѣлаться центромъ многочисленнаго общества, и, не будучи ей представленнымъ, не получивъ, такъ сказать, офиціальный «estampille» нечего было надѣяться заставить какую либо румынскую дѣвицу не только танцовать, но даже разинуть ротъ. Румыны, какъ я уже сказалъ, большею частью ѣхали на минеральныя воды; по нашему это нѣсколько поздно, но въ Румыніи весна и начало лѣта такъ пріятны, что не стоитъ уѣзжать въ Германію. Изъ другихъ странъ на воды ѣздятъ поздно; только мы, бѣдные петербуржцы, эмигрируемъ въ началѣ мая, убѣгая отъ снѣга, тогда когда вся Европа наслаждается уже тепломъ. Чтобъ окончить съ румынскимъ обществомъ, я долженъ сообщить еще, что чрезвычайно роскошные костюмы заставили меня сначала предполагать, будто большинство моихъ спутниковъ—народъ бо-

гатый; но меня разувѣрили люди знающіе, разсказывая, что страсть къ нарядамъ—истинная язва румынскаго общества, разоряющая мужей и наталкивающая женъ на весьма соблазнительные пути для пополненія семейнаго бюджета.

Виддинъ—довольно большой городъ, со множествомъ минаретовъ и крѣпостью, которая, подобно всѣмъ турецкимъ крѣпостямъ на Дунаѣ, неоднократно осаждалась русскими. Города на Дунаѣ лежатъ постоянно парами; такъ и противъ Виддина на румынскомъ берегу находится Калафатъ. Обо всѣхъ этихъ провинціальныхъ румынскихъ городахъ можно себѣ составить понятіе по Турнулъ-Северину, гдѣ пароходъ стоитъ цѣлую ночь, съ тѣмъ чтобы пройти «Желѣзныя Ворота» рано утромъ. Турнулъ-Северинъ знаменитъ остатками моста, переброшеннаго черезъ Дунай Траянамъ, и развалинами башни Севера. Отъ этой башни сохранилось очень мало камней, которые бережно огорожены и окружены садомъ, гдѣ жители Турнулъ-Северина собираются по вечерамъ кушать мороженное и слушать оркестръ бродячихъ цыганъ, играющихъ безъ нотъ. Турнулъ-Северинъ—городъ какъ городъ; на берегу таможня, гдѣ обращаютъ на себя вниманіе оригинальными костюмами «доробанцы»—румынская пограничная стража, и гдѣ, къ счастію, никого не обыскиваютъ; въ городѣ—площадь Конституціи, десятка два извозчиковъ съ бричками, великолѣпная вѣнская полпивная, съ музыкой, и полиція, одѣтая гусарами. Послѣдняя черезъ-чуръ только усердна, такъ что едва не арестовала нѣсколькихъ пассажировъ нашего парохода, въ томъ числѣ и меня, преступленіе которыхъ состояло только въ незнаніи румынскаго языка. Въ полпивной я видѣлъ много румынскихъ уланъ, въ довольно красивыхъ мундирахъ.

На другое утро всѣ пассажиры поднялись рано, чтобы увидать «Желѣзныя Ворота», но никакихъ воротъ, ни желѣзныхъ, ни деревянныхъ, тутъ не видѣли; собственно говоря, даже ничего не было видно, потому что «Желѣзными Воротами» называются подводные камни, на довольно крутомъ паденіи Дуная, около Оршовы. Но въ мой проѣздъ воды было много, и мы шли безъ малѣйшаго затрудненія. За то въ сухое лѣто тутъ, говорятъ, въ одинъ день приходится мѣнять по три парохода, а иногда и просто ѣхать на почтовыхъ, по шоссе, проложенному вдоль лѣваго берега Дуная. Въ Оршовѣ мы постояли недолго; для исполненія таможенныхъ формальностей на австрійской границѣ. Знаменитая нѣкогда своею придирчивостью австрійская таможня теперь—образецъ любезности и предупредительности. Оршова находится

въ Банатѣ, населенномъ австрійскими румынами, а на противуположномъ берегу лежитъ уже Сербія. Сербская кровь заговорила въ моихъ жилахъ; я надѣялся видѣть потомковъ знаменитыхъ героевъ, но, къ сожалѣнію, видѣлъ только на берегу полоскавшихся гусей и стадо свиней, составляющихъ спеціальность покрытой дубовыми лѣсами Сербіи. Послѣдніе было утѣшительнымъ признакомъ окончанія магометова царства.

Отъ Оршовы до Базіаша Дунай чрезвычайно живописенъ; можно сказать даже, что, несмотря на нѣкоторую мертвенность пейзажа, очень мало въ Европѣ мѣстностей, которыя могли бы поспорить красотою съ этимъ участкомъ. Рѣка течетъ то довольно быстро, между порогами, въ узкихъ ущельяхъ, среди отвѣсныхъ скалъ, покрытыхъ сверху зеленью, то образуетъ нѣчто въ родѣ озеръ, среди которыхъ не видать ни впаденія, ни истока рѣки. Кромѣ прелестнаго ландшафта, мѣстность эта замѣчательна еще по историческимъ воспоминаніемъ и остаткамъ древности. По всему правому берегу въ крутой скалѣ пробита непрерывная узкая дорога, почти заросшая зеленью; это древняя римская военная дорога изъ Панoніи въ Дакію. Принявъ во вниманіе, что древнимъ порохъ не былъ извѣстенъ и что всѣ породы, какъ бы онѣ тверды не были, работались киркою, нужно удивляться терпѣнію, осуществившему такія большія предпріятія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны надписи, а великолѣпно сохранившаяся около Оградины доска Траяна—высѣченный въ скалѣ барельефъ въ честь побѣды надъ Даками въ 103 году—пользуется всемірною извѣстностью. Ниже лежатъ единственныя въ своемъ родѣ развалины древнаго сербскаго замка Голубаца, противъ котораго находится глубокая пещера, почему-то считавшаяся источникомъ ужасныхъ комаровъ, терзающихъ и людей, и особенно скотъ, по Дунаю. Входъ въ эту пещеру задѣланъ, но число комаровъ, конечно, отъ того не уменьшилось нисколько. Удивительно, что они не дохнутъ даже отъ дыма отвратительнаго австрійскаго табаку, съ казенныхъ фабрикъ, раскуриваемаго по границѣ чиновниками. Наивные турки считали для себя камни «Желѣзныхъ Воротъ» защитою въ стратегическомъ отношеніи, и потому никогда не хотѣли принять участіе въ серьезномъ очищеніи русла Дуная. (Правда, что и мы не лучше дѣйствовали, когда устье этой рѣки было въ нашемъ владѣніи). Въ настоящее время послѣдовало, наконецъ, соглашеніе на этотъ счетъ. Австро-Венгрія, Сербія, Румынія и Турція, одинаково заинтересованныя въ безпрепятственномъ плаваніи по Дунаю, даютъ

деньги, и скоро путь между Оршовой и Базіашомъ будетъ пріятною прогулкой, въ родѣ плаванія по озеру Четырехъ кантоновъ или Женевскому. Базіашъ, составляющій теперь крайній пунктъ австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ—калифъ на часъ, довольно уединенно стоящая станція на узкомъ берегу, гдѣ съ трудомъ при помощи пороха, расчистили небольшое мѣсто для устройства желѣзнодорожныхъ путей.

Отъ Базіаша характеръ мѣстности рѣзко измѣняется, начинается знаменитая венгерская равнина «пушта», знакомая уже мнѣ по прежнимъ поѣздкамъ.

БУДА-ПЕШТЪ.

I.

Дунай. — Венгерскій языкъ. — Вино. — Наружность Буда-Пешта и образъ жизни. — Гулянья — Синагоги.

Вѣнская выставка послѣ открытія не была внутри готова и на-половину. Прискучивъ бродить среди рабочихъ, строгающихъ доски, ящиковъ, пустыхъ шкафовъ, надписей: «Eingang ist verboten», и англичанъ, спѣшащихъ на перерывъ покупать вынимаемыя экспонентами вещи, если только онѣ кажутся имъ достаточно дорогими, я рѣшился переждать приведенія выставки въ болѣе приличный видъ, для чего и предпринялъ въ сообществѣ съ извѣстнымъ литераторомъ г. Михайловскимъ путешествіе въ другую столицу австро-венгерской монархіи—Буда-Пештъ. Наши учебники географіи знаютъ до-сихъ поръ городъ Пештъ и городъ Офенъ или Буду; между тѣмъ такого дѣленія не существуетъ: волею венгерскаго парламента оба города соединены въ одинъ, и каждый можетъ быть разсматриваемъ только какъ часть или собраніе нѣсколькихъ кварталовъ.

Эта поѣздка не отступала отъ обыкновеннаго рутиннаго способа, рекомендуемаго гидами: путешествіе въ Буда-Пештъ на пароходѣ и возвращеніе оттуда въ Вѣну по желѣзной дорогѣ. Послѣдняя половина подобной программы не можетъ идти, однако, ни въ какое сравненіе съ первой. Дунай былъ въ полноводіи, огромные трехъ-этажные пароходы доходили до устья вѣнскаго канала и сильное теченіе несло

внизъ пароходъ немногимъ тише желѣзной дороги, позволяя между тѣмъ гулять свободно и любоваться видами во всѣ стороны. Послѣ Волги, въ Европѣ нѣтъ рѣки лучше Дуная и поѣздка по немъ, особенно сравнительно съ переѣздомъ въ тѣсномъ купэ вагона—высокое наслажденіе.

Рано по утру маленькій пароходикъ живо привезъ насъ изъ Вѣны къ большому пароходу, который подъ парами ожидалъ гостей и немедленно двинулся въ путь. До Пресбурга рѣка покрыта островами и интересна скорѣе для инженера огромными работами, сдѣланными для спрямленія ею ложа, загражденія протоковъ и укрѣпленія береговъ. У Тебена пароходъ спустилъ австрійскій флагъ и поднялъ мадьярскій—знакъ уваженія, дѣлаемый не вполнѣ добровольно. Дунайская пароходная компанія—это могущественное учрежденіе, щедро гарантированное правительствомъ, встрѣтила противника въ новомъ мадьярскомъ правительствѣ; гарантія спасена была въ делегаціяхъ большинствомъ только немногихъ голосовъ, и съ-тѣхъ-поръ, желая задобрить мадьярское народное чувство, компанія съ утонченною вѣжливостью спѣшитъ поднимать мадьярскій флагъ, вступая во владѣнія венгерской короны.

Въ Пресбургѣ обращаютъ уже на себя вниманіе повсюду щедро разсыпанныя надписи на мадьярскомъ языкѣ. Что за ужасный языкъ! Я тщетно старался запомнить даже самыя короткія фразы. Ближе подходитъ онъ къ зырянскому, вогульскому, чувашскому, и др. такъ-называемымъ алтайскимъ нарѣчіямъ, и, какъ языкъ туранскаго корня, понятно, не имѣетъ никакого, даже отдаленнаго сходства съ какимъ-либо европейскимъ языкомъ. И въ этомъ случаѣ положеніе путешественника въ Венгріи по-истинѣ печально. Во всѣхъ языкахъ есть множество иностранныхъ словъ, и многія вещи называются одинаково повсюду, что очень облегчаетъ туриста; на мадьярскомъ же языкѣ этого нѣтъ, потому что онъ долго былъ въ загонѣ, на немъ говорили только нисшіе слои населенія, и никакихъ словъ, кромѣ обыденныхъ, не было; когда же чувство національнаго сознанія въ этомъ столѣтіи проявилось въ Венгріи съ особою силою, мадьяры начали развивать свой языкъ, т. е. по-просту фабриковать новыя слова, въ родѣ нашихъ мокроступовъ и шарокатовъ. Такимъ образомъ настоящій мадьярскій языкъ сложенъ чисто-искусственно, иностранцы его не понимаютъ, народъ также, да и аристократія, говорятъ, съ трудомъ объясняется пока по-мадьярски, нарочно, пріискивая своимъ дѣтямъ венгерскихъ ня-

*

некъ. Болѣе всего успѣхамъ мадьярскаго языка способствуетъ парламентъ, замѣняющій наилучшую академію.

Кромѣ непонятнаго нарѣчія, надписи и имена въ Венгріи поражаютъ еще своей орѳографіей, несмотря на латинскій алфавитъ. Можно сказать, что всѣ газеты въ Европѣ безъ милосердія искажаютъ всѣ мадьярскія имена; отъ этого грѣха не чужды даже официальныя изданія, что очень оскорбляетъ мадьяровъ. Для назиданія моихъ сотоварищей въ русской журналистикѣ я изложу здѣсь кстати краткое правило чтенія мадьярскихъ именъ, встрѣчаемыхъ въ газетахъ. По мадьярски s равняется русскому ш, sz—с, zs—ж, cs—ч, cz—ц, g—мягкому знаку таким образомъ министръ Венгріи не Шлави, какъ пишетъ «Правительственный Вѣстникъ», а Слави, вѣнскій министръ иностранныхъ дѣлъ не графъ Андращи, какъ говорятъ «Московскія Вѣдомости», а Андраши, предводитель лѣвой не Тиша, а Тиса, и т. д. Это, быть можетъ, мелочи, но мы же смѣемся, когда французы пишутъ Suvaroff, Manilov la femme de Tchitchicoff, и la celébre academie de Smorgony.

Видъ Пресбурга, гдѣ нѣкогда короновались венгерскіе короли, живописенъ, но затѣмъ берега Дуная дѣлаются плоскими до самаго Коморна, и пассажиры пользуются этимъ скучнымъ переходомъ, чтобы сойти въ рубку и пообѣдать съ тѣмъ аппетитомъ, который бываетъ только на водѣ. Пароходная кухня на Дунаѣ не отличается ничѣмъ особеннымъ, но за табль д'отомъ подаютъ уже венгерскія вина. У насъ венгерскія вина почти неизвѣстны, такъ какъ подъ этимъ именемъ разумѣютъ обыкновенно токайское дессертное вино, сладкую бурду, знаменитая «эссенція» изъ которой на мой вкусъ просто противна. Между тѣмъ, послѣ Франціи, нигдѣ нѣтъ такихъ прекрасныхъ столовыхъ винъ, красныхъ и особенно бѣлыхъ, какъ въ Венгріи, и очень жаль, что недостатокъ прямыхъ сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ, а также несоразмѣрныя содержанію алкоголя таможенныя пошлины наши дѣлаютъ привозъ венгерскихъ винъ въ Россію почти невозможнымъ. Дороги уже проводятся, хотя и со стратегическими цѣлями, пожелаемъ чтобъ измѣнились и пошлины, въ видахъ высшей кулинарной стратегіи.

Венгерское вино довольно тяжело, и для языка, привыкшаго къ французскому вину, кажется крѣпкимъ и оригинальнымъ на вкусъ; но ближайшее знакомство позволяетъ оцѣнить вполнѣ его достоинства. Лучшія марки — Мадіаротеръ, Вилайнеръ, Бакатореръ, Эрлауеръ, Шомлауэръ и др. —нравятся всѣмъ очень скоро. Опасаться прекращенія источника этого прекраснаго напитка нечего, такъ какъ вино-

градниковъ въ Венгріи повсюду множество, и вездѣ еще насаживаютъ новые, потому что земля подъ лозою даетъ дохода въ нѣсколько разъ болѣе обыкновенной пахотной земли. Австрійское, и особенно богемское (пильзенское — свѣтлое какъ кристалъ) пиво, впрочемъ такъ хорошо здѣсь, что, несмотря даже на дешевизну вина, и пива выпивается въ Венгріи, въ особенности въ городахъ, не малое количество. Этому способствуетъ и огромное число нѣмцевъ. Хотя политически венгерцы совершенно эмансипировались отъ нѣмецкаго вліянія, по экономическая жизнь всей Венгріи въ рукахъ нѣмцевъ и онѣмечившихся евреевъ. У нѣмцевъ заложена большая часть венгерскихъ земель; въ ихъ же рукахъ торговля, фабрики и ремесла; на сѣверѣ Венгріи весьма быстро скупаютъ земли пруссаки. Послѣ нѣмцевъ дѣятельнѣе всѣхъ эксплоатируютъ Венгрію итальянцы. Оканчивая рѣчь о винѣ, слѣдовало бы кстати сказать нѣсколько словъ о венгерской кухнѣ. Но для трактованія объ этомъ предметѣ нужно бы проникнуть далѣе въ глубь Венгріи. Въ гостинницахъ же та же кухня, что и въ Вѣнѣ, т. е. блѣдная копія французской. Я, впрочемъ, пробовалъ нѣкоторыя національныя блюда; лучше прочаго разные неизвѣстные у насъ сорта рыбъ изъ Дуная и Платенскаго озера, также нѣкоторыя блюда изъ баранины и тѣста, съ вкусною подливкою, съ большимъ количествомъ краснаго перца. Красный турецкій перецъ играетъ вообще важную роль въ венгерской кухнѣ и сближая желудки служитъ вѣроятно первымъ источникомъ извѣстнаго сочувствія мадьяръ къ туркамъ.

Коморнъ интересенъ по воспоминаніямъ о славной защитѣ Клапки въ 1849 году. Австрійцы считаютъ эту крѣпость очень важною и сильною. Она дѣйствительно расположена очень удачно на островѣ, образуемомъ Дунаемъ, но по наружности не представляетъ какихъ-либо усовершенствованій въ инженерномъ искусствѣ. Ниже Коморна воды Дуная соединяются въ одно широкое русло и берегъ дѣлается красивымъ по обѣимъ сторонамъ. Наиболѣе живописныя мѣста — Гранъ и Вышеградъ. Гранъ, мѣстопребываніе примаса Венгріи, украшается великолѣпнымъ соборомъ, поставленнымъ на крутомъ берегу, выдающимся въ видѣ мыса надъ Дунаемъ. Роскошь окружающихъ построекъ и обиліе на берегу чисто выбритыхъ и толстыхъ патеровъ, въ длиннополыхъ сюртукахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что католическое духовенство сохранило еще въ Венгріи всѣ свои богатства. Въ то время, когда даже въ Испаніи и Италіи правительства секуляризовали земли малопроизводительныя въ рукахъ духовенства, въ Венгріи послѣднее

отстояло свое особое положеніе, опираясь на аристократію, всюду поддерживавшую сильно организованную церковь. Венгерское духовенство отличается мадьярскимъ патріотизмомъ; онъ силенъ даже въ высшемъ духовенствѣ другихъ церквей Венгріи, напримѣръ, въ православной. Вышеградъ уже во времена Матвѣя Корвина славился красотою своего положенія и роскошью обстановки. Венгерское правительство ассигновало теперь средства для возстановленія этой старинной резиденціи венгерскихъ королей. И въ настоящее время бѣлый дворецъ на берегу Дуная очень красиво рисуется на зеленомъ фонѣ высокой горы, украшенной многими развалинами. Около Коморна исчезаютъ уже крестьяне въ нѣмецкихъ платьяхъ и на лошадяхъ; вездѣ видны длиннорогіе бѣлые волы; сельскія постройки очень напоминаютъ Малороссію, а крестьяне одѣты уже въ классическій мадьярскій костюмъ, состоящій изъ бѣлыхъ куртки, плаща, юбки и черной широкой круглой шляпы съ загнутыми на верхъ полями, хорошо извѣстный всѣмъ по многочисленнымъ балетамъ. Такъ и кажется, что эти пейзане запляшутъ «чардашъ», звуки котораго раздаются не только на всѣхъ пристаняхъ, но и на самомъ пароходѣ. Всю эту музыку производятъ странствующіе хоры венгерскихъ цыганъ. Многочисленность ихъ объясняется тѣмъ, что въ старину каждый зажиточный венгерскій и румынскій помѣщикъ имѣлъ непремѣнно около себя хоръ цыганъ, которыхъ занятіе музыкой отвлекало отъ воровства. Цыгане эти играютъ по слуху, безъ нотъ, часто врутъ немилосердно, но зато и довольствуются немногимъ для поощренія своего таланта. Лучше всего исполняютъ они народныя пѣсни, которыя всѣ заунывны и даже при плясовомъ ритмѣ сохраняютъ жалобный тонъ. Цыганки участія въ этой музыкѣ почти не принимаютъ, чѣмъ существенно отличаются отъ нашихъ и испанскихъ цыганокъ.

Миновавъ почти ничѣмъ не примѣчательный Вайценъ, мы стали готовиться къ тому, чтобъ полюбоваться знаменитымъ видомъ Буда-Пешта, освѣщеннаго лучами заходящаго солнца. День былъ облачный и потому послѣдняго удовольствія намъ въ удѣлъ не досталось, но и безъ блестящаго освѣщенія видъ города, соединеннаго великолѣпнымъ цѣпнымъ мостомъ, перекинутымъ на огромной высотѣ, на двухъ быкахъ, черезъ Дунай — поразителенъ. Противъ острова Маргариты, любимаго гулянья пештцевъ, гдѣ одинъ изъ эрцгерцоговъ построилъ недавно великолѣпную гостинницу, начинается фабричная часть города, огромнѣйшія паровыя мельницы въ семь и восемь этажей, перемалывающія муку, вывозимую за-границу, и пароходныя верфи. Пароходъ быстро

несется, съ трудомъ изворчиваясь среди множества судовъ, барокъ и плотовъ, и выѣзжаетъ въ общее русло Дуная, откуда особенно хорошъ видъ. На-лѣво набережная Пешта, рядъ огромныхъ домовъ въ шесть этажей, очень изящной архитектуры, въ томъ пестромъ стилѣ, который въ модѣ теперь въ Австріи; надъ этимъ видны три башни недостроеннаго собора и куполы многихъ другихъ церквей и синагогъ; на-право— Буда, съ ея старинными зданіями и императорскимъ дворцомъ, напоминающимъ нѣсколько по положенію нашъ Кремлевскій дворецъ; выше— горы, покрытыя зеленью. Дома въ Будѣ перемѣшаны съ садами и возвышаются амфитеатромъ, какъ въ древнихъ греческихъ городахъ, Прямо за мостомъ, на темной, высокой, почти неприступной скалѣ, находится цитадель, гдѣ геройски погибъ въ 1849 году храбрый Генци, защищавшій ее съ 3,000 поляковъ и сербовъ противъ 30,000 венгровъ. Цитадель господствуетъ надъ всею мѣстностью и составляетъ предметъ ужаса и отвращенія для всѣхъ венгерцевъ, съ трудомъ несущихъ даже тѣ почти розовыя цѣпи, которыя привязываютъ ихъ еще къ дряхлому тѣлу Австріи.

Прямо противъ пароходной пристани находится площадь, гдѣ помѣщаются академія художествъ, биржа, редакція «Пештскаго Ллойда» и одна изъ лучшихъ и старѣйшихъ гостинницъ Пешта «Европейская», гдѣ я и пріютился. Гостинницы Буда-Пешта ничѣмъ не отличаются отъ вѣнскихъ: цѣны такъ-же высоки, если не выше, кельнеры также быстро считаютъ при расплатахъ и выводятъ счеты, отъ которыхъ коробитъ скромнаго путешественника, Stubenmâdchen отличаются тою же развязностью, какъ и вѣнскія, и говорятъ на такомъ же неопредѣленномъ нарѣчіи когда ихъ щиплютъ: «ich bin fasché»; но распредѣленіе времени въ гостинницахъ существенно отличается отъ другихъ городовъ Европы, потому что таковъ складъ жизни въ Пештѣ. Встаютъ здѣсь довольно рано. Въ 10 часовъ начинаются уже засѣданія парламента—извѣщенія объ этихъ засѣданіяхъ наклеиваются на углахъ улицъ—открываются присутственныя мѣста и частныя конторы; за то уже съ 12 часовъ пештцы начинаютъ обѣдать; даже богатые люди обѣдаютъ не позже 2 часовъ, а съ 3 часовъ весь городъ пускается веселиться. Мадьяры превосходятъ еще вѣнцевъ въ какомъ-то лихорадочномъ стремленіи къ удовольствіямъ. Деньги наживаются въ этой странѣ съ поразительною легкостью, зато еще легче проживаются; только евреи не принимаютъ участія въ общемъ веселіи, развѣ обращая и его въ предметъ эксплоатаціи; зато они одни и сберегаютъ деньги среди всеобщаго кутежа и разгула.

Австрійскій разгулъ отличается отъ французскаго тѣмъ, что онъ не составляетъ отдыха отъ усиленнаго труда; нигдѣ, наоборотъ, такъ мало не работаютъ, какъ въ Австріи; подобная лѣнь замѣчается даже въ рабочемъ классѣ. Чтобъ удовлетворить наклонностямъ къ развлеченіямъ, въ Буда-Пештѣ устроено безчисленное множество кафе, полпивныхъ, виноторговлей и разныхъ увеселительныхъ мѣстъ, до поздняго вечера наполненныхъ публикою; тутъ пьютъ, читаютъ газеты, сплетничаютъ, и иногда дерутся. Населеніе Буда-Пешта очень смѣшанное; но нѣмецкій языкъ слышится чаще всего, хотя всѣ надписи и вывѣски сдѣланы по мадьярски, а нѣкоторые нѣмцы переводятъ даже свои фамилія на мадьярскій ладъ, чтобы сохранить мѣста, особенно въ казенной службѣ и не идти въ разрѣзъ съ господствующимъ направленіемъ. Такое обиліе нѣмцевъ, конечно, требуетъ соотвѣтственнаго устройства загородныхъ гуляній, гдѣ бы im Grünen можно было пить пиво или бѣлое вино. Каждый вечеръ пароходъ увозитъ тысячи народа на Маргаритинъ островъ, а конножелѣзная дорога — въ Stadtwald, огромный паркъ, съ озеромъ, къ которому ведетъ аллея, украшенная двумя рядами хорошенькихъ дачъ. Послѣ этихъ гуляній публика направляется обыкновенно въ Neue Welt, нѣчто въ родѣ нашего заведенія минеральныхъ водъ, только въ десятеро болѣе дешеваго. Въ Neue Welt и на гуляніяхъ рѣдко можно видѣть порядочныхъ женщинъ: аристократія этихъ гуляній не посѣщаетъ, средній классъ замѣняется въ Венгріи евреями, а жены чиновниковъ пользуются въ Буда-Пештѣ весьма двусмысленною репутаціей. Содержаніе ихъ мужей такъ скудно, а жизнь такъ дорога, и потребности, особенно наряда, такъ значительны, что незаконные пути для пополненія семейнаго бюджета — явленіе самое обыкновенное, на которое едва обращаютъ вниманіе. Чистый мадьярскій женскій типъ рѣдко можно наблюдать на этихъ гуляньяхъ, для того нужно ѣхать въ Дебречинъ и другія мѣстности въ глубинѣ Венгріи. Кромѣ еврейскихъ физіономій, тутъ преобладаетъ типъ вѣнскихъ женщинъ — soliden Blondinen von liebenswürdigen Temperament, точное описаніе котораго легко найти на послѣдней страницѣ австрійскихъ газетъ, гдѣ десятками вызываются женихи и просто молодые люди.

Одинъ изъ первыхъ моихъ визитовъ былъ въ русское генеральное консульство, не за долго до того учрежденное въ Буда-Пештѣ. Я встрѣтилъ въ нашемъ генеральномъ консулѣ г. Блюмерѣ и секретарѣ консульства г. Ладыженскомъ рѣдкую любезность и предупредительность, которою

воспользовался, быть можетъ, въ избыткѣ, чтобъ ближе познакомиться съ пештскимъ обществомъ. Въ настоящее время уже всѣ государства устроили дипломатическія агентуры въ Буда-Пештѣ: политика государства съ 15-ти милліоннымъ населеніемъ достаточно интересна, чтобъ оправдать расходы этого рода. Какъ скудны же до сихъ поръ свѣдѣнія о Венгріи въ европейскомъ обществѣ, доказательствомъ тому служитъ прелестная наивность французскаго журналиста Мильо, напечатавшаго, что онъ удивился, узнавъ въ прошломъ (1872) году въ Пештѣ, что его лакей — мадьяръ. «У насъ въ Парижѣ, пишетъ Мильо, всѣ думаютъ, что мадьяръ значитъ венгерскій аристократъ». Въ Россіи, конечно, посильнѣе въ географіи и этнографіи, но много-ли свѣдѣній имѣемъ мы о мадьярахъ, кромѣ того, что они носятъ узкіе гусарскіе панталоны, играютъ маршъ Ракочи, дѣлаютъ мышеловки и кричатъ «элейенъ»! Такое же незнаніе господствуетъ взаимно и въ Венгріи относительно Россіи, съ примѣсью еще ненависти, возбуждаемой воспоминаніемъ о 1849 годѣ. Поколѣніе, произведшее венгерскую революцію, еще живо, въ его рукахъ даже находится теперь власть, а потому, пока оно останется, трудно ожидать большаго сочувствія къ Россіи. Венгрія чужда намъ и по многимъ другимъ причинамъ. Это страна аристократическая, желающая поглотить нѣкоторыя славянскія національности, мадьяризація которыхъ невозможна, такъ какъ сама мадьярская національность не имѣетъ никакой будущности. Даже статистика показываетъ, что въ то время, когда славянское, и особенно румынское населеніе возростаетъ въ Венгріи, мадьярское остается безъ движенія. Правда, мадьяры утѣшаютъ себя тѣмъ, «что у благороднаго льва всегда родится по одному дѣтенышу, а у нечистоплотной свиньи по десяти», очевидно, однако, что подобное вымирающее постепенно племя всегда будетъ чуждо развивающему государственному организму съ опредѣленнымъ планомъ и широкимъ будущимъ какъ Россія, какъ бы она ни казалась пока отсталою политически.

Я не буду описывать зданій и памятниковъ Буда-Пешта; это описаніе было бы педантическимъ повтореніемъ вещей, по большей части извѣстныхъ или мало занимательныхъ; къ тому же я принадлежу къ числу тѣхъ туристовъ, теперь, впрочемъ, многочисленныхъ, которые находятъ, что путешествіе интересно вовсе не по зданіямъ и видамъ природы, которые встрѣчаешь, а по наблюденіямъ надъ отдѣльными чертами нравовъ, надъ различіемъ склада жизни, обычаевъ разныхъ народовъ, и, въ особенности, по тому положенію, въ которое становится

самъ посторонній наблюдатель, съ своей національной точки зрѣнія, относительно явленій этой жизни. Жизнь складывается изъ мелочей, и наблюденіе подобныхъ мелочей часто интереснѣе, чѣмъ картинныя описанія, отзывающіяся риторикою и общими мѣстами.

Относительно зданій Буда-Пешта я могу только замѣтить, что прежнее зданіе Редута, гдѣ засѣдало венгерское народное собраніе, гдѣ раздавались пламенныя рѣчи Кошута и гдѣ было провозглашено сверженіе габсбургской династіи, поврежденное бомбардировкой, теперь разрушено и замѣнено новымъ, великолѣпнѣйшимъ дворцомъ, гдѣ даются балы и концерты. Заслуживаетъ вниманіе также, что въ то время, когда пештскій соборъ остается недостроеннымъ, въ городѣ одна за другой выстроились двѣ великолѣпнѣйшія синагоги, изъ которыхъ послѣдняя, построенная Ферстеромъ въ мавританскомъ стилѣ, замѣчательна роскошною отдѣлкою и изяществомъ пропорцій. Эта синагога служитъ молитвеннымъ домомъ для молодой еврейской партіи Буда-Пешта; партія эта не особенно многочисленна, но очень сильна, составляя денежную аристократію города. Она отличается отъ старой еврейской партіи костюмомъ, европейскими нравами, тѣмъ, что не соблюдаетъ субботу, вступаетъ въ бракъ съ христіанками; единственный догматъ, оставшійся у этой партіи неприкосновеннымъ—это правило сложныхъ процентовъ. Въ Венгріи евреи теперь вполнѣ эмансипировались; они имѣютъ вліятельныхъ представителей въ парламентѣ, и партіи считаются съ ними, какъ съ политической силою.

II.

Вамбери.—Бёртонъ.—Скачки.—Мадьярская аристократія, пештскія красавицы.—Національный клубъ.—Парламентъ и партіи.—Деакъ.

Русскому нельзя быть въ Буда-Пештѣ и не познакомиться съ Арминіусомъ Вамбери, знаменитымъ путешественникомъ въ Средней Азіи и ярымъ противникомъ Россіи, проповѣдующимъ противъ насъ чуть не крестовый походъ въ «Times», «Allgem. Zeitung», «Revue des deux Mondes» и мадьярскихъ журналахъ. Вамбери, будучи эмигрантомъ, жилъ шесть лѣтъ въ Константинополѣ гувернеромъ въ домѣ Рифатъ-паши и изучилъ тамъ восточные языки и пріемы, что потомъ позволило ему совершить извѣстное смѣлое путешествіе въ Среднюю Азію переодѣтымъ дервишемъ. Въ настоящее время онъ академикъ и занимаетъ каѳедру турецкаго языка въ пештскомъ университетѣ, въ ожиданіи чего-либо лучшаго. Вамбери надѣялся, говорятъ, получить мѣсто посланника въ Тегеранѣ, но Андраши назначилъ туда молодого аристократа, графа Дубскаго, а Вамбери предложилъ только генеральное консульство въ Тавризѣ, отъ чего тотъ отказался.

Вамбери принялъ меня очень любезно и познакомилъ съ нѣкоторыми учеными и дипломатами, находившимися въ это время въ Буда-Пештѣ. Интереснѣе всего было знакомство съ знаменитымъ путешественникомъ въ Мекку, внутреннюю Африку и Америку, Бертономъ, занимающимъ теперь должность англійскаго консула въ Тріестѣ, также далеко не соотвѣтствующую его блистательнымъ способностямъ. Рѣдко можно встрѣтить человѣка болѣе свѣдущаго и болѣе саркастическаго, чѣмъ Бертонъ. Онъ рѣзко отличается отъ англичанъ чистотою своего выго-

вора на разныхъ языкахъ и ненавистью къ ханжеству; разговоръ его увлекателенъ и крайне поучителенъ. Бертонъ высокого роста, худъ и краситъ вѣки по арабской модѣ; во всей его фигурѣ видна энергія и какая-то лихорадочная жажда дѣятельности. «Тріестъ мнѣ противенъ», говорилъ онъ, «потому что я не понимаю, какъ можно жить въ городѣ, гдѣ не убиваютъ людей на улицахъ». Вечернее собраніе, сдѣланное для насъ Вамбери, походило на засѣданіе географическаго общества: разговоръ вертѣлся на внутренней и южной Африкѣ, Аравіи, арабскихъ и персидскихъ сказкахъ, древнихъ религіяхъ, и т. п. Я замѣтилъ, что Бертонъ весьма иронически относился къ Ливингстону, Пальгрэву Стэнли и др. знаменитымъ современнымъ путешественникамъ, и вспомнилъ его исторію со Спикомъ, печально окончившуюся самоубійствомъ послѣдняго. Англичане признаютъ талантъ Бертона, но считаютъ его человѣкомъ неблагонадежнымъ.

Совершенную противуположность съ Бертономъ и его рѣзкою манерою представляетъ Вамбери: это мягкій человѣкъ, дѣйствующій болѣе инсинуаціею. Въ спорахъ онъ охотно уступаетъ противнику и дѣлаетъ видъ будто-бы соглашается съ нимъ. Вамбери свободно говоритъ по-русски, конечно, со страннымъ акцентомъ, получаетъ «Туркестанскія Вѣдомости» и близко знакомъ съ нашею литературою по среднеазіятскому вопросу. Съ особымъ уваженіемъ отзывался онъ, между прочимъ, о трудахъ г. Венюкова. Руссофобія его, вѣроятно, напускная и объясняетъ различными соображеніями, преимущественно денежными; онъ не отрицаетъ, однако, нашего цивилизующаго вліянія на Востокѣ и весьма скептически относится къ будущности исламизма вездѣ, кромѣ Африки. Вамбери состоитъ уже въ перепискѣ съ нѣкоторыми русскими учеными и собирается пріѣхать въ Петербургъ, чтобъ ознакомиться съ тѣми сокровищами по восточной литературѣ, которыя хранятся въ столичныхъ библіотекахъ. По наружности, Вамбери не похожъ вовсе на мадьяра, у него совершенно еврейскій типъ: онъ средняго роста, рыжеватъ, очень подвиженъ и съ блѣднымъ цвѣтомъ лица. Я познакомился и съ женою Вамбери, очень любезною дамою, также еврейскаго происхожденія, которая угощала меня медомъ съ Гиметской горы, вкуса дѣйствительно классическаго.

Время моего пребыванія въ Буда-Пештѣ совпало съ пребываніемъ тамъ принца Уэльскаго, для котораго былъ устроенъ рядъ празднествъ, позволившій мнѣ видѣть поближе пештское общество. Мадьяры вообще были польщены посѣщеніемъ принца, приписавъ его желанію почтить,

какъ выражались ихъ газеты, храбрую и свободную страну, всегда сочувствовавшую Англіи, и постарались представиться ему въ лучшемъ видѣ, для чего были устроены великолѣпныя скачки, балы, регаты, обѣды и проч. Скачки составляютъ въ Венгріи какъ бы національное учрежденіе и пользуются не меньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ въ Англіи. Сочувствіе это одинаково распространено во всѣхъ классахъ общества: народъ любитъ своихъ лихихъ скакуновъ, привольно пасущихся на обширныхъ равнинахъ Венгріи; аристократія, подражающая во всемъ даже въ мелочахъ, англійской, благоговѣетъ передъ типомъ истиннаго спортсмена, а потому скачка и охота составляютъ чуть-ли не важнѣйшія ея занятія. Тѣсно сближая своихъ членовъ, скаковыя общества были въ Венгріи во время австрійскаго угнетенія учрежденіями почти политическими, и столько же способствовали сохраненію крови скаковыхъ лошадей, сколько и чистотѣ убѣжденій мадьярской аристократіи, которая сохранила свою національность, несмотря на стеченіе самыхъ неблагопріятныхъ историческихъ условій.

Ипподромъ находится верстахъ въ двухъ отъ Пешта, на ровной и пыльной дорогѣ. Трибуны его открыты для публики, но на поле допускаются только члены Національнаго клуба и гости, представленные членами. Удовольствіе это обходится не дешево — 15 гульд., но оно далеко выкупаетъ подобный расходъ. Дѣло въ томъ, что на скачки собирается все пештское общество и въ первомъ ряду ложъ внизу сидятъ однѣ дамы (мужья и братья ихъ на полѣ). Въ этомъ собраніи можно видѣть сливки высшаго мадьярскаго общества.

Венгрія издавна славится женщинами, виномъ и лошадьми. О винѣ я уже говорилъ, а венгерскія женщины нисколько не ниже своей репутаціи. Въ особенности отличаются красотою женщины изъ аристократіи, гдѣ типъ болѣе смѣшанъ примѣсью крови славянской, германской, и особенно румынской. Я довольно простодушно выражалъ свое восхищеніе тѣмъ, что видѣлъ, хотя первой красавицы Венгріи, бѣлокурой графини Кеглевичъ, не было еще въ Буда-Пештѣ. Всеобщее вниманіе привлекали юная баронеса Фіатъ, замѣчательная красавица-блондинка, съ голубыми глазами и темными бровями, безъ сомнѣнія, одна изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Европѣ, и графиня Богушъ, дочь извѣстнаго генерала Гергея, необыкновенно эффектная, съ темными каштановыми волосами, разсыпавшимися локонами по красивымъ плечамъ Съ этими двумя звѣздами первой величины могла поспорить молодая. графиня Піячевичъ, съ золотистыми волосами и чрезвычайно симпа-

тичнымъ лицомъ. Долго было бы перечислять всѣхъ женщинъ, выдававшихся красотою и блестящими костюмами; можно указать еще на замужнюю сестру баронессы Фіатъ—жену графа Шенея, предводителя консервативной партіи, графиню Фестетичъ, со вздернутымъ носикомъ графиню Андраши, одну изъ самыхъ любезныхъ и образованныхъ дамъ въ Венгріи, графиню Дюрке, и мн. др. Изящество костюмовъ и оригинальное сочетаніе цвѣтовъ, которые теперь въ такой модѣ, дѣлало такую же честь пештскимъ модисткамъ, какъ и вкусу тѣхъ, которыхъ костюмы эти украшали. Люди, писавшіе о современной красотѣ, находятъ, что только американки могутъ поспорить въ изяществѣ и пикантности съ француженками; но венгерскія красавицы не уступятъ также, вѣроятно, послѣднимъ. Можно жалѣть развѣ, что Венгрія—страна маленькая, и абсолютное число красавицъ не должно быть въ ней очень велико. Послѣ красоты и искусства одѣваться, характерная черта мадьярскихъ барынь—любовь къ удовольствіямъ, любовь, не знающая границъ, предѣла которой не могутъ положить и карманы мужей, отказывающихся очень часто удовлетворять всѣмъ прихотямъ своихъ прекрасныхъ половинъ. При такой склонности, жизнь мадьярскаго общества не блещетъ пуританскою строгостью. Скандальная хроника Буда-Пешта отличается богатствомъ и разнообразіемъ, достойнымъ скорѣе XVIII вѣка. Сельская жизнь въ теченіе большей части года въ своихъ помѣстьяхъ не служитъ, какъ въ Англіи, бронею для добрыхъ нравовъ; напротивъ того, болѣе свободная и независимая жизнь въ деревнѣ служитъ къ сближенію любовниковъ и прикрываетъ многое такое, что было бы невозможно при условіяхъ городской жизни.

Венгерскіе аристократы не только любятъ и цѣнятъ хорошихъ лошадей, но и блещутъ искусствомъ хорошей ѣзды. На скачкахъ, на которыхъ я присутствовалъ, на призъ, подписанный дамами, скакали: князь Эстергази, графы Гугго Генкель и Фестетичъ, и Балтацци. Первымъ пришелъ Балтацци на прекрасной лошади барона Оппенгейма. Въ этой скачкѣ не принялъ еще участія графъ Сапари, первый наѣздникъ Венгріи, достигшій того идеала, о которомъ мечтаютъ англійскіе лорды; по фигурѣ, его нельзя отличить отъ жокея. Нужно видѣть волненіе, поднимающееся во время скачки, даже въ аристократическихъ ложахъ, и слышать шумъ споровъ и разговоровъ, чтобы судить о томъ, какъ популярны конныя ристалища въ Венгріи. Необыкновенное участіе, принимаемое всею публикою, напоминало мнѣ азартъ испанцевъ во время боя быковъ. Это оживленіе интересно сравнить съ тою ледя-

ною неподвижностью, которая господствуетъ на нашихъ скачкахъ въ Царскомъ Селѣ; зато на послѣднихъ изъ года въ годъ скачутъ однѣ и тѣ же лошади, а въ Пештѣ при мнѣ скакало 60 кровныхъ лошадей. Самый большой правительственный призъ въ 1,000 дукатовъ взялъ четырехлѣтній жеребецъ Фальсакапа, принадлежащій товариществу капитана Блю. Я не буду описывать дальнѣйшихъ подробностей скачки, зная, какъ незначительно у насъ число любителей тюрфа. Въ антрактѣ были устроены народныя скачки. Болѣе тридцати крестьянъ выѣхало на очень хорошихъ лошадяхъ венгерской породы, рослыхъ, сухихъ и горячихъ. Скачка эта, сопровождавшаяся нѣсколькими паденіями, была очень занимательна и красива, такъ какъ ѣздоки были одѣты въ національные костюмы: въ мѣховыхъ шапкахъ, курткахъ со шнурками и въ бѣлыхъ юбкахъ. Очень горячій споръ шелъ между двумя лошадьми; на одной скакалъ молодой человѣкъ, на другой — старикъ, очевидно отставной кавалеристъ. Побѣда осталась за молодымъ человѣкомъ; его окружило все общество — министры, магнаты, депутаты—и обстоятельно разспрашивали о лошади, выигравшей призъ.

Послѣ скачекъ мужская часть общества обѣдаетъ обыкновенно въ Національномъ клубѣ, къ членамъ котораго принадлежитъ все венгерское дворянство; однихъ графовъ Зичи состоитъ въ спискахъ клуба сорокъ одинъ. Клубъ этотъ служитъ для богатыхъ мадьяровъ мѣстомъ обученія въ ораторскомъ искусствѣ, такъ какъ рѣдкій обѣдъ проходитъ безъ рѣчей. Рѣчи эти не остаются пустыми звуками, потому что многіе члены сейма и всѣ министры состоятъ также членами клуба и усердно его посѣщаютъ. Быть членомъ клуба для молодаго мадьяра— занятіе, раздѣляемое имъ между охотою и волокитствомъ; для послѣдняго, какъ мы сказали, въ Буда-Пештѣ широкое поле. Мужья снисходительны до чрезвычайности и утѣшаются въ невѣрности своихъ женъ ухаживаніемъ за чужими, потому въ Пештѣ дѣлается открыто много такого, что возбудило бы въ другомъ мѣстѣ безконечные сплетни и разговоры. При мнѣ во время обѣда въ клубѣ, при входѣ въ столовую залу одного молодаго человѣка, всѣ гости, кромѣ нѣсколькихъ иностранцевъ, встали и закричали: элейенъ! Дѣло въ томъ, что со скачекъ онъ уѣхалъ съ какою-то графинею и запозданіе его приписали à une bonne aventure. Герой дня, не конфузясь, сѣлъ на мѣсто и спросилъ шампанскаго. Распущенность нравовъ всего общества ведетъ къ тому, что въ Буда-Пештѣ нѣтъ типа кокотокъ высшаго полета: онъ совершенно излишенъ и не выдержалъ бы конкуренціи.

Какъ я сказалъ, аристократія проводитъ жизнь въ клубѣ или у себя въ деревнѣ на охотѣ; она пренебрегаетъ гражданскою службою, потому что сеймъ открываетъ ей прямой путь къ высшимъ должностямъ, помимо обыкновеннаго, рядоваго повышенія. О военной службѣ и говорить нечего: служба въ ней рѣдкое исключеніе; Венгрія не имѣетъ пока своей арміи, кромѣ ландвера (гонведовъ), а австрійская армія, выражающая какъ бы подчиненіе Венгріи, находится въ общемъ презрѣніи. «Это порядочное общество, тамъ не принимаютъ военныхъ» —фраза довольно обыкновенная въ Буда-Пештѣ, хорошо рисующая отношенія двухъ половинъ дунайской монархіи. Въ цѣломъ клубѣ изъ 800 членовъ только два военныхъ — два генерала, принадлежащихъ къ мадьярской аристократіи.

По внутреннему устройству, Національный клубъ не отличается чѣмъ-либо особеннымъ отъ другихъ большихъ европейскихъ клубовъ, развѣ тѣмъ, что лакеи одѣты въ гусарское платье. Въ Венгріи вообще нѣсколько злоупотребляютъ гусарскимъ костюмомъ; гусары правятъ лошадьми, гусары стоятъ на запяткахъ; даже полицейскіе, конные (пандуры) и пѣшіе (драбанты), одѣты по гусарски. При этомъ можно кстати замѣтить, что полиціи въ Пештѣ почти не видать на улицахъ, и, несмотря на то, не слышно въ городѣ о грабежахъ и крупныхъ воровствахъ: или нравы жителей мягки, или значеніе полиціи въ нѣкоторыхъ странахъ сильно преувеличивается.

Какъ гость клуба, я былъ представленъ его президенту, графу Сапари, вмѣстѣ съ тѣмъ президенту и скаковаго общества, личности чрезвычайно уважаемой въ Венгріи, и барону Бела-Венкгейму, министру венгерскаго императорскаго двора. Оба—они аристократы, превосходно говорящіе по-французски и страдающіе подагрою. Съ утонченною вѣжливостью разспрашивали они меня о цѣли моего путешествія и жалѣли, что краткость пребыванія не позволитъ мнѣ оцѣнить широту венгерскаго гостепріимства. Въ отвѣтъ на эти любезности я могъ только расхваливать Венгрію, сожалѣя въ душѣ, что судьба не создала меня на время мадьярскимъ магнатомъ.

Вскорѣ послѣ обѣда въ клубъ прибылъ принцъ Уэльскій, только что пріѣхавшій изъ Вѣны съ своимъ братомъ и неизбѣжнымъ корреспондентомъ «Times'а», и остался до поздней ночи, прогуливаясь какъ свой человѣкъ. Такое вниманіе объясняется тѣмъ, что большую часть венгерской аристократіи принцъ зналъ уже прежде. Здѣшніе бары ѣздятъ очень часто для охоты въ Англію, и если у насъ удивлялись, что казан-

скій клубъ для покупки вина командировалъ за-границу професора университета, то это не изумило-бы никого въ Венгріи, гдѣ клубъ посылалъ одного графа съ весьма громкимъ именемъ для покупки въ Англіи собакъ для травли лисицъ.

Видѣть Деака—Тьера Венгріи, какъ говорятъ французы — обязательно для всякаго посѣщающаго Пештъ *). Я избралъ для этого простѣйшій путь — отправился въ сеймъ, въ засѣданіе нижней палаты, собирающейся ежедневно; верхняя палата засѣдаетъ сравнительно рѣдко, и въ ней сидятъ магнаты, въ своей національной маскарадной одеждѣ; значеніе палаты магнатовъ не важно, такъ какъ аристократическая партія преобладаетъ и въ нижней палатѣ. Нижняя палата помѣщается въ особомъ зданіи, не вполнѣ еще доконченномъ. Зала ея довольно просторна, достаточно свѣтла, съ хорошимъ резонансомъ, но отличается скромностью отдѣлки. Система расположенія партій—французская. На крайней лѣвой сидитъ республиканская партія—нѣсколько стариковъ въ національныхъ костюмахъ. Болѣе извѣстные ораторы ея, Ирани, Чики, Мадарашъ, не пользуются въ палатѣ никакимъ вліяніемъ, наоборотъ, каждое слово ихъ покрывается всегда самымъ грубымъ и неприличнымъ смѣхомъ правой стороны. Болѣе вліятельна лѣвая сторона, желающая только личнаго соединенія Венгріи съ Австріей; партіею этой предводительствуютъ Коломанъ Тиса и Гичи. Весь центръ и большую часть правой стороны занимаетъ партія Деака—защитника дуализма. Деакъ сидитъ на правомъ центрѣ, около министерскихъ скамеекъ, и въ палатѣ рѣшительно играетъ роль перваго министра. Не занимая никакихъ офиціальныхъ должностей, Деакъ съумѣлъ создать себѣ въ Венгріи совершенно особое положеніе, подобнаго которому нельзя найти въ другой странѣ, положеніе тѣмъ болѣе замѣчательное, что Венгрія — страна аристократическая, а Деакъ — провинціальный адвокатъ, назначенный министромъ юстиціи исключительно вслѣдствіе его талантовъ или, вѣрнѣе, дѣловитости, такъ какъ особымъ краснорѣчіемъ онъ никогда не отличался, да и отличиться тутъ не легко, кому что всѣ мадьяры — природные ораторы. Изъ членовъ центра, кромѣ лицъ, состоявшихъ министрами, указывали, какъ на весьма замѣчательнаго дѣятеля, на молодаго депутата Пульскаго, выбираемаго во всѣ серьезныя коммисіи. Всѣ славянскіе депутаты помѣщаются так-

*) Напомнимъ что это было писано когда знаменитый авторъ «дуализма» былъ еще въ живыхъ.

же въ центрѣ. Несмотря на многочисленность славянъ въ Транслейтаніи и на довольно высокую цивилизацію нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ сербовъ, депутаты ихъ не съумѣли образовать въ палатѣ независимой и серьезной партіи, и играютъ жалкую роль въ рукахъ мадьярскаго правительства. Особою зависимостью отличаются депутаты отъ словаковъ. На крайней правой, группируется партія графа Шенея, не довѣряющая благамъ дуализма и желающая общаго парламента для всей Австрійской имперіи. Это аристократы, плохо знающіе венгерскій языкъ и охотнѣе говорящіе по-нѣмецки; имъ было не худо и при господствѣ централизма, а въ будущность идеи національности они мало вѣрятъ.

Я попалъ въ засѣданіе мало интересное, гдѣ обсуждались запросы и петиціи, преимущественно подаваемые членами лѣвой и крайней лѣвой стороны, а потому могъ ограничиться только лицезрѣніемъ физіономій депутатовъ. Конечно, незнаніе мадьярскаго языка не позволило бы мнѣ и при серьозныхъ дебатахъ оцѣнить ораторское искусство разныхъ знаменитостей венгерской трибуны, но краснорѣчіе, какъ извѣстно, искусство сложное: мимика жестовъ и музыка рѣчи играютъ въ немъ не послѣднюю роль, а ихъ оцѣнка доступна каждому. Засѣданія делегацій только что окончились въ Вѣнѣ, почему нѣкоторыхъ вліятельныхъ депутатовъ на лицо въ палатѣ не было. Министровъ я видѣлъ уже въ клубѣ и на скачкахъ, и лица ихъ мнѣ были знакомы. Фигура перваго министра Слави, низко остриженнаго, рослаго человѣка, лѣтъ за шестьдесятъ, весьма, замѣчательна; онъ слегка прихрамываетъ. вслѣдствіе долговременнаго заключенія въ кандалахъ во время баховской реакціи--для перваго министра подробность довольно пикантная. Изъ прочихъ министровъ болѣе другихъ выдавались министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Сапари, молодой человѣкъ съ длинными волосами въ пенсне, нѣсколько хлыщеватый на видъ, и министръ финансовъ Керкаполи, брюнетъ, съ умнымъ и серьознымъ выраженіемъ лица, хорошій дѣлецъ; самымъ не популярнымъ членомъ кабинета слылъ министръ путей сообщенія Фердинандъ Тиса, любимецъ и креатура Андраши. Впрочемъ, всѣ министры держатъ себя въ Венгріи въ высшей степени просто и доступно. Президентъ палаты, Битто, фигурою напоминалъ нѣсколько Глэ-Бизуана; онъ пользуется, очевидно въ палатѣ уваженіемъ, потому что не внимательная ко всему палата каждую его рѣчь выслушивала молча, послѣ энергическихъ криковъ «слушайте».

Спустя полчаса по открытіи засѣданія вошелъ Деакъ и направился къ своему мѣсту, пожимая встрѣчнымъ депутатамъ и министрамъ руки. Фигура Деака въ высшей степени оригинальна: онъ какъ будто созданъ, чтобы служить моделью для Тараса Бульбы или картины изъ жизни какого-нибудь малороссійскаго гетмана. У него фигура стараго малоросса: широкое, круглое лицо, низкій лобъ, густыя нависшія брови, опущенныя внизъ усы, сѣдые растрепанные волосы; онъ очень плотно сложенъ и одѣтъ въ венгерское національное платье. На лицѣ его именно то добродушно-лукавое выраженіе, которое такъ свойственно малороссамъ. Сходство это, конечно, чисто случайно, потому что Деакъ Ференчъ (Францъ — имя всегда прибавляется у мадьяровъ послѣ фамиліи) — чистокровный мадьяръ. Я не слыхалъ его рѣчи, но полагаю, что тяжеловѣсную фигуру эту трудно одушевить чѣмъ-либо и довести до истиннаго паѳоса.

Я съ сожалѣніемъ покинулъ Буду-Пештъ, пропустивъ многія празднества, которыя готовились еще для принца Уэльскаго; но выставка въ Вѣнѣ и тяжелая обязанность ея хроникера заставили меня уѣхать. Кратковременность пребыванія не позволили мнѣ видѣть вообще очень много интересныхъ вещей въ столицѣ Венгріи: венгерскую народную оперу, «Прекрасную Елену» на венгерскомъ языкѣ, музей венгерскихъ древностей, нѣсколько частныхъ артистическихъ собраній, и въ особенности тѣ знаменитыя бани, построенныя турками на теплыхъ ключахъ (Kaiserbad), въ Будѣ, гдѣ каждый венгерскій мужикъ, пріѣзжающій въ Буду-Пештъ, считаетъ необходимымъ, пользуясь рѣдкимъ случаемъ, вымыть свою жену—операція совершаемая публично съ изумительною наивностью.

---

*

ПО СЕРБСКИМЪ ЗЕМЛЯМЪ.

I.

Цѣль моей поѣздки. — Пароходъ «Arciduchessa Carlotta». — Репортеры. — Австрійскіе мундиры.—Пола и ея древности.—Задръ (Цара).—Далматинцы.—Шибеникъ.—Сплѣтъ.

Въ 1873 году я вполнѣ было собрался ѣхать въ Черногорію, составилъ маршрутъ, накупилъ книгъ, случайно пріобрѣлъ даже отличнаго спутника—знаменитаго англійскаго путешественника Бертона, о которомъ я говорилъ уже, — но, доѣхавъ до Тріеста, пришлось повернуть обратно и отправиться въ скучнѣйшій Франценсбадъ. Однако, я, что называется, проглотилъ поѣздку на Черную гору и она, какъ невыплаченный долгъ, мучила меня. Путешествіе по славянскимъ землямъ обязательнѣе, по моему мнѣнію, для всѣхъ образованныхъ русскихъ, чѣмъ поѣздка въ Мекку для мусульманина; между тѣмъ, менѣе всего знакомъ я былъ съ этими землями. Къ счастью, герцеговинское возстаніе привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе; всѣ заговорили о сербахъ, смутно припоминая, что сербы живутъ не въ одной только Сербіи, а занимаютъ обширныя области въ Турціи, Австріи и Венгріи; представился отличный случай поѣхать въ сербскую землю, посмотрѣть на ея народъ, побывать въ Черногоріи, Далмаціи, Босніи, Хорватіи, Славоніи, Воеводинѣ, Сербскомъ княжествѣ, попытаться проникнуть въ Герцеговину, и затѣмъ составить себѣ болѣе вѣрное понятіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходитъ борьба сербскаго народа съ турецкимъ, а отчасти и съ австро-венгерскимъ правительствомъ. Я поспѣшилъ воспользоваться случаемъ и, встрѣтивъ надлежащее сочув-

ствіе своему плану со стороны редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», 14-го августа 1875 года, запасшись пачкою рекомендательныхъ писемъ, револьверомъ и банкою персидскаго порошка, двинулся въ путь къ «братіямъ славянамъ».

Я не могъ себѣ отказать въ удовольствіи провести сутки въ Вѣнѣ; потому-что люблю этотъ, по виду, нѣмецкій, но, въ сущности, славяно-космополитическій городъ, гостепріимно раскрывающій свои объятія путешественникамъ. День проходитъ пріятно, обѣдая у Сахера или Небуса, съ бутылкою феслауера, слушая страусовскій вальсъ въ Volksgarten, смѣясь вѣнскимъ вицамъ въ театрѣ An der Wien, или еще лучше Fürst — гдѣ даются пьесы на народномъ вѣнскомъ нарѣчіи уморительныя и, въ высшей степени, типическія,—и любуясь свѣжестью красокъ (на этотъ разъ не заимствованныхъ изъ косметическаго магазина), здоровымъ видомъ и открытою наружностью молодыхъ вѣнокъ которымъ волосы, коротко-подстриженныя на лбу, и шляпа, надѣтая на затылокъ, придаютъ весьма кокетливый и граціозный видъ. Но, въ особенности, поражаетъ въ Вѣнѣ жизнь, бьющая во всѣхъ лицахъ ключемъ, какъ контрастъ малокровному и худосочному Петербургу.

По дорогѣ изъ Вѣны въ Тріестъ, я удостоился чести сидѣть въ одномъ купэ съ лакеями графа Шамбора; фигуры у нихъ толстыя и манеры изящнѣйшія, но разговоры обыкновенные лакейскіе; — о своихъ барахъ: Monseigneur, Monseigneur, такъ и слышалось въ ихъ рѣчахъ. Прислуга эта провожала до Граца супругу графа Шамбора, Марію-Терезу, сидѣвшую отдѣльно въ служебномъ вагонѣ. По пословицѣ: «на ловца и звѣрь бѣжитъ», мнѣ довелось познакомиться въ вагонѣ съ однимъ семействомъ изъ Тріеста, жившимъ въ Россіи. Всѣ дамы отлично говорили по-русски и съ восторгомъ вспоминали о нашемъ отечествѣ. Я, конечно, поспѣшилъ эксплуатировать этотъ восторгъ въ свою пользу и попросилъ новыхъ рекомендацій. Просьба моя была удовлетворена съ избыткомъ. Наше купэ обратилось въ канцелярію, гдѣ, пользуясь каждою остановкою поѣзда, писались длинныя итальянскія посланія, наполовину наполненныя описаніемъ моихъ неисчислимыхъ добродѣтелей. Корреспонденцію дѣвицы прерывали воспоминаніями о русскомъ борщѣ, о блинахъ, о томъ, что въ Россіи всѣ молодые люди отлично танцуютъ, тогда какъ въ Тріестѣ, по примѣру Италіи, сидятъ по цѣлымъ днямъ въ кафе, а семейной жизни бѣгаютъ, какъ чумы, и т. д. Я утѣшалъ ихъ, что хотя борщъ въ Россіи, по-прежнему, вкусенъ, но ноги кавалеровъ сдѣлались значительно слабѣе.

Въ такихъ разговорахъ незамѣтно прошелъ путь до Тріеста, гдѣ въ то время разразилась буря съ страшнымъ дождемъ, грозою и прочими удовольствіями, которыя заставили меня лечь спать въ легкомъ раздумьи насчетъ плаванія по морю. Всю ночь дождь барабанилъ въ окна гостинницы, расположенной на великолѣпной набережной, и мнѣ снился барометръ.

Къ утру погода осталась отвратительною. Я отправился на пароходъ австро-венгерскаго Ллойда «Arciduchessa Carlotta» (названнаго такъ въ честь несчастной эксъ-мексиканской императрицы) и нашелъ его, къ ужасу, наполненнымъ народомъ, въ особенности семействами офицеровъ тѣхъ полковъ, которые посланы содержать кордонъ въ Далмацію: ни одной каюты не было свободной, и мнѣ улыбалась грустная перспектива во время скверной погоды шататься по пароходу, не имѣя никакого угла, чтобы прилечь и отдохнуть. Я уже началъ-было взывать къ властямъ предержащимъ, но капитанъ, толстый славянинъ изъ Котторской Бокки, успокоилъ меня, что вѣтеръ свирѣпъ только на берегу, море-же будетъ спокойно. Дѣйствительно, качки на ходу почти не было ощущаемо, а къ вечеру не только прошелъ дождь, но даже очистилось мѣсто въ одной изъ каютъ, которую я, по протекціи довольно забавнаго спутника, американскаго гражданина изъ итальянцевъ, служившаго мнѣ даровымъ чичероне, захватилъ въ свое пользованіе.

На пароходѣ ѣхала цѣлая толпа репортеровъ, отправлявшихся въ Черногорію описывать герцеговинское возстаніе. Все это были корреспонденты англійскихъ и американскихъ газетъ. Ни одинъ изъ нихъ не говорилъ, конечно, ни слова ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ англійскаго, но каждый, что называется, «бывалъ въ передѣлкахъ» и не смущался предстоящими затрудненіями. Всѣ репортеры имѣли неизмѣнно фланелевыя рубашки, башмаки на толстыхъ подошвахъ, подкованные такимъ количествомъ гвоздей, которое можно встрѣтить только на сапогахъ стараго кавказскаго солдата, револьверы, толстыя записныя книжки, гиды Брадшоу и карты Герцеговины. Ѣли они за пароходнымъ столомъ, какъ боровы, и, при каждой остановкѣ парохода, шли еще прямо въ кафе, гдѣ опять ѣли или пили что-нибудь, не интересуясь осмотромъ города. Англичане держали себя сдержаннѣе, и чувствовали себя, какъ дома, но американцы оставляли желать многаго относительно манеръ: они преспокойно снимали при дамахъ пиджаки и разстегивали даже жилеты, чистили за обѣдомъ вилкою ногти, кото-

рыя, однако, оставались постоянно грязными, и т. д. Эти репортеры посылаются редакціями на одинаковыхъ для всѣхъ условіяхъ—путевые и другіе расходы принимаются на счетъ издателя и, кромѣ того, уплачивается по золотому въ день гонорара. Вотъ литература, сведенная совершенно на степень ремесла и даже поденщины. Репортерствомъ не брезгаютъ, впрочемъ, и люди болѣе возвышеннаго общественнаго положенія: одинъ изъ репортеровъ былъ, напримѣръ, англійскій гвардейскій капитанъ, другой — американскій консулъ на Кандіи. Нѣкоторые репортеры имѣли съ собою нѣчто въ родѣ печатнаго формулярнаго списка, въ которомъ исчислялось, гдѣ именно и для какой редакціи они писали свои корреспонденціи.

Кромѣ репортеровъ, пароходъ изобиловалъ флотскими и армейскими австрійскими офицерами. Австрійскіе военные моряки въ своихъ длиннополыхъ синихъ сюртукахъ, несмотря на блистательный опытъ при Лиссѣ, не имѣютъ вовсе воинственнаго вида; скорѣе похожи они на писцовъ банкирскихъ конторъ. Иллюзія усиливается особенною быстротою, съ которою офицеры свое австрійское нѣмецкое нарѣчіе, гортанными звуками, напоминающее еврейскій акцентъ, мѣняютъ на итальянскій, славянскій, англійскій и другіе языки. Въ особенности за пароходнымъ табльдотомъ изумляешься этою поразительною австрійскою способностью говорить на «семи языкахъ, окромя свинячьяго», точь-въ-точь читаешь романы г. Бобарыкина. Даже простые армейскіе офицеры оказываются полиглотами; по-крайней-мѣрѣ, тѣ, которые съ нами ѣхали, свободно болтали на трехъ языкахъ (нѣмецкомъ, сербскомъ и итальянскомъ), а нѣкоторые говорили еще по-французски.

Забавнѣе австрійской военной формы ничего нельзя себѣ придумать: это верхъ непрактичности и нелѣпости. Еще кавалерійская форма темныхъ цвѣтовъ и на крючкахъ, вмѣсто пуговицъ, ничего, довольно удобна, но пѣхотная — невозможна. Какія-то сиреневыя, бирюзовыя и свѣтло-фіолетовыя курточки, такіе-же панталоны въ обтяжку, а на головѣ уродливый суконный горшокъ; чиновныя отличія также весьма странны: у кого пришитъ кусочекъ галуна на воротникѣ, у кого кисточка на поясницѣ, у кого на лѣвомъ плечѣ тоненькій жгутикъ; вмѣсто пальто, коротенькія альмавивы, придающія офицерамъ окончательно видъ рыцарей печальнаго образа. И какъ могло придти въ голову одѣть армію въ такіе маркіе и дорогіе цвѣта. Особенно грустно видѣть въ подобной курточкѣ какого-нибудь толстаго подагрическаго генерала съ отекшими ногами. Австрійцы, впрочемъ, имѣютъ видъ до-

вольный и по цѣлымъ днямъ покуриваютъ такъ-называемые Eleganz-Sigaretten. Сигары эти, приносящія пользу тѣмъ, что убиваютъ мухъ и комаровъ на версту въ окружности — изъ капусты, длинныя и черныя; онѣ не курятся, если въ нихъ не продѣланъ, помощью соломенки, искусственный каналъ для тяги воздуху. Верхъ австрійскаго военнаго шика — вынуть эту соломенку и положить ее за ухо, а затѣмъ закурить сигару и, не выпуская ее изъ зубовъ, разговаривать. Разговоры эти отличаются, конечно, невообразимою пошлостью и вертятся на производствахъ и другихъ движеніяхъ по службѣ. Впрочемъ, австрійскіе офицеры отличаются чрезвычайною вѣжливостію и наружнымъ добродушіемъ; сравнительно съ прусскими офицерами, они, конечно, еще могутъ похвастаться изяществомъ и рыцарствомъ. Австрійскій военный педантизмъ отошелъ теперь окончательно въ область преданій, и нигдѣ корпусъ офицеровъ не зараженъ менѣе солдатчиною, какъ здѣсь.

Не только въ средѣ офицеровъ, но и въ средѣ пароходной публики царила невообразимая смѣсь языковъ. Общество по всему, даже по костюму, имѣло чисто провинціальный характеръ; это не то, что на дунайскихъ пароходахъ, гдѣ румыны и румынки ѣдутъ изъ своихъ захолустій, разряженные парижскими портными и швеями, точно на балъ. На пароходѣ обращали на себя особое вниманіе: нѣсколько гарибальдійцевъ, ѣхавшихъ драться въ Герцеговину; испанецъ, просидѣвшій четыре дня молча, точно набравъ въ ротъ воды, и одна дѣвица очень оригинальной наружности; мать ея оказалась абиссинкою. Дѣвица была очень образованная, хотя и спрашивала меня наивно, правда-ли, что Каиръ — второй Парижъ? Я отвѣчалъ, конечно, успокоительно для ея африканскаго самолюбія.

Видъ Тріеста съ моря — весьма красивый, хорошо извѣстенъ, и я не стану его описывать. Нѣсколько далѣе берегъ довольно быстро понижается и переходитъ мѣстами въ плоскость. Истрія также не интересна въ живописномъ отношеніи, какъ и скудна въ экономическомъ. Это одна изъ самыхъ бѣдныхъ провинцій Цислейтаніи. Наиболѣе важный продуктъ ея — хорошее деревянное масло, вывозъ котораго составляетъ предметъ торговли Полы, куда мы пришли часамъ къ шести послѣ обѣда, т. е. обѣда петербургскаго, потому-что на пароходѣ, по австрійской методѣ, обѣдъ подавали въ часъ дня. Пола — городъ любопытный. Съ одной стороны, это австрійскіе Кронштадтъ и Севастополь, взятые вмѣстѣ: тутъ сосредоточено управленіе, верфи, арсеналы всего австрійскаго военнаго флота, который и стоитъ бо́льшую часть

года въ Полѣ. Съ другой стороны—Пола съ ея развалинами общедоступный музей классическихъ древностей.

Городъ — созданіе несчастнаго Максимиліана мексиканскаго, котораго память чрезвычайно чтятъ теперь австрійцы. Дѣйствительно, общественное мнѣніе дунайской монархіи было всегда противъ созданія военнаго флота; эрцгерцогъ, однако, неутомимо хлопоталъ надъ своимъ дѣтищемъ, а блистательная побѣда при Лиссѣ, спасшая честь Австріи въ 1866 году и значительно сбавившая самоувѣренность итальянцевъ, мечтавшихъ проглотить и Тироль, и Истрію, и Далмацію, показала, что Максимиліанъ былъ совершенно правъ.

Мѣстность въ Полѣ очень удобная для устройства военной гавани. Обширная и глубокая бухта закрывается у входа островами, на которыхъ австрійцы воздвигли сильныя укрѣпленія, сильныя, впрочемъ, не для настоящаго времени, потому-что обшитыхъ бронею батарей я не видалъ, а высокіе каменные форты имѣютъ теперь значеніе развѣ потому, что эффектнѣе будутъ валиться подъ выстрѣлами 15-ти-дюймовыхъ орудій. Направо отъ входа въ портъ, на островѣ, находятся доки и верфь; нѣсколько далѣе стоятъ суда, невооруженныя для кампаніи текущаго года; прямо по носу парохода видѣнъ чистенькій городокъ, знаменитый еще въ древности, а лѣвѣе возвышаются развалины громаднаго амфитеатра, поражая своими тонкими линіями.

Прекрасная набережная украшается огромнымъ зданіемъ морскаго управленія, вѣнской архитектуры съ пучеглазыми окнами, и казармами. Отъ набережной идутъ узкія улицы, чистыя и вымощенныя большими плитами. Въ центрѣ города, представляющаго, какъ и всѣ города славянскаго адріатическаго побережья, копію съ итальянскихъ городовъ, находится площадь съ ратушею, главнымъ кафе, гдѣ проводятъ свою жизнь les sommités de la ville, и гауптвахтою. Новый городъ, очень маленькій, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго: офицеры, гуляющіе на площади, матросы, любезничающіе въ безчисленныхъ кафе съ неопрятными бабами, масса лавченокъ съ разною дрянью — вотъ общій характеръ. Интересъ Полы — въ древностяхъ, чрезвычайно хорошо сохранившихся. Еще въ началѣ римской имперіи, Пола была большимъ городомъ и, несмотря на многократныя разоренія византійцами, генуэзцами и венеціанцами, нѣкоторыя постройки, вслѣдствіе благодатнаго климата, сохранились до сихъ поръ въ цѣлости. Въ полчаса безъ гида я осмотрѣлъ: прекрасный храмъ Августа въ греческомъ стилѣ, лежащій рядомъ храмъ Діаны, обращенный венеціанцами до-

вольно искусно въ ратушу, богато-украшенныя тріумфальныя ворота—«Porta aurata», и часть римской стѣны съ воротами: Геркулеса и Двойными (Gemina). Стѣна окружаетъ садъ, гдѣ производятся весьма важныя археологическія раскопки. Но всѣ эти остатки классическаго міра не производятъ впечатлѣнія, сравнительно съ развалинами громаднаго цирка, воздвигнутаго при Антонинахъ и вмѣщавшаго 15,000 зрителей. Наружная стѣна въ три этажа прекрасно сохранилась, но внутренность цирка совершенно разрушена, говорятъ, для постройки разныхъ зданій въ Венеціи. Циркъ окружаетъ теперь желѣзная рѣшетка и внутренность его, недавно еще заросшая деревьями, тщательно очищается. Впечатлѣніе, производимое этимъ колоссальнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легкимъ, какъ кружево, зданіемъ, чрезвычайно сильно и ослабляется только впечатлѣніемъ, которое выносишь въ Сплѣтѣ при осмотрѣ остатковъ дворца Діоклитіана.

Полу мы оставили ночью и, ночью-же зайдя въ Ложинъ (Лузино-Пикколо), къ утру пришли въ Задръ (Zara), главный городъ Далмаціи и центръ управленія тѣхъ тысячъ чиновниковъ и патеровъ, которые граждански и духовно гнетутъ бѣдныхъ сербскихъ поморовъ. Славянское побережье Истріи значительно объитальянилось, но въ Далмаціи населеніе осталось чисто сербскимъ и даже въ городахъ итальянскій языкъ, хотя и употребляется, по привычкѣ, администраціею и частью горожанъ, но имѣетъ, очевидно, чужеземный характеръ. На всѣхъ улицахъ и площадяхъ, даже въ средѣ лицъ, одѣтыхъ по европейски, господствуетъ славянская рѣчь, пріятная для русскаго уха, хотя въ скороговоркѣ сербскій языкъ мало понятенъ, въ особенности поражаютъ неожиданностью спряженія глаголовъ и изобиліе предлоговъ.

Видъ Задра характеристиченъ для всей этой мѣстности. Берегъ далматинскій вообще очень высокъ, но по большей части безжизненъ и горы лишены всякой растительности; около селеній деревьевъ почти нѣтъ, а около городскихъ поселеній, преимущественно портовыхъ, на камняхъ разводится виноградъ, оливковыя и фруктовыя деревья, растущія, несмотря на сухость климата, безъ поливки. Горы безъ зелени и сухая почва придаютъ далматинскому пейзажу удивительно-однообразный видъ; бѣдность колорита чрезвычайная и только контрастъ моря производитъ эффектъ. Эффектны также ночные виды при лунѣ. Задръ не красивъ ни самъ по себѣ, ни съ моря. Это небольшой городокъ на мысѣ, выдающемся въ море, окруженный крѣпостною стѣною, отчасти

разрушенною, отчасти обращенною въ широкій бульваръ съ жидкими акаціями, образующій прекрасное мѣсто для гулянія; въ портѣ судовъ почти не видно; на улицахъ также нѣтъ жизни, кромѣ двухъ-трехъ кафе на главной улицѣ, шириною шаговъ въ пять. Окрестности, какъ я сказалъ, состоятъ изъ груды камней съ самою скудною растительностью. Даже послѣ Полы городъ поражаетъ пустотою. Характеромъ построекъ Задръ напоминаетъ Венецію, но безъ ея каналовъ: узкія улицы и совершенное отсутствіе экипажей, лошадей, а также прѣсной воды. Наиболѣе любопытны въ городѣ довольно свѣжіе остатки венеціанской республики. Для послѣдней Задръ былъ важнымъ пунктомъ; тутъ она формировала свою сильную армію, кровью славянъ отстаивая отъ турокъ первенство въ Средиземномъ морѣ. Изъ венеціанскихъ остатковъ интересны крѣпостныя ворота, Porta di terra ferma, и колонны на торговой площади. Также, обыкновенно, показываютъ путешественникамъ небольшія римскія ворота въ крѣпостной стѣнѣ и соборъ, выстроенный въ XI вѣкѣ хорватскимъ королемъ Керземиромъ.

Костюмъ въ Задрѣ начинаетъ уже дѣлаться красивымъ; видно вліяніе Востока. Мужчины носятъ красную плоскую шапочку, вышитый жилетъ, съ широкимъ бортомъ, и цвѣтной доломанъ, живописно перекинутый черезъ плечо; на ногахъ лапти на деревянныхъ подошвахъ, необходимыхъ для хожденія по горамъ. Черты лица далматинцевъ рѣзкія, но энергическія. Я зашелъ въ зданіе окружнаго суда и увидѣлъ сцену, хорошо знакомую и въ Россіи: массу лежащихъ посереди двора свидѣтелей, съ обычною славянскою апатіею и покорностью судьбѣ.

Женщины въ Задрѣ одѣты гораздо скромнѣе мужчинъ; на нихъ еще не распространяется вліяніе Востока; женскій типъ мало привлекательный; я о немъ, впрочемъ, скажу нѣсколько подробнѣе далѣе, при описаніи Дубровника и южной Далмаціи, гдѣ сербскій типъ сохранился довольно чисто во всѣхъ слояхъ общества.

Задръ служитъ центромъ сербско-далматинской литературы, но, кромѣ газетъ, довольно ничтожныхъ по содержанію, учебниковъ и немногихъ археологическихъ изслѣдованій, рѣдко что печатаютъ тутъ «народныя тискарни» (типографіи). Умственная жизнь сербовъ сосредоточивается теперь въ Загребѣ и Бѣлградѣ. Далматинскія газеты пишутъ вообще горячо. Въ провинціальномъ сеймѣ большинство также славянское. Однако, несмотря на сочувствіе, оказанное славянамъ

императоромъ Францомъ-Іосифомъ, въ его послѣднюю поѣздку, и на то, что въ главѣ управленія Далмаціею стоитъ природный сербъ, Родичъ, главное стремленіе Далмаціи, соединиться съ Хорватіею и Славоніею въ одно политическое цѣлое, не удается, главнымъ образомъ, оттого, что высшій классъ далматинскій, а отчасти и буржуазія, измѣнили народу и сдѣлались итальянцами, и въ душѣ, и по наружности. Самый народъ, подъ вліяніемъ католическаго духовенства, многочисленность котораго здѣсь себѣ трудно и представить, упалъ духомъ и нравственно отдѣлился отъ славянскаго міра. Въ южной Далмаціи въ этомъ отношеніи еще лучше, вслѣдствіе остатковъ вліянія бывшей республики въ Дубровникѣ и сосѣдства Черногоріи. Впрочемъ, къ герцеговинскому возстанію сочувствіе тутъ было полное; повстанцамъ послали всѣ ружья, которыя только были въ краѣ, и во всѣхъ газетахъ и публичныхъ мѣстахъ открыто собирались подписки: Pomoc nevoljnim Hescegovcem i Bosnjakom.

Москва считается у насъ образцомъ клерикальнаго города, но пропорціонально въ Далмаціи, по-крайней-мѣрѣ, въ десять разъ болѣе духовенства, чѣмъ въ Москвѣ, и только удивляешься, когда подъ вечеръ на свѣжій воздухъ начнутъ выползать изъ своихъ жилищъ толпы толстыхъ и искусно обритыхъ don Basilio, въ круглыхъ шляпахъ съ широкими полями, красныхъ галстухахъ, черныхъ чулкахъ, и въ башмакахъ съ пряжками. Патеровъ сопровождаютъ босоногіе монахи, а еще чаще многочисленныя кузины, племянницы и экономки, потому-что священники здѣсь хотя и не женаты, но живутъ по большей части семейно, приглашая къ себѣ ближайшихъ родственницъ.

Въ Европѣ Задръ извѣстенъ своимъ мараскиномъ—однимъ изъ немногихъ европейскихъ ликеровъ, которыхъ уважающій себя желудокъ можетъ поставить наравнѣ съ колоніальными ликерами. Это всемірное значеніе мараскина видно въ Задрѣ; тамъ мараскинъ продаютъ во всѣхъ рѣшительно домахъ; его пьютъ, конечно, плохаго качества, даже въ кабакахъ. Водка, впрочемъ, не по карману далматинскому населенію и оно пьетъ болѣе вино, въ изобиліи выдѣлывающееся на мѣстѣ. Въ Далмаціи славилась нѣкогда малвазія, услаждавшая нашихъ предковъ временъ Алексѣя Михайловича, но теперь болѣзнь винограда погубила приготовленіе этого вина. Малвазію разводятъ только для украшенія садовъ, а въ виноградникахъ, опасаясь заразы, вырываютъ и жгутъ. Обыкновенное красное столовое далматинское вино пріятно на вкусъ и довольно крѣпко, хотя нѣкоторая сладость придаетъ ему ликерный оттѣ-

нокъ, не нравящійся тѣмъ, кто привыкъ къ французскимъ винамъ. Лучшее вино побережья, Vino Tartaro, дѣлаютъ въ Шибеникѣ (Sebenico), куда мы пришли ночевать изъ Задры, и гдѣ, кромѣ вина, для гастронома рекомендуются превосходная рыба и водка изъ дикихъ вишень — мараска. Шибеникскія женщины также славились у венеціанцевъ красотою, и до сихъ поръ вмѣстѣ съ жительницами Пелесаца, длиннаго полуострова, врѣзывающагося въ морѣ, онѣ считаются красивѣйшими въ Адріатикѣ.

Все время отъ Полы пароходъ идетъ проливами между островами, поэтому плаваніе, даже зимою, чрезвычайно спокойно. Ѣдешь точно по Волгѣ, съ тою разницею, что на «матушкѣ» оживленіе, а здѣсь мертво и пусто; въ цѣлыя сутки не встрѣтишь каботажнаго суденушка, не говоря уже о пароходахъ. Малое движеніе происходитъ отъ недостатка грузовъ; наоборотъ, рѣзкія очертанія береговъ, затруднительныя сухопутныя сообщенія, изобиліе острововъ и выгодность промысловъ: рыбнаго, кораллового и добыванія губки, обратили все почти населеніе Далмаціи въ моряковъ. Оно строитъ суда или на чужихъ судахъ плаваетъ по всему свѣту. И у насъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ огромное число моряковъ, даже въ каботажѣ, далматинцы (ихъ зовутъ въ Россіи славунами). По далматски путь и море выражаются однимъ словомъ понтъ, т. е. другими словами, далматинецъ убѣжденъ, что есть только одинъ на свѣтѣ способъ сообщенія—это морской. Сообразно съ этимъ, морская служба здѣсь въ большомъ почетѣ, а въ среднемъ сословіи, можно сказать, почти обязательна, хотя для одного изъ членовъ каждаго семейства. Такое явленіе можно встрѣтить развѣ въ Норвегіи, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи. Не только мужчины, но и женщины въ Далмаціи—отличные моряки. Подъѣзжая къ Шибенику, мы встрѣтили въ морѣ далеко отъ берега большую лодку, весьма искусно управляемую длинными веслами однѣми женщинами.

Шибеникъ съ моря не казистъ: высокія голыя скалы, чистенькая набережная (набережныя превосходны во всѣхъ далматинскихъ городахъ, что дѣлаетъ честь австрійской администраціи), старый венеціанскій замокъ на горѣ. Затѣмъ, въ самомъ городѣ интересенъ, развѣ, великолѣпный соборъ въ готическомъ стилѣ, сооруженный венеціанцами въ 1415—1555 годахъ. Онъ замѣчателенъ наружными изваяніями изъ камня, а также оригинальнымъ расположеніемъ внутри въ три уступа. Я пошелъ за городъ, чтобы посмотрѣть на крестьянъ, и зашелъ въ одинъ изъ домовъ купить фруктовъ. Меня угостили «оскорушею», ко-

торую я никогда не ѣлъ; затѣмъ, образъ жизни и внутреннее устройство домовъ и садовъ напоминаетъ Италію; вездѣ камень и камень. По дорогѣ встрѣчается много крестьянъ съ землекопными инструментами; оказывается, что недалеко отъ Шибеника устраивается желѣзная дорога, которая пойдетъ вдоль всей Далмаціи. Торговаго значенія эта дорога никакого имѣть не можетъ, а только стратегическое. Впрочемъ, это сооруженіе кажется спекуляція какой-то итальянской компаніи, которой дѣла идутъ очень плохо.

Послѣ ночи, проведенной въ Шибеникѣ довольно безпокойно, потому-что матросы сосѣднихъ судовъ неустанно пѣли хоры изъ «Нормы» и другихъ итальянскихъ оперъ, къ утру я проснулся въ Трау—прелестномъ, съ виду, городишкѣ, въ углу узкаго и глубокаго залива, откуда пароходъ долженъ выходить заднимъ ходомъ, за невозможностью повернуться. Къ 11-ти часамъ, пройдя мимо неизвѣстной почти у насъ бывшей славянской республики Польицы, мы были уже въ Сплѣтѣ (Spalatro), довольно важномъ городѣ Далмаціи. Сплѣтъ представляетъ оригинальнѣйшій примѣръ города съ 14,000 жителей, помѣстившагося въ одномъ домѣ! Это не преувеличеніе. Дѣйствительно, весь городъ влѣзъ въ развалины дворца, столь часто упоминаемаго въ святцахъ императора Діоклетіана, для котораго Сплѣтъ служилъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Развалины дворца, одно изъ чудесъ свѣта, мѣстами сохранились замѣчательно. Хотя архитектура сооруженія уже относится ко времени упадка римской имперіи, но и теперь она еще можетъ служить примѣромъ изящества. Разсматривая эти развалины, видишь что-то очень знакомое. Ихъ стиль, возродившись въ стилѣ Renaissance, многочисленными варіаціями вошелъ затѣмъ въ множество современныхъ построекъ, въ особенности не мало таковыхъ въ новой Вѣнѣ.

Общій видъ Сплѣта тотъ-же, что и всѣхъ далматинскихъ городовъ: глубокій заливъ, безжизненныя горы вокругъ, новенькая набережная, нѣсколько венеціанскихъ развалинъ и т. д. Внутри города, кромѣ дворца, нѣтъ ничего примѣчательнаго; это городъ уже исключительно славянскій. Изъ остатковъ дворца лучше всего сохранились жилые покои императора. Въ одной изъ башенъ помѣстился теперь цѣлый католическій соборъ, и непрестанно раздаются христіанскіе гимны тамъ, гдѣ жилъ нѣкогда величайшій гонитель христіанства.

Размышляя объ этой ироніи судьбы, я бродилъ по городу, пока не дошелъ до главной площади, гдѣ, на одномъ изъ домовъ, съ раскры-

тыми настежъ дверьми, красовалась надпись: Camera degli avvocati. Я вошелъ и увидѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ, шьющихъ сапоги. Должно быть въ Сплѣтѣ нѣтъ скопцовъ и т. п. кліентовъ, что адвокатамъ приходится, во избѣжаніе голодной смерти, предаваться такимъ мирнымъ занятіямъ. Да какъ и не умереть адвокату съ голоду въ краѣ, гдѣ, говорятъ, почти не совершается преступленій и даже воровство является рѣдкимъ фактомъ

II.

Грушъ.—Дубровникъ (Рагуза).—Остатки южнославянской республики.—Аристократія и мѣстные нравы. — Окрестности Дубровника. — Бока Которская. — Которъ.

Изъ Сплѣта до Гружа (Gravosa) пароходъ идетъ почти цѣлый день, заходя на самое только короткое время въ Омишъ (Almissa), Макарску и Корчула (Curzola). На Омишъ отличный видъ съ моря: отвѣсныя горы, кипарисы, неизбѣжныя венеціанскія укрѣпленія и т. д. Отсюда начинается уже, такъ называемое, Приморье, о которомъ говорится столько въ древнихъ сербскихъ пѣсняхъ и которое играло весьма важную роль въ сербской исторіи. Макарска—маленькій городокъ, ничѣмъ не примѣчательный. Пройдя его, насъ захватилъ легкій шквалъ; лѣтомъ, однако, здѣсь вѣтры, спускающіеся съ горъ, хотя дуютъ съ виду очень свирѣпо, но волненіе разводятъ небольшое, да и послѣднему негдѣ разгуляться вплоть до самаго Гружа, гдѣ кончается далматинскій архипелагъ и открывается безпредѣльное для глаза Адріатическое море.

Корчула я не видалъ, потому-что дѣло было ночью. Чтобъ попасть въ этотъ портъ, надобно обогнуть вышеупомянутый длинный полуостровъ Пелесацъ (Sabioncello); съ сѣверной стороны его лежитъ турецкій портъ Клекъ, о которомъ въ послѣднее время было столько разсужденій въ газетахъ.

Существованіе этого порта, также какъ и Суторинской земли, разрывающихъ непрерывность австрійскихъ владѣній въ Далмаціи, объясняется тонкостью старинной дубровницкой политики. Славянская республика, чтобъ прекратить разъ навсегда безконечные территоріальные споры съ Венеціею, отдѣлилась отъ послѣдней узкими по-

лосками турецкихъ владѣній. Австрія наслѣдовала подобный порядокъ вещей, но объявила воды, омывающія турецкія берега, mare clausum, т. е., другими словами, отняла отъ этихъ мѣстностей всякое политическое значеніе. Турки не смѣютъ даже подходить къ своимъ берегамъ безъ позволенія австрійскихъ властей. Вслѣдствіе этого, торговля и почта изъ Мостара идутъ не къ пустынному турецкому Клеку, а къ австрійскому Стону (Stogno), недалеко отъ устья Неретвы (Narenta), а затѣмъ къ австрійскимъ же Метковичамъ.

Въ Гружъ нашъ пароходъ пришелъ рано утромъ. Пришлось оставить «Arciudchessa Carlotta», къ которому я въ нѣсколько дней привыкъ вполнѣ; какое-то славянское радушіе и привѣтливость господствуютъ, вообще, на австрійскихъ пароходахъ; съ другой стороны я замѣтилъ тамъ значительное стремленіе къ равенству, что отражается и на прислугѣ. Пароходный лакей, уставъ отъ бѣготни за обѣдомъ, снималъ сюртукъ и преспокойно садился въ кресло на палубѣ подышать воздухомъ наравнѣ съ пассажирами. Такое поведеніе никого не шокируетъ. Напутствуемый пожеланіями капитана и пассажировъ, которые не хотѣли вѣрить, что я не ѣду драться съ турками, отправился я на извозчикѣ въ Дубровникъ (Ragusa), отстоящій отъ Гружа верстахъ въ двухъ. Пароходы могли бы подходить прямо къ Дубровнику, но почему-то этого не дѣлаютъ. Правда, тамъ гавань мала, а въ Гружѣ она можетъ вмѣстить цѣлый флотъ судовъ, но въ обоихъ портахъ я не видалъ ни одного купеческаго судна, а только военныя брандвахты и каботажныя лодки. Природа вообще разщедрилась тутъ на отличныя гавани; къ сожалѣнію, онѣ остаются, да и вѣроятно останутся навсегда, мертвымъ капиталомъ.

Дорога въ Дубровникъ весьма живописна; сначала идетъ она вдоль залива по набережной, обстроенной кое-какими домами, затѣмъ по шоссе, проведенному по долинѣ, гдѣ обработываются оливки и виноградъ; нѣсколько далѣе шоссе поднимается по крутому берегу моря, откуда открывается восхитительный видъ на Адріатику. Обогнувъ мысъ, въѣзжаемъ въ Пиле—аристократическое предмѣстье Дубровника—гдѣ съ улицы не видно ничего, кромѣ заборовъ, дома же расположены среди садовъ; финиковыя пальмы, гигантскіе кактусы и другія тропическія растенія растутъ тутъ на открытомъ воздухѣ. Здѣсь же находится домъ русскаго генеральнаго консула А. С. Іонина, одного изъ образованнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ въ обращеніи нашихъ дипломатовъ, какихъ я только встрѣчалъ на Востокѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что кон-

сульство въ Рагузѣ, служа дипломатическимъ агентствомъ для Черногоріи, одно изъ важнѣйшихъ для насъ. Пилле заканчивается площадью для гулянья, усаженною громадными деревьями, и двумя гостинницами, изъ которыхъ одна служитъ городскимъ клубомъ.

Въ этихъ гостинницахъ не было свободнаго мѣста, и я отправился въ «градъ»—какъ называется собственно старинный Дубровникъ—въ одну изъ маленькихъ гостинницъ, такъ рѣдко посѣщаемыхъ путешественниками, что, судя по книгѣ для записки именъ, я оказался четвертымъ въ этомъ году. Послѣ мнѣ сообщили, что тутъ кого-то зарѣзали въ 1874 году, почему вѣроятно гостинница и не пользовалась расположеніемъ туристовъ, весьма, впрочемъ, въ этихъ краяхъ малочисленныхъ.

Между тѣмъ, едва ли существуетъ въ Европѣ много такихъ интересныхъ пунктовъ, въ особенности для русскихъ путешественниковъ, какъ Дубровникъ, центръ нѣкогда богатой и славной сербской республики, юго-славянскихъ Аѳинъ. Уже наружный видъ города, или вѣрнѣе самаго «града», представляетъ нѣчто замѣчательное. Весь онъ окруженъ крѣпкими стѣнами съ башнями; кромѣ того, нѣсколько большихъ укрѣпленій расположены на высокомъ берегу на выдающихся въ море мысахъ. На тѣсномъ пространствѣ, образованномъ городскими стѣнами, городъ, конечно, долженъ былъ обстроиться очень высокими домами въ узкихъ улицахъ. Буквально переносишься въ средніе вѣка, когда переѣхавъ два предмостныя укрѣпленія и висячій подъемный мостъ, внезапно попадешь на Страдону, главную улицу или скорѣе площадь Дубровника, длина которой не превосходитъ однако 375 шаговъ. Всѣ нижніе этажи домовъ по улицѣ заняты лавками, но почти исключительно сапожниковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Подобное оригинальное сочетаніе далеко не случайно. Сербское населеніе окружающихъ мѣстностей на столько еще бѣдно и не развито, что всѣ свои потребности удовлетворяетъ, по возможности, само; только обувь (кромѣ грубыхъ лаптей) и украшенія, играющія въ здѣшнемъ костюмѣ весьма важную роль, приходится пріобрѣтать въ городѣ, гдѣ и сосредоточилось приготовленіе соотвѣтственныхъ предметовъ; золотыхъ дѣлъ мастера Дубровника необыкновенно искусны въ приготовленіи тонкихъ филиграновыхъ издѣлій, весьма оригинальной формы.

Страдона упирается въ городскую площадь, гдѣ находится соборъ св. Власія, покровителя Дубровницкой республики, таможня, дворецъ князей (дожей), обращенный въ австрійское губернское правленіе, ра-

туша—уже новой постройки, большое кафе, гауптвахта и проч. Отъ площади переулокъ ведетъ на старинный «рынокъ зелени», существующій во всѣхъ здѣшнихъ городахъ, оттуда, по крутой лѣстницѣ, взбираешься въ военный госпиталь, весьма оригинальное зданіе, служившее прежде монастыремъ. Изъ княжескаго дворца, или черезъ древнюю таможню, можно придти въ собственную гавань Дубровника, окруженную высокими стѣнами. Судовъ тутъ почти нѣтъ, но крѣпкое славянское слово постоянно слышится въ воздухѣ, потому-что по части ругательствъ далматинскіе моряки не уступаютъ, а скорѣе превосходятъ всѣхъ моряковъ въ мірѣ. По мнѣнію итальянскихъ ультра-патріотовъ, а за ними многихъ невѣжественныхъ европейскихъ публицистовъ, все прибрежное населеніе Далмаціи считается итальянскимъ. Между тѣмъ, по однимъ трехъэтажнымъ ругательствамъ, можно опредѣлить, что это чистѣйшіе славяне. Во всей Далмаціи, по самому широкому исчисленію, не болѣе 5-ти тысячъ итальянцевъ, а между тѣмъ административнымъ языкомъ въ ней, по прежнему, остается итальянскій.

«Градъ» напоминаетъ въ миніатюрномъ видѣ Венецію; даже всѣ замѣчательныя зданія скопированы съ венеціанскихъ. Прежде Дубровникъ былъ великолѣпнѣе и еще оригинальнѣе; но землетрясеніе, въ концѣ XVII вѣка, къ несчастью, разрушило его, а при новыхъ обстоятельствахъ онъ не могъ уже подняться. Тамъ, гдѣ теперь идетъ Страдона, до землетрясенія протекало море, образуя островъ, на который и спаслись, въ VII вѣкѣ, жители отъ набѣга варваровъ и образовали, подобно Венеціи, сначала городскую общину, а затѣмъ, въ XII вѣкѣ, и вполнѣ независимое славянское государство. Разница противъ Венеціи въ Дубровникѣ та, что узкія улицы не запутаны, а распланированы совершенно правильно. Во всякомъ случаѣ, здѣшнія улицы носятъ характеръ оригинальный: высокіе дома, молотки, вмѣсто колокольчиковъ, у дверей, мостовыя изъ большихъ плитъ, рѣшетки для стока нечистотъ, выливаемыхъ прямо изъ оконъ, все это напоминаетъ Италію. Сходство усиливаетъ и обычай народа проводить дни и ночи въ кафе за картами и костями. Всетаки, это Италія, умытая нѣмцами; поэтому чистота на улицахъ—не взирая на то, что во всей славянской республикѣ нѣтъ ни одного отхожаго мѣста — весьма удовлетворительная. Въ городѣ изобиліе солдатъ не нарушаетъ тишины и порядка. Жители Дубровника отличаются замѣчательною честностью; преступленія, особенно воровство, чрезвычайно рѣдки, и, кажется, на весь городъ имѣются только двое полицейскихъ, которыхъ никогда не бываетъ видно.

*

Они считаютъ свои должности чѣмъ-то въ родѣ синекуръ, и по цѣлымъ днямъ спятъ въ одной изъ башенъ при подъемномъ мостѣ, тщетно дожидая безпорядковъ. Французскій префектъ à poigne умеръ бы здѣсь отъ скуки, не дождавшись повышенія.

Дубровникъ представляетъ въ исторіи замѣчательный образчикъ славянской республики. Точно также, какъ въ Новгородѣ Великомъ и Псковѣ эта форма правленія создалась тутъ подъ иностраннымъ вліяніемъ. Роль Ганзы и старыхъ славянскихъ городовъ балтійскаго побережья для Дубровника играли остатки римской муниципальной свободы и вліяніе Венеціи. Было бы весьма любопытно сравнить учрежденія всѣхъ славянскихъ народоправствъ, значеніе которыхъ въ государственномъ бытѣ славянъ составляетъ предметъ спорный. Подъ конецъ республика тутъ нѣсколько объитальянилась и переняла очень много у своей могущественной соперницы, но эта подражательность, болѣе внѣшняя, была уже признакомъ слабости и паденія. Разложеніе началось, впрочемъ, гораздо ранѣе и отъ тѣхъ же причинъ, отчего пали и итальянскія республики, т. е. отъ измѣненія направленія всемірной торговли, оставившей въ XVI вѣкѣ Средиземное море.

«Република Дубровачка» жила исключительно мореходствомъ, и, въ эпоху своего величія, обладала флотомъ изъ пятисотъ слишкомъ большихъ судовъ, равнымъ, слѣдовательно, настоящему торговому флоту всей Австро-Венгріи. Не имѣя, однако, территоріальныхъ владѣній и не будучи въ состояніи содержать значительной арміи, республика всегда казалась сильнѣе того, чѣмъ была въ дѣйствительности. Она просуществовала такъ долго до разрушенія ея французами въ концѣ прошлаго столѣтія, только благодаря искусству своей дипломаціи. Дубровницкіе дипломаты славились своею ловкостью и охотно приглашались на службу иностранными державами, между прочимъ Россіею. Политика эта, впрочемъ, состояла въ отсутствіи совѣстливости и въ неизмѣнномъ принятіи стороны сильнѣйшаго. О знаменитой, въ свое время, дубровницкой литературѣ, можно найти подробности въ любопытной книгѣ г. Пыпина «Исторія славянскихъ литературъ», проникнутой, къ сожалѣнію, недоброжелательствомъ къ славянамъ.

Политическая власть республики сосредоточивалась въ «великомъ вѣчѣ», состоявшемъ изъ «властелей» (родъ венеціанскихъ nobile) старше 18 лѣтъ; собственно для законодательныхъ работъ избиралось «уменьшенное вѣче» изъ 45 сенаторовъ, а для исполнительной власти также избиралось «малое вѣче» и «князь» (соотвѣствовавшій ве-

неціанскому дожу). Потомки этихъ «властелей» составляютъ нынѣшнюю дубровницкую аристократію, носящую итальянскія или сербскія фамиліи, смотря по тому, на какомъ языкѣ онѣ произносятся: графы Поца (Пучичъ), Бона (Буничъ), Бонда (Бундичъ) и т. д. Эта аристократія совершенно обнищала, но сохраняетъ еще всѣ свои предрасудки. Въ домѣ, украшенномъ гербами, весь доходъ хозяевъ состоитъ иногда отъ торговли въ какомъ нибудь погребкѣ. Нѣтъ ничего безотраднѣе жизни этихъ живыхъ мертвецовъ, которые влачатъ чопорное существованіе, наблюдая, съ одной стороны, всѣ мелочи китайскаго этикета, а съ другой—дрожа за каждый свѣчный огарокъ, неосторожно зажженный. Никогда не принимаютъ они у себя гостей и, подъ предлогами разныхъ фамильныхъ трауровъ, ходятъ въ дешевыхъ черныхъ платьяхъ; на гуляньяхъ они не смѣшиваются съ прочею публикою и соблюдаютъ тысячи тонкостей, непонятныхъ даже для простаго смертнаго; такъ, въ Дубровникѣ считается неприличнымъ ѣздить по городу въ экипажѣ, ходить въ гости въ соломенной шляпѣ, или въ цвѣтныхъ панталонахъ, танцовать одинъ и тотъ же танецъ съ разными дамами и т. п.

Я познакомился съ однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей мѣстной аристократіи, съ графомъ Медо Пучичемъ, авторомъ многихъ ученыхъ сочиненій, извѣстнымъ сербскимъ лирическимъ поэтомъ. Это—человѣкъ уже пожилой, весьма образованный и пріятный. Онъ воспитывалъ нынѣшняго сербскаго князя Милана и послѣдняго герцога пармскаго, Роберта. Графъ хорошо понимаетъ порусски, три раза былъ въ Россіи и интересуется новостями русской литературы. У него есть еще шесть братьевъ и всѣ онѣ, отчаяваясь въ будущности своего отечества, дали слово не жениться, чтобъ не продолжался болѣе ихъ славный родъ подъ австрійскимъ владычествомъ. Черта нѣсколько странная, но заслуживающая уваженія, какъ всякое проявленіе твердаго характера въ наше измельчавшее время.

Вообще, ненависть къ Австріи здѣсь очень сильна и, не смотря на любезности, расточавшіяся съ избыткомъ въ послѣднее путешествіе императора по Далмаціи, Дубровникъ былъ украшенъ исключительно славянскими флагами. Прогрессъ, который сдѣлала славянская идея въ Далмаціи, замѣчателенъ. Еще лѣтъ десять тому назадъ, говорить публично по сербски человѣку образованному считалось неприличнымъ. Въ настоящее время, наоборотъ, даже люди, привыкшіе дома объясняться по итальянски, стараются въ обществѣ говорить по славянски. Въ Дубровникѣ сербскій языкъ, впрочемъ, никогда не терялъ правъ

гражданства, хотя аристократія привыкла къ употребленію итальянскаго языка. Сербскій языкъ тутъ, одинаковый съ Герцеговиною, отличается самыми незначительными оттѣнками отъ далматинскаго нарѣчія. Сохраненіе славянства въ этихъ мѣстахъ, подъ сильнымъ напоромъ Запада, весьма замѣчательно, особенно по сравненію съ быстротою, съ которою онѣмечились прибалтійскіе славяне, а въ послѣднее время онѣмечиваются познанскіе поляки.

Служба австрійскому правительству конечно избѣгается здѣшнею аристократіею; но австрійскіе офицеры принимаются въ обществѣ, а за богатыми изъ нихъ даже ухаживаютъ, надѣясь залучить въ розовыя цѣпи Гименея. Послѣднее, однако, не всегда удается, и мнѣ показывали многихъ красивыхъ барышень, которыя носятъ титулъ «невѣстъ гарнизона». Какъ только мѣняется полкъ, онѣ становятся невѣстами, но проходитъ время, полкъ переводятъ на другой конецъ имперіи и женихи, послѣ нѣсколькихъ, все болѣе и болѣе холодныхъ писемъ, забываютъ о данномъ словѣ. Наученныя опытомъ, дубровницкія красавицы, чтобы не оставаться въ дѣвахъ, не стѣсняются давать слово нѣсколькимъ офицерамъ заразъ, не возбраняя ухаживать за собою въ тоже время и иностранцамъ. Такъ-какъ пріемовъ здѣсь нѣтъ, а зимою гулять считается неприличнымъ, то ухаживаніе ограничивается пламенною перепискою, которую, во избѣжанія скандала, полезно вести, однако, черезъ третье лице.

Скука, а вмѣстѣ съ тѣмъ отличный, хотя очень сухій воздухъ, а потому непріятный для не привычнаго къ «борамъ» и «трамонтанамъ» иностранца, поощряютъ жителей къ уличной жизни, которая сводится для мужчинъ къ посѣщенію кафе, а для женщинъ къ хожденію по церквямъ. Каждый вечеръ на Пилле, послѣ захожденія солнца, а когда играетъ военная музыка, то и ранѣе, собирается огромная толпа; толпа эта обыкновенная, европейская толпа, хотя шляпки замѣняются еще часто мантильею; нѣсколько позже публика переходитъ въ садъ гостинницы «Мирамаръ», гдѣ снова слушаетъ музыку и ужинаетъ. Въ Дубровникѣ, вообще, въ девять часовъ всѣ ужинаютъ и ложатся спать сберегая здоровье и свѣчи. Въ кафе пьютъ микроскопическимъ чашками черный кофе, а еще чаще сиропъ съ большимъ количествомъ воды. Благодаря возстанію, при мнѣ не было въ Дубровникѣ пива, потому-что нельзя было для его сбереженія достать ни за какія деньги льду изъ Герцеговины. Для религіозныхъ потребностей женщинъ, католическое духовенство съ избыткомъ представляетъ всякаго рода церемоніи.

Главный соборъ напоминаетъ архитектурою соборъ св. Марка. Онъ славится мощами покровителя города. Замѣчательно, что мощи эти состоятъ изъ двухъ правыхъ (sic) ногъ и по этому поводу католическіе патеры разсказываютъ любопытную легенду. Іезуитская анаграма на многихъ домахъ показываетъ, что орденъ іезуитовъ владѣлъ, а быть можетъ и владѣетъ еще многими имуществами. Духовенство до-сихъ-поръ остается крупнымъ собственникомъ, и даже русскій генеральный консулъ помѣщается въ домѣ, принадлежащемъ духовенству. Въ саду, рядомъ съ этимъ домомъ построена маленькая католическая церковь. Домъ составляетъ одинъ изъ наиболѣе многолюдныхъ пунктовъ города; выходцы изъ Черногоріи, Албаніи, Герцеговины постоянно толкутся у дверей г. Іонина, ожидая совѣта или денежной помощи.

Лучшее въ Дубровникѣ—его окрестности, которыми могъ бы гордиться и не такой городишка. Отличное шоссе, идущее вдоль всего далматинскаго побережья, хотя не вездѣ оконченное, соединяетъ Дубровникъ съ весьма любопытными пунктами. Въ Оращѣ растутъ, напримѣръ, гигантскіе платаны, едвали не самыя большія деревья въ Европѣ по размѣрамъ. Особенно любопытна Жупа (Breno), глубокая долина, верстахъ въ 7 или 8 отъ города, покрытая виноградниками. Она мнѣ очень напомнила нѣкоторыя долины въ Дагестанѣ; природа, можетъ быть, не такъ грандіозна, но зато украшается сосѣдствомъ моря. Далѣе, по заливу, бѣлѣется маленькій Цавтатъ (Ragusa vecchia), городъ, древность котораго теряется во временахъ доисторическихъ. Поочереди, онъ былъ греческимъ, римскимъ, славянскимъ, французскимъ и, наконецъ, австрійскимъ. Кто знаетъ, какая еще ожидаетъ его участь въ будущемъ?

Изъ Жупы ясно видна турецкая граница, идущая по гребню горъ, за коими начинаются безжизненныя и мрачныя вершины Герцеговины, на которую обращено было вниманіе всей Европы. Читателямъ, незнакомымъ съ сербскою исторіею, быть можетъ странно, какимъ образомъ попало въ Турцію подобное полунѣмецкое названіе? Дѣло въ томъ, что титулъ герцога или «херцега» принимали нѣкоторые изъ воеводъ сербскихъ въ XV вѣкѣ, когда сильно господствовало въ этихъ краяхъ вліяніе Запада, но преимущественно сроднился этотъ титулъ съ личностью знаменитаго въ то время Стефана Вукчича, «воеводы захолмскаго и наслѣдія св. Саввы». Титулъ этотъ былъ пожалованъ ему германскимъ императоромъ Фридрихомъ IV. Съ-тѣхъ-поръ, означенный край, вмѣсто Холмія и Захолмія, сталъ называться Герцеговиною. Мы имѣемъ

на русскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія, наиболѣе талантливо составленное описаніе Герцеговины; оно сдѣлано покойнымъ, незабвеннымъ для славянъ, А. Ф. Гильфердингомъ («Боснія, Герцеговина и Старая Сербія»). Изъ этого сочиненія можно извлечь самыя точныя свѣдѣнія о положеніи несчастной страны. Хотя Гильфердингъ писалъ девятнадцать лѣтъ тому назадъ, но въ Турціи ничего не мѣняется въ подобный періодъ времени, развѣ къ худшему. Замѣчательно, что, несмотря на то, что сочиненіе Гильфердинга издавалось два раза, какъ только заговорили о герцеговинскихъ дѣлахъ, никто ни разу не цитировалъ его, а всѣ наши газеты, исключительно, довольствовались иностранными, весьма сомнительными, источниками.

Черезъ Жупу идетъ дорога въ Требинье, которая, за нѣсколько дней до моего пріѣзда въ Дубровникъ, была освобождена турками, по оплошности Любобратича, отъ осады. Это событіе заставило болѣе значительныя банды инсургентовъ оставить здѣшній край. Впрочемъ, отдѣльные отряды продолжали свои дѣйствія и, посѣщая пограничный кабакъ, всегда можно было найти нѣсколько инсургентовъ, разсказывавшихъ о своихъ на половину небывалыхъ подвигахъ. Австрійская пограничная стража задержала-было, въ началѣ возстанія, одного или двухъ изъ этихъ господъ, переходившихъ границу, но, затѣмъ, полагая, что все сдѣлано для доказательства Турціи австрійской дружбы, не обращала болѣе никакого вниманія на передвиженія волонтеровъ. Послѣдніе снаряжались въ Дубровникѣ довольно открыто центральнымъ далматинскимъ комитетомъ, руководимымъ богатымъ сербскимъ купцомъ и пламеннымъ патріотомъ Бошковичемъ. Офиціально, вмѣстѣ съ другими учредился тутъ же комитетъ для сбора пожертвованій.

Очень живописенъ также островокъ Лакрома, лежащій недалеко отъ Дубровника, закрывая его рейдъ отъ морскихъ вѣтровъ. Островъ покрытъ деревьями, образующими роскошный паркъ, среди котораго построенъ довольно некрасивый загородный дворецъ, гдѣ любилъ жить эрцгерцогъ Максимиліанъ, а при мнѣ жила г-жа Родичъ, жена далматинскаго генералъ-губернатора, очень милая и любезная дама, сестра которой, также весьма симпатичная, замужемъ за генераломъ Іовановичемъ, горячимъ сербскимъ патріотомъ, командовавшимъ сербскимъ кордономъ и смотрѣвшимъ сквозь пальцы на дѣйствія инсургентовъ. Эта часть острова принадлежала какому-то адвокату; на другомъ концѣ находятся австрійскія укрѣпленія. Очень жаль, если укрѣпленія, окружающія въ изобиліи Дубровникъ и построенныя противъ Италіи, бу-

дутъ причиною когда-нибудь, что городъ выдержитъ бомбардировку, которая испортитъ его настоящую оригинальную физіогномію. Не совсѣмъ понятно даже, что хотѣли защищать австрійцы этими укрѣпленіями, потому-что торговля Дубровника доведена теперь до совершеннаго ничтожества.

Любоваться Дубровникомъ и его окрестностями надобно, преимущественно, съ сухаго пути; съ моря, по дорогѣ изъ Гружа въ Которъ, видъ на Дубровникъ не представляетъ ничего особеннаго, также какъ и дальнѣйшій постоянно высокій берегъ; но за то Бока Которская (Boca di Cattaro) не можетъ не привести въ восхищеніе даже самого равнодушнаго къ видамъ природы зрителя.

Безъ сомнѣнія, нѣтъ въ мірѣ порта, подобнаго Которскому заливу, и понятны тѣ усилія, которыя употребляла Австрія въ вѣнскомъ конгресѣ, чтобъ оставить его за собою. Говорятъ, что, истощивъ всѣ ухищренія дипломатіи, Меттернихъ заплатилъ 100,000 гульденовъ одной соблазнительной княгинѣ, которая, своимъ кокетствомъ, съумѣла выпросить этотъ лакомый кусочекъ для Австріи. Севастополь считается у насъ удивительнымъ въ своемъ родѣ морскимъ портомъ, но если увеличить севастопольскій портъ въ десять разъ, то и тогда едва ли получится что-либо равное Которской Бокѣ. Естественно, что жители этого мѣста съ незапамятныхъ временъ сдѣлались превосходными моряками и передаютъ свое искусство изъ рода въ родъ. Съ привязанностью къ морскому дѣлу, они сохраняютъ преданность къ родинѣ; поэтому, постранствовавъ по бѣлому свѣту и сколотивъ кое-какую деньгу, которскій морякъ возвращается непремѣнно къ своимъ берегамъ и строитъ тамъ домишко. Заливъ охваченъ непрерывною нитью подобныхъ капитанскихъ домиковъ.

Къ сожалѣнію, этихъ строеній всетаки не достаточно для огромнаго пространства Боки, а еслибы пообстроить получше берега залива, то плаваніе по немъ на пароходѣ, вслѣдствіе красоты пейзажей, немногимъ уступало бы, а быть можетъ и превосходило бы, пресловутое плаваніе по Босфору.

Входъ въ Боку съ моря ограждается двумя австрійскими укрѣпленіями, цѣль которыхъ сдѣлать заливъ военнымъ портомъ, чтобы прекратить доступъ въ него туркамъ, земля которыхъ прилегаетъ непосредственно къ заливу. Эта земля, такъ-называемый Суторинъ, идетъ сейчасъ налѣво отъ входа и выдѣляется рѣзко на общей веселой картинѣ своею безжизненностью. Точно проклятіе ложится на все, къ чему при-

касаются турки, и дѣлаетъ даже землю ихъ безплодною. Единственный признакъ турецкой цивилизаціи въ Суторинѣ—блокгаузъ былъ сожженъ и разоренъ инсургентами за нѣсколько дней до моей поѣздки.

Лежащій рядомъ, австрійскій городъ Новый (Castelnuovo), служилъ сборнымъ пунктомъ волонтеровъ, переходившихъ къ герцеговинскимъ инсургентамъ, такъ-какъ турецкая граница непосредственно здѣсь примыкаетъ къ городу и никѣмъ не охраняется. Всѣ сопровождавшіе насъ, на пароходѣ, волонтеры высадились на берегъ, получивъ, конечно, отъ публики кровожадныя наставленія истреблять по болѣе турокъ. Въ числѣ волонтеровъ меня поразилъ одинъ чахоточный юноша; онъ былъ такъ худъ, что, казалось, стоило чихнуть какому-нибудь баши-бузуку, чтобъ переломить героя пополамъ. Бѣднякъ бодро носилъ, однако, черногорскую шапку на бекрень. Шапка эта, похожая на кусокъ сыру, поразительно напоминаетъ шапку, носимую у насъ евреями-караимами, съ тою разницею, что борты ея шелковыя, а не барашковыя.

Городъ Новый замѣчателенъ еще развалинами укрѣпленій, часть которыхъ была построена тѣмъ герцогомъ, который далъ свое имя Герцеговинѣ. Отъ Новаго Котторскій заливъ круто поворачиваетъ и проходъ дѣлается довольно узкимъ. Онъ обстроенъ здѣсь по обѣимъ сторонамъ; между зданіями посажены оливки. Самое узкое мѣсто называется Вериги, ибо въ старину, говорятъ, замыкалось цѣпями для воспрепятствованія входа пиратамъ. Налѣво, въ зелени, находится небольшая церковная постройка древнѣйшаго въ Сербіи монастыря св. Саввы. Св. Савва, какъ извѣстно, обратилъ сербовъ въ православіе, организовалъ ихъ церковь и считается покровителемъ сербскаго народа. Заливъ начинаетъ, затѣмъ, извиваться такъ круто, что въ каждой отдѣльной его части находишся, точно въ озерѣ, не угадывая, гдѣ именно предстоитъ выходъ. На одномъ изъ поворотовъ открывается темная масса высокихъ, совершенно голыхъ, скалъ—это Черногорія, созданная природою крѣпость, гдѣ, сотни лѣтъ, горсть храбрецовъ отбивается отъ мусульманъ, предпочитая нищету и свободу болѣе привольной жизни въ рабствѣ.

Видъ на Перастъ (Perasta) одинъ изъ лучшихъ во всей Бокѣ. Городъ расположенъ на скатѣ голой скалы, прямо противъ узкаго пролива, образуемаго двумя отвѣсными горами, покрытыми густою зеленью; контрастъ поразительный. Налѣво Бока образуетъ заливъ, гдѣ находятся два островка съ церковью; затѣмъ, идетъ на берегу церковь, знаменитая епитрахилью 1112 г. — древнѣйшимъ памятникомъ сербскихъ древностей—и, наконецъ, живописный городъ Ризано. Направо отъ

Пераста, въ глубокой зелени, видны два Столива—верхній и нижній—одинъ надъ другимъ. Перастъ былъ знаменитъ въ средніе вѣка морскими разбойниками, не разъ громившими турецкіе флоты. Пираты превратились, мало-по-малу, въ мирныхъ моряковъ; сюда то Петръ Великій присылалъ учиться русскихъ морскому дѣлу. Старинная картина въ городской ратушѣ изображаетъ мастера Мартиновича обучающимъ русскихъ кораблестроенію — фактъ важный, доказывающій, что не къ однимъ нѣмцамъ обращался за наукою великій преобразователь Россіи.

Ближе къ Коттору берегъ весь застроенъ. Подъѣхавъ къ самому Коттору, вы тщетно ищете города; онъ какъ-то теряется у подножія высокой горы, по которой зигзагомъ вьется дорога въ Черногорію. Съ берега видна только широкая набережная, городской садикъ съ неизмѣннымъ кафе, и остатки венеціанской крѣпости, окружающей весь городъ. Въ Котторъ входятъ черезъ узкія крѣпостныя ворота; улицы очень узки и извилисты, почему ѣзда въ городѣ не только экипажей, но и верховыхъ и вьючныхъ лошадей невозможна. Для осмотра не представляется ничего особенно замѣчательнаго и городъ какъ-то грязнѣе другихъ городовъ Далмаціи; онъ отличается только значительнымъ числомъ черногорцевъ, идущихъ здѣсь работы.

Я имѣлъ рекомендательное письмо къ черногорскому агенту въ Которѣ, г. Романовичу. Ожидая встрѣтить дипломата по европейскому образцу, я былъ нѣсколько удивленъ, найдя молодаго человѣка, развѣшивающаго въ мелочной лавкѣ свѣчи и т. п. товары. Впрочемъ г. Ромадановичъ, также какъ и его братъ, люди образованные и горячіе славянскіе патріоты, а мелочная лавка ихъ расписана черногорскими гербами. Они повели меня въ «Словенскую читальницу»—родъ клуба—гдѣ имѣется огромный выборъ славянскихъ газетъ и небольшой домашній театръ для представленій на сербскомъ языкѣ; стѣны читальницы украшены портретами славянскихъ государей и весьма любопытною коллекціею портретовъ извѣстныхъ сербскихъ дѣятелей и писателей. Тутъ, конечно, не безъ курьезовъ: такъ, сербскій король Душанъ Сильный, начала XIV вѣка, изображенъ на литографіи, очевидно, лубочнаго издѣлія, въ костюмѣ съ чѣмъ-то въ родѣ генеральскихъ эполетъ, въ офицерскомъ шарфѣ и въ станиславской звѣздѣ!

Возвращаясь въ гостинницу, я встрѣтился съ однимъ изъ американскихъ корреспондентовъ, съ которымъ познакомился на пароходѣ еще на пути въ Дубровникъ.

— Вы куда? спросилъ онъ меня.

— Въ Черногорію.

— И я также.

— Думаю писать корреспонденціи о войнѣ.

— Ну это не такъ легко, сказалъ онъ, едва ли вы умѣете достаточно врать для этого.

Я пожалъ американцу руку, съ чувствомъ за хорошее обо мнѣ мнѣніе, и подумалъ, что, кажется, онъ правъ.

III.

Поѣздка въ Черногорію.—Что значитъ у сербовъ лазить?—Вьючныя женщины.—Мои спутники.—Дорога въ Цетинье.—Негушъ.—Положеніе черногорскихъ женщинъ.—Наружный видъ Цетинье.

Когда я заявилъ въ Петербургѣ одному старому дипломату, что отправляюсь въ Черногорію, то онъ отскочилъ отъ меня, точно опасаясь, что я начиненъ порохомъ и искра его папироски можетъ взорвать меня на воздухъ. О поѣздкѣ въ Черногорію я наслышался безчисленное множество глупостей. Одни увѣряли, что австрійцы ни за что не пропустятъ русскаго; другіе совѣтовали мнѣ достать англійскій паспортъ, третьи—выпросить въ Дубровникѣ какія-либо казенныя бумаги для перевозки подъ видомъ курьера, четвертые—телеграфировать князю Николаю о высылкѣ конвоя и т. д.

Теперь я заявляю торжественно моимъ соотечественникамъ, что поѣздка въ Черногорію—дѣло самое незамысловатое и столь же простое, какъ поѣздка въ Финляндію, быть можетъ, даже легче, такъ-какъ, благодаря финляндской желѣзной дорогѣ и таможнѣ, въ Финляндію нельзя попасть, не зная хоть немного по шведски, въ Черногорію же смѣло можно путешествовать, ограничиваясь знаніемъ одного русскаго языка *).

Поѣздка въ Цетинье, столицу Черногоріи, совершается двумя путями, одинъ, кратчайшій, идетъ изъ Коттора въ Негушъ, другой, длиннѣйшій, направляется изъ Антивари въ Скодръ (Scutari), затѣмъ, по

---

*) Напоминаемъ, что это было писано до послѣдней войны, въ то время когда число русскихъ, посѣтившихъ Черногорію, было такъ сказать на перечетъ.

Скодрскому озеру до Жаблика и далѣе на Рѣку. Въ обоихъ случаяхъ сухимъ путемъ можно проѣхать только верхомъ. Дорожа временемъ, я предпочелъ кратчайшій путь, хотя имѣлъ всѣ удобства для путешествія и по второму пути, гдѣ для переѣзда по озеру мнѣ предлагали воспользоваться пароходомъ французскаго общества, эксплуатирующаго черногорскіе лѣса. Стоитъ заявить о своемъ желаніи въ гостинницѣ въ Которѣ, и сейчасъ же является огромное предложеніе со стороны проводниковъ до Цетинье. Ѣздятъ, какъ я сказалъ, верхомъ, но для перевозки багажа подобный способъ передвиженія дорогъ; для этого служатъ ослы и черногорскія женщины. Первые стоютъ дороже. Почему, объяснить трудно, такъ-какъ по здѣшнимъ горамъ и лошади, и ослы, и люди, всѣ ходятъ одинаково медленно.

Слово «ѣхать» вообще ни въ Черногоріи, ни въ Босніи и Герцеговинѣ совершенно неизвѣстно, потому-что дорогъ, по которымъ можно бы ѣздить, не существуетъ. Даже слово «ходить» исчезло изъ сербскаго языка и замѣнилось болѣе соотвѣтственнымъ словомъ «лазить». Дѣйствительно, куда вы тамъ ни отправитесь, верхомъ или пѣшкомъ, буквально приходится лазить съ камня на камень. Поэтому сербы такъ сроднились съ подобнымъ способомъ передвиженія, что всякое движеніе изображается у нихъ словомъ лазить: вѣтеръ у нихъ «долазитъ», рѣка «ислазитъ» почта «лазитъ» даже газеты у сербовъ «вылазятъ» ежедневно, еженедѣльно и т. д. Смыслъ глагола лазить я скоро вполнѣ уразумѣлъ на собственной кожѣ.

Поторговавшись слегка съ толпою, наполнившею мой нумеръ невыносимымъ запахомъ чеснока, мнѣ удалось нанять для себя лошадь съ проводникомъ за пять флориновъ (въ Черногоріи ходятъ всякія деньги, но бумажныя принимаются только австрійскія), для вещей—осла съ проводникомъ за два флорина и бабу за флоринъ. Эта особа лишь съ большою натяжкою могла быть отнесена къ такъ-называемому «прекрасному полу». Взглянувъ на ея могучія плечи, я повѣрилъ, что навьюченныя женщины здѣсь совершаютъ часто по 60 и даже по 70 верстъ въ день. Мужчины также необыкновенные ходоки: какъ, впрочемъ, всѣ горцы. Послать курьера пѣшкомъ изъ Цетинье въ Которъ (7 часовъ ходьбы) и приказать ему вернуться въ тотъ же день—дѣло обыкновенное. Я внимательно смотрѣлъ на сопровождавшихъ меня въ горахъ проводниковъ и ни разу не замѣтилъ ни малѣйшихъ признаковъ усталости; они не пьютъ даже воды и всегда согласуютъ свой шагъ съ аллюромъ лошади, а случалось ѣхать и рысью, правда, тою парадною турецкою

рысью, гдѣ лошадь перебираетъ ногами, трясетъ немилосердно сѣдока и весьма мало подвигается впередъ.

Изъ Коттора мнѣ удалось проѣхать съ цѣлымъ караваномъ весьма интересныхъ спутниковъ. Во главѣ кортежа ѣхалъ Г. Сундечичъ, сербскій сатирическій и лирическій поэтъ, занимавшій десять лѣтъ званіе секретаря черногорскаго князя. Г. Сундечичъ — пламенный патріотъ, человѣкъ прямаго и горячаго характера, хорошій ораторъ, какъ всѣ сербы; у него много враговъ, но, вообще, онъ пользуется въ юго-славянскомъ мірѣ большимъ уваженіемъ. Враговъ своихъ онъ лукаво описалъ въ пародіи дантова «Ада», заставивъ ихъ прилично мучиться. Затѣмъ, ѣхалъ англійскаго генеральнаго штаба капитанъ Кемпбель, изъ богатой шотландской аристократической фамиліи. Г. Кемпбель семнадцать лѣтъ прослужилъ въ Индіи, воевалъ въ Абиссиніи и Китаѣ, а теперь, по страсти къ военному ремеслу, оставивъ молодую жену, воюетъ вездѣ, гдѣ представится случай; послѣдніе три года онъ дрался противъ карлистовъ и съ презрѣніемъ отзывается объ испанскомъ способѣ военныхъ дѣйствій. Въ Черногорію капитанъ пріѣхалъ въ надеждѣ подраться съ турками, а также въ качествѣ рисовальщика для извѣстнаго лондонскаго иллюстрированнаго журнала «Graphic». Капитанъ—человѣкъ симпатичнѣйшій, вполнѣ джентльменъ, полонъ юмора, но, конечно, какъ британецъ, не признаетъ выраженія: à la guerre comme a la guerre и требуетъ вездѣ комфорта. Не менѣе достоинъ вниманія былъ и третій мой спутникъ, бывшій американскій консулъ въ Кандіи, г. Стильманъ, другъ Россіи и турецкихъ христіанъ, ѣхавшій въ Черногорію въ качествѣ корреспондента «Times» и «Nev-York-Herald». Г. Стильманъ типичный янки, длинный, худой, подвижный, вѣрящій безусловно въ спиритизмъ и замѣчательно трудолюбивый; ежедневно писалъ онъ по нѣсколько писемъ изо всѣхъ, кажется, пунктовъ возстанія, сочинялъ, кромѣ того, сенсаціонныя телеграммы и вообще былъ образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ американскимъ корреспондентомъ. Послѣднимъ изъ моихъ спутниковъ ѣхалъ професоръ новороссійскаго университета Богишичъ занятый сочиненіемъ для Черногоріи свода писанныхъ законовъ, въ замѣнъ дѣйствующаго тамъ обычнаго права. Воспитанный для морской службы на купеческихъ корабляхъ, г. Богишичъ (родомъ сербъ изъ Цавтата) занялся науками и теперь онъ професоръ. Его многочисленныя сочиненія по исторіи славянскаго права имѣютъ большое значеніе у спеціалистовъ. Г. Богишичъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Черногоріи и изучилъ ее превосходно.

Въ такомъ обществѣ дорога, конечно, проходитъ незамѣтно. Въ этомъ случаѣ, однако, было не до разговоровъ, потому-что каждую минуту вниманіе невольно отвлекается необыкновенными зрѣлищами, представляемыми при подъемѣ въ горы. Я далеко не склоненъ къ восхищенію видами природы и, пародируя г-жу Сталь, могъ бы по совѣсти сознаться, что нѣтъ для меня вида лучше, какъ видъ мостовой Невскаго проспекта, но, при всемъ равнодушіи, нельзя быть спокойнымъ передъ чудесами, невольно поражающими зрѣніе, такъ сказать, вскакивающими въ глаза. Въ пять часовъ утра, подкрѣпивъ себя рюмкою «ракіи» (турецкаго коньяку), начали мы подниматься изъ Коттора въ гору. Дорога идетъ зигзагомъ почти по отвѣсной скалѣ. Въ австрійской территоріи путь хотя неудобенъ—подъемы круты и полотно усѣяно крупною галькою, постоянно осыпающеюся, но всетаки онъ еще относительно благоустроенъ; далеко не то въ черногорской территоріи. Когда начинаешь подниматься, видишь, рядомъ съ собою, высокою гору, увѣнчанную венеціанскими укрѣпленіями; горѣ, кажется, нѣтъ конца, но, послѣ получасоваго подъема, гора остается внизу и глазамъ открывается высокій хребетъ, образующій противуположную часть Котторскаго залива. Еще полчаса подъема и эта гора съ укрѣпленіями, кажется, маленькимъ пригоркомъ. Тутъ начинается черногорская земля; вмѣсто телеграфныхъ столбовъ, торчатъ какія-то палки, а дорога замѣняется тропинкою уступами, по которымъ лошади цѣпляются копытами, осторожно пробуя сначала, не сорвется ли камень. Сколько бѣдныя животныя употребляютъ на это терпѣнія, вниманія, смѣтливости, и сказать трудно, тѣмъ болѣе, что весь путь идетъ по кварциту, чрезвычайно твердому и скользкому; даже пѣшкомъ нога скользитъ безъ привычки ходить по полированнымъ камнямъ.

На границѣ двухъ земель только орлы могутъ вить гнѣзда, поэтому, конечно, тутъ нѣтъ и рѣчи о какихъ-либо таможняхъ, объ осмотрѣ паспортовъ и тому подобномъ. Однажды только ожила эта мѣстность, когда, въ пріѣздъ австрійскаго императора, былъ здѣсь сдѣланъ смотръ тремъ батальонамъ черногорской милиціи. Старая черногорская дорога чрезвычайно дурна, особенно для спуска, но теперь ѣздятъ частью по новой дорогѣ, прокладываемой порохомъ австрійскимъ инженеромъ. Дорога эта современемъ доставитъ возможность ѣздить въ Цетинье довольно комфортабельно, но теперь тутъ вмѣсто віадуковъ какія-то груды камней, не скрѣпленныя цементомъ, полотно не очищенно и т. д. Кромѣ того, чтобы добраться до нея, нужно не мало усилій; сначала поднимаешься по како-

му то скату вовсе безъ дороги, гдѣ каждую минуту лошадь спотыкается отъ вылетающихъ изъ-подъ ея копытъ камней; затѣмъ, ѣдешь съ полчаса по временнымъ зигзагамъ, соединяющимъ новый путь со старымъ. Легко себѣ вообразить, какова временная дорога, когда и постоянная едва-едва доступна. Съ временнаго участка, по которому еще поднимаешся слишкомъ полчаса, видна уже другая часть Которской Боки, а нѣсколько выше и Адріатическое море. Еще полчаса подъема—и глазамъ открывается необыкновенное зрѣлище, отъ котораго невольно кружится голова: вся Которская Бока и берега ея лежатъ у ногъ, какъ на планѣ. Городъ Которъ, на глубинѣ слишкомъ 3-хъ тысячъ футовъ, точно нарисованъ: ясно видны мостовыя его улицъ, морскія суда въ заливѣ кажутся маленькими мухами, острова съ церквами — величиною въ орѣхъ. Подобная картина вознаграждаетъ трудъ подниматься въ верхъ два съ половиною часа, но иногда она достается слишкомъ тяжело.

Я на себѣ испыталъ непріятности, сопряженныя съ этимъ путемъ. Возвращаясь изъ Цетинье, я нѣсколько запоздалъ и увидѣлъ вершину подъема при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, затѣмъ быстро наступили сумерки, между тѣмъ спускаться нужно было слишкомъ два часа; идти пѣшкомъ нельзя и думать по здѣшнимъ острымъ камнямъ: можно придти босымъ. На бѣду, мнѣ попалась невозможная лошадь лѣнивая и упрямая. При каждомъ поворотѣ на зигзагѣ, т. е. именно тамъ, гдѣ площадка всего аршина въ два раздѣляетъ васъ отъ пропасти въ нѣсколько тысячъ футовъ глубиною, лошадь моя становилась поперегъ площадки, мордою къ откосу, хвостомъ къ пропасти и ни за что не двигалась впередъ, пока мой проводникъ не начиналъ силою тащить ее за узду, а проводникъ осла—погонять сзади палкою. Не трудно представить себѣ деликатность моего положенія при подобныхъ положеніяхъ, ставившихъ меня на волосокъ отъ смерти. Такъ-какъ поворотовъ на зигзагахъ, по-крайней-мѣрѣ, двѣсти, то нервы мои невольно разстроились; въ заключеніе, я почувствовалъ, что мои ноги, болтаясь въ стременахъ, мѣшаютъ ходу лошади, при спускѣ. Сначала я не догадался въ чемъ дѣло, пока, къ ужасу, не увидѣлъ, что мое сѣдло со мною вмѣстѣ ползетъ черезъ шею лошади. Проводникъ, прибѣжавшій на мой крикъ, едва поймалъ меня въ свои объятія, на сей разъ показавшіяся мнѣ болѣе гостепріимными, чѣмъ какія угодно дружескія. Причиною паденія была распустившаяся подпруга. Съ восторгомъ увидѣлъ я, наконецъ, Которъ. Быстро достигнувъ парохода и выпивъ пор-

теру, я легъ спать, но продолжительное возбужденіе нервовъ дало себя знать: ночью со мною сдѣлался легкій нервическій припадокъ.

Я, впрочемъ, далеко забѣжалъ впередъ. Въ путь по направленію къ Цетинье, у меня была хорошая лошадь и, кромѣ удовольствія, дорога мнѣ ничего не доставила. Поднявшись на гору, нужно миновать глубокую пещеру и еще съ полчаса ѣхать по довольно ровной мѣстности, дабы достигнуть черногорскаго города Негушъ, родины нынѣшняго черногорскаго князя. По нашему, Негушъ — поселокъ домовъ въ двадцать; дома эти сложены изъ неотесанныхъ камней, не имѣютъ печей и крыты соломою, такъ что вода протекаетъ свободно во время дождя. Лучшее зданіе въ селѣ, школа, очень напоминаетъ сарай, чѣмъ она, кажется, и служитъ въ свободное отъ учебныхъ занятій время. Въ Негушахъ три церкви, которыя также не болѣе, какъ обыкновенные крестьянскіе дома, только на передней сторонѣ сдѣланъ родъ маленькой надстройки для помѣщенія колоколовъ (очень небольшихъ) и микроскопическаго желѣзнаго креста. Тутъ путешественники обыкновенно отдыхаютъ минутъ двадцать, это приблизительно половина пути до Цетинье; для отдыха служитъ небольшое кафе, или кабакъ, куда войдти нельзя непривычному къ грязи человѣку. Расположившись на дворѣ, подъ навѣсомъ, на голыхъ камняхъ, мы позавтракали яйцами въ смятку и рюмкою «мастики» (водка въ родѣ анисовки), которая сводитъ въ могилу половину турецкихъ администраторовъ, ею почему-то особенно злоупотребляющихъ. Скромная трапеза закончилась чашкою кофея, свареннаго такимъ образомъ, что передъ нимъ кофей, подаваемый въ самомъ аристократическомъ домѣ въ Петербургѣ, не болѣе какъ помои.

Вторая половина дороги еще затруднительнѣе для лошадей, чѣмъ первая. Путь идетъ сначала въ гору, пока не откроется сначала новый восхитительный видъ на всю Черногорію, на огромное Скодрское озеро и прилегающую часть Албаніи. Это высшая точка подъема; далѣе нужно уже спускаться къ Цетинье, который, приблизительно, лежитъ на той же высотѣ, что и Негушъ. Дорога, какъ я сказалъ, невозможна по своей головоломности. Мнѣ всегда въ циркѣ казалось страннымъ, какъ это верхомъ ѣздятъ по лѣстницѣ, между тѣмъ въ Черногоріи почти также приходится подниматься и спускаться часа по три по весьма неровнымъ и скользкимъ каменнымъ ступенькамъ. Въ иныхъ мѣстахъ спускъ до того затруднителенъ для лошади, что приходится сходить съ сѣдла и идти пѣшкомъ, операція весьма непріятная и для челов-

ка, и, особенно, для сапоговъ. Кромѣ вида на Скодрское озеро, по дорогѣ открывается видъ на гору Ловчимъ, гдѣ находится церковь, въ которой похороненъ весьма уважаемый черногорцами владыка Петръ II. Оригинальная идея хоронить людей въ мѣстахъ, доступныхъ только птицамъ! Вся эта мѣстность была прежде необитаема, но постоянныя войны съ турками заставили черногорцевъ, мало-по-малу, очистить ровныя и плодородныя мѣстности Зеты, имъ искони принадлежавшія, и переселиться на эти высоты, куда ни турецкая и никакая другая армія въ мірѣ не дерзнетъ заглядывать, потому что достаточно десяти человѣкъ, бросающихъ сверху камни, которыхъ безчисленное множество, чтобъ удержать батальоны. Только подкупомъ и измѣною можно еще что-нибудь сдѣлать въ такихъ мѣстахъ; но черногорцы доказали, что и такой способъ войны къ нимъ непримѣнимъ. Принужденные жить въ горахъ, они стараются эксплуатировать ихъ, но это дается съ большимъ трудомъ.

Достаточно взглянуть на здѣшнія пашни, чтобъ убѣдиться, какихъ усилій требуется отъ земледѣльца. Когда ѣдешь верхомъ по горамъ, то постоянно, по сторонамъ, видишь глубокія воронки въ скалахъ. На днѣ этихъ воронокъ, глубиною въ сто и болѣе футовъ, природа скопила небольшіе клочки плодородной земли; черногорецъ спускается туда и устраиваетъ пашню, на которой сѣетъ кукурузу, или картофель. На скатахъ горъ дѣло еще труднѣе; тамъ каждый проливной дождь можетъ смыть весь слой пахатной земли, съ большимъ трудомъ собранной по камнямъ изъ подъ бывшихъ лѣсовъ. Поэтому всякая пашня устраивается уступомъ, сдѣланнымъ изъ искусственно сложенныхъ камней, и обносится высокимъ каменнымъ же заборомъ. Пашни, конечно, рѣдко бываютъ болѣе десяти, двѣнадцати квадратныхъ саженъ. Замѣчательно еще, что напримѣръ, въ Брдѣ, гдѣ хлѣбопашество гораздо проще и легче, черногорецъ дѣлается очень лѣнивымъ и работаетъ крайне неохотно. Для улучшенія культуры устроена теперь княземъ въ Рѣкѣ небольшая сельскохозяйственная школа, руководимая сербомъ-агрономомъ, на которую возлагаютъ большія надежды. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что въ Черногоріи количество удобной земли недостаточно для потребностей населенія; послѣднее часто терпитъ голодъ; горы, покрытыя весьма рѣдкимъ кустарникомъ, а не травою, могутъ скорѣе кормить козъ, чѣмъ овецъ; поэтому въ странѣ естественно образуется пролетаріатъ, ищущій себѣ занятій. И въ мирное время черногорцы идутъ на заработки внѣ страны въ Турцію

и Австрію; въ одномъ Цареградѣ ихъ болѣе двухъ тысячъ, но еще охотнѣе готовы они находить пропитаніе въ военныхъ набѣгахъ, «четахъ». Поэтому война, даже самая неравная, не только не пугаетъ черногорца, но, скорѣе, радуетъ его. Для страны даже уничтоженіе нѣкотораго избытка населенія, тяготящаго ее, не можетъ считаться большимъ несчастіемъ. Конечно, подобный порядокъ вещей ненормаленъ и продолжаться долго не можетъ, однако единственное средство обратить черногорцевъ, въ вполнѣ мирныхъ гражданъ состоитъ въ расширеніи ихъ владѣній и въ присоединеніи къ нимъ сосѣднихъ, плодородныхъ и пустынныхъ турецкихъ округовъ. До этого всякія убѣжденія и мѣропріятія будутъ совершенно излишними.

Большая часть полевыхъ работъ совершается въ Черногоріи женщинами. Мужчины предпочитаютъ курить и упражняться въ военныхъ занятіяхъ; женщины тутъ находятся еще въ унизительномъ состояніи и ставятся далеко ниже мужчины. Черногорецъ цѣнитъ въ женщинѣ только силу и дородство. «Претыла (толстая) дѣвойка, говоритъ онъ, лѣпа дѣвойка». «Мршава (худощавая) дѣвойка» служитъ презрительнымъ эпитетомъ. Женщины если не ведутъ затворническую жизнь, то все таки устраняются отъ публичной жизни; ихъ міръ хозяйство, даже въ церковь женщинѣ ходить позволяется только въ самые большіе праздники. Я знаю въ Цетиньѣ сенаторовъ, учившихся въ Парижѣ, которые ни зачто на свѣтѣ не пройдутся по улицѣ со своими женами, и одинъ князь Николай рѣшается нарушить такой предразсудокъ.

Подобная система угнетенія женщины кажется весьма естественною для народа военнаго. Въ доказательство лучше всего привести мнѣніе величайшаго изъ полководцевъ Наполеона I. Въ своемъ Memorial de Sainte Hélène (т. IV, с. 227), императоръ, который хотя не отличался большою галантностью, но далеко и не былъ равнодушенъ къ женщинамъ, и даже началомъ карьеры обязанный женщинѣ, говоритъ: «Мы, западные народы, въ женскомъ вопросѣ ничего не понимаемъ и испортили женщинъ слишкомъ хорошимъ съ ними обращеніемъ. На бѣду, мы сдѣлали ихъ почти равными съ собою. Восточные народы въ этомъ случаѣ и умнѣе и справедливѣе: они объявили женщину настоящею собственностью мужчины, и, въ дѣйствительности, природа создала женщинъ нашими рабами... На одну женщину, которая побудила человѣка сдѣлать что нибудь хорошее, навѣрно сто другихъ заставили людей дѣлать однѣ глупости...» Высказавшись рѣшительно за полигамію, Наполеонъ заключаетъ: «Женщина — наша собственность, и не можетъ владѣть

мужчиною, потому что она намъ рожаетъ дѣтей, а не мы ей. Слѣдовательно, она составляетъ нашу собственность на томъ же основаніи, какъ дерево, приносящее плоды, дѣлается собственностью садовника, а не наоборотъ...» Эти разсужденія, изъ которыхъ мы выпускаемъ еще наиболѣе пикантную часть, привели бы въ умиленіе арнаута, черногорца и вообще всякаго горца.

Я читалъ нѣсколько разъ описаніе Цетинье, но, признаюсь, всетаки значительно разочаровался, противъ ожиданій: такъ дѣйствительность ниже того понятія, которое дѣлаешь себѣ невольно о столицѣ, хотя небольшаго, но все-таки независимаго государства, обладающаго къ тому же весьма внушительною арміею. Я опишу Цетинье подробно, что сдѣлать не трудно, такъ какъ весь городъ не заключаетъ въ себѣ и полсотни домовъ, и какихъ домовъ! Передъ ними избы нашихъ сѣверныхъ крестьянъ, въ Архангельской или Вологодской губерніяхъ, показались бы дворцами. Черногорцы не расширяютъ своей столицы потому, что думаютъ перенести ее въ Даниловградъ, расположенный въ центрѣ страны. Цетинье лежитъ на совершенно ровной мѣстности, окруженной невысокими горами, точно на днѣ потухшаго кратера. Горы эти недавно были еще совершенно голы, но съ категорическимъ запрещеніемъ пасти на нихъ козъ, стали быстро обростать молодымъ лѣсомъ. Фактъ этотъ подтверждаетъ давно извѣстное правило, что для облѣсенія горъ нѣтъ лучшаго средства, какъ истребленіе козъ, немилосердно щиплющихъ молодые побѣги. Доступъ къ кратеру открытъ съ одной только стороны, по которой проведена довольно хорошая дорога; поля вокругъ совершенно не обработаны, но видны признаки цивилизаціи: сначала пороховой погребъ, который отличается отъ другихъ зданій своими громоотводами, затѣмъ изба, служащая лабораторіею для снаряженія патроновъ и для другихъ артиллерійскихъ надобностей, наконецъ, тюрьма, окруженная огородами.

Хотя въ окнахъ тюрьмы вставлены желѣзныя рѣшетки, но часовыхъ нѣтъ и двери раскрыты настежь; всѣ арестанты, приговоренные менѣе чѣмъ къ восьмилѣтнему заключенію, свободно гуляютъ около тюрьмы, болтаютъ съ приходящими женщинами, играютъ въ бабки и только становятся во фрунтъ, когда идетъ мимо князь или владыка (митрополитъ). Несмотря на такую свободу, побѣговъ никогда не бываетъ. Черногорцы объясняютъ это вѣрностью данному слову и сознаніемъ справедливости приговора; гораздо вѣрнѣе объяснить это тѣмъ, что въ тюрьмѣ арестантъ ничего не дѣлаетъ и его кормятъ на казенный счетъ; на сво-

бодѣ же черногорецъ долженъ работать, что вообще считается на востокѣ худшимъ изъ бѣдствій, а пища и вообще жизнь его нисколько не пріятнѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ. Къ тому же при поимкѣ бѣглеца могутъ легко убить. Да и куда бѣжать, когда въ окружающихъ мѣстностяхъ жизнь православныхъ хуже всякой каторжной работы. Черногорцы вообще не препятствуютъ побѣгу; даже приговоренныхъ къ смертной казни (разстрѣляніемъ) они пускаютъ бѣжать и стрѣляютъ имъ въ спину. Удралъ—тѣмъ лучше, не успѣлъ увернуться отъ пули—самъ виноватъ.

Прямо надъ тюрьмою, на крутой горѣ, стоитъ круглая сѣрая башня, Табля, съ большимъ колоколомъ. Прежде башня служила для выставки отрѣзанныхъ турецкихъ головъ, набивавшихся для лучшаго сохраненія хлопчатою бумагою. Княгиня Даринька, жена покойнаго князя, упросила отмѣнить этотъ варварскій обычай; согласиться на ея просьбу было тѣмъ легче, что теперь, кромѣ времени войны, мало турецкихъ головъ снимается черногорцами. На Таблѣ повѣшенъ большой колоколъ, въ который звонятъ въ особенно важныхъ случаяхъ. Нѣсколько ниже расположенъ монастырь—зерно черногорской независимости, жилище прежнихъ владыкъ, а теперь митрополита и его духовенства. Это длинное бѣлое зданіе въ два этажа съ маленькою церковью, гдѣ покоются мощи св. Петра владыки черногорскаго, покровителя страны. Монастырь, украшается высокою четырехугольною башнею, Каминкулой, назначенія которой мнѣ неизвѣстно. У ограды лежатъ кругомъ большіе камни; здѣсь собиралась прежде народная скупчина для разсужденій съ владыкою, и черногорцы убѣждены, что окружность площадки равна окружности московскаго царя-колокола. Рядомъ съ монастыремъ находится старый дворецъ, называемый въ народѣ Биліярда. Это названіе произошло отъ того, что покойный князь Данило первый привезъ въ Черногорію билліардъ, и когда игралъ на немъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа. Народъ, который обращается здѣсь непосредственно къ князю со всякими, даже пустыми, просьбами, зналъ это свойство билліарда и окрестилъ его именемъ и все зданіе. Старый дворецъ поразительно напоминаетъ наши этапные дома: длинный двухэтажный домъ, покоемъ, обнесенный каменною оградою съ башенками по угламъ. Разница та, что у насъ этапные домы ремонтируются, въ Черногоріи же слово починка неизвѣстно. Здѣсь, какъ въ Турціи, зданіе строится, а потомъ «баталь», арабское слово, обозначающее на Востокѣ свободу разрушенія. Расположеніе комнатъ въ старомъ дворцѣ совершенно

элементарное; длинный корридоръ, и всѣ комнаты, какъ въ тюрьмѣ, выходятъ въ этотъ корридоръ; обои вездѣ оборваны, полы изъ барочнаго лѣса, сквозь потолки протекаетъ дождь. Видно, однако, что въ этомъ домѣ жили представителй деспотической власти, потому-что всѣ главныя двери желѣзныя. Въ старомъ дворцѣ помѣщаются черногорскій сенатъ, канцеляріи военная и финансовъ, а также живутъ нѣкоторыя изъ приближенныхъ къ князю лицъ. Около стоитъ огромное широковѣтвистое дерево—это черногорскій апелляціонный судъ; подъ деревомъ садится по утрамъ князь и выслушиваетъ жалобы на сенатъ, а иногда рѣшаетъ и другія дѣла. Въ неприсутственное время подъ деревомъ лежатъ и сидятъ постоянно десятка два рослыхъ солдатъ княжеской гвардіи и играютъ въ особую игру, состоящую въ искусствѣ попадать на далекое разстояніе большимъ камнемъ въ цѣль.

Новый дворецъ князя, занимающій цѣлую сторону главной городской площади, заросшей бурьяномъ и сорными травами, похожъ на нашъ помѣщичій домъ средней руки; онъ въ два этажа, съ довольно небольшими окнами, съ зелеными жалузи. О внутреннемъ расположеніи дворца я поговорю далѣе. У воротъ часовой съ ружьемъ за плечами онъ то сидитъ, то ходитъ, то разговариваетъ со знакомыми. За дворцомъ распланированъ княжескій садъ, гдѣ нѣтъ еще деревъ и ограды, но проведены дорожки; тутъ протянуты веревки и безъ церемоніи просушивается чье-то бѣлье. Противъ дворца расположены частные домы, ими же занята единственная въ Цетиньѣ улица, примыкающая перпендикулярно къ дворцовой площади. Въ концѣ улицы находится въ одномъ домѣ телеграфъ и почта, завѣдываемые австрійскимъ чиновникомъ, зданіе русской женской школы и заколоченное зданіе бывшей гостинницы. Разные антрепренеры пытались нѣсколько разъ основать въ Цетиньѣ пріютъ для путешественниковъ, но разорялись, потому-что туристовъ являлось очень мало, а черногорцы за выпитое и съѣденное въ гостинницѣ забывали по большей части уплачивать хозяину.

Вотъ и весь столичный городъ Цетинье. Ежедневно, для моціона, я обходилъ его вокругъ три раза. На каждую изъ такихъ прогулокъ требуется не болѣе десяти минутъ.

IV.

Пребываніе въ Черногоріи.—Князь Николай и его дворъ.—Княгиня Милена.—Владыка.—Положеніе православной церкви на Балканскомъ полуостровѣ.—Русская школа.—Черты черногорскихъ нравовъ.

Торжественный въѣздъ человѣка въ европейскомъ костюмѣ, конечно, произвелъ надлежащую сенсацію въ такомъ городѣ, какъ Цетинье; жители его думали, вѣроятно, что хотя одинъ изъ моихъ чемодановъ полонъ русскимъ золотомъ. Князь, увидѣвъ изъ окна пріѣжаго, прислалъ гвардейца спросить, нѣтъ ли писемъ? Я отдалъ тѣ, которыя были со мною. Черезъ нѣсколько минутъ явился адъютантъ и зять князя, Пламенацъ, рослый и красивый молодой человѣкъ, свободно говорящій порусски, и, прежде всего, повелъ меня въ родъ бѣлой харчевни, гдѣ, обмѣнявшись засвидѣтельствованіями своего почтенія и глубокой преданности, угостилъ бутылкою вѣнскаго пива. Затѣмъ мы отправились въ старый дворецъ, гдѣ мнѣ была приготовлена особая комната. Любезность весьма пріятная, потому что въ Цетиньѣ найти помѣщеніе не такъ-то легко; всѣ свободныя квартиры были заняты корреспондентами газетъ и разными агентами. Устроившись и отдохнувъ съ дороги, я сдѣлалъ надлежащіе визиты, а затѣмъ озаботился устроить поскорѣе личное свиданіе съ княземъ, гостемъ котораго я оставался все время пребыванія въ Цетиньѣ.

Жизнь въ Цетиньѣ исключительно придворная, если можно такъ выразиться, т. е. она сосредоточивается въ князѣ и криближенныхъ къ нему лицахъ. Князь Николай, на котораго весь сербскій міръ возлагаетъ теперь свои надежды и который гордо въ гербѣ своемъ носитъ двуглаваго орла—эмблему бывшихъ сербскихъ королей—личность во многихъ

отношеніяхъ замѣчательная. По наружности онъ хорошо извѣстенъ Петербургу, гдѣ былъ два раза. Это, въ полномъ смыслѣ слова, красавецъ, высокого роста румяный брюнетъ, ловкій, искусный во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ; князь—страстный охотникъ, а стрѣлокъ такой, что на сто шаговъ изъ пистолета выбиваетъ блюдечко, которое держитъ одинъ изъ его гвардейцевъ. Точно также развитъ князь и въ интеллектуальномъ отношеніи. Несмотря на то, что князю пришлось вступить на престолъ восьмнадцати лѣтъ, онъ, воспользовавшись пребываніемъ въ въ Парижѣ въ lycée Louis-le-Grand, успѣлъ воспитать себя достаточно: говоритъ отлично по французски, понимаетъ порусски, много читалъ. Что въ особенности привлекаетъ въ князѣ—это необыкновенный тактъ, съ которымъ онъ умѣетъ обходиться со всѣми окружающими. Тотъ же тактъ проявляетъ онъ въ управленіи своего государства, которое есть не болѣе, какъ военный лагерь.

Я имѣлъ честь нѣсколько разъ бесѣдовать съ княземъ о нынѣшнемъ положеніи Герцеговины и Босніи, и вполнѣ убѣдился въ его вѣрномъ взглядѣ на совершающіяся событія. Никогда, по мнѣнію князя, Турція не была въ болѣе затруднительныхъ обстоятельствахъ и никогда моментъ для возстанія не былъ избранъ болѣе благопріятный. Князь отъ всей души сочувствовалъ дѣлу освобожденія; Черногорія съ минуты на минуту при мнѣ ждала сигнала, который долженъ былъ, казалось, послѣдовать со стороны Сербіи; по, съ проницательностью государственнаго чоловѣка, князь Николай сдерживалъ порывы окружающихъ его воинственныхъ головъ, понимая, что Черногорія, рискнувъ на войну безъ всякой поддержки, безъ всякаго даже хотя полусогласія, въ случаѣ неудачи, могла бы поплатиться своею независимостью, а въ случаѣ успѣха, быть можетъ, вынимала бы только каштаны изъ печки для другихъ. Тяжелыя воспоминанія о 1862—1863 годахъ, когда Черногорія была всѣми оставлена на произволъ судьбы и приняла унизительный ультиматумъ Омера-паши, стоявшаго уже въ четырехъ часахъ отъ Цетинье, служилъ достаточнымъ урокомъ для настоящаго.

Княгиню Милену, жену князя Николая, придворные льстецы (есть такіе и въ Черногоріи) находятъ красавицею. Можетъ быть это и было вѣрно десять лѣтъ тому назадъ, но женщины въ Черногоріи быстро старѣются, а княгинѣ уже двадцать восемь лѣтъ и у ней семеро дѣтей («Almanach de Gota» считаетъ, правда, четыре, но—всѣ врутъ календари). Она женщина большаго роста, съ великолѣпными черными волосами и глазами; черты лица ея тонкія, какъ у всѣхъ сербскихъ женщинъ, очер-

танія подбородка и шеи очень красивы, но выраженіе утомленное и какъ бы болѣзненное; общая фигура не совсѣмъ граціозна, что зависитъ отъ національнаго костюма, который княгиня обыкновенно носитъ; руки и ноги также не имѣютъ ничего аристократическаго, что неудивительно, такъ какъ княгиня происходитъ изъ бѣднаго черногорскаго семейства Вукотича; домъ, гдѣ она родилась, простая избушка. Князь женился по любви и всѣмъ воспитаніемъ своимъ княгиня обязана княгинѣ Даринькѣ, вдовѣ покойнаго князя Даніила. Княгиня Милена свободно объясняется по французски. Семейная жизнь ея служитъ примѣромъ для всѣхъ; почти весь день посвящаетъ она своимъ дѣтямъ. Меня она много разспрашивали о Смольномъ институтѣ, куда только что передъ тѣмъ поѣхали воспитываться ея старшія дочери. Безпокойство ея относительно петербургскаго климата весьма естественно, такъ какъ черногорцы, воспитывающіеся въ Россіи, рѣдко выдерживаютъ перемѣну климата и кончаютъ чахоткою.

По поводу имени княгини, я могу замѣтитъ, что сербы сохранили прекрасный обычай давать своимъ дѣтямъ старыя славянскія имена: Заря, Золотая, Волкъ и т. п. Конечно, имена эти гораздо пріятнѣе и для русскаго уха, чѣмъ тѣ еврейскія и греческія имена, которыми вошло въ обычай крестить у насъ младенцевъ. Славянскихъ именъ множество и всѣ они очень звучны; отъ однаго прилагательнаго «милый» происходитъ, напримѣръ, цѣлый рядъ прекрасныхъ именъ: Мила, Милина, Милева, Милка, Милена, Милица, Милетва, Миланъ, Милошъ, Миливой, Милянъ, Милютинъ, Милидрагъ, и т. д. Какъ чужды наши настоящія имена русскому уху, доказываетъ то, что не только народъ, но и образованные люди коверкаютъ ихъ поневолѣ въ разныя уменьшительныя. Отчего-бы не брать примѣръ съ сербовъ и не возвратиться къ своимъ именамъ? Заговоривъ объ именахъ кстати прибавлю, что иностранныя газеты называютъ часто князя Николая, княземъ Никитою, между тѣмъ такого имени у сербовъ нѣтъ. Никитца, а не Никита, есть по сербски только уменьшительное Николая, какъ у насъ Коля.

Еще нѣсколько лѣтъ назадъ жизнь въ Цетиньѣ была гораздо патріархальнѣе. Каждый вечеръ собиралась толпа на Дворцовой площади, женщины пѣли пѣсни и водили «коло»—сербскій хороводъ, мало оживленный и крайне однообразный у этого немузыкальнаго народа. Князь и княгиня выходили на площадь и смѣшивались съ толпою. Въ послѣднія пять лѣтъ, послѣ путешествій по Европѣ, при черногорскомъ дворѣ порядки эти измѣнены и вытѣсняются этикетомъ, неуступающимъ

этикету какого нибудь нѣмецкаго герцогства. Князь не выходитъ теперь иначе, какъ въ сопровожденіи свиты, а для аудіенціи съ нимъ — надобно испрашивать предварительное разрѣшеніе, которое получается смотря по важности лица, иногда и черезъ два и три дня. Церемонія пріема сопряжена съ нѣкоторою торжественностью, вездѣ разставлены рослые гвардейцы, двери раскрываются въ обѣ половинки, адъютанты летаютъ съ докладами и т. д. Но вообще, князь Николай чрезвычайно простъ въ обращеніи, привѣтливъ и гостепріименъ, также, какъ и княгиня Милена.

Дворецъ, какъ я сказалъ, не болѣе какъ хорошій помѣщичій домъ; его построила княгиня Даринька, кажется, за 80,000 гульденовъ; для пріемовъ отведены три зала, отдѣланные довольно роскошно, преимущественно, изъ подарковъ разныхъ царствующихъ особъ. Такъ какъ тутъ нравы еще провинціальные, то подарки эти довольно наивно показываются всѣмъ иностранцамъ до послѣднихъ мелочей. Стѣны украшены портретами, изъ которыхъ для меня были любопытны портреты прежнихъ князей, владыкъ и воеводъ черногорскихъ; всѣ лица, безъ исключенія, поражаютъ своимъ энергическимъ видомъ. Въ одномъ изъ залъ повѣшены прекрасныя картины извѣстнаго австрійскаго художника Чермака, прожившаго нѣсколько лѣтъ въ Черногоріи. Его извѣстная по гравюрамъ картина: «Возвращеніе раненыхъ черногорцевъ», одинъ экземпляръ которой находится у князя Николая, а другой въ загребской академіи, замѣчательна экспресіею и художественною вѣрностью. Это цѣлая поэма изъ черногорской военной жизни.

Обстановкою и заканчивается роскошь придворной жизни въ Цетиньѣ; затѣмъ все остальное скромно, сообразно дворцовому бюджету, который не превосходитъ, говорятъ, 20,000 гульденовъ. Обѣдъ, напримѣръ, отличается роскошною обстановкою: гайдуки, вооруженные съ ногъ до головы, сервируютъ его довольно искусно, но по содержанію онъ немного отступаетъ отъ традиціонной черногорской кухни, напоминающей турецкую и состоящей изъ неизмѣнныхъ варіяцій баранины, риса, томатовъ и краснаго перцу. Сенаторъ Врбица давалъ намъ какъ-то особенно торжественный обѣдъ, на которомъ было подано, по крайней мѣрѣ, пятнацать блюдъ, составленныхъ исключительно изъ этихъ матеріаловъ. Къ счастью, смѣсь ракіи, черногорскаго вина и шампанскаго, подливаемая въ теченіе трехъ съ половиною часовъ, которые длился обѣдъ у Врбицы, лишала гостей возможности доходить до сути вещей.

Князь и за обѣдомъ, какъ и въ гостиной и кабинетѣ, не разстает-

ся съ револьверомъ, этою неизмѣнною принадлежностью національнаго костюма, который князь носитъ постоянно. Когда вы застаете черногорца безъ пистолета за поясомъ, онъ извиняется, точно вы застали его въ халатѣ, стыдливо схватываетъ первое попавшееся оружіе и втыкаетъ себѣ за поясъ. Пристрастіе къ національному костюму здѣсь весьма понятно, потому что, безъ сомнѣнія, черногорскій мужской костюмъ самый красивый въ мірѣ. Онъ состоитъ изъ рубашки, бѣлизною которой щеголяютъ образованные черногорцы (необразованные мѣняютъ ее только тогда, когда она истреплется въ клочки), бѣлаго длиннаго кафтана, шароваръ до колѣнъ, очень широкихъ, красныхъ сверху, до половины живота, синихъ внизу, толстыхъ бѣлыхъ суконныхъ гетровъ, башмаковъ (у бѣдныхъ лаптей). Сверхъ кафтана надѣвается красная, съ галунами и вышивками, коротенькая курточка, широко раскрытая спереди; пестрая шелковая шаль замѣняетъ поясъ; за поясъ кладется револьверъ, а еще чаще два пистолета, съ роскошною серебрянною насѣчкою, ятаганъ, ножикъ, а иногда и чубукъ, — послѣдній въ дорогѣ, когда черногорецъ, даже въ лѣтнюю жару, надѣваетъ сверху толстый черный пледъ, съ цвѣтною бахрамою, домашней выдѣлки. На головѣ носится шапочка, о которой я говорилъ; донышко ея красное, но въ углу вышитъ полукружокъ съ именемъ князя Николая; па шелковомъ околышѣ — гербъ князя, состоящій изъ двуглаваго орла и льва подъ нимъ. Такой костюмъ черногорцы носятъ одинаково, и лѣтомъ, и зимою; хотя лѣтомъ онъ долженъ быть очень тяжелъ, но въ горахъ полезно одѣваться нѣсколько теплѣе. На князѣ я видѣлъ еще другой костюмъ, въ парадный здѣсь день тезоименитства Государя Императора, но не знаю навѣрное, быть можетъ этотъ костюмъ, также очень красивый, сочиненъ уже лично для князя. Княгиня Милена ходитъ въ національномъ костюмѣ, значительно впрочемъ, передѣланномъ по европейской модѣ; но сестра и мать князя отъ прочихъ черногорокъ отличаются развѣ роскошью матерій. Для живописности мужскаго костюма много значитъ и то, что черногорцы всѣ очень красивы собою, рослы, молодцоваты, имѣютъ умную наружность и врожденныя хорошія манеры.

Черногорскій митрополитъ или владыка Илларіонъ, поставленный въ 1863 году въ Петербургѣ, изъ архимандритовъ Острога, личность въ высшей степени симпатичная и хорошая. Онъ искренній другъ Россіи и пользуется чрезвычайнымъ уваженіемъ въ черногорскомъ народѣ, несмотря на то, что, по политическимъ соображеніямъ, владыку избрали изъ бѣднаго рода Рогоновичей и что митрополитъ не получилъ никако-

то теоретическаго богословскаго образованія. Я опишу одинъ изъ своихъ визитовъ къ владыкѣ, который дастъ понятіе объ обстановкѣ, въ которой находится черногорское духовенство, а положеніе это, сравнительно съ духовенствомъ въ Босніи и Герцеговинѣ, еще крайне завидно.

Владыка живетъ въ монастырѣ или, скорѣе, въ зданіи монастыря, потому что монаховъ тутъ нѣтъ; все черное духовенство въ Цетиньѣ ограничивается митрополитомъ и архимандритомъ—весьма умнымъ человѣкомъ, получившимъ основательное богословское образованіе въ Задрѣ. Пройдя рядъ пустыхъ и полуразрушенныхъ корридоровъ, я очутился въ небольшой комнаткѣ, выбѣленной известью, все убранство которой состояло изъ стараго разорваннаго дивана, столика, покрытаго вязаною скатертью, засыпанною нюхательнымъ табакомъ, нѣсколькихъ стульевъ и на стѣнахъ литографическаго портрета покойнаго императора и вида города Риги. Вмѣстѣ съ двумя келіями, совершенно уже безъ всякой мебели, эта комната образуетъ квартиру владыки, который получаетъ, говорятъ, около 1,000 руб. въ годъ и все раздаетъ бѣднымъ. Я засталъ владыку, играющаго засаленными картами съ двумя черногорцами въ лаптяхъ, съ револьверами за поясомъ—это оказались священники. Видя иностранца, владыка—очень красивый и здоровый брюнетъ съ чрезвычайно симпатическимъ лицомъ, въ черногорской шапкѣ на бекрень—приказалъ подать носовой платокъ и завтракъ, состоявшій изъ кофея и винограда. Радушіе вообще не соотвѣтствовало скромности обстановки; въ этотъ разъ, и въ другія посѣщенія я встрѣчалъ самый сочувственный пріемъ и вынесъ глубокое уваженіе къ пастырю черногорской церкви.

Бѣдность церкви вообще тутъ чрезвычайная. Привыкнувъ къ роскоши архіерейскаго служенія въ Россіи, мнѣ было странно видѣть то же служеніе при черногорской обстановкѣ. Митрополитъ въ старенькой потертой ризѣ стоялъ на войлочномъ коврикѣ; черногорцы, которыхъ я у него видѣлъ, служили въ тѣхъ же лаптяхъ и тѣ же револьверы торчали у нихъ изъ подъ облаченія. Хоръ пѣлъ не совсѣмъ стройно, слегка въ носъ, на греческій манеръ. Во всякомъ случаѣ, было пріятно послушать церковную службу на томъ же древнеславянскомъ языкѣ. Сербы, однако, произносятъ его гораздо мягче нашего и не могутъ удержаться отъ свойственныхъ ихъ языку транспозицій нѣкоторыхъ буквъ и слоговъ. Такъ, вмѣсто: все, всегда, кто, монастырь, могила, сербъ непремѣнно скажетъ: све, свегда, тко, намастырь, гамила и. т. д. Таково уже

свойство языка, заставившее князя Милоша Обреновича увѣрять, что русскій языкъ есть только вывороченный на изнанку языкъ сербскій. Соборная церковь, величиною съ большую комнату; поэтому въ ней помѣщаются только князь, княгиня, нѣсколько сенаторовъ и иностранцевъ; княжеская гвардія стоитъ въ дверяхъ, а народъ — и только мужчины, — женщины въ церковь, какъ я писалъ уже,не ходятъ, — толпится въ отдаленіи и до него долетаютъ лишь отрывочные звуки богослуженія. Иконъ въ церкви очень мало, но зато по стѣнамъ, на плащаницѣ и на мощахъ владыки Петра I много ружей, револьверовъ и ятагановъ.

На эктеніяхъ поминаютъ, одного князя, но не княгиню, потому что упоминаніе женщинъ не соотвѣтствовало бы мѣстному этикету. Въ деревняхъ до сихъ поръ еще старики священники возглашаютъ прежде князя покойнаго императора Николая Павловича, несмотря на запрещеніе. Это ведется изстари; извѣстно, что офиціальный титулъ владыки черногорскаго, до обращенія его въ свѣтскій, былъ: владыка черногорскій и кавалеръ царя русскаго. Церковная служба отправляется очень скоро и вообще нельзя сказать, чтобъ обрядность была въ духѣ черногорцевъ.

Черногорцы, также какъ и сербы Босніи и Герцеговины, не только не фанатики, но даже вовсе не религіозны; въ церкви бываютъ рѣдко, о догматахъ религіи понятія не имѣютъ, никогда не говѣютъ, постятся только до причастія, и даже младенцевъ крестятъ безъ крестовъ. Это, конечно, зависитъ отъ положенія духовенства. Священники — тѣ же мужики, ихъ выбираютъ изъ болѣе слабосильныхъ и неспособныхъ къ военной службѣ людей и женятъ четырнадцати лѣтъ, чтобъ поскорѣе, какъ здѣсь говорятъ, «запопить». Они брѣютъ бороду и носятъ оружіе, противъ чего, однако, владыка возстаетъ по мѣрѣ силъ. Въ Черногоріи еще имѣется семинарія, а въ сосѣднихъ мѣстностяхъ все образованіе священниковъ ограничивается заученіемъ литургіи и нѣкоторыхъ обрядовъ въ какомъ-нибудь монастырѣ. Монастыри эти тоже не похожи на наши; въ тринадцати монастыряхъ въ Черногоріи считается всего пять монаховъ, живущихъ какъ древніе египетскіе пустынники трудами рукъ своихъ. Церкви въ Босніи и Герцеговинѣ небольшіе дома, полъ нѣкоторыхъ врытъ въ землю, чтобъ сдѣлать помѣщеніе хотя нѣсколько выше, колоколовъ нѣтъ; на иконостасѣ ни одной иконы, развѣ лубочной печати, попы служатъ въ холстиновыхъ ризахъ. Утварь и евангеліе прячутся отъ турокъ по домамъ, потому что иначе ихъ украли бы. Часто, приходя, со-

вершать службу, сербы находятъ алтарь наполненный разными нечистотами. Это также продѣлки турокъ.

Просто удивительно, какъ при такомъ положеніи церкви сохранилась еще въ сербахъ горячая привязанность къ своей вѣрѣ. Это объясняется только тѣмъ, что идея религіи слилась здѣсь совершенно съ идеею о національности. «Сербъ» и «православный» сдѣлались понятіями однозначущими и потому сербу отказаться отъ вѣры, которая хотя представляется ему очень смутно—все равно, что измѣнить своему отечеству и отказаться отъ своей народности. Упорство сербовъ въ дѣлѣ вѣры замѣчательно, и хотя существуетъ нѣсколько сотъ тысячъ сербовъ мусульманъ и католиковъ, но ихъ обратили не мусульманское угнетеніе и не латинская пропаганда. Часть сербовъ была католиками съ поконъ вѣка, еще до образованія самостоятельнаго сербскаго государства; въ мусульманство же обратилась часть боснійской аристократіи и ея дворни, насильно и изъ личныхъ выгодъ; но эта аристократія не была православною, а принадлежала къ такъ-называемой богомильской сектѣ (одинъ изъ видовъ манихейства). Изъ прочаго сербскаго населенія въ четыреста лѣтъ, несмотря на всѣ соблазны и угнетенія, добровольныхъ ренегатовъ было очень мало. Видя положеніе сербскихъ церквей, невольно сжимается сердце и, даже будучи чуждымъ всякаго ханжества, становится яснымъ, какъ безсмысленны тѣ насмѣшки, которыя раздаются у насъ надъ пожертвованіями югославянскимъ церквамъ книгъ, образовъ, колоколовъ и др. предметовъ; какой-нибудь колоколъ, стоющій десятокъ рублей, составляетъ для бѣдной сербской церкви чрезвычайную роскошь, а скромной звонъ его сначала даже кажется народу невообразимою дерзостью: мало по малу онъ возбуждаетъ въ народѣ сознаніе, что и они люди, что и они имѣютъ право вѣрить, молиться и собираться гдѣ и какъ угодно. Такимъ образомъ, колоколъ невольно пробуждаетъ сознаніе человѣческаго достоинства въ массѣ, доведенной рабствомъ до состоянія безсмысленнаго отупѣнія, вѣчнаго отчаянія и испуга. Все, что служитъ для поддержанія въ сербахъ ихъ привязанности къ православію, не имѣетъ пока вовсе клерикальной подкладки, но равносильно укрѣпленію въ нихъ народности и сознанія принадлежности къ одной великой славянской семьѣ. Угнетаютъ же православную церковь на Балканскомъ полуостровѣ не одни турки. Только въ Черногоріи и княжествѣ Сербскомъ высшая церковная іерархія славянская; въ областяхъ же, подчиненныхъ турецкому владычеству, высшее духовенство—греческое, не понимающее сербскаго языка. Духо-

венство это присылается константинопольскимъ патріархатомъ. Единственная цѣль его выжимать изъ народа послѣднія деньги для обогащенія Великой Церкви. Съ этою цѣлью греческіе іерархи не стыдятся заключать тѣсной союзъ съ турецкою администраціею и, дѣлясь съ послѣднею добычею, становятся злѣйшими врагами православнаго населенія. Но такъ какъ они не дерзнули еще замѣнять славянскую литургію греческою, то сербы, хотя и жалуются на свое высшее духовенство, но не рѣшаются пока свергнуть его власть. какъ это сдѣлали недавно болгаре.

Одно изъ любопытнѣйшихъ учрежденій въ Цетиньѣ представляетъ русская женская школа, помѣщающаяся въ лучшемъ, послѣ дворца, зданіи въ городѣ и руководимая двумя русскими Н. П. и А. П. Пацевичъ. Надежда Петровна уѣхала до меня съ дочерьми князя въ Петербургъ, и со школою ознакомила меня Александра Петровна, чрезвычайно умная и энергическая женщина, пять лѣтъ занимающаяся дѣломъ нелегкимъ, среди обстановки не совсѣмъ пріятной для жизни. Школа помѣщается въ двухъэтажномъ зданіи; въ верхнемъ, кромѣ квартиръ или, вѣрнѣе, келій начальницы и воспитательницъ, находятся дортуары для дѣвицъ, умывальная, больница и маленькая православная церковь, подаренная Государынею Императрицею. Въ нижнемъ этажѣ расположены классы, столовая, баня, кухня и пр. При домѣ небольшой садъ и огородъ, кромѣ того устраивается заведеніе для разведенія шелковичныхъ червей. Вся обстановка скромная, но весьма приличная и опрятная. Для юныхъ черногорокъ, воспитанныхъ съ дѣтства не лучше того скота, который пасли онѣ по горамъ, она кажется даже роскошною. Предметы преподаванія обыкновенные для женскихъ пансіоновъ; дѣвицъ обучаютъ рукодѣлію и кухнѣ, но не учатъ танцамъ. Изъ языковъ преподаютъ русскій и французскій; поэтому теперь въ Черногоріи очень часто можно встрѣтить женщину, говорящую или понимающую порусски, между тѣмъ, встрѣтить говорящаго по русски мужчину, чрезвычайная рѣдкость. Съ знаніемъ французскаго языка выходитъ нѣчто очень комическое. Безъ него, конечно, какъ-то не вяжется идея о женскомъ воспитаніи въ Европѣ, но для черногорокъ языкъ Вольтера и Жоржъ Занда не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ кончивъ курсъ, дѣвицы возвращаются къ прежней своей деревенской обстановкѣ. При мнѣ въ Цетиньѣ одна дѣвушка пригнала стадо овецъ; она кончила курсъ въ школѣ и говоритъ пофранцузски. Пастушки, говорящія по французски! Да это совершенная pastorale XVIII

вѣка, тотъ идеалъ, который казался возможнымъ только въ романахъ Флоріана, идилліяхъ Дезульеръ, да въ оперетках. Между тѣмъ, въ Цетиньѣ это фактъ.

Черногорцы называютъ школу г-жъ Пацевичъ «женское богословіе», такъ какъ единственная школа въ Черногоріи была до сихъ поръ «мужское богословіе», т. е. семинарія. Идея школы благая и польза отъ нея въ будущемъ громадная. Она постепенно, распространяя образованіе среди черногорскихъ женщинъ, будетъ содѣйствовать поднятію ихъ значенія въ семействѣ, отчего, конечно, только выиграетъ вся народная культура. Школа и теперь пользуется большимъ уваженіемъ, половина ея воспитаницъ состоитъ изъ сербскихъ дѣвицъ, изъ сосѣднихъ округовъ Далмаціи, гдѣ нѣтъ недостатка въ собственныхъ школахъ. По отзывамъ г-жи Пацевичъ, черногорки къ ученію охоты имѣютъ мало, или, вѣрнѣе, мало любознательны; но способностями отличаются большими и выучиваются всему легко и скоро. Образованіе ихъ могло бы идти еще успѣшнѣе, еслибъ не существовало обычая уже въ 14 лѣтъ выдавать дѣвицъ замужъ, а тутъ, конечно, чуть дѣвица посмазливѣе и еще кой чему выучилась въ школѣ, въ женихахъ недостатка нѣтъ, ибо гдѣ всѣ одинаково нищіе, о приданномъ и т. п. вещахъ никто не безпокоится. По характеру черногорки отличаются послушаніемъ и замѣчательно трусливы. Черногорки, стрѣляющія въ турокъ изъ пистолетовъ и ятаганомъ крошащія арнаутовъ, существуютъ только на французскихъ раскрашенныхъ литографіяхъ, а не въ дѣйствительности. Къ удовольствіямъ, танцамъ и проч. черногорки очень склонны и конечно, въ нихъ легко бы развивать всѣ тѣ же внѣшнія качества свѣткости, которыя составляютъ прелесть европейскихъ женщинъ; но школа боится сдѣлать это, справедливо опасаясь, чтобъ не дать воспитанія выше среды и не создать несчастныхъ, которыя будутъ потомъ тяготиться своимъ семейнымъ положеніемъ. Поэтому и содержаніе въ школѣ весьма простое; впрочемъ, воспитанницы получаютъ въ день два мясныя блюда и чай. Лѣтомъ занятій не бываетъ и дѣвицы идутъ къ роднымъ въ горы, совершая эту прогулку, не взирая на разстояніе, «per pedes apostolorum».

Чтобы покончить съ черногорками, мнѣ остается, кстати, сказать нѣсколько словъ объ ихъ наружности и костюмѣ. Сравнительно съ громаднымъ ростомъ мужчинъ, черногорки кажутся мелкими, черты лица ихъ правильны и пріятны, но онѣ рано старѣются, переходя какъ бы изъ дѣтскаго возраста прямо въ старческій; движенія вялы; при муж-

чинахъ онѣ очень застѣнчивы; неумѣніе танцовать и отсутствіе корсета даже женщинамъ образованнаго круга даетъ видъ какихъ-то заштатныхъ кормилицъ. Костюмъ, сравнительно съ мужскимъ, весьма некрасивъ.. Онъ состоитъ изъ длинной рубашки съ вышитою грудью; богатыя носятъ шелковую юбку, гладкую и безъ оборокъ. Затѣмъ надѣвается еще иногда передникъ. Поясъ играетъ важную роль въ костюмѣ черногорскихъ женщинъ. Онъ дѣлается изъ кожи или металлическій, серебряный и стоитъ нерѣдко до 70 и болѣе рублей; ширина пояса въ двѣ ладони; на женщинѣ такой поясъ сидитъ точно хомутъ, не замѣняетъ вовсе корсета и только стѣсняетъ движенія, и безъ того не свободныя; но роскошь пояса служитъ видимымъ доказательствомъ достатка. Сверхъ рубашки надѣвается куртка красная съ галунами и вышивками, какъ у мужчинъ; затѣмъ бѣлый кафтанъ, того же покроя, что у мужчинъ; волосы разчесываются въ косы довольно некрасиво и смазываются, чтобъ покрывать плотно уши, домодѣльнымъ фиксатуаромъ, состоящимъ изъ сплава воска съ бараньимъ саломъ; сверху головы дѣвицы надѣваютъ черногорскую шапочку и платокъ, а замужнія женщины одинъ черный платокъ, спуская его нѣсколько на лобъ и закрывая всю голову,

Въ такомъ костюмѣ, при стѣсненныхъ манерахъ, трудно показаться красивыми, по крайней мѣрѣ, первыя красавицы въ Цетиньѣ—жены президента сената и дипломатическаго агента въ Царѣградѣ—у насъ прослыли бы развѣ за миловидныхъ пансіонерокъ. Но и безъ кокетства, врожденнаго и напускнаго, черногорки умѣютъ, повидимому, побѣждать сердца своихъ воинственныхъ героевъ. По крайней мѣрѣ, почтенный професоръ Богишичъ передавалъ мнѣ, что когда онъ, при составленіи для Черногоріи уголовнаго кодекса, коснулся деликатнаго вопроса объ «adultére,» то черногорцы и старые, и малые, никогда, видно, не читавшіе Дюма-fils, единогласно возстали противъ какихъ-либо репрессивныхъ на этотъ счетъ мѣръ.

V.

Черногорская администрація и партіи. — «Голосъ Черногорца» и организація сообщеній съ театра возстанія. – Новый черногорскій кавалеръ.—Дорога изъ Котора въ Загребъ.—Ложинъ.—Рѣка.—Горный Карловацъ.

Жизнь въ Цетиньѣ не замысловата. Все совершается еще патріархально. Хотя русскій полковникъ Быковъ, дѣлавшій съемку Черногоріи, и опредѣлилъ въ точности меридіанъ Цетинье, но часовъ вѣрныхъ ни у кого нѣтъ и показанія разнятся нерѣдко на часъ и на полтора. Прежде жители провѣряли время по колоколу въ монастырѣ, который звонилъ въ 11 часовъ, часъ черногорскаго обѣда, часъ адмиральскій, еслибъ у Черногоріи, какъ у Швейцаріи, были свои адмиралы. Но теперь жители разочаровались въ точности подобнаго способа провѣрки. Говорятъ, что не разъ владыка, соскучившись дожидаться обѣда, приказывалъ позвонить и ранѣе, зная, что никто не будетъ въ претензіи выпить поскорѣе рюмку ракіи; въ другой разъ пономарь, выпивъ эту рюмку ранѣе звонка, вовсе забывалъ позвонить или звонилъ гораздо позже, чѣмъ слѣдовало. Да и къ чему знать время тамъ, гдѣ все идетъ изо дня въ день безъ перемѣнъ, однообразно, почти по волѣ одного человѣка.

Черногорская администрація очень не сложна. Князь входитъ во всѣ дѣла; при мнѣ, подъ деревомъ, онъ публично разбиралъ просьбу какого-то черногорца, просившаго дать ему оружіе бить турокъ. Черногорецъ желалъ имѣть револьверъ, князь приговорилъ выдать кинжалъ. Счастливый обладатель казеннаго оружія вынулъ оселокъ и тутъ же принялся точить кинжалъ, точь въ точь какъ Спарафучило въ 4-мъ актѣ «Rigoletto». У князя — секретарь французъ, изъ алжирскихъ конныхъ еге-

рей, кавалеръ почетнаго легіона. Не знаю, что онъ пишетъ, но при мнѣ онъ объяснялъ черногорцамъ, какъ лучше рубить шашкою. На сколько необходимы подобные уроки, рѣшить трудно потому, что тутъ же разсказывали объ одномъ черногорцѣ, наканунѣ разрубившемъ турка пополамъ отъ плеча до бока.

— Это зависитъ отъ счастья, замѣчали знатоки.

Не желалъ бы, однако, я быть на мѣстѣ этаго «счастливаго» турка. Послѣ князя, важнѣйшая власть въ Черногоріи сенатъ—учрежденіе административное и судебное. Сенаторы или воеводы живутъ болѣе по домамъ и пріѣзжаютъ въ Цетинье по очереди. Обыкновенно присутствіе состоитъ изъ пяти, много изъ шести сенаторовъ. Предсѣдатель сената, двоюродный братъ князя, Божидаръ Петровичъ Негушъ—худощавый, красивый молодой человѣкъ, воспитанный во Франціи, не глупый, но молчаливый. При мнѣ онъ все хворалъ и я разговаривалъ съ нимъ только урывками. Живетъ президентъ въ домѣ о трехъ окнахъ, прямо противъ дворца князя; Божидару Петровичу теперь строится новый домъ, гдѣ уже будетъ четыре окна. Юная жена Божидара образованнѣйшая, какъ я говорилъ, изъ черногорокъ. Затѣмъ, изъ сенаторовъ наиболѣе вліянія на дѣла имѣютъ: Машо Врбица, Родоничъ и Пламенацъ.

Врбица истый типъ восточнаго государственнаго человѣка, тонкій въ обращеніи, лукавый и смѣлый. Хотя онъ не знаетъ ни одного языка, кромѣ сербскаго, но завѣдываетъ иностранными дѣлами. Дипломація не помѣшала ему драться и кисть правой руки прострѣлена у него на вылетъ. Онъ, впрочемъ, превосходно владѣетъ рукою, чѣмъ обязанъ искусству черногорскихъ бабъ; послѣднія лечатъ раны превосходно, какъ говорятъ, долго раздражая ихъ и заставляя человѣка пить во время леченія много водки. Я говорилъ уже, что Врбица дѣлалъ намъ большой обѣдъ, вѣрнѣе сказать, длинный обѣдъ. Живетъ онъ также въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, мебель оборванная, жена и дочери работаютъ на кухнѣ, но два сына, красивые мальчики — ѣхали воспитываться въ Терезіанумъ—аристократичнѣйшее учебное заведеніе въ Вѣнѣ, нѣчто въ родѣ нашего Александровскаго лицея. Такія противорѣчія въ Черногоріи постоянны. Родоничъ — потомокъ тѣхъ Родоничей, которые наслѣдственно исполняли званіе губернаторовъ Черногоріи, когда владыки были еще только духовными особами (до 1851 г.). Красивый собою и очень умный, воспитанный въ сенъ-сирской военной школѣ, Родоничъ совершенный парижанинъ по манерамъ и по воззрѣніямъ; въ его вѣдѣніи находится всѣ болѣе интимныя дѣла. Родоничъ былъ мо-

имъ руководителемъ въ Цетиньѣ и я ему много обязанъ. Съ Пламенацемъ, дядею адъютанта князя, я познакомился у русскаго консула въ Дубровникѣ. Это старый черногорецъ, энергической наружности, нѣсколько странный на видъ въ штатскомъ платьи; въ его завѣдываніи находятся военныя дѣла, т. е. военная организація, потому что войскомъ командуетъ тесть князя, суровый и безстрашный воинъ, Стеванъ Петровичъ Вукотичъ, побѣдитель турокъ при Граховѣ. Во все время моего пребыванія онъ находился на границѣ—вѣроятно, для раздачи пособія «больнымъ и раненымъ». . .

Кромѣ этихъ лицъ, видное мѣсто при дворѣ занимаютъ адъютанты князя: Пламенацъ и Николай Матановичъ, и секретарь сената. Пламенацъ прожилъ три года въ Россіи; повидимому, это чудеснѣйшій и простой малый. Простой—въ буквальномъ смыслѣ, потому что другіе черногорцы отличаются болѣе простотою московскою. Матановичъ и секретарь сената, воспитанные также въ Сенъ-Сирѣ, французы по наружности, читаютъ «Figaro» и «Revue des deux mondes», но не брезгаютъ чеснокомъ, оставаясь въ душѣ черногорцами. Всѣ эти лица образуютъ, конечно, партіи. Говорятъ, что митрополитъ, президентъ сената и Пламенацъ преданы Россіи; Врбица, Родоничъ и прочіе тянутъ болѣе на сторону другихъ державъ. Вѣрнѣе, впрочемъ, что всѣ они пламенные черногорскіе патріоты и только воспитаніе нѣсколько уразнообразило ихъ симпатіи, выражающіяся болѣе во внѣшности.

Таковъ міръ официальный. Былъ и офиціозный: докторъ князя—французъ, профессоръ Богишичъ, которому на конвертахъ пишутъ: Черногорскому Законописцу, редакторы «Гласа Црногорца» Поповичъ и Ненадовичъ, бывшій секретарь князя Сундечичъ. Всѣ они имѣютъ нѣкоторое вліяніе, особенно въ настоящую минуту журналисты. Администрація состоитъ изъ двухъ канцелярій: военной и финансовъ. Хотя онѣ помѣщались отъ меня въ двухъ шагахъ по тому же корридору, но мнѣ не удалось слышать скрипа перьевъ и видѣть ихъ чиновниковъ. Едва ли въ канцеляріяхъ много дѣла, особенно у канцеляріи финансовъ. Въ мое время во всей черногорской казнѣ не было положительно ни копѣйки, и когда одинъ изъ моихъ знакомыхъ пожертвовалъ 100 гульденовъ, то ихъ, кажется, немедленно обратили въ боевые снаряды. Мѣстная администрація состоитъ изъ капетановъ, завѣдывающихъ округами, которыхъ въ Черногоріи восемь. Расправа капетановъ короткая. Лошадь, нанятая для обратной поѣздки моей въ Которъ, была назначена для перевозки снарядовъ. По моему настоянію, лошадь от-

пустили, но снарядами нагрузили жену проводника. Le Nostre donne sono le nostre mule, справедливо говорилъ одинъ изъ подобныхъ проводниковъ извѣстному путешественнику Убичини.

Черногорцамъ нужно удивляться. Со всѣми пособіями, государственный бюджетъ ихъ не превосходитъ 125,000 руб. въ годъ, потому что податей платить никто не хочетъ—въ чемъ же будетъ тогда отличіе свободнаго человѣка отъ подданнаго Турціи? На эти деньги черногорцы, отказывая себѣ патріотически во всемъ, умудряются содержать армію, слишкомъ въ 20,000 человѣкъ, отлично вооруженныхъ, да такую армію, которая стоитъ сорока тысячъ. Понятно, что эта армія, въ Европѣ стоившая бы пять, шесть милліоновъ рублей, внушаетъ во всѣхъ державахъ великое къ Черногоріи уваженіе и желаніе быть пріятнымъ. Россія, стариннѣйшій другъ Черногоріи, платитъ liste-civil, большую часть котораго князь уступаетъ въ государственную казну. Россія же сдѣлала съемку Черногоріи, платитъ за составленіе кодекса и пр.; Австрія проводитъ для черногорцевъ дороги, содержитъ даромъ почту и телеграфъ; Франція уплачиваетъ жалованье секретарю князя, его доктору и т. д. Какъ скромны здѣсь издержки, видно изъ того, что сенаторы, десять лѣтъ учившіеся въ Парижѣ, получали еще недавно по 300 гульденовъ жалованья въ годъ, а теперь имъ дается по 500 гульденовъ, т. е. по 25 руб. въ мѣсяцъ, сумма, за которую въ Петербургѣ трудно нанять кучера. Не нужно, однако, думать по этимъ умѣреннымъ цифрамъ, что черногорцы какіе нибудь дикари. Напротивъ того, въ Черногоріи книги, судя по сохранившимся образчикамъ (требникъ), печатались въ Рѣкѣ еще въ концѣ XV вѣка. Правда, типографскія литеры были перелиты потомъ въ пули противъ турокъ, но граматность въ Черногоріи никогда не прекращалась; архивы черногорскіе въ порядкѣ, а потому объ исторіи черногорской сочиненій очень много; теперь въ Цетиньѣ издается своя газета.

Газета эта называлась «Черногорецъ», потомъ «Черногорка», а теперь уже выходитъ подъ названіемъ «Голоса Черногорца». Такія превращенія обусловливаются законами о печати въ Австріи. Какъ скоро газета тамъ запрещается, она мѣняетъ заглавіе и снова продолжаетъ свое существованіе; такъ какъ главный сбытъ черногорской газеты въ австрійскія владѣнія у тамошнихъ сербовъ, то запрещеніе и разрѣшеніе ея въ Австріи весьма важно для редакціи. Издаетъ газету Сима Поповичъ, очень бойкій публицистъ, основательно знающій нѣмецкій языкъ; ему помогалъ извѣстный сербскій поэтъ Ненадовичъ, игравшій въ

Черногоріи роль негласнаго сербскаго агента. Газета выходитъ разъ въ недѣлю, листомъ малаго формата. Она состоитъ изъ передовой статьи, уничтожающей въ прахъ турокъ, писемъ изъ разныхъ пунктовъ возстанія, взывающихъ о помощи, и множества телеграммъ. Происхожденіе этихъ телеграммъ, разсылаемыхъ потомъ услужливыми корреспондентами по всѣмъ концамъ Европы, для меня осталось нѣсколько загадочнымъ. Каждый день Сима Поповичъ получалъ откуда то (хотя Цетинье ни съ какими пунктами, кромѣ Которъ не соединена проволокою) двѣ депеши; въ каждой изъ нихъ число убыхъ турокъ составляло пропорцію 25:1, относительно убитыхъ сербовъ. Эти депеши, на нѣмецкомъ языкѣ, съ религіознымъ тщаніемъ списывали европейскіе корреспонденты и посылали изъ Цетинье далѣе, получая отъ редакцій по десяти франковъ за штуку; затѣмъ тѣ же телеграммы растягивались въ видѣ корреспонденцій съ приплетеніемъ необходимой mise en scène и глубокомысленныхъ политическихъ соображеній. Я не замѣтилъ, чтобъ черногорцы придавали какое либо значеніе этимъ извѣстіямъ. По всей вѣроятности, они имѣли извѣстія менѣе положительныя и опредѣленныя, но для нихъ болѣе важныя.

Цѣлую недѣлю прождалъ я въ Цетиньѣ извѣстій о рѣшеніи сербской скупштины. Въ случаѣ войны, князь Николай соглашался прикомандировать меня къ своему штабу, но телеграфъ принесъ плохія вѣсти: Сербы еще колебались и оставаться въ Цетиньѣ не было болѣе никакихъ основаній, развѣ для чтенія телеграфныхъ упражненій Симы Поповича. Конечно, можно было заняться осмотромъ пограничныхъ отрядовъ инсургентовъ, но подобное путешествіе, требовавшее новаго «лазанія» по горамъ, на этотъ разъ уже пѣшкомъ, не представляло ничего привлекательнаго, да и мало поучительно, потому что въ войнѣ, гдѣ все основано на засадахъ, гдѣ всѣ военныя дѣйствія ограничиваются мелкими стычками, выстрѣлами изъ-за камней и одиночнымъ единоборствомъ, нельзя составить себѣ никакого общаго понятія, особенно еще не военному человѣку. Приэтомъ подобный образъ жизни лишаетъ корреспондента возможности писать и переписываться съ редакціями. Я видѣлъ, правда, въ газетахъ не мало писемъ, помѣченныхъ «изъ главной квартиры инсургентовъ», «изъ лагеря инсургентовъ» и т. п., но могу увѣрить читателей, что никакой такой главной квартиры не существовало, а всѣ письма писались въ Дубровникѣ, Новомъ, Цетиньѣ, Старой Градишкѣ, Ушицѣ, т. е. въ такихъ мѣстахъ, гдѣ существовали революціонные комитеты и куда стекались различныя извѣстія.

Болѣе всего извѣстій сообщались о дѣйствіяхъ Любобратича, въ отрядѣ котораго было не мало волонтеровъ-публицистовъ, готовыхъ воспѣвать свои подвиги. Въ Цетиньѣ я познакомился съ Гумбайеромъ, подвиги котораго были воспѣты въ длиннѣйшихъ фельетонахъ; въ сущности же все сводилось къ нѣсколькимъ шуткамъ, сказаннымъ этимъ бывшимъ наборщикомъ, весьма скромнымъ на видъ, подъ выстрѣлами.

Турки въ Герцеговинѣ сидѣли по крѣпостямъ (такъ называются развалины старинныхъ укрѣпленій XIV вѣка) и блокгаузамъ, не смѣя высунуть носа. Недостатокъ воды, или другія соображенія заставляли ихъ выходить иногда. Инсургенты, сидя въ горахъ часто безъ воды и крова, питаясь чеснокомъ и хлѣбомъ, подстерегали турокъ; начиналась перестрѣлка, обыкновенно оканчивавшаяся невыгодно для турецкихъ солдатъ, менѣе привыкшихъ лазить по камнямъ. Кромѣ солдатъ, убивали и всѣхъ мусульманъ, т. е. сербовъ, перешедшихъ въ исламъ. Такія стычки подъ перьями составителей реляцій обращались въ сраженія и побѣды. Очевидно, что европейцу тутъ дѣла не было и всѣ волонтеры-бѣлоручки жестоко разочаровались. Въ этомъ смыслѣ инсургенты въ помощи европейцевъ не очень и нуждались; имъ необходимы было оружіе и порохъ, а для этого въ свою очередь деньги. Въ подобной войнѣ, какъ и во всякой другой, слова Монтекукули, что война нуждается въ трехъ вещахъ: въ «деньгахъ, деньгахъ и деньгахъ», также совершенно справедливы. Можно бы написать многое о системѣ организаціи инсургентовъ, о томъ какимъ путемъ собиралась и доставлялась имъ помощь, какъ ихъ обучали, куда дѣвались плѣнные турки и т. п., но всѣ подобныя разоблаченія, конечно, теперь не совсѣмъ удобны и должны быть отложены до времени, когда стремленія сербовъ увѣнчаются полнымъ успѣхомъ.

Наканунѣ отъѣзда г. Богишичъ сообщилъ мнѣ по секрету, что вчера въ засѣданіи сената князь Николай подписалъ грамату о пожалованіи меня кавалеромъ ордена Даніила «за независимость Црнегоре». Я уже собирался сѣсть верхомъ на лошадь, доставленную мнѣ капетаномъ, какъ съ нѣкоторымъ торжествомъ явился сенаторъ Родоничъ и поздравилъ меня отъ имени князя и отъ его же имени пожелалъ добраго пути. При этомъ произошелъ комическій эпизодъ.

Родоничъ засталъ меня чистящимъ фракъ, облитый наканунѣ соусомъ за обѣдомъ однимъ изъ княжескихъ гайдуковъ. Рюмка съ ракіей служила средствомъ для вывода пятенъ. Желая придать большую важность награжденію меня за услуги, какъ было сказано въ граматѣ

(орденъ черногорцы предоставляютъ покупать на собственный счетъ), «Намъ и черногорскому народу», Родоничъ произнесъ:

— Господа надобно выпить за здоровье новаго кавалера! затѣмъ, не подозрѣвая ничего, быстро взялъ рюмку съ вышеозначенной ракіей и залпомъ ее проглотилъ.

Мы съ профессоромъ Богишичемъ успѣли только развести руками. Такъ я сталъ черногорскимъ кавалеромъ.

Рѣшившись покинуть Черногорію, я задумалъ изъ Цетиньи проѣхать въ Бѣлградъ исключительно сербскими землями, чтобъ вездѣ составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное понятіе о впечатлѣніи, производимомъ событіями, совершавшимися въ Босніи и Герцеговинѣ. Для этого мнѣ пришлось сначала вернуться въ Которъ, и затѣмъ, до Ложина ѣхать моремъ прежнимъ путемъ, а за тѣмъ уже, такъ называемымъ, проливомъ Кварнеро, свернуть къ Рѣкѣ. Я не буду повторять своихъ впечатлѣній на обратномъ пути; они служили только дополненіемъ сдѣланныхъ ранѣе наблюденій; я могъ, напримѣръ, лучше разсмотрѣть знаменитыя платаны у Орашаца, поближе ознакомиться въ Задромъ, гдѣ видѣлъ, вечеромъ, на главной улицѣ, все мѣстное общество и осмотрѣлъ прекрасный бульваръ, устроенный вокругъ всего города на бывшихъ крѣпостныхъ укрѣпленіяхъ.

Публика на пароходѣ своимъ составомъ также нѣсколько отличалась отъ той, которая была въ первый переѣздъ. Вмѣсто газетныхъ репортеровъ преобладали вѣнскіе commis-voyageurs, которые хотя и отличаются лучшими манерами, чѣмъ французскіе Illustres Gaudissarts, но, по своему тону и рѣшительности сужденій обо всемъ, не многимъ уступаютъ послѣднимъ. Меня занималъ болѣе какой-то итальянскій кавалеръ, который хотя всего былъ только городскимъ головою городишка Сплѣта, но держалъ себя съ важностью, по крайней мѣрѣ, десяти испанскихъ грандовъ, и одинъ баварскій генералъ, забавнѣйшее существо въ мірѣ. Генералъ старый холостякъ, ѣхалъ съ двумя племяниками и съ молодымъ черногорцемъ, котораго онъ взялъ добровольно въ Цетиньѣ для воспитанія. Такъ какъ это были дѣти, а за табльдотомъ всѣмъ полагалась одинаково по бутылкѣ вина, то вмѣсто одной бутылки генералъ выпивалъ четыре, отчего, послѣ завтрака и послѣ обѣда, пускался въ курьезнѣйшія разсужденія о политикѣ, оканчивавшіяся спорами. Онъ спорилъ отчаянно, крича на четырехъ языкахъ, и готовъ былъ, кажется, разорвать своего оппонента; но такъ какъ всѣ видѣли, что генералъ въ сущности добрѣйшее и благород-

нѣйшее существо, то относились къ нему снисходительно. Даже ночью генералъ не оставался спокойнымъ, будилъ какого нибудь лакея и пускался съ нимъ въ безконечныя пререканія. Во время одного изъ подобныхъ споровъ шапка его слетѣла въ море, ему всѣ предлагали свои запасныя фуражки, но генералъ, въ наказаніе за свою оплошность, рѣшился ходить съ непокрытою головою до Тріеста, и исполнилъ эту эпитемію съ истинно нѣмецкимъ педантизмомъ.

Хотя я уже былъ въ Ложинѣ (Lussino picolo), но такъ какъ дѣло было ночью, то городъ не пришлось видѣть, поэтому Ложинъ представился мнѣ какъ бы въ первый разъ. Это новый, небольшой, но весьма оживленный городокъ вокругъ великолѣпной бухты, закрытой со всѣхъ сторонъ точно озеро. Расположенный на маленькомъ безплодномъ островy, подобный портъ долженъ бы, казалось, погибнуть, между тѣмъ онъ процвѣтаетъ и развивается, обязанный своимъ благосостояніемъ предпріимчивости жителей, скупость которыхъ вошла въ поговорку по всей Адріатикѣ. Дѣятельность ложинцевъ обратилась къ сооруженію большихъ парусныхъ судовъ дальняго плаванія, которыя, несмотря на развитіе и конкуренцію пароваго флота, заработываютъ отличныя деньги. Тоже самое я слышалъ въ Дубровникѣ и другихъ мѣстахъ. Зато мѣстный каботажъ падаетъ, что неудивительно для такой бѣдной страны; какъ Далмація. Австро-венгерскій Ллойдъ, посылая по четыре парохода еженедѣльно вдоль Истріи и Далмаціи, совершенно захватилъ все прибрежное морское движеніе въ свои руки. Съ экономической точки зрѣнія, подобная монополія не убыточна, потому что зачѣмъ имѣть сто мелкихъ судовъ тамъ, гдѣ достаточно четырехъ большихъ хорошо устроенныхъ и благополучно плавающихъ пароходовъ, а зимою, при туманахъ, среди здѣшняго архипелага плаваніе не легко; не помогаетъ тутъ даже отличная карта и очень полная сѣть маяковъ, устроенныхъ теперь австрійскимъ правительствомъ. Въ Ложинѣ я видѣлъ на верфяхъ три или четырехтрехмачтовые барка, готовые къ спуску. Эти суда строятся изъ крѣпкаго дуба, обходятся въ 70 или 80,000 гульденовъ и служатъ, по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе, чѣмъ подобныя же суда, построенныя въ Россіи изъ сыраго сосноваго лѣса.

Отъ Ложина путь идетъ по проливу Кварнеро, гдѣ зимою «бора» дуетъ съ замѣчательною силою. Этотъ береговой вѣтеръ не имѣетъ здѣсь, однако, такихъ гибельныхъ послѣдствій, какъ «бора», дующая на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, такъ какъ не сопровождается морозами, отчего брызги волнъ не обращаютъ судно съ его во-

оруженіемъ въ одну сплошную массу льда. Изъ Задра въ Рѣку ходятъ пароходы двумя путями: одинъ идетъ по берегу Хорватіи на Зенгъ, другой островами; мы пошли послѣднимъ путемъ. Кромѣ Ложина пароходъ по этой линіи заходитъ еще въ Керсо и Малинску. Малинска ничтожный портикъ, который я ночью едва разглядѣлъ, а Керсо большой портъ съ значительнымъ городскимъ населеніемъ. Онъ замѣчателенъ гаванью, вдающеюся ковшемъ въ берегъ, и напоминающею видомъ голландскіе порты. Ничего особеннаго, впрочемъ, въ Керсо не замѣтно, кромѣ чрезвычайнаго изобилія церквей и монастырей. Если сравнить безбѣдное и весьма комфортабельное существованіе здѣшняго монашества съ нищетою окружающаго сербскаго населенія, ищущаго хлѣба далеко отъ родины и постоянно разлученнаго морскою службою съ семействомъ, то невольно не вѣриться, чтобъ въ католическіе монахи шли тутъ ради спасенія души и плотскаго воздержанія.

Рѣка (Fiume)—городъ возлелѣянный теперь мадьярами чуть ли не болѣе, чѣмъ администрація заботилась у насъ въ былое время объ Одессѣ. Мадьяры близко приняли къ сердцу слова Кошута, что Венгрія задыхается, окруженная со всѣхъ сторонъ австрійскими землями и не имѣя выхода къ морю, поэтому выпросили себѣ Фіуме и всячески хлопочутъ о привлеченіи торговли къ морскому берегу Хорватіи, расширенному еще уничтоженіемъ Военной Границы. Парламентъ въ Буда-Пештѣ не пожалѣлъ денегъ, чтобъ сдѣлать изъ Рѣки соперника Тріесту: устроилась громадная закрытая гавань въ 13 милл. гульд., открыта морская академія, проведены желѣзныя дороги, соединяющія Рѣку, съ одной стороны, съ Любляною, Горицею и Вѣною, съ другой,—съ Загребомъ, Буда-Пештомъ и богатою долиною р. Савы. Всѣ эти старанія принесли пока немного пользы. Портъ оканчивается, набережныя великолѣпны, всюду проведенъ газъ, улицы, по возможности, урегулированы, хорошо вымощены, но торговля города не только не развивается, а даже, въ 1874—1875 гг., значительно упала, сравнительно съ прежнимъ. Австрійская внѣшняя торговля вообще развивается болѣе по направленію къ германской сухопутной границѣ, чѣмъ къ морю, и попытка привлечь ее въ собственные порты остается безъ успѣха. Виною, конечно, первоначальное ошибочное начертаніе сѣти желѣзныхъ дорогъ. Рѣка имѣетъ еще неудобства въ дующихъ осенью, когда главный вывозъ хлѣба, жестокихъ «борахъ».

Пароходъ «Vorwärts»; на которомъ я шелъ изъ Котора, притянулся къ набережной Рѣки уже въ полночь. Поѣздъ желѣзной дороги въ

Загребъ отходилъ въ пять часовъ утра и для обозрѣнія транслейтанской Одессы оставалось не много времени; я и провелъ его частью въ кафе, частью въ прогулкахъ по городу. Рѣка—городъ очень древній. На одной изъ улицъ можно видѣть сохранившуюся римскую арку; затѣмъ, старый городъ, т. е. городъ, существовавшій до обращенія на Рѣку благосклоннаго вниманія мадьярскаго правительства, расположенъ на скатѣ горы; улицы узкія и кривыя; новый муниципалетэтъ вычистилъ ихъ, однако, и освѣтилъ газомъ. Къ этой кучѣ домовъ, красивой издали, безобразной вблизи, пристроили новый городъ, занимающій узкое и длинное пространство между старымъ городомъ и гаванью. Мѣстность тутъ совершенно ровная, тротуары широкіе, дома многоэтажные. Новый городъ кажется клочкомъ, выхваченнымъ изъ какой либо столицы, съ тою лишь разницею, что ночью онъ мертвъ и пустыненъ, какъ и другія части города. Хотя Рѣка городъ вполнѣ славянскій, а правительство мадьярское, но нѣсколько буржуа-ренегатовъ захватили, повидимому, власть въ думѣ и стараются объитальянить городъ хотя наружно, потому набережная называется Lido, главная улица Corso и т. д. Такіе порядки должны бы, кажется, успокоить тѣхъ итальяноманов (italianissimi), которые составляютъ главную оппозицію присоединенія Далмаціи къ Хорватіи и Славоніи, чего тщетно добиваются до сихъ поръ сербскіе патріоты.

На станціи желѣзной дороги вступаешь уже въ другой міръ —мадьярскій. Повсюду сидятъ какія-то цыганскія физіономіи, черныя, сухія и подвижныя. Видно, что концессіи даются въ Буда-Пештѣ; тамъ же члены правленій назначаютъ на мѣста ихъ родственниковъ, родственники своихъ родственниковъ и такъ далѣе, повсюду втирая мадьяръ и оставляя за славянами обязанности подметать путь, звонить въ колокольчикъ и таскать сундуки. Всѣ надписи и объявленія сдѣланы помадьярски и поитальянски. Подобное вторженіе мадьярскаго языка въ славянской землѣ и незаконно, и просто безсмысленно.

Незаконно потому, что Хорватія принадлежала коронѣ св. Стефана вовсе не по праву завоеванія, а по добровольному избранію одной и той же династіи, притомъ на извѣстныхъ для послѣдней условіяхъ. Тѣснѣйшее подчиненіе сербскихъ земель началось только послѣ 1849 года, когда сербы спасли Австрію отъ мадьяръ и такъ напугали этимъ вѣнское правительство, что оно ничего не нашло политичнѣе, какъ отдать сербовъ въ руки тѣхъ же мадьяръ. Съ 1867 года положеніе еще ухудшилось и только соглашеніемъ 1874 года сдѣланы кое-какія уступ-

ки славянамъ, весьма недостаточныя. Историческое право, впрочемъ, было бы еще не такъ важно, еслибъ распространеніе мадьярскаго языка могло принести хотя какую нибудь пользу славянамъ. Знакомясь съ нѣмецкимъ и итальянскимъ языками, славяне всетаки получали возможность черпать ближе изъ источника цивилизаціи, быть можетъ, имъ по духу и не подходящей, но, во всякомъ случаѣ, старой и богатой. Но что могутъ почерпнуть славяне изъ цивилизаціи мадьярской и какое просвѣтительное значеніе можетъ имѣть послѣдняя? Самое изученіе мадьярскаго языка для славянъ крайне затруднительно. И романскіе, и германскіе языки имѣютъ довольно много сроднаго съ языкомъ славянскимъ — корень ихъ одинаковъ и грамматика построена на тѣхъ же началахъ; это только части одного и того же главнаго организма. Но языкъ мадьярскій не сходенъ въ Европѣ ни съ однимъ языкомъ, кромѣ языка кочевыхъ вогуловъ Пермской губерніи. Чтобы судить, каковъ это языкъ, я приведу образчики, взятые случайно изъ надписей въ каждомъ купе вагона, Напримѣръ, правленіе называется по мадьярски: Az Igazgatosàg, правила: üzletszabalyzatbol. Да, такія слова даже скверно выговорить славянскому языку, а это еще не трудныя; есть много и почище этого. Самое курьезное, что сами образованные мадьяры не имѣли еще недавно понятія о своемъ языкѣ, объяснясь полатынѣ и понѣмецки. Когда зашла рѣчь о необходимости поощрить, наконецъ, свой языкъ, старые магнаты обратились за его изученіемъ къ своимъ горничнымъ и кухаркамъ! Это фактъ. Я, впрочемъ, ничего не имѣю противъ обработки мадьярскаго языка; полагаю только, что мѣсто его на равнинѣ Дуная, а не тамъ, гдѣ угодно сидѣть мадьярскимъ чиновникамъ.

Королевско-венгерская желѣзная дорога, ведущая изъ Рѣки въ Горный Карловацъ, построена недавно, поэтому по ней возятъ довольно тихо; отъ такой медленности движенія поѣзда, путешественникъ только выигрываетъ, проѣзжая весьма живописными мѣстностями, почти вовсе неизвѣстными европейскимъ туристамъ, вращающимся въ заколдованномъ кругѣ традиціонныхъ маршрутовъ. Въ особенности прелестны окрестности Рѣки, гдѣ рельсовый путь долго не покидаетъ морскаго берега и, поднимаясь все выше и выше, открываетъ съ правой стороны великолѣпный на видъ Кварнеро, на берега Истріи и Хорватіи, и на ближайшіе острова. Сейчасъ же въ городѣ поѣздъ вступаетъ въ тоннель, по выходѣ изъ котораго пересѣкаетъ, по высокимъ насыпямъ и віадукамъ, нѣсколько долинъ. Долины эти, послѣ безжизненныхъ горъ Дал-

маціи и Черногоріи, кажутся особенно прелестными. Вездѣ много зелени и архитектура домовъ уже не итальянская, а скорѣе нѣмецкая. Скаты горъ покрыты виноградниками, среди деревъ стройно возвышаются вѣчно зеленые кипарисы, а на верхушкахъ утесовъ пріютились феодальные замки.

Такой видъ тянется до станціи Буккари; затѣмъ, отъ Буккари до Фичуле идетъ опять сѣрый, совершенно безжизненный хребетъ, отростокъ, такъ называемой, Большой Капеллы; тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ вступаешь снова въ царство зелени. Пейзажъ напоминаетъ виды Штиріи: высокія горы покрыты густымъ лѣсомъ по большей части хвойнымъ, дома построены совсѣмъ уже на нѣмецкій ладъ, мѣстность довольно пустынна, но тѣ немногіе образчики людей, которыхъ встрѣчаешь, замѣчательны—это рослые и красивые хорваты, тѣ «кроаты», одно имя которыхъ наводило ужасъ на Берлинъ и на берега Рейна во время войнъ: семилѣтней и революціонныхъ. Даже большая станція Моравице, гдѣ путешественники обѣдаютъ, стоитъ совершенно одиноко въ лѣсу.

Ближе къ Горному Карловацу (Karlstadt), характеръ мѣстности снова мѣняется. Горы понижаются и замѣняются холмами, лѣса — обработанными полями, направо и налѣво множество огородовъ съ подсолнечникомъ и тыквою. Постройки очень напоминаютъ Малороссію. Карловацъ еще недавно былъ центромъ управленія западной части Военной Границы, той оригинальной земли, неудачная копія съ которой создала у насъ печальной памяти военныя поселенія. Кто видалъ наши Вознесенскъ, Чугуевъ и другіе центральные пункты бывшихъ военныхъ поселеній, можетъ составить себѣ легко понятіе о Горномъ Карловацѣ: городъ на плоскости, тѣ же небольшіе бѣлые дома въ струнку, по краямъ города огороды, скука страшная.

Военной Границы болѣе не существуетъ и Карловацъ, нѣкогда, подъ палкою капрала, политически мертвый, очнулся и, по весьма естественной реакціи,—зашумѣлъ. Это теперь самый радикальный городъ въ Хорватіи. Здѣсь-то былъ выбранъ въ депутаты загребскаго сейма адвокатъ Маканецъ, о которомъ столько кричали, лѣтомъ 1875 года австрійскія газеты. Онъ вынужденъ былъ сложить съ себя полномочіе и въ мой проѣздъ баллотировался въ другомъ городѣ. О значеніи его партіи я поговорю еще.

На дебаркадерѣ Карловаца было сильное одушевленіе; толпа стояла громадная. Оказалось, что только что былъ произведенъ рекрутскій

наборъ и родственники провожали партію новобранцевъ. Рекруты, народъ молодой и бравый, имѣли лица красныя, но болѣе пива на губахъ и усахъ, чѣмъ слезъ на глазахъ. У всѣхъ на шапочкахъ кокетливо красовались пришпиленныя бумажныя кокарды. Эти кокарды даютъ на память возлюбленныя. Такъ какъ у всякаго новобранца было на шапкѣ пять, шесть, а иногда и болѣе кокардъ, между тѣмъ статистика доказываетъ, что число молодыхъ женщинъ и молодыхъ мужчинъ приблизительно одинаковое, то невольно представляется такое сомнѣніе: или карловацкая молодежь любитъ хвастаться своими побѣдами, или же карловацкія дамы и дѣвицы любятъ сразу по нѣсколько молодыхъ людей?

Съ громкимъ крикомъ ура! всей этой массы chair à canons, заглушившимъ свистъ локомотива, тронулись мы со станціи и въ тѣхъ же вагонахъ, хотя путь принадлежалъ уже обществу Южной дороги, по мѣстности совершенно гладкой и ровно ничѣмъ не замѣчательной, прибыли въ Загребъ—столицу австрійской Сербіи.

VI.

Загребъ (Аграмъ). — Хорваты и австрійская администрація. — Хорватская аристократія.—Достопримѣчательности Загреба.—Поѣздка въ Загорье и Хорватская Швейцарія.

Подъѣзжаешь къ Загребу (Agram) по совершенно степной равнинѣ. Это пятая перемѣна декорацій со времени выѣзда изъ Рѣки; таково разнообразіе Хорватіи, которая, право, могла бы сдѣлаться земнымъ раемъ, еслибы не было австрійцевъ. «Естественное, и можно сказать, инстиктивное отвращеніе къ Австріи», говоритъ Гильфердингъ, «ощущается почти всѣми». Это чувство вытекаетъ изъ сознаніи безнравственности того явленія, что государство, лишенное всякой органической стихіи, завладѣло нѣсколькими народами, богато одаренными природою, и, чтобъ сдѣлать изъ нихъ послушныхъ подданныхъ, отняло у у нихъ всякую свободу развитія. Ложное политическое начало, на которомъ основано существованіе Австріи, не можетъ, хотя бы благоразуміе, повидимому, того и требовало, допустить въ своихъ предѣлахъ свободную дѣятельность какой бы ни было народности. Она не можетъ допустить этого, безъ самоотреченія, потому что представляетъ государство, существующее только въ силу отрицанія всякой народной стихіи въ своихъ подданныхъ.

На сколько это вѣрно, видно изъ того, что когда послѣ разгрома 1866 года, Австрія была вынуждена хотя отчасти отречься отъ своихъ вѣковыхъ государственныхъ основъ и помириться хотя съ одною изъ подвластныхъ ей народностей, т. е. допустить свободное развитіе мадьярскаго племени, то она была въ состояніи это сдѣлать лишь новымъ

еще худшимъ закрѣпощеніемъ всѣхъ остальныхъ народностей и, въ особенности, славянскихъ. Вмѣсто растлѣвающаго вліянія народности нѣмецкой—потому что австріецъ, съ его полнѣйшимъ отсутствіемъ умственной дѣятельности и грубѣйшимъ матеріализмомъ, вовсе не похожъ на своихъ сѣверныхъ и западныхъ нѣмецкихъ братій—огромная масса славянъ была насильно подчинена уже вовсе чуждому и даже противному ей по духу вліянію мадьярскому. Конечно, рождается естественный вопросъ: какимъ образомъ горсть мадьяръ или нѣмцевъ можетъ имѣть такое роковое значеніе для плотной массы славянскаго населенія?—но не слѣдуетъ забывать грустной исторіи послѣдняго.

Чувство народности имѣетъ у австрійскихъ славянъ огромную жизненную силу, потому что оно коренится въ умахъ народа; но оно также имѣетъ и свою слабую сторону, бывшую неизбѣжною причиною разочарованія, которое испытывали славянскіе патріоты всегда, когда событія требовали отъ нихъ практическихъ рѣшеній, вмѣсто теоретическихъ умствованій. Эта слабая сторона заключается въ томъ, что образованный и особенно высшій классъ западныхъ славянъ забылъ большею частью органическія начала своего племени и принадлежитъ по своимъ идеямъ и своимъ общественнымъ идеаламъ германскому и латинскому міру. Это забвеніе общихъ племенныхъ началъ и служитъ главною причиною разъединенія и безсилія славянъ. Нигдѣ не проявляется оно съ такою силою какъ въ Хорватіи, которая составляя, въ сущности, только частицу сербской земли, вліяніемъ иноземныхъ началъ обособилась въ совершенно исключительное государство. Это обособленіе совершилось подъ вліяніемъ хорватской аристократіи.

Хорватія страна аристократическая. Высшій классъ ея хотя сочувствуетъ теперь славянской идеѣ, но сочувствіе это выражаетъ по своему. Такъ, одинъ графъ думалъ-было даже пойти въ Герцеговину къ повстанцамъ, но подъ однимъ условіемъ, чтобы банда состояла исключительно изъ графовъ и бароновъ! Аристократическія фамиліи по большей части получили свои титулы отъ венгерскаго правительства, поэтому хорватская аристократія слилась по духу съ мадьярскою; ихъ соединяютъ и многочисленныя семейныя связи, и совершенно одинаковый образъ жизни. Презирая гражданскую службу, хорватскіе аристократы если не служатъ въ военной службѣ, то остаются въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ всю жизнь проводятъ на охотѣ. Въ особенности любима тутъ охота на волковъ съ собаками, въ горахъ. Послѣ охоты вторая страсть, также разорительная, къ лошадямъ; каждый помѣщикъ

должень быть спортсменомъ. Теперь венгерское правительство крайне раздражило здѣшнихъ помѣщиковъ, обложивъ высокими налогами всѣ принадлежности охоты. Пока дѣло шло объ обложеніи труда крестьянъ, благородные графы и бароны оставались довольно равнодушными, хотя было о чемъ подумать, такъ какъ въ Австро-Венгріи налоги не только относительно, но даже абсолютно выше, чѣмъ во Франціи, несмотря на уплаченные послѣднею милліарды; но какъ дѣло дошло до охотничьихъ ружей, помѣщики зашевелились и политика сдѣлалась вещью модною. Пословица «не бей кнутомъ—бей рублемъ» нашла себѣ тогда широкое примѣненіе.

Въ странѣ, какъ Россія, гдѣ понятія объ аристократіи (разумѣется, въ западно-европейскомъ, т. е. феодальномъ смыслѣ) не существуетъ, нельзя себѣ дать яснаго отчета о воззрѣніяхъ, которыя господствуютъ въ средѣ хорватскихъ баръ. Я слышалъ, напримѣръ, много похвалъ прежнему бану, барону Рауху, ничтожнѣйшему въ политическомъ отношеніи человѣку, но очень богатому представителю здѣшней аристократіи. Онъ ровно ничего не дѣлалъ, за то давалъ балы и обѣды, чѣмъ и оставилъ по себѣ хорошее воспоминаніе. Наоборотъ, о нынѣшнемъ бана Мажураничѣ аристократы не говорятъ иначе, какъ съ презрѣніемъ, хотя Мажураничъ—извѣстный сербскій писатель и очень хорошій администраторъ, любящій только нѣсколько черезчуръ переписку, а потому по цѣлымъ днямъ заваленный работою. Аристократія всегда чувствуетъ отвращеніе къ приказному элементу, а тутъ, какъ нарочно, нынѣшній банъ женился на дочери адвоката—званіе также весьма неуважаемое въ мадьярскомъ высшемъ обществѣ. Въ результатѣ выходитъ то, что Мажураничъ живетъ въ Загребѣ уединенно точно въ карантинѣ.

Аристократія въ Хорватіи дѣлится на двѣ партіи — мадьярскую и національную, но въ другихъ сословіяхъ національные интересы преобладаютъ и затираютъ значеніе другихъ партій. Пока, однако, хорваты борются съ мадьярами за свое самоуправленіе, тайный врагъ, германизація, невидимо побѣждаетъ тѣхъ и другихъ. Мнѣ говорили въ Загребѣ люди знающіе, что успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время въ Хорватіи германизаціею, громадны, и это весьма понятно. Хотя прежде германизація навязывалась деспотизмомъ правительства, но послѣднее было безсильно противъ инерціи массы, которая никакого языка не знала, кромѣ сербскаго, и жила уединенно въ своихъ селеніяхъ, ничѣмъ не интересуясь. Въ настоящее время, при развитіи быстрыхъ спо-

собовъ сообщенія, при разлитіи образованія во всѣхъ слояхъ общества, дѣло германизаціи идетъ во сто разъ быстрѣе. Образованный человѣкъ не можетъ довольствоваться календарями, молитвенниками и мелкими провинціальными газетами на мѣстномъ языкѣ, ему нужно что либо посущественнѣе, а тутъ и представляется готовая пища въ богатой нѣмецкой литературѣ. Привычка къ чтенію рождаетъ и привычку къ разговору на томъ же языкѣ. Поэтому два образованные серба или хорвата, поболтавъ десять минутъ на своемъ нарѣчіи, невольно затѣмъ по часамъ упражняются въ нѣмецкомъ языкѣ. Все это очень прискорбно, но жалобы не помогутъ, а нужны мѣры радикальныя. Единственно же существенная изъ подобныхъ мѣръ — возможно быстрое объединеніе всѣхъ сербовъ въ одно политическое и литературное цѣлое.

Съ этой точки зрѣнія, конечно, всѣ хорватскіе патріоты сочувствовали дѣлу герцеговинскаго возстанія и оказывали ему всякое содѣйствіе сборомъ денегъ и посылкою оружія. Къ сожалѣнію, венгерскія власти смотрѣли нѣсколько построже австрійскихъ властей въ Далмаціи и конфисковали значительную часть посылаемаго повстанцамъ оружія. «Едва, едва, говорилъ мнѣ одинъ членъ вспомогательнаго комитета, доходитъ половина». Но патріоты не унываютъ. «Мы надѣемся только на свои силы; слышалъ я въ Загребѣ, потому что въ мечту нашихъ отцовъ, будто русскіе придутъ и спасутъ насъ, не вѣрятъ теперь даже гимназисты». Освобожденіе Босніи и Герцеговины имѣло бы рѣшительное вліяніе на юго-славянскій вопросъ. Это освобожденіе, рано или поздно неизбѣжное, какъ все исторически логическое и справедливое, получитъ для Австро-Венгріи еще болѣе роковое значеніе, чѣмъ для Турціи. Дѣйствительно, образованіе новаго самостоятельнаго сербскаго государства, рядомъ съ существующими, неминуемо повлечетъ сближеніе ихъ между собою въ болѣе тѣсный союзъ. Разъ же сербы въ Австро-Венгріи почувствуютъ необходимость создать одно государство, вся искусственная система дуализма, основанная на раздѣленіи славянъ на двѣ части и подчиненіи ихъ въ одной половинѣ имперіи нѣмцамъ, а въ другой — мадьярамъ, рушится сама собою. Если сербамъ удастся въ свою пользу нарушить основанія этой системы, то ничто уже не помѣшаетъ сдѣлать тоже самое чехамъ, словакамъ и другимъ западнымъ славянамъ, а тогда Австрія обратится невольно въ федерацію, гдѣ славяне, составляя болѣе половины всего населенія и пользуясь равными правами, поневолѣ получатъ перевѣсъ. Съ момента образованія такой федераціи, Австро-Венгрія перестанетъ существовать, и замѣнится Ду-

*

найскимъ Союзомъ, гдѣ, среди массы славянъ, останутся только оазисы, неселенные нѣмцами, мадьярами и румынами.

Когда это осуществится, Загребъ будетъ столицею сербской земли, пока же онъ городъ безъ типическаго отпечатка. Впрочемъ, видъ на Загребъ недуренъ, хотя не представляетъ ничего особеннаго: бѣлый городъ уступами на скатѣ горы, нѣсколько католическихъ колоколенъ, сзади цѣпь лѣсистыхъ холмовъ; картина была бы живописнѣе, еслибы не развертывалась такъ широко передъ зрителемъ, а то смотришь точно на панораму, и однообразіе въ очертаніи горъ невольно утомляетъ зрѣніе. Дебакардеръ желѣзной дороги, довольно скромный на видъ, находится на краю города, и чтобы доѣхать до центра, нужно проколесить порядочно. Трудно сказать, однако, гдѣ именно центръ города въ Загребѣ. На скатѣ горы находится старый городъ; тутъ живетъ аристократія, помѣщается администрація; внизу болѣе жизни, но постройки какъ-то похуже; современные города любятъ длинныя улицы, широкія площади и скверы, поэтому вездѣ совершается переходъ съ горъ на равнины; Загребъ также расширяется по направленію къ послѣдней. У подножья горы проложена главная улица, пересѣкающая площадь бана Елашича, которая играетъ роль мадридской Puerto del Sol, обращаясь, къ сожалѣнію, по утрамъ въ довольно безобразный рынокъ. На этой площади находятся главныя кафе, куда не брезгаютъ, послѣ обѣда, заходить даже аристократки, банки, лучшіе магазины. По срединѣ площади поставлена, въ 1858 году, колоссальная конная статуя бана Елашича, очень недурно сдѣланная. Елашичъ саблею указываетъ на Вѣну, какъ будто говоря своимъ хорватамъ: «Вотъ гдѣ вашъ главный врагъ». Заслуживалъ ли Елашичъ такого монумента — вопросъ весьма спорный.

Извѣстно, что поведеніе бана служило въ 1849 году предметомъ живой полемики. Либералы и друзья мадьяръ находили поведеніе Елашича, призвавшаго всѣхъ сербовъ на помощь распадавшейся Австріи, позорнымъ; славянскіе патріоты защищали Елашича, указывая на то, что славянамъ, при торжествѣ мадьяръ, грозили худшія, быть можетъ, бѣдствія, чѣмъ при господствѣ австрійцевъ. Патріоты сознаютъ, однако, что сербы были жестоко одурачены и за свое содѣйствіе, стоившее имъ потоковъ крови и разоренія всей страны, поплатились уничтоженіемъ мѣстной автономіи и областныхъ правъ. Хорватія, потерявшая 80,000 человѣкъ въ битвахъ за Габсбурскую династію, получила въ награду уничтоженіе своихъ восьмивѣковыхъ привилегій, введеніе нѣ-

мецкаго языка въ администрацію, судопроизводство и школы и, наконецъ, удесятеренные налоги. «Сербы, оказавшіе правительству столь важную услугу въ 1849 году, были обмануты», говоритъ Гильфердингъ, «съ безстыдствомъ, которому трудно найдти примѣръ въ исторіи». Совершенно вѣрно, и мадьяры справедливо смѣялись, что «сербамъ пожаловали, какъ благодѣяніе и въ награду за преданность, тѣ же *милости*, что мадьярамъ за мятежъ», а всетаки рѣшить споръ нельзя безусловно въ ту или другую сторону. Съ 1867 года Хорватія попробовала снова мадьярской свободы и, не смотря на уступки, сдѣланныя въ 1874 году, не слишкомъ очарована новымъ порядкомъ вещей.

На главной улицѣ и по улицамъ, идущимъ отъ нея перпендикулярно вверхъ въ старый городъ, множество магазиновъ. Всѣ вывѣски ихъ написаны, хотя латинскими буквами, но посербски. Нѣкоторый пуризмъ господствуетъ и здѣсь, выражаясь въ изгнаніи иностранныхъ словъ и въ замѣнѣ ихъ собственными, нарочно сфабрикованными; парихмахерская называется, напримѣръ, «чесальница», библіотека «читалище». Иныя надписи заинтересовали меня. Я прочелъ, напримѣръ, такую надпись: «женскій заводъ»; потомъ мнѣ объяснили, что такая мануфактура не болѣе какъ пансіонъ для дѣвицъ. Давшая мнѣ это объясненіе, весьма остроумная хорватка, своимъ блестящимъ образованіемъ дѣлавшая величайшую честь загребскимъ «женскимъ заводамъ», прибавила, что такъ какъ хорватскій лексиконъ юго-славянская академія издала только до буквы F, то каждому предоставляется пока право сочинять новыя слова по своему вкусу *).

Говорятъ хорваты тѣмъ же сербскимъ языкомъ, что и остальные сербы въ Турціи и Австріи; мѣстныя отличія весьма незначительны. Австрійскіе чиновники не признаютъ, впрочемъ, этого и стараются выдѣлить хорватовъ въ особую народность. Въ этомъ случаѣ систематическое преслѣдованіе идеи разъединенія незамѣтно проникаетъ въ разные слои общества. На пароходѣ былъ у насъ очень милый и относительно образованный капитанъ; я спросилъ его говоритъ ли онъ посербски?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

---

*) Моя чичероне недавно умерла и оригинально завѣщала довольно значительное наслѣдство исключительно на свои похороны. Такимъ образомъ загребъ былъ три дня въ трaурѣ.

— Какъ же, замѣтилъ я ему, вы родились въ Сплѣтѣ и не знаете вашего роднаго языка.

— Т. е. вы хотите сказать — пославянски, перебилъ онъ меня, подалматински я понимаю.

— Да въ чемъ же разница въ этихъ языкахъ?

— А вотъ, видите, тамъ, гдѣ сербы говорятъ *ѣ*, мы ставимъ *и*, Сплѣтъ по нашему будетъ Сплитъ.

— Да помилуйте, сказалъ я ему, если для установленія новаго языка брать въ разсчетъ настоящее произношеніе одной гласной, то въ Россіи, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ языковъ, потому что въ каждомъ уѣздѣ говоръ нѣсколько различенъ.

Какъ ни странны подобныя раздѣленія, ихъ усиливаютъ еще всячески, чисто искусственно. Сербы, напримѣръ, какъ народъ не особенно многочисленный, съ трудомъ могли создать свою литературу. Теперь это дѣло еще болѣе затруднено. Австрійское правительство, отрицая, что алфавитъ составляетъ такую же принадлежность народа, какъ его языкъ, насильно вытѣснило изъ народныхъ школъ кирилицу и замѣнило ее латыницею; такимъ образомъ, турецкіе и вообще православные сербы не читаютъ книгъ и журналовъ, издающихся у католическихъ сербовъ, и наоборотъ. Перемѣна буквъ, въ сущности кажущаяся ничтожною, раздвоила сербскую литературу, и безъ того небогатую силами, и задержала умственное развитіе всего народа. Всего грустнѣе, что введеніе латинскаго алфавита было дѣломъ двухъ славянъ, весьма ученыхъ и оказавшихъ услуги наукѣ, Копитара и Вука-Караджича. Къ сожалѣнію, первый былъ тайнымъ австрійскимъ политическимъ агентомъ, а послѣдній — тайнымъ іезуитомъ. Ихъ вредной дѣятельности по части раскола въ сербской литературѣ значительно помогъ потомъ докторъ Гай, публицистъ весьма талантливый, но также одно изъ вреднѣйшихъ орудій австрійской политики. Гай стремился создать особую «иллирійскую литературу» и «иллирійскій языкъ» исключительно для католическихъ сербовъ. Онъ образовалъ для того въ Загребѣ, цѣлую литературную школу, гремѣвшую въ сороковыхъ годахъ, но не достигъ цѣли, потому что не въ силахъ былъ навязать испорченное нарѣчіе маленькой области всему народу; во всякомъ случаѣ, его трудами расколъ только усилился.

Здѣшнія газеты печатаются латинскими буквами. Всѣ онѣ національнаго оттѣнка, только «Primorac», издающійся въ Фіуме, радикальный и служитъ органомъ депутата Маканца. Газеты эти, конечно,

не могутъ сравниться съ большими европейскими журналами, но печать относительно свободна, хотя процессы, конфискація нумеровъ и т. п. не рѣдки. Главный хорватскій органъ «Obzor», издающійся въ Загребѣ, уже нѣсколько разъ мѣнялъ свое имя, вслѣдствіе запрещенія, превращаясь изъ «Pozor» въ «Nadzor», изъ «Nadzor» въ «Obzor» Всѣ эти превращенія тѣмъ удобнѣе, что затрата капитала на здѣшнія газеты весьма незначительна. Журналистъ смотритъ на свое ремесло, какъ на путь къ депутатству, а затѣмъ ко всякимъ почестямъ и подрядамъ, потому въ эту, такъ сказать, переходную для него эпоху, не жалѣетъ силъ и труда, работая часовъ по четырнадцати въ сутки. Очень часто редакторъ пишетъ самъ статьи, набираетъ ихъ, корректируетъ, даже живетъ въ одной комнатѣ съ типографскимъ станкомъ.

Газеты, какъ я сказалъ, преимущественно національнаго оттѣнка, т. е. ихъ задача добиться полной автономіи сербскихъ земель и соединенія ихъ между собою; соціальные вопросы они ставятъ на второй планъ, а для борьбы съ мадьярскою централизаціею готовы пользоваться содѣйствіемъ аристократіи и католическаго духовенства. Но въ настоящее время образуется уже партія радикальная, которая соотвѣтствуетъ отчасти партіи, такъ называемыхъ, младо-чеховъ. Преслѣдуя, въ сущности, ту же, задачу, она находитъ, что политика не должна отстранять на второй планъ интересы общественные, и что союзъ свободы съ феодальными и клерикальными элементами не можетъ повести въ будущемъ ни къ чему хорошему, потому что одно ярмо для народа замѣнитъ другимъ. Радикаловъ въ Хорватіи еще очень мало, и на нихъ даже молодежь смотритъ, какъ на людей экзальтированныхъ. Теоретически радикалы, быть можетъ, и правы, но конечно, національная партія практичнѣе, такъ какъ, гоняясь за идеаломъ, можно прозѣвать существенное, т. е. стать изъ серба нѣмцемъ прежде, чѣмъ удастся сдѣлаться радикаломъ.

Гейне замѣтилъ, что сладко спится только въ нѣмецкой постели. Истину эту я постигъ на себѣ, когда пріятно, послѣ черногорскихъ военныхъ тюфяковъ, пароходныхъ коекъ и дивановъ въ вагонѣ, отдохнулъ на пуховикахъ нѣмецкой гостинницы Zum Kaïser von Oesterreich—лучшей въ Загребѣ. Освѣжившись, я принялся за визиты. Къ сожалѣнію, я попалъ весьма неудачно: изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ я имѣлъ письма, графъ Войновичъ, професоръ университета, находился въ Дубровникѣ, а адвокатъ Мразовичъ—извѣстный депутатъ и предводитель сербской партіи въ венгерскомъ сеймѣ, уѣхалъ въ Вѣну для

участія въ засѣданіяхъ делегацій. Моими руководителями остались сынъ Мразовича, молодой адвокатъ, дѣятельный членъ загребскаго вспомогательнаго для инсургентовъ комитета, гдѣ отецъ его состоитъ предсѣдателемъ, и докторъ Пиларъ, молодой палеонтологъ, состоящій при юго-славянской академіи, для завѣдыванія отдѣломъ геологіи. Они много гуляли со мною по пыльнымъ шоссе, замѣняющимъ въ Загребѣ мостовую, и показали достопримѣчательности города, очень дорогаго южнымъ славянамъ, для которыхъ Загребъ служитъ умственнымъ центромъ, но мало интереснаго для иностранцевъ.

Я осмотрѣлъ соборъ—большое зданіе, окруженное стѣною, не особенно изящное внутри; послушалъ тамъ проповѣдь и подивился искусству католическихъ священниковъ. Церковь была полна простымъ народомъ (дѣло происходило въ воскресенье); патеръ читалъ латинскія фразы бѣгло и шепотомъ, а молитвы по сербски громко и отчетливо; слушая издали, можно было подумать, что все служеніе происходитъ на народномъ языкѣ. Совсѣмъ въ другомъ родѣ происходила служба въ церкви св. Марка, гдѣ я прослушалъ, такъ называемую «messe pour les riches» для аристократическихъ барынь, встающихъ въ полдень. Около св. Марка, на площади, находится домъ бана или хорватскаго генералъ-губернатора, весьма неказистый. Мажураничъ занимаетъ его только половину. Вокругъ всѣ дома принадлежатъ мѣстной аристократіи—это старинныя постройки, не особенно изящныя съ виду, но гдѣ поколѣнія образованныхъ людей скопили значительныя артистическія богатства. Хорватская аристократія не устраиваетъ еще въ своихъ родовыхъ паллацо складовъ швейныхъ машинъ и винныхъ погребовъ, и не строитъ, вмѣсто того, для жизни домиковъ во вкусѣ рококо съ меблировкою, которой позавидовала бы какая нибудь парижская камелія.

Отъ дома бана на горѣ въ двухъ шагахъ, такъ называемое «Штросмайерово шаталище», т. е. бульваръ или терасса, гдѣ находится университетъ, устроенный недавно въ Загребѣ, и открывается, особенно по вечерамъ, восхитительный видъ на новый городъ, лежащій у подножія, на Саву и широкую степь Военной Границы. «Шаталище» названо въ честь нынѣшняго епископа Діаковара, соединившаго удивительнымъ образомъ репутацію горячаго сербскаго патріота съ извѣстностью либеральнаго католическаго прелата. Штросмайеръ, конечно самый популярный человѣкъ въ Загребѣ. Для очистки совѣсти я осмотрѣлъ еще домъ Елашича, новую еврейскую синагогу—все въ томъ же

мавританскомъ стилѣ, который евреями никогда не употреблялся, и наконецъ превосходный паркъ, разбитый на всемъ противуположномъ Савѣ, скатѣ горы, на которой стоитъ Загребъ. Идея устроить тутъ паркъ весьма разумна, паркъ, свѣжій и тѣнистый, постоянно полонъ народомъ.

Болѣе меня заинтересовали музеи: юго-славянской академіи и естественно-историческій. Какъ всѣ провинціальныя собранія, они нѣсколько ограблены для столичныхъ музеевъ, но всетаки заключаютъ много любопытнаго, хотя, признаюсь, я ждалъ бо̀льшаго. Отдѣлы музеевъ разнообразны; тутъ есть и египетскія древности, и русскія монеты, и американскія птицы, но неполныя собранія эти поучительны собственно для жителей Загреба. Общій интересъ имѣютъ только собраніе римскихъ древностей, находимыхъ въ изобиліи по р. Савѣ, гдѣ существовали многочисленныя римскія колоніи, музей славянскій и геологическое собраніе. Въ отдѣлѣ славянскомъ, сверхъ древностей, собраны коллекціи сербскихъ типовъ, костюмовъ, вышивокъ, предметовъ кустарнаго производства. Впрочемъ, бѣдность славянской культуры и тутъ видна. Въ отдѣлѣ оружія хранятся не только разные остатки старины, но и воспоминанія ближайшихъ періодовъ хорватской исторіи, между прочимъ, здѣсь сохраняются знамена 1848—49 года, какъ хорватскія такъ и отбитыя у мадьяръ. Показывая мнѣ старинное оружіе, консерваторъ музея замѣтилъ, что теперь трудно будетъ найти такое, потому что все бывшее у народа скуплено комитетами и послано въ Герцеговину. Геологическое собраніе, устраиваемое докторомъ Пиларомъ, еще окончательно не приведено въ порядокъ, но очень богато, какъ научный матеріалъ для изученія Хорватіи. Естественно-историческіе отдѣлы быстро пополнятся, когда откроются каѳедры естественныхъ наукъ при загребскомъ университетѣ; до сихъ же поръ недостатокъ средствъ позволилъ устроить только факультеты медицинскій и юридическій. Нужно замѣтить, что университетъ содержится здѣсь на мѣсныя средства.

Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе и о сельской жизни въ Хорватіи, я воспользовался рекомендательнымъ письмомъ къ одному изъ хорватскихъ аристократовъ, графу Войкфи-Войковичу, и отправился въ его помѣстье Орославіе, верстъ за тридцать отъ города, въ Загорьѣ, мѣстности, носящей громкое имя Хорватской Швейцаріи. Много въ жизни видѣлъ я разныхъ Швейцарій: саксонскую Швейцарію, польскую Швейцарію, даже башкирскую Швейцарію (дорога изъ Стер-

литамака въ Верхнеуральскъ), но не скажу, чтобъ онѣ сильно походили на свой первообразъ, а хорватская Швейцарія менѣе всѣхъ. Ничего грандіознаго и даже живописнаго тутъ нѣтъ, хотя, впрочемъ, мѣстность вообще пріятная и веселая: невысокія горы, покрытыя сверху лѣсомъ, а по склонамъ виноградниками. Лозы даютъ очень крѣпкое и хорошее вино, скупаемое евреями и развозимое, послѣ легкой фабрикаціи, подъ именемъ разныхъ лафитовъ и маконовъ, по всѣмъ концамъ Европы. Кое-гдѣ уцѣлѣли остатки старинныхъ замковъ. Путешествіе совершается по шоссе, содержимому въ большомъ порядкѣ. Дорога идетъ сначала параллельно желѣзной дорогѣ, потомъ вдоль Савы, которая уже здѣсь течетъ въ пологихъ берегахъ, затѣмъ шоссе поднимается по скатамъ горъ, посреди дубоваго лѣса. Вся мѣстность населена очень плотно и отлично обработана. Почва вездѣ удивительно плодородна, главные посѣвы—кукуруза, кромѣ того множество огородовъ, гдѣ преобладаетъ тыква. Каждый крестьянскій домъ обвѣшенъ по крышѣ кочнями кукурузы, а съ боковъ обложенъ горами тыквъ. Несмотря на богатство почвы, я, къ удивленію, видѣлъ много курныхъ избъ.

Но если избы не отличаются красотою, то, какъ народъ, хорваты великолѣпны, замѣчательно рослы и красивы. Мужчины, зимою и лѣтомъ, одѣты въ полотняную рубаху, съ широкими рукавами, выпущенную сверху панталонъ, и такое же нижнее платье; сверху рубахи и лѣтомъ, и зимою надѣвается короткій тулупъ, или скорѣе мѣховая куртка, часто красная и вышитая шелками; войлочная шляпа съ поднятыми кверху весьма красиво полями, извѣстная всѣмъ, кто видѣлъ въ балетѣ пляшущихъ венгерскихъ пейзановъ, дополняетъ нарядъ. Женщины одѣты также во всемъ полотняномъ и издали похожи на нашихъ малороссійскихъ бабъ. Еслибы не костюмъ жителей, то можно бы вообразить себя гдѣ либо въ южной Германіи. Еще одна черта отличаетъ эту благодатную сторонку—дешевизна жизни. На полдорогѣ до Орославія, мой возница заѣхалъ въ сельскую гостинницу покормить лошадей. Я нашелъ домикъ весьма опрятный, украшенный картинами изъ жизни католическихъ святыхъ и хорватской исторіи—замѣчательной тѣмъ, что хорваты били по очереди всѣхъ своихъ сосѣдей — и заказалъ себѣ завтракъ. За порцію гулашу (нѣчто въ родѣ рагу изъ баранины и почекъ), бутылку сноснаго вина и бѣлую булку, оплачиваемую по всей Австріи отдѣльно, съ меня взяли 26 крейцеровъ, т. е. приблизительно

16 копеекъ! За эту цѣну на русской станціи едва ли теперь согласятся поставить даже самоваръ.

Подкрѣпивъ свои силы такимъ дешевымъ способомъ, я безъ труда розыскалъ то имѣніе, куда ѣхалъ, и очутился въ прекраснѣйшемъ manoir среди весьма пріятнаго общества. Найдя въ Орославіи самое любезное гостепріимство и утонченную вѣжливость, я невольно припомнилъ, что пофранцузски до сихъ поръ слово croate (хорватъ) синонимъ чего-то грубаго, жестокаго и звѣрскаго, и подивился, такъ называемой народной мудрости.

VII.

Поѣздка по р. Савѣ. — Сиссекъ. — Пароходъ «Maros». — Старый Градишка.— Турки и босняки.—Митровацъ и Шабацъ. — Перекаты.

Расположеніемъ желѣзныхъ дорогъ Австрія напоминаетъ Россію; въ то время, когда многочисленные рельсовые пути ведутъ по разнымъ направленіямъ на западъ, пересѣкая даже тирольскія снѣговыя горы, на востокѣ очень мало линій. Въ Россію, напримѣръ, граничащую съ Австріею на огромномъ протяженіи, идутъ всего двѣ линіи или, вѣрнѣе, одна, потому что для поѣздки на Волочискъ все-таки нужно ѣхать на Краковъ, затѣмъ ни въ Румынію, ни въ Сербію, ни въ Турцію нѣтъ пока прямаго сообщенія, и чтобъ попасть туда надо пользоваться то желѣзною дорогою, то пароходомъ, вещь не совсѣмъ удобная, такъ какъ желѣзная дорога отходитъ ежедневно, а пароходъ изрѣдка. Поэтому въ дни пароходнаго движенія скопленіе пассажировъ бываетъ чрезвычайное. Какъ все въ Австріи, и постройка желѣзныхъ дорогъ имѣла основаніе политическое. Когда земли нѣмецкія и итальянскія держали въ равновѣсіи земли венгерскія и славянскія, вѣнское правительство заботилось только о первыхъ. Съ потерею итальянскихъ областей, равновѣсіе запада съ востокомъ нарушилось, венгерскія земли сдѣлались самостоятельною частью монархіи; съ тѣхъ поръ по мадьярской территоріи проведено много линій желѣзныхъ дорогъ, и какихъ линій—Katvan-Szolnok, Nylregyháza-Unghvár, Szerencs-Marmaros-Szigeth — между городами, о которыхъ никто, я думаю, отродясь не слыхалъ, и куда никто не заѣдетъ, земли же славянскія и румынскія, богатыя и плодородныя, остаются безъ путей сообщенія, и Австрія отрѣзана даже отъ

своихъ границъ, что не совсѣмъ удобно въ стратегическомъ отношеніи.

Изъ Загреба въ Бѣлградъ надобно ѣхать теперь почти четыре дня, при желѣзной же дорогѣ было бы достаточно сутокъ. Вокзалъ въ Загребѣ я нашелъ биткомъ набитымъ публикою; въ теченіе какого либо получаса отходили три или четыре пассажирскіе поѣзды. Часовъ въ 8 вечера тронулся, наконецъ, и нашъ поѣздъ по линіи, составляющей часть сѣти такъ называемой Южной дороги. Дорога эта доходитъ только до Стараго Сиссека, на рѣкѣ Савѣ, между тѣмъ это есть участокъ той линіи, которою предполагается соединить въ будущемъ Вѣну кратчайшимъ путемъ съ Цареградомъ и даже Индіею. На турецкой территоріи баронъ Гиршъ построилъ участокъ отъ Нови до Банялуки; неизвѣстно еще, будетъ ли когда либо окончена вся дорога въ виду критическаго состоянія турецкаго кредита. Мѣстность, по которой идетъ линія до Сиссека, замѣчательно гладкая. Варащдинскія горы, огибающія Загребъ, остаются на лѣвой сторонѣ Савы, дорога же переходитъ на лѣвый берегъ и пересѣкаетъ степь, перемежающуюся съ дубовыми рощами. Вся эта полоса входила недавно въ составъ Военной Границы. Тотъ же характеръ имѣетъ мѣстность и въ турецкихъ владѣніяхъ, въ такъ называемомъ Посавинѣ, гдѣ земледѣліе и разведеніе свиней чрезвычайно выгодно и развивалось бы очень быстро, еслибы не безсмысленная система налоговъ и землевладѣнія. Во время безпрерывныхъ войнъ между Турціею и Австріею, цвѣтущіе въ древности берега Савы совершенно запустѣли и поросли дикимъ лѣсомъ, но, въ послѣднее время, они столь же скоро возвратили себѣ то экономическое значеніе, которое принадлежитъ имъ по природнымъ качествамъ.

Въ Сиссекъ поѣздъ пришелъ часамъ къ десяти вечера; было совершенно темно. Городъ, основанный еще римлянами, показался мнѣ довольно обширнымъ и разбросаннымъ, а по наружности, напоминающимъ Кременчугъ: очень широкія улицы, съ пескомъ вмѣсто мостовой; на низменномъ берегу широкой рѣки длинный деревянный мостъ; бѣлые дома и т. п. Долго, впрочемъ, разсматривать Сиссекъ не приходилось, потому что пароходъ, по мелководію рѣки, стоялъ версты за три отъ города, и со станціи, за приличную контрибуцію, перевозили на таратайкахъ. Совершая переѣздъ, я сдѣлалъ курьезное наблюденіе. Извѣстно, что русскій легко понимаетъ сербскій языкъ, сербъ же съ трудомъ русскій; это происходитъ отъ произношенія, такъ какъ у сербовъ согласныя произносятся твердо и отчетливо; но, конечно, много значитъ

и индивидуальная воспріимчивость. Со мною въ таратайкѣ сидѣлъ студентъ изъ Новаго Сада. Начался разговоръ, я понималъ вопросы студента по сербски, онъ же часто не понималъ моихъ отвѣтовъ порусски; тогда извощикъ, простой хорватъ, поворачивался на козлахъ и переводилъ ему смыслъ моихъ словъ, которыя схватывалъ на лету.

Пароходъ «Maros» извѣстнаго уже «Дунайскаго общества», монополизировавшаго за 7 % гарантіи всѣ австрійскія рѣки, оказался переполненнымъ народомъ, въ особенности было много евреевъ, ѣхавшихъ для закупки результатовъ жатвы. Въ воздухѣ былъ холодный туманъ, палуба отъ него сдѣлалась совершенно мокрою, потому приходилось, волею неволею, спать въ каютахъ; между тѣмъ каюты устроены на савскихъ пароходахъ такъ же, какъ и на волжскихъ пароходахъ старой системы: дамы въ I-мъ классѣ помѣщаются вмѣстѣ съ мужчинами, коекъ нѣтъ, а для спанья предлагаютъ узенькіе диваны вдоль бортовъ.

Я попалъ въ одну каюту съ семью католическими сестрами милосердія, ѣхавшими въ Градишку, ухаживать за ранеными босняками. На каждомъ изъ дивановъ троимъ мѣста доставало съ избыткомъ, четыремъ же можно было спать только согнувшись, что называется, въ три погибели. Насъ было восемь, и такъ какъ я не былъ раненымъ инсургентомъ, за которымъ слѣдовало ухаживать, то понятно, какой макіавелизмъ пришлось мнѣ проявить, чтобъ захватить мѣста болѣе положенной порціи и вытянуть ноги, измученныя сидѣніемъ въ вагонѣ и на таратайкѣ. Спать, однако, долго не довелось; съ 5 часовъ утра всѣ были разбуждены отходомъ парохода. Мои сестры милосердія спали, не раздѣваясь, поэтому онѣ утромъ только встрепенулись и стали сейчасъ же рядомъ на молитву; пока шла молитва, старшая изъ нихъ разливала кофей. Сцена выходила такая. Она подходитъ къ одной изъ сестеръ; та, повидимому, усердно молится, но глазки не сводитъ съ чашки; получая ее, сестра кланяется и уходитъ пить, другія все продолжаютъ молиться, поглядывая на кофейникъ и дожидаясь своей очереди. Церемонія продолжается пока кофей всѣмъ не розданъ. Затѣмъ сестры вынули по чулку и просидѣли, не разинувъ почти рта, въ теченіе сутокъ; самопожертвованіе не малое, потому что большинство сестеръ милосердія едва вышло изъ юнаго возраста, когда впечатлѣнія еще очень живы.

На палубѣ представлялось разбужденнымъ пассажирамъ слѣдующее зрѣлище. Пароходъ стоялъ у сліянія Крапины съ Савою, берега обѣихъ рѣкъ низьменные, кругомъ степь, у пристани огромная сгорѣвшая

недавно казарма и батальонъ гонведовъ подъ ружьемъ; красные штаны и шапочки солдатъ красиво вырѣзываются въ туманѣ. Рѣки на половину заставлены пловучими мельницами. Эти мельницы на каждомъ шагу попадаются по Савѣ, точь въ точь, какъ у насъ на Днѣпрѣ. Сава, впрочемъ, изъ русскихъ рѣкъ, по свойству фарватера и окружающей природы, напоминаетъ болѣе всего Донъ; то же отсутствіе длинныхъ плесовъ, придающихъ рѣкѣ живописный видъ, отсутствіе острововъ, медленное теченіе, тѣ же перекаты и задѣваніе при крутыхъ поворотахъ носомъ или кормою парохода за осыпающійся берегъ; та же муть, поднимаемая волнами, бѣгущими на отлогій берегъ.

Генералъ Фадѣевъ въ своей извѣстной — и кстати сказать замѣчательной по вѣрности основнаго взгляда—брошюрѣ о восточномъ вопросѣ говоритъ, что рѣку Саву курица можетъ перейдти въ бродъ; но или г. Фадѣевъ Савы не видалъ, или у курицы должны быть для этого очень длинныя ноги. Судоходство по Савѣ сопряжено, впрочемъ, съ значительными затрудненіями, о которыхъ еще придется упомянуть. Даже чтобы тронуться съ мѣста, намъ нужно было маневрировать довольно долго; наконецъ, пароходъ двинулся. Погода все время стояла великолѣпная и поверхность воды казалась до того гладкою, что волны точно ломались какъ куски расплавленнаго стекла. Общество на пароходѣ было довольно оригинальное; кромѣ евреевъ, было очень много мѣстныхъ помѣщиковъ; языкъ преобладалъ исключительно сербскій, только матросы, изъяснялись на какомъ-то невозможномъ винегретѣ изъ итальянскихъ, сербскихъ и нѣмецкихъ словъ. Разговоры вертѣлись на двухъ темахъ—урожаѣ и возстаніи; евреевъ болѣе интересовалъ первый, помѣщиковъ — второй. Мѣстность по обоимъ берегамъ Савы замѣчательно однообразная; но прибрежныя селенія поражаютъ своимъ зажиточнымъ видомъ; всѣ крестьянскіе дома трехъ этажные, весьма оригинальной архитектуры; они поставлены къ рѣкѣ постоянно бокомъ и, такъ какъ каждый этажъ имѣетъ крышу, въ видѣ длиннаго карниза, то кажется будто бы три избы поставлены одна на другую. Среди селеній выдаются католическія церкви съ высокими колокольнями также своеобразной архитектуры. Въ этомъ родѣ поселенія тянутся по всему лѣвому берегу Савы, но у Ясеноваца характеръ берега быстро мѣняется. Тутъ начинается турецкая граница: берегъ дѣлается пустыннымъ, селенія получаютъ видъ нищенскій; народъ хотя одѣтъ также, какъ и на лѣвомъ берегу, но отличается лохмотьями, грязью и какимъ-то измученнымъ и запуганнымъ видомъ.

Пока мы разсуждали объ этой разницѣ для того же сербскаго племени, подали обѣдъ. Царство томатовъ и краснаго перцу опять началось; зато было пріятно увидѣть землячку-стерлядь, которая тутъ дешева, также какъ на Волгѣ, хотя качествомъ похуже; мѣстное вино вкусомъ и видомъ напоминаетъ туалетный уксусъ. Помѣщики относились къ нему съ презрѣніемъ и вынимали фляги собственнаго вина, выхваляя его достоинства. Мнѣ пришлось перепробовать всякихъ винъ Хорватіи, Славоніи, Срѣма и Воеводины, но я предпочелъ пить пиво, которое было отлично. Австрія, не имѣя возможности взять на себя какую либо культурную миссію, ограничилась болѣе скромною задачею распространить на Востокѣ употребленіе пива и, надо признаться, успѣла въ этомъ отлично. Благодаря ея вліянію, винодѣліе должно въ будущемъ сильно сократиться. Кто бы повѣрилъ, что даже арабы въ Египтѣ дуютъ теперь пиво не въ мѣру, а я лично былъ тому свидѣтелемъ. Кромѣ элементарности пароходной кухни, моему аппетиту мѣшалъ докторъ, садившійся обыкновенно рядомъ и наливавшій въ свой стаканъ вино какъ то засучивъ рукава и вытянувъ впередъ руки, точно лекарство въ нумерованный стаканчикъ. Были и другія соображенія. Послѣ нашего обѣда за тотъ же столъ и съ тѣми же, о ужасъ, салфетками садились обѣдать лакеи и кушали исправно; а такъ какъ салфетки на пароходѣ ни разу не мѣнялись, то легко вообразить, съ какимъ чувствомъ мы прикасались къ столу. Какъ бы сознавая это, капитанъ и его помощникъ, по австрійски контролеръ, обѣдали и ужинали отдѣльно на палубѣ съ большимъ комфортомъ, раньше и лучше нашего.

Гастрономическія наклонности пароходнаго начальства происходили оттого, что они, подобно другимъ «морскимъ» офицерамъ могущественной дунайской компаніи, моря и во снѣ не видали, а комплектуются болѣе изъ кельнеровъ вѣнскихъ ресторановъ, пользующихся высокою протекціею, т. е. служащихъ при cabinets particuliers. Вмѣстѣ съ аппетитомъ, у этихъ господъ было сильно развито волокитство. Глядя на нихъ и пароходная прислуга не пропускала безъ любезностей ни одной горничной, даже пассажирокъ, одѣтыхъ поскромнѣе; особенно доставалось тѣмъ дамамъ, которыхъ турецкіе чиновники возятъ съ собою изъ Цареграда, вмѣсто женъ. Такихъ чиновниковъ и такихъ барынь мы набрали очень много въ Старомъ Градишкѣ.

Градишка похожъ скорѣе на большую деревню, хотя всегда былъ довольно важнымъ пунктомъ, такъ какъ отсюда идетъ кратчайшая торговая дорога въ Травникъ и Сераево—главные города Босніи, а теперь

получилъ особенно важное значеніе, какъ центръ, на который опирается возстаніе райевъ въ Босніи и Крайнѣ. Возстаніе тутъ далеко, впрочемъ, не имѣло того значенія, какъ въ Герцеговинѣ, и только близъ югозападныхъ границъ Сербіи турки чувствовали себя въ Босніи не совсѣмъ ловко. По Савѣ же турецкія силы вполнѣ были достаточны; значительное магометанское населеніе оказывало имъ дѣятельное содѣйствіе, а, лишенное всякой воинственности, христіанское населеніе, сотни лѣтъ отученное отъ употребленія оружія, не могло быть опасно. Имѣлись и другія причины слабости здѣсь возстанія. Весьма значительная часть боснійскаго населенія католики; она находится въ рукахъ францисканскаго духовенства и чуждается православныхъ сербовъ не менѣе, чѣмъ турокъ; затѣмъ въ православномъ населеніи весь зажиточный городской классъ, купечество, при помощи взятокъ имѣя администрацію на своей сторонѣ, находитъ, къ несчастію, свои выгоды въ сохраненіи настоящаго порядка вещей для эксплуатаціи, при содѣйствіи турковъ, бѣднаго сельскаго населенія. Съ непріятнымъ чувствомъ увидѣлъ я первое турецкое поселеніе. Наискось отъ Градишки, пароходъ, останавливается у турецкаго берега. Нѣсколько развалившихся домиковъ и такая же мечеть образуютъ поселеніе. Никакихъ пристаней и другихъ приспособленій для выгрузки, нагрузки и другихъ операцій парохода нѣтъ. Жителей также не видать, они какъ-то прячутся. Зато намъ на встрѣчу вышла масса солдатъ, офицеровъ и баши-бузуковъ; арнаутское происхожденіе послѣднихъ можно было узнать по тонкимъ профилямъ и длиннымъ прядямъ волосъ, оставленнымъ на затылкѣ бритой головы. На видъ арнауты молодцы и стоютъ черногорцевъ. Балконы двухъ ближайшихъ къ пристани домовъ были наполнены турецкими чиновниками съ ихъ нарумяненными дамами въ европейскихъ костюмахъ: печальные образчики псевдо-европейской цивилизаціи! Кромѣ пашей, рѣдко кто изъ турецкихъ чиновниковъ, отправляясь служить въ провинцію, беретъ съ собою свой гаремъ, такъ какъ они проводятъ большую часть жизни въ переходахъ съ мѣста на мѣсто.

Какіе только концы не дѣлаютъ эти бѣдняки по волѣ судьбы, покорность которой, входя въ догматъ религіи, замѣчательна. Изъ Босніи переводятъ, напримѣръ чиновника въ жаркую южную Аравію, черезъ полгода—въ гористую холодную Арменію, тамъ на островъ Критъ и т. д. и т. д.; почему и для чего—неизвѣстно. Никакой служебной іерархіи у турокъ нѣтъ, да и быть не можетъ. Аристократіи, какъ извѣстно, между турками не существуетъ, тому мѣшаетъ безразличіе между за-

конными и незаконными дѣтьми; познанія не ставятся ни въ грошъ, даже рутина не цѣнится въ администраторѣ въ странѣ, гдѣ нѣтъ традицій, гдѣ никто справокъ не собираетъ, дѣла хранятся въ мѣшкахъ повѣшенныхъ на потолкѣ, и гдѣ вся цѣль службы сводится къ взяткамъ.

Персоналъ турецкой администраціи комплектуется оригинальнѣйшимъ въ мірѣ образомъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что базисомъ ея служатъ гнусный порокъ турокъ, заставляющій ихъ держать вокругъ себя молодыхъ людей, офиціально приставленныхъ, будто бы, для подаванія и зажиганія чубуковъ и наргиле. Если подобный юноша состоитъ при султанѣ и успѣетъ понравиться, онъ легко сдѣлается министромъ, посланникомъ или «вали» (генералъ-губернаторомъ); если онъ пользуется милостью вали, то его ожидаетъ мѣсто каймакана, или мудира, т. е. по нашему губернатора или уѣзднаго начальника и т. д. Несмотря на такую странную подготовку, турецкіе чиновники, вслѣдствіе хорошихъ манеръ, врожденныхъ восточнымъ народамъ, и невозмутимому спокойствію, имѣютъ весьма презентабельный видъ и этимъ видомъ вводятъ въ обманъ европейскихъ туристовъ, принимающихъ тупую апатію за глубокомысліе. Только двѣ привычки отталкиваютъ турецкихъ чиновниковъ и офицеровъ отъ европейцевъ—спанье, не раздѣваясь, въ тѣхъ же вышитыхъ мундирахъ, въ которыхъ они управляютъ и командуютъ днемъ, а затѣмъ слабость къ чесноку, слабость издревле общая для всѣхъ южныхъ народовъ, хотя еще Горацій писалъ: «Если безбожный сынъ прекратитъ жизнь своего престарѣлаго отца, то нѣтъ для него наказанія жесточе, какъ ѣсть чеснокъ въ тысячу разъ болѣе гнусный, чѣмъ цикута!»

На пароходъ, освободившійся въ Градишкѣ отъ значительнаго числа пассажировъ, насѣло не мало турокъ, ѣхавшихъ по большей части до Рущука, откуда идетъ кратчайшій путь въ Цареградъ. Тутъ легко стало наблюдать различные турецкіе типы, одинаково противные. Напримѣръ, старый богатый турокъ пришелъ въ халатѣ и чалмѣ, сѣлъ съ ногами на диванъ въ каютѣ перваго класса, закурилъ наргиле и положительно не шевельнулся послѣ того трое сутокъ, только ночью вытягивался онъ на томъ же диванѣ, подложивъ маленькую подушечку подъ голову; ничего также онъ не ѣлъ и питался кофеемъ. Гаремъ его состоявшій изъ четырехъ молодыхъ женъ, плотно закутанныхъ, несмотря на жаркую погоду, былъ приведенъ евнухомъ. Сербская прислуга, изъ ненависти къ мусульманамъ, заперла ихъ въ умывальную, служившею

ватерклозетомъ. Мужъ не шелохнулся узнать объ удобствахъ своихъ женъ и уже пассажиры сжалились и уговорили капитана парохода отгородить ширмою небольшой уголокъ въ каютѣ, куда и загнали бѣдныхъ женщинъ, какъ барановъ. Не лучше показался молодой турокъ, одѣтый франтомъ въ военномъ сюртукѣ и фесѣ. Онъ ѣхалъ съ большими запасами всякаго хлама. Каждый вечеръ приходила сопровождавшая его барыня въ европейскомъ платьи, довольно хорошо одѣтая, раскладывала массу подушекъ, стаскивала съ турка сапоги и заботливо укладывала его спать, причемъ мы любовались неизъяснимо грязными чулками турецкаго администратора. Онъ выходилъ иногда на палубу, но я не видѣлъ, чтобы онъ съ кѣмъ либо разговаривалъ, что либо читалъ или вообще чѣмъ либо интересовался, хотя, судя по отдѣльнымъ фразамъ на французскомъ языкѣ и франтовскому костюму, видно было, что это человѣкъ получившій образованіе. Оріенталисты находятъ, что турецкая литература одна изъ богатѣйшихъ въ мірѣ; но я не знаю для кого пишутся въ Турціи книги, такъ какъ никто ничего не читаетъ. Таковъ турецкій высшій классъ; что же представляютъ прочія сословія и какую жизнь могутъ внести они въ помертвѣвшее оттоманское государство?

Вмѣстѣ съ турками, сѣли на пароходъ нѣсколько христіанъ. Между прочимъ, въ 3-мъ классѣ общее вниманіе привлекала красивая боснячка, лѣтъ пятнадцати, которую заботливые родители отправили подальше отъ баши-бузуковъ въ Шабацъ. Жалко, что съ нами не было художника, или еще, лучше, скульптора, чтобъ передать ея весьма типическія черты и замѣчательныя формы, едва прикрытыя грубою полотняною рубашкою. Красная шапочка, того вида, что мужчины носятъ въ Далмаціи, придавала юной красавицѣ весьма оригинальный видъ. Дѣвушка была не чужда кокетства и даже какъ-то умылась, правда нехотя и небрежно.

Оригинальный костюмъ ея интересно было сравнить съ уродливымъ полуеврейскимъ нарядомъ женщинъ изъ буржуазіи Сербскаго княжества, которыхъ было много на пароходѣ. Безсмысленная мода вынудила ихъ носить длинную юбку, которая весьма не гармонируетъ съ остатками національнаго костюма: мѣховой кацавейкою и краснымъ фесомъ; вокругъ послѣдняго сербки обматываютъ свою черную косу, надѣвая не нее, противъ лба, кольца съ пальцевъ. Нельзя сказать, чтобъ такой головной уборъ былъ къ лицу.

Переночевавъ гдѣ-то между Свинаромъ и Жупанье, мы утромъ замѣтили, что къ намъ привязана баржа, съ которою пароходъ болѣе не

разставался. Баржа служитъ для облегченія парохода на перекатахъ, на ней складывается уголь и разныя громоздкія вещи. На баржѣ можно было видѣть образчикъ нѣмецкой предусмотрительности: команда баржи малая—два, три человѣка, они живутъ круглый годъ съ женами и дѣтьми въ домикахъ, построенныхъ на палубѣ; баржа безъ бортовъ; поэтому, чтобъ дѣти, рѣзвясь, не попадали въ воду, имъ надѣваются на крестъ подтяжки, а затѣмъ къ спинѣ привязывается веревка, длиною съ половину судна. Такимъ образомъ, дѣти, даже трехъ лѣтъ, бѣгаютъ, какъ собаки на цѣпи, не нуждаясь вовсе въ присмотрѣ. За Жупанье слѣдующая остановка парохода въ Брчкѣ. Города этого почему-то нѣтъ на картѣ Киперта, между тѣмъ онъ довольно важенъ по торговлѣ между Босніею и Срѣмомъ, т. е. тою частью сербскихъ земель, которая лежитъ между Дравою и Савою. Брчка скорѣе похожа на австрійское, чѣмъ на турецкое, поселеніе. Домовъ много, всѣ они опрятны, посереди селенія возвышается новая католическая церковь, къ крестомъ на колокольнѣ—вещь въ Турціи очень рѣдкая и объясняемая только сосѣдствомъ съ церковью дома австрійскаго консула.

У Рачи кончается, наконецъ, непривѣтливая полоса турецкихъ владѣній. Мелководное устье Дрины съ ея отмелями, загораживающими Саву, служитъ границею турецкихъ и сербскихъ владѣній. Характеръ мѣстности отчасти мѣняется, лѣвый берегъ Савы дѣлается болѣе возвышеннымъ, а иногда вдали показываются горы; но пустыня, попрежнему, продолжается, населенія совсѣмъ не видать, не замѣтно даже пограничной стражи. Первое микроскопическое сербское поселеніе встрѣчается только противъ Митровца и то почти не видно зданій, кромѣ дома съ надписью: «Агенціа Паробродарства». Названіе весьма вѣрное, потому что по Савѣ, дѣйствительно, пароходы не столько «ходятъ», сколько «бродятъ» между отмелями и пловучими мельницами.

Митровацъ — городъ довольно значительный по наружности; большое количество хлѣбныхъ магазиновъ показываетъ, что онъ занимаетъ важное торговое положеніе. Для пароходства Митровацъ интересенъ особенно потому, что отсюда лежитъ кратчайшій путь до Новаго Сада (Neusatz)—главнаго города всей области православныхъ сербовъ въ Венгріи, Бачкѣ, Воеводинѣ и Банатѣ. Изъ Вѣны, Пешта и Бѣлграда въ Новый Садъ путь ведетъ по Дунаю, но съ Савы, чтобъ не дѣлать крюка, удобнѣе проѣхать по отличному шоссе въ пять часовъ. Новый Садъ имѣетъ теперь для сербовъ весьма важное политическое и литературное значеніе. Здѣсь живетъ первый въ настоящее время сербскій поэтъ

Iовановичъ, издается кирилицею газета «Застава», редакторы которой Милетичъ и Досанчичъ, краснорѣчивѣйшіе изъ современныхъ сербовъ, руководятъ также независимою сербскою партіею въ пештскомъ сеймѣ и приводятъ въ ужасъ мадьяръ своими настойчивыми требованіями равноправности для всѣхъ славянъ Транслейтаніи. Замѣчательно, что въ этой части сербскихъ земель, гдѣ сербскій элементъ еще былъ усиленъ въ XVII вѣкѣ извѣстнымъ поголовнымъ переселеніемъ изъ Старой Сербіи въ Банатъ, подъ предводительствомъ патріарха Черноевича, славяне, сверхъ правительства и духовенства, встрѣтили и врага соціальнаго, уже, конечно, непобѣдимаго, въ необычной плодовитости румынскаго племени. Потому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ названія мѣстностей сербскія, очень часто сербовъ вовсе не осталось. Ихъ остается, однако, довольно, чтобы составить противовѣсъ централизаціоннымъ претензіямъ мадьяръ и добиться для этой части сербскихъ земель той же автономіи, которою пользуется Хорватія и Славонія, автономіи, дѣлающейся первымъ шагомъ къ объединенію всѣхъ сербскихъ земель въ одно цѣлое. Жалѣю, что недостатокъ времени помѣшалъ мнѣ заѣхать въ такой интересный пунктъ, какъ Новый Садъ.

Вмѣсто Шабаца, перваго большаго города въ Сербскомъ княжествѣ, славнаго своимъ геройскимъ участіемъ въ дѣлѣ освобожденія Сербіи, пришлось увидѣть только огни на берегу. Пароходъ переполнился опять публикою. Большинство пассажировъ была молодежь самаго воинственнаго вида: у кого болтался за поясомъ ножъ, у кого выглядывалъ изъ кармана револьверъ; все это говорило о возстаніи и съ одушевленіемъ; турки, ѣхавшіе съ нами, начали подвергаться тысячѣ дерзостей. Не думаю, однако, чтобъ храбрые на словахъ молодцы имѣли дѣйствительную охоту драться *), хотя всѣ служили уже въ милиціи и были пріучены къ военной обстановкѣ, что проявилось сейчасъ же. Пароходъ тронулся, а мѣстъ для спанья не оказалось; прежніе пассажиры притворялись спящими, чтобъ не дѣлиться занятымъ на диванахъ пространствомъ. Пришедшіе, не стѣсняясь, устроились спатьна полу, на складныхъ стульяхъ и даже на обѣденныхъ столахъ; несмотря на отсутствіе подушекъ, они провели ночь отлично.

По картѣ казалось до Бѣлграда рукою подать, но не тутъ-то было, и мы провозились порядочно на двухъ перекатахъ. Рано утромъ раз-

*) Это мнѣніе автора блистательно подтвердилось годъ спустя.

будили насъ и начали перегонять на баржу туда же перенесли весь пассажирскій багажъ и болѣе тяжелыя вещи. На пароходѣ, кромѣ служащихъ, остались только три или четыре молоденькія дамы, мужья которыхъ пытались было перелѣзть обратно на пароходъ, но трапъ быстро сняли и насъ теченіемъ рѣки унесло далеко, далеко отъ парохода. Что тамъ творилось—неизвѣстно. Часа черезъ два пароходъ, неоднократно посидѣвши на мели, между вѣхами, подошелъ, наконецъ, къ намъ. Дамы съ парохода махали весело зонтиками. Пассажиры, уставшіе отъ долгаго стоянія на ногахъ, такъ какъ стульевъ на баржѣ не полагалось громко заревѣли «живіо»! чему слабо вторили только бѣдные мужья, съ сомнѣніемъ поглядывавшіе на своихъ женъ, оставшихся на пароходѣ. Эта исторія съ небольшими варіяціями повторилась въ полдень. Снова мы уплыли на баржѣ, снова пароходъ исчезъ, снова послышались тѣ же шутки. Какой-то матросъ сталъ брать воду изъ рѣки, его остановили крикомъ: «что ты дѣлаешь, видишь и безъ того мало въ Савѣ воды»! Ѣхали мужики по берегу, съ ними начали переговоры на случай, если пароходъ не перескочитъ черезъ перекатъ и придется въ Бѣлградъ ѣхать на колесахъ, что, говорятъ, таки случается. Пароходъ, однако, проскочилъ и, миновавъ Обреновацъ, небольшой сербскій городокъ, мы къ вечеру увидѣли, наконецъ, колокольни и мечети Бѣлграда, опоздавъ лишь на 24 часа противъ росписанія.

VIII.

Бѣлградъ. — Видъ города. — Сербскія партіи и газеты. — Митрополитъ Михаилъ. — Театръ и университетъ. — Торжественная встрѣча князя. — Князь Миланъ. — Поѣздка до Базіаша.

Очень многіе видѣли Бѣлградъ, проѣзжая изъ Россіи въ Вѣну по Дунаю, но видъ съ этой рѣки не даетъ понятія о городѣ. Чтобъ любоваться дѣйствительно интереснымъ видомъ, надобно подъѣзжать по Савѣ, тогда панорама «бѣлаго города» раскрывается во всемъ великолѣпіи. Конечно, это великолѣпіе миражъ и основано на расположеніи города на склонѣ горы, тѣмъ не менѣе, послѣ однообразныхъ береговъ Савы, пріятно полюбоваться широкою картиною города, удивительно удачно поставленнаго на сліяніи двухъ важнѣйшихъ водяныхъ путей. Налѣво тянется плоскій австрійскій берегъ и видѣнъ городъ Земунъ (Zemlin), затѣмъ направо по возвышенному берегу глазъ ясно отличаетъ три части, на которыя дѣлится Бѣлградъ. Крѣпость, частью разрушенная теперь, но славная подвигами Сулеймана, герцога Баварскаго, принца Евгенія, Лаудона и Георгія Чернаго, находится ближе всего къ обрыву и омывается съ трехъ сторонъ водою; весь берегъ у ея подножія обращенъ въ турецкое кладбище; далѣе идутъ остатки стараго города, также живой остатокъ турецкаго владычества — грязный и тѣсный, теперь на половину срытый; семь минаретовъ, которые, по договору, сербы не имѣютъ право разрушить, возвышаются надъ этой частью; наконецъ, новый городъ раскинутъ на южномъ скатѣ Вратчара. Онъ состоитъ изъ бѣлыхъ домовъ, утопающихъ въ массѣ зелени, потому что, кромѣ садовъ, всѣ почти новыя улицы Бѣлграда усажены кашта-

новыми деревьями. Новый городъ очень разбросанъ, но постоянно еще расширяется и только болотистая мѣстность препятствуетъ распространенію его къ западу.

Какъ ни красивъ этотъ видъ, но онъ уступаетъ виду, открывающемуся въ самомъ Бѣлградѣ изъ городскаго парка, разбитаго на мѣстѣ бывшаго крѣпостнаго гласиса; отсюда можно наслаждаться, особенно по вечерамъ, необыкновеннымъ зрѣлищемъ, на теченіе Дуная и Савы и на австрійскія владѣнія, лежащія у подножія горы. Къ сожалѣнію, паркъ содержится очень дурно и не соотвѣтствуетъ своему несравненному положенію. Небрежность славянской натуры проявляется тутъ весьма замѣтно. Вообще для осмотра, кромѣ нѣсколькихъ видовъ, въ Бѣлградѣ не представляется ничего занимательнаго, и туриста невольно беретъ разочарованіе. Такимъ же характеромъ отличаются и окрестности города, даже «Топчидеры» или княжескій паркъ—мало отдѣланная лѣсная долина. Любуясь видомъ, невольно приходитъ еще на умъ другое соображеніе, уже далеко не художественное. Городъ, поставленный на такомъ высокомъ утесѣ, открытомъ вѣтрамъ съ трехъ сторонъ и въ томъ числѣ съ сѣвера, долженъ имѣть сквернѣйшій и нездоровый климатъ. Дѣйствительно, числомъ насморковъ, катарровъ и воспаленій Бѣлградъ можетъ гордиться передъ другими столицами, уступая развѣ нашей сѣверной Пальмирѣ.

Въ таможнѣ чиновникъ, узнавъ что я пріѣхалъ изъ Черногоріи, вмѣсто осмотра вещей, пустился со мною въ длинныя разсужденія о политикѣ. Сразу было видно, что находишься въ странѣ, гдѣ всѣ жители, какъ говорятъ, раздѣляются на министровъ, бывшихъ министровъ, будущихъ министровъ и желающихъ быть министрами. Успокоивъ моего собесѣдника, что «турака» рѣжутъ исправно, я вслѣдъ за носильщиками побрелъ въ «Варошъ Паризи»—лучшую гостинницу Бѣлграда, въ центрѣ города, такъ называемомъ «Теразія», на улицѣ «Миланъ Обреновичъ», противъ фонтана «Михаила Обреновича», въ двухъ шагахъ отъ княжескаго дворца, домовъ консуловъ и проч. Дорога идетъ въ гору черезъ оживленную нижнюю торговую часть города по подлѣйшей булыжной мостовой, такъ какъ тротуары, сдѣланные изъ того же булыжника, напоминаютъ челюсти акулы и тщательно избѣгаются пѣшеходами, т. е. почти всѣмъ населеніемъ Бѣлграда, потому что въ этой столицѣ, на тридцать тысячъ жителей, всего тридцать извозчиковъ, да и тѣ, кажется, занимаются болѣе подготовленіемъ своихъ кандидатуръ въ скупштину, чѣмъ извозомъ. Съ перваго раза Бѣлградъ напоминаетъ рус-

скій второстепенный губернскій городъ, все криво, косо, улицы не урегулированы, не подметены, площади не мощены и страшно грязны, домъ отъ дома «не слышно человѣческаго голоса», хорошій рядомъ съ развалившеюся лачугою, лавки дрянныя и полное отсутствіе фабричной и заводской дѣятельности; вся промышленность Сербіи выражается пока въ одномъ пивоваренномъ заводѣ, да и тотъ, кажется, устроенъ австрійскимъ консуломъ.

Въ чемъ, однако, существенно отличается Бѣлградъ отъ русскихъ городовъ—это въ развитіи уличной жизни. «Каваны» день и ночь набиты народомъ. Статскіе, военные, министры, простые граждане, пастухи—всѣ идутъ пить кофей, читать газеты и разсуждать о томъ, какъ бы хорошо подраться съ турками, только охоты нѣтъ. Кафе «города Парижа» первое въ городѣ, тутъ я видѣлъ всю fine fleur мѣстной интеллигенціи, въ особенности много чиновниковъ—изобиліе которыхъ составляетъ больную сторону Сербіи, и военныхъ. Сербскіе офицеры одѣты въ форму, состоящую изъ французскихъ кепи, австрійскихъ кафтановъ, русскихъ погоновъ и плюмажей и т. д. Неизвѣстно, соединяютъ ли они съ этими заимствованіями всѣ достоиства воиновъ другихъ національностей [1]). Характерная особенность сербскаго войска составляетъ еще распредѣленіе галуновъ. Если идетъ человѣкъ, обшитый сплошь галунами, какъ Petrowlsky въ «Рабагасѣ, то это навѣрное майоръ; наоборотъ, если военный одѣтъ въ родѣ нашего исправника, со жгутиками на плечахъ, то это генералъ. Послѣднихъ, впрочемъ, въ Сербіи мало, да и тѣ изъ нѣмцевъ. Такимъ образомъ, количество галуновъ обратно пропорціонально чину—выдумка хитрая, для укрощенія тщеславія. Затѣмъ, кромѣ галуновъ, у офицера должно быть непремѣнно свое политическое знамя.

За выборомъ партіи дѣло не постоитъ, на этотъ счетъ въ Сербіи en veux tu—en voila. Уже въ настоящее время насчитываются слѣдующія партіи: старая турецкая, князя Милана, Карагеорджевичей, князя Николая черногорскаго, радикальная, республиканская, не говоря уже о всемірной партіи—гемероидальной, для которой, какъ говорится, хоть трава не рости. И все это на населеніе въ 1.350,000 душъ, изъ котораго болѣе милліона занимается исключительно разведеніемъ свиней и стоитъ на той степени развитія, что свинью зарѣзать, что турка—все

---

[1]) Напомнимъ, что это было писано еще въ 1875 году.

Примѣч. автора.

равно. Въ иностранной печати часто упоминаютъ еще о партіи «омладины» и приписываютъ ей какое-то революціонное значеніе; строго говоря, подобная кличка не имѣетъ смысла. «Омладиною» называется ученое общество, пользующееся большимъ вліяніемъ, но въ составъ его входятъ лица, которыя образуютъ теперь весьма различныя политическія партіи.

Журналистка Бѣлграда далеко не удовлетворяетъ такому разнообразію политическихъ мнѣній; для развитія ея недостаетъ ни подписчиковъ, ни публицистовъ и, особенно, денежныхъ средствъ; лучшіе сотрудники получаютъ отъ 7 до 10 дукатовъ въ мѣсяцъ, тогда какъ даже учителя—повсюду мало оплачиваемая профессія—заработываютъ до 15—20 дукатовъ въ мѣсяцъ. На выборъ читателя сербскою прессою представляются «Српске Новине»—органъ офиціальный, «Истокъ»—либеральный, «Видовданъ»—органъ, какъ говорятъ, услуживающій австрійскому правительству и руководимый его агентомъ, Розеномъ, и, наконецъ, «Старо ослобоженіе»—органъ радикальный. Послѣдній выходитъ въ Крагуевацѣ. Сербскія газеты, появляющіяся не чаще трехъ разъ въ недѣлю, объемомъ въ четвертую часть листа, печатаются кирилицею и состоятъ изъ передовой статьи, нѣсколькихъ писемъ изъ сербскихъ городовъ и телеграммъ о герцеговинскомъ возстаніи; послѣднія отличаются тѣмъ, что сопровождаются коментаріями, которыя, по всей вѣроятности, не оплачиваются телеграфнымъ тарифомъ, а сочиняются уже въ редакціяхъ; приписки эти въ родѣ слѣдующихъ: «Помогите ради Бога!», «Братья не выдавайте!», «Къ черту турковъ!», «Турковъ убито 70, такъ слѣдовало бы ихъ и всѣхъ заодно уничтожить!» и т. п.

Несмотря на то, что цензуры въ Сербіи не существуетъ, газеты не рѣшаются писать все, что думаютъ; но въ этомъ дополняетъ ихъ газетка «Граничаръ», издающаяся въ австрійскомъ городѣ Земунѣ, лежащемъ противъ Бѣлграда. «Граничаръ»—бѣльмо на глазу сербской администраціи и при мнѣ министерство Ристича-Груича обнародовало весьма курьезное воззваніе, гдѣ просило не вѣрить этой газетѣ, которая будто бы, все вретъ. Чтеніе «Граничара» запрещено, поэтому онъ постоянно въ рукахъ публики.

Я засталъ Бѣлградъ, когда еще дѣйствовало министерство Ристича-Груича, и сербская скупштина въ тайныхъ засѣданіяхъ обсуждала адресъ на тронную рѣчь князя Милана. Министерство пользовалось весьма нелестною кличкою «ministère des assassins», такъ какъ члены его, говорятъ, были замѣшаны въ дѣлѣ объ убійствѣ князя Михаила въ

«Топчидере». Впрочемъ, всѣ, безъ исключенія, выдающіеся сербскіе дѣятели были, болѣе или менѣе, прикосновенны къ этой cause célèbre, начиная съ сербскаго Мольтке, покойнаго генерала Блазнаваца,—преобразователя мѣстной арміи,—наблюдавшаго съ горы за совершеніемъ преступленія. Люди, знакомые съ пружинами сербской внутренней политики, заранѣе предсказывали паденіе министерства, которое и случилось вскорѣ послѣ моего отъѣзда. Причина разложенія лежала въ самой его организаціи.

На князя Милана имѣлъ рѣшительное вліяніе ярый консерваторъ Мариновичъ, постоянный соперникъ Ристича во всѣхъ дѣлахъ. Ристичъ, хотя человѣкъ очень способный и ловкій, все-таки не болѣе, какъ политическій интриганъ, который не могъ взять на себя отвѣтственности въ рѣшительномъ поступкѣ объявленія войны Турціи; минута, между тѣмъ, была очень благопріятною. Въ надеждѣ вынудить Ристича къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ, либеральная партія навязала ему въ товарищи Груича, съ которымъ до того Ристичъ былъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ. Выборъ былъ сдѣланъ крайне неудачно, такъ какъ Груичъ отличается весьма слабымъ и нерѣшительнымъ характеромъ, и если подобное коалиціонное министерство могло бы существовать, то лишь при умѣніи взять въ руки дѣла тому изъ министровъ, на котораго, такъ сказать, возлагало всѣ свои надежды общественное мнѣніе. Неудивительно, что князю Милану было такъ легко отдѣлаться отъ несимпатичнаго ему министерства и замѣнить его «свадебнымъ министерствомъ» Кальевича, вопреки желанію скупштины, которая, между тѣмъ по конституціи 1869 года, полновластна и князь только приводитъ въ исполненіе ея постановленія, но не санкціонируетъ ихъ. Правда, часть депутатовъ скупштины — 30 назначается непосредственно правительствомъ, но около ста выбирается, болѣе или менѣе, независимо. Конституціонная жизнь Сербіи вообще представляетъ рядъ вопіющихъ противорѣчій и, при неразвитости и подвижности народной массы, открываетъ удобное поле для разныхъ интригановъ. Оттого Сербское княжество и «сербіанцы» пользуются весьма нелестною репутаціею въ прочемъ сербскомъ мірѣ, особенно въ Черногоріи и Хорватіи. Въ глазахъ грубыхъ и храбрыхъ черногорцевъ «сербіанцы», ожидовѣли, а по мнѣнію аристократическихъ хорватовъ, населеніе княжества состоитъ исключительно изъ свинопасовъ, правительство же, подъ маскою ложнаго конституціонализма, продолжаетъ традиціи бѣлградскихъ трехбунчужныхъ пашей.

Весьма вліятельное лицо въ Бѣлградѣ сербскій митрополитъ Михаилъ, къ которому я счелъ своею обязанностью представиться. Преосвященный извѣстенъ Петербургу; это небольшаго роста худенькій человѣкъ, довольно моложавый для своихъ лѣтъ, съ тонкимъ выраженіемъ; онъ очень привѣтливъ и разговорчивъ, порусски говоритъ превосходно, потому что окончилъ курсъ въ кіевской духовной академіи со степенью магистра. Помѣщается митрополитъ уже далеко не такъ, какъ черногорскій владыка; по обстановкѣ, домъ и проч., напоминаетъ житье нашихъ русскихъ архіереевъ. О возстаніи митрополитъ выражался сдержанно, хотя симпатіи его, очевидно, были на сторонѣ босняковъ и герцеговинцевъ, въ этомъ случаѣ чувства всего православнаго сербскаго духовенства одинаковы и лучшимъ выраженіемъ этихъ чувствъ служитъ попъ Жарко, поведеніе котораго казалось въ Бѣлградѣ весьма естественнымъ.

Знакомство съ митрополитомъ было для меня тѣмъ полезнѣе, что я не засталъ въ Бѣлградѣ двухъ лицъ, къ которымъ былъ рекомендованъ и съ которыми познакомиться было не лишнее, въ виду цѣли моей поѣздки. Именно Блайковичъ, предсѣдатель бѣлградскаго комитета—душа всего движенія въ Сербіи, уѣхалъ въ Крагуевацъ вліять на засѣданіе скупштины, а сенаторъ Христичъ, бывшій министръ просвѣщенія и пріятель Ристича, проживалъ у себя въ имѣніи. Я видѣлъ только секретаря комитета, снабжающаго всѣхъ репортеровъ свѣдѣніями о ходѣ возстанія. Блайковичъ, какъ извѣстно, бывшій офицеръ русской службы, потерявшій ногу подъ Севастополемъ; онъ уже два года какъ дѣятельно работалъ въ Бѣлградѣ надъ организаціею возстанія вмѣстѣ съ Любобратичемъ, Жарко и др. Болѣе удачи было для меня въ знакомствѣ съ представителями иностранной дипломаціи, между которыми отличался своими интригами, англійскій агентъ Уайтъ, бывшій, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, генеральнымъ консуломъ въ Варшавѣ и отлично говорящій порусски. Жена Уайта, вмѣстѣ съ супругою русскаго дипломатическаго агента француженкою изъ Сиріи, служили по своей красотѣ, украшеніемъ прекрасной половины бѣлградскаго общества.

Въ центрѣ города, на грязной главной площади, возвышается красивое зданіе театра. Я посѣтилъ, конечно, «народно позориште», купилъ себѣ въ «позоришной канцеляріи» за 8 грошей «садиште» и видѣлъ «карактерну шаљиву игру у петь чиновъ», «Добосречницу», или по нашему переводъ комедіи-водевиля покойной Бирхъ-Пфейферъ. Теат-

ральный залъ очень красивъ внутри, ярко освѣщенъ нефтянымъ газомъ, который уменьшаютъ во время дѣйствія, оркестръ состоитъ изъ военныхъ, публика не особенно изящная и въ корридорахъ театра порядочная вонь. Труппа довольно многочисленная, играетъ развязно, но манеры ужасны, костюмы также: jeune-premier, г. Миланъ, пріѣхалъ верхомъ въ черномъ фракѣ, г-жи Цветичъ, Райковичъ, Гргуръ, Катаничъ, разыгрывавшія аристократическихъ барышень, надѣли кисейныя платья сверхъ столь накрахмаленныхъ юбокъ, что казались въ paniers XVIII вѣка, кромѣ того, нѣкоторыя изъ сихъ дѣвицъ давно перешли за возрастъ, допускаемый для ролей ingénues. Образцомъ для игры, повидимому, служатъ, австрійскія провинціальныя труппы. Да и съ кого брать примѣръ сербскимъ артистамъ; не пріѣзжать же имъ за 3,000 верстъ учиться изящнымъ манерамъ у гг. Душкина, Степанова и другихъ?

Недалеко отъ театра находится высшая школа или, по нашему, университетъ, помѣщающійся въ красивомъ зданіи. Школа устроена на деньги, которыя, судя по надписи, пожертвовалъ маіоръ «Миша Анастасьевичъ своему народу». Маіоръ въ этомъ случаѣ возвратилъ своему народу только часть награбленнаго у послѣдняго добра, при помощи тягостнаго солянаго откупа во времена Милоша. Кромѣ университета, помѣщается тутъ же гимназія и публичная библіотека, другая такая же библіотека содержится правительствомъ въ центрѣ города и назначена исключительно для чтенія газетъ. По стѣнамъ ея развѣшано любопытное собраніе портретовъ сербскихъ знаменитостей. Въ университетской библіотекѣ я видѣлъ только гимназистовъ, внимательно читавшихъ старыя газеты; профессоры, наоборотъ, проводятъ время болѣе въ кафе и занятіе наукою мало двигается въ Бѣлградѣ впередъ. Но, если чистая наука не преуспѣваетъ, то педагогія развивается весьма успѣшно; нужно даже удивляться патріотизму, съ которымъ молодое поколѣніе, оканчивающее курсъ въ заграничныхъ университетахъ, спѣшитъ возвратиться на родину, гдѣ такъ скудно вознаграждается умственный трудъ. Сѣмя науки не будетъ, однако, брошено даромъ и принесетъ, въ свое время, плодъ. И теперь, говоря о Сербіи, не нужно забывать о томъ, давно ли она вышла изъ своего вѣковаго рабскаго оцѣпененія. Еще въ 1865 г. красное знамя лжепророка гордо развѣвалось надъ бѣлградскою твердынею, въ самомъ, такъ сказать, сердцѣ сербской земли.

Нашъ генеральный консулъ г. Карцевъ предупредилъ меня, что если я

поѣду 13-го сентября, то буду имѣть весьма удобный случай видѣть вблизи невѣсту князя, Наталію Петровну Кешко. Безъ сомнѣнія я поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, и такъ какъ пароходъ идетъ въ Базіашъ въ 6 часовъ утра, то я приказалъ разбудить себя въ 5 часовъ, но въ сербскихъ гостинницахъ свои порядки. Совершенно случайно я уже самъ проснулся въ 6 часовъ, торопливо одѣлся и собрался. Забывшая разбудить меня прислуга, не забыла in corpore выйдти на улицу, чтобъ провожать и получить обязательную контрибуцію. Я летѣлъ на пристань, полагая, что пароходъ давно ушелъ, однако здѣсь убѣдился, что австро-сербскіе пароходы не аккуратнѣе сербскихъ гостинницъ. Пароходъ, который шелъ изъ Вѣны въ Галацъ, явился вмѣсто 6-ти часовъ, только въ половинѣ 9-го, и все время пришлось дожидаться его у пристани. Ждала, между тѣмъ, огромная толпа народа, большой отрядъ солдатъ съ музыкою, митрополитъ и, наконецъ, самъ князь Миланъ. Утро было морозное, въ однихъ мундирахъ оставаться на воздухѣ не доставляло большаго удовольствія. Князь со своею свитою, митрополитомъ и русскимъ генеральнымъ консуломъ, зашли обогрѣться въ сосѣдній полицейскій домъ, а офицеры разбрелись по кофейнямъ. Потребленіе чашекъ кофея и рюмокъ ракіи достигло внезапно баснословныхъ размѣровъ. Зашелъ и я въ одну изъ «каванъ», украшенную по стѣнамъ литографіями какихъ-то чудовищныхъ монументовъ, задуманныхъ г. Микѣшинымъ для украшенія мизерныхъ площадей Бѣлграда.

Послѣ десятой фальшивой тревоги, поднимавшейся изъ-за каждаго дымка на Дунаѣ около Земуна, показался, уже не на шутку, большой пароходъ «Дунайской компаніи»; съ крѣпости раздались выстрѣлы, войска взяли на-краулъ, музыка заиграла сербскій гимнъ, разостлали коверъ, и князь, въ темномъ пиджакѣ и круглой шляпѣ, подъ руку съ матерью, подошелъ къ пристани. Бросили трапъ, пароходные офицеры при длинныхъ сабляхъ и въ треугольныхъ шляпахъ, распоряжались маневрами, молдаванскія лица спутниковъ будущей княгини сіяли отъ удовольствія. Одна Наталья Петровна, стоявшая на рубкѣ, была очаровательна въ своей скромности. Она была одѣта совершенно по дорожному: въ черномъ гладкомъ платьѣ, черной ротондѣ, черной шляпкѣ съ длиннымъ бѣлымъ вуалемъ. Наталья Петровна не сошла на этотъ разъ на сербскую почву и встрѣча происходила, такъ сказать, на нейтральной почвѣ — на трапѣ. Князь поцѣловалъ руку своей невѣсты, она поцѣловала руку старой княгинѣ и митрополиту; нѣсколько полицейскихъ закричали «живіо!» Народъ, впрочемъ, если и не показывалъ

признаковъ восторга, то, повидимому, остался доволенъ своею будущею княгинею. «А лѣпа, лѣпа, лоша, лоша!» раздалось со всѣхъ сторонъ, когда Наталья Петровна подняла вуаль.

Дѣйствительно, княгиня очень красива собою, хотя не соотвѣтствовала вполнѣ гиперболическимъ похваламъ, напечатаннымъ въ французскихъ газетахъ. Она средняго роста, очень хорошо сложена и граціозна, черты лица ея выразительны и сохраняютъ особенности румынскаго типа: черные какъ смоль волосы; покатый лобъ; нѣсколько крупный, но правильно очерченый носъ; густыя брови; темные глаза; румяныя губы съ превосходными хотя нѣсколькими большими зубами; цвѣтъ лица смуглый. Выраженіе лица ея очень привѣтливое и мило застѣнчивое. Говоритъ Наталья Петровна по русски правильно, но не безъ нѣкотораго греко-молдаванскаго акцента. Понятное дѣло, что о румынскомъ происхожденіи будущей княгини умалчивалось; во всѣхъ официіальныхъ актахъ она значится «русскою», «представительницею близкаго намъ племени русскаго» и т. д. Ничего, впрочемъ, противъ румынъ князь Миланъ не имѣетъ; напротивъ, родная его сестра замужемъ за Александромъ Лаговари, извѣстнымъ скрягою и бывшимъ министромъ юстиціи въ Бухарестѣ, котораго многіе знаютъ въ Петербургѣ, какъ депутата на статистическомъ международномъ конгрессѣ 1872 года.

Князь Миланъ съ небольшимъ числомъ свиты и тѣлохранителей, одѣтыхъ гусарами, остался на пароходѣ и пошелъ съ нами съ качествѣ пассажира, чтобъ проводить невѣсту, до Базіаша. Тутъ можно было близко размотрѣть человѣка, въ рукахъ котораго находилась, можно сказать, судьба Турціи и который своею апатіею въ дѣлѣ иностранной политики и энергіею по отношенію къ скупштинѣ принесъ дѣлу освобожденія сербскаго народа болѣе вреда, чѣмъ всѣ турецкіе баталіоны и западные дипломаты, взятыя вмѣстѣ. Князь Миланъ довольно высокаго роста и очень тученъ; говорятъ, регенты нарочно откармливали его, чтобъ сдѣлать лѣнивымъ и равнодушнымъ къ дѣламъ; онъ красивѣе въ дѣйствительности, чѣмъ на портретахъ и особенно монетахъ (серебряныхъ денаріяхъ—которыми очень гордились сербы, видя въ нихъ символъ независимости); фигура его съ виду добродушна, особенно улыбка губъ, прикрытыхъ маленькими усиками, но прищуренные глаза князя обличаютъ упрямство и показываютъ, что кровь Обреновичей не остыла въ его жилахъ. Лица, близкія къ Милану, говорятъ, что онъ уменъ, но чрезвычайно скрытенъ и ни кто не можетъ заставить его проговориться. Съ Наталіею Петровною онъ держалъ себя свободно, по-

тому что зналъ ее съ дѣтства, вообще же съ женщинами онъ чрезвычайно застѣнчивъ и даже краснѣетъ, разговаривая съ ними. Упорство характера князя видно и въ мелочахъ. На балу, во дворцѣ, онъ открылъ однажды балъ съ дочерью Мариновича, этимъ обидѣлась жена какого-то дипломатическаго агента, считавшая себя старшею дамою въ Бѣлградѣ; князь нашелъ обидчивость неумѣстною и рѣшилъ, во избѣжаніе споровъ, баловъ болѣе не давать, что и сдержалъ въ теченіе двухъ лѣтъ, проводя время исключительно на охотѣ и въ кругу родныхъ. Злые языки прибавляютъ, что тутъ руководили и соображенія экономическія, потому что бережливость наслѣдственна у Обреновичей. По этому поводу разсказываютъ много анекдотовъ про «великаго», какъ называютъ его въ Сербіи, Милоша.

Старый князь требовалъ, чтобъ прислуга его постоянно ссорилась между собою, если же онъ замѣчалъ, что все спокойно, немедленно увольнялъ всю дворню.—«Если они не ссорятся, говорилъ онъ, значитъ стакнулись, чтобъ обворовывать меня».

Князь Миланъ и его невѣста, какъ я сказалъ, ѣхали скромно въ числѣ пассажировъ, просто и привѣтливо относясь ко всѣмъ. Но австрійскіе капитаны изъ кельнеровъ не могли не подслужиться. Когда прозвонили къ обѣду, всѣ сѣли за столъ, съ тою, однако, разницею, что князю и свитѣ его невѣсты подавали обѣдать, мы же смотрѣли на эту операцію и только послѣ пирожнаго получили супъ. На пароходѣ было много австрійскихъ сербовъ, весьма несочувствующихъ князю Милану; они громко выражали неудовольствіе на такіе порядки и отомстили за томительное ожиданіе дядѣ княгини, бессарабскому помѣщику, который принялъ на себя трудъ ходить вокругъ княжескаго стола и угощать сидѣвшихъ тамъ, въ надеждѣ выказать передъ простыми смертными свою близость къ невѣстѣ князя. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, какой-то пассажиръ громко позвалъ его къ себѣ крикомъ: Herr Oberkellner — пожалуйте сюда! Естественно, что приглашеніе это было встрѣчено общимъ гомерическимъ хохотомъ, отъ котораго едва не сдѣлалось дурно тщеславному молдаванину.

Повсюду на пути на берегу стояли толпы народа и войска; вездѣ, гдѣ можно палили пушки, даже въ великолѣпныхъ развалинахъ Смедерова я видѣлъ поставленныя орудія для салютовъ и войска подъ ружьемъ. Эти офиціальныя привѣтствія, устроенныя администраціею,

скоро надоѣли самому князю который не выходилъ даже на палубу. Насъ они забавляли, тѣмъ болѣе, что берега Дуная по эту сторону Бѣлграда не представляютъ ничего особенно занимательнаго. Не безъ нѣкотораго радостнаго чувства, миновавъ Грочку, Пожаревацъ, Раму и Поланку и др. мѣста, ознаменованныя побѣдами австрійцевъ и сербовъ надъ турками, увидѣлъ я Базіашъ, который за годъ передъ тѣмъ посѣтилъ на пути изъ Баку въ Парижъ.

НА ДАЛЬНЕМЪ ЗАПАДѢ.

I.

Отъѣздъ изъ Гавра. — Прощальный обѣдъ. — Пароходъ «L'Amérique». — Мои спутники. — Переходъ черезъ океанъ. — Наше времяпровожденіе. — Делаваръ. — Встрѣча въ Филадельфіи. — Американская таможня.

Для поѣздки въ Америку одинаково удобно пользоваться пароходами англійскими и американскими изъ Ливерпуля, или нѣмецкими и французскими изъ Гавра. Я избралъ французскій пароходъ, по тому простому соображенію, что пріятнѣе быть тамъ, куда васъ просятъ, чѣмъ тамъ, куда вы сами какъ бы напрашиваетесь, а французы именно приглашали насъ, русскихъ экспертовъ, ѣхать на ихъ пароходѣ, дѣлая весьма значительную уступку и обязуясь доставить прямо въ Филадельфію, а не въ Нью-Йоркъ. Въ оба конца билетъ 1-го класса стоилъ для насъ 770 франковъ, когда обыкновенно въ одинъ конецъ онъ обходится въ 650 франковъ. Посѣтивъ въ Парижѣ великолѣпное помѣщеніе правленія пароходнаго общества Transatlantique, содержащаго срочныя сообщенія Франціи съ Сѣверною Америкою, я убѣдился, что французскія акціонерныя компаніи могутъ поспорить съ русскими, по части незатѣйливыхъ отношеній къ публикѣ и акціонернымъ интересамъ. Вооружившись пригласительною телеграммою, я пришелъ въ правленіе въ часъ по полудни и не нашелъ тамъ ровно никого, кромѣ сторожей.

— Гдѣ же служащіе? спрашиваю я.

— Ушли завтракать.

— Когда же вернутся?

— Такъ, примѣрно, къ половинѣ четвертаго.

Я начиналъ волноваться, но меня успокоили, направивъ въ агенство, расположенное въ Grand Hôtel, созданномъ, также какъ и Трансатлантическое общество, небезъизвѣстнымъ русскимъ карманамъ Перейрой. Въ агенствѣ довольно любезно удовлетворили мое требованіе, отвели отдѣльную каюту въ центрѣ парохода и даже заявили предупредительно, что если число пассажирокъ на пароходѣ будетъ немногочисленно, то за то достоинства ихъ удовлетворятъ самымъ прихотливымъ требованіямъ.

Вооружившись билетомъ, который выдается вмѣстѣ съ билетомъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ до Гавра, я могъ безъ дальнѣйшихъ хлопотъ посвятить остальные два дня пребыванія въ Парижѣ удовольствіямъ. Меня тянуло посмотрѣть «Данишевыхъ», но я предпочелъ болѣе весело провести одинъ вечеръ въ палерояльскомъ театрѣ, а въ другой посмотрѣть въ Rénaissance модную оперетку Лекока «La petite mariée», гдѣ прелестная Гранье, новая тогда дива, восхищала парижанъ граціозною простотою, составляющею пріятный и освѣжающій контрастъ послѣ черезчуръ пряннаго исполненія другихъ представительницъ канканирующей музы.

Въ Гаврѣ я встрѣтилъ на станціи желѣзной дороги дю-Соммерара, предсѣдателя французской выставочной коммисіи, пріѣхавшаго напутствовать французскихъ экспертовъ, отправлявшихся въ Филадельфію, и присутствовать на большомъ банкетѣ, который общество Transatlantique давало на пароходѣ «Amérique» французскимъ, русскимъ, бельгійскимъ и испанскимъ экспертамъ. Дю-Соммераръ заявилъ мнѣ и моимъ русскимъ спутникамъ (инженерному полковнику Петрову и горному инженеру Іосса), что приглашеніе присутствовать на банкетѣ посланы намъ были въ Петербургъ. Онъ просилъ не стѣсняться присутствіетъ на банкетѣ гаврскихъ дамъ и явиться по дорожному, въ пиджакахъ. Обѣдъ былъ накрытъ въ огромной каютъ-компаніи 1-го класса, которая свободно вмѣщала полтараста гостей. Всѣ мы были разсажены около распорядителей и видимо, что французы очень цѣнили присутствіе на ихъ торжествѣ русскихъ Это повторялось неизмѣнно въ рѣчахъ.

Дю-Соммераръ началъ рядъ спичей, прочитавъ какъ сельскій попъ по бумажкѣ длинное напутственное слово экспертамъ. Ему отвѣчали Шабріе, директоръ общества Transatlantique, и Віаль, агентъ общества въ Гаврѣ, весьма почтенный морякъ—отъ имени компаніи, а отъ лица экспертовъ Дитцъ-Моненъ, бывшій депутатъ въ національномъ

собраніи. По просьбѣ товарищей и нашего консула я сказалъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на комплименты, сдѣланные русскимъ путешественникамъ. Смыслъ моей краткой рѣчи былъ тотъ, что хотя Франція творила намъ много пакостей, но нѣтъ для насъ народа милѣе французовъ. Любовь ко всему французскому я объяснилъ примѣромъ, какъ русскіе генералы въ 12-мъ году, защищая Москву, разговаривали между собою по французски. Мое незамысловатое словоизверженіе было встрѣчено самымъ сочувственнымъ образомъ и присутствовавшіе французы съ жаромъ благодарили меня за высказанныя симпатіи. Рѣчь мою расписали краснорѣчиво въ газетахъ и даже разослали ея содержаніе во всѣ концы міра по телеграфу. Обѣдъ заключился рѣчью капитана парохода, Пузо, который проводилъ ту идею, что общество на нашемъ пароходѣ, заключая въ себѣ, такъ сказать, сливки разныхъ отраслей человѣческаго знанія, имѣетъ всѣ шансы пріятно проводить время. Требовать болѣе счастливаго состава спутниковъ уже невозможно.

— Удача нашего путешествія, прибавилъ онъ, очень важна для моего парохода, она сниметъ печать проклятія, тяготѣющую на немъ.

Для объясненія этихъ мрачныхъ словъ нужно сказать, что пароходъ «Amérique» прославился своими неудачами и избѣгается суевѣрною публикою. Пробитый паруснымъ судномъ, онъ былъ брошенъ въ 1875 году своимъ экипажемъ залитый на три четверти. Англичане, какъ извѣстно, нашли его посереди океана, прибуксировали благополучно въ Ливерпуль и только по постановленію суда адмиралтейства возвратили компаніи за приличное вознагражденіе, въ полмилліона франковъ. Не прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ у того же парохода сломался валъ отъ винта и онъ сорокъ дней лавировалъ подъ парусами, пока не добрался до Бреста. Понятно удовольствіе пассажировъ при такомъ «срочномъ» сообщеніи. Эти несчастія въ связи съ гибелью двухъ другихъ пароходовъ общества, изъ которыхъ «Ville de Havre» (бывшій «Napoléon III»), одинъ изъ лучшихъ океанскихъ пароходовъ, пошелъ ко дну слишкомъ съ двумя стами пассажировъ, страшно подорвали репутацію общества Transatlantiqne въ глазахъ публики. Акціи общества, не смотря на огромную помильную плату отъ правительства, не стоютъ болѣе 60% номинальной стоимости. Такимъ образомъ, на нашей шеѣ компанія желала возстановить репутацію своего злополучнаго парохода, а такъ какъ судно въ родѣ «Amérique» заработываетъ, не считая помильной платы, болѣе 150,000 франковъ въ рейсъ, то понятна щедрость компаніи на наше угощеніе.

Вышеозначенная цифра сбора не можетъ показаться огромною, если видѣть, что такое пароходъ «Amérique». Вмѣстимость его 4500 тоннъ, машина силою 900 нарицательныхъ лошадей, но въ дѣйствительности работаетъ силою трехъ тысячъ лошадей. Пароходъ изображаетъ изъ себя огромный пятиэтажный домъ; каждый изъ его четырехъ классовъ приспособленъ для перевозки сотенъ пассажировъ при условіяхъ возможно большаго комфорта. Одинъ погребъ парохода, гдѣ бутылки сберегаются тысячами, уже самъ по себѣ вещь замѣчательная. Кромѣ различныхъ другихъ удобствъ, на пароходѣ имѣется докторъ, аптека, парикмахерская, гдѣ брѣютъ въ какую угодно качку, кондитерская и булочная. Хозяйство парохода устроено нѣсколько отлично отъ нашихъ пароходовъ. Капитанъ, хотя и считается главнымъ начальникомъ, но завѣдываетъ исключительно технической частью судна; затѣмъ все, что касается фрахта, пассажировъ, содержанія послѣднихъ въ пути, прислуги, порядка и пр. находится въ рукахъ особаго коммисіонера или коммисара. Такая система имѣетъ, конечно, многія удобства, не отвлекая изъ-за мелочей капитана отъ его важнѣйшей обязанности—вожденія судна, хотя раздѣленіе властей должно непремѣнно вызывать не мало затрудненій и столкновеній.

Послѣ торжественнаго обѣда, гдѣ присутствовалъ весь фешенебельный Гавръ, началась дружеская болтовня многочисленныхъ гостей, опыты электрическаго освѣщенія и пр., а я пошелъ бродить по городу, причемъ мнѣ какъ нарочно, для лучшаго ознакомленія, пришлось заблудиться и долго бродить, не встрѣчая ни души, по весьма запутанной системѣ набережныхъ вокругъ бассейновъ, образующихъ портъ. Сколько я могъ замѣтить и узнать изъ разговоровъ, Гавръ расширенъ при имперіи далеко выше дѣйствительной потребности и за недостаткомъ населенія и торговля имѣетъ видъ чего-то недостроеннаго. Война 1870—71 года и безчисленная система налоговъ, облагающихъ перевозку по желѣзнымъ дорогамъ, почту, таможенную процедуру и прочее, отвлекли большую часть транзита, шедшаго черезъ Гавръ, къ Антверпену. Французы это видятъ, но какъ-то отчаянно машутъ руками, чувствуя, что нѣтъ силъ сломить административную рутину. Гавръ имѣетъ также важныя природныя неудобства. Онъ созданъ искусственно и въ послѣднее только время. Помѣщаясь въ устьѣ небольшой рѣки и не имѣя возможности впускать глубоко сидящія суда во время отлива, Гавръ не представляетъ удобнаго и безопаснаго убѣжища. Руками человѣческими сдѣлано, однако, все возможное.

Мы вышли изъ Гавра въ $^1/_2$8-го утра, во время прилива. Шумъ машины разбудилъ пассажировъ. Утро было чудесное и набережная Сены покрылась толпою, радушно провожавшею насъ. На метеорологической обсерваторіи находились городскія власти и вчерашніе наши товарищи по обѣду, махавшіе платками. Мы простились громкими восклицаніями и пушечными выстрѣлами и бодро двинулись въ морскую пучину. Къ общему удовольствію Ламаншъ былъ какъ зеркало и первый переходъ до Плимута, гдѣ пароходъ беретъ англійскихъ пассажировъ, не обѣщалъ ничего, кромѣ удовольствія. Весь переходъ совершается въ 15 часовъ и къ Плимуту приходятъ уже послѣ захода солнца. Берега Англіи тутъ довольно живописны; къ сожалѣнію, быстро наступившіе сумерки не позволяли долго видѣть что-либо отчетливо. Въ Плимутѣ также пароходъ не входитъ иначе какъ съ приливомъ. Въ противномъ случаѣ онъ останавливается вдали и пассажировъ подвозятъ ему на маленькомъ пароходѣ.

Передъ отъѣздомъ намъ роздали печатный списокъ нашихъ спутниковъ. Общество было весьма разнообразное. Между французскими экспертами выдавались: Симоненъ, извѣстный путешественникъ и писатель, многократно посѣщавшій Америку, бывшіе депутаты національнаго собранія: Мартель и Дитцъ-Моненъ; живописецъ Сентенъ; скульпторъ Бартольди; извѣстный въ Россіи по статистическому конгресу 1872 года академикъ Левассеръ; химикъ Кульманъ; товарищъ книжной торговли Гашетъ, Фурэ; инженеры де-Бюсси и Вальтонъ; маіоръ Перье, производившій большія геодезическія работы въ Алжирѣ и др. Въ числѣ пассажировъ были маркизъ Рошамбо, внукъ знаменитаго генерала, командовавшаго французскимъ вспомогательнымъ корпусомъ во время войны за независимость Америки; депутатъ французскаго собранія докторъ Руссель, энергически проводящій законы, стѣсняющіе и наказующіе пьянство; сотрудникъ «Figaro» Моріотъ, бывшій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей»; швейцарскій живописецъ Пигъ, маркизъ Талейранъ-Перигоръ, и множество другихъ лицъ, болѣе или менѣе интересныхъ. Около названныхъ выше преимущественно группировалось пароходное общество, по обыкновенію скоро сплотившееся въ дружную семью, чему болѣе всего содѣйствуетъ образъ жизни по звонку и одинаковые интересы всѣхъ, состоящіе въ неопредолимомъ желаніи избѣжать морской болѣзни.

Этимъ непріятнымъ недугомъ почти никто не страдалъ у насъ, кромѣ дѣвицъ и нѣсколькихъ черезъ чуръ уже слабонервныхъ людей,

такъ какъ погода была замѣчательно хороша, и даже въ такъ называемой trou du diable, по сосѣдству съ опасной по туманамъ и плавающимъ ледянымъ горамъ ньюфаундлендской отмелью, насъ качало весьма мало. Такое явленіе исключительно, потому что плаваніе по сѣверной части Атлантическаго океана считается однимъ изъ наиболѣе непріятныхъ и опасныхъ. Въ Плимутѣ пароходное общество увеличилось весьма значительно. Какой-то англійскій пароходъ, шедшій въ Канаду, сломался по дорогѣ во время бури; къ счастью онъ былъ встрѣченъ французскимъ пароходомъ «St. Laurent», который снялъ пассажировъ и передалъ ихъ на «Америку». Злосчастные путешественники почти исключительно жители Канады, не смотря на то, что были уже семнадцать сутокъ въ морѣ, казались весьма веселыми и съ англосаксонскимъ спокойствіемъ не теряли времени въ напрасныхъ жалобахъ на стихіи.

Переходъ нашъ не былъ, впрочемъ, совершенно уже избавленъ отъ разныхъ непріятностей: не успѣли мы оставить за собою берега коварнаго Альбіона, какъ замѣтили, что пароходъ еле плетется подъ парусами. Шутники начали распускать слухъ, что капитанъ потерялъ булавку отъ своего галстуха и старается отыскать ее на днѣ океана. На выручку призадумавшихся пассажировъ явился находчивый коммисаръ, устроившій на палубѣ различныя игры. По разпросамъ оказалось, что остановка парохода произошла по необходимости перемѣнить горѣвшій подшипникъ. Простоявъ часовъ семь, мы двинулись въ путь, но увы! на другой день новая остановка, опять изъ-за подшипника, уже на восемь часовъ. Это навело на всѣхъ грустныя размышленія. Въ придачу, на пароходѣ случилось несчастіе. Когда началась качка, два эксперта: Шатель—отъ ліонскихъ фабрикантовъ, и Мартель—бывшій депутатъ и производитель лучшаго въ мірѣ коньяка, оба почтенные съ виду люди, держали пари, что пробѣгутъ по палубѣ на одной ногѣ до руля. По дорогѣ Шатель упалъ и переломилъ себѣ ногу въ двухъ мѣстахъ. Это событіе на цѣлые сутки испортило общее расположеніе духа. Вмѣсто обычныхъ шутокъ и остротъ вечеромъ, въ каютъ-компаніи поднимали вопросы въ родѣ того: хватитъ-ли-де лодокъ на случай гибели парохода? Капитанъ объяснялъ намъ, что имѣетъ десять шлюпокъ, которыя могутъ вмѣстить 500 человѣкъ, но одинъ бывалый пассажиръ увѣрялъ, что уже при тридцати человѣкахъ шлюпка переворачивается вверхъ дномъ, а не нашедшіе мѣста, испуганные пассажиры, садятся при этомъ верхомъ на киль.

Такихъ ужасовъ намъ не пришлось видѣть, и отличная погода позволила проводить время хотя и не разнообразно, но, по возможности, пріятно. Всѣ дни путешествія по океану походятъ одинъ на другой и, описавъ одинъ изъ нихъ, я опишу всѣ. Утромъ мы вставали около 8 часовъ, кто бралъ ванну, кто пилъ кофе, чай или шоколадъ, или гулялъ по палубѣ для освѣженія головы отъ душнаго воздуха каютъ. Въ $9^1/_2$ часовъ садились за первый завтракъ, который равнялся хорошему обѣду съ закусками, фруктами, кофе, виномъ и пр. Послѣ завтрака шли на палубу и устраивали различныя игры, требовавшія физическихъ усилій. Въ особомъ ходу была англійская игра Schuffles-bords—родъ кегель; отъ стараго до малаго всѣ играли въ эту игру и многіе пріобрѣли большую ловкость. Побѣдителемъ-же оставался нѣкій марсельскій фабрикантъ Будъ, забавный малый, служившій мишенью насмѣшекъ. Извѣстно, что марсельцы, своимъ оригинальнымъ выговоромъ, какъ у насъ хохлы, даютъ богатую пищу французскому остроумію.

Въ полдень толпа отправлялась въ рубку, гдѣ на большой морской картѣ отмѣчалось ежедневно пройденное въ 24 часа пароходомъ пространство и выставлялся бюллетень о нашемъ географическомъ положеніи и числѣ сдѣланныхъ въ теченіе сутокъ и остающихся миль. Левассеръ читалъ при томъ краткія лекціи географіи,—наука, въ которой французы не тверды. Левассеръ велъ себя курьезно. Каждое утро развертывалъ онъ кучу картъ, книгъ и рукописей и дѣлалъ видъ, что углубляется въ чтеніе, не смотря на качку. Въ это время всѣ французы по-очереди подходили къ нему съ неизмѣнною фразою: Quel infatigable travailleur que ce monsieur Levasseur! Пропустивъ процессію и прослушавъ тридцать разъ стереотипную фразу, академикъ складывалъ свои доспѣхи и шелъ спать. Въ часъ насъ звали ко второму завтраку, состоявшему изъ бульона, ветчины, рыбы и компота. Послѣ того общество занималось чтеніемъ и картами. Много времени поглощало также рисованіе каррикатуръ. Съ нами ѣхало не мало разныхъ «монстровъ», легко поддававшихся шаржу. Постепенно наши художники вошли во вкусъ и перешли къ шаржамъ другъ на друга и на своихъ спутниковъ; въ заключеніе составился, такимъ образомъ, великолѣпный альбомъ, который кажется напечатанъ красками въ Парижѣ. Къ каждому портрету сочинено Симоненомъ юмористическое двухстишіе. Этотъ альбомъ составилъ какъ-бы исторію нашего путешествія.

Въ четыре съ половиною часа подавался обѣдъ, тянувшійся весьма

долго и состоявшій изъ весьма многочисленныхъ блюдъ; четыре повара и два кондитера старались превзойти другъ друга. Вообще столъ, а также прислуга на пароходахъ общества «Transatlantique» превосходятъ всѣ другія пароходныя общества. Послѣ обѣда пассажиры гуляли до восьми часовъ, когда подавался чай и начинался импровизированный концертъ: пѣли, играли на скрипкѣ и на фортепіано. У одного изъ пассажировъ оказался превосходный баритонъ; кромѣ того, на пароходѣ ѣхало двѣ пѣвицы изъ американской труппы Оффенбаха. Какой-то комми-вояжеръ игралъ на органѣ. Концертъ не затягивался, ибо въ 9 часовъ всѣ мужчины спѣшили занять въ рубкѣ мѣсто, для игры въ лото. Играли обыкновенно три партіи, по франку партія, при чемъ проигрышъ шелъ въ общую кассу для устройства пунша. Номера выкрикивалъ Мартель, забывая свою депутатскую важность, онъ къ каждому номеру прибавлялъ соотвѣтственную кличку, принятую у французскихъ инвалидовъ, отчего лото дѣлалось крайне-забавнымъ. Публика подтягивала хоромъ на разные лады или сочиняла новыя названія цифръ къ старымъ кличкамъ, уже освященнымъ обычаемъ, въ родѣ: onze—les jambes du commissaire! Dix sept—la potence et le normand pendu! Dix huit—ans et pas de corset! Quarante huit—la Glorieuse! Quatre vingt neuf—les immortels principes! и т. д.

Послѣ лото вносились горы сандвичей, отпускавшіеся отъ парохода даромъ, и, затѣмъ, ведро, куда вливались десятокъ бутылокъ шампанскаго, немного зельтерской воды, стакана два кирша, бутылка сиропа, клались ананасы и апельсины. Всю эту смѣсь, называемую «la marquise», торжественно мѣшалъ большою ложкою Мартель и разливалъ по стаканамъ, послѣ чего начинались разсказы, болѣе или менѣе легкомысленнаго содержанія, прозванные нами les contes du gaillard d'arrière. Особеннымъ искусствомъ разсказа и неистощимымъ запасомъ скабрезныхъ анекдотовъ, стиховъ, историческихъ фактовъ и т. п. отличался Симоненъ. Нѣкоторые его разсказы, напримѣръ, знаменитую марсельскую исторію о томъ, какъ M. Duhamel отдавалъ въ наймы квартиру одной дамѣ, буквально заставляли повторять каждый день. Къ 11 часамъ по регламенту огни на пароходѣ тушились, турниръ остроумія и празднословія кончался и общество шло спать. Такъ дѣло тянулось одиннадцать дней и ночей, пока мы не одолѣли трехъ тысячъ миль, раздѣляющихъ Гавръ отъ американскаго берега.

На прощанье пароходъ видимо желалъ отличиться. Для завтрака и обѣда была составлена невѣроятная карта изъ десятковъ блюдъ, и за-

мороженное шампанское лилось щедрою рукою. Капитанъ въ довольно складной рѣчи распрощался съ нами и приказалъ увѣковѣчить наше пребываніе на пароходѣ, прибивъ въ общей столовой черную доску съ соотвѣтственною золотою надписью. Симоненъ прочелъ слѣдующее юмористическое стихотвореніе, содержаніе котораго была характеристика пассажировъ:

A mes chers collégues, les membres du jury de France et autres lieux en route pour Philadelphie.

Quel est donc ce steamer qui court sur l'Atlantique.
Il est parti du Havre, il a nom l'Amérique.
Et vers Philadelphie il porte le jury
De France, de Russie etd'Espagne.... Voici
Fouret, la fine fleur de la maison Hachette
Qui tant de livres donne et veut qu'on en achete,
Dietz-Monnin, le roi des quincailliers, Levasseur
Membre de l'Institut, érudit, professeur;
Walton qui porte un casque et juge en mécanique,
Le commandant Perrier, topographe d' Afrique,
Chatel que nous fournit Lyon et Rochambeau
Cher aux Américains, des jurés le plus beau.
Kulmann venu de Lille et maitre en Alchimie
Guiet, représentant de la carosserie;
Et le peintre Saintin; Martel l'homme au cognac.
Bartholdi le sculpteur et Millet et Diesbach,
Et Monsieur de Bussi, savant en céramique
Et cet autre l'echappé de la terre Iberique
Cortazar l'Espagnol, le colonel Pétroff,
Jossa, puis Skalkovsky mandé par Demidoff.
Caubert le fondement de la magistrature
N'ayant plus de secret pour sa progéniture.
Est ce tout mes amis? Non, plus d'un a le droit
D'étre en ces vers inscrit et cité par surcroit
Boude aux beaux mocassins, l'enfant massaliète
Et le docteur Roussel, député, forte tête,
Et l'elegant marquis Talleyrand-Perigord,
Les deux Juliens, Robin et Bellevalette encore.
Mariotte, reportér du Figaro, Washburne
Dont le nom paternel pourrait sortir de l'urne
Et vous toutes trop peu nombreuses cette fois
Passagères du bord qui nous dictez vos lois.
N'allons pas oubliér docteur ni commissaire
Ni le bon commandant Pouzolz qui nous fait faire
Un vogage si beau, qui pour nous demanda
Le calme aux éléments, à la mer, à Boudha.
J'ai dit, salut à tous, à vous amis sincérs

Collègues du jury, camarades confrères
Que sur terre ou bientot nous descendrons gaiment
Nous restions tous unis comme sur l'Océan.

En mer, à borde de l'Amèrique par 41° 23' de latitude nord et 64° 03' de longitude ouest—meridien de Paris 15 mai 1876.

Затѣмъ, Дитцъ-Мoненъ, по старому французскому обычаю, который я считалъ погребеннымъ въ романахъ. Поль-де-Кока, пропѣлъ куплеты собственнаго сочиненія подъ названіемъ le coussinet (подшипникъ), содержаніе которыхъ было также юмористическое описаніе нашихъ скромныхъ пароходныхъ похожденій.

LE COUSSINET.

Couplets de circonstance dediés aux bons amis, jurés, officiers et passagérs de bord.

Pouzolz disait: a bord de l'Amérique
Soyez, Messieurs, le hôtes bienvenus
Je vous promets à travers l'Atlantique
Un train express, de succulents menus.
Il disait vrai, le vaillant capitaine,
Pour lui le ciel se montre doux et net.
Pour lui le vent, retenant son haleine
Nous fit un coussinet.

Nous te quittons, pleins de reconaissance,
Immense mer, insondable Océan
Tu déployas pour nous une clémence
Qui fait douter de ton gouffre béant
Si sur tes flots, nous frisons la quinzaine
Quand tout devait abreger le trajet
N'aimons pas notre cher capitaine
Mais bien le coussinet.

Le shoffle'bord, le loto de famille
Et la musique ont charmé nos loisirs
Propos joyeux, ou l'esprit gaulois brille
Vont bercér longtemps nos souvenirs
Et si l'ècho du frais gaillard d'arrière
Pourait un jour inspirer Gondinet
Pour Duhamel et pour sa locataire
Quel riant coussinet.

Nous entrerons bientot en Delaware
Et foulerons le sol américain

C'est le moment de crier: be aware!
A vous, amis, qui lachèz tout demain
Il faut après dix jours de tempérance
Se ménager, messieurs un tantinet
N'échauffez point, pour le retour en France
Le fameux coussinet.

Le nouveau monde a cent ans de distance
Vit nos aieux fonder la liberté
Il nous fera, nous enfants de la France
Juger les fruits de son activité.
En lui portant les concours de nos armes
Nous venons, non sans poudre au bassinet
Lui disputer en amis et sans larmes
Le meilleur coussinet.

Représantants de la Transatlantique
Chers officiers, commissaire et docteur
Pour vos bons soins á bord de l'Amérique
Nous vous offrons un merci de grand coeur.
Votre steamer pour nous fut la patrie
Hereux hélas s'il nous y ramenait
Pensez à nous loin de Philadelphie
Sur l'air de coussinet.

Стихи, куплеты и послѣдовавшіе затѣмъ спичи были встрѣчены громкими рукоплесканіями и криками на англо-американскій манеръ. Манеръ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: вытянувъ правую руку перпендикулярно, нужно ревѣть во все горло трижды: «Гипъ, гипъ горрра!» и, затѣмъ, закончить, опустивъ руку книзу, крикомъ: «тааайгеръ!» такъ, чтобы онъ напоминалъ рычаніе тигра. Мы исполняли все это добросовѣстно, подъ руководствомъ Уашбурна, сына американскаго посланника въ Парижѣ, и достойнымъ образомъ приготовились къ обѣдамъ, насъ ожидающимъ въ Америкѣ.

17-го мая н. с. съ утра уже началось лихорадочное волненіе на пароходѣ. Всѣ знали, что около полудня откроется земля. Поэтому игры были забыты и публика находилась на палубѣ, вперивъ взоры въ безпредѣльное пространство, а тѣ, кто страдали на пути отъ морской болѣзни, ждали американской земли съ тою же жадностью, какъ нѣкогда Колумбъ на своей каравелѣ. Земля не заставила себя дожидаться. Два послѣдніе дня море было гладко, какъ рѣка, и часамъ къ одиннадцати на горизонтѣ, на лѣво отъ парохода, въ туманѣ протянулась темная лента, какъ бы парусъ въ отдаленіи. Это былъ американскій берегъ и

маякъ мыса Май, у входа въ устье Делавара. Появленіе земли особенныхъ восторговъ не вызвало, но удовольствіе было замѣтно на всѣхъ лицахъ, точно отлегло отъ сердца. Нашему путешествію впрочемъ было еще далеко до конца, такъ какъ Филадельфія лежитъ отъ моря почти на 90 миль вверхъ по рѣкѣ.

Делаваръ у устья очень широкъ, съ одного берега не видно другаго. Это одна изъ тѣхъ удивительныхъ рѣкъ, которыми богатъ американскій континентъ; по ней океанскіе пароходы ходятъ такъ-же свободно, какъ у насъ плоскодонныя барки. Хотя рѣка глубока и обставлена на каждомъ шагу маяками и сигналами (о которыхъ въ Россіи на внутреннихъ водяныхъ путяхъ еще и не слыхали), но для безопасности очень большіе пароходы все-таки берутъ лоцмана. Эти лоцмана, совершенные съ виду джентльмены, получаютъ большія деньги, а потому, не взирая на погоду, выѣзжаютъ далеко въ море, иногда болѣе чѣмъ на сутки пути. И насъ подобный лоцманъ встрѣтилъ въ открытомъ морѣ и привезъ газету, которая сообщила, что въ двѣнадцать дней нашего уединенія, въ Европѣ произошли довольно серьезныя событія. Газета въ рукахъ лоцмана — пріятное явленіе для вступающихъ въ Новый свѣтъ съ понятіями Стараго, гдѣ занятіе политикою считается пока предметомъ роскоши, приличнымъ только высшимъ классамъ общества.

Низменные берега Делавара покрыты растительностью. Эта зелень, довольно мизерная, показалась нашимъ пассажирамъ, послѣ длиннаго лицезрѣнія скучной водяной площади, чѣмъ-то въ родѣ армидиныхъ садовъ, и они начали восхищаться несуществующими красотами рѣки. Нѣсколько выше, берега Делавара дѣлаются по-красивѣе. Лежащіе по обѣ стороны рѣки штаты Родъ-Эйландъ и Делаваръ принадлежатъ къ богатѣйшимъ и населеннѣйшимъ въ Америкѣ. Гладкія поляны, группы деревьевъ сочнаго зеленаго цвѣта, характеръ построекъ — все это напоминаетъ англійскій ландшафтъ, особенно около городка Нью-Кесля и форта Делавара, ограждающаго (болѣе номинально) входъ въ рѣку военныхъ судовъ. Иллюзіи способствовала туманная погода. Такой-же англійскій характеръ имѣетъ лежащій на пути обширный городъ Вильмингтонъ, весь покрытый густымъ облакомъ дыма, идущаго изъ безчисленныхъ трубъ его желѣзныхъ заводовъ. За Вильмингтономъ правый берегъ подымается и дѣлается весьма оживленнымъ.

Рѣка, кипѣвшая жизнью и до того времени, начинаетъ давать знать о приближеніи огромнаго порта. Каждую минуту нашъ гигантъ-паро-

ходъ встрѣчалъ или перегонялъ рѣчные пароходы въ нѣсколько этажей, морскіе пароходы и парусныя суда, и безконечное число легкихъ, какъ чайки, американскихъ каботажныхъ судовъ съ люгерною оснасткою. Съ американскихъ судовъ намъ машутъ привѣтливо шляпами и платками, мы отвѣчаемъ тѣмъ-же и ревемъ гипъ! гипъ! Особенно стараются дѣти, ожившіе послѣ мертвенности океана. Вотъ идетъ судно подъ русскимъ флагомъ. Увы! шведская надпись: Birger, свидѣтельствуетъ, что это финляндское судно, русскихъ-же судовъ подъ торговымъ флагомъ еще не скоро дождется Америка. Но вотъ опять показались на рѣкѣ русскіе флаги въ перемежку съ французскими. Это нашъ генеральный коммисаръ на выставкѣ г. Бѣльскій любезно выѣхалъ навстрѣчу, вмѣстѣ съ французскимъ коммисаромъ Руло-Дюгажемъ, членами французской коммисіи и представителями американской прессы.

Присутствіе г. Бѣльскаго много облегчило намъ таможенныя формальности, которыхъ въ Америкѣ еще болѣе, чѣмъ гдѣ либо. По этому поводу не могу не передать остроумнаго отвѣта, сдѣланнаго бразильскимъ императоромъ. Ему показывали въ Сенъ-Луисѣ таможню,—родъ дворца изъ кирпича и гранита.

— Къ чему такая монументальная постройка? спросилъ императоръ,—не проще-ли было сдѣлать легкое желѣзное строеніе.

— Каменное простоитъ долѣе, отвѣчали ему.

— Желѣзное выдержало-бы 400 лѣтъ, замѣтилъ императоръ, а неужели вы полагаете, что къ этому сроку будутъ еще существовать таможни?

Пока онѣ существуютъ и не мало содѣйствуютъ непріятностямъ каждаго путешествія. Мы пришли, напримѣръ, послѣ обѣда, но такъ какъ солнце уже зашло, то американская таможня, уступивъ просьбѣ коммисаровъ, выпустила насъ на берегъ, но не согласилась выпустить вещей. На другое утро новая бѣда: полилъ дождь, а подъ дождемъ нельзя исполнять таможенныхъ формальностей. Нечего дѣлать, пошли перетаскивать наши вещи съ мѣста на мѣсто въ пустые вагоны и другія крытыя помѣщенія. Имѣя въ виду, что въ Америкѣ, странѣ равенства, таскать приходится все почти собственными руками, а, напримѣръ, у моего спутника, графа Дисбаха, было вещей (преимущественно платьевъ его жены) 113 кубическихъ футовъ, понятно подобное удовольствіе.

Американская таможня требуетъ отъ васъ декларацiи о количествѣ вещей. Декларацію эту вы подписываете, вмѣстѣ съ клятвеннымъ обѣ-

щаніемъ, что у васъ ничего подлежащаго пошлинѣ нѣтъ. Когда вы поклялись и полагаете, что все уже кончено, начинается осмотръ багажа! Эта операція весьма, впрочемъ, ускоряется ловкимъ вкладываніемъ «всемогущаго доллара» въ руку таможеннаго, который начинаетъ, что называется, валить черезъ пень въ колоду. Чиновники вообще находятся въ Америкѣ въ презрѣніи, а таможенные въ особенности. Подкупность ихъ всѣмъ извѣстна и по этому поводу разсказываютъ анекдотъ, вѣроятно повторявшійся неоднократно и въ таможняхъ другихъ странъ.

— У васъ есть запрещенныя вещи, спрашиваетъ таможенный чиновникъ.

— Я не вижу ихъ, отвѣчаетъ путешественникъ, вставивъ себѣ золотой въ глазъ вмѣсто бинокля.

— Дайте мнѣ пару такихъ лорнетовъ возражаетъ чиновникъ, тогда и я ничего видѣть не буду.

Конечно, мы на пароходѣ не усидѣли и, не дожидаясь багажа, отправились бродить по городу подъ предводительствомъ спутниковъ, знакомыхъ уже съ Филадельфіею. Пароходъ еще не подтянулся къ пристани, но мы воспользовались маленькою компанейскою забѣжкою и высадились около большаго португальскаго военнаго парохода, привезшаго вещи для выставки. Съ рѣки Филадельфія никакого вида не имѣетъ потому-что всѣ набережныя обращены въ пристани для нагрузки и выгрузки судовъ.

Первое впечатлѣніе американской земли никогда, говорятъ, не бываетъ благопріятно. Отчасти испытали мы это и на себѣ, вступивъ на берегъ подъ естественною иллюзіею встрѣтить что-то необычайное и попавъ въ прибрежный кварталъ съ грязными улицами, полными кабаковъ и притоновъ для приходящихъ матросовъ. Сразу поражаетъ также необыкновенное однообразіе американскихъ улицъ, застроенныхъ по извѣстному плану и на скорую руку. Освѣщеніе не особенно блистательно. За то улицы не украшаются, какъ въ Европѣ, на каждомъ шагу многочисленными полицейскими, и нѣтъ почти улицы, гдѣ-бы не проходила конно-желѣзная дорога. По нѣкоторымъ улицамъ идетъ и паровая желѣзная дорога, ничѣмъ не огражденная и дающая только знать о себѣ громкимъ звономъ колокола, раскачиваемаго на локомотивѣ.

Шумною гурьбою, расправляя засидѣвшіяся ноги, почти пробѣжали мы огромное пространство до центра города, гдѣ въ bar-room перваго въ Филадельфіи отеля увидѣли чисто американскую сцену: мраморную

раззолоченную залу, полъ которой былъ заплеванъ жвачнымъ табакомъ; часть густой толпы прохлаждалась водками, смѣшанными съ замороженными составами, другая суетилась передъ досками, куда записывались громогласно, передаваемые по телеграфу, результаты состязанія знаменитыхъ билліардныхъ игроковъ, происходившаго въ Филадельфіи и изъ за котораго держались громадныя пари. Толпа, весьма подозрительная съ виду, шумѣла, горячилась и орала во все горло. Освѣжившись напиткомъ съ примѣсью 25% спирта, мы записали наши имена въ конторѣ гостинницы, съ просьбою приготовить комнаты и дать дилижансъ для возвращенія на пароходъ.

Омнибусъ оказался цѣлымъ ковчегомъ, совершенно въ американскомъ вкусѣ. Тридцать человѣкъ свободно сѣли въ немъ и двѣ лошади быстро понесли его, пересѣкая конные и паровые пути. Кучеръ, не разспросивъ порядочно, завезъ насъ Богъ знаетъ куда. Желая выбраться на истинную дорогу, онъ въѣхалъ въ товарную станцію пенсильванской желѣзной дороги, гдѣ произвелъ страшную суматоху. Безконечно-длинный экипажъ не могъ поворотиться между десятками паръ пересѣкающихся рельсовъ, а поѣзды такъ и шныряли мимо насъ, размахивая и гудя колоколами. Каждую минуту ожидали мы, что дилижансъ разорветъ по-поламъ. Наконецъ, удалось вырваться со станціи и поплутавъ еще немного, мы добрались до парохода, гостепріимно встрѣченные капитаномъ, которому по дорогѣ мы вотировали единодушно цѣнный подарокъ въ воспоминаніе нашего счастливаго плаванія.

---

*

II.

Американская гостинница, ея порядки. — Наружный видъ Филадельфіи. — Всемірная выставка, ея устройство и финансовое положеніе. — Сравненіе филадельфійской выставки съ предыдущими всемірными выставками.

Чтобы удобнѣе наблюдать разнообразныя явленія американской жизни, я остановился не въ частномъ помѣщеніи, гдѣ стараются по возможности приноравливаться къ потребностямъ иностранцевъ, а въ лучшей гостинницѣ Филадельфіи «Continental Hotel», устроенной совершенно на американскій ладъ. Американскія отели описывались многократно, то въ чертахъ каррикатурныхъ, то въ поэтическихъ изліяніяхъ восторга. Однако, сравнительно съ англійскими отелями, въ американскихъ очень мало чертъ особенно сколько нибудь оригинальныхъ. Здѣшнія гостинницы, при огромныхъ удобствахъ, заключаютъ весьма чувствительные для европейца недостатки. Главное удобство заключается въ томъ, что въ подаваемыхъ счетахъ нѣтъ сюрпризовъ. Въ лучшемъ отелѣ вы за все платите кругомъ $4\frac{1}{2}$—5 долларовъ въ сутки, въ гостинницѣ похуже — 3 — $3\frac{1}{2}$ доллара и т. д., ни копѣйки больше, ни копѣйки меньше. За эту сумму вы получите достаточное количество комфорта безъ малѣйшаго удовлетворенія какихъ либо барскихъ прихотей.

Комфортъ состоитъ въ необыкновенно опрятныхъ комнатахъ, въ отличномъ бѣльѣ, прекрасно дѣйствующей прачешной, столѣ на столько изобильномъ, что никакая человѣческая натура не въ силахъ одолѣть и десятой части предлагаемыхъ ежедневно блюдъ, въ проведенныхъ повсюду водѣ, газѣ, въ имѣніи подъ рукой почты, телеграфа, газетъ, театральнаго и желѣзнодорожнаго бюро, въ устройствѣ непре-

рывно дѣйствующихъ элеваторовъ, позволяющихъ не подыматься вовсе по лѣстницамъ, въ великолѣпныхъ общихъ салонахъ для разговоровъ, принятія визитовъ, занятія пѣніемъ, музыкою и т. д.

Но эти выгоды сопровождаются и чувствительными неудобствами. Хотя плата для всѣхъ одинаковая, но въ роскошныхъ комнатахъ бельэтажа помѣщаютъ лишь по протекціи метръ д'отелей; преимущественно отдаютъ эти комнаты дамамъ, а прочихъ путешественниковъ безъ зазрѣнія совѣсти сажаютъ въ 4 и 5 этажъ, гдѣ номера очень похожи на камеры одиночнаго заключенія. Лампъ и свѣчей нигдѣ нѣтъ, всюду утомительный для глазъ газъ. Меблировка комнатъ самая простая: кровать, комодъ, маленькій столикъ и два стула. Случается также, что васъ помѣщаютъ по двое и по трое въ одну комнату съ совершенно незнакомыми людьми. Затѣмъ, хотя повсюду проведены электрическіе звонки, но вы звонить можете развѣ для собственнаго увеселенія, такъ какъ никто на звонокъ не является. Прислуга въ номерахъ исключительно женская. Горничныя обыкновенно миловидныя съ манерами лэди показываются только по утрамъ и то скорѣе во ожиданіи, чтобы за ними ухаживали путешественники, нежели для услугъ послѣднимъ; ухаживать нужно впрочемъ, осторожно, а то пожалуй судъ заставитъ жениться. Мужская прислуга — негры переносятъ только тяжелыя вещи и служатъ за столомъ.

Эта черномазая прислуга весьма курьезна и наблюденіе за нею составляетъ пріятное развлеченіе среди однообразной трактирной жизни. Если вы приказываете что нибудь негру, онъ становится въ граціозную позу и нѣжно склоняетъ голову на бокъ; чтобы вы ни приказали, негръ непремѣнно спрашиваетъ, не нужно ли еще чего нибудь; такого вопроса слѣдуетъ остерегаться, потому что въ американскихъ гостинницахъ, если вы заказываете шесть блюдъ, то вамъ приносятъ всѣ сразу и при нихъ одну тарелку, одинъ ножикъ и вилку; во избѣжаніе удовольствія ѣсть на грязной тарелкѣ, необходимо заказывать блюда по очереди. Негры, служащіе въ гостинницахъ, безъ исключенія грамотны и весьма значительно побѣлѣли. Повидимому плантаторы пользовались своими правами не стѣсняясь; впрочемъ быть можетъ на цвѣтъ кожи имѣетъ нѣкоторое вліяніе и климатъ. Только волосы остаются черны и курчавы, какъ шерсть, одинаково у всѣхъ негровъ.

Выборъ блюдъ также дѣло не легкое для иностранца. Каждый завтракъ, обѣдъ и ужинъ вамъ подается огромная карта блюдъ, которыя вы имѣете право потребовать хотя всѣ, а чего, чего тутъ нѣтъ:

и жареныя бѣлки, и вареныя лягушки, и мѣдвѣдь и, крокодилъ, и всякая дрянь. Все подъ весьма замысловатыми названіями, которыя необходимо сначала разгадать, чтобы не попадаться въ просакъ. Въ общемъ, американская кухня похожа на англійскую и также отличается отсутствіемъ жареной рыбы и жаркихъ: большую роль играетъ въ ней свинина въ разныхъ видахъ. Для русскихъ соблазнительно изобиліе предметовъ въ Россіи дорогихъ, а здѣсь наоборотъ очень дешевыхъ, напримѣръ устрицъ, ананасовъ и проч. Въ большихъ гостинницахъ можно теперь требовать вина или пива за особую плату, но истинный американецъ за столомъ ничего не пьетъ кромѣ воды со льдомъ, а для выпивки отправляется послѣ обѣда въ bar-room, гдѣ, стоя за прилавкомъ, пьетъ водку, вино и пр. Въ столовой вино подается только бутылками, и рюмку хереса нельзя получить ни за что. Хлѣбъ употребляется по большой части съ кукурузой и американцы очень любятъ ѣсть хлѣбъ горячій. Чай въ отеляхъ, да и повсюду въ Америкѣ самая ужасная микстура. Единственная возможность пить эту настойку зеленаго чая — это класть въ стаканъ кусокъ льда и дѣлать родъ французскаго «мазаграна».

О чисткѣ платья въ гостинницахъ нѣтъ и помину; для чистки слѣдуетъ идти въ прихожую, гдѣ негры за отдѣльное вознагражденіе исполняютъ это особыми метелками. Большая возня также съ бѣльемъ. Тутъ въ ходу фланелевыя рубашки, бумажные воротнички, такъ какъ отъ дороговизны ручнаго труда стирка бѣлья и особенно глаженіе обходится дорого. Въ гостинницахъ берутъ $1^1/_2$ доллара за дюжину бѣлья и считаютъ еще каждый чулокъ отдѣльно; затѣмъ, если у рубашки воротъ пристяжной, то она считается уже за двѣ штуки, а если и манжеты пристежныя, то вотъ уже являются четыре штуки бѣлья. Такимъ образомъ, чистое бѣлье въ великой республикѣ считается какъ бы предметомъ роскоши.

Я говорю, однако, о жизни въ отеляхъ. У насъ же хотя и полагаютъ, со словъ «Oncle Sam» и тому подобныхъ произведеній, что въ Америкѣ всѣ живутъ въ гостинницахъ и даже въ послѣднихъ устраиваются особыя общія дѣтскія для грудныхъ младенцевъ, но это очевидное преувеличеніе. Въ Филадельфіи, по крайней мѣрѣ, число гостинницъ, относительно прочихъ домовъ, крайне ничтожно, а самое устройство частныхъ домовъ, буквально какъ въ Англіи, стремится отбросить общежитіе и уединить по возможности каждое семейство. Объ американской жизни у меня, впрочемъ будетъ рѣчь впереди, а теперь обра-

щаюсь къ всемірной выставкѣ — главной цѣли моей поѣздки за океанъ.

Для обозрѣнія выставки слѣдовало отправиться по конно-желѣзной дорогѣ. Американскія желѣзныя дороги мало похожи на наши; по нимъ вагоны двигаются каждыя двѣ, три минуты; далѣе зная планъ города, легко проѣхать куда угодно по рельсамъ, потому что въ Филадельфіи, напримѣръ, рельсовые пути занимаютъ 300 миль протяженія, т. е. четыреста пятьдесятъ верстъ. Другое удобство, что вагонъ беретъ столько пассажировъ, сколько ихъ влѣзетъ. Кто не нашелъ мѣста, стоитъ посереди, кто на площадкѣ рядомъ съ кондукторомъ. Я читалъ часто, что американки, не найдя свободнаго мѣста, преспокойно сгоняютъ мужчинъ или садятся къ нимъ на колѣни, но это относится безъ сомнѣнія, къ разряду тысячи и одной сказокъ объ Америкѣ. Ежедневно я видѣлъ дамъ, терпѣливо стоящихъ въ вагонѣ, гдѣ сидѣло много мужчинъ, и рѣдкій изъ нихъ уступалъ свое мѣсто, развѣ дама была хорошенькая. Вагоны ѣдутъ скоро, но останавливаются очень часто; кучера и кондукторы одѣты въ обыкновенное платье; проѣздъ стоитъ 7 центовъ, съ уступкою, если взять сразу не менѣе четырехъ билетовъ.

Изобиліе конныхъ желѣзныхъ дорогъ сдѣлало излишнимъ употребленіе большей части частныхъ и извощичьихъ экипажей; въ Америкѣ ихъ очень мало, а тѣ, которые существуютъ, устраиваются съ такою шириною осей, чтобы пользоваться рельсами. Такъ какъ мостовая не имѣетъ уже затѣмъ большаго значенія, то она, по крайней мѣрѣ въ Филадельфіи, не лучше нашей, тотъ же булыжникъ и та же грязь. За то тратуары чище и шире нашихъ. Очень просторные тротуары дѣлаютъ улицы по наружности узкими. Впрочемъ, въ Филадельфіи, особенно въ старомъ городѣ, улицы вообще не широки. Характеръ ихъ крайне однообразный, начиная съ планировки квадратами. Дома, въ три, рѣдко въ четыре этажа легкой постройки изъ краснаго кирпича, не красятся, но иногда отдѣлываются бѣлымъ мраморомъ; часто весь фасадъ мраморный или изъ сѣраго красиваго песчанника. Монументальныхъ зданій очень мало, такія возводятся лишь для школъ и госпиталей, за то и грязныхъ лачугъ или безконечныхъ заборовъ незамѣтно. Улицы по большей части обсажены деревьями, а нумерація улицъ и домовъ такъ остроумно придумана, что нѣтъ ничего легче, какъ найти кого-либо. Обстоятельство весьма важное, потому что въ американскихъ городахъ дворниковъ не полагается, а полицейскихъ также почти не видать на улицахъ. Наружный видъ Филадельфіи довольно сонный; даже въ глав-

ныхъ улицахъ, кромѣ Chesnut street—тамошнемъ Невскомъ проспектѣ, немного оживленія, а нѣкоторые кварталы просто поражаютъ тишиною для такого большаго промышленнаго и торговаго города.

Поѣздка на выставку изъ центра города, гдѣ находится Continental Hotel, требовала около трехъ четвертей часа времени, что не совсѣмъ удобно, особенно для лицъ имѣвшихъ на выставкѣ дѣла. Совершая это длинное путешествіе, довольно хорошо знакомишься съ характеромъ Филадельфіи. До великолѣпнаго моста черезъ рѣку Шюилькиль, дорога идетъ по улицамъ, весьма плотно застроеннымъ и сравнительно оживленнымъ; далѣе она вступаетъ въ кварталы, имѣющіе характеръ нашихъ предмѣстій; наконецъ послѣдняя треть пути частью шла дачами, а частью по улицамъ, очевидно импровизированнымъ для выставки и напоминавшимъ ярмочные ряды. Это сплошная линія балагановъ, кабаковъ, мелкихъ гостинницъ и всякихъ другихъ заведеній; зданія сшиты на живую нитку и въ изобиліи украшены флагами, особенно американскими. На флаги вообще не поскупились жители города «братской любви» и, безъ всякаго насилія со стороны полиціи, издержали на это, говорятъ, болѣе полумилліона долларовъ.

Вышеозначенный титулъ Филадельфія сохраняетъ, какъ извѣстно, по старой памяти, какъ городъ квакеровъ. Ничѣмъ, однако, эта братская любовь не проявляется. Вотъ насчетъ любви «сестрицъ» — такъ ужъ очень вальготно, какъ и вообще въ Соединенныхъ Штатахъ. Квакеры мужчины ничѣмъ не отличаются по костюму, но женщинъ можно еще узнать по уродливому чепчику, который молодыя квакерши стараются однако надѣть по кокетливѣе, на бокъ. Вліяніе квакерства проявляется также въ заунывномъ образѣ жизни городской интеллегенціи; въ этомъ случаѣ Филадельфія сильно разнится отъ Нью-Іорка. Изъ постороннихъ элементовъ въ Филадельфіи силенъ нѣмецкій, но нѣмцы въ Америкѣ вовсе не похожи на нашихъ; они быстро обамериканиваются и оставляютъ свой языкъ, только любовь къ пиву переживаетъ въ нихъ чувство національности.

Выставкѣ конечно можно было сдѣлать обзоръ только самый бѣглый, потому что для изученія ея потребно слишкомъ много времени. Нѣсколько недѣль также не въ силахъ дать понятіе объ этомъ гигантскомъ твореніи рукъ человѣческихъ, какъ какая-нибудь книга не даетъ понятія о Соединенныхъ Штатахъ. Даже самыя подробныя описанія съ приложеніемъ рисунковъ доставляютъ весьма неполныя свѣдѣнея о всемірныхъ выставкахъ, а послѣднія имѣютъ еще наклонность

расширяться болѣе и болѣе. Такое несчастное стремленіе положительно отнимаетъ у выставокъ ихъ поучительный характеръ, обращая выставки въ обширные базары вещей, на половину никому не интересныхъ и количествомъ совершенно затирающихъ качество. Филадельфійская выставка хотя по числу предметовъ и не больше была вѣнской, но въ сущности оказалась богаче послѣдней, что зависѣло отъ того, что Америка въ промышленномъ отношеніи далеко опередила Австро-Венгрію. На вѣнской выставкѣ цѣлые залы были наполнены напримѣръ, пѣнковыми мундштуками и тому подобными пустяками, здѣсь же не встрѣчалось ничего подобнаго. За то по наружной красотѣ зданія филадельфійская выставка значительно уступали вѣнской. Снаружи американскія выставочныя зданія, за немногими исключеніями, походили скорѣе на громадные масляничные балаганы. Они расположены, однако, были очень удобно и хорошо обдуманы въ деталяхъ.

Главный интересъ заключала въ себѣ собственно промышленная выставка, помѣщавшаяся въ такъ-называемомъ Main Building, громадномъ зданіи на желѣзномъ остовѣ. Оно было построено изъ дерева и стекла, длина его 1,800 футовъ: а ширина 460. Хотя зданіе назначалось для всѣхъ народовъ, но около трети было захвачено американцами. При общемъ дѣлежѣ забыли о самостоятельномъ существованіи великаго герцогства Люксамбургскаго. Его витринъ не впускалъ ни одинъ отдѣлъ, и уже русская коммиссія сжалившись, отвела имъ уголокъ въ русскомъ отдѣлѣ. Большія государства отдѣлялись другъ отъ друга, по большой части, только надписями и флагами, но многія маленькія страны старались уединиться въ громадномъ зданіи отъ могущественныхъ сосѣдей, окруживъ себя болѣе или менѣе прочными стѣнами съ воротами выходившими къ главному проходу. Нѣкоторые отдѣлы, напримѣръ голландскій, выказали много вкуса, но въ отдѣлѣ помѣщеній Испаніи, Египта, Бразиліи проглядывала весьма сомнительная пестрота. Не мало экспонентовъ не понимали также того обстоятельства, что излишняя роскошь витринъ и шкафовъ скорѣе затемняетъ достоинство выставляемыхъ предметовъ. Лучше всего на этотъ счетъ устроились Франція и Англія, опытныя въ дѣлѣ выставокъ. Отведенныя имъ пространства небыли обнесены размалеванными заборами и витрины поставлены очень простыя; онѣ только отличались красотою стеколъ.

Наоборотъ, американскіе экспоненты, также какъ и австрійскіе на вѣнской выставкѣ, довели отдѣлку своихъ эталажей до смѣшнаго. Большую часть витринъ разукрасили съ роскошью, отвлекавшею внима-

ніе зрителей, хотя рѣдкая была сдѣлана съ дѣйствительнымъ вкусомъ. Суммы денегъ, издержанныя на витрины американцами, громадны. Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ какой-то янки выставилъ нѣсколько бутылокъ рому въ шифоньеркѣ, стоившей, по крайней мѣрѣ, 5 тысячъ долларовъ; другой помѣстилъ куски обыкновеннаго крахмала въ витрину, стоющую 12,000 долларовъ! Оружейные фабриканты особенно разщедрились на разныя эмблематическія украшенія. Одинъ изъ нихъ сложилъ изъ своихъ пистолетовъ громадную звѣзду. Понятное дѣло, что всѣ смотрятъ на звѣзду и никто не обращаетъ вниманія ни пистолеты. Другой недостатокъ выставки заключался въ томъ, что заводчики и фабриканты, особенно американскіе, прислали одного и того же изделія огромное количество, хотя достаточно было бы и маленькаго образчика. Между тѣмъ, этимъ достигался результатъ прямо противоположный цѣли выставокъ. Зритель, видя какой нибудь предметъ въ огромномъ количествѣ, полагалъ, что это предметъ очень обыкновенный и охотнѣе останавливалъ свое вниманіе на чемъ-либо менѣе бьющемъ въ глаза, но выставленномъ рельефно. Злоупотребленіе количествомъ издѣлій, требуя для выставокъ огромное пространства, увеличиваетъ еще расходы и мѣшаетъ поучительности международныхъ состязаній.

Нельзя не сознаться также, что всемірныя выставки стали повторяться черезчуръ часто въ послѣднее время. Какой разсчетъ было ѣхать въ Америку, когда черезъ два года ожидалась точно такая же выставка въ Парижѣ, а въ два года техника дѣлаетъ прогрессъ далеко не очень чувствительный, особенно по нѣкоторымъ производствамъ, чтобы тратить десятки милліоновъ на его наглядное показаніе. Расходы на выставки вообще огромны, какъ со стороны экспонентовъ, такъ и со стороны правительствъ. Если какіе нибудь полмилліона рублей нечувствительны для бюджетовъ Англіи, Франціи, даже Россіи, то они ложатся бременемъ на бюджеты второстепенныхъ государствъ, а на полмилліона можно сдѣлать гораздо больше для своей промышленности устройствомъ нѣсколькихъ техническихъ школъ; польза отъ нихъ будетъ навѣрное посущественнѣе, чѣмъ отъ выставокъ, особенно слишкомъ часто повторяемыхъ. Говоря о русскомъ отдѣлѣ, я коснусь еще подробнѣе вопроса о томъ, насколько настоящая организація выставокъ несоотвѣтствуетъ потребностямъ промышленности. По крайней мѣрѣ для русской промышленности, можно сказать уже почти положительно, участіе въ филадельфійской выставкѣ—участіе, которое, замѣчу кстати,

я всегда защищалъ въ печати, хотя въ другомъ видѣ, прошло безслѣдно.

По одной линіи съ главнымъ зданіемъ выставки находилось громадное зданіе Machinery Building, первоначально назначенное для механическаго отдѣла, но затѣмъ за недостаткомъ въ другихъ зданіяхъ мѣста, включавшее выставки горнаго дѣла, военнаго и морскаго искусства и даже бразильскаго шелководства! Выставленные тутъ механизмы находились въ непрерывной работѣ, весьма поучительной для зрителя. Имѣлась даже машина жевательнаго табаку, хозяинъ которой для привлеченія публики посадилъ рядомъ хоръ негровъ, дравшихъ цѣлый день уши своими пѣснями. Многочисленные станки этого отдѣла приводились въ движеніе великолѣпной паровой машиной Корлиса въ 800 силъ, котлы которой во избѣжаніе пожаровъ, помѣщались подъ землей. Машина эта по изяществу и тонкости отдѣлки была однимъ изъ чудесъ выставки.

Между главнымъ и машиннымъ зданіями стоялъ изящный фонтанъ, работы моего спутника Бартольди, извѣстнаго проектомъ гигантской статуи «Свободы, освѣщающей міръ», которая будетъ поставлена у входа въ нью-йоркскую гавань По дорогѣ влѣво мимо пруда, на серединѣ котораго билъ также великолѣпный фонтанъ, расположился правительственный павильонъ Соединенныхъ Штатовъ, а противъ него женскій павильонъ, устроенный особымъ комитетомъ, избраннымъ филадельфійскими дамами. Далѣе, нѣсколько влѣво, находилось огромное зданіе сельско-хозяйственной выставки—Agricultar Building.

Возвращаясь отъ этого павильона къ главному зданію, попадалось зданіе выставки цвѣточной—Horticultural Hall—и далѣе два павильона художественной выставки. Одинъ изъ нихъ, называемый Memorial Hall, построенъ во вкусѣ Renaissance изъ бѣлаго камня и предназначался къ сохраненію въ воспоминаніе столѣтія американской независимости. Зданіе это строилъ архитекторъ изъ нѣмцевъ. По наружности идея постройки довольно удачна, и колонады вокругъ производятъ пріятное впечатлѣніе легкостью, но внутри разочаровываешься весьма жалкимъ видомъ. Помѣщеніе для картинъ очень тѣсно и нельзя было не сталкиваясь спинами найдти надлежащую точку зрѣнія. Часть картинъ помѣстилась даже въ узкихъ корридорахъ. Съ одной стороны къ художественному отдѣлу примыкала фотографическая выставка, а съ другой—зданіе «департамента публичнаго комфорта»,—наиболѣе полезнаго въ мірѣ департамента—гдѣ было отведено огромное по-

мѣщеніе для газетныхъ репортеровъ и устроены ресторанъ, кафе, телеграфное бюро, парикмахерская и обширный ватерклозетъ. Къ чести американцевъ нужно замѣтить, что они постыдились обложить налогомъ нѣкоторыя весьма естественныя отправленія человѣческаго тѣла и не взяли въ этомъ случаѣ примѣра съ Парижа и Вѣны, гдѣ юныя дѣвицы за счетными книгами весьма цинично вели престранную бухгалтерію.

Между исчисленными выше восемью главными зданіями раскинулись сто шестьдесятъ отдѣльныхъ павильоновъ, двѣ трети которыхъ и не отыскали, пожалуй, посѣтители выставки. Павильоны эти назначались подъ отдѣльныя выставки, рестораны, кафе, правительственныя коммисіи, газетныя бюро и пр. Важнѣйшія газеты печатались тутъ же помощью валовъ со стереотипнымъ наборомъ и раздавались желающимъ даромъ. Прибавлю еще, что по кулинарной части филадельфійская выставка ничѣмъ не отличилась. Зная систему принятія пищи вѣчно торопящимися американцами, европейскіе ресторатеры не рѣшились на затраты. Явился только для обычнаго грабежа посѣтителей, извѣстный ресторанъ «Trois fréres provencaux», да нѣмцы устроили публичное отравленіе своею кухнею, преступленіе, къ сожалѣнію, не преслѣдуемое до сихъ поръ ни однимъ изъ уголовныхъ кодексовъ. Отравиться на нѣмецкій ладъ стоило долларъ съ персоны.

Сравнительно съ другими выставками, филадельфійская могла похвастать своимъ весьма практическимъ устройствомъ, разумѣя внѣшнюю сторону дѣла. Помѣщенія были свѣтлы и просторны, вещи поставлены удобно для осмотра и не приходилось каждую минуту сворачивать въ закоулки. Повсюду были проведены рельсы и перевозка вещей производилась быстро, безъ малѣйшихъ затрудненій. Дорожки между павильонами убиты были асфальтомъ, а не колючими камешками, дерущими сапоги, какъ въ Вѣнѣ; для переѣзда въ болѣе отдаленные павильоны имѣлись постоянно двигающіеся вагоны особой узкоколейной желѣзной дороги. Самое расположеніе выставки въ роскошномъ паркѣ, въ мѣстности нѣсколько волнистой придавало ей особую живописность. Для комфорта публики также сдѣланы были возможныя облегченія: конножелѣзныя дороги останавливались у воротъ выставки, въ двухъ шагахъ отъ входа, а не за версту; прохладительные напитки и газеты продавались на каждомъ шагу, причемъ, по-американски, жажду знанія и новостей вы могли удовлетворить чуть не за грошъ (газета—самая дешевая вещь въ Америкѣ), а жажду желудка—не дешевле 10 центовъ (15 коп.). Правда, что при послѣднемъ вы, въ придачу, глядѣли на жантильную миссъ,

граціозно подносившую вамъ прохладительную влагу. О необыкновенномъ искусствѣ американцевъ сочинять разные замороженные и пѣнящіеся напитки даже изъ сассапарели распространяться не буду, потому что эти напитки хорошо извѣстны теперь въ Россіи. Замѣчу только, что дурные зубы амернаканцевъ и американокъ (и какъ естественный паліативъ—превосходные дантисты) являются послѣдствіемъ постояннаго и неумѣреннаго употребленія льда во всѣхъ видахъ, который въ Америкѣ дешевле, чѣмъ гдѣ-либо.

Похваливъ внѣшнюю обстановку выставки, слѣдуетъ сказать, что относительно внутреннихъ ея распорядковъ сдѣлано было все, чтобы уничтожить значеніе выставки и подорвать ее въ корнѣ. Къ счастію, снисходительность распорядительнаго бюро и постоянныя настоянія иностранныхъ коммисаровъ позволяли отступать отъ нелѣпаго регламента. Существовало, напримѣръ, правило, что раскупоривать ящики могутъ только чины таможеннаго вѣдомства, а экспоненты обязывались подавать приэтомъ подробную спецификацію содержащихся въ ящикахъ предметовъ. У меня, напримѣръ, въ 90 ящикахъ, которые я экспонировалъ, по порученію П. П. Демидова Санъ-Донато, было болѣе 2,000 пудовъ самыхъ разнообразныхъ издѣлій. Описаніе ихъ составило бы огромный томъ на англійскомъ языкѣ; но строгость правилъ обходилась любезностью таможенныхъ чиновниковъ. Для этого нужно только было съ ними обращаться очень вѣжливо и какъ можно чаще трепать дружески по брюху, что вообще очень любятъ американцы всѣхъ классовъ. Мнѣніе, будто янки страшные невѣжы и грубіяны, совершенно невѣрно. Все, что я видѣлъ и слышалъ, совершенно противорѣчили такому взгляду, хотя конечно наблюденія мои простирались только на городскую жизнь.

Толковаго каталога филадельфійская выставка также не имѣла, какъ и предъидущія, и для отысканія интересныхъ предметовъ приходилось руководиться чистою случайностью, если не обладаешь тѣмъ свойствомъ, отъ котораго г. Лохвицкій предостерегалъ какъ то присяжныхъ.

Величайшею нелѣпостью въ организаціи выставки являлось воспрещеніе открывать ее по воскресеньямъ, когда большинство рабочаго населенія свободно, а болѣе зажиточное населенія города не знаетъ, куда дѣваться отъ скуки. Нужно пожить въ Филадельфіи, чтобы составить себѣ понятіе, въ какомъ видѣ соблюдается въ Америкѣ іудейскій обычай празднованія седьмаго дня. Городъ съ почти милліоннымъ населеніемъ кажется точно вымершимъ отъ чумы, вагоны конно-желѣзной дороги пу-

сты, магазины заперты, гуляющихъ на тротуарахъ почти нѣтъ, увеселеній никакихъ, заперты всѣ кабаки, трактиры и рестораны. Заперты конечно условно, потому что съ задняго хода торговля всетаки производится—хотя и вяло. Я заходилъ такимъ образомъ въ пивные и встрѣчалъ тамъ весьма ограниченное число посѣтителей, а это еще въ центрѣ городскаго движенія и скопленія иностранцевъ. Вопросъ объ открытіи выставки по вескресеньямъ очень волновалъ мѣстное общество. Для отмѣны запрещенія собирались многолюдные митинги; на этихъ сборищахъ даже духовныя лица высказывались въ томъ смыслѣ, что посѣщеніе выставки ничего анти-религіознаго не представляетъ. Всетаки сломить пуританскій предразсудокъ не удалось.

Закрытіе выставки для рабочихъ вредило преимущественно финансовой сторонѣ дѣла, которая у филадельфійской выставки была еще менѣе благопріятна, чѣмъ у всѣхъ предъидущихъ всемірныхъ выставокъ, всегда какъ извѣстно, заканчивавшихся съ крупнымъ дефицитомъ, покрытымъ правительствами,—вещь въ Америкѣ немыслимая. Вотъ вкратцѣ сущность финансовой организаціи выставки. Начало ея положило особое акціонерное общество съ капиталомъ въ 3 милліона долларовъ. Суммы этой оказалось недостаточно и обществу ссудили еще $1^1/_2$ милліона долларовъ штатъ Пенсильванія и городъ Филадельфія. Когда не хватило и этихъ денегъ, федеральное правительство дало $1^1/_2$ милліона долларовъ въ долгъ подъ обезпеченіе выставочнаго имущества, взявъ, кромѣ этой ипотеки, еще обезпеченіе въ видѣ обязательства 50-ти филадельфійскихъ милліонеровъ на $^1/_2$ милліона долларовъ. Независимо отъ этого, сдѣлано, говорятъ, коммисіей $1^1/_2$ милліона частнаго долга разнымъ подрядчикамъ. И такъ, выставка обошлась слишкомъ въ $8^1/_2$ милліоновъ долларовъ. Слѣдовательно, чтобы погасить этотъ долгъ сборомъ отъ посѣтителей по 50 цент. съ человѣка, такъ какъ продажа разныхъ концессій не дала болѣе 500,000 долларовъ, нужно было, чтобы ежедневно посѣщали выставку около ста тысячъ человѣкъ, а затѣмъ пришлось еще изыскать средства для текущихъ расходовъ и содержанія выставки въ теченіи полугода. Въ дѣйствительности же посѣщали выставку съ платой отъ 12 до 20 тысячъ человѣкъ ежедневно и даже въ день ея открытія собралось не болѣе 80,000 человѣкъ. Только въ два послѣдніе мѣсяца приливъ публики былъ громадный. Филадельфія также сравнительно незначительный городъ для устройства всемірной выставки. Для подобнаго рода торжества слѣдовало бы въ Америкѣ непремѣнно избрать Нью-Іоркъ, настоящую столицу Новаго

Свѣта, городъ съ населеніемъ, включая сосѣдніе пригороды, почти въ три милліона.

Нью-Іоркъ очень обидѣлся, что выставка обошла его и дѣлалъ видъ, что игнорируетъ филадельфійское торжество, а вліяніе Нью-Іорка въ подобномъ дѣлѣ весьма важно. Филадельфія все-таки провинціальный городъ и не представляла того скопленія праздношатающейся публики, которою по неволѣ богаты всѣ столицы. Незамѣтно было участія и другихъ большихъ городовъ Америки. Каждый изъ нихъ считалъ себя, повидимому, въ правѣ, не менѣе Филадельфіи, устроить всемірную выставку. Впрочемъ, когда дѣло удалось, то обыкновенно всѣ находятъ, что не было ничего проще, какъ его устроить. Но интересно бы послушать заявленія, въ случаѣ неуспѣха предпріятія.

Для работъ въ нашемъ отдѣлѣ было привезено нѣсколько русскихъ плотниковъ, работавшихъ превосходно. Мѣстные ремесленники, получавшіе по 5 долларовъ въ день, работали хуже, за то чернорабочіе, заработывающіе по 2 доллара, работали крайне усердно, особенно сравнительно съ рабочими въ Вѣнѣ, слабосильными, лѣнивыми и плутоватыми. Одно только непріятно при употребленіи американскихъ рабочихъ: у многихъ физіономіи ясно говорятъ, что это бѣдняки, ѣхавшіе искать въ Америкѣ богатства и горько разочаровавшіеся въ своихъ надеждахъ.

Иной смотритъ нѣмецкимъ профессоромъ, другой итальянскимъ баритономъ. Въ одномъ маленькомъ кафе я разговорился съ гарсономъ. Онъ оказался бывшимъ старшимъ бухгалтеромъ Société Générale — перваго парижскаго кредитнаго учрежденія. Я посовѣстился спросить, какія приключенія привели молодца къ обязанностямъ мыть полы и лѣстницы и сутки торчать на ногахъ, въ надеждѣ получить нѣсколько центовъ на водку. У несчастнаго, по его словамъ, жена и семейство.

Перечисляя дурныя стороны здѣшней выставки, нужно не забывать и неделикатное отношеніе публики къ выставленнымъ предметамъ. Несмотря на особую стражу въ 1,000 человѣкъ и освѣщеніе ночью выставки a giorno, воровство выставленныхъ вещей случалось отъ времени до времени и безпрерывно также слышались жалобы на грустныя проявленія вандализма публики. Нѣкоторыя картины въ художественномъ отдѣлѣ были изрѣзаны къ куски, а другія картины, а также статуи испачканы и заплеваны табакомъ. Австрійскій художественный отдѣлъ даже закрылся на время, объявивъ, что не откроетъ дверей ранѣе, чѣмъ не будетъ принято энергическихъ мѣръ для охраненія выставленныхъ предметовъ. Подобные случаи вызывали собо-

лѣзнованія американскихъ газетъ, но дѣло мало улучшалось. Выставка по обыкновенію нѣсколько запоздала. Русскій отдѣлъ особенно отсталъ въ началѣ, если не считать турецкаго, гдѣ свезенные ящики лежали долго не раскупоренными, потому что турецкая коммисія не могли получить изъ Константинополя ни копѣйки денегъ на расходы. Чтобы закрыть свое отдѣленіе, во время осмотра бразильскаго императора, турки повѣсили ковры. За простыя деревянныя стойки для этихъ ковровъ недовѣрчивые американцы содрали съ представителей султана двѣсти долларовъ. Запоздалость нашего отдѣла произошла не по винѣ русской коммисіи, а оттого, что витрины были посланы изъ Бремена на пароходѣ «Гете», у котораго по дорогѣ сломался винтъ, отчего пароходъ вернулся и перегрузилъ ящики на другія суда. Ранѣе же доставленія витринъ, нечего было распаковывать ящики, тѣмъ болѣе что, мѣста было дано намъ очень мало.

Иностранцевъ на выставку съѣхалось мало, даже англичанъ. Изъ русскихъ собралось всего человѣкъ сто, почти исключительно посланныхъ на казенный счетъ. Первоначально всѣ русскіе жили въ гостинницахъ; но затѣмъ, ради удобствъ, большинство разбрелось по частнымъ квартирамъ. Такая перемѣна не очень, впрочемъ, оказалась выгодною, потому что и въ частныхъ домахъ приходилось сидѣть безъ прислуги. Американскіе джентельмены всѣ очень искусно чистятъ сами себѣ сапоги и не понимаютъ нашихъ прихотей.

III.

Цѣнность жизни въ Америкѣ.—Американскіе дантисты.—Баня въ Америкѣ.—Черные минестрели.—Франкъ-массоны. — Открытіе дѣйствій экспертныхъ коммисій.—Пробѣлы выставки. — Отдѣлы: южно-американскихъ и африканскихъ республикъ, гавайскій, итальянскій, скандинавскихъ государствъ, китайскій, японскій, египетскій, испанскій и португальскій

Хотя я вполнѣ убѣжденъ, что очень немногіе изъ моихъ соотечественниковъ рискнутъ переправляться через хляби океана, все-таки считаю не лишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о цѣнности жизни въ Америкѣ. Эти данныя вполнѣ разсѣютъ опасенія о какой-то невозможной дороговизнѣ путешествовать по Америкѣ. Даже на пароходѣ меня увѣряли, что менѣе чѣмъ по 20 долларовъ нельзя издерживать въ Америкѣ въ сутки, иначе приходится вести совершенно нищенскій образъ жизни. На повѣрку вышло иное. Я полагаю, что если Америка, особенно по расходамъ на квартиру и провизію, дороже для жизни, чѣмъ самыя дорогія страны Европы, то для путешественника она, наоборотъ, будетъ дешевле, въ особенности, если взять, напримѣръ, для сравненія расходы путешественниковъ въ Петербургѣ.

Полное содержаніе въ американскихъ гостинницахъ перваго разряда стоитъ отъ 3 до 5 долларовъ въ день. Если жить въ меблированныхъ комнатахъ, то расходъ на квартиру, столъ, завтракъ, чай и прислугу не превышаетъ двухъ долларовъ въ день. Затѣмъ остальные расходы не могутъ быть значительны. Ѣзда (по конно-желѣзнымъ дорогамъ) стоитъ дешево; въ театрахъ мѣста не дороже доллара; столовое вино, французское, сносное, даже въ гостинницахъ, продается по 75 цент. бутылка (около 1 рубля), т. е. то же, что и у насъ; газеты

ни почемъ; прохладительные напитки также дешевы. Я покупалъ готовое платье и нашелъ тѣ же цѣны, что и въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, въ концѣ-концевъ, туристъ, даже съ очень скромными средствами, можетъ спокойно путешествовать по Америкѣ, имѣя еще въ барышахъ то обстоятельство, что здѣсь не даютъ на водку, развѣ неграмъ, которые сами нерѣдко просятъ подарить имъ что-либо, на что чистокровные американскіе граждане никогда не рѣшаются. У каждаго народа своя гордость, и американецъ скорѣе надуетъ васъ разъ десять, чѣмъ станетъ попрошайничать.

Къ числу предметовъ, которые въ Америкѣ гораздо дешевле нашего, слѣдуетъ отнести еще и дантистовъ. Удовольствіе этой дешевизны я испыталъ лично на себѣ, отправившись рвать зубъ къ доктору Томасу, лучшему дантисту въ Филадельфіи, гдѣ зубные врачи вообще славятся. Для ихъ приготовленія находится особая Кольтоновская коллегія, приложившая къ зубоврачеванію окись азота; американскіе дантисты—спеціалисты своего дѣла, а не люди, занимающіеся, подъ благовидною вывѣскою, различными темными операціями. Одинъ изъ русскихъ делегатовъ на выставкѣ, докторъ Выводцевъ, отправился со мною наблюдать любопытныя для него явленія анестезіи помощью «увеселяющаго газа», хотя примѣняемаго въ Америкѣ уже съ 1863 года, но въ Россіи почти не употребляемаго. У дантиста намъ отперла дверь миловидная эфіопка, привѣтливо улыбаясь и показывая два ряда зубовъ, повидимому, не искусственныхъ, и передъ нами предстали двое джентльменовъ во фракахъ. Любезно усадивъ меня въ кресло, одинъ изъ нихъ вставилъ мнѣ въ ротъ широкій деревянный наконечникъ каучуковой трубки, соединяющейся съ резервуаромъ газа, и зажалъ пальцами носъ. Я нѣсколько разъ вдохнулъ въ себя газъ, не ощущая ровно ничего. Вдругъ мнѣ показалось, что я куда-то ѣду. Это и есть моментъ обморока. Пульсъ при этомъ сильно падаетъ, зрачки расширяются и губы синѣютъ.

Черезъ мгновеніе я очнулся и спросилъ, скоро-ли начнется операція? Меня успокоили, что уже все кончено благополучно. За подобное удовольствіе я заплатилъ 2 доллара и дантистъ въ придачу подарилъ еще г. Выводцеву книгу своего сочиненія. Взаключеніе мнѣ подали книгу, гдѣ я расписался, причемъ замѣтилъ, что мой зубъ былъ уже 66,742-мъ, вырваннымъ молодымъ на видъ докторомъ, который счетъ ведетъ кажется такъ, какъ нѣкоторые редакторы выдаютъ билеты своимъ подписчикамъ, т. е. начиная прямо съ пятидесяти тысячъ. Срав-

нивая американскую систему вырыванія зубовъ съ тѣми пытками, достойными среднихъ вѣковъ, которыя въ Европѣ выдерживаешь, нужно удивляться, какъ еще могутъ у насъ оставаться при первобытномъ способѣ дерганія зубовъ. При этомъ слѣдуетъ прибавить, что анестезія помощью окиси азота гораздо легче, чѣмъ таковая отъ хлороформа. Не смотря на то, что я подвергался ей очень утомленный, проведя цѣлое утро на выставкѣ на ногахъ, послѣ операціи весь вечеръ я былъ совершенно свѣжъ и не чувствовалъ ни малѣйшаго непріятнаго ощущенія.

Коснувшись ощущеній, позволяю себѣ сдѣлать еще краткое описаніе удовольствій американской бани. Быть можетъ, нѣкоторые найдутъ такое описаніе несоотвѣтствующимъ задачѣ корреспондента, взявшагося дать отчетъ о родинѣ Уашингтона, но я, въ свое оправданіе, могу отвѣтить, что превосходную американскую конституцію, напримѣръ, описывали уже тысячу разъ и, конечно, новаго тутъ мало-что найдешь прибавить, что не было-бы уже извѣстно читателямъ; американскую-же баню никто, кажется, еще не описывалъ. «Американскою», впрочемъ называю ее я, сами-же американцы полагаютъ, что это баня русско-турецкая. Самостоятельно они до устройства бани не дошли, однако, передѣлали ее по-своему и не дурно, вопреки извѣстному афоризму, что манеры и бани тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе подвигаешься къ востоку. Съ восточною банею американская ничего общаго не имѣетъ, такъ какъ два важнѣйшихъ элемента восточной бани: верблюжья перчатка для стиранія кожи и шелковый пузырь для мыльной пѣны — тутъ вовсе неизвѣстны.

Съ самаго начала, при входѣ въ баню, вы замѣчаете уже мѣстный колоритъ: вамъ подаютъ книгу, гдѣ вы записываете ваше имя, званіе и мѣстопребываніе, платите $1^1/_2$ доллара, затѣмъ выдается чекъ на цѣнныя вещи. Раздѣвшись, отправляетесь въ комнату, гдѣ огромный термометръ показываетъ температуру болѣе 40° по Реомюру. Въ этой залѣ, отапливаемой калориферами, вы на удобныхъ плетеныхъ креслахъ-диванахъ лежите столько времени, сколько выдержать въ состояніи. Затѣмъ васъ переводятъ въ другую комнату, гдѣ парильщикъ силою дюжихъ рукъ старается стереть съ васъ верхнюю кожицу, разминаетъ вамъ члены и барабанитъ всячески по тѣлу. Потомъ идетъ мытье мыломъ, для чего употребляются щетки вродѣ тѣхъ, которыми у насъ стираютъ съ ломберныхъ столовъ. Послѣ такой операціи, напоминающей конюшню съ ея скребницами, васъ ставятъ подъ душу, гдѣ

обливаютъ изъ гутаперчевой кишки, совершенно схожей съ употребляемою для поливки шоссе. Вода теплая, но съ низу бьетъ струя очень холодной воды. Далѣе, вамъ предлагаютъ плавать въ огромномъ бассейнѣ холодной воды, занимающемъ обширную залу. По выходѣ изъ бассейна, прислуга васъ вытираетъ на-сухо, не жалѣя бѣлья, и, въ концѣ концовъ, окутаннаго въ горячую простыню, переводятъ въ общую залу, гдѣ можно читать газеты и вообще прохлаждаться. Должно замѣтить, что все помѣщеніе не имѣетъ вида катакомбъ, какъ наши русскія бани, а состоитъ изъ ряда комнатъ съ паркетными полами, позолотою и освѣщено газомъ.

Изъ бани переходъ въ театръ не покажется очень страннымъ, потому-что послѣдній, при господствующихъ въ Филадельфіи лѣтомъ жарахъ, своею температурою напоминаетъ баню. Посѣщеніе театра всегда поучительно для туриста, потому-что нигдѣ такъ ясно не проглядываютъ народные вкусы, какъ на сценѣ. Хотя въ американской жизни театръ играетъ роль совершенно второстепенную, тѣмъ не менѣе въ этой странѣ свободы и свободной конкуренціи театровъ множество, на всякіе вкусы. Во время выставки понаѣхало еще не мало артистовъ изъ Европы, но я, понятное дѣло, избѣгалъ ихъ, соображая, что не стоитъ ѣхать за три-девять земель слушать пріѣвшихся достаточно и дома знаменитостей. Для перваго опыта я посѣтилъ въ Филадельфіи такъ называемыхъ «черныхъ минестрелей» въ театрѣ Arch-Street. Люди, вымазанные черною краскою, передразнивающіе негровъ и неистово дерущіе глотку, какъ извѣстно, составляютъ любимѣйшее комическое зрѣлище для американцевъ, не очень требовательныхъ по части игры и ровно ничего не смыслящихъ въ музыкѣ.

Болѣе всего меня удивила въ театрѣ публика. Мы такъ сроднились съ понятіемъ объ американцахъ, какъ о людяхъ странныхъ привычекъ, что удивительно показалось, прійдя въ маленькій театрикъ, почти кафе-шантанъ, гдѣ самое дорогое кресло стоитъ 75 центовъ, встрѣтить публику прекрасно одѣтую, скромную и въ высшей степени сдержанную. Всѣ сидятъ безъ шляпъ, даже въ антрактахъ; никакой мелочной торговли, какъ во Франціи или въ Италіи, въ партерѣ нѣтъ, разговоры идутъ въ полголоса; наоборотъ, шуткамъ и остротамъ со сцены смѣются отъ души, особенно женщины. Зала театра великолѣпно отдѣлана зеркалами и ярко освѣщена газомъ, отражаемымъ съ потолка рефлекторами.

За то самое представленіе можетъ удовлетворить развѣ весьма не-

требовательные вкусы. Музыкальная часть представленія поражаетъ пошлостью, за тѣмъ въ труппѣ нѣтъ ни одной женщины, что напоминаетъ древніе классическіе театры. Репертуаръ состоитъ изъ діалоговъ и водевильчиковъ, очень часто смахивающихъ на балаганъ. Въ особомъ «обозрѣніи всемірной выставки» пародировались различныя національности, но лучше всего негры, своею наивною неловкостью, чрезвычайно легко поддающіеся шаржу.

Если театръ, какъ я сказалъ, не играетъ большой роли у американцевъ, то нельзя сказать, чтобы они не любили вообще зрѣлищъ. Напротивъ того, не проходитъ дня, чтобы какая-нибудь процессія съ музыкою во главѣ не разгуливала по главнымъ улицамъ Филадельфіи, а во время выборовъ процессіи дѣлаются совершенно монструозными. Особенное изобиліе процессій и музыки было 30 мая н. ст., въ такъ называемый Decoration Day, день, когда американцы поминаютъ память убитыхъ во время междоусобной войны. Въ 1876 году они хотѣли этимъ празднествомъ, хотя не вполнѣ удачно, устроить родъ примиренія съ южными штатами, почему и праздновали его чрезвычайно торжественно, вспоминая одинаково и друзей, и бывшихъ враговъ, почившихъ смертью храбрыхъ. Такой политическій характеръ имѣло празднество преимущественно въ Нью-Іоркѣ; въ Филадельфіи оно сдѣлалось центромъ громаднаго сборища американскихъ франкъ-массоновъ.

Цѣлые пять дней подъ рядъ я былъ свидѣтелемъ преоригинальнаго зрѣлища, которое можно видѣть въ одной Америкѣ, гдѣ какія угодно сборища и манифестаціи устраиваются безъ малѣйшаго вѣдома и участія полиціи. Въ нашей гостинницѣ основалась главная квартира массоновъ, жилъ гросмейстеръ Гопкинсъ и издавались поминутно приказы. Къ этому центру стекались ежедневно всѣ командорства различныхъ городовъ, каждый въ особыхъ мундирахъ, со знаменами и хорами музыки. Весьма забавно было видѣть людей серьезныхъ, даже почтенныхъ съ виду стариковъ, одѣтыми въ маскарадные костюмы, въ трехъ-угольныхъ шляпахъ, фантастическихъ орденахъ, съ обнаженными шпагами марширующихъ въ ногу, салютующихъ и производящихъ различныя эволюціи по командѣ. 1-го іюня на Broad-Street былъ совершенный парадъ: всѣ массонскія ложи, въ числѣ около десяти тысячъ человѣкъ, проходили церемоніальнымъ маршемъ съ высокими тамбуръ-мажорами во главѣ. Все шутовское очень нравится американцамъ, и они продѣлываютъ разные маневры съ торжественною важностью. Я

замѣтилъ только, что всѣ стратегическія движенія массоновъ, совершавшіяся даже по корридорамъ нашей гостинницы, неизмѣнно оканчивались у какого-нибудь bar rom'а, гдѣ, подкрѣпивъ утомленныя силы водкою, массоны снова начинали маршировать. Даже ночью продолжались ихъ странствованія толпами, такъ какъ Марсъ, Бахусъ и Венера состоятъ въ тѣсномъ сродствѣ даже по эту сторону океана.

Глядя на такую воинственную игру, очень напоминающую сцены изъ «Дочери Фараона» или изъ «Десяти невѣстъ и ни одного жениха», невольно приходитъ на умъ, что человѣческая натура вездѣ одинакова, хотя прекрасныя учрежденія американцевъ съумѣли стремленію къ воинственности дать надлежащій характеръ гимнастическихъ упражненій въ собственное удовольствіе, и не выродиться въ гибельный для каждой страны милитаризмъ. Конечно, удивляешься, какъ это тысячи серьезныхъ и образованныхъ людей могутъ терять недѣли на подобное странное времяпровожденіе, но за то утѣшаешься, что они забавляются на свои собственныя деньги, и при томъ подъ комической внѣшностью во всѣхъ этихъ фокусахъ есть своя серьезная сторона дѣла. Франкъ-массоны образуютъ въ Америкѣ чрезвычайно богатую и вліятельную ассоціацію, обладающую великолѣпными дворцами и громадными капиталами. На сколько здѣшніе «фармазоны» удовлетворяютъ той идеѣ, которая составилась у насъ объ этой сектѣ, представляющейся и въ Европѣ какимъ-то анахронизмомъ, не могу сказать ничего положительнаго; слышалъ только, что американскіе массоны отличаются большою ревностью поддерживать другъ друга — вещь, весьма полезная въ странѣ, гдѣ каждый предоставленъ собственнымъ силамъ.

Не смотря на таинственныя наружныя формы, кажущіяся нелѣпыми въ странѣ широчайшей гласности, по всей вѣроятности, здѣшнія массонскія ложи—клубы, только нѣсколько болѣе замкнутые, чѣмъ всѣ другіе клубы. Въ послѣдніе, для иностранцевъ двери широко открыты. Едва-ли, однако, стоитъ пользоваться такою привиллегіею. Времяпровожденіе въ клубѣ состоитъ въ безконечныхъ разговорахъ, преимущественно стоя, о весьма темныхъ для насъ, европейцевъ, тонкостяхъ американской политики. При этомъ ѣдятъ устрицы, пьютъ пиво или воду со льдомъ. Часовъ въ одинадцать подается холодная телятина или ростбифъ, и джентльмены во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ накидываются на блюда такъ ожесточенно, какъ будто-бы отродясь ничего не ѣли. Тѣмъ вечеръ и оканчивается. Я зашелъ было въ Общество горныхъ инженеровъ

и нашелъ буквальное повтореніе того-же самаго, съ тою разницею, что ни устрицъ, ни телятины недавали.

По части ѣды вообще американцы не отличаются. Это показали они на банкетѣ, устроенномъ въ честь экспертовъ на всемірной выставкѣ. Банкетъ, описанный, по обыкновенію, съ пафосомъ въ газетахъ, имѣлъ скорѣе комическій характеръ.

Экспертизу американцы устроили очень искусcно для себя. Коммисію жюри разбили на группы и въ каждой группѣ большинство голосовъ предоставили американцамъ. Относительно Европы они поступили еще тѣмъ безжалостнѣе, что распредѣлили экспертовъ по разнымъ государствамъ, вопреки здравому смыслу. Россіи, напримѣръ, изъ 4-хъ экспертовъ двухъ назначили по механикѣ, а извѣстно, какая у насъ механика. Далѣе, позволили имѣть одного эксперта по горному дѣлу, и одного по платьямъ и корсетамъ. Послѣдняя экспертиза досталась на долю г. Киттары. Та-же исторія и по другимъ государствамъ. Въ военномъ дѣлѣ назначены эксперты отъ Бразиліи, въ морскомъ — отъ Португаліи, въ механическомъ — отъ Египта! Болѣе всего обидѣли Францію, къ которой вообще относились безъ должнаго уваженія, хотя, при воспоминаніи объ основаніи своей независимости, американцамъ не слѣдовало бы, кажется упускать изъ виду, что безъ великодушной помощи Франціи, они долго-бы дожидались минуты своего освобожденія.

Торжество открытія дѣйствій экспертной коммисіи — важнѣйшее послѣ торжества открытія самой выставки, происходило слѣдующимъ образомъ. Эксперты числомъ 250 (въ томъ числѣ 150 отъ Америки) собрались въ спеціально назначенномъ для нихъ павильонѣ. Послѣ краткаго знакомства между собою, напоминавшаго «смѣшеніе языковъ», такъ какъ слышались нарѣчія всѣхъ странъ, экспертовъ построили попарно и повели въ общую залу, гдѣ президентъ выставки. генералъ Хаулей, сказалъ недурную привѣтственную рѣчь, а директоръ-распорядитель выставки Гошорнъ объяснилъ экспертамъ сущность ихъ обязанностей, не упоминая ни слова о протестѣ, поданномъ европейскими коммисарами, отъ имени европейскихъ экспертовъ, противъ регламента объ экспертизѣ, крайне нелѣпаго. Послѣ этихъ рѣчей, музыка сыграла нашъ народный гимнъ, выслушанный стоя, и еще нѣсколько національныхъ гимновъ. Затѣмъ эксперты, снова по два въ рядъ, пошли въ «департаментъ публичнаго комфорта» завтракать.

Торжественный завтракъ состоялъ изъ холодной ветчины и телятины, апельсиновъ и чаю. Кромѣ столоваго вина налито было по бокалу

шампанскаго. Гошорнъ предложилъ тостъ за здравіе королевы-императрицы Викторіи, рожденіе которой пришлось въ этотъ день. Тостъ былъ принятъ сухо, а слѣдующій тостъ—за президента Гранта и совсѣмъ провалился. Далѣе американцы предложили весьма невѣжливо здоровье своихъ экспертовъ, а затѣмъ уже гостей—иностранныхъ экспертовъ. Тутъ одинъ американецъ открылъ шлюзы краснорѣчія, но былъ скоро остановленъ шумными аплодисментами соскучившейся за дряннымъ завтракомъ публики. Гошорнъ объявилъ, что для краснорѣчія еще впереди времени много, и приказалъ музыкѣ играть торжественный маршъ, подъ звуки котораго эксперты разбрелись во всѣ стороны, стараясь какъ можно скорѣе окончить свою задачу и уѣхать изъ Филадельфіи, которую каждый изъ нихъ нашелъ ниже своихъ ожиданій. Къ счастью еще, что удобное сообщеніе позволяло людямъ, обязаннымъ пробыть въ Филадельфіи нѣсколько мѣсяцевъ, отлучаться на короткіе даже сроки въ Нью-Іоркъ, Балтимору и Вашингтонъ, гдѣ иностранцу повеселѣе, чѣмъ въ Филадельфіи съ ея квакерской закваской. Безъ сомнѣнія эксперты экспертамъ рознь и сейчасъ же образовались изъ нихъ двѣ групы: одна — добросовѣстно углубившаяся въ свои занятія, другая — заявившая, что она заранѣе на все согласна, только бы ее не тревожили понапрасно.

Прежде, чѣмъ приступить къ описанію различныхъ отдѣловъ выставки, полезно сказать нѣсколько словъ, какой вообще характеръ представляла она. Выставка, конечно, выдавалась болѣе всего по относительной полнотѣ сѣверо-американскаго отдѣла, весьма скудно представленнаго на прежнихъ всемірныхъ выставкахъ. Слѣдовало бы ожидать, что отдѣлы и другихъ американскихъ государствъ будутъ также полнѣе, чѣмъ на другихъ выставкахъ, но особой разницы не замѣчалось. Нѣкоторыя государства, какъ Центральная Америка, Колумбія, Боливія, Эквадоръ, Урагвай, Парагвай, даже вовсе въ выставкѣ участія не приняли, часть вещей Аргентинской республики гдѣ-то пропала въ морѣ, а изъ остальныхъ постаралась болѣе другихъ Бразилія. Изъ азіятскихъ государствъ отсутствовала на выставкѣ Персія, за то появились нѣкоторыя африканскія государства вовсе не показывавшіяся на прежнихъ международныхъ состязаніяхъ. Изъ европейскихъ государствъ въ филадельфійской выставкѣ совсѣмъ не приняли участія Греція и Румынія, и очень благоразумно, потому что выставлять имъ, какъ показала вѣнская выставка, просто нечего. Общій характеръ отдѣловъ европейскихъ государствъ былъ

случайность состава экспонентовъ. Множество первокласныхъ фирмъ, и по важнѣйшимъ для каждой страны промышленностямъ, не приняли участія въ выставкѣ. Въ англійскомъ отдѣлѣ не было напримѣръ, почти ничего, относящагося до горнаго дѣла. Тоже самое замѣчалось въ Бельгіи и Франціи.

Публика преимущественно держалась въ Main Building. Остальные павильоны оставались сравнительно пусты. Такое предпочтеніе понятно, такъ какъ собственно для глазѣнія въ отдѣлѣ общей промышленности гораздо болѣе предметовъ, хотя совершенно не систематическая разстановка ихъ до такой степени разсѣевала вниманіе, что самый тщательный осмотръ выставленныхъ предметовъ оставлялъ въ головѣ впечатлѣніе только какой-то пестроты. Чѣмъ обширнѣе выставка какого-нибудь государства, тѣмъ сумбуръ общаго впечатлѣнія только увеличивался. Нельзя себѣ ничего ясно формулировать, переходя каждую минуту отъ фортепіанъ къ мылу, далѣе къ педагогическимъ предметамъ, которымъ, кстати, замѣтить, вовсе не мѣсто на промышленныхъ выставкахъ, затѣмъ къ мебели, потомъ къ медицинѣ и т. д. и т. д. При этомъ въ одномъ углу трещатъ машины или играетъ оркестръ, въ другомъ слышится органъ, въ третьемъ фортепіаны, во всѣхъ концахъ стучатъ молотками рабочіе, свистятъ и звонятъ лакомотивы. Такое столпотвореніе вавилонское еще усиваетъ одурѣлость зрителя, котораго толкаютъ въ спину и бока, поливаютъ ему ноги изъ садовыхъ леекъ или раздавливаютъ пальцы ногъ ручными колясочками; въ послѣднихъ катаются по выставкѣ слабонервные или черезчуръ полныя дамы.

У западнаго входа въ главный павильонъ помѣстились, на лѣво, Италія, Норвегія и Швеція, на право — Аргентинская республика, Чили и Перу. Италія была представлена на этой выставкѣ несравненно слабѣе, чѣмъ въ Вѣнѣ; нѣсколько тера-котъ и бронзъ, стеклянныхъ, филиграновыхъ и кораловыхъ издѣлій, рѣзной и съ инструстаціями мебели и соломенныхъ шляпъ—вотъ и все, что бросалось въ глаза, при томъ не было ничего выдающагося, а Италія своимъ замѣчательнымъ предметамъ роскоши, выдѣлываемымъ во Флоренціи, Венеціи и др. городахъ, моглабы найдти отличный сбытъ въ Америкѣ, гдѣ богатыхъ потребителей болѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, судя по великолѣпнымъ магазинамъ, попадающимся въ американскихъ городахъ на каждомъ шагу. Норвегія и Швеція, хотя захватили себѣ огромныя пространства, отличились болѣе умѣренностью и аккуратностью, половину пространства занявъ хорошо сдѣланными манекенами, изображав-

шими различныя сцены сельской жизни, охоту, а также солдатъ Густава-Адольфа, Карла XII и современныхъ. Около этихъ манекеновъ постоянно толпился народъ, доказывая малую серьезность публики. Изъ болѣе важныхъ предметовъ заслуживали вниманіе, въ шведскомъ отдѣлѣ — хорошія топографическія и геологическія карты, извѣстныя всѣмъ произведенія шведскаго горнаго дѣла и издѣлія королевской фарфоровой фабрики. Въ норвежскомъ — серебряныя издѣлія и рыболовные снаряды новѣйшихъ фасоновъ.

Южно-американскія республики, конечно, не могутъ выставить ничего по части промышленности такого, чтобы могло выдержать даже отдаленное соперничество съ европейскою промышленностью. Ихъ главное богатство въ почвѣ, которой производительными силами, какъ показала въ послѣднее время Перу, онѣ пользуются чрезвычайно безразсудно. Чили составляетъ единственное исключеніе изъ всѣхъ испанскихъ республикъ; вмѣсто того, чтобы производить пронунціаменто, военныя революціи и разстрѣливать своихъ президентовъ, Чили предпочитаетъ открывать школы, развивать горную промышленность и строить желѣзныя дороги. Выставка его обратила вниманіе необыкновенными образцами богатѣйшихъ серебрянныхъ рудъ. Замѣтно также стремленіе къ умственной дѣятельности; выставлено много книгъ, картъ, плановъ и проэктовъ. Того же нельзя сказать о выставкахъ Лаплаты и Перу; кромѣ сырыхъ произведеній, тутъ больше бросались въ глаза сѣдла, грубые ковры и различныя національныя одежды. Образчикомъ безвкусія, могли служить перувіанскія картины.

Рядомъ съ безсиліемъ южно-американской производительности помѣстились замѣчательныя произведенія Китая и Японіи, которые, оставаясь въ тѣсномъ кругу кустарной промышленности, достигли необыкновенныхъ результатовъ по нѣкоторымъ отраслямъ, результатамъ, до которыхъ не скоро еще дойдутъ соотвѣтственныя производства въ Европѣ. Китайская выставка на этотъ разъ была очень полна. Замѣчательнѣе всего фарфоровыя издѣлія, также различныя шелковыя ткани, вѣера, ширмы и другіе предметы, гдѣ оригинальная китайская живопись, съ ея поразительнымъ разнообразіемъ красокъ, играетъ видную роль. Еще удивительнѣе вещи, собранныя японскимъ отдѣломъ, который уже на вѣнской выставкѣ поразилъ своимъ богатствомъ. Отдѣлъ этотъ состоялъ изъ двухъ частей. Одна заключающая вещи, сдѣланныя въ подражаніе европейцамъ, очень слаба: за то произведенія собственно японской промышленности невольно восхищали всѣхъ знатоковъ.

Особенно замѣчательны бронзовые отливки—чудо искусства по сложности и затѣйливости работы; превосходны также фарфоръ (нѣкоторыя вазы въ сажень высоты), лакированныя и бронзированныя издѣлія, оригинальныя вышитыя картины и т. д. Вообще по цѣнности впечатлѣнія японскій отдѣлъ едвали не былъ первый на выставкѣ.

Сзади этихъ блестящихъ отдѣловъ пріютились скромныя выставки трехъ государствъ, о которыхъ очень мало слышно въ Европѣ: республикъ Оранжевой и Трансваальской и королевства Гаваи. Первыя двѣ, голландскія республики въ Южной Африкѣ съ обширною территоріей и небольшимъ населеніемъ, выставили любопытныя коллекціи своихъ произведеній, преимущественно предметовъ скотоводства. Эти коллекціи, а также собраніе страусовыхъ перьевъ, алмазовъ, издѣлій изъ кожи носорога и проч., составлены весьма тщательно. Гаваи (Сандвичевы острова) появляются аккуратно на всѣхъ выставкахъ, но кромѣ обширныхъ витринъ, гдѣ уединенно красуются собранія раковинъ и фотографическихъ потретовъ королевской фамиліи, ничего, кажется, въ этомъ отдѣлѣ не было. Съ другой стороны къ Японіи примыкала Данія; о ея выставкѣ нельзя составить себѣ никакого заключенія, такъ какъ она не имѣетъ никакой опредѣленной печати. Только выставка гренландскаго звѣроловства носитъ на себѣ мѣстный колоритъ. Лучше всего въ датскомъ отдѣлѣ оказались глиняныя произведенія въ родѣ этрусскихъ, сдѣланныя на королевской фабрикѣ въ Копенгагенѣ.

Далѣе находился египетскій отдѣлъ, изолированный толстою стѣною въ древне-египетскомъ стилѣ. На стѣнѣ надписи, гласящія, что Египетъ представляетъ страну съ древнѣйшею цивилизаціею въ мірѣ, а Суданъ—съ новѣйшею. Надпись весьма претенціозная, потому что съ древнимъ Египтомъ новѣйщій ничего общаго не имѣетъ, а ловля египетскими солдатами негровъ—невольниковъ въ Суданѣ едва ли можетъ назваться въ строгомъ смыслѣ цивилизацiей этой страны. За надписью скрывается весьма посредственная выставка. Денежныя дѣла тароватаго хедива идутъ очень плохо, а имѣя въ виду, что у американцевъ занять нѣтъ возможности, онъ не счелъ нужнымъ бросать понапрасно денегъ на роскошныя выставки, подобныя устроеннымъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, отчего безъ сомнѣнія промышленность ничего не потеряла, а бѣдные феллахи только выиграли. Коллекціи древностей, сельско-хозяйственные продукты, слоновая кость, черное дерево и богато убранная сбруя наиболѣе привлекали вниманіе въ египетскомъ отдѣлѣ. Къ Египту примыкалъ по главному проходу турецкій отдѣлъ, гдѣ я до своего отъѣзда

на дальній Западъ ничего не видалъ кромѣ нераскупоренныхъ ящиковъ и нѣсколькихъ чиновниковъ въ красныхъ фескахъ, соображавшихъ— не продать ли имъ для спасенія отъ голодной смерти эти ящики оборотливымъ янки. Турецкій отдѣлъ по своему неустройству загораживалъ только доступъ публики къ португальскому отдѣлу, который также поспѣлъ очень поздно. Впрочемъ, судя по тому, что было раскупорено и поставлено въ витринахъ, эта благополучная страна, гдѣ считаютъ на милліарды.... грошей, не удивила ничѣмъ Америку. Хотя португальская промышленность находится, судя по именамъ экспонентамъ, въ рукахъ иностранцевъ, но трудныя условія конкуренціи съ англійскими продуктами дѣлаютъ ея положеніе весьма незавиднымъ. Колоніи португальскія также привозятъ и вывозятъ кажется болѣе монаховъ, нежели товаровъ.

Если Португалія имѣла скромный видъ, то это все-таки скромность приличная. Гораздо хуже Испанія, пожелавшая повидимому показать Америкѣ, что монархическая реставрація возвела ее на высокую степень благополучія, и не пожалѣла для того денегъ на устройство отдѣла. Она даже прислала на полгода цѣлую роту саперовъ для работъ. Этихъ саперовъ крѣпко поколотила американская публика, горячо сочувствующая кубанскому возстанію и ненавидящая испанцевъ. Испанскій отдѣлъ былъ окруженъ, подобно египетскому, высокою стѣною, съ тою разницею, что эта стѣна украшена весьма цѣнными потретами, серебрянными издѣліями и другими вещами, заимствованными изъ королевскаго музея въ Мадритѣ. Нѣкоторыя издѣлія относились еще ко временамъ мавровъ! Выставленныя тутъ отличныя китайскія фарфоровыя вазы едва ли могли послужить образчикомъ «испанской» промышленности. Изъ дѣйствительныхъ образцевъ послѣдней заслуживали вниманіе шелковыя матеріи, отличающіяся красотою рисунка, мягкія, какъ пухъ, одѣяла, чулки, и хорошія хлопчато-бумажныя ткани барселонскихъ фабрикъ. Недуренъ также оказался выставленный въ изобиліи хересъ. Къ сожалѣнію, его довелось попробовать однимъ только экспертамъ по части винъ — счастливѣйшимъ людямъ на выставкѣ, потому что они, вопреки извѣстному куплету, могли пить хорошее вино большими рюмками, а дурное маленькими.

IV.

Всемірная выставка: труды экспертныхъ коммисій; отдѣлы: австралійскій, канадскій, англійскихъ колоній, австро-венгерскій, великобританскій, французскій, бельгійскій, голландскій и швейцарскій. — Поѣздка въ Нью-Іоркъ. — Оффенбахъ. — Ужинъ, устроенный имъ въ честь представителей печати.

Дни шли за днями на филадельфійской выставкѣ съ удивительною монотонностью. Къ половинѣ іюня многое еще не было окончено и продолжало устраиваться и распаковываться, число посѣтителей не увеличивалось, а уменьшалось, новыя гостинницы мало по малу банкротились, цѣны падали, жара усиливалась. Все это — обычныя явленія. Выставки постоянно оказывались ниже возлагаемыхъ на нихъ черезчуръ розовыхъ ожиданій. Къ числу вопросовъ, гдѣ филадельфійская выставка оказалась также не болѣе удачной, чѣмъ предыдущія, относится и экспертиза. Извѣстно, что эта сторона дѣла до сихъ поръ была обставлена весьма некрасиво; случались курьезныя вещи, награды получали люди, ничего не выставлявшіе; пропускались на оборотъ безъ вниманія важные предметы, или вдругъ давалась награда какому нибудь господину Ижора, который по тщательному разсмотрѣнію оказывался колпинскимъ казеннымъ заводомъ морскаго министерства; по русскому отдѣлу назначались медали бразильскимъ экспонентамъ, или въ наградномъ спискѣ такъ перевиралось имя, что не было возможности рѣшить, кому слѣдовала награда. Американцы желали устроить экспертизу на новыхъ началахъ — болѣе раціональныхъ: они потребовали, чтобы каждое мнѣніе было непремѣнно скрѣплено подписью одного изъ членовъ жюри, который бы несъ уже затѣмъ нравственную

отвѣтственность передъ цѣлымъ промышленнымъ міромъ за пристрастіе или сдѣланную ошибку.

Такія благія намѣренія остались безъ послѣдствій. Жюри собрались и, по старому обычаю, потеряли пропасть времени въ безплодныхъ спорахъ, кому какъ сѣсть, когда говорить, и въ особенности о томъ, что предпринять, чтобы свалить съ себя всякую отвѣтственность? Нѣкоторыя подкоммисіи экспертовъ собирались по десяти разъ ради обсужденія только правилъ о своей внутренней организаціи. Такая потеря времени повела къ тому, что когда экспертамъ надоѣло спорить и половина ихъ разбрелась по домамъ, остальная половина для окончанія дѣла начала валить черезъ пень въ колоду, и результаты экспертизы оказались тѣже, что и на предъидущихъ выставкахъ, т. е. награды получили лишь извѣстныя фирмы, а затѣмъ тѣ, болѣе догадливые экспоненты, которые сами озаботились разъяснить экспертамъ превосходство своихъ издѣлій. Подобное разъясненіе тѣмъ болѣе было не лишнее, что многіе эксперты, особенно отъ Америки и Англіи, на повѣрку выказали себя спеціалистами довольно проблематическими, или вѣрнѣе, попавшими въ отдѣлы вовсе не по своей спеціальности.

Возвращаюсь къ продолженію описанія Main-Building'а. Съ нищенской Испаніей, на которой я остановился въ прошлой главѣ, и ея выставкою, набранною по музеямъ, любопытно было сравнить, лежавшіе насупротивъ, отдѣлы австралійскихъ колоній, которыя вообще очень любятъ участвовать во всякихъ выставкахъ и не жалѣютъ средствъ обставить себя достойнымъ образомъ. На этотъ разъ гибель какого-то парохода въ Тихомъ океанѣ повредила отдѣлу важнѣйшей изъ австралійскихъ колоній — Викторіи, а то эта часть выставки вышла бы еще лучше. Что болѣе всего утѣшительно при разсматриваніи австралійскихъ отдѣловъ, такъ это разумная идея, положенная въ ихъ организацію. Колоніи не выставили ничего, чтобы свидѣтельствовало объ ихъ естественной отсталости отъ другихъ странъ. Для нихъ цѣль выставки совсѣмъ другая. Какъ извѣстно, Австралія необыкновенно богата природными средствами, но бѣдна рабочими руками и капиталами. Для привлеченія этихъ-то факторовъ производительности и соображена колоніальная выставка. На первомъ планѣ стояли превосходныя карты топографическія, геологическія, сельскохозяйственныя и промышленныя, статистическія таблицы, великолѣпныя коллекціи рудъ, металловъ, шерсти, сала и др. сырыхъ продуктовъ. Затѣмъ превосходныя фотографіи изображали благоустроенные порты, громадныя зда-

нія парламентовъ, судовъ, школъ, почтамтовъ, больницъ въ Мельбурнѣ, Сиднеѣ, Аделаидѣ, и др. городахъ—не давно еще бывшихъ деревеньками.

Просто глазамъ не вѣрится, чтобы маленькія страны съ какимъ нибудь милліономъ населенія, едва вышедшія изъ полудикаго состоянія, какъ напримѣръ Новая Зеландія, представляли подобные поразительные успѣхи цивилизаціи. Главный секретъ благополучія заключается не въ грудахъ добытаго золота, наглядно изображаемыхъ въ каждомъ отдѣлѣ раззолоченными деревянными обелисками соотвѣтствующаго объема, а въ отсутствіи расходовъ на военныя дѣла. Такимъ образомъ, весь бюджетъ этихъ счастливыхъ колоній расходуется исключительно на производительныя цѣли. Успѣхи Австраліи были бы еще значительнѣе, еслибы чрезвычайная отдаленность разстоянія (отъ Англіи, напримѣръ даже почтовое сообщеніе требуетъ $2^1/_2$ мѣсяца въ одинъ конецъ) не сдерживала эмиграцію, невольно предпочитающую Америку.

Прочія великобританскія колоніи внѣшнимъ видомъ своихъ отдѣловъ напоминали австралійскія выставки; тѣ же коллекціи сырыхъ матеріаловъ, часто весьма интересныя, но видно, что нѣтъ у нихъ «духа жива»—свободныхъ учрежденій. Исключеніе составляютъ капскія колоніи, гдѣ населеніе также развивается на почвѣ весьма либеральной конституціи. Какая разница между государствомъ, развивающимъ свои производительныя силы самостоятельно, и государствомъ, развивающимся подъ сѣнью деспотическаго управленія, показывала выставка Остъ-Индіи. Давно-ли, при описаніи путешествія принца Уэльскаго, Остъ-Индія представлялась корреспондентами страною чудесъ, но всѣ эти чудеса только и имѣютъ значеніе на мѣстѣ въ извѣстной обстановкѣ, на выставкѣ же, кромѣ кашмирскихъ шалей, оружія, кисеи, тигровыхъ кожъ, рѣзныхъ издѣлій и затѣмъ разныхъ сырыхъ продуктовъ, не было ничего, чтобы останавливало вниманіе. Очевидно, что самостоятельная промышленность Индіи, не уступавшая промышленности Китая и Японіи, убита англійской конкуренціей, новаго же не создалось на индѣйской почвѣ ничего, кромѣ расширенія плантацій тѣхъ продуктовъ, которые необходимы метрополіи.

Изъ колоніальныхъ отдѣловъ весьма значительное мѣсто занималъ на филадельфійской выставкѣ отдѣлъ Канады. Близкое сосѣдство объясняетъ это явленіе, хотя, признаться, я былъ все-таки удивленъ обширностью выставки для государства, у котораго нѣтъ и 4-хъ мил-

ліоновъ населенія, большей частью занимающагося рубкою лѣса и рыбною ловлею. Между тѣмъ, въ канадскомъ отдѣлѣ фигурировали произведенія разнообразнѣйшихъ отраслей труда: и фортепіано, и роскошная мебель, и сельскохозяйственные инструменты и пр. Все это, однако, не первостепеннаго качества и составляетъ по большей части подраженіе американскимъ фабрикатамъ. Замѣчательно, что мѣха, которыми Канада снабжаетъ весь свѣтъ и отчасти даже Россію, представлены были довольно бѣдно.

Нашъ отдѣлъ находился vis-a-vis съ канадскимъ; три мѣсяца онъ изображалъ хаосъ битыхъ стеколъ, нераскупоренныхъ ящиковъ, озлобленныхъ экспонентовъ и приходящихъ въ отчаяніе коммисаровъ, такъ какъ мѣста досталось Россіи очень мало, а каждый день все везли да везли изъ Россіи по сотнѣ ящиковъ, одинъ болѣе другаго. Наша вина заключалась въ томъ, что мы приняли слишкомъ поздно участіе въ выставкѣ, а затѣмъ, даже работая съ утра до полуночи, разобрать и разставить красивыми декораціями сотни тысячь вещей не такъ легко.

Зато наши сосѣди, австро-венгры, отличились на этотъ разъ аккуратностью, правда, только одною аккуратностью: выставка ихъ была очень жидкая и въ отдѣлѣ оставалось вдвое болѣе пустаго пространства, чѣмъ витринъ. Вѣнская выставка истощила по видимому жаръ австрійскихъ фабрикантовъ и въ Филадельфіи они заявили себя съ чрезвычайно невыгодной стороны. Плетеные буковые стулья, пѣнковые мундштуки (иные изъ нихъ фунтовъ по десяти вѣсомъ), богемскій хрусталь, псевдовенеціанскія зеркала, тирольскія игрушки, плохія ювелирныя издѣлія и ужасныя олеографіи, изображающія полногрудыхъ вѣнскихъ красавицъ — вотъ все, бросавшееся въ глаза въ австрійскомъ отдѣлѣ. Серьезнаго въ немъ почти ничего не было и, очевидно, онъ составился случайно изъ доброхотныхъ даяній. Нѣмцы устроились гораздо лучше и еслибы не гигантскіе имперскіе орлы и на каждомъ шагу бюсты героевъ франко-прусской войны съ вывороченными назадъ плечами, то германскій отдѣлъ совсѣмъ показался бы приличнымъ. Конечно, есть и исключенія; напримѣръ, витрина берлинскихъ корсетовъ, сдѣланныхъ для какихъ-то бегемотовъ; зато отдѣлъ хлопчатобумажныхъ и другихъ тканей очень хорошъ, особенно благодаря участію Эльзаса, которому не удалось уже выдѣлиться на этотъ разъ въ особый павильонъ. Къ своему удивленію я нашелъ выставленнымъ въ германскомъ отдѣлѣ «Новое Время»! Повидимому оно печатается нѣмецкими типографскими чернилами, потому что явилось въ числѣ множества изданій, потреб-

ляющихъ продуктъ какого-то ганноверскаго чернильнаго фабриканта *).

Мѣсто для германскаго отдѣла было отведено удобное, у центральнаго купола Main Building'a, украшеннаго эмблематическими изображеніями четырехъ частей свѣта (пятая пропущена)—работы Питона, французскаго артиста, принимавшаго большое участіе въ украшеніи зданія выставки. Подъ этимъ куполомъ ежедневно давался даровой концертъ съ участіемъ первоклассныхъ солистовъ на разныхъ инструментахъ. Игралъ тутъ и громадный англійскій органъ, пѣли пѣвцы, а одна пѣвица такъ заливалась, что положительно заглушала стукъ машинъ, молотковъ и шаговъ нѣсколькихъ тысячь посѣтителей. Такое сосѣдство нѣсколько развлекало отъ однообразія германскаго отдѣла, обусловленнаго строгимъ во всемъ порядкомъ. Нѣмецкія издѣлія были выставлены преимущественно коллективными группами — отличная система, дешевая и удобная.

По нѣсколько сѣрому впечатлѣнію, англійскій отдѣлъ занимавшій буквально такое же мѣстоположеніе, какъ и германскій, напоминалъ послѣдній, но уступалъ въ полнотѣ и систематичности. Въ англійскомъ отдѣлѣ было много отдѣльныхъ замѣчательныхъ предметовъ и хотя всемірныя выставки доказали что самомнѣніе англичанъ, будто бы они единственные люди въ свѣтѣ, способные къ промышленности, ни на чемъ не основано, все-таки по части роскоши, солидности работы и большаго выбора трудно соперничать съ произведеніями ихъ фабрикъ. Особенно богатъ у англичанъ отдѣлъ керамическій; однихъ пузатыхъ умывальниковъ хватило-бы, кажется, на три гостинницы. Хотя относительно вкуса нѣкоторые фаянсы и фарфоры заставляли еще желать многаго, но по затѣйливости рисунка, громаднымъ размѣрамъ и разнообразію производили отличное впечатлѣніе. Замѣчательны также у англичанъ серебряныя издѣлія, особенно извѣстнаго дома Элькингтонъ и К°, а также эмальированныя и галванопластическія издѣлія. Интересна ваза Helicon, которой главный сюжетъ представляетъ поэзію и музыку, надъ этой вазой знаменитый рѣзчикъ Ладениль-Морель трудился шесть лѣтъ и цѣна ей назначена недурная — около 40,000 руб.! Прекрасны, конечно, въ англійскомъ отдѣлѣ оказались всѣ издѣлія относящіяся до комфорта. На всемъ лежитъ извѣстный

*) Авторъ былъ корреспондентомъ на выставкѣ «Новаго Времени».

отпечатокъ высокой добротности, очевидно предназначающій эти предметы для болѣе богатыхъ потребителей.

Французскій отдѣлъ также выставилъ вещи, которыя назначаются не для массы. Относительно строгой системы и скромной обстановки французы поспорятъ, пожалуй, съ нѣмцами, хотя у первыхъ существовали по нѣкоторымъ отдѣламъ пробѣлы. Пробѣлы эти не мѣшали, однако, признать французскій отдѣлъ однимъ изъ лучшихъ на выставкѣ, если даже онъ и уступалъ французскому отдѣлу въ Вѣнѣ, когда la grande nation хотѣла показать, что нѣсколько пораженій, уплата контрибуціи и множество украденныхъ пруссаками часовъ не разорили ее и не лишили артистическаго первенства въ образованномъ мірѣ.

Надобно также имѣть въ виду, что во французскомъ отдѣлѣ всѣ расходы по перевозкѣ вещей и устройству витринъ падали на экспонентовъ, а опытъ вѣнской выставки показалъ французскимъ фабрикантамъ, что ихъ издѣлія и безъ того на столько извѣстны, что выставки не увеличиваютъ нисколько сбыта. Крупное мѣсто во французскомъ отдѣлѣ занимали шелковыя ткани. Сорокъ два ліонскихъ дома выставили свои произведенія. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста и нѣкоторая темнота не позволили разложить ліонскія матеріи во всемъ ихъ неподражаемомъ блескѣ. Модныя издѣлія, конечно, составляютъ спеціальность французовъ; американскія миссъ просто таяли, глядя на кружева по 4000 франк. за метръ и вѣера по 10,000 франковъ за штуку. Въ числѣ рѣдкостей находилась часть кружевнаго волана знаменитой маркизы Помпадуръ. Кружево было оцѣнено въ 10,000 франковъ, но не продавалось. Изъ произведеній моды обращали на себя вниманіе вышитые корсажи изъ кожи — послѣднее слово элегантности. Къ этому же отдѣлу нужно причислить пресловутыя французскія парфюмеріи; между прочимъ появился концентрированный экстрактъ жасмина по 3,500 франковъ за килограммъ! Вообще надъ французскимъ отдѣломъ слѣдовало сдѣлать надпись: Place aux dames! и потому, горе посѣтителю, который вздумалъ-бы въ дамскомъ обществѣ осматривать выставку и началъ бы съ французскаго отдѣла: онъ никогда бы не выбрался изъ этого мѣста; соблазны въ видѣ шалей, искусственныхъ цвѣтовъ, миніатюрной обуви, лентъ и тысячи такъ называемыхъ articles de fantaisie являлись на каждомъ шагу.

Мужчины оцѣнить всѣ эти прелести не въ силахъ, поэтому эксперты пригласили для разбора выставленныхъ предметовъ дамскаго туалета нѣсколько женщинъ. Такое участіе прекраснаго пола было чисто

факультативное и обусловливалось лишь любезностью самихъ экспертовъ. Мѣстомъ сборища экспертокъ, къ числу которыхъ неизвѣстно почему былъ причисленъ и я, былъ назначенъ русскій отдѣлъ и я подивился странному выбору судей: дамы, призванныя цѣнить элегантность нарядовъ, были сами одѣты безъ всякаго вкуса, по лѣтамъ многія изъ нихъ также давно вышли изъ того періода, когда красивыя тряпки заставляютъ биться сердца. Я убѣжденъ, что въ числѣ этихъ экспертокъ была та американка, которая читала передъ тѣмъ въ Филадельфіи публичную лекцію о «прогрессивномъ костюмѣ будущаго». Прогрессивный костюмъ, по ея предложенію, долженъ состоять изъ трико, плотно обхватывающаго тѣло, но сшитаго въ двойнѣ, такъ что, смотря по погодѣ, можно всыпать въ промежутки большее или меньшее количество древесныхъ опилокъ—дурнаго проводника теплоты! Большинство американокъ повидимому далеко не раздѣляетъ еще необходимости реорганизовать костюмы. Если прибавка кое-гдѣ опилокъ была бы для нихъ не лишняя, такъ какъ американскія женщины вообще худощавы, то они все таки возстаютъ противъ однообразія костюма. Напротивъ того, щегольство женскихъ нарядовъ чрезвычайно распространено въ Америкѣ. Любопытно, напримѣръ, видѣть роскошь женской обуви даже въ канадскомъ отдѣлѣ, хотя по размѣрамъ башмаковъ видно, что тамошнія красавицы не похожи на американокъ, отличающихся маленькими ножками.

У французскаго отдѣла скромно пріютились два отдѣла: бельгійскій и швейцарскій. Первый отдѣлъ, не совсѣмъ полный, блисталъ богатствомъ кружевъ; въ одной витринѣ Compagnie des Indes собрано ихъ слишкомъ на 3 милліона франковъ. Изъ кружевъ сдѣланы даже картины и портреты. Швейцарская выставка, сѣренькая на видъ, представляла большой выборъ часовъ, разныхъ деревянныхъ издѣлій, а также хорошіе карты и планы. Между послѣдними любопытны чертежи работъ въ сенъ-готардскомъ туннелѣ. Различными планами, преимущественно гидравлическихъ сооруженій, отличался и голландскій отдѣлъ. Въ промышленномъ отношеніи онъ былъ мало интересенъ, за то находившійся тутъ же отдѣлъ голландскихъ колоній показывалъ разнообразное богатство Явы, Суматры, Молуковъ и другихъ богатыхъ голландскихъ владѣній Индѣйскаго архипелага. Не смотря на изобильныя природныя средства, судя по выставкѣ этихъ колоній, не видно интелигентнаго отношенія къ нимъ правительства, какъ въ Австраліи.

Голландія не отрѣшилась еще отъ воззрѣнія на колоніи, какъ на дойныя коровы для владѣющей ими страны.

Откладывая дальнѣйшее описаніе разныхъ отдѣловъ выставки, я позволилъ себѣ на время вовсе оставить Филадельфію и сдѣлать маленькую экскурсію въ Нью-Іоркъ, куда былъ приглашенъ Оффенбахомъ, чтобы присутствовать на большомъ банкетѣ, который давался представителямъ американской печати. Знаменитый маэстро былъ ангажированъ за приличное вознагражденіе, въ 1,000 долларовъ въ сутки, руководить оркестромъ изъ ста музыкантовъ, который давалъ концерты въ теченіи мѣсяца въ Нью-Іоркѣ. Банкетъ совпалъ съ окончаніемъ концертнаго сезона въ Нью-Іоркѣ и имѣлъ цѣлью отблагодарить американскую прессу за ея сочувственное отношеніе къ французской музыкѣ. Изъ Филадельфіи я отправился въ обществѣ нѣсколькихъ журналистовъ и въ первый разъ испыталъ удовольствіе ѣхать по американской желѣзной дорогѣ въ такъ называемыхъ Palace-Cars Пульмана.

Въ желѣзныхъ дорогахъ въ особенности проявляется практическій умъ американцевъ. Прежде всего вамъ бросается въ глаза простота зданій воксаловъ; американцы знаютъ, что на дебаркадерахъ публика проводитъ очень короткое время, потому и не заботятся о роскошной отдѣлкѣ этихъ зданій, доведенной въ иныхъ мѣстахъ до смѣшнаго. Беря въ разсчетъ несмѣтное число поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ Соединенныхъ Штатовъ (изъ Филадельфіи пассажирскіе поѣзды идутъ, напримѣръ каждые полчаса), вы ожидаете встрѣтить на станціи суматоху, множество начальства; между тѣмъ поражаетесь совершеннымъ отсутствіемъ администраціи, а тѣмъ болѣе — полиціи. Кромѣ двухъ-трехъ привратниковъ на дебаркадерѣ нѣтъ никого, а все между тѣмъ совершается вполнѣ исправно; правда, что каждый долженъ заботиться о себѣ, иначе легко прозѣваетъ поѣздъ. Сдача и полученіе багажа упрощены чрезвычайно, но въ особенности восхищаетъ путешественника устройство вагоновъ. За приплату двухъ долларовъ въ сутки васъ помѣщаютъ въ вагонъ величиною вдвое болѣе нашего, отдѣланный съ необыкновенною роскошью. Кресла для сидѣнія вращаются, какъ угодно; вы можете повернуть его къ хорошенькой сосѣдкѣ и сѣсть спиною къ неинтересному сосѣду; подъ ногами мягкія скамейки, на ночь устраиваются широкія постели съ бѣльемъ. Въ каждомъ вагонѣ отличный ватерклозетъ, умывальная и курительныя комнаты, печь на случай холода и бассейнъ воды со льдомъ, которую пьютъ въ жаркую погоду; кондук-

торы очень вѣжливы и билеты можно получать отъ нихъ на пути, что весьма важно въ случаѣ опозданія. Наши спальные вагоны только жалкая копія пульмановскихъ, выгоды которыхъ я еще лучше оцѣнилъ во время поѣздки въ Калифорнію.

Помѣстившись въ подобный вагонъ, я двинулся, со скоростью 60 верстъ въ часъ, въ Нью-Іоркъ, поглядывая по сторонамъ пути. Ничего интереснаго, однако, на этомъ пространствѣ нѣтъ: мѣстность ровная и фермы довольно бѣдныя на видъ. Замѣчательнѣе назойливость, съ которою рекламы разныхъ зубныхъ врачей, изобрѣтателей и шарлатановъ всюду бросаются въ глаза. Громадныя объявленія въ нѣсколько сажень нарисованы на всѣхъ заборахъ, на вывѣскахъ, уединенно стоящихъ посреди вспаханнаго поля, и даже на откосахъ скалъ въ выемкахъ. Рекламами вообще надоѣдаютъ въ Америкѣ; ими переполнены газеты, ихъ вамъ суютъ на каждомъ шагу или швыряютъ въ омнибусы и экипажи. Къ Нью-Іорку поѣзды желѣзныхъ дорогъ не подходятъ, такъ какъ городъ лежитъ на островѣ, а останавливаются, если идутъ изъ Филадельфіи, въ Джерси-Сити, составляющемъ родъ предмѣстья. Отсюда пассажировъ, а также городскихъ жителей и экипажи перевозятъ черезъ рѣку Гудсонъ, которая втрое шире Невы — у Троицкаго моста, на громадныхъ паровыхъ паромахъ, отходящихъ безпрерывно.

Американцы считаютъ видъ Нью-Іорка первымъ въ мірѣ, но его, по крайней мѣрѣ съ Гудсона, нельзя сравнить не только съ Босфоромъ или Неаполемъ, но даже съ Петербургомъ: плоскій островъ съ кирпичною массою домовъ, надъ которою возвышается нѣсколько церквей готическаго стиля, широкая мутная рѣка, нѣсколько уродливыхъ съ виду многоэтажныхъ пароходовъ, грязная набережная, заставленная иностранными судами, — таковъ видъ Нью-Іорка Я не нашелъ даже особаго оживленія сравнительно съ портами, гдѣ суда скучены на относительно меньшемъ пространствѣ. «Ферриботъ» останавливается—и начинаешь испытывать прелести американской жизни. Омнибусовъ отъ гостинницъ нѣтъ, извощиковъ также, экипажъ стоитъ 2 доллара въ конецъ. Хорошо еще, что съ меня не брали лишняго, вещь обыкновенная для людей, подобно мнѣ плохо объясняющихся по англійски. Въ гостинницахъ новое удовольствіе: не успѣешь прописать свое имя въ книгѣ, какъ начинаешь получать по городской почтѣ любезныя записки отъ разныхъ лэди, приглашающихъ провести у нихъ вечеръ «въ пріятномъ обществѣ».

Изъ этихъ лэди знаменита въ Нью-Іоркѣ Фанни Бель. Великолѣпный

домъ ея служитъ мѣстомъ свиданія съ красавицами Нью-Iорка. Говорятъ что предпріятіе г-жи Бель—весьма образованной дамы, бывавшей въ Россіи — составляетъ собственность акціонернаго общества, акціи котораго преспокойно котируются на нью-іорской биржѣ съ преміей въ 40%.

Легко восторгающіеся путешественники описываютъ Нью-Iоркъ какъ что-то необыкновенное между городами. На меня, признаюсь, онъ не произвелъ ожидаемаго впечатлѣнія, отчасти вѣроятно оттого, что въ Филадельфіи я привыкъ достаточно къ оригинальному характеру большаго американскаго города, отчасти отъ обыкновеннаго разочарованія, вслѣдствіе преувеличенныхъ ожиданій. Съ точки зрѣнія американизма, Нью-Iоркъ немногимъ отличается отъ Филадельфіи: тѣ же безконечно длинныя паралелльныя другъ другу улицы съ красными кирпичными домами по сторонамъ; однообразіе этихъ домовъ, особенно во внутреннемъ расположеніи поразительно. Одинъ домъ похожъ въ Америкѣ на другой, точно двѣ капли воды, даже мебель, обыкновенно весьма немногочисленная, разставляется одинаково, и справедливо говорятъ, что при случайномъ сходствѣ ключа отъ наружныхъ дверей можно совершенно спокойно войдти ночью въ чужой домъ и лечь спать въ постель, не подозрѣвая ошибки. Сравнительно съ Филадельфіей, въ Нью-Iоркѣ больше на улицахъ грязи, а также нѣтъ такой обширной сѣти конножелѣзныхъ дорогъ; послѣднія замѣняются множествомъ маленькихъ омнибусовъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ кондуктора; плата предоставлена надзору сидящей публики и опускается въ ящикъ съ прозрачными стеклами.

Относительно европеизма, или сходства съ Европою, въ Нью-Iоркѣ можно отмѣтить двѣ улицы: Бродвей и 5-ю улицу, которыя американцы считаютъ первыми въ мірѣ, хотя онѣ замѣчательны развѣ длинною. По красотѣ онѣ далеко не похожи на вѣнскій Рингъ, а по оживленію уступаютъ не только парижскимъ бульварамъ, но и нашему Невскому проспекту. Точно также ничего чрезвычайнаго нѣтъ для того, кто видѣлъ европейскія столицы, въ другихъ чудесахъ американской метрополіи: въ магазинѣ покойнаго Стюарта, занимающемъ цѣлый домъ, въ гостинницѣ «Five Avenue», гдѣ останавливается самъ Грантъ, въ ресторанѣ Дельмонико, гдѣ хотя по картѣ можно требовать змѣй, но за то нѣтъ порціи дешевле доллара. Нью-іоркскіе скверы меньше лондонскихъ, а монументы еще хуже. Во всякомъ случаѣ Нью-Iоркъ огромный городъ, и не претендуя на первенство, онъ можетъ спорить великолѣпіемъ съ первоклассными

столицами Стараго Свѣта. Всѣ его затѣи грандіозны. Любопытно, напримѣръ, взглянуть на Гильморъ-Гарденъ — залъ, устроенный для концертовъ Оффенбаха, куда я, послѣ визита къ маэстро и нѣсколькихъ прогулокъ по городу, прерванныхъ довольно пріятнымъ обѣдомъ у Дельмонико, и отправился въ ожиданіи званаго ужина.

Вообразите себѣ зданіе величиною съ огромный дебаркадеръ желѣзной дороги! Одна сторона занята искусственнымъ водопадомъ, три другія устроены амфитеатромъ и уставлены столиками для желающихъ покушать и тропическими растеніями; цвѣты разставлены и разсажены повсюду. Посреди залы возвышается эстрада для музыкантовъ. Въ этомъ помѣщеніи тысячь десять народа можетъ свободно гулять, пить, ѣсть и слушать музыку. Оркестръ превосходный, дирижируетъ имъ чехъ Маречекъ. Отъ времени до времени появлялся на эстрадѣ въ старомодномъ фракѣ съ ленточкой почетнаго легіона Оффенбахъ, небрежно опирался на пюпитръ и спиною къ публикѣ, разсматривающей его съ американской назойливостью, какъ рѣдкаго звѣря, дирижировалъ исполненіемъ какой нибудь «оффенбахіады». т. е. попури изъ своихъ веселыхъ мотивовъ.

У Оффенбаха одна изъ тѣхъ наружностей, которыя чрезвычайно отчетливо запечатлѣваются въ памяти. Небольшаго роста, очень худощавый съ крючковатымъ носомъ, изобличающимъ израильское происхожденіе, онъ, страдая подагрой, ходитъ опираясь на палку. По-французски Оффенбахъ говоритъ съ нѣкоторымъ акцентомъ, но за то по манерѣ разговора очень напоминаетъ парижанина, а по остроумію и злой ироніи хорошо соотвѣтствуетъ характеру своей музыки. Американцами Оффенбахъ былъ очень недоволенъ и поругивалъ ихъ на ужинѣ, несмотря на присутствіе представителей сорока органовъ нью-іоркской печати.—«Америка самая свободная страна, говорилъ онъ, кромѣ только того, что вы не имѣете права ни ѣсть, когда хотите, ни что хотите, ни проводить время, какъ вамъ хочется, и жить — какъ вздумается».

Гораздо ядовитѣе выразилъ свое неудовольствіе противъ американскихъ нравовъ знаменитый пьянистъ фонъ-Бюловъ, дававшій здѣсь концерты съ громаднымъ успѣхомъ.—«Величайшая свобода въ Америкѣ, замѣтилъ онъ—это та, съ которою американцы съ нами обращаются».

Подобныя жалобы имѣютъ, конечно, долю правды, но въ сущности основаны на странныхъ требованіяхъ, которыя европейцы, воспитанные совсѣмъ на другой ладъ, предъявляютъ, забывая, что демократія существуетъ въ Америкѣ не только въ видѣ лицемѣрныхъ над-

писей на флагахъ и эмблемахъ, а вошла въ плоть и кровь народнаго воспитанія. Насколько отвратительно для европейца не имѣть каждую минуту подъ рукою лакея, настолько же омерзительно для американца служить другому лакеемъ, хотя для себя онъ не брезгаетъ исполнять самыя непріятныя обязанности.

Въ Brunswick Hotel, гдѣ Оффенбахъ послѣ концерта предложилъ намъ роскошный ужинъ изъ пятнадцати блюдъ, не считая десерта, собрались представители печати американской, франко-американской, французской, австрійской, испанской и русской, всѣ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Первоначально предпогалалось пригласить актрисъ всѣхъ нью-іоркскихъ труппъ, но Оффенбахъ вынужденъ былъ отказаться отъ этой мысли, какъ противорѣчащей «добрымъ нравамъ» Америки. Ужинъ, начавшійся часовъ въ 11, тянулся до разсвѣта, причемъ по американскому обычаю сначала все съѣли, даже «Колоколъ независимости», изъ миндаля, и замороженнаго Вашингтона, а затѣмъ уже начали говорить рѣчи. Оффенбахъ предлагалъ различные тосты, сопровождая ихъ болѣе или менѣе удачными комментаріями; на эти тосты отвѣчали представители разныхъ органовъ. Между прочимъ пришлось и мнѣ раскрыть ротъ, когда Оффенбахъ предложилъ тостъ за русскую печать и за русскихъ женщинъ. Сообщивъ, какъ у насъ «Belle Helène» начинаютъ изучать еще въ приготовительныхъ классахъ, я заявилъ, что если маэстро появится когда нибудь въ Россіи, то навѣрное получитъ пріемъ, соотвѣтствующій его громкой популярности *). Поблагодаривъ меня за интересныя для него свѣдѣнія о распространеніи въ Россіи оффенбаховщины, маэстро просилъ объявить въ утѣшеніе моихъ соотечественниковъ, что пріѣдетъ въ Петербургъ непремѣнно.

Спичей было сказано не мало на разныхъ языкахъ, особенно на англійскомъ, хотя Оффенбахъ на этомъ языкѣ не разумѣетъ ни слова. Удачнѣе другихъ была рѣчь по французски редактора газеты «Courrier des Etats-Unies», воспользовавшагося случаемъ, чтобы отдѣлать Рихарда Вагнера и нѣмцевъ. Во время ужина въ числѣ украшеній стоя-

*) Въ своей книгѣ «Offenbach en Amérique» маэстро о моей рѣчи говоритъ слѣдующимъ образомъ: M. Skalkovsky, délégué du gouvernement russe, exprima en peu de mots fort éloquemment tournés et du français le plus pur, quelques idées générales et généreuses sur l'art et les relations des nations de la vielle Europe entre elle—mémes et avec l'Amérique. Я привожу это какъ образчикъ того, какъ пишутъ исторію.

ла великолѣпная шаржа Оффенбаха, сдѣланная нарочно изъ глины и еще не обожженная. Послѣ банкета началось обычное смѣшеніе языковъ, многіе перестали понимать другъ друга и поднялись горячіе споры. Особенно отличался Ламотъ, корреспондентъ парижской газеты «Temps» — родъ авантюриста, исколесившаго свѣтъ. Дравшись противъ Россіи съ поляками въ 1863 году, онъ, проведя полгода въ Герцеговинѣ, такъ вошелъ во вкусъ панславизма, что отзывается о Россіи съ восторгомъ, преувеличенія котораго довольно комичны. Споря и болтая, разбрелись мы по улицамъ Нью-Іорка шумными толпами, нарушая утренній покой американцевъ. Впрочемъ, нѣтъ народа, который ранѣе былъ бы на ногахъ. Въ 6 часовъ утра рестораны открываются и мы могли почти безъ перерыва утолять мучившую многихъ жажду.

V.

Поѣздка въ Вашингтонъ. — Наружность городъ. — Бѣлый домъ. — Избирательная борьба, кандидаты въ президенты Соединенныхъ Штатовъ.—Капитолій.—Достопримѣчательности города.—Министерство финансовъ.

Изъ Нью-Іорка въ Вашингтонъ я доѣхалъ не безъ приключеній, неизбѣжныхъ для путешественниковъ, незнакомыхъ съ обычаями страны. Мой спутникъ по ошибкѣ взялъ для меня билетъ до Филадельфіи, а я въ то же время спальный билетъ до Вашингтона. Желая получить дополнительный билетъ, я сошелъ въ Филадельфіи и, подавая бумажку въ 20 долларовъ, сказалъ: to Washington. Кассиръ to (въ) понялъ въ смыслѣ two (два) и подалъ мнѣ два билета на проѣздъ и въ дополненіе два спальныхъ; затѣмъ уже ни за что не хотѣлъ брать ихъ назадъ. Возвратившись, я увидѣлъ, что поѣздъ ушелъ и увезъ мой ручной багажъ. Нечего дѣлать, пришлось ѣхать въ гостинницу, телеграфировать оттуда въ Вашингтонъ, объ отысканіи моего багажа и т. д. Когда я пріѣхалъ вечеромъ къ слѣдующему экстренному поѣзду, опять оказалось, что я забылъ купленные утромъ три билета и мнѣ пришлось въ четвертый разъ запасаться билетомъ, съ которымъ я наконецъ благополучно добрался до Вашингтона поздно ночью. Такимъ образомъ, мнѣ немного пришлось видѣть на этомъ пути, довольно интересномъ. Пока не стемнѣло, мы берегомъ Делавара доѣхали до Вильмингтона, большаго промышленнаго города, извѣстнаго своими пароходными и вагонными заводами, мимо котораго я проѣхалъ уже на пароходѣ по-

дымаясь въ Филадельфію по Делавару Печатные гиды называютъ его красивымъ, но изъ оконъ вагона видны только улицы, наполненныя кабаками и грязными притонами разврата. Переѣхавъ потомъ по весьма длинному мосту черезъ Саксеганну, поѣздъ приходитъ въ Балтимору, городъ знаменитый красавицами, утками, черепахами и особымъ благоговѣніемъ «почти суевѣрнымъ», говоритъ Троллопъ, съ которымъ жители его относятся къ мадерѣ. Для насъ, русскихъ, Балтимора замѣчательна тѣмъ, что здѣсь почиваетъ отъ славныхъ подвиговъ своихъ Уайненсъ, бывшій контрагентъ николаевской желѣзной дороги, доказавшій, что не для чего ѣхать на дальній Западъ, когда и на ближнемъ Востокѣ находится страна, гдѣ для наживы ловкому человѣку представляется неизмѣримое поле человѣческой глупости, пошире, пожалуй, американскихъ «прерій».

Я не видѣлъ, однако, ни балтиморскихъ красавицъ, ни утокъ, ни даже Уайненса, такъ какъ проѣхалъ Балтимору ночью, и очень сожалѣю, ибо это одинъ изъ важнѣйшихъ по торговлѣ и обширнѣйшихъ по размѣрамъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ, значеніе котораго видно изъ того, что три желѣзныя дороги, параллельныя другъ другу, соединяютъ его съ Нью-Іоркомъ.

За Балтиморой предстоитъ удовольствіе ѣхать по весьма жиденькому мосту, проложенному съ истинно американскою смѣлостью по морю, черезъ одинъ изъ рукавовъ залива Чизапика. Слабонервныя дамы очень не любятъ этого путешествія, хотя поѣздъ идетъ шагомъ. Тутъ мы вступаемъ въ штатъ Мериландъ, который нѣкогда былъ популярнымъ у насъ, когда курили Жуковъ табакъ, а теперь почти не извѣстенъ. Природа мѣняетъ характеръ: начинаются бывшіе Южные Штаты. Хотя растительность еще очень напоминаетъ европейскую, но воздухъ и весь пейзажъ получаютъ какъ будто другую окраску, свойственную жаркимъ странамъ. Я оцѣнилъ это различіе, любуясь изъ вагона великолѣпною лунною ночью. Луна уже не походила на тѣ, которыя «дѣлаются въ Гамбургѣ и обыкновенно прескверно дѣлаются». Та же луна величественно сіяла и надъ бѣлымъ зданіемъ Капитолія въ Вашингтонѣ, куда мы прибыли въ полночь. Городъ спалъ при ночномъ освѣщеніи такъ же крѣпко, какъ онъ спитъ днемъ при солнечномъ освѣщеніи.

Американцы называютъ Вашингтонъ «дистанціею огромнаго размѣра» (City of Magnificent Distances). Слова эти нужно понимать иронически. Дѣйствительно, удаливъ благоразумно свою столицу отъ невыгодныхъ условій большихъ городовъ и поставивъ ее, такъ сказать,

на нейтральной почвѣ, американцы, въ противорѣчіе собственной идеѣ, сочинили для новаго города такой планъ, какъ будто-бы Вашингтонъ долженъ былъ немедленно привлечь милліонное населеніе. Въ городѣ теперь болѣе ста тысячъ жителей, но населеніе это совершенно ничтожно по размѣрамъ его и кажется мухою въ большомъ графинѣ. Улицы Вашингтона необыкновенно широки и хорошо асфальтированы, широчайшіе тротуары прочно вымощены и обсажены алеями, но на этихъ улицахъ никогда не видно экипажей, ни прохожихъ, развѣ протащится на одной лошаденкѣ вагонъ конножелѣзной дороги, совершенно пустой, да по тротуару пройдетъ негръ, направляющійся къ «Бѣлому дому» посмотрѣть: не покажется ли въ окнѣ президентъ. Только около четырехъ часовъ пополудни, когда чиновники бѣгутъ изъ департаментовъ домой, Вашингтонъ получаетъ минутное лихорадочное оживленіе—и то на двухъ-трехъ улицахъ. По сторонамъ улицъ стоятъ дома чистенькіе, однооообразные и смуглые на видъ; цвѣтники и садики дѣлаютъ Вашингтонъ очень похожимъ на большіе нѣмецкіе города минеральныхъ водъ, въ тотъ моментъ, когда неурожай удерживаетъ благополучныхъ россіянъ съ ихъ дрожайшими половинами отъ путешествія заграницу.

Замѣтьте, я еще былъ въ Вашингтонѣ въ самую горячую пору, когда, въ ожиданіи будущихъ президентскихъ выборовъ, онъ сдѣлался центромъ всѣхъ избирательныхъ агентствъ и политическихъ авантюристовъ, чаявшихъ движенія воды въ административномъ болотѣ. Эти лица собирались ѣхать на республиканскій конвентъ въ Цинцинати. «Нельзя себѣ представить, писала одна газета, какое количество выпиваемо теперь въ Вашингтонѣ виски и коктейльсовъ (особый видъ американскаго пунша изъ биттера) и сколько заготовляется еще освѣжительныхъ напитковъ для поѣздки въ Цинцинати..... Цѣлой арміи хватило бы этихъ запасовъ и кажется будто бы наши политическіе дѣятели собираются въ экспедицію въ Blackhills (противъ индѣйцевъ), а не для прогулки по странѣ цивилизованной. Цинцинати между тѣмъ вовсе не похожъ на необитаемый островъ»..... Я видѣлъ по дорожкамъ, ведущимъ къ Капитолію, фигуры, съ которыми не совсѣмъ пріятно было бы встрѣтиться гдѣ нибудь ночью на опушкѣ лѣса, но все-таки, повторяю, никакого особаго оживленія въ городѣ не замѣтилъ, хотя выборъ президента республики для половины жителей Вашингтона вопросъ жизненный. Явится президентъ изъ другой партіи, онъ выгонитъ непремѣнно всю прежнюю администрацію отъ министровъ до почтмейстеровъ, руководясь американскимъ правиломъ, что добыча при-

надлежитъ побѣдителямъ; множество нынѣшнихъ вашингтонцевъ будутъ тогда обращены въ первобытное состояніе и вынуждены эмигрировать въ другіе города, ища себѣ кусокъ хлѣба, а въ Америкѣ, хотя физическій трудъ и очень дорого цѣнится, но всѣ либеральныя профессіи крайне переполнены,

Первымъ моимъ визитомъ было, конечно, посѣщеніе русской миссіи, гдѣ со стороны нашего почтеннаго посланника г. Шишкина, бывшаго долгое время дипломатическимъ агентомъ въ Бѣлградѣ, и любезнѣйшихъ секретарей миссіи г.г. Виламова и Бахметьева я нашелъ самый радушный пріемъ и готовность оказать всякое содѣйствіе. Такое же участіе встрѣтили и всѣ русскіе путешественники, посѣтившіе въ послѣднее время Вашингтонъ. Наше посольство помѣщается довольно скромно въ центрѣ города въ двухъ шагахъ отъ President's house, или «Бѣлаго дома», какъ зовутъ его индѣйцы. Домъ президента — большое бѣлое двухэтажное зданіе съ колоннами, напоминающее хорошій помѣщичій домъ. Оно окружено оранжереями и раскошнымъ паркомъ, тянущимся до самаго Потомака. Передъ домомъ бьетъ фонтанъ, а напротивъ устроенъ тѣнистый Лафайетъ-скверъ, украшенный статуей генерала Джаксона, «единственнаго вѣжливаго американца», какъ его называютъ въ шутку, потому что онъ изображенъ на своей статуѣ, приподнявъ шляпу съ головы—жестъ вовсе американцамъ не свойственный. Грантъ проживаетъ почти постоянно въ «Бѣломъ домѣ», видѣть его не трудно, если онъ «здоровъ», т. е. трезвъ; стоитъ только послать свою карточку и дожидаться очереди. Я не воспользовался такимъ правомъ, чтобы не показаться смѣшнымъ, оставшись съ глазу на глазъ съ молчаливымъ президентомъ, которому я могъ развѣ сказать, здравія желаю!

Публичные пріемы у американскаго президента бываютъ только зимою каждыя двѣ недѣли по вторникамъ вечеромъ. Эти торжества происходили слѣдующимъ образомъ. Къ десяти часамъ Грантъ съ женою становился у дверей залы, газъ зажигался и двери отворялись; затѣмъ весь Вашингтонъ, включая послѣднихъ негровъ, чистящихъ на улицѣ сапоги, дефилировалъ поочередно. Тишина и порядокъ примѣрный. Подходя, джельтменъ говоритъ: «здравствуйте, мистеръ президентъ», и рекомендуетъ себя, а иногда и свою жену, положимъ такъ: «мистеръ Смитъ и мистриссъ Смитъ». На это президентъ протягиваетъ руку и говоритъ: «здравствуйте, мистеръ Смитъ и мистриссъ Смитъ», а иногда представляетъ своей женѣ, говоря: «мистеръ Смитъ и мистриссъ Смитъ». Та говоритъ: «здравствуйте» и затѣмъ парочка отходитъ.

Полисмены, которые стоятъ со шляпами на головахъ у каждой двери, вѣжливо указываютъ выходъ, — тѣмъ представленіе и оканчивалось; никакого угощенія не полагалось, а стульями пользовались только члены дипломатическаго корпуса и приближенные президента. Подобная же исторія повторялась по субботамъ утромъ на пріемахъ у жены президента. Кромѣ этихъ оффиціальныхъ праздниковъ, разъ въ годъ генералъ Грантъ давалъ обѣдъ дипломатическому корпусу, для чего предварительно приглашались подрядчики и тотъ, который возьметъ дешевле, то есть сочинитъ обѣдъ похуже, и получалъ заказъ. Очевидно, что въ Америкѣ и не думаютъ, какъ въ Парижѣ, что президентъ республики долженъ непремѣнно устраивать великолѣпные праздники pour faire danser le commerce.

Личность Гранта достаточно извѣстна; его молчаливость, характеръ и привычки были подробно описаны еще во время междоусобной войны. Какъ президентъ, Грантъ показалъ себя человѣкомъ партіи въ довольно узкомъ смыслѣ; разоблаченія послѣдняго времени набросили тѣнь даже на его честность. Во враждебныхъ ему газетахъ писали, будто онъ оставитъ должность президента съ капиталомъ въ три милліона долларовъ, обогативъ заодно и своихъ приверженцевъ. Примѣръ для республики весьма не поучительный. У Гранта нельзя, однако отнять большихъ политическихъ способностей. Онъ проявилъ ихъ въ особенности въ то время, когда мало по малу раскрылись злоупотребленія его управленія, и слѣдственная коммисія конгреса начала привлекать къ отвѣтственности одного за другимъ изъ друзей президента. Генералъ Грантъ очень искусно отстранилъ себя отъ соучастія и быстро мѣнялъ административный персоналъ, становившійся непопулярнымъ. Враги находили, правда, что перемѣна состояла въ томъ, что вмѣсто мелкихъ воришекъ воцарялись крупные казнокрады, но вѣрнѣе послѣднія министерскія перемѣны слѣдуетъ приписать тонкимъ соображеніямъ избирательной политики. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно Грантъ назначилъ при мнѣ директора пенсильванской желѣзной дороги Камерона военнымъ министромъ, потому что отецъ Камерона имѣлъ въ рукахъ избирателей цѣлаго штата. Это назначеніе произвело большой эффектъ и демократическія газеты писали, что «старый мошенникъ (отецъ Камерона) повидимому усталъ плутовать и хочетъ пріучить къ той же роли своего сына». Всѣ подобные маневры неизвѣстно на сколько увѣнчаются успѣхомъ. Большинство того мнѣнія, что Грантъ сойдетъ съ политической сцены и удалится на время отъ интригъ въ лоно своего семейства.

Сынъ Гранта содержитъ банкирскую контору, а дочь вышла за мужъ за англичанина и недавно родила президенту втораго внука, по словамъ американскихъ газетъ, вѣсомъ въ 12 фунтовъ.

Интересно, кто будетъ наслѣдникомъ генерала Гранта? Хотя выборы президента будутъ происходить только зимою, но два конвента: республиканскій въ Цинцинати и демократическій въ Санъ-Луи, куда соберутся представители отъ всѣхъ штатовъ Союза въ двойномъ числѣ противъ выставляемаго каждымъ штатомъ числа сенаторовъ и депутатовъ, позволятъ весьма точно уже опредѣлить, между какими кандидатами произойдетъ главная борьба на окончательныхъ выборахъ, Споръ идетъ между двумя партіями: республиканской и демократической, такъ какъ попытка къ образованію въ западныхъ штатахъ третьей партіи не удается, и до сихъ поръ «независимыхъ» въ Капитоліи засѣдаетъ очень мало. Различіе американскихъ партій весьма существенно. «Республиканцы» стоятъ за возможную централизацію, покровительственный таможенный тарифъ, бумажныя деньги, равноправность расъ. Ихъ заслуга въ освобожденіи негровъ, но республиканцы запятнали себя взяточничествомъ въ послѣднія два президентства Гранта. «Демократы» имѣютъ репутацію чище, хотя на нихъ лежитъ неизгладимое пятно сочувствія къ южнымъ плантаторамъ во время междоусобной войны. Демократы желаютъ автономіи отдѣльныхъ штатовъ, свободы торговли, ограниченія бумажнаго обращенія и стѣсненія на югѣ подавляющаго на выборахъ политическихъ, судебныхъ и муниципальныхъ большинства чернокожаго населенія. Первая партія желаетъ болѣе всего отстаивать свои мѣста въ администраціи, а вторая овладѣть этими мѣстами и вознаградить себя за шестнадцатилѣтнее отстраненіе отъ дѣлъ. Почитаешь американскія газеты противнаго лагеря, такъ, право, подумаешь, что въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ никого, кромѣ разбойниковъ и плутовъ, но, конечно, этотъ азартъ чисто напускной. Вотъ для образчика описаніе республиканскихъ депутатовъ, собравшихся на конвентъ въ Цинцинати, сдѣланное одною демократическою газетой. «Это, говоритъ она, процессія наемщиковъ, собравшихся кричать, плутовать, держать пари, ревѣть по ослиному и пьянствовать въ честь своего атамана, т. е. кандидата. Большинство явилось съ пустыми сакъ-вояжами и даровыми билетами желѣзныхъ дорогъ. Тутъ удобно насмотрѣться на колекцію людей голодныхъ, жадныхъ на видъ, какъ подобаетъ сообщникамъ нынѣшняго правительства; число чернокожихъ лакеевъ также чрезвычайно велико» и т. д.

Понятное дѣло, что эта картина — шаржъ и депутаты избраны серьезные, а кандидатами въ президенты выступаютъ люди первоçразрядные и съ почетною извѣстностью. Въ республиканской партіи на первомъ мѣстѣ изъ кандидатовъ стоялъ Бленъ, бывшій спикеръ конгресса. Выборъ его можно было бы считать обезпеченнымъ, по крайней мѣрѣ, со стороны его партіи, еслибы извѣстное дѣло по подозрѣнію во взяточничествѣ не набросило на него тѣнь, какъ на государственнаго дѣятеля. Хотя Бленъ передъ слѣдственной коммисіей почти оправдался, но какъ-то странно было слышать его заявленіе передъ конгрессомъ, что для своего оправдыванія онъ былъ вынужденъ «украсть» компрометирующія его, по словамъ противниковъ, письма. Важнѣйшими соперниками Блену являлись Мортонъ и министръ финансовъ Бристоу. Мортонъ — врагъ Блена и его страстная политика не допускаетъ соглашеній, поэтому шансы Бристоу сильнѣе—тѣмъ болѣе, что онъ заслужилъ уваженіе публики преслѣдованіемъ проворовавшихся акцизныхъ чиновниковъ и во главѣ ихъ генерала Бэбкука, друга президента. Но эта популярность и лишала его могущественнаго содѣйствія администраціи. Генералъ Грантъ думалъ даже уволить Бристоу отъ должности за излишнее рвеніе, но побоялся взрыва общественнаго мнѣнія. Послѣ этой троицы кандидатовъ наиболѣе шансовъ на успѣхъ имѣлъ Конклинъ, которому обезпечены голоса республиканцевъ въ Нью-Іоркѣ и въ Пенсильваніи; говорили даже, что это кандидатъ Гранта, что имѣло большое значеніе для чернаго населенія въ южныхъ штатахъ. Конклинъ пользуется также репутаціей человѣка, который съумѣетъ искусно подѣлить куски «общественнаго пирога», не обидѣвъ никого изъ своихъ сторонниковъ.

Между второстепенными республиканскими кандидатами, которыми пренебрегать, однако, вовсе не слѣдуетъ, потому что въ случаѣ непримиримаго соперничества первостепенныхъ дѣятелей эти остающіяся въ темнотѣ лица легко выходятъ на первый планъ *), находятся Гайсъ, за котораго стоялъ только штатъ Огайо, американскій посолъ въ Парижѣ Уашбурнъ, извѣстный своею честностью, и федеральный генералъ-почтмейстеръ Ювель, опирающійся на своихъ многочисленныхъ

*) Соображеніе это подтвердилось. Кандидатомъ республиканской партіи на конвентѣ былъ выбранъ неожидано коалиціей всѣхъ противниковъ Блена—Гайсъ. Онъ восторжествовалъ, хотя съ большимъ трудомъ и не безъ подтасовки голосовъ, на окончательныхъ выборахъ.

подчиненныхъ, косвенное вліяніе которыхъ въ странѣ, гдѣ почта играетъ такую роль, немаловажно, хотя федеральные чиновники при выборѣ президента непосредственно и лишены права голоса.

Демократы менѣе разбросались въ своихъ симпатіяхъ и ихъ кандидаты менѣе выставляютъ слабыхъ сторонъ для нападеній. Важнѣйшій изъ кандидатовъ нью-іоркскій губернаторъ Тильденъ, человѣкъ пріобрѣвшій громкую репутацію очищеніемъ нью-іоркской администраціи отъ казнокрадовъ; но эта-то неподкупность Тильдена и создала ему множество непримиримыхъ враговъ въ собственномъ лагерѣ. Враги эти набрасывали на него тѣнь, доказывая, что Тильденъ добивается президентства единственно изъ пустого тщеславія. Главнымъ соперникомъ Тильдена былъ сенаторъ Байаръ, извѣстный своимъ краснорѣчіемъ и опытностью. Онъ подозрителенъ, однако, для демократовъ сѣверныхъ штатовъ по своему аристократизму и теплымъ симпатіямъ къ побѣжденнымъ южанамъ. Третій кандидатъ демократовъ, Гендриксъ, скорѣе опасенъ для своей партіи, чѣмъ для республиканцевъ. Дѣло въ томъ, что Гендриксъ—представитель части демократической партіи, многочисленной въ западныхъ штатахъ, которая желаетъ не сокращенія, а расширенія бумажно-денежнаго обращенія—ересь, жестоко преслѣдуемая прочими демократами. Успѣхъ Гендрикса на демократическомъ конвентѣ въ Санъ-Луи произвелъ бы расколъ въ демократической партіи, весьма выгодный для республиканцевъ.

Кромѣ этихъ кандидатуръ партій, были еще кандидатуры чисто военныя, едва ли впрочемъ серьезныя: генераловъ Шермана и Гаякука. Очень можетъ быть, что и генералъ Грантъ не отказался-бы принять кандидатуру, еслибъ она ему была предложена, хотя страна довольно недвусмысленно заявила, что желаетъ впредь не военнаго, а гражданскаго управленія. Судьба всѣхъ кандидатовъ рѣшается приблизительно на конвентахъ, которые, замѣтимъ, не имѣютъ никакого оффиціальнаго значенія. Конвентъ въ Цинцинати собирался въ половинѣ іюня, улицы были полны народа и избирательные агенты стекались со всѣхъ концовъ союза; оживленіе этой массы, по словамъ газетъ, напоминало Филадельфію въ день открытія всемірной выставки. Повсюду видны толпы людей, спорящихъ о достоинствѣ того или другаго кандидата, постоянно проходятъ процессіи съ музыкою, барабанами и знаменами; по вечерамъ собираются митинги, произносятся спичи, устраиваются банкеты и серенады, а среди всего этого шума интрига явная и подпольная идетъ своимъ чередомъ. Телеграммы о ходѣ дѣлъ въ Цинцинати раз-

сылаются во всѣ города и немедленно выставляются въ большихъ гостинницахъ для свѣдѣнія публики. Осмотрительность, съ которою американцы почти за годъ обдумываютъ, кѣмъ лучше замѣстить званіе перваго сановника въ республикѣ, показываетъ, что они чувствуютъ необходимость въ серьезныхъ реформахъ администраціи. Хотя демократы побѣдили на послѣднихъ выборахъ депутатовъ въ конгрессъ, но нельзя ничего предсказывать положительнаго. Очень можетъ быть, что если республиканцы откажутся отъ системы Гранта и поставятъ во главѣ администраціи дѣятелей безусловной честности, то имъ еще удастся вырвать побѣду *). Во всякомъ случаѣ, положеніе новаго президента изъ республиканской партіи будетъ не легко, если онъ встрѣтитъ прежнее настроеніе въ конгрессѣ.

Капитолій, гдѣ засѣдаетъ конгрессъ,—лучшее зданіе въ Вашингтонѣ и едва ли не лучшее въ Америкѣ. Оно поставлено весьма красиво на холмѣ, откуда открывается славный видъ на весь городъ, на широкій Потомакъ и ближайшія мѣстности Виргиніи. Капитолій замѣчателенъ еще какъ зданіе, которое не только не было испорчено, но скорѣе украшено позднѣйшей пристройкой двухъ громадныхъ флигелей. Въ центральной части зданія, покрытой высокимъ куполомъ со статуей свободы наверху, находится теперь верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ и библіотека конгресса. Кромѣ того, центральная зала составляетъ родъ американскаго Пантеона. По стѣнамъ висятъ огромныя картины, довольно плохія по исполненію, изображающія важнѣйшіе моменты американской исторіи; портреты президентовъ и другихъ знаменитыхъ дѣятелей Соединенныхъ Штатовъ, статуи и бюсты тѣхъ же дѣятелей дополняютъ украшеніе залъ, посреди которыхъ разставлены огромныя кадки съ опилками для плеванія. Плевальницами вообще богатъ Капитолій. Двери зданія открыты, конечно, на всѣ четыре стороны и публикѣ не только не мѣшаютъ гулять, гдѣ угодно, а, напротивъ того, обязательно все показываютъ. Меня водили даже въ ванную залу, гдѣ члены конгресса освѣжаются послѣ слишкомъ жаркихъ преній. Въ зданіи помѣщается также ресторанъ, гдѣ, однако, изъ предосторожности водки не продаютъ —даже депутатамъ.

Конгрессъ помѣщенъ въ южномъ флигелѣ, построенномъ изъ мрамора. Великолѣпныя мраморныя лѣстницы ведутъ ко всѣмъ галереямъ.

*) Какъ извѣстно это предсказаніе сбылось выборомъ Гайса.

Зала палаты представителей просторна, но по отдѣлкѣ не представляетъ ничего особенно роскошнаго. Нѣсколько картинъ и два флага составляютъ ея украшенія. Спикеръ палаты сидитъ на возвышеніи, молотокъ замѣняетъ ему колоколъ; передъ спикеромъ сидятъ секретари, а еще ниже—стенографы; трибуны не полагается, а каждый говоритъ со своего мѣста. Большая галерея надъ спикеромъ отведена для представителей печати. Депутаты сидятъ полукругомъ, по правую руку отъ предсѣдателя демократы, по лѣвую республиканцы. Такъ какъ первая партія теперь многочисленнѣе въ конгрессѣ, то она занимаетъ и часть креселъ лѣвой стороны. Всѣхъ депутатовъ, включая и делегатовъ отъ территорій, имѣющихъ только совѣщательный голосъ, триста. Мѣста для депутатовъ устроены удобно, каждый имѣетъ отдѣльный столикъ со шкафомъ, а плетеное кресло можетъ вращаться во всѣ стороны. Для прислуги нѣтъ никакихъ чиновниковъ со шпагами или въ мундирахъ, а просто бѣгаютъ мальчишки, которыхъ зовутъ хлопаньемъ въ ладоши. Во время преній эти мальчики, даже въ сенатѣ, разваливаются преспокойно на пустыя кресла, задираютъ ноги на столъ и съ важностью слушаютъ пренія. Въ каррикатурныхъ описаніяхъ вашингтонскій конгрессъ изображается залою, гдѣ всѣ депутаты съ предсѣдателемъ во главѣ лежатъ, задравши ноги кверху, безъ галстуковъ, нечесанные и энергически плюютъ въ потолокъ. На дѣлѣ это не такъ, хотя плевальницы стоятъ у ногъ каждаго депутата и часто посереди рѣчи ораторъ заталкиваетъ пальцемъ жвачку подалѣе за щеку. Наружность конгресса отличается отъ другихъ представительныхъ собраній скорѣе въ хорошую, чѣмъ въ дурную сторону. Ораторы говорятъ только о дѣлѣ, не рисуясь и не выпрашивая, какъ милостыню, аплодисментовъ; время не проходитъ въ спорахъ о мелочахъ и хотя брань и крики раздаются въ горячія минуты, но у американцевъ нѣтъ дѣтской привычки, какъ у французовъ или итальянцевъ, заглушать шумъ слова оратора противной стороны, какъ бы они разсудительны ни были, и неистово рукоплескать каждой фразѣ собственнаго оратора.

Помѣстившись въ дипломатической трибунѣ, я могъ спокойно наблюдать порядки конгресса. Энергическимъ ударомъ молотка спикеръ палаты Керръ, демократъ по убѣжденіямъ, объявилъ собраніе открытымъ, затѣмъ епископальный капеланъ Тоушендъ сталъ читать молитву. Въ сенатѣ капеланъ пресвитеріанецъ, а былъ случай, что разъ молитву читалъ даже жидовскій раввинъ, такова американская вѣротерпимость. Во время молитвы спикеръ и пять, шесть депутатовъ стоятъ,

остальные сидятъ, не обращая на молитву ни малѣйшаго вниманія, хотя громко не разговариваютъ. Послѣ молитвы секретарь громовымъ голосомъ читаетъ обстоятельнѣйшій протоколъ предыдущаго засѣданія и провозглашаетъ предметы, подлежащія обсужденію. При мнѣ зала конгресса была на половину пуста и пренія шли весьма мирныя, такъ какъ разбирался вопросъ о новомъ выпускѣ на 10 милліоновъ долларовъ размѣнной монеты. Мелкой монеты въ обращеніи въ Соединенныхъ Штатахъ очень мало, потому билль не встрѣтилъ серьезныхъ возраженій. Я очень жалѣю, что не имѣлъ терпѣнія сидѣть долѣе, ибо позже возобновилось извѣстное дѣло по слѣдствію надъ Бленомъ,—и пренія сдѣлались настолько раздражительными, что съ Бленомъ приключился на другой день по утру родъ апоплексическаго удара, повергшій въ смятеніе всю республиканскую партію.

Въ сенатѣ, куда я перешелъ изъ конгресса, тоже все было спокойно. Зало сената находится въ сѣверномъ флигелѣ Капитолія; оно нѣсколько меньше и какъ бы проще устроено, чѣмъ зало конгресса, только кресла для сенаторовъ роскошнѣе и сдѣланы изъ краснаго дерева. Внутренее устройство и порядокъ преній тѣ же, что и въ палатѣ представителей. Сенаторы сидятъ также безъ шляпъ на головѣ; они одѣты преимущественно въ черномъ и лѣтами замѣтно старѣе членовъ конгресса. Всѣхъ сенаторовъ 76, при чемъ республиканское большинство сильно преобладаетъ. Сидятъ сенаторы безъ всякаго порядка, группируясь по собственному желанію, а не по партіямъ или по штатамъ. При мнѣ обсуждался вопросъ чисто второстепенный: о сооруженіи гдѣ-то кому-то монумента; поэтому большей части сенаторовъ не было на своихъ мѣстахъ, что составляло большую потерю для туриста, такъ какъ въ Америкѣ важнѣйшіе политическіе дѣятели засѣдаютъ именно въ верхней палатѣ, а не въ нижней, какъ въ другихъ странахъ. Я видѣлъ только изъ вожаковъ партій С. Камерона республиканца и Уэста—демократа, но многіе важнѣйшіе въ настоящее время политическіе дѣятели и ораторы Америки — республиканцы Клайтонъ, Гамлинъ, Конклинъ, Мортонъ, А. Камеронъ, Логанъ, Дорсей, Спенсеръ, демократъ Байаръ отсутствовали. Такое отсутствіе зависѣло преимущественно отъ того, что во время моего пребыванія въ Вашингтонѣ собирался въ Цинцинати конвентъ республиканской партіи.

Пренія въ американскомъ сенатѣ, какъ и въ конгрессѣ, имѣютъ характеръ дѣловой бесѣды. Сенаторы говорятъ со своихъ мѣстъ, обращаясь къ президенту сената pro tempore, Ферри. Настоящимъ прези-

дентомъ сената считается вице-председатель Соединенныхъ Штатовъ, мѣсто котораго,за смертью Вильсона, осталось вакантно. Ферри—человѣкъ лѣтъ около сорока, съ большой рыжей бородой и замѣчательно энергической физіономіей, такой именно, какая должна быть у предсѣдателя сената въ странѣ, гдѣ высшая законодательная палата составляетъ живую политическую силу, а не собраніе антиковъ, годныхъ скорѣе для бальзамированія. Значеніе сената въ Америкѣ усиливается, кромѣ выраженія федеральной связи, еще тѣмъ, что онъ раздѣляетъ отчасти съ президентомъ власть административную. Утвержденіе министровъ и посланниковъ зависитъ отъ сената, а конгрессъ тутъ не причемъ. Вотъ почему, не смотря на значительное демократическое большинство въ конгрессѣ, генералъ Грантъ и не думалъ мѣнять кореннымъ образомъ своей политики.

Отсутствіе того, что собственно называется парламентарнымъ образомъ правленія, и дѣлаетъ пренія въ конгрессѣ мало занимательными съ театральной, такъ сказать, точки зрѣнія. Министры въ Америкѣ, выбираясь помимо конгресса, не учавствуютъ въ его трудахъ, поэтому тамъ нѣтъ постояннаго ополченія оппозиціи противъ министерства. Послѣднее аттакуется косвенныии путями. Конечно, отъ этого сущность вещей не измѣняется, такъ какъ противъ воли страны управлять все-таки невозможно, но отсутствіе министровъ въ палатѣ лишаетъ пренія того оживленія, которое замѣтно въ англійскомъ и другихъ законодательныхъ собраніяхъ.

Между любопытными учрежденіями въ Вашингтонѣ путешественникъ можетъ осмотрѣть Смитсоніанскій институтъ—полуказенное, получастное ученое учрежденіе, чрезвычайно богатое и полезное; бюро для выдачи привиллегій — великолѣпное зданіе въ греческомъ стилѣ, роль котораго видна изъ того, что въ Америкѣ выдается ежегодно въ 20 разъ болѣе привиллегій на новыя изобрѣтенія, чѣмъ въ Россіи было выдано ихъ въ пятьдесять лѣтъ; министерство почтъ, гдѣ занимается много женщинъ; министерства: финансовъ, военное, морское, и иностранныхъ дѣлъ. Всѣ эти зданія весьма доступны для осмотра, какъ вообще административныя учрежденія въ Соединенныхъ Штатахъ. Такъ какъ наиболѣе интересные предметы изъ Smithsonian Iustitution и Patent office находились на филадельфійской выставкѣ, то я ограничился осмотромъ министерства финансовъ и центральнаго статистическаго бюро.

Trecsury Departament—красивое, нѣсколько массивное зданіе, по-

строенное изъ гранита. Величайшая достопримѣчательность въ немъ это плевальницы, проходящія сквозь пять этажей, такъ что плевокъ падаетъ внизъ съ шумомъ ружейнаго выстрѣла. Вслѣдствіе весьма распространенной гнусной привычки жеванія табаку, плеваніе обратилось въ Америкѣ въ родъ національнаго установленія, порицать которое не совсѣмъ безопасно. Американецъ плюетъ, начиная проповѣдь, цѣлуя Евангеліе послѣ присяги, встрѣчая и цѣлуя жену, оканчивая спичъ, плюетъ, однимъ словомъ, во всѣхъ случаяхъ, когда имъ овладѣваетъ извѣстное душевное волненіе. Приэтомъ, конечно, американцы достигли въ плеваніи замѣчательнаго искусства. Читая газету, джентельменъ поворачиваетъ слегка голову и весьма мѣтко попадаетъ черезъ плечо въ стоящую позади его плевальницу. Разсказываютъ, что одинъ европейскій путешественникъ замѣтилъ, что сидѣвшій около него американецъ часто оборачивался; оказалось, что онъ старался попасть жеванымъ табакомъ въ замочную скважину сакъ-вояжа злосчастнаго европейца! Распространенію жеванія табаку содѣйствуетъ весьма строгое воспрещеніе въ Америкѣ курить въ присутствіи дамъ, въ публичныхъ мѣстахъ и даже въ иныхъ гостинницахъ у себя въ номерѣ.

Вторая достопримѣчательность вашингтонскаго министерства финансовъ—это собраніе полуторыхъ тысячъ американскихъ дѣвицъ и молодыхъ дамъ — вдовъ и дочерей ветерановъ междоусобной войны. Женщины исполняютъ въ министерствѣ обязанности писцовъ, конторщиковъ и пр. Въ прежнее время число служащихъ женщинъ достигало даже до двухъ съ половиною тысячъ и онѣ занимались преимущественно въ департаментѣ казначейства, въ національномъ банкѣ и въ бюро заготовленія «гринбековъ» и другихъ американскихъ государственныхъ бумагъ, но теперь сокращеніе государственнаго долга и различныя преобразованія въ администраціи уменьшили значительно число служащихъ женщинъ. Мнѣ показалось даже, что ихъ и въ настоящее время гораздо болѣе, чѣмъ необходимо собственно для дѣла. Осмотръ зданія я началъ съ управленія главнаго архитектора министерства, который завѣдываетъ постройкою всѣхъ казенныхъ зданій союза. Портеръ, главный архитекторъ, показалъ мнѣ множество грандіозныхъ проектовъ почтамтовъ, таможень и др. сооруженій, часть которыхъ уже выстроена, а часть еще строится. Изъ строительнаго отдѣленія мы перешли въ фабрику «гринбековъ» — главное царство женщинъ. Только начальство, затѣмъ нѣсколько граверовъ и негровъ для посылокъ—мужчины, остальной составъ служащихъ засѣдаетъ въ огромныхъ шиньонахъ, пенснэ и въ по-

лупрозрачныхъ платьяхъ, кокетливо сшитыхъ. Разсказываютъ, что прежній начальникъ этого управленія Макъ-Карти былъ большой знатокъ по части женщинъ и принималъ ихъ съ разборомъ, а для украшенія собственнаго кабинета выбралъ восемь красивѣйшихъ и наилучше сложенныхъ изъ всѣхъ. Къ сожалѣнію для туристовъ, теперь Макъ-Карти уволенъ и его цвѣтникъ американскихъ чиновницъ разсѣялся по разнымъ отдѣленіямъ министерства финансовъ. Во всякомъ случаѣ, это учрежденіе такъ-же поучительно для желающихъ изучать американскіе типы женщинъ, какъ посѣщеніе королевскихъ сигарныхъ фабрикъ въ Испаніи—для народныхъ типовъ испанскихъ женщинъ.

Фабрикація кредитныхъ билетовъ на половину совершается въ Нью-Іоркѣ на частной фабрикѣ. Въ Вашингтонѣ отпечатывается только наружная сторона, дѣлаются подписи, билеты нумеруются, разрѣзываются и упаковываются. Во всѣхъ этихъ операціяхъ нѣтъ ничего особенно замысловатаго, но замѣчательны замки съ секретами, употребляемые для храненія готовыхъ билетовъ въ кладовыхъ. Самыми лучшими считаются тѣ, которые не могутъ отворить даже чиновники, хотя и знающіе секретъ, если пожелаютъ сдѣлать это ранѣе извѣстнаго опредѣленнаго періода времени. Гравюра на американскихъ билетахъ превосходна, бумага также, покрайней мѣрѣ «гринбеки» можно мыть съ мыломъ и они не портятся. Нашъ осмотръ заключился обзоромъ въ департаментѣ казначейства способа уничтоженія ветхихъ и фальшивыхъ билетовъ. «Гринбекъ» публично не жгутъ, а изъ нихъ варятъ, какъ у насъ изъ запрещенныхъ книгъ, похлебку.

Центральный статистическій комитетъ хотя подчиненъ министерству финансовъ, но помѣщается въ отдѣльномъ удобномъ зданіи. Вообще роскошь, съ которою помѣщаются въ Америкѣ чиновники, поразительна; вездѣ ковры, шторы, вазы съ ледяною водою, отличная мебель и пр. Ни одинъ американскій столоначальникъ не согласился бы сидѣть въ комнатѣ, въ которой помѣщаются у насъ директоры департаментовъ. Я засталъ мистера Йонга, директора комитета, извѣстнаго Петербургу по конгрессу 1872 г., въ приготовленіяхъ къ будапештскому международному статистическому конгрессу. Почтенный ученый сохраняетъ о Россіи пріятное воспоминаніе и даже переписывается съ разными лицами о дѣлахъ, касающихся его соотечественниковъ или единовѣрцевъ. Онъ показалъ мнѣ, между прочимъ, письмо отъ одной высокопоставленной особы, гдѣ мистеръ Йонгъ получилъ удостовѣреніе, что наше управленіе довольно л е б е р а л ь н о (sic).

Въ нѣсколько дней пребыванія, я достаточно насмотрѣлся на Вашингтонъ, который въ сущности не отличается отъ другихъ американскихъ городовъ. Тѣ же негры безтолково суетятся за обѣдомъ, подавая сладкое ранѣе супа, и то обмахивая васъ пучкомъ павлиньихъ перьевъ, то отирая тѣми же перьями себѣ лицо отъ пота или почесывая тупымъ концемъ за ухомъ. Празднованіе воскреснаго дня также соблюдается въ Вашингтонѣ съ нелѣпою строгостью. Около города, напримѣръ, военные инвалиды содержатъ прекрасный паркъ, но въ этомъ паркѣ по воскресеньямъ имѣютъ право гулять только дипломаты. Въ клубѣ по воскресеньямъ членовъ впускаютъ, но запрещаютъ имъ, не смотря на жару, отпирать окна, чтобы съ улицы не было видно грѣховодниковъ, читающихъ вмѣсто библіи газеты и пьющихъ пиво. Отъ скуки любимѣйшимъ занятіемъ американцевъ дѣлается сочиненіе различныхъ якобы «освѣжающихъ», а въ сущности весьма опьяняющихъ напитковъ. Широкая изобрѣтательность на этотъ счетъ лучше всего видна изъ книги, пріобрѣтенной мною въ Филадельфіи и называющейся «How to mix drinks or the bon vivants companion». Книга сочинена профессоромъ химіи Шульцемъ и содержитъ нѣсколько сотъ рецептовъ. Профессоръ считаетъ своихъ кліентовъ за какихъ-то Гаргантуа, потому что, предлагая рецептъ въ родѣ слѣдующаго: «смѣшать полбутылки рому, полбутылки араку, полбутылки бранди, положить сахару и пр.», прибавляетъ: «этого достаточно для одного джентельмена!»

Отличительною чертою Вашингтона является несмѣтное число памятниковъ генералу Вашингтону, который, замѣтимъ, въ Вашингтонѣ никогда не жилъ. Кромѣ разныхъ статуй и бюстовъ посреди города красуется половина огромнаго каменнаго обелиска, величиною съ цѣлую башню. Это тоже монументъ генералу Вашингтону, но собранный фондъ былъ украденъ строительной коммисіей. Никто не думаетъ доканчивать нелѣпаго обелиска, который служитъ отличною темою для американскихъ остротъ. Затѣмъ, конечно, въ Вашингтонѣ нѣтъ недостатка во всѣхъ тѣхъ зданіяхъ, коими справедливо гордятся американскіе города: въ разнообразнѣйшихъ храмахъ, домахъ массоновъ, великолѣпныхъ рынкахъ, роскошныхъ зданіяхъ для школъ и пр. Обширная правительственная типографія, также весьма полезное учрежденіе, печатаетъ массу любопытнѣйшихъ политическихъ и статистическихъ документовъ; ихъ раздаютъ охотно всѣмъ желающимъ. Но при погонѣ за обширностью и наружнымъ эффектомъ американцы умѣютъ благоразумно дѣлать исключенія; такъ, не смотря на то, что Вашингтонъ главная квартира федераль-

ной арміи, въ немъ нѣтъ монументальнаго военнаго госпиталя. Напротивъ того, солдатъ лечатъ исключительно въ маленькихъ барачныхъ лазаретахъ; американцы знаютъ, что больницы въ видѣ дворцовъ — адъ для больныхъ и рай только для смотрителей и начальства.

Возвращеніе мое въ Филадельфію произошло уже безъ приключеній, но опять отъ незнанія правилъ пришлось не спать всю ночь. Взявъ мѣсто въ спальномъ вагонѣ Пульмана, я до 2 часовъ ночи, т. е. до прихода въ Филадельфію, не раздѣваясь спалъ, что называется, однимъ глазомъ, боясь прозѣвать станцію. Въ Филадельфіи же насъ преспокойно свезли куда-то далеко отъ дебаркадера на запасный путь, отцѣпили и оставили спать въ вагонѣ до утра. Пока я догадался, что съ нами творится, прошелъ цѣлый часъ, да и остальное время нельзя уже было безъ привычки сомкнуть глазъ. Каждую минуту по станціонному двору маневрируютъ локомотивы со звономъ и свистомъ, а внутри спальнаго вагона сонные мужчины храпятъ, дамы стонутъ, дѣти плачутъ, а температура воздуха приближается къ какимъ-то невѣроятнымъ градусамъ.

VI.

Филадельфійская всемірная выставка; отдѣлы: русскій, чѣмъ ему слѣдовало быть; бразильскій; мексиканскій; сѣверо-американскій. — Павильоны разныхъ штатовъ и правительственный.—Машинный павильонъ; выставка экипажей и кожъ.—Павильоны искусствъ и фотографическій.—Женскій отдѣлъ.—Выставка сельскаго хозяйства и садоводства.

Русскій отдѣлъ поспѣлъ только къ половинѣ іюля новаго стиля и съ точки зрѣнія декоративной былъ не казистъ; онъ занималъ немного мѣста, вещи были разставлены очень тѣсно и отдѣлка помѣщенія и витринъ казалась весьма скромною. При ближайшемъ, однако, разсмотрѣніи, даже и мало развитому зрителю въ русскомъ отдѣлѣ бросались въ глаза множество превосходныхъ вещей, въ особенности была хороша лицевая сторона вдоль главнаго прохода по Main-Building. Тутъ расположились гг. Сазиковъ, Овчинниковъ и др. фабриканты серебряныхъ издѣлій, г. Шопенъ съ бронзами, г. Гессрихъ съ малахитовыми и каменными вещами; тутъ же красовались произведенія нашихъ парчевыхъ и шелковыхъ фабрикъ и превосходные сибирскіе мѣха, далеко оставлявшіе за собою мѣха канадскаго отдѣла. Жаль еще, что ничего не прислали наши фарфоровая, гранильныя и мозаиковая казенныя фабрики, произведенія которыхъ были оцѣнены по достоинству на прежнихъ выставкахъ. Изъ болѣе серьезныхъ отраслей промышленности наши хлопчато-бумажныя и шерстяныя фабрики устроили коллективную выставку, а извѣстныя произведенія россійско-американской резиновой мануфактуры заняли обширную роскошную витрину въ центрѣ отдѣла.

Большой интересъ въ русскомъ отдѣленіи возбудили вещи въ русскомъ стилѣ, доставленныя изъ художественно-промышленнаго музея и отъ стро-

гановскаго училища рисованія. Значительное пространство досталось военному министерству, выставившему образчики топографическихъ работъ, витрины съ образцами интендантскаго довольствія и множество вещей, относящихся къ педагогіи. Горный институтъ представилъ обширную коллекцію рѣдкихъ русскихъ минераловъ. Если прибавить къ этому произведенія шляпниковъ, сапожниковъ и др. столичныхъ ремесленниковъ, вообще весьма охотно принимающихъ участіе въ выставкахъ, — такъ какъ по существовавшему до сихъ поръ нелѣпому правилу, хорошо сшитая фуражка и заводъ, выдѣлывающій на 10 милл. рублей въ годъ, удостоиваются одинаковыхъ наградъ — то получится довольно полный отчетъ о томъ, что заключалось въ русскомъ отдѣлѣ.

Всѣ выставленныя произведенія, конечно, не уронили насъ въ глазахъ иностранцевъ; присланныя вещи показывали даже, что промышленная техника достигла въ Россіи извѣстной степени совершенства, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ отраслямъ производства; такъ называемый «русскій вкусъ» имѣлъ также достаточное число представителей; но во всякомъ случаѣ выставку въ томъ видѣ, какъ она была устроена въ Филадельфіи, (а точно также была она устроена въ Лондонѣ, въ Парижѣ и въ Вѣнѣ), мы считаемъ совершенно несоотвѣтствующею своему назначенію. Мы разумѣемъ тутъ не собственно устройство русскаго отдѣла, сдѣланное нашимъ главнымъ коммисаромъ г. Бѣльскимъ и его помощниками съ рѣдкимъ терпѣніемъ и искусствомъ, но самый характеръ выставки, въ томъ отношеніи, какъ она изображала собою картину русской производительности и давала вообще понятіе о Россіи. Иностранецъ, мало что читавшій о Россіи, знающій ее по слухамъ, почти всегда невѣрнымъ, осмотрѣвъ русскій отдѣлъ на выставкѣ въ Филадельфіи, приходилъ невольно къ заключеніямъ самымъ неточнымъ. Видя, напримѣръ, вездѣ и повсюду выставленные куски малахита и издѣлій изъ него, иностранецъ могъ подумать, что добыча малахита составляетъ у насъ Богъ вѣсть какое важное производство; между тѣмъ, со времени открытія малахита въ Россіи, едва-ли его добыли въ сложности болѣе 50,000 пудовъ.

Таковы и другія, бросающіяся въ глаза, на выставкѣ отрасли русской промышленности. Видя педагогію исключительно въ военномъ отдѣлѣ, иностранецъ соображалъ, что въ Россіи все воспитаніе сосредоточено исключительно въ военныхъ школахъ. Что подобныя нелѣпыя заключенія возможны, легко замѣтить изъ разговоровъ съ иностранцами. Весьма образованный американецъ спрашивалъ меня, строятъ-ли

въ Россіи дома изъ дерева? Другой, разсуждая о торговлѣ, полагалъ, что важнѣйшій предметъ нашего отпуска мѣха, и очень удивился, когда я сказалъ, что мы покупаемъ болѣе мѣховъ американскихъ, чѣмъ отпускаемъ сами. Одинъ американскій генералъ освѣдомлялся, происходитъ-ли русскій языкъ отъ латинскаго? Каковы понятія о Россіи въ Америкѣ, можно видѣть, напримѣръ, хоть перелиставъ весьма распространенный въ мѣстныхъ школахъ роскошный географическій атласъ Beatson'a. Въ этомъ атласѣ, гдѣ Японія и Африка пополнены по послѣднимъ изысканіямъ, относительно Россіи допущены промахи въ родѣ того, что Камчатка показана независимою, Кавказъ—не принадлежащимъ Россіи, Тифлисъ — находящимся въ Персіи; затѣмъ, хотя Туркестанъ перечисленъ въ число русскихъ владѣній и государемъ его названъ русскій Императоръ, но столица русскаго Туркестана находится, по мнѣнію атласа, въ Кашгарѣ? Такіе-же промахи случаются ежедневно и въ самыхъ лучшихъ газетахъ. «New.-Jork Herald», имѣющій въ Европѣ 500 корреспондентовъ, называлъ постоянно «Голосъ» полу-оффиціальною газетою, генерала Черняева — адъютантомъ генерала Кауфмана, г. П. Васильчикова—докторомъ и т. д. Я уже не говорю о такихъ мнѣніяхъ иностранцевъ, хотя они до сихъ поръ *положительно* существуютъ, будто всѣ русскіе питаются икрою, кромѣ казаковъ, которые ѣдятъ сальныя свѣчи.

Въ виду слишкомъ малаго знакомства иностранцевъ съ Россіею, ея производительными силами, государственнымъ устройствомъ и значеніемъ (ни одинъ иностранецъ не подозрѣваетъ, что въ Россіи теперь слишкомъ 90 милліоновъ населенія и 20,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, не знаетъ, что у насъ не существуетъ смертной казни, не имѣетъ понятія о любопытномъ положеніи въ Россіи женскаго воспитаніяи т. д.), слѣдовало-бы русскому отдѣлу навсемірныхъ выставкахъ придавать преимущественно характеръ «поучительный», однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ того что дѣлаютъ австралійскія колоніи. Рядомъ съ малахитовыми вазами и военною аммуниціею было-бы чрезвычайно полезно ставить большія карты Россіи, самыя разнообразныя статистическія свѣдѣнія и таблицы, нарисованная графически, о нашемъ населеніи, торговлѣ, путяхъ сообщенія, фабрикахъ и заводахъ, о сельскомъ хозяйствѣ, рыболовствѣ, скотоводствѣ; наглядно изображать движеніе нашей колонизаціи, въ быстротѣ не многимъ уступающей американской; ознакомить иностранцевъ съ положеніемъ нашихъ финансовъ, кредита, банковыхъ учрежденій, особенно ссудо-сберегательныхъ товариществъ; сдѣлать извлеченія

изъ нѣкоторыхъ нашихъ законовъ, особенно такихъ, которыми мы можемъ, по справедливости, гордиться. Иностранцы получили бы, напримѣръ, понятіе о гуманности нашихъ законовъ о женщинахъ, объ удовлетворительномъ механизмѣ нашего государственнаго счетоводства и контроля, о нашей замѣчательной общинной системѣ, объ устройствѣ суда, земства, городовъ и т. д. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такая выставка была бы во сто кратъ полезнѣе отрывочной коллекціи собранныхъ наскоро и безъ всякой системы произведеній нѣсколькихъ фабрикантовъ.

Съ боку русскаго отдѣла пріютился микроскопическій отдѣлъ люксембургскій, съ которымъ случился курьезъ. Никто не подозрѣвалъ о существованіи такого «независимаго» государства, какъ Люксембургъ; мѣста ему на выставкѣ не было отведено, а другія государства не впускали къ себѣ люксембургцевъ; наконецъ, уже русскій генеральный коммисаръ сжалился и позволилъ поставить люксембургскую витрину въ русскій отдѣлъ. Въ витринѣ оказались только перчатки и башмаки. Можно, пожалуй, подумать, что добрые люксембургцы одѣваются какъ дикіе изъ внутренной Африки, которыхъ весь костюмъ состоитъ иногда изъ одного стараго цилиндра на головѣ. Характерно, что при этой витринѣ состоялъ особый коммисаръ и канцелярія.

Въ предъидущей главѣ я, пропустивъ русскій отдѣлъ, остановился на бразильскомъ отдѣлѣ, который во всѣхъ павильонахъ рѣзко выдавался уродливымъ сочетаніемъ въ декораціяхъ національныхъ цвѣтовъ — желтаго и зеленаго. Въ мануфактурномъ отдѣлѣ Бразиліи трудно было выставить что либо, не смотря на желаніе угодить императору, такъ какъ никакихъ фабрикъ въ Бразиліи не имѣется и всякіе фабрикаты, до гвоздя и сосновой доски, привозятся изъ-за границы. Нѣсколько вышитыхъ сѣделъ, разныя козявки и букашки на булавкахъ, вѣера и зонтики изъ цвѣтныхъ перьевъ — вотъ, кажется, и все, что заключалъ въ себѣ бразильскій отдѣлъ. Нѣсколько плохихъ картъ и книгъ не давали высокаго понятія о странѣ, имѣющей во главѣ такого ученаго монарха, который свободно переводитъ съ русскаго на древній греческій языкъ, и даже поставившей глобусъ на своемъ знамени. Бразильцы привезли еще на 3 милліона долларовъ алмазовъ, но не рѣшались ихъ выставить, пока не поспѣлъ особый желѣзный ящикъ; до тѣхъ поръ алмазы лежали въ одномъ изъ филадельфійскихъ банковъ. Мексика, о которой на другихъ всемірныхъ выставкахъ не было слышно, въ Филадельфіи отличилась, устроивъ свой

отдѣлъ, вѣроятно, ранѣе революціи, вспыхнувшей въ 1876 г. въ этой странѣ. Мексика, впрочемъ, богата только сырыми продуктами. Общее вниманіе обращалъ тутъ на себя бликъ серебра во 100 пудовъ вѣсомъ — продуктъ знаменитыхъ мексиканскихъ серебряныхъ рудниковъ, которые были бы еще производительнѣе, если бы американцы въ 1848 году не отхватили добрую половину мексиканской территоріи. Эта то завоеванная часть и образуетъ теперь богатѣйшіе западные штаты и территоріи: Калифорнію, Неваду, Ютахъ, Аризону и др.

Остальная часть зданія, т. е. приблизительно около трети всего пространства, занята выставкою Соединенныхъ Штатовъ, въ которой, собственно говоря, и долженъ былъ заключаться главный интересъ филадельфійской выставки для спеціалистовъ. Замѣчательно, что послѣднія всемірныя выставки: вторая лондонская, парижская, вѣнская, какъ то фатально совпадали съ кризисомъ въ мѣстной промышленности. Та же участь выпала и на долю филадельфійской выставки: промышленность въ Америкѣ находится въ послѣднее время въ большомъ застоѣ, и многія фабрики или пріостановили свое дѣйствіе, или сократили число рабочихъ. Подобное положеніе понятно отозвалось на выставкѣ, на которой многія фирмы вовсе участія не приняли. Но за всѣми пробѣлами сѣверо-американскій отдѣлъ поражалъ богатствомъ и полнотою. Американскія издѣлія отличаются извѣстнымъ щегольствомъ и въ особенности хороши въ тѣхъ случаяхъ, когда фабрикація производится по извѣстному образцу въ очень обширныхъ размѣрахъ. Нѣкоторыя вещи сдѣлаются также съ большимъ вкусомъ, напримѣръ, серебряныя издѣлія Тифани, занимавшія лицевую сторону отдѣла въ центральной ротондѣ. Всѣ крупныя отрасли промышленности страны: мануфактурная, горная, металлическая, химическая и др. представлены были весьма разнообразно. Я замѣтилъ только нѣкоторую бѣдность въ выставкѣ продуктовъ нефтяной (петрольной) промышленности, имѣющей въ Соединенныхъ Штатахъ такое важное значеніе. Въ ремесленномъ производствѣ, кромѣ дороговизны, замѣтно еще стремленіе къ вычурности или къ усовершенствованіямъ во что бы то ни стало, даже въ такихъ предметахъ, гдѣ излишнее усердіе можетъ быть скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Американецъ непремѣнно желаетъ поставить на своей вещи клеймо, что она патентована. Эксперты по женскимъ нарядамъ, къ удивленію своему, напримѣръ, нашли, что американскіе экспоненты по корсетамъ къ числу достоинствъ ихъ относили двойное

количество костей противъ европейскихъ корсетовъ, увѣряя, что подобное расположеніе костей составляетъ нѣчто новое.

Въ Main-Building, однако, заключалась только относительно небольшая часть американскихъ произведеній, доставленныхъ на выставку; они встрѣчались въ преобладающемъ числѣ во всѣхъ главныхъ павильонахъ, кромѣ того имъ-же досталось большинство отдѣльныхъ павильоновъ. Любопытнѣе всѣхъ оказался павильонъ правительственный, т. е. союзнаго американскаго правительства. Въ этомъ зданіи, весьма обширномъ, помѣстились выставки нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій — военнаго и морскаго министерства, патентнаго и статистическаго бюро, главнаго управленія государственными имуществами, правительственной типографіи, а также Смитсоніанскаго института въ Вашингтонѣ. Мысль, отдѣлить произведенія казенныя отъ продуктовъ частной предпріимчивости, нельзя не одобрить. Павильонъ вообще заслуживалъ подробнаго изученія. Военное министерство, кромѣ громадныхъ орудій, расположенныхъ вокругъ зданія, выставило много предметовъ изъ своихъ арсеналовъ и интендантскихъ складовъ, а также различныя вещи, касающіяся американской военной исторіи. Съ особымъ интересомъ публика наблюдала за дѣйствіемъ бюро, находящейся въ томъ-же вѣдомствѣ, центральной метеорологической обсерваторіи, снабжающей ежедневно помощью телеграфа всѣ сколько-нибудь значительныя мѣстности Союза предсказаніями погоды. Такое же богатство предметовъ, любопытныхъ для спеціалиста, въ морскомъ отдѣлѣ, гдѣ собрано было много моделей частнаго судостроенія и рыболовства. Правительственная типографія выставила свои многочисленныя изданія, которыя она распространяетъ съ значительною щедростью. Если вы попросите въ Америкѣ какое-нибудь оффиціальное изданіе, то будьте увѣрены, что получите въ придачу еще пуда три великолѣпныхъ книгъ. Подарокъ — пріятный, потому что частныя изданія стоютъ въ Америкѣ отъ 5 до 10 долларовъ за томъ разгонистой печати.

Patente-office выставилъ собраніе моделей замѣчательнѣйшихъ американскихъ изобрѣтеній — это нѣкоторымъ образомъ наглядная исторія американской техники въ настоящемъ столѣтіи. Статистическое бюро, кромѣ разныхъ своихъ изданій, представило карты, составленныя на основаніи десятилѣтнихъ народныхъ переписей. Эти карты наглядно показываютъ гигантскіе шаги, сдѣланные въ послѣднее время Соединенными Штатами. Еще въ концѣ 40-хъ годовъ американская колонизація не переступала почти за Миссисипи, а съ тѣхъ поръ заселено,

конечно не плотно, и устроено все пространство до Тихаго океана; другими словами, въ четверть вѣка площадь, эксплоатируемая американскимъ населеніемъ, увеличилась втрое. Какія несмѣтныя богатства заключаются на этой территоріи, видно изъ выставки, сдѣланной управленіемъ государственныхъ имуществъ. Особенно поразительны минеральныя богатства; ничего подобнаго нѣтъ въ другихъ странахъ свѣта. Въ правительственномъ павильонѣ находилась также обширная выставка территоріи Аляски, т. е. нашихъ бывшихъ американскихъ колоній, которыми мы такъ дурно умѣли пользоваться. Говорятъ, что американцы отъ двухъ только острововъ, св. Павла и св. Георгія, имѣютъ теперь болѣе дохода, чѣмъ бывшая россійско-американская компанія получала отъ всего громаднаго побережья Тихаго океана.

Кромѣ правительства центральнаго, правительства каждаго отдѣльнаго штата,—а послѣднихъ уже тридцать девять,—построили особыя довольно обширные павильоны, гдѣ вторично выставили различныя собранія минеральныхъ и другихъ продуктовъ своей территоріи, а также коллекціи педагогическія. Павильоны эти еще любопытны, какъ образчики сельской архитектуры каждаго штата, весьма различной какъ отъ климатическихъ, такъ и особенно отъ національныхъ вліяній. Осмотрѣть, однако, въ подробности эти собранія не хватало никакихъ человѣческихъ силъ и «штатные» павильоны въ сущности составляли на филадельфійской выставкѣ павильоны «сверхштатные» или «заштатные». Ихъ видѣли немногіе.

Львиная часть принадлежала американской промышленности и въ машинномъ отдѣлѣ, т. е. въ такъ называемомъ Machinery-Hall — громадномъ деревянномъ зданіи, стоившемъ свыше милліона долларовъ. Можно даже сказать, что почти весь механическій отдѣлъ былъ занятъ исключительно американцами, такъ какъ другія государства заняли свои отдѣлы въ этомъ зданіи для другихъ предметовъ. Россія, напримѣръ, устроила въ механическомъ отдѣлѣ выставку вещей артиллерійскаго вѣдомства и морскаго министерства, а также продуктовъ горнаго промысла, изъ которыхъ произведенія заводовъ Демидова-Санъ-Донато обратили на себя общее вниманіе спеціалистовъ. Военныя же вещи выставила Бразилія, а Германія заняла свой отдѣлъ предметами горнаго и металлургическаго промысловъ, почетное мѣсто между которыми, по обыкновенію, принадлежало стальному орудію Круппа. На сей разъ орудіе это не удивило уже своею колоссальностью; все таки его съ большимъ трудомъ удалось протащить отъ пристани на выставку.

Машинный отдѣлъ американцевъ былъ необыкновенно разнообразенъ и изобиленъ. Всѣ машины находились въ дѣйствіи: громадныя водокачки и пожарныя машины пускали фонтаны воды, типографскіе станки печатали газеты, которыя тутъ-же раздавались даромъ публикѣ; любопытны машины, брошюрующія и переплетающія въ бумажку цѣлыя книги, или выдѣлывающія конверты сразу большими пачками. Безчисленное множество станковъ посвящено обдѣлкѣ дерева, играющаго въ американскихъ постройкахъ первоклассную роль. При осмотрѣ десятичныхъ вѣсовъ, каждаго зрителя взвѣшивали даромъ и подавали ему записку съ обозначеніемъ его вѣса, на обратной сторонѣ которой, конечно, напечатана реклама фабриканта. Значительное мѣсто было отведено также подвижному составу желѣзныхъ дорогъ. Новаго, однако, тутъ оказалось менѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ страны, гдѣ даже бѣглые арестанты, чтобы скорѣе удрать отъ полиціи, садятся на запасные станціонные локомотивы. — Это фактъ, происшедшій во время моего пребыванія въ Америкѣ и подробно описанный въ газетахъ. Спеціалисты говорятъ, что американскіе паровозы старыхъ системъ, но хорошо отдѣланы; новаго вообще много только въ деталяхъ, доступныхъ опытнымъ знатокамъ дѣла; видно также, что механическое производство въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ весьма обширное распространеніе; нѣкоторые заводы не имѣютъ даже равныхъ въ Европѣ по размѣрамъ, какъ напримѣръ заводъ Балдвина, построившій болѣе $3^1/_2$ тысячъ паровозовъ. Каждая машина, по мнѣнію американца, ее сдѣлавшаго, «лучшая въ мірѣ», такъ же какъ каждый заводъ въ Америкѣ непремѣнно носитъ титулъ «единственнаго въ мірѣ». Реклама ужасно въ ходу и проявлялась на выставкѣ даже въ весьма забавныхъ каррикатурахъ. Напримѣръ, надъ машиною для алмазнаго буренія была нарисована картина, гдѣ американецъ пробурилъ насквозь земной шаръ и попалъ на противоположной сторонѣ концомъ бура въ брюхо китайцу, у котораго коса отъ боли стоитъ дыбомъ.

Параллельно съ механическимъ отдѣломъ былъ устроенъ обширный павильонъ для выставки кожъ и обуви. Послѣднюю, впрочемъ, тутъ выставили только американцы. Господи, что это за обувь! Сапоги кажутся сшитыми для какихъ то мастодонтовъ, а инымъ башмачкомъ можно переломить пополамъ взрослаго человѣка. Непонятно даже, кто носитъ такую обувь, потому что нѣтъ сомнѣнія, что масса народа одѣвается въ Америкѣ элегантнѣе, чѣмъ гдѣ либо, «сѣраго народа» же въ Соединенныхъ Штатахъ вовсе не существуетъ. Экипажи также выдѣлены въ

особый специальный павильонъ, кромѣ французскихъ. Цѣны на экипажи страшныя: двѣ, три тысячи рублей за штуку. Изъ Россіи г. Нелисъ прислалъ коляску, да московскіе фабриканты — сани и бѣговые дрожки. Наши дрожки здѣсь успѣха имѣть не могутъ, потому что у американцевъ исключительно въ ходу такъ называемые «бугги»— легкія прелестныя, особенно любимыя женщинами для катанія въ паркахъ, таратайки на четырехъ высокихъ колесахъ, тонкихъ какъ палецъ. Когда лошадь дергаетъ въ сторону, колеса сходятся и я, садясь въ «бугги», всегда опасался быть разрѣзаннымъ, какъ ножницами. Колеса дѣлаются изъ африканскаго желѣзнаго дерева необыкновенной прочности. Американцы выставили довольно много экипажей весьма роскошныхъ по отдѣлкѣ, хотя, въ виду малаго сравнительно числа у нихъ частныхъ экипажей, трудно было ожидать такого распространенія экипажной фабрикаціи. Во всякомъ случаѣ, едва ли не лучшими на выставкѣ оказались экипажи парижскихъ фабрикантовъ.

Самою слабою частью филадельфійской выставки слѣдуетъ признать отдѣлъ искусствъ, помѣстившійся въ такъ называемомъ «Зданіи воспоминаній». Отдѣлъ этотъ не имѣлъ ровно никакого артистическаго достоинства; европейскіе художники отправили за океанъ всякую дрянь, въ надеждѣ сбыть ее по дорогой цѣнѣ тароватымъ американцамъ, познанія которыхъ въ искусствѣ, кромѣ искусства наживать деньги, невелики. Что послѣднее справедливо, видно изъ того, что какъ ни плохи европейскіе художественные отдѣлы, все таки они неизмѣримо выше американскаго художественнаго отдѣла, необыкновенно между тѣмъ богатаго по количеству выставленныхъ картинъ. Въ Америкѣ есть впрочемъ нѣсколько талантливыхъ живописцевъ — Бель, Бирштадтъ, Римъ и др.; но это случайныя явленія и американской школы не существуетъ. Заатлантическіе артисты не пожалѣли только полотна и красокъ. Нѣкоторыя картины, напримѣръ сраженіе при Джетисборѣ Ротермеля, слѣдуетъ мѣрять квадратными саженями. Это слабое подражаніе плохимъ батально-патріотическимъ мазаніямъ француза Ивона. Американская публика, чуждая милитаризма, недовольна сюжетомъ картины и считаетъ ее несвоевременнымъ оскорбленіемъ южныхъ штатовъ. Такимъ же оскорбленіемъ, только уже американской публики всѣхъ штатовъ, здѣшніе критики признали многія произведенія, присланныя изъ Европы. «Неужели, говоритъ одна газета, мы столь низко стоимъ въ мнѣніи европейскихъ народовъ, что къ намъ смѣютъ присылать подобныя вещи для выставки и продажи... За немногими исключеніями

европейскія картины такъ плохи, что ихъ не рѣшился бы предложить даже аукціонистъ своимъ наивнымъ покупателямъ».

Еще хуже оказались произведенія скульптуры, почти исключительно итальянской. Множество дрянныхъ статуэтокъ, столь же пустыхъ по сюжету, сколько замѣчательныхъ по небрежности исполненія, поѣхали въ Филадельфію какъ образчикъ «высокаго искусства». Едва-ли можно набрать два-три серьезныхъ произведенія скульптуры, которыя выходили бы, по работѣ и идеѣ, изъ уровня самой ремесленной рутины. Если американцы думали найти что либо истинно-художественное на выставкѣ, то должны были искать его не въ художественномъ отдѣлѣ, а скорѣе въ англійскихъ и русскихъ серебряныхъ издѣліяхъ, въ англійскомъ фаянсѣ и особенно въ великолѣпныхъ японскихъ произведеніяхъ. Европейскіе-же художники остались при своихъ произведеніяхъ и безъ желанныхъ долларовъ вполнѣ заслуженно.

Лучшею картиною на выставкѣ признали единогласно, въ австрійскомъ отдѣлѣ, картину Макарта: Катерина Корнаро, принимаемая съ торжествомъ венеціанцами. Это жена послѣдняго короля кипрскаго, наслѣдникъ котораго недавно судился въ одномъ изъ нашихъ окружныхъ судовъ за мошенничество. Картина знаменитаго живописца вѣнскихъ красавицъ и ихъ «богатаго тѣла» не дурна по колориту; въ сущности она относится къ такъ называемой декоративной живописи и не представляетъ никакой идеи. Если прибавить нѣсколько картинъ во французскомъ отдѣлѣ и пейзажей въ скандинавскомъ, то получится итогъ всего хорошаго въ художественной галлереѣ, развѣ включить испанскій отдѣлъ, по наивности составленный изъ картинъ Веласкеца, Мурильо и т. п. живописцевъ, отношеніе которыхъ къ всемірной выставкѣ 1876 года трудно опредѣлить. Курьезны также въ германскомъ отдѣлѣ два полотна, оба одинаковаго содержанія — Седанъ, гдѣ нѣмцы расхаживаютъ пѣтухами, а французы чуть не ползаютъ на колѣнкахъ. Такія произведенія вовсе не слѣдовало бы допускать на выставкахъ, гдѣ всѣ націи, предполагается, скрѣпляютъ свою дружбу въ мирномъ состязаніи, а не раздражаютъ шовинистскими выходками.

Рядомъ съ артистическимъ павильономъ находился фотографическій. Къ счастію, фотографы цѣлаго міра не воспользовались удобствомъ пересылки своихъ произведеній и не наводнили павильона твореніями ихъ нехитраго ремесла. Выставлены были почти исключительно вещи хорошія, замѣчательныя по размѣрамъ и чистотѣ исполненія. Жаль только, что парижскіе фотографы почти не приняли участія въ выставкѣ:

итальянскихъ фотографій, которыя обратили на себя вниманіе на предъидущихъ выставкахъ, также прислали немного: потому первое мѣсто принадлежало американскимъ фотографамъ, достигшимъ рѣдкаго совершенства въ техническомъ отношеніи, хотя въ позировкѣ и вообще въ художественной части замѣтенъ былъ недостатокъ вкуса. Впрочемъ можно сказать, что фотографія стоитъ теперь вездѣ на одинаково высокомъ уровнѣ; по крайней мѣрѣ произведенія фотографовъ японскихъ и на Сандвичевыхъ островахъ нисколько не уступаютъ лучшимъ европейскимъ. Г. Бергамаско изъ Петербурга, г. Мѣчковскій изъ Варшавы и нѣсколько московскихъ «свѣтописцевъ» достойно представляли русскую фотографію, хотя извѣстно, что лучшія фотографіи теперь въ Россіи въ Харьковѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ.

Женскій павильонъ на выставкѣ произвелъ всеобщее разочарованіе. Вспоминая, что въ Америкѣ была уже разъ устроена выставка кормилицъ, иные полагали, что въ павильонѣ будутъ показываться хорошенькія американки, подобно тому, какъ въ пивныхъ на вѣнской выставкѣ были собраны красивыя представительницы народовъ монархіи, «основанной (если вѣрить девизу) на справедливости». Другіе, зная, какъ сильно въ Америкѣ возбужденъ въ послѣднее время, такъ называемый, «женскій вопросъ», думали, что женскій павильонъ въ Филадельфіи сдѣлается центромъ многочисленныхъ митинговъ и сосредоточіемъ всего, что есть выдающагося въ женской половинѣ американскаго общества. Всѣ, однако, ошиблись въ разсчетѣ; женскій павильонъ былъ устроенъ нѣсколькими почтенными и суровыми филадельфійскими старушками, съ цѣлью собрать предметы не женскаго труда въ широкомъ смыслѣ, а именно того, что до сихъ поръ считалось исключительно «женскимъ трудомъ». Поэтому павильонъ наполнился гаруснымъ вышиваньемъ, тюлевыми кошельками, бисерными колпаками, акварельными рисунками, вязаными мячиками и апельсинами, и т. п. вздоромъ.

— Ужъ если вы хотѣли быть послѣдовательными, замѣтилъ я одной изъ учредительницъ отдѣла, то вамъ слѣдовало выставить и лучшее произведеніе женщинъ.

— Какое же?

— Кого либо изъ знаменитыхъ мужчинъ.

Мой совѣтъ былъ принятъ за шутку, хотя вѣрнѣе было признать шуткою весь филадельфійскій женскій павильонъ. Самымъ серьезнымъ дѣломъ въ немъ было то, что какая то француженка изъ Бразиліи продавала наивнымъ дамамъ сушеныхъ жучковъ, которыхъ и въ Петер-

бургѣ можно набирать мѣшками, по $1^1/_2$ доллара за штуку! При павильонѣ издавался особый журналъ: «The New Century for Woman» красивою бумагою, сентиментальными стишками и жидкою прозою онъ напоминалъ буквально европейскіе журналы для дамъ и взрослыхъ дѣвицъ и не обѣщалъ, повидимому, женщинамъ ничего новаго въ будущемъ столѣтіи.

Относительно эксцентричной стороны женскаго движенія въ Америкѣ, такъ занимательно описаннаго Диксономъ, въ женскомъ павильонѣ ничего не было. Разъ только я встрѣтилъ тамъ двухъ представительницъ «свободной любви», пріютившейся на Онеидскомъ ручьѣ. Это были двѣ дамы, лѣтъ подъ пятьдесятъ, сухія, какъ щепки, въ сѣдыхъ пукляхъ и одѣтыя, какъ у насъ одѣваютъ дѣтей — мальчиковъ; въ цвѣтной рубашечкѣ до колѣнъ и цвѣтныхъ же панталончикахъ, стянутыхъ на щиколкахъ; шляпки, зонтики и ботинки ничѣмъ у нихъ не отличались отъ современной моды. Видъ этихъ дамъ, разгуливавшихъ совершенно спокойно среди ироническихъ улыбокъ публики, сильно охладилъ во мнѣ желаніе посѣтить Онеидскій ручей, который Диксонъ нашелъ поэтическимъ, а болѣе простодушный русскій купецъ Бутинъ (см. его фельетоны въ «С.-Петерб. Вѣдом.»)—отвратительнымъ. Я говорилъ здѣсь съ американцами о free-lower'ахъ, и всѣ въ одинъ голосъ, даже молодежь, отзывались объ этомъ явленіи съ презрѣніемъ. Никто, конечно, не думалъ требовать ихъ стѣсненія, но находили, что, по крайней мѣрѣ въ американскомъ обществѣ, фрилоуэры серьезной будущности не имѣютъ. Вообще, эмансипація женщинъ считаетъ въ Америкѣ гораздо менѣе сторонниковъ, чѣмъ объ этомъ думаютъ въ Европѣ. Большинство продолжаетъ относиться къ этому дѣлу нѣсколько недовѣрчиво. На выставкѣ, напримѣръ, въ собраніе экспертовъ пришла дама и произнесла спичъ, приглашая сидящихъ джентльменовъ пожаловать на другой день на женскій митингъ. Ораторшу выслушали съ обычнымъ американскимъ терпѣніемъ и вѣжливостью, но едва она вышла за дверь, какъ раздался единодушный взрывъ хохота. По неизвѣстнымъ причинамъ предположенный митингъ, однако, не состоялся.

Гораздо лучше американскаго женскаго труда—весьма, между тѣмъ, солиднаго, если взять въ разсчетъ хотя участіе въ Америкѣ женщинъ въ народномъ образованіи—выставлено было американское сельское хозяйство. Земледѣльческій отдѣлъ оказался вообще едва ли не лучшимъ на выставкѣ по полнотѣ и систематичности. Однако публика его вовсе не посѣщала, будто не подозрѣвая, какъ щедрин-

скій генералъ, что «пища въ первоначальномъ своемъ видѣ на землѣ ростетъ, въ водѣ плаваетъ и по воздуху летаетъ». Такимъ образомъ роскошный павильонъ существовалъ преимущественно для развлеченія устроивашихъ его коммисаровъ. Вообще надобно замѣтить, что публика обходитъ на выставкахъ серьезные предметы, а толпится исключительно около какихъ-нибудь курьезныхъ или эффектныхъ вещей. Agricultural-Hall—огромное зданіе изъ дерева, напоминавшее англиканскій храмъ, просторное внутри и хорошо освѣщенное; требовалось только пройдти съ версту по палящему солнцу, чтобы дойдти до него. Послѣднее рѣдко кѣмъ исполнялось, потому что по дорогѣ, какъ нарочно, расположилось много ресторановъ и пивныхъ съ прохладителяными напитками, гдѣ тѣ же сельско-хозяйственные продукты подавались обработанными.

Описывать подробно сельско - хозяйственный отдѣлъ — почти значитъ перечислять всѣ естественныя произведенія, которыми изобилуютъ разныя государства. Первое мѣсто принадлежало, конечно, Америкѣ, выставка которой чрезвычайно богата и расположена по штатамъ. Плоды, овощи и злаки громадной величины, различные предметы скотоводства и въ особенности необыкновеннаго вида и размѣровъ окорока и другіе препараты свинины пріятно поражали глазъ или возбуждали аппетитъ у американцевъ, необыкновенныхъ любителей свинины во всѣхъ ея видахъ. Замѣчательно, что, не смотря на богатство дѣвственной почвы, фабрикація искусственныхъ удобреній имѣетъ въ Соединенныхъ Штатахъ многихъ представителей. Не мало также въ отдѣлѣ появилось и курьезовъ. Весьма нехитрая модель мельницы прошлаго столѣтія была сдѣлана, напримѣръ, въ натуральную величину! Затѣмъ, въ сельско-хозяйственный отдѣлъ попали не только конфекты, но чучела дикихъ звѣрей и птицъ и даже кости громадныхъ допотныхъ животныхъ.

Каждое государство отличилось по своей части. Бразилія построила цѣлый павильонъ, очень красивый, изъ хлопка, и начинила его кофе. Германія щеголяла громадными бутылками рейнвейна; Австрія — косами; Голландія—ликерами; Швеція и Норвегія—продуктами рыбнаго промысла; Италія — колбасами, изъ которыхъ иныя величиною съ пушку; Японія — шелкомъ и рыбою; Англія—консервами; Франція — винами и коньякомъ; Испанія — хересомъ; Португалія — портвейномъ и т. д. Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ находилось государство, котораго не было въ другихъ павильонахъ. Это неболь-

шая чернокожая республика Либерія, копирующая американскія учрежденія на африканской почвѣ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ это дѣлаютъ негритянскія и мулатскія республики въ Америкѣ; она выставила кофе, кожи и др. свои произведенія, а также единственную мѣстную газету «Advocate». По украшеніямъ это самый скромный отдѣлъ на выставкѣ; вещи лежали въ мѣшкахъ на голыхъ доскахъ. Дополненіемъ къ сельско-хозяйственному павильону служили различные павильоны, изъ которыхъ самые обширные заключали въ себѣ сельско-хозяйственныя машины и продукты пивоваренія.

Садоводство также нашло себѣ помѣщеніе на выставкѣ, хотя можно бы, кажется, было избавить посѣтителей промышленнаго состязанія отъ созерцанія искусственно выращиваемыхъ пальмъ и другихъ тропическихъ растеній. Hortilcultural-Hall — великолѣпная теплица, построенная изъ желѣза и стекла въ восточномъ вкусѣ. Зданіе это предполагается сохранить навсегда. Вокругъ былъ разбитъ на воздухѣ обширный цвѣтникъ, и съ крыльца открывался красивый видъ на всю выставку и паркъ. Крыльцо это служило сборищемъ для посѣщающихъ выставку дамъ. Судя по отзывамъ людей компетентныхъ, на выставкѣ садоводства не было ничего особенно замѣчательнаго въ гортикультурномъ отношеніи. Американцамъ болѣе всего нравился въ зданіи органъ, въ родѣ тѣхъ, что у насъ украшаютъ трактиры. Органъ по цѣлымъ часамъ наигрывалъ популярныя пьесы и разные національные гимны.

VII.

Расколъ въ средѣ выставочной коммисіи.—Жары.—Новая религія.—Различныя достопримѣчательности Филадельфіи.—Черты американской жизни.—Американскій театръ.—Генри Кери.

Не успѣла еще всемірная выставка въ Филадельфіи окончательно устроиться, какъ случилось то, чего и слѣдовали ожидать: различныя коммиссіи по устройству выставки перессорились другъ съ другомъ. Главное управленіе выставкою принадлежало постоянно, такъ называемой, «коммисіи по празднованію столѣтія Соединенныхъ Штатовъ», но, видя постоянно возрастающій дефицитъ по выставкѣ, «коммисія финансовъ выставки», избранная акціонерами, подписавшими первоначальный капиталъ по устройству всемірной выставки, сочла долгомъ вмѣшаться въ дѣло и заявить, что ей по праву принадлежитъ первое мѣсто въ руководствѣ хозяйствомъ выставки. Столкновеніе произошло изъ за вопроса о назначеніи полицейскихъ служителей на выставкѣ, изъ которыхъ многіе были обличены въ воровствѣ и особенно изъ-за болѣе деликатнаго вопроса о жалованьи, которое «коммисія Соединенныхъ Штатовъ» великодушно вотировала своимъ собственнымъ членамъ. Лучшіе адвокаты признали послѣднее распоряженіе незаконнымъ. Постепенно ссора между двумя коммисіями дошла до угрозы обратиться къ суду. Подобное положеніе вещей обратило на себя вниманіе американской печати, которая въ этомъ случаѣ довольно единодушно признала расколъ въ управленіи выставкою «позоромъ» для страны.

Съ своей стороны американское таможенное управленіе отличилось еще получше выставочной коммисіи. Неожиданно министръ финансовъ

разослалъ циркуляръ ко всѣмъ иностраннымъ коммисарамъ, въ которомъ объяснялъ, что каждый экспонентъ долженъ составить подробную декларацію о всѣхъ предметахъ, имъ выставленныхъ, вмѣстѣ съ ихъ цѣною; затѣмъ если бы кто пожелалъ продать что-либо, то долженъ уплатить впередъ пошлины со всѣхъ своихъ выставленныхъ предметовъ, и за тѣмъ дожидаться возвращенія пошлины таможнею въ случаѣ, еслибы какой-либо предметъ остался не проданнымъ. Несмотря на безмысленность такого требованія, невозможнаго для исполненія и даже опаснаго, такъ какъ никакого довѣрія къ американской таможнѣ относительно сохранности внесенной впередъ пошлины имѣть было невозможно, таможенное управленіе, не обращая вниманія на протесты, пустило новый циркуляръ, гдѣ лаконически объясняло, что если черезъ десять дней декларации экспонентами поданы не будутъ, то всѣ предметы на выставкѣ будутъ конфискованы! Такое нахальство переполнило уже мѣру терпѣнія. Генеральные коммисары обратились сначала съ протестомъ къ директору выставки, но скоро увидѣли, что подобное обращеніе безполезно, ибо управленіе выставкою находилась съ центральною администраціею въ Вашингтонѣ на ножахъ, и президентъ выставки, генералъ Хаулей, публично на митингѣ назвалъ при общихъ аплодисментахъ поведеніе президента республики Гранта неприличнымъ! Тогда коммисары рѣшились обратиться къ своимъ посольствамъ. Дипломатическое вмѣшательство подѣйствовало сильнѣе, и новый министръ финансовъ, Мориль, рѣшился отступиться отъ безразсуднаго распоряженія своего предмѣстника, сдѣланнаго въ угоду нѣсколькимъ завистливымъ лавочникамъ, опасавшимся конкуренціи европейскихъ товаровъ.

Несогласія въ средѣ коммиссій, вмѣстѣ съ нелѣпыми притязаніями таможни и еще болѣе нелѣпымъ упорствомъ въ нежеланіи открывать выставку по воскресеньямъ, чтобы сдѣлать ее доступною для массы народа, а кстати и менѣе убыточною для предпринимателей, произвели весьма дурное впечатлѣніе на экспонентовъ и вообще на публику. Даже въ самой Америкѣ выставка была не очень популярна, а число путешественниковъ, направлявшихся къ Филадельфіи, необыкновенно мало, не смотря на небывалое пониженіе тарифа желѣзными дорогами. Вслѣдствіе соперничества, дешевизна проѣзда доведена теперь до невозможнаго; напримѣръ, проѣздъ изъ Чикаго въ Филадельфію, составляющій слишкомъ $1\frac{1}{2}$ тысячи верстъ, стоитъ 13 долларовъ, или около 19 рублей въ первомъ классѣ, т. е. тоже самое, что

стоитъ у насъ проѣхать въ Москву, отстоящую отъ Петербурга всего на 600 верстъ.

На бѣду для посѣтителей выставки жары, вообще сильныя въ Филадельфіи въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, въ 1876 году достигли размѣровъ, которыхъ не запомнятъ старожилы въ теченіи послѣднихъ 25-ти лѣтъ. Въ Филадельфіи лѣтомъ непремѣнно должно быть жарко, такъ какъ этотъ городъ находится на одной параллели примѣрно съ Мадритомъ, даже южнѣе; но въ дѣйствительности жаръ увеличивается еще болѣе, такъ какъ «гольфстримъ», или теплое океанское теченіе, дѣлающее и въ Лапландіи климатъ относительно умѣреннымъ, проходитъ очень близко отъ американскаго восточнаго берега. Не только Филадельфія, но и Нью-Іоркъ и особенно Вашингтонъ лѣтомъ просто недоступны по своей африканской жарѣ. Раскаленная температура еще въ полгоря, но солнечные лучи производятъ такъ называемые «солнечные удары», или скоротечное воспаленіе мозжечка — болѣзнь, отъ которой люди умираютъ ежедневно десятками. Въ 1876 году отъ солнечнаго удара въ иные дни въ Нью-Іоркѣ число смертныхъ случаевъ доходило до семидесяти! Нѣкоторые изъ нихъ трудно даже объяснить себѣ. Я былъ въ Нью-Іоркѣ одинъ день, когда вовсе не было жарче, чѣмъ въ Петербургѣ въ іюлѣ и даже накрапывалъ въ полдень дождикъ, между тѣмъ по отчетамъ полиціи, въ этотъ именно день произошло 22 смертныхъ случая отъ солнечнаго удара.

Температура отъ 31 до 34 градусовъ Реомюра въ тѣни сдѣлалась въ теченіи конца іюня и начала іюля въ Филадельфіи весьма обыкновенною, а легко себѣ представить удовольствія сопряженныя съ этой температурой. Когда еще сидишь совершенно спокойно въ забытьи или полудремотѣ, то жаръ кажется сноснымъ, но стоитъ подумать, или прочесть что либо, сдѣлать, однимъ словомъ, хотя малѣйшее нервное усиліе, чтобы сейчасъ же изобильная испарина покрыла все тѣло. Работать и заниматься при такихъ условіяхъ несносно.

А между тѣмъ для омовенія грѣшнаго тѣла въ Филадельфіи нѣтъ никакихъ приспособленій, кромѣ ваннъ въ гостинницахъ, гдѣ вода такъ тепла, точно ее наливаютъ изъ чайника. При томъ подобная ванна стоитъ все-таки долларъ. Американцамъ некогда купаться, поэтому никакихъ устройствъ для этого у нихъ нѣтъ, кромѣ развѣ въ тѣхъ городахъ, какъ Нью-Портъ, которые спеціально избраны лучшимъ американскимъ обществомъ для лѣтней вилежіатуры. Замѣчательно, что почти все время этой вилежіатуры дѣятельные по природѣ американцы

и особенно американки не остаются въ покоѣ, а проводятъ время въ танцахъ, усердно натирая паркеты, или, вѣрнѣе, ковры, такъ какъ въ Америкѣ нѣтъ паркетовъ, съ трехъ часовъ пополудни, не обращая вовсе вниманія на жаркую погоду.

Для иностранца, если бы не выставка, то жизнь въ Филадельфіи должна была казаться невыносимо скучною. «Путеводитель по Филадельфіи» съ гордостью замѣчаетъ, что въ этомъ городѣ 525 церквей различныхъ религіозныхъ исповѣданій и только 15 театровъ и всякихъ другихъ увеселительныхъ мѣстъ. Такая пропорція хорошо объясняетъ направленіе жизни. Правда американскія церкви отдаются иногда въ наемъ для концертовъ, митинговъ и публичныхъ чтеній, но во всякомъ случаѣ ихъ религіозное назначеніе преобладаетъ и придаетъ всей массѣ населенія извѣстную окраску. Число сектъ и храмовъ еще постоянно увеличивается. Знаменитый Талейранъ, посѣтившій Америку въ концѣ прошлаго столѣтія, «нашелъ въ ней только одно кушанье и тридцать двѣ религіи». Съ тѣхъ поръ число блюдъ, покрайней мѣрѣ національныхъ, не много увеличилось, новыхъ же религій прибавилось нѣсколько сотъ и онѣ появляются почти ежедневно, поощряемыя толерантнымъ законодательствомъ страны. При мнѣ въ отдѣлѣ оффиціальныхъ объявленій въ газетахъ было напечатано объявленіе старшаго натаріуса графства Нью-Йоркъ, гласившее, «что гг. Пальмеръ, Апэра, Блументаль, Бертъ, Броунъ-Кодманъ, Джонсонъ и Стоддардъ, какъ апостолы новой религіи, подъ названіемъ: «религія человѣчества», просили его, натаріуса, внести въ нотаріальныя книги и регистрировать догматы этой религіи, имѣющей цѣлью: 1) развивать и расширять синтетическое естественнонаучное и религіозное познаніе природы и человѣчества; 2) замѣнить богословіе, какъ основаніе для познанія религіи, наукою и 3) практиковать и распространять новую религію, какъ основаніе нравственныхъ и соціальныхъ обязанностей человѣчества, необходимыхъ для прогресса послѣдняго»... Такимъ образомъ сдѣлаться апостоломъ въ Америкѣ требуется гораздо менѣе формальностей, чѣмъ у насъ сдѣлаться разносчикомъ газетъ.

Иностранецъ имѣетъ въ Филадельфіи, не смотря на ея почтенные размѣры—что-то около двадцати верстъ изъ однаго конца города въ другой—весьма не много предметовъ, осмотръ которыхъ заслуживалъ бы вниманія и потребовалъ бы много времени. Точно также, какъ прогулявшись по одной филадельфійской улицѣ, имѣешь совершенно вѣрное понятіе обо всѣхъ остальныхъ, точно также и всѣ зданія, учреж-

денія и заведенія города устроены какъ будто по одному образцу. А такъ какъ Филадельфія около ста лѣтъ подъ рядъ служила типомъ для всѣхъ другихъ городовъ Америки, то однообразіе впечатлѣнія, выносимаго въ Соединенныхъ Штатахъ иностранцемъ, поразительно. Для американца Филадельфія заключаетъ величайшую историческую святыню—такъ называемый «Дворецъ Независимости», храмъ и источникъ американской свободы.

Independance Hall — двухэтажное красное кирпичное зданіе скромной архитектуры съ деревянной колокольней, главнымъ фасадомъ выходитъ на лучшую улицу Филадельфіи, Каштановую, Chestnut street, а заднею частью — къ большому скверу. Центральная часть зданія сохранилась вполнѣ въ теченіи ста лѣтъ, два крыла для помѣщенія судебныхъ учрежденій Пенсильваніи были пристроены позже, хотя въ томъ же стилѣ. Вслѣдствіе помѣщенія суда, всѣ дома около Дворца Независимости, позади сквера, переполнены адвокатскими конторами. Трудно представить себѣ изобиліе адвокатовъ, которое тутъ открывается. На каждой лѣстницѣ ихъ, судя по вывѣскамъ, имѣется по десяти и пятнадцати, и часто по двое адвокатовъ помѣщаются въ одной и той же микроскопической комнатѣ. Съ другой стороны Дворецъ Независимости окруженъ банками, занимающими великолѣпныя зданія черезчуръ солидной архитектуры, столь же солидной, какъ эти банки, лучшіе въ Америкѣ. Вся близъ лежащая 3-я улица занята банкирскими конторами. Вообще эта мѣстность — жизненный центръ Филадельфіи. Огромныя зданія почтамта и таможни—послѣднее въ греческомъ стилѣ — примыкаютъ съ двухъ сторонъ къ Дворцу Независимости, передъ которымъ поставлена мраморная статуя Вашингтона, довольно мизерная. Монументами не можетъ вообще похвалиться Америка, а два памятника Абраму Линкольну—въ Нью-Йоркѣ, на Бродвеѣ, и въ Филадельфіи, въ Фермонтъ-паркѣ, совершенно недостойны великаго человѣка, заслуги котораго нѣсколько скоро, кажется, позабылись американцами.

Дверь Дворца Независимости охраняется швейцаромъ въ костюмѣ XVIII вѣка—ветхимъ старикомъ, который, пожалуй помнитъ Вашингтона. Двѣ залы нижняго этажа зданія образуютъ родъ національнаго музея. Тутъ собраны дрогоцѣннѣйшія воспоминанія о героической эпохѣ американской республики. Важнѣйшее изъ нихъ — пресловутая «декларація правъ», сочиненная Ли, одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ политическихъ документовъ, появленіе котораго произвело сильнѣйшее впечатлѣніе въ Европѣ въ свое время. Она и теперь можетъ

считаться образчикомъ ясной формулировки естественныхъ правъ человѣчества. Подлинная декларація обратилась въ полуистлѣвшій листъ бумаги; чернила совсѣмъ поблѣднѣли и подписи едва можно разобрать. Списокъ «отцевъ отечества» начинается съ Джона Ганкука, подписавшагося огромными буквами, чтобы, какъ онъ выразился, «англичане съ того берега океана видѣли, какъ онъ протестуетъ противъ ихъ насилія».

Послѣ деклараціи важнѣйшій памятникъ въ зданіи—такъ называемый «колоколъ независимости». Американцы, подобно москвичамъ, очень гордятся своимъ колоколомъ. Но тогда какъ московскій колоколъ никогда не звонилъ, филадельфійскій колоколъ, отлитый по повелѣнію перваго собранія представителей колоній, даже раскололся, провозглашая во всеуслышаніе начало новой эры свободы и возрожденія по ту сторону океана. Колоколъ не великъ по размѣрамъ и сохраняется вмѣстѣ съ полуистлѣвшимъ бревномъ, на которомъ онъ былъ повѣшенъ. Затѣмъ въ музеѣ интересны: въ высшей степени скромная мебель, служившая для засѣданій перваго конгресса Соединенныхъ Штатовъ; многочисленныя вещи, принадлежавшія Вашингтону и его женѣ; портреты всѣхъ важнѣйшихъ дѣятелей войны за независимость; различные предметы, современные этой войнѣ: рисунки, остатки оружія и пр. Выставлено также очень много вещей, принадлежавшихъ и современныхъ квакеру Пенну, благородному основателю Филадельфіи, скромный домикъ котораго до сихъ поръ тщательно сохраняется. Осмотръ Дворца Независимости поучителенъ въ томъ отношеніи, что, сравнивая чрезвычайно скромные остатки американской жизни еще только за сто лѣтъ назадъ, невольно поражаешься гигантскими успѣхами, сдѣланными республикой въ такой короткій періодъ. Успѣхи эти настолько быстры, что не только Дворецъ Независимости, но даже романы Фенимора Купера, которые недавно еще читались въ Европѣ съ интересомъ, представляютъ положеніе вещей въ Америкѣ настолько же отдаленное, какъ если бы кто нибудь пожелалъ составить себѣ понятіе о географіи Россіи изъ лѣтописи преподобнаго Нестора. Мѣстности, описанныя Куперомъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, какъ пограничныя пустыни, находятся въ настоящее время въ самомъ промышленномъ центрѣ штатовъ, а граница плотно заселеннаго пространства подвинулась съ тѣхъ поръ слишкомъ на тысячу верстъ далѣе къ западу.

Больше всего во Дворцѣ Независимости, какъ я сказалъ, сохраняется вещей, принадлежавшихъ Вашингтону. Любовь и почтеніе американцевъ къ этому герою замѣчательны. Кажется даже, что они признаютъ

его своимъ единственнымъ великимъ человѣкомъ. Такая исключительная привязанность для европейцевъ не совсѣмъ понятна, хотя безъ сомнѣнія нельзя въ душѣ не одобрить, что американскій народъ избралъ идеаломъ человѣка, поставившаго скромность, безкорыстіе и полнѣйшее отсутствіе честолюбія за основы всей своей государственной дѣятельности. Во всѣхъ декораціяхъ по случаю празднованія истекшаго столѣтія республики только и видны были вензеля и портреты Вашингтона, какъ будто бы онъ одинъ наполняетъ собою страницы столѣтней исторіи великой республики. Такія личности, какъ геніальный Джеферсонъ, авторъ американской конституціи, Монроэ — создавшій идею американской внѣшней политики, Линкольнъ — спасшій союзъ отъ раздробленія, точно не существуютъ для современныхъ американцевъ или кажутся въ глазахъ послѣднихъ пигмеями на ряду съ великимъ Джорджомъ. Даже мистриссъ Мартѣ Вашингтонъ, тяжеловѣсной сожительницѣ перваго президента, отведено болѣе мѣста въ юбилейныхъ воспоминаніяхъ, чѣмъ всѣмъ послѣдующимъ знаменитымъ дѣятелямъ.

Кромѣ Дворца Независимости иностранецъ можетъ съ пользою для себя осмотрѣть въ Филадельфіи еще различныя учебныя и благотворительныя учрежденія и особенно извѣстный Жирардовскій коллегіумъ, занимающій обширный кварталъ въ серединѣ города. Тысячи сиротъ воспитываются здѣсь на огромный капиталъ, завѣщанный городу въ прошломъ столѣтіи американскимъ филантропомъ французскаго происхожденія подъ оригинальнымъ условіемъ, чтобы никогда нога ни одного священника не переступала за порогъ заведенія. Ради простого осмотра коллегіума священники должны мѣнять платья и скрывать свое званіе. Этимъ учрежденіемъ оканчивается списокъ мѣстъ, посѣщеніе которыхъ развлечетъ нѣсколько туриста; далѣе онъ долженъ вести жизнь уже на американскій манеръ, а такой образъ жизни не имѣетъ ровно ничего привлекательнаго для иностранца, развѣ возвратиться во свояси — вещь также не совсѣмъ удобная въ виду морского путешествія въ 11 сутокъ съ туманами около Нью-Фаундленда, бурями въ «чертовой дырѣ», какъ характерно моряки прозвали часть Атлантическаго океана, примѣрно въ пяти дняхъ пути отъ американскаго берега, и дисентеріей, легко получаемой отъ перехода изъ удушливыхъ жаровъ къ свѣжему морскому воздуху.

Никакихъ прелестей американская жизнь для европейца представить не можетъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, за исключеніемъ Нью-Іорка и немногихъ мѣстностей южныхъ штатовъ, нѣтъ столь распро-

страненнаго въ Европѣ класса людей достаточныхъ, проводящихъ жизнь въ пріятной праздности и думающихъ только объ удовольствіяхъ. Если въ Америкѣ и являются такъ называемые рентьеры, то они предпочитаютъ ѣхать жить въ Европу. Затѣмъ масса народа въ Соединенныхъ Штатахъ почти не различается по образу жизни, который упрощенъ до чрезвычайности и приспособленъ къ важнѣйшему занятію американцевъ опредѣляемому краткою фразою: «дѣлать деньги». Жизнь американца состоитъ именно въ дѣланіи денегъ, а все остальное только мелочи, аксессуары. При этомъ американецъ сохраняетъ еще типическое для англо-саксонской расы, пристрастіе къ семейному кругу и нѣсколько замкнутому образу жизни. Поэтому первая необходимость для каждаго американца обзавестись собственнымъ домомъ. Трудно повѣрить, что въ Филадельфіи, напримѣръ, насчитывается 100,000 домовъ. Большинство этихъ домовъ построено изъ досокъ менѣе солидно, чѣмъ наши дачи и отличается однообразіемъ въ расположеніи. Если устройство водопровода, газопровода и пр. представляетъ нѣкоторое удобство, то, съ другой стороны, американскіе дома имѣютъ множество недостатковъ, особенно къ точки зрѣнія европейскихъ требованій. Ни одинъ домъ въ Америкѣ не имѣетъ прихожей и часто съ бала приходится уходить въ шляпѣ и галошахъ среди разряженной публики. Затѣмъ комнаты расположены вертикально и нѣтъ нигдѣ простора. Въ самой большой, по американскимъ размѣромъ, залѣ едва помѣщается двадцать или тридцать человѣкъ. Поэтому неудивительно, что лѣтомъ въ лучшемъ даже обществѣ васъ принимаютъ на крылечкѣ. Убранство и меблировка комнатъ поражаетъ однообразіемъ. Необходимымъ условіемъ комфорта считается только имѣть ковры во всѣхъ комнатахъ, почему полы дѣлаются прямо изъ простыхъ досокъ со щелями; эти ковры дѣлаютъ танцы очень неудобными. Для отопленія комнатъ служатъ камины или еще чаще калориферы, наполняющіе зимою комнаты сухимъ раскаленнымъ воздухомъ, тѣмъ болѣе непріятнымъ, что топить нужно усердно, такъ какъ стѣны американскихъ домовъ тонки не по климату, а въ дверяхъ и окнахъ преспокойно оставляются большія щели.

Одно изъ остроумныхъ приспособленій въ американскихъ домахъ — это устройство электрическихъ звонковъ. Въ каждомъ домѣ на видномъ мѣстѣ помѣщаются три пуговки электрическаго колокольчика. Прижмешь одну, является комиссіонеръ для посылокъ, другую — бѣ-

житъ полисменъ, третью — скачетъ пожарная команда. И скоро и удобно.

Притязательность американской прислуги заставляетъ имѣть ее какъ можно менѣе. Обыковенно прислуга желаетъ держать себя на одной ногѣ съ хозяевами; она требуетъ хорошаго помѣщенія, стола и не желаетъ работать вовсе по воскресеньямъ, почему пріемы въ этотъ день отдохновенія невозможны не по одному только религіозному предразсудку; въ небогатыхъ семействахъ горничныя обѣдаютъ обыкновенно съ хозяевами за общимъ столомъ и «занимаютъ» гостей. Американцы не замѣчаютъ этихъ неудобствъ, проводя большую часть времени въ своихъ конторахъ. Имѣть «оффисъ» въ центрѣ города почти обязательно для каждаго чѣмъ либо занятаго гражданина. Возвращаясь изъ конторы, американецъ обѣдаетъ поспѣшно и весьма незамысловато. Тутъ также все приспособлено, чтобы не требовать содѣйствія прислуги. Блюда подымаются изъ кухни особою машиною разложенныя на маленькія тарелочки; обыкновенно ѣдятъ по нѣсколько блюдъ сразу на одной и той же тарелкѣ. Нѣтъ ничего забавнѣе смотрѣть, какъ проворно дѣйствуетъ американецъ вилкою надъ цѣлымъ рядомъ стоящихъ передъ нимъ маленькихъ сосудовъ съ разною зеленью. Издали кажется, будто бы это человѣкъ, который играетъ однимъ пальцемъ на фортепьяно.

Вина американцы никогда за обѣдомъ не пьютъ, даже въ ресторанѣ, а ограничиваются водой со льдомъ, холоднымъ чаемъ и молокомъ. Запахъ молока всюду преслѣдуетъ европейца въ Америкѣ и сидя въ большихъ гостинницахъ вамъ кажется, что вы находитесь въ Воспитательномъ Домѣ. Та же система господствуетъ и на званыхъ вечерахъ. За ужиномъ подаютъ холодное молоко, рѣдко холодныя блюда, и ни капли вина, что впрочемъ, не мѣшаетъ американцамъ напиваться въ свое время преисправно, посѣщая такъ называемые «барърумы» и «салоны», гдѣ виски и другіе крѣпкіе напитки не пьются иначе, какъ стаканами. Джентльменъ, который въ Европѣ никогда не рѣшился бы войдти въ питейное заведеніе, въ Америкѣ преспокойно, по необходимости, отправляется въ распивочную продажу.

По поводу названія «салонъ», весьма странно прилагаемаго американцами не только къ питейнымъ заведеніямъ, но и къ нѣкоторымъ другимъ «необходимымъ» въ каждомъ домѣ учрежденіямъ, разсказываютъ забавный анекдотъ, случившійся съ венгерскимъ аристократомъ, барономъ Вайемъ. На трансатлантическомъ пароходѣ баронъ, видя

одну американку весьма раздраженную постояннымъ стукомъ пароходной машины, предложилъ помѣняться каютами. Мужъ американки чувствительно благодарилъ венгерца и, познакомившись съ нимъ ближе, просилъ посѣтить въ Нью-Iоркѣ его «салонъ». Наивный баронъ, полагая, что нью-iоркскiе «салоны» имѣютъ нѣчто общее съ салонами сенъ-жерменскаго предмѣстья, вспомнивъ какъ-то о приглашенiи, надѣлъ фракъ, бѣлый галстухъ, нанялъ, экипажъ—удовольствiе, стоющее въ Америкѣ рублей пятнадцать за вечеръ — и отправился отыскивать своего пароходнаго спутника. Проискавъ долго, онъ, наконецъ, нашелъ въ переулкѣ домъ весьма сомнительной внѣшности, съ ярко освященной вывѣской «Салонъ». Нумеръ дома не оставлялъ сомнѣнiя. Войдя въ кабакъ, аристократическiй баронъ, забывшiй снять перчатки, увидѣлъ своего знакомаго за прилавкомъ, въ одной жилеткѣ. Видъ барона вызвалъ улыбку удовольствiя на лицѣ американца и онъ великодушно предложилъ Вайю выпить даромъ стаканъ пива. Слабое вознагражденiе за произведенные барономъ расходы!

Вслѣдствiе постояннаго пребыванiя мужчинъ въ конторахъ, американскiя женщины остаются по цѣлымъ днямъ однѣ, а такъ какъ дѣтей обыкновенно въ американскихъ семействахъ очень немного, то отъ скуки американки прогуливаются по магазинамъ, гдѣ рѣдко что-либо покупаютъ, но переворачиваютъ все вверхъ дномъ. Такъ какъ только мужчины приказчики имѣютъ терпѣнiе удовлетворить этой прихоти женщинъ, то, понятно, что во всѣхъ магазинахъ Соединенныхъ Штатовъ, не смотря на дороговизну мужскаго труда, приказчики непремѣнно мужскаго пола и женщины отстранены отъ торговыхъ занятiй. Постоянное одиночество женщинъ отозвалось бы въ Европѣ очень вредно на семейной жизни, но въ Америкѣ нравы относительно чище, хотя есть писатели, старающiеся бросить тѣнь на американскiе нравы и увѣряющiе, что въ Соединенныхъ Штатахъ, если у женщины нѣтъ любовника, то это признакъ, что докторъ предписалъ ей беречь свое здоровье.

Многiя причины обусловливаютъ американскую нравственность. Вопервыхъ расположенiе квартиръ и образъ жизни дѣлаютъ то, что всякiя тайныя интриги весьма затруднительны; дома, т. е. квартиры имѣютъ только одинъ выходъ съ улицы и никто поздно не засиживается. Далѣе, самая натура американокъ отличается холодностью. Сухой климатъ усиливаетъ нервную дѣятельность и производитъ естественное стремленiе къ труду, который служитъ лучшимъ противодѣй-

ствіемъ праздности и разврата. Дѣятельная жизнь отражается и на фигурѣ американскихъ женщинъ. Американки отличаются умною и развитою физіономіею и худобою. Эта худощавость, которую Макри приписываетъ также тяжелой нездоровой пищѣ, составляетъ важнѣйшую заботу американокъ. Такъ какъ по весьма естественной реакціи въ Америкѣ, подобно Турціи, полнота считается признакомъ красоты, то всѣ американки мечтаютъ какъ бы пополнѣть и безпрестанно взвѣшиваютъ себя на десятичныхъ вѣсахъ. Недостатки сложенія онѣ исправляютъ корсетами, хитроуміе которыхъ доведено до границъ забавнаго. Искусственныя прелести изъ конскаго волоса въ большомъ ходу. Циническія объявленія объ этихъ тайнахъ женскаго туалета наклеены на углахъ улицъ и никаго не шокируютъ. Важнѣйшая же причина извѣстной безопасности семейной жизни въ Америкѣ лежитъ въ самостоятельномъ положеніи дѣвушекъ, которыя съ раннихъ лѣтъ пріучаются къ смѣлому обращенію съ мужчинами и если поддаются искушенію то съ заранѣе обдуманнымъ разсчетомъ.

— Я имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ у моей дочери, говоритъ часто въ Америкѣ отецъ гостю, который бываетъ у его несовершеннолѣтней дочери, не давая себѣ труда быть представленнымъ ея родителямъ.

Знакомиться съ барышнями и ухаживать за ними не только въ Америкѣ не возбраняется, но, напротивъ, обязательно для молодежи. Это ухаживаніе или «флиртація», очень пикантное издали, въ сущности является новою тягостью для иностранца. Въ обществѣ американскихъ дѣвицъ рѣдко бываетъ общій разговоръ или общая игра. Обыкновенно общество усаживается отдѣльными парочками и нѣжно воркуетъ. Если кто подходитъ къ разговаривающей парѣ, то извиняется, что прерываетъ быть можетъ интересный tête-á-tête. Въ дѣйствительности же счастливцамъ, наслаждающимся такою бесѣдою, нисколько не веселѣе, такъ какъ разговоры вертятся на обыкновенныхъ банальностяхъ и комплиментахъ. Подъ наружною живостью и откровенностью у американскихъ барышень скрывается желаніе поймать жениха, и молодые люди за океаномъ должны маневрировать очень искусно, чтобы не попасться въ сѣти, разставляемыя иногда съ кокетливою назойливостью, о которой въ Европѣ не имѣютъ понятія, ибо въ Старомъ Свѣтѣ о бракѣ хлопочутъ болѣе родители и бракъ обусловливается приданымъ, въ Америкѣ вовсе неизвѣстнымъ. Партизанская война, которую американскія дѣвушки ведутъ постоянно въ обществѣ, пріучаетъ ихъ къ

большой самостоятельности, потому вы въ Америкѣ зачастую встрѣтите дѣвушекъ, предпринимающихъ въ одиночествѣ большія путешествія, обѣдающихъ однѣ въ гостинницѣ и пр. Только баръ-румы и салоны не посѣщаются женщинами. Для послѣднихъ, однако, есть возможность утолять жажду на американскій манеръ—въ аптекахъ. Аптекъ въ Америкѣ множество, но онѣ не похожи на наши европейскія аптеки. Въ Америкѣ въ аптекахъ, кромѣ небольшаго количества готовыхъ лекарствъ, продаются косметическія принадлежности, а также въ изобиліи всякіе прохладительные и увеселительные напитки. Такъ какъ аптеки имѣютъ право открываться и по воскресеньямъ, то кліентура ихъ весьма многочисленна, а особенно въ тѣхъ штатахъ, гдѣ дѣйствуютъ законы о трезвости.

Общественныхъ увеселеній въ Америкѣ очень мало. Чтобы потанцовать и похвастать своими нарядами, американки пользуются, какъ я сказалъ, пребываніемъ на водахъ и морскихъ купаньяхъ. Кромѣ того, съ тою же цѣлью устраиваютъ онѣ зимою многочисленные филантропическіе базары, нанимая помѣщеніе въ большихъ гостинницахъ, клубахъ и проч. Болѣе богатыя любятъ кататься въ открытыхъ экипажахъ. Въ Филадельфіи, утромъ около девяти часовъ, проѣзжая великолѣпнымъ Фермонтъ-паркомъ, встрѣчаешь множество легкихъ «бугги» съ большимъ зонтикомъ, подъ которымъ сидитъ юная леди, искусно управляющая парою рѣзвыхъ лошадей. Уже такой утреній часъ показываетъ, какъ высоконравственны эти прогулки. Непонятно даже для кого и ради чего такъ любятъ наряжаться американки, а, судя по гигантскимъ размѣрамъ модныхъ магазиновъ, видно, что тряпки играютъ въ американской жизни роль еще болѣе важную, чѣмъ въ европейской. Для выставки своихъ туалетовъ американки лишены еще лучшаго средства—театра. Театровъ хотя въ Америкѣ много, но они не играютъ замѣтной роли и мало посѣщаются хорошимъ обществомъ.

Мысль о созданіи самостоятельнаго американскаго театра кажется пока мечтою и американскіе писатели, осуждая «французскую безнравственность», безъ церемоніи обворовываютъ французскій репетуаръ. Лучшіе современные американскіе драматурги Роу, Дэли, Окель-Голь ниже посредственности. Я видѣлъ двѣ самыя модныя пьесы: «Пикъ» — Дэли, и «Совѣсть», имѣвшую громадный успѣхъ въ театрѣ Union-Square въ Нью-Іоркѣ. Обѣ пьесы—самыя вульгарныя мелодрамы, небрежно написанныя и основанныя на мотивахъ, двадцать разъ уже болѣе талантливо обработанныхъ. Игра американскихъ актеровъ, довольно

*

манерная, отличается грубымъ реализмомъ и подъ часъ отвратительна. Если злодѣй, положимъ, хочетъ убить героиню драмы, то предварительно начнетъ таскать ее минутъ десять по сценѣ за волосы и показывать ея окровавленное тѣло во всѣхъ подробностяхъ публикѣ. Лучшіе артисты въ Америкѣ — иностранные гости, наживающіе иногда большія деньги, хотя вообще разсказы о необыкновенной щедрости американцевъ къ европейскимъ талантамъ чистѣйшія сказки.

Наибольшею популярностью между артистами пользуются въ Америкѣ комики Флоренсъ и его жена; есть нѣсколько и другихъ туземныхъ знаменитостей, но положительно нѣтъ хорошихъ труппъ. Для ансамбля исполненія требуется постоянный театръ, существующій долгіе годы и сохраняющій традицію хорошей игры. Изъ Америкѣ же театръ предметъ спекуляціи; ни одно предпріятіе не существуетъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, директоры наживъ или потерявъ деньги быстро мѣняются, артисты бродятъ со сцены на сцену или уѣзжаютъ въ Европы. Это относится не только къ драматическому театру, но и къ оперѣ и къ опереткѣ. При такой системѣ никакой школы создать невозможно.

При мнѣ въ Филадельфіи въ театрѣ Wal nut-street игралъ знаменитый американскій комикъ Созернъ — актеръ первоклассный. Этотъ театръ имѣетъ нѣкоторыя особенности, чисто американскія. Оркестръ сидитъ подъ сценой и его не видно; затѣмъ суфлеръ помѣщается за кулисами и нѣтъ суфлерской будки; афиши отличаются отъ нашихъ тѣмъ, что имена актеровъ напечатаны съ лѣвой стороны. Я видѣлъ Созерна въ довольно слабой комедіи: «Our Americane Cousin», его же собственнаго сочиненія и выдержавшей въ Америкѣ и Англіи болѣе тысячи представленій. Она основана на тупомъ осмѣяніи американцевъ, которые будто бы путешествуютъ, имѣя въ чемоданѣ только охотничьи ножи, револьверы и бумажные воротники, дѣлаютъ шери-коблеры изъ молока съ ваксою и т. п. Среди подобной дребедени Созернъ съумѣлъ изъ роли полу-идіотическаго лорда Дэндрэди создать художественный типъ добродушно разсѣяннаго аристократа, на промахахъ котораго основана вся интрига. Американцы не въ состояніи оцѣнить вполнѣ такой тонкой игры. Наоборотъ, пошлыя шутки американскаго кузена приводили публику въ восторгъ, выражавшійся въ топаніи ногами, замѣняющемъ въ американскихъ театрахъ аплодисменты. Изъ женскихъ персонажей выдавалась талантливая ingénue лондонскаго Haymarket-Theatre, Линда Дицъ, щеголявшая на сценѣ бѣлою шалью изъ козьяго пуха, которыя такъ искусно дѣлаютъ въ степи казачки оренбургскаго войска. Если театръ Орѣховой улицы

можетъ служить образцомъ серьезнаго американскаго театра, то театръ Алгамбра, въ той же Филадельфіи, вмѣщающій, судя по афишѣ, 15,000 человѣкъ, а въ сущности однимъ нулемъ менѣе, служитъ представителемъ театра легкой комедіи и оперетки. Здѣсь можно видѣть курьезный образчикъ американскаго балета. Если фигурантки худобою превзошли все, что можно вообразить себѣ даже въ Америкѣ, то за то балерина, выписанная изъ Франціи, угрожала своимъ вѣсомъ цѣлости театральныхъ подмостокъ.

Кто пожелалъ бы ознакомиться съ американскими женскими типами, тотъ не долженъ искать ихъ на театрѣ. Замѣчательные образчики ихъ можно было видѣть на филадельфійской выставкѣ, гдѣ двѣ американскія красавицы особенно служили темою для описанія въ американскихъ газетахъ. Одна изъ нихъ, миссъ Эма Эллисонъ изъ Онтаріо, управляла паровою машиною въ канадскомъ отдѣлѣ. Несмотря на свое не совсѣмъ опрятное занятіе, юная миссъ имѣла чрезвычайно изящную внѣшность. Это отлично образованная брюнетка, средняго роста, хорошо сложенная, очень живая и веселая. Въ скобкахъ нужно замѣтить, что брюнетки американки вообще гораздо красивѣе бѣлокурыхъ американокъ. Здравомыслящія сужденія миссъ привлекали постоянно толпу зѣвакъ, которыя слушали ея разсказы о машинѣ. Платья миссъ отличались вкусомъ. По ея мнѣнію, занятіе практическою механикою, которое очень не нравится многимъ мужчинамъ, должно быть весьма привлекательно для женщинъ, созданныхъ для занятій, требующихъ особой аккуратности. Другой типъ американки совершенно противуположный. Это мистрисъ Максвель изъ Колорадо. Съ раннихъ лѣтъ она выказывала страсть къ охотѣ и исходила всѣ окрестные къ ея мѣстужительства лѣса, иногда вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, но чаще одна. Въ теченіи десяти лѣтъ она убила болѣе четырехсотъ дикихъ звѣрей: медвѣдей, волковъ, пантеръ и др. Мистрисъ изучила также искуство препарированія шкуръ животныхъ и многіе изъ образцовъ чучелъ, выставленныхъ на выставкѣ въ павильонѣ штата Колорадо, убиты и приготовлены этой амазонкой. Ей было тридцать пять лѣтъ, но она выглядывала лѣтъ на десять моложе. Манеры ея очень скромны и привлекательны. Понятно, что повильонъ Колорадо также не страдалъ недостаткомъ посѣтителей сильнаго, хотя на этотъ разъ и относительно слабѣйшаго, пола.

Въ Филадельфіи живетъ на покоѣ много извѣстныхъ американскихъ государственныхъ людей и ученыхъ, между прочимъ весьма извѣстный

у насъ экономистъ Генри Кери, сочиненія котораго, переведенныя на все европейскіе языки, частью переведены и на русскій языкъ. Я, конечно, не пропустилъ случая познакомиться съ апостоломъ протекціонизма, труды котораго служатъ арсеналомъ, откуда тысячи публицистовъ всѣхъ странъ заимствуютъ свое оружіе въ безконечной полемикѣ о торговой политикѣ. Кери, долгое время занимавшійся по наслѣдству книжною торговлею, отдыхаетъ теперь на лаврахъ въ прекрасномъ домѣ въ Walnut-street, залы котораго представляютъ обширную библіотеку.

— «Давно ли вы живете въ Филадельфіи?» спросилъ я бодраго старика, любезно привѣтствовавшаго меня, какъ русскаго.

— «Да только восемдесятъ три года», отвѣчалъ улыбаясь Кери.

Не смотря на такую глубокую старость, знаменитый экономистъ замѣчательно сохранилъ свѣжесть умственныхъ способностей и недавно еще помѣстилъ въ лондонскомъ «Times» рядъ бойкихъ писемъ о своемъ любимомъ предметѣ: лицемѣрномъ отношеніи Англіи къ вопросу о свободной торговлѣ. Время и опытъ нисколько не поколебали въ немъ убѣжденій его молодости и онъ съ гордостью говоритъ о промышленныхъ успѣхахъ Америки съ тѣхъ поръ, какъ республиканская партія взяла въ 1861 году въ свои руки управленіе и, отчасти подъ вліяніемъ его пропаганды, рѣшительно склонилась къ покровительственной системѣ. Прогрессъ, сдѣланный въ эти шестнадцать лѣтъ Соединенными Штатами, дѣйствительно огромный. Такое же, по мнѣнію Кери, имѣетъ значеніе покровительство и въ политическомъ отношеніи.

— «Посмотрите, говорилъ онъ мнѣ, съ какой минуты Германія рѣшительно пошла къ своему единству. Это стремленіе началось съ устройства Таможеннаго Союза и торжества, подъ вліяніемъ Листа, покровительственной системы.... Внѣшняя торговля скорѣе разъединяетъ, чѣмъ соединяетъ интересы населенія; напротивъ того, внутреняя торговля связываетъ ихъ настолько прочно, что никакое политическое разъединеніе невозможно».

Признавая, однако, заслуги республиканской партіи въ отношеніи торговой политики Америки, Кери, хотя горячій республиканецъ, сознается, что выборъ административнаго персонала, при призиденствѣ Гранта, былъ крайне неудаченъ и администрація переполнилась людьми порочными.

Кромѣ проповѣди протекціонизма, Кери замѣчателенъ еще, какъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ сторонниковъ постояннаго союза Америки съ Россіей. Онъ первый въ извѣстной ньюіоркской «Tribune», во время

крымской войны, началъ проповѣдывать этотъ союзъ. Путешествіе Кери въ Россію въ 1859 году особенно укрѣпило его въ идеѣ необходимости сближенія двухъ государствъ, будущность которыхъ одинаково должна быть поставлена внѣ зависимости отъ мелочныхъ интересовъ западно-европейскихъ государствъ. О своей поѣздкѣ въ Россію Кери вспоминаетъ съ удовольствіемъ и показывалъ мнѣ много замѣтокъ, сдѣланныхъ имъ въ это время. Съ особою признательностью онъ вспоминалъ о князѣ Черкаскомъ и Чижевѣ. Кромѣ того, онъ подробно расспрашивалъ меня о гг. Ламанскомъ, Шиповѣ, Бунгѣ, Бутовскомъ и др. своихъ русскихъ знакомыхъ. Ходъ нашей крестьянской реформы также очень интересуетъ его. Вообще живость Кери замѣчательна; разговоръ его полонъ добродушнаго юмора, а красивая старческая физіономія кажется гораздо моложе его преклонныхъ лѣтъ. Онъ сохранилъ свои волосы и въ глазахъ виденъ еще огонь. Нѣтъ сомнѣнія, что торжество демократовъ на выборахъ заставитъ Кери снова выступить въ публицистической дѣятельности, чтобы отстоять свое любимое дѣтище—покровительственный тарифъ.

Это торжество хотя сомнительно, но не лишено нѣкотораго вѣроятія, особено если демократическая партія будетъ держаться людей высокой репутаціи Не мало помогутъ успѣху демократовъ разоблаченія, постоянно дѣлаемыя конгресомъ въ Вашингтонѣ. Эти разоблаченія коротко и ясно формулированы въ такъ называемой «платформѣ» или profession de foi демократическаго конвента въ Санъ-Луи, происходившаго по случаю избранія кандидата въ президенты.

«Когда, гласитъ санъ-луиская «платформа», можно видѣть вице-президента республики, обличеннаго въ безчестныхъ поступкахъ и получившаго выговоръ; предсѣдателя конгресса, торговавшагося изъ за направленія, которое онъ давалъ засѣданіямъ, происходившимъ подъ его предсѣдательствомъ; трехъ сенаторовъ, получившихъ барыши отъ подачи своихъ голосовъ; пять предсѣдателей важнѣйшихъ комитетовъ конгресса, обличенныхъ во взяткахъ; министра финансовъ, искажающаго цифры государственной отчетности; министра юстиціи, неправильно расходующаго асигнованные въ его распоряженіе кредиты; морскаго министра, обогатившагося и обоготившаго своихъ друзей, подписывая, по убыточнымъ для казны цѣнамъ, контракты съ пріятелями на разныя поставки; посланника въ Лондонѣ, уличеннаго въ безчестной спекуляціи; личнаго секретаря президента республики, замѣшаннаго въ процессѣ о воровствѣ акцизныхъ доходовъ; наконецъ воен-

наго министра, преданнаго суду за мошеничества, въ которыхъ онъ сознался,—то кажется нѣтъ уже болѣе необходимости въ дальнѣйшихъ доказательствахъ....

Дѣйствительно, нарисованная выше картинка грантовской администраціи не нуждалась въ комментаріяхъ!

VIII.

Поѣздка на Ніагарскій водопадъ. — Пенсильванія. — Водопадъ. — Дорога въ Чикаго.—Канада. — Обѣденный вагонъ. — Индіана. — Кондукторская острота.

Приступая къ поѣздкамъ внутрь страны, я пожалѣлъ, что не запасся отъ редакціи «Новаго Времени» письмомъ, подтверждающимъ мое званіе кореспондента газеты въ Америкѣ, такъ какъ въ число привилегій журналистовъ по ту сторону океана входитъ и право кататься по рельсовымъ путямъ даромъ, предъявляя только свою карточку. Подобная привилегія была бы для меня тѣмъ пріятнѣе, что я составилъ себѣ маршрутъ примѣрно на 12 или 14 тысячъ верстъ, исключительно по желѣзнымъ дорогамъ. Началъ я поѣздку, подобно всѣмъ туристамъ, пріѣзжающимъ изъ Европы, съ Ніагарскаго водопада, который до сихъ поръ считается замѣчательнѣйшимъ видомъ природы въ Соединенныхъ штатахъ. Правда въ послѣднее время туристы стали отдавать предпочтеніе такъ называемому Іелостонскому парку въ Айомингѣ и Іозамитской долинѣ въ Калифорніи, но обѣ эти мѣстности до того удалены и сообщеніе, особенно съ Іелостономъ, такъ трудно, что большинство публики остается пока въ нерѣшительности, припоминая извѣстное изрѣченіе: «славны бубны за горами», которое должно быть первою статьею кодекса каждаго благоразумнаго путешественника, а особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ судя по чрезвычайно роскошному изданію «Picturesque America», число красивыхъ видовъ весьма ограничено.

Вслѣдствіе постояннаго прилива посѣтителей къ Ніагарѣ, сообщеніе съ нею, по американской методѣ, облегчено и удешевлено до чрез-

вычайности. Туриста затрудняетъ развѣ выборъ пути изъ множества ему предлагаемыхъ: такой выборъ тѣмъ труднѣе, что американскія желѣзныя дороги имѣютъ обыкновеніе печатать раскрашенныя карты разныхъ штатовъ съ нанесенными желѣзными дорогами, причемъ своя линія обозначается толстѣйшею чертою, а прочія тончайшими штрихами; карты эти раздаются даромъ на всѣхъ станціяхъ, въ отеляхъ и т. д., но курьезъ состоитъ въ томъ, что онѣ составляются по какимъ-то невѣроятнымъ проэкціямъ. На карту какого правленія ни взглянешь непремѣнно своя линія оказывается прямою и кратчайшею, всѣ же соперничающія линіи желѣзныхъ дорогъ длинными и ломанными, и наоборотъ. Я, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, избралъ путь, который, прорѣзавъ Пенсильванію въ самой серединѣ, доставилъ меня въ семнадцать часовъ изъ Филадельфіи къ водопаду, т. е. къ самымъ границамъ Канады.

Не безъ тайной радости покидалъ я чопорную Филадельфію, давая себѣ внутренно обѣщаніе во что бы ни стало миновать ее на обратномъ пути. Въ мѣсяцъ съ небольшимъ Филадельфія успѣла мнѣ порядкомъ надоѣсть и я не удивляюсь холодности, съ которою даже американская публика отнеслась къ посѣщенію выставки. Какова эта холодность, можно было увидѣть на первой же станціи желѣзной дороги отъ Филадельфіи. Полагая, что въ городѣ не хватитъ для массы пріѣзжающихъ на выставку ни отелей, ни квартиръ, какой-то предпріимчивый американецъ соорудилъ тутъ гигантскій отель на 3,000 человѣкъ. Отель глядѣлъ пустыней и только нѣсколько негровъ, какъ пауки въ паутинѣ, тоскливо глядѣли изъ оконъ въ туманную даль, ожидая не явится ли, хоть по ошибкѣ, какой-либо наивный путешественникъ, побоявшійся недостатка квартиръ во время всемірной выставки. Отель, впрочемъ, поставленъ не дурно въ мѣстности довольно живописной. Вообще Пенсильванія, хотя и не поражаетъ видами природы, но относится къ числу странъ съ весьма красивымъ и веселымъ мѣстоположеніемъ.

Болѣе всего похожа она на южную Германію, или Богемію въ той части, гдѣ послѣдняя граничитъ съ Силезіей. Невысокія холмообразныя горы покрыты густымъ лѣсомъ, широкія многоводныя долины отлично обработаны и густо заселены. На каждомъ шагу поѣздъ пересѣкаетъ каналы и шоссейныя дороги, или минуетъ желѣзные заводы, лѣсопильныя мельницы и самыя разаообразныя фабрики. Пенсильванія играетъ ту же роль въ Америкѣ, что у насъ Владимірская губернія, или въ Англіи Ланкашайръ. Желѣзныхъ дорогъ здѣсь очень много, всѣ онѣ сосредото-

чены въ рукахъ могущественнаго общества Pensilvania Railroad, которое съ нѣкоторыми другими обществами, вродѣ обществъ Эри, Юніонъ-Пасификъ, Централь-Пасификъ, образуютъ родъ государствъ въ государствѣ и не признаютъ надъ собою власти ни штатовъ, ни союзнаго правительства, располагая огромнымъ числомъ голосовъ во всѣхъ выборныхъ учрежденіяхъ. Движеніе по линіямъ пенсильванской дороги очень большое, буфеты же устроены весьма скромные; очевидно что передвиженіе совершается здѣсь на небольшія разстоянія и жизнь кипитъ какъ бы въ котлѣ. Въ небольшой сравнительно періодъ времени встрѣчаешь нѣсколько огромныхъ и многолюдныхъ городовъ, самыя названія которыхъ въ Европѣ почти неизвѣстны.

Въ полдень поѣздъ проходитъ Гаррисбургъ, политическую столицу Пенсильваніи, великолѣпно расположенную на берегу широкой Сускеганы. Подобно тому, какъ столица Союза перенесена во второстепенный сравнительно городъ, такъ и главный городъ каждаго штата, по высшимъ политическимъ соображеніямъ — вполнѣ, замѣтимъ, основательнымъ — перенесенъ въ какой либо сравнительно второстепенный городъ. Копировка продолжается и въ мелочахъ. Гаррисбургъ, подобно Вашингтону, имѣетъ Капитолій на холмѣ съ паркомъ вокругъ; Капитолій состоитъ также изъ главнаго зданія съ ротондой и двухъ флигелей, и въ немъ помѣщаются сенатъ, палата представителей, библіотека штата и высшій судъ. Всѣ эти учрежденія напоминаютъ подобныя же въ Вашингтонѣ. Кромѣ штатныхъ канцелярій, Гаррисбургъ замѣчателенъ еще желѣзными заводами и бумагопрядильными фабриками, половина которыхъ остановлена теперь, вслѣдствіи господствующаго въ Америкѣ экономическаго кризиса. Улицы города, не особенно широкія, какъ въ другихъ городахъ Америки, поражаютъ своею опрятностью. За исключеніемъ центра города, улицы обсажены дубомъ, каштаномъ и другими деревьями, а дома съ садами и цвѣтниками вокругъ носитъ скорѣе сельскій, нежели городской характеръ. Такова система почти всѣхъ американскихъ провинціальныхъ городовъ, особенно въ восточныхъ штатахъ.

За Гаррисбургомъ мы проѣхали Сундбери—небольшой, чистенькій городокъ, а затѣмъ обѣдали въ Виліамспортѣ въ большой гостинницѣ у станціи желѣзной дороги. Хотя еще было только начало іюня, но кукуруза уже поспѣла и американцы ѣли ее отваренною со сливочнымъ масломъ, совершенно также, какъ ѣдятъ у насъ кукурузу на югѣ Россіи. Эта мелочь только и напоминала мнѣ милое отечество; во всемъ остальномъ замѣтна была существенная разница и прежде всего въ

свободѣ, которая господствовала въ вагонахъ. Пассажировъ не запирали на ключъ, какъ дикихъ звѣрей въ клѣткахъ; напротивъ того, двери были открыты и публика свободно переходила изъ вагона въ вагонъ, или сидѣла на платформѣ, любуясь видами. Я замѣтилъ еще, что въ Америкѣ паровозы не имѣютъ именъ, а носятъ только нумера; наоборотъ того, вагоны, вѣроятно для облегченія пассажировъ, всѣ имѣютъ особыя названія, написанныя крупными буквами. Мой вагонъ носилъ весьма характерную кличку: «Brandywine»!

За Эльмирой, красивымъ городомъ, построеннымъ, изъ опасенія наводненія, на сваяхъ, и, не взирая на это, освѣщеннымъ газомъ и снабженнымъ сѣтью конножелѣзныхъ дорогъ, мы вступили уже въ штатъ Нью-Іоркъ. Природа его похожа на Пенсильванію, но нѣсколько суровѣе; кромѣ того, лѣса содержатся небрежнѣе, хотя, впрочемъ, вообще въ Америкѣ лѣса эксплотируются гораздо небрежнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ; по всей вѣроятности это происходитъ отъ недостатка рабочихъ рукъ. Чрезвычайно живописны, начинающіеся за станціей Ваткинсъ берега озеръ Сенека и Канандейга. Несмотря на малую площадь, озера освѣщены маяками и по нимъ шныряютъ много пароходовъ, перевозящихъ дачниковъ, особенно охотно избирающихъ въ Америкѣ берега озеръ для лѣтняго мѣстопребыванія.

Поздно вечеромъ проѣхали мы по знаменитой своимъ плодородіемъ долинѣ рѣки Женеси, впадающей въ озеро Онтаріо, и прибыли въ Рочестеръ, большой городъ, извѣстный своимъ университетомъ и безчисленными мукомольными мельницами. Кондукторъ вагона весьма развязно пригласилъ меня вмѣстѣ поужинать; я съѣлъ неизбѣжную въ Америкѣ порцію жареной ветчины, а американскій гражданинъ поѣлъ весьма плотно разной разности и выпилъ приличное количество элю. При разсчетѣ я замѣтилъ, что онъ преспокойно угощался на мой счетъ. Такая безцеремонность въ нравахъ извѣстнаго класса. Въ Америкѣ вообще не нужно иногда удивляться тому, что съ вами случается. Я сходилъ, напримѣръ, съ вагона конножелѣзной дороги и совершенно машинально поднялъ руку къ верху. Видя это движеніе, кондукторъ пожалъ мнѣ съ чувствомъ руку, полагая, что это я съ нимъ желаю попрощаться. Такія развязныя манеры американскихъ кондукторовъ и другихъ служащихъ выкупаются по крайней мѣрѣ терпѣніемъ и стараніемъ добросовѣстно и съ толкомъ исполнить свою обязанность.

Выйдя изъ Рочестера, поѣздъ минуетъ Альбіонъ, Локпортъ, гдѣ шлюзы поднимаютъ воду канала Эри, по которому идутъ морскія суда

въ Чикаго, на высоту десяти саженъ, и въ часъ ночи достигаетъ станціи Suspension Bridge, откуда уже до Ніагары всего двѣ мили по побочной вѣтви. Какое-то невольное волненіе овладѣло мною, когда по длиннымъ безмолвнымъ корридорамъ обширной гостинницы Cataract-House негръ молча привелъ меня въ нумеръ, выходящій на водопадъ и я не безъ труда заснулъ подъ грохотъ падающей въ пропасть воды. Cataract-House замѣчателенъ между прочимъ тѣмъ, что въ немъ запрещено останавливаться евреямъ. Образчикъ американскаго воззрѣнія на равенство.

Осмотръ въ подробности водопада требуетъ почти цѣлаго дня, конечно осмотръ туриста, пріѣхавшаго только бѣгло взглянуть, что за штука такая хваленый водопадъ, для человѣка же, впадающаго въ поэтическій экстазъ, Ніагарскій вопопадъ можетъ доставить пищу для наслажденій въ теченіи многихъ дней. До чего доходитъ восхищеніе этимъ чудомъ природы, можно судить по совершенно гиперболическому описанію его извѣстнаго англійскаго романиста Троллопа, приводимаго во всѣхъ гидахъ. Это описаніе не столько даетъ понятіе о водопадѣ, сколько можетъ служить, помѣщенное въ хрестоматіи, для заучиванія школьниками наизустъ. «Другъ мой, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Троллопъ, послѣдуй моему совѣту, не говори въ эти минуты даже съ роддымъ братомъ, а стоя на этомъ мѣстѣ—обращайси только къ водамъ» Чтобы вполнѣ оцѣнить впечатлѣніе Ніагарскаго водопада, совѣтуетъ далѣе Троллопъ, нужно оставаться уставя глаза въ воду до тѣхъ поръ, «пока вы ничего не станете видѣть кромѣ картины, на которую пришли глядѣть, пока вы ничего другого не будете слышать, пока вы ни о чемъ другомъ не будете въ состояніи думать, пока, наконецъ, всѣ ваши чувства не поглотятся этой клокочущей рѣкой. Вамъ покажется тогда, что вы составляете какъ бы часть этихъ водъ, что холодная зеленая жидкость течетъ въ собственныхъ вашихъ жилахъ, и что звукъ водопада выражаетъ ощущеніе вашего собственнаго сердца. Вы, вмѣстѣ съ прозрачною водою, будете стремиться въ неизвѣстный міръ, лежащій на неизмѣримой глубинѣ, безъ колебанія, безъ страха, и также свѣтлы, чисты и радостны подыметесь изъ бездны, какъ брызги. Тогда вы, въ полетѣ вашей мысли, унесетесь въ безпредѣльный, далекій, вѣчный океанъ»...

Троллопъ увѣряетъ еще, что передъ всѣми видами на нашей планетѣ, которые посѣщаются туристами, невольное предпочтеніе слѣдуетъ отдать Ніагарскому водопаду. «Въ списокъ этихъ величественныхъ видовъ, го-

ворить онъ, я включаю все, что сдѣлано руками человѣка: всѣ зданія, всѣ картины, статуи и другія чудеса искусства, а равно все то, что создано Творцомъ природы на услажденіе мыслящихъ существъ». Сильно сказано, и безъ сомнѣнія большинство предпочтетъ всегда Босфоръ, Римъ, Флоренцію, Парижъ и другія мѣста, гдѣ кромѣ природы, приняла участіе и разумная мысль человѣка. На Ніагарѣ, впрочемъ, дикая природа далеко не оставлена въ ея первоначальномъ видѣ: напротивъ того, человѣкъ, къ сожалѣнію, постарался слишкомъ близко присосѣдиться къ водопаду и, преслѣдуя меркантильныя цѣли, украсилъ Ніагару такими постройками, которыя вездѣ показались бы уродливыми, а тутъ, какъ контрастъ, кажутся еще жалче. Американцы пошли еще далѣе. Я гдѣ-то читалъ, что современное практическое направленіе лучше всего проявилось въ томъ фактѣ, что какой-то фабрикантъ на пирамидахъ повѣсилъ свое объявленіе о новоизобрѣтенной ваксѣ. Я взбирался на Хеопсову пирамиду, но этого объявленія не видалъ, но за то видѣлъ нѣчто еще болѣе характерное — Ніагарскій водопадъ приспособленнымъ къ очисткѣ ватеръ-клозета въ гостинницѣ! «Чудо природы» въ роли дезинфектирующаго общества — это невольно должно вызвать отчаяніе во всѣхъ душахъ, въ которыхъ не угасла еще окончательно искра поэзіи.

Послѣдняя вообще не дается на водопадѣ, потому что едва пройдешь нѣсколько шаговъ и замечтаешься, какъ уже нужно останавливаться и вынимать новые 25 центовъ, а извѣстно, что ничто такъ не низводитъ человѣка съ заоблачныхъ высотъ, какъ уплата повинностей и вообще необходимость вынимать свой кошелекъ. Уже при выходѣ изъ гостинницы васъ аттакуютъ кучера экипажей, предлагая довести до водопада, хотя послѣдній буквально у вашихъ ногъ. Труднѣе отдѣлаться отъ проводника, хотя онъ также совершенно излишенъ. Остановившись въ одной изъ гостинницъ американскаго берега, прежде всего слѣдуетъ посѣтить островъ Готъ, куда идутъ по помосту, положенному на камняхъ; налѣво отъ помоста вода уже клокочетъ отъ пороговъ, а направо, нѣсколько отступя, низвергается отвѣсно съ высоты двадцати четырехъ саженъ съ страшнымъ шумомъ, подымая облака водяной пыли, на которой отъ дѣйствія солнечныхъ лучей играютъ красивыя радуги. Островъ дѣлитъ теченіе рѣчки на двѣ главныя части, — американскую, о которой я сказалъ, и канадскую, называемою «лошадиною подковою» и, такъ какъ уступъ водопада имѣетъ здѣсь вогнутую фор-

му, часть водопада у острова называется «копытомъ», хотя отъ постояннаго подмыванія копыто потеряло теперь свою форму.

Кромѣ острова Гота въ руслѣ рѣки находится еще нѣсколько меньшихъ острововъ. Между однимъ изъ нихъ — Луннымъ островомъ, и Готомъ смѣтливые американцы извлекаютъ опять деньги. За полтора доллара васъ одѣваютъ въ какой-то шутовской костюмъ изъ войлока и спускаютъ по винтовой лѣстницѣ въ «пещеру вѣтровъ» съ тѣмъ, чтобы провести сначала подъ водопадомъ, то есть въ промежуткѣ между скалою и отвѣсною струею воды, а частью около водопада по досчечкамъ, положеннымъ на камни. Вы скользите и спотыкаетесь, лицо ваше непріятно смачивается брызгами, проводникъ толкаетъ васъ энергически въ бокъ—вотъ и все удовольствіе, которое вы испываете за ваши деньги. Выбравшись изъ этой западни, вы возвращаетесь на американскій берегъ, идете вдоль него и уплативъ новую контрибуцію, входите въ такъ называемый Prospect Park, гдѣ на мѣстѣ, именуемомъ Prospect Point, открывается отличный видъ вдоль всего водопада; струя воды падаетъ здѣсь точно стѣна. Если вамъ хочется посмотрѣть на тотъ же видъ снизу, то вы можете спуститься по деревянной лѣстницѣ къ ложу рѣки, которая течетъ въ глубокомъ руслѣ, вырытомъ отступательнымъ движеніемъ водопада.

За паркомъ устроенъ легкій какъ паутина висячій мостъ на Канадскій берегъ. За проходъ по мосту платится еще 50 центовъ; кромѣ того за особую плату васъ подымаютъ элеваторомъ на одну изъ башень моста, образующихъ устои, и оттуда вы можете снова любоваться видомъ. Путешествіе это излишне, потому что и такъ съ середины моста видъ на водопадъ поразительно хорошъ. Направо отъ моста низвергаются два маленькіе каскада въ родѣ швейцарскаго Гисбаха; нѣмцы навѣрное прозвали бы ихъ berümte Wasserfalle и освѣтили бы маргариновыми свѣчками, но здѣсь, рядомъ съ гигантскимъ водопадомъ, на второстепенные, хотя и красивые каскады никто вниманія не обращаетъ. Висячій мостъ построенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ по канату разгуливалъ смѣлый Блонденъ; мостъ сдѣланъ изъ проволочныхъ канатовъ и вѣситъ болѣе 5 тысячъ пудъ. Трудность его постройки видна изъ того, что здѣсь рѣка Ніагара имѣетъ сто семьдесятъ сажень ширины, между тѣмъ по мосту ѣздятъ экипажи, хотя и въ одну линію. Люди, любящіе болѣе сильныя ощущенія, могутъ, вмѣсто моста, переѣхать черезъ рѣку на лодкѣ — операція не особенно трудная, несмотря на сильное теченіе и кажущуюся опасность.

На канадскомъ берегу находятся: извѣстная гостинница Clifton House; нѣсколько фотографическихъ мастерскихъ, гдѣ чрезвычайно быстро снимаютъ съ проѣзжихъ портреты, изображающіе большихъ человѣковъ у маленькаго Ніагарскаго вопопада; глупѣйшій обелискъ, неизвѣстно въ память чего поставленный и нарушающій красоту мѣста, и двѣ-три лавки съ дорогими произведеніями мѣстныхъ индѣйцевъ. Очень вѣроятно, что большинство этихъ произведеній сдѣлано не индѣйцами, а гдѣ-нибудь въ Германіи или Тиролѣ; сбытъ ихъ все-таки поддерживаетъ съ виду весьма небогатыя поселенія около Ніагары. Малая зажиточность жителей происходитъ, вѣроятно оттого, что всѣ туристы остаются у водопада не на долго. Болѣе продолжительное пребываніе не совсѣмъ удобно по суровости климата; хотя около водопада ростетъ дубъ, но общій пейзажъ носитъ уже сѣверный характеръ. Зима здѣсь также очень сурова; водяные брызги намерзаютъ тогда цѣлыми горами и придаютъ водопаду—судя по фотографіямъ—весьма красивый и оригинальный видъ.

Для тѣхъ, кто не любитъ ходить и лазить, лучше всего прямо остановиться на канадскомъ берегу. Видъ оттуда на водопадъ считается наилучшимъ изъ всѣхъ: стоя на этомъ берегу глазъ сразу обнимаетъ верхнее теченіе рѣки съ его порогами, поросшіе деревьями острова, перерѣзывающіе водопады, поселеніе Ніагара на американскомъ берегу съ его роскошными гостинницами и паркомъ, наконецъ, грандіозный ансамбль всего водопада. Въ другую сторону открывается видъ на висячій мостъ и нижнее теченіе рѣки. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ феномена прибавимъ, что масса воды, низвергающаяся ежеминутно въ водопадѣ, опредѣляется во 100 милліоновъ тоннъ, а шумъ отъ этого паденія слышенъ въ хорошую погоду за 15 миль. Во всякомъ случаѣ, Ніагарскій водопадъ самый большой въ мірѣ, но если отвѣчать на вопросъ, красивѣе ли онъ Иматры, или Рейнскаго водопада, то мнѣ кажется, что тутъ дѣло будетъ зависѣть болѣе всего отъ личнаго вкуса. О себѣ скажу, что ожидалъ отъ Ніагары болѣе: тотъ же отзывъ слышалъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ путешественниковъ. Правда, одинъ изъ этихъ хулителей Ніагары видѣлъ ее въ совершенно другой обстановкѣ. Ночью загорѣлась гостинница и онъ вмѣстѣ съ больной женой выбѣжали на улицу въ райскихъ костюмахъ.

Изъ Ніагары я рѣшился отправиться далѣе въ Чикаго кратчайшимъ путемъ по большой Восточно-Канадской и Центрально-Мичиганской желѣзнымъ дорогамъ. Я ничего отъ этого не выигрывалъ въ скорости,

потому что многочисленныя параллельныя дороги, ведущія въ Чикаго, возятъ почти всѣ съ одинаковою скоростью, но за то я получилъ возможность, хотя бѣгло, ознакомиться съ Канадой и прослѣдить различіе двухъ сосѣднихъ государствъ, населенныхъ одинаковымъ племенемъ, управляемымъ одинаково демократическими учрежденіями, но тѣмъ не менѣе довольно отличныхъ по своему положенію. Говоря объ одинаковости племенъ, я разумѣю Верхнюю Канаду, получившую въ настоящее время политическое преобладаніе. Нижняя же Канада по прежнему почти исключительно населена французами, сохранившими свой языкъ конца XVII столѣтія и горячую привязанность къ католической вѣрѣ. Эти французы не имѣютъ, однако, почти никакихъ связей съ бывшей родиной, если не считать постояннаго обмѣна миссіонеровъ и іезуитовъ, и симпатизируютъ скорѣе Соединеннымъ Штатамъ, чѣмъ Франціи. Кромѣ оригинальнаго зрѣлища довольно значительнаго французскаго населенія, съумѣвшаго колонизироваться, Нижняя Канада замѣчательна еще красивыми видами природы, особенно въ порогахъ рѣки св. Лаврентія. Хотя репутація этихъ видовъ, какъ кажется, нѣсколько преувеличена, тѣмъ не менѣе я сожалѣлъ, что недостатокъ времени не позволилъ мнѣ осмотрѣть ихъ, такъ-же какъ и лежащіе по дорогѣ весьма любопытные штаты Новой Англіи, составляющіе сливки американскаго Союза.

Для дальнѣйшаго слѣдованія путешественникъ принужденъ возвратиться изъ Ніагары къ станціи Висячаго моста, гдѣ, послѣ совершенно притворныхъ таможенныхъ формальностей, показывающихъ, что Канада уже страна свободной торговли, поѣздъ двигается шагомъ по знаменитому висячему мосту, позволяя любоваться новымъ великолѣпнымъ видомъ. Понятное дѣло, что двери вагоновъ раскрыты и каждый садится гдѣ ему угодно, только бы смотрѣть по удобнѣе. Что такая свобода нисколько не уменьшаетъ безопасности пассажировъ, показываютъ статистическія цифры: по важнѣйшей по своему движенію въ Америкѣ желѣзной дорогѣ — Эрійской — проѣхало въ послѣдніе десять мѣсяцевъ слишкомъ 6 милл. пассажировъ и съ ними не произошло ни одного несчастнаго случая! Переѣздъ совершается по висячему мосту, который не нужно смѣшивать съ вышеописаннымъ. Новый мостъ въ два этажа, по верху ходятъ желѣзнодорожные поѣзды, внизу обыкновенные экипажи и пѣшеходы. Мостъ находится надъ уровнемъ воды слишкомъ на тридцать пять сажень, а длиною онъ между башень болѣе ста двадцати сажень; строилъ его Джонъ Реблинъ и это кажется замѣча-

чательнѣйшій по своей конструкціи висячій мостъ въ мірѣ. Рѣка подъ мостомъ образуетъ роль ущелья съ отвѣсными берегами, фарватеръ переполненъ порогами и каменьями, о которые вода разбивается съ большимъ шумомъ. Видъ съ моста, хотя водопадъ нѣсколько отдаленъ, едва ли не красивѣе, чѣмъ съ ближайшаго висячаго моста, такъ какъ горизонтъ захватываетъ тутъ большее поле зрѣнія. Неизвѣстно, для чего передъ мостомъ расположился, довольно впрочемъ красивый католическій пріютъ «людей не отъ міра сего».

Перейдя по висячему мосту, поѣздъ, который уже тутъ отапливается дровами, продолжаетъ путь на западъ по Канадѣ. Эта мѣстность заселена не болѣе сорока лѣтъ назадъ, и такъ какъ пришлось селиться въ дремучихъ лѣсахъ, то весьма замѣтна недавняя еще осѣдлость. Сельскій пейзажъ напоминаетъ сѣверную Россію въ тѣхъ ея мѣстахъ, гдѣ господствуетъ такъ называемое подсѣчное хозяйство. Небольшія пашни выжжены среди лѣса и обнесены заборами изъ толстыхъ жердей; сельскія строенія, сравнительно съ американскими, отличаюся щедростью въ употребленіи лѣса; мѣстами на болотѣ устроена бревенчатая мостовая, вообще лѣсъ во всѣхъ видахъ играетъ преобладающую роль. Эта часть Канады принадлежитъ еще къ болѣе плодороднымъ и благоустроеннымъ. Извѣстная зажиточность проявляется особенно въ городкахъ хотя немногочисленныхъ, но съ виду довольно красивыхъ и хорошо обстроенныхъ. Только первыя станціи отъ Ніагары пересѣкаютъ мѣстность весьма оживленную, особенно близъ каналовъ, проведенныхъ въ обходъ водопада, по которымъ ходятъ морскія суда; далѣе поѣздъ двигается вдоль озера Онтаріо, весьма бурнаго, и черезъ мѣстечко Санъ-Катринъ, извѣстное своими минеральными водами, проходитъ по равнинѣ въ Гамильтонъ, одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Канады на озерѣ Онтаріо.

Эмблемы англійской королевской власти на зданіяхъ, портреты королевы и принца Уэльскаго въ буфетѣ — все это показываетъ, что мы уже въ странѣ монархической, хотя болѣе номинально. Канадскія желѣзныя дороги отличаются отъ американскихъ красивою и солидною постройкой станцій и относительно роскошными буфетами; видно что канадцы, живя въ странѣ сырой и холодной, болѣе обращаютъ вниманія на удовлетвореніе потребностей своего желудка, не хватая куски на лету, какъ американцы, и не запивая ихъ черезъ два часа чѣмъ попало. За то движенія гораздо меньше въ канадскихъ городахъ. Низкая заработанная плата отвлекаетъ волну колонизаціи въ

сосѣдніе штаты; здѣсь нѣтъ никакой серьезной промышленности; не смотря на суровый климатъ, лѣсное хозяйство и земледѣліе остаются единственнымъ занятіемъ канадцевъ. Отсутствіе фабрикъ болѣе всего дѣлаетъ города въ этой мѣстности безжизненными, что не мѣшаетъ имъ, однако, освѣщаться газомъ и имѣть сѣти конно-желѣзныхъ дорогъ.

Если города Канады не примѣчательны оживленіемъ, зато носятъ имена громкія, какъ напр., Лондонъ, Парижъ, или романическія, какъ Вудстокъ. На этомъ пути я въ первый разъ видѣлъ то, что американцы называютъ Dining-cars, обѣденные вагоны. Не смотря на довольно частыя остановки и приличные буфеты, къ поѣзду былъ еще прицѣпленъ большой вагонъ, часть котораго занимала кухня, откуда выглядывали повара въ бѣлыхъ колпакахъ; остальное простанство обращено въ обѣденный залъ. Отсутствіе тряски и необыкновенное спокойствіе, съ которымъ двигаются въ Соединенныхъ Штатахъ вагоны—вопреки, замѣтимъ, существующему мнѣнію, будто бы американскія дороги построены кой-какъ и рельсы положены чуть не на голой землѣ—позволяютъ ѣсть на пути съ большимъ комфортомъ. Столы разставлены въ вагонѣ какъ въ ресторанахъ и негры подаютъ вамъ карту, на которой, по американскому обычаю, написано около 40 блюдъ съ поясненіемъ, что обѣдъ продолжается отъ 6 до 8 часовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сорока блюдъ нельзя изготовить въ кухнѣ величиною съ большой чемоданъ, поэтому наивный путешественникъ, спрашивающій что либо кромѣ бифштекса, ветчины и вареной зелени, получаетъ тотъ же стереотипный отвѣтъ, что и во всѣхъ нашихъ трактирахъ по почтовымъ дорогамъ: «только-что все вышло-съ». Впрочемъ, строго говоря, обѣдъ въ вагонѣ болѣе разнообразенъ, чѣмъ можно ожидать при такихъ условіяхъ.

Оригинально еще, что практическій умъ американцевъ остроумно приспособилъ на иныхъ поѣздахъ обѣденный вагонъ къ сортировкѣ публики на классы. Какъ извѣстно, демократическій духъ не позволяетъ американцамъ оффиціально имѣть нѣсколько классовъ вагоновъ. Это достигается однако косвенными путями. Спальные вагоны, которые берутъ пассажиры и на день съ приплатою 15% противъ тарифа, установили уже родъ перваго класса; затѣмъ существуютъ особые такъ называемые эмигрантскіе поѣзды, гдѣ ѣздятъ и не эмигранты, за полцѣны; далѣе негры и китайцы не смѣютъ садиться вмѣстѣ съ бѣлыми ни въ какихъ поѣздахъ, ихъ вагоны образуютъ какъ бы отдѣльный классъ, хотя и за ту же цѣну; но и этого еще оказывается мало аме-

риканцамъ. Комфортъ и желаніе находиться по возможности въ обществѣ, сходномъ по воспитанію и привычкамъ, заставили прибѣгнуть къ слѣдующей уловкѣ. Посреди поѣзда становится обѣденный вагонъ, перегороженный плотно по поламъ, причемъ продажа водки и подвижной bar-room имѣется только съ одной стороны. Очевидно, что вся масса сомнительной публики избираетъ вагоны, находящіеся въ связи съ продажею водки, и такъ какъ сообщенія по другую сторону нѣтъ, то публика, хотя и платящая ту же плату, невольно раздѣлена на двѣ рѣзко отдѣленныя другъ отъ друга части. Такимъ образомъ, естественно и безъ принужденія образуются на желѣзныхъ дорогахъ какъ бы четыре класса пассажировъ.

Съ европейскими привычками лучше всего ѣздить въ спальныхъ вагонахъ. Эти вагоны избираются преимущественно людьми, ѣдущими на длинное разстояніе, т. е. людьми болѣе или менѣе зажиточными, такъ какъ бѣдняки избираютъ для подобныхъ переѣздовъ эмигрантскіе поѣзды. Путешествуя въ спальныхъ вагонахъ, вы будете находиться въ Америкѣ въ обществѣ, которое по манерамъ не только не уступаетъ публикѣ первыхъ классовъ въ Европѣ, но быть можетъ превосходитъ ее. Объ удобномъ спаньѣ въ такихъ вагонахъ я уже писалъ. Какъ образчикъ удобства могу привести то обстоятельство, что я проспалъ весьма интересный переѣздъ черезъ широкую рѣку, соединяющую озеро Гуронъ съ Эри у обширнаго торговаго города Детруа, замѣчательный тѣмъ, что здѣсь цѣлый поѣздъ желѣзной дороги устанавливается на паровомъ паромѣ и перевозится на другую сторону, —система бывшая прежде въ Америкѣ изъ экономіи въ большомъ употребленіи. Точно также я проспалъ весь переѣздъ по штату Мичигэнъ и проснулся уже на берегу озера того же имени, когда поѣздъ шелъ по штату Индіана, быстро приближаясь къ Чикаго. По картѣ Мичигэнъ, Индіана, Илиной и вообще вся мѣстность около Чикаго изрѣзана множествомъ линій желѣзныхъ дорогъ и повидимому необыкновенно плодородна. Нельзя того же сказать о полосѣ Индіаны у самаго озера, по которой я ѣхалъ. Мѣстность тутъ «индѣ болотистая, индѣ покрытая мелкимъ кустарникомъ», да въ придачу еще была во многихъ мѣстахъ залита наводненіемъ. Мокрая равнина, озеро, большое какъ море, и вдали коровы—пейзажъ напоминающій очень Голландію которую я впрочемъ знаю пока только по картинамъ. Чѣмъ ближе къ Чикаго, тѣмъ полотно желѣзной дороги плотнѣе прижимается къ озеру, число построекъ по сторонамъ увеличивается; поѣздъ идетъ долго

по набережной, сплошь застроенной дачами и останавливается у не возобновленной еще послѣ пожара станціи желѣзной дороги.

— Чикаго! Остановка пятнадцать минутъ, поссажиры желающіе получить разводъ имѣютъ достаточно времени!

Такъ по старому обычаю кричатъ шутники кондукторы, когда поѣздъ приближается къ Чикаго. Шутка эта имѣетъ серьезное основаніе. Штатъ Илиной замѣчателенъ необыкновенно либеральнымъ закономъ о разводѣ; по законамъ штата, разводъ можетъ быть сдѣланъ по двадцати съ чѣмъ-то причинамъ и одна изъ нихъ: простое отсутствіе жены изъ дома супруга. Потому-то американцы никогда не унываютъ, когда ихъ по законамъ высоконравственныхъ штатовъ, въ родѣ Массачузетса, женятъ по приговору суда на какихъ либо старыхъ дѣвахъ, введенныхъ въ соблазнъ. Молодой супругъ отправляется тогда преспокойно въ Чикаго и тамъ въ три дня искусники адвокаты за скромное вознагражденіе въ 15 долларовъ возвращаютъ ему священную свободу. Такая дешевизна возможна только при большой практикѣ. Въ послѣдней нѣтъ недостатка: адвокатъ Муръ-Кучъ ежедневно публикуетъ въ мѣстныхъ газетахъ, что сдѣлалъ уже 3,000 разводовъ!

IX.

Чикаго, его достопамятный пожаръ.—Характеръ построекъ, портъ.—Торговля Чикаго, элеваторы и приготовленіе свинины.—Избраніе Гайса.—Штатъ Илиной, прерія, слѣды французскаго владычества.—Штатъ Айова.—Кунсиль-Блефъ.

Знаменитый Кобденъ, давая наставленія своему другу, относительно путешествія по Америкѣ, замѣтилъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ только два чуда: Ніагарскій водопадъ и Чикаго. Сами американцы считаютъ Чикаго чудомъ несравненно большимъ, чѣмъ Ніагару, потому что если, по вычисленію геологовъ, на образованіе водопада потребовался періодъ времени въ четыре тысячи лѣтъ, то на блистательное превращеніе индѣйскаго кочевья въ громадный городъ Чикаго было потребно только сорокъ лѣтъ. Чудо чудесъ, однако, совершилось еще не въ созданіи этого города, а въ его возобновленіи, точно по мановенію волшебнаго жезла, въ какіе нибудь четыре года, послѣ знаменитаго пожара 8-го октября 1871 года.

Рѣдко когда либо разражалось подобное несчастіе надъ однимъ городомъ. Причина пожара такъ и осталась неизвѣстною. Одни приписывали ее женщинѣ, опрокинувшей керосиновую лампу, другіе — мальчику, который пошелъ доить корову и нечаянно поджегъ сарай. Эту корову потомъ показывали за деньги по всей Америкѣ. На бѣду, пожарные, утомленные пожаромъ, случившимся наканунѣ, нѣсколько замѣшкались, а сильный западный вѣтеръ быстро раздулъ пламя; большая часть города обратилась въ одинъ океанъ пламени, такъ какъ горѣла даже деревянная мостовая. Пожаръ уничтожилъ площадь зданій въ восемь квадратныхъ верстъ, т. е. примѣрно около двухъ третей не-

движимой собственности въ городѣ; изъ трехсотъ пятидесяти тысячъ жителей около ста тысячъ остались безъ крова и куска хлѣба; пятьдесятъ тысячъ человѣкъ бросили Чикаго въ первые же дни послѣ катастрофы. Мертвыя тѣла вытаскивали сотнями, но еще значительнѣе были матеріальные убытки: пожаръ истребилъ 17,450 домовъ и магазиновъ, 1.600,000 бушелей зерноваго хлѣба, 19 милліоновъ кубическихъ метровъ строеваго лѣса и вообще всякаго имущества на 440 милліоновъ рублей! 20 страховыхъ компаній обанкрутились вслѣдствіе этого пожара, а самыя солидныя общества страхованія въ Европѣ понесли большіе убытки.

Казалось бы, что такая безпримѣрная катастрофа должна была надолго раззорить городъ и остановить его возростаніе. Ничуть не бывало, тутъ-то и проявилась непостижимая энергія американцевъ, доказавшихъ передъ глазами цѣлаго свѣта, къ чему способны они при силѣ характера и единодушіи всѣхъ гражданъ республики. Городское управленіе Чикаго рѣшило, что пожаръ будетъ способствовать только украшенію города, и это дерзкое рѣшеніе приведено теперь въ исполненіе.

Въ одномъ изъ театровъ Чикаго занавѣсъ въ аллегорической картинѣ изображаетъ необычайное возрожденіе города изъ пепла. Съ одной стороны, пожаръ истребляетъ зданія, женщины и дѣти въ отчаяніи ломаютъ руки, а рядомъ кипитъ уже работа: архитекторы и инженеры чертятъ планы, рабочіе очищаютъ площадь, свозятъ матеріалы и роютъ фундаменты. Эта картина — не фантазія, а дѣйствительность, которая даже въ средѣ практическихъ американцевъ возбудила удивленіе и сдѣлала имя жителей Чикаго почетнымъ. Правда, что послѣднимъ помогали съ замѣчательною щедростью всѣ граждане Союза. Единодушіе американцевъ въ серьезныя минуты поразительно; оно лучше всего показываетъ, что завѣреніе разныхъ близорукихъ писателей, по большой части Америки и въ глаза не видавшихъ, о нравственномъ разложеніи этого государства—чистѣйшая сказка, или вѣрнѣе злонамѣренная клевета. Страна, гдѣ каждый доволенъ своимъ положеніемъ, гордится своею національностью и считаетъ свою страну недосягаемымъ образцомъ для другихъ государствъ, имѣетъ несомнѣнно признаки живучести. Къ тому же такая гордость у американцевъ не есть квасной патріотизмъ, происходящій отъ круглаго невѣжества и незнанія условій другихъ странъ; напротивъ того, въ Америкѣ милліоны переселенцевъ изъ всѣхъ государствъ легко имѣютъ возможность сдѣлать сравненіе ме-

жду тѣмъ благополучіемъ, которое они нашли въ новомъ отечествѣ, и тѣмъ, что они оставили въ Европѣ.

Да не подумаютъ читатели, что я выставляю Америку какимъ-то земнымъ раемъ, гдѣ стоитъ только захотѣть, чтобы въ ротъ полетѣли жеренныя перепелки. Нигдѣ, наоборотъ, такъ не трудно, быть можетъ, проложить себѣ безъ труда, или съ трудомъ призрачнымъ, дорогу; за то нигдѣ, имѣя здоровыя руки, нельзя достигнуть такъ скоро поразительной степени благосостоянія, какъ въ Америкѣ. Объ этомъ, впрочемъ, я буду имѣть еще случай говорить, описывая состояніе колонизаціи въ пустыняхъ дальняго Запада.

Чикаго также еще въ тридцатыхъ годахъ былъ пустыней, гдѣ охотились на волковъ и медвѣдей, пустыней заливаемой водой и наполненной жидкой вонючей грязью. Самое имя Чикаго по индѣйски означаетъ скверный запахъ дикаго чеснока. «Я не дамъ за десятину этой земли пятиалтыннаго», сказалъ тогда одинъ фермеръ», а теперь та же земля продается по полторы тысячи рублей за квадратный метръ! Городъ, который еще въ сороковыхъ годахъ кормился привознымъ провіантомъ, снабжаетъ теперь хлѣбомъцѣлыя государства, далеко оставивъ за собою торговлю такъ называемой «житницы Европы» — Одессы. Еще двадцать лѣтъ назадъ публицисты прозвали Чикаго американской Одессой, но теперь увы! моя милая родина столько же похожа на Чикаго, какъ большой тараканъ на маленькую рыбку.

Путешественникъ, привыкшій соединять съ идеей торговыхъ городовъ грязь, вонь, загроможденныя улицы, толпы оборванныхъ чернорабочихъ и т. п. встрѣтитъ въ Чикаго, къ своему удивленію, великолѣпныя широкія улицы, порядокъ, опрятность, совершенное отсутствіе толкотни и суетливости и вообще какой-то праздничный, элегантный видъ города. Слѣды пожара, правда, еще довольно замѣтны, на каждой почти улицѣ можно найти нѣсколько тщательно огороженныхъ пустырей, наполненныхъ мусоромъ, золою и угольями, но эти пустыри не сильнѣе бросаются въ глаза, чѣмъ незастроенныя мѣста нашей столицы. Какъ не легко было застроить все выгорѣвшее пространство видно изъ того разсчета, что въ теченіе 1872 года, считая 200 рабочихъ дней и въ каждомъ днѣ 8 рабочихъ часовъ, въ Чикаго ежечасно, среднимъ числомъ выростало по одному дому отъ 4 до 6 этажей! И какихъ домовъ! По постройкамъ Чикаго теперь самый лучшій городъ Америки; здѣсь не въ ходу филадельфійскіе дома въ три окна, а прямо строются дворцы въ стилѣ Rénaissance, очень напоминающіе постройки новой

вѣны. Мало того, что сооружены эти дома, самая мѣстность подъ ними поднята на нѣсколько аршинъ. Чикаго подвергается наводненіямъ; потому, извѣстно, что прежніе шестиэтажные каменные дома подымались винтами кверху, или передвигались, помощью наклонныхъ плоскостей, съ мѣста на мѣсто. Теперь подобныя путешествія домовъ сдѣлались въ Чикаго совершенно лишними и ихъ можно видѣть только въ Сан-Франциско. Вмѣстѣ съ уровнемъ домовъ поднята и мостовая; послѣдняя въ Чикаго деревянная, буквально такая же, какая долго была на Невскомъ проспектѣ противъ Казанскаго собора: бруски съ мелкимъ щебнемъ, залитымъ смолою. Мостовая изрѣзана конно-желѣзными дорогами, а тротуары шириною напоминаютъ парижскіе бульвары, также какъ и магазины своимъ великолѣпіемъ. Это не преувеличеніе, и я повторяю, что кто не видалъ Чикаго, тотъ въ Америкѣ ничего можно сказать, не видалъ.

Наиболѣе роскошныя улицы теперь State-Street и Madison-Street, затѣмъ идетъ множество улицъ, носящихъ громкія названія по имени европейскихъ и американскихъ знаменитостей. Продольныя улицы обыкновенно очень длинны, а поперечныя короче, потому что Чикаго занимаетъ вдоль озера протяженіе верстъ на двѣнадцать, въ ширину же городъ не болѣе трехъ верстъ. Новыхъ построекъ множество на каждой улицѣ. Любопытно, какъ американцы строютъ дома вовсе безъ лѣсовъ, подымая камни и кирпичъ, при помощи весьма остроумныхъ и простыхъ механическихъ приспособленій; желѣзо играетъ весьма важную роль въ ихъ сооруженіяхъ, многіе товарные склады выстроены даже изъ одного желѣза. Въ постройкахъ Чикаго преобладаетъ, однако, камень мягкій, но твердѣющій на воздухѣ и получающій отъ времени красивый сѣровато-красный оттѣнокъ. Этотъ камень былъ случайно найденъ при прорытіи канала, верстахъ въ двадцати отъ города. Изъ зданій особою роскошью отличаются банки, а великолѣпнѣе всѣхъ, какъ и подобаетъ такому городу, торговая палата, гдѣ помѣщается и биржа.

Величайшій недостатокъ улицъ въ Чикаго — непремѣнное пересѣченіе ихъ рѣкою Чикаго, а такъ какъ эта рѣка служитъ гаванью города и тысячи судовъ загромождаютъ ее постоянно, то для того чтобы, съ одной стороны, не препятствовать судоходству, а съ другой — движенію экипажей — всѣ безчисленные мосты устроены вращающимися; каждые полъчаса мостъ наводятъ или разводятъ: операція, состоящая во вращеніи огромнаго моста на одной оси вдоль и поперекъ рѣки, требуетъ нѣсколько минутъ, во всякомъ случаѣ она непріятна, особенно при про-

ѣздахъ по конно-желѣзнымъ дорогамъ, когда десятки вагоновъ скопляются во ожиданіи прохода судовъ. Разводка мостовъ заставляетъ также тѣхъ, кто долженъ поспѣть къ извѣстному часу,—а таковы всѣ путешественники по желѣзнымъ дорогамъ,—выѣзжать изъ дому съ извѣстнымъ запасомъ времени. Нѣтъ сомнѣнія, находчивые жители Чикаго придумаютъ что либо для избѣжанія затрудненій съ мостами: какіе нибудь тоннели, въ родѣ того, который проведенъ на протяженіе трехъ верстъ подъ озеромъ для снабженія города водою.

На сколько рѣка стѣсняетъ жителей Чикаго, настолько же она необходима городу, какъ его единственный портъ. Эта рѣка также одно изъ осязательныхъ чудесъ, совершенныхъ жителями удивительнаго города. Въ тридцатыхъ годахъ въ озеро Мичигэнъ впадалъ болотистый ручей, у устья котораго ежегодно бросало якорь судно въ 40 тоннъ нью-іоркскаго дома Асторъ — единственное посѣщавшее тогда Фортъ-Дирборнъ. Когда фортъ обратился въ городъ Чикаго, ручей и его притоки вычистили и углубили для пропуска судовъ самой большой осадки, и теперь Чикаго имѣетъ внутри города протяженіе набережныхъ, удобныхъ для нагрузки и выгрузки товаровъ, около сорока пяти верстъ! Такимъ образомъ складочные магазины, мукомольныя, лѣсопильныя мельницы и разные заводы получили возможность производить всѣ операціи скоро и безъ малѣйшихъ затрудненій. Рѣка плотно заставлена судами и зрѣлище двадцати маленькихъ пароходовъ, буксирующихъ одинъ за другимъ парусныя суда, мимо разведеннаго моста, самое обыкновенное для фланера. Мало того, замѣтивъ, что рѣка Чикаго переполняется нечистотами и можетъ вредно влiять на климатъ, американцы дали ей обратное теченіе, пустивъ, помощью канала, въ рѣку Илиной, впадающую въ Миссисипи.

Торговое значеніе Чикаго видно изъ того, что къ нему ведутъ семьнадцать линій желѣзныхъ дорогъ; между тѣмъ первыя шестьнадцать верстъ рельсоваго пути были построены въ 1849 году только послѣ величайшаго сопротивленія со стороны разныхъ умниковъ, доказывавшихъ, будто желѣзныя дороги убьютъ торговлю Чикаго, отвлекая все движеніе къ атлантическимъ портамъ. Уже десять лѣтъ назадъ среднее разстояніе фермъ отъ желѣзныхъ дорогъ было не болѣе десяти верстъ, а одна центрально-илинойская дорога позволила начать съ выгодою распашку слишкомъ 400 тыс. десятинъ нетронутыхъ земель. Соотвѣтственно возрастала и заграничная торговля. Въ 1838 году изъ Чикаго было вывезено 78 бушелей зерноваго хлѣба; въ 1853 году от-

пущено было уже 6 милл. бушелей, а въ 1872 году торговля города изображается слѣдующими колоссальными цифрами: хлѣба 70 милл. бушелей, разнаго лѣса 1 милліардъ футовъ, рогатаго скота 400,000 головъ, овецъ 300,000, свиней 1.900,000, а съ тѣхъ поръ торговля все еще ежегодно увеличивается. Замѣчательно, что когда вывозилось нѣсколько десятковъ тысячъ четвертей хлѣба заграницу, сотни повозокъ загромождали улицы и грязь стояла такая, что осенью нельзя было перейдти съ одного тротуара на другой; теперь же, когда торговля достигла такихъ гигантскихъ размѣровъ, вы можете прожить въ Чикаго нѣсколько дней, не подозрѣвая въ этомъ городѣ перваго въ мірѣ рынка хлѣба, мяса и строеваго лѣса.

Подобный результатъ достигнутъ устройствомъ центральныхъ складочныхъ магазиновъ и скотныхъ дворовъ. Вся торговля Чикаго совершается помощьюваррантовъ; купцы на биржѣ ничего не видятъ никогда кромѣ этихъ клочковъ бумаги, совершенно довѣряя добросовѣстности товароскладочныхъ обществъ. Хлѣбъ, привозимый въ городъ, изъ вагоновъ и барокъ прямо ссыпается, помощью всасывающихъ насосовъ въ огромные элеваторы—восьми-этажные каменные магазины, откуда послѣ сортировки, взвѣшиванія и браковки тотъ же хлѣбъ чрезвычайно легко нагружается по трубамъ въ разсыпную на корабли и отправляется въ Европу. Десятокъ элеваторовъ, двигающихся паромъ, достаточенъ для милліоновъ четвертей хлѣба. Для сбереженія расходовъ перевозки значительная часть хлѣба отправляется еще въ Европу въ видѣ муки, герметически закупоренной въ бочки.

Такая же практическая система господствуетъ и относительно торговли скотомъ и мясомъ. Въ Чикаго ежегодно убивается столько свиней, что если бы ихъ поставить въ рядъ, то пришлось бы занять пространство отъ Петербурга до Одессы; никто, однако, въ городѣ ни одной свиньи (конечно не въ фигуральномъ смыслѣ) не видитъ. Для продажи скота и свиней существуетъ особая биржа, цѣлый городокъ верстахъ въ пяти отъ города. Этотъ скотскій городъ состоитъ изъ ряда отличныхъ помѣщеній, связанныхъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ и каналовъ: животныя помѣщаются весьма комфортабельно, люди также. Въ городкѣ особая биржа, гдѣ cattlemen, или торговцы скотомъ, получаютъ телеграммы изъ Европы о цѣнахъ на мясо за нѣсколько часовъ ранѣе, чѣмъ тамъ эти цѣны состоялись. Такая хитрость объясняется разницею въ меридіанахъ. При биржѣ ресторанъ, гдѣ скоро и легко разрѣшаются самыя большія дѣла. Уходъ за скотомъ при подобной ор-

ганизаціи требуетъ самыхъ незначительныхъ издержекъ; одинъ доходъ отъ получаемаго навоза покрывалъ бы расходы, если бы въ этой благословенной странѣ кто-либо нуждался въ удобреніи. Близъ скотскаго города расположены большія заведенія для приготовленія солонины; тамъ при помощи остроумныхъ механическихъ приспособленій въ какіе-нибудь полчаса живая свинья, сама не замѣчая того, превращается въ товаръ отлично упакованный и готовый для отправки въ Европу. Какой то шутникъ разсказывалъ въ тарифной комиссіи, что видѣлъ на всемірной выставкѣ машину, въ которую съ одной стороны входилъ живой кроликъ, а съ другой выходили пуховая шляпа и порція жаркого. Кто бы подумалъ, что американцы воспользуются этой идеей и приложатъ ее къ своей системѣ обработки мяса!

По торговлѣ свининой Чикаго далеко оставилъ теперь за собою Цинцинати, городъ, носящій даже спеціальное у американцевъ названіе «Поркополиса». Насколько выгодна эта торговля, слѣдуетъ изъ того соображенія, что она позволяетъ какъ бы въ концентрированномъ видѣ перевозить десятки милліоновъ четвертей хлѣба низкаго качества. Свинья съѣдаетъ отъ 15 до 20 бушелей кукурузы въ годъ; при соленіи свинина еще уменьшается въ вѣсѣ, подымаясь въ цѣнѣ; такимъ образомъ, сберегается большая часть провозныхъ расходовъ. Одинъ американскій ораторъ картинно изобразилъ это сбереженіе, воскликнувъ передъ растроганной аудиторіей: «135 милл. килограммовъ, отпущенныхъ нами въ нынѣшнемъ (1863) году—это какъ будто бы полтора милліона свиней переплыли въ Европу черезъ Атлантическій океанъ»!

Не смотря на новость мѣста, не смотря на преобладаніе торговли сырьемъ, въ Чикаго сама собою развилась огромная обработывающая промышленность даже такихъ предметовъ, которыхъ приготовленіе совсѣмъ не согласуется съ понятіемъ объ окружающей степной мѣстности. Кромѣ обширныхъ механическихъ фабрикъ, Чикаго славится въ Америкѣ своими фабриками фортепьянъ и карманныхъ часовъ. Послѣднихъ выдѣлывается милліоновъ на пятнадцать рублей, и тутъ вы можете пріобрѣсть отличный хронометръ, конечно съ серебряной доской, за десять рублей. Не менѣе сильна умственная дѣятельность города; въ немъ множество школъ и газетъ, а типографіи печатаютъ массу книгъ, расходящихся по всему Западу; уже въ 1870 году считали оборотъ книжной торговли Чикаго въ $6\frac{1}{2}$ милл. рублей, т. е. по крайней мѣрѣ вдесятеро противъ нашей столицы. Самыя роскошныя изданія продаются въ Чикаго очень легко, въ доказательство чего приводятъ фактъ

распродажи въ короткое время болѣе двухъ тысячъ экземпляровъ энциклопедій британской и Эпльтона, а каждый экземпляръ такого сочиненія стоитъ болѣе 250 рублей! Вотъ къ какимъ результатамъ приводитъ въ Америкѣ соленіе свинины.

Непродолжительное пребываніе мое въ Чикаго ограничилось прогулками по городу и посѣщеніемъ театра; знакомствъ я не дѣлалъ никакихъ. Городъ находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ избранія Гайса кандидатомъ въ президенты республики на конвентѣ въ Цинцинати. Жители Чикаго — горячіе республиканцы, потому хотя телеграфъ извѣстіе о довольно неожиданномъ выборѣ Гайса принесъ всего передъ тѣмъ за два дня, но уже въ магазинахъ продавались марши въ честь Гайса и безчисленное множество его портретовъ. На нихъ онъ изображенъ довольно обыкновеннаго вида мужчиной лѣтъ за сорокъ, съ бородой, усами, съ проборомъ надъ ухомъ, длиннымъ носомъ, маленькими глазами и глубокими морщинами поперегъ лба. Газеты были наполнены біографическими подробностями, а одна изъ нихъ добродушно писала даже: «У Гайса отличная комплекція — лучшее доказательство умѣренности, чистой совѣсти и любезнаго характера. За такого человѣка нельзя не подать своего голоса....»

Изъ театровъ я видѣлъ въ Чикаго театръ «Adelphi» — роскошный по отдѣлкѣ и ничтожный по репертуару. Неизбѣжные негры, т. е. вымазанные сажею американцы, наполняли большую часть спектакля. Была, впрочемъ, пара и настоящихъ элебемскихъ чернокожихъ, которые играли на особаго устройства балалайкѣ и пѣли довольно мелодическія народныя пѣсни; негры вообще очень склонны къ музыкѣ и очень любятъ пѣніе и танцы. Эту черту ихъ характера прежніе рабовладѣльцы выставляли какъ доказательство, что негры будто бы очень довольны своимъ положеніемъ и воспѣваютъ рабство. Кромѣ негритянскаго пѣнія, представленіе состояло изъ фарсовъ, гдѣ удачно осмѣивались ирландцы, нѣмцы и опять негры. По составу публики видно было, что въ Чикаго уже граница дальняго Запада.

Публика была довольно смѣшанная, попадались пьяные и все время раздавался рѣзкій свистъ, очевидно, подкупленный какимъ либо конкуррентомъ директора театра. Сидя въ этой толпѣ, можно было во очію провѣрить справедливость остроумной теоріи Беджогота объ образованіи національныхъ особенностей. Дѣйствительно, легко поручиться, что девять десятыхъ публики состояло изъ уроженцевъ Европы, болѣе или менѣе сохранившихъ еще слѣды своего воспитанія, но невольное

желаніе съ ихъ стороны подражать извѣстному идеальному типу янки такъ сильно сказывается въ этой массѣ, что она подходила уже очень близко къ своему образцу, и только по произношенію не трудно отличать настоящихъ янки отъ американизированныхъ нѣмцевъ и шведовъ. Впрочемъ, американское произношеніе вопросъ весьма спорный. Англичане увѣряютъ, что американцы не умѣютъ будто бы говорить по-англійски, ибо говорятъ въ носъ, что особенно замѣтно въ штатѣ Конектикутѣ; въ свою очередь, американцы находятъ, что они отъ пуританъ унаслѣдовали чистѣйшій англійскій языкъ, англичане же и особенно аристократія портятъ его напускными птичьими горловыми звуками. Кто правъ, не рѣшитъ, я думаю, и мудрый Эдипъ.

Безъ извѣстныхъ колебаній трудно взять билетъ для проѣзда въ Санъ-Франциско, такъ какъ изъ Чикаго три поѣзда отходятъ ежедневно по направленію къ дальнему Западу и приходятъ въ одно и то же время въ Омаху, откуда уже только одинъ путь ведетъ къ Тихому океану. На весь переѣздъ до Санъ-Франциско требуется шесть сутокъ, считая среднюю скорость приблизительно около той, съ которой поѣзды ходятъ у насъ по варшавской желѣзной дорогѣ. Конечно, сообщеніе могло бы совершаться и быстрѣе. При мнѣ Пальмеръ и еще другой директоръ одного изъ нью-іоркскихъ театровъ, на пари, совершили переѣздъ изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско—4,953 версты, въ 79½ часовъ, т. е. со среднею скоростью, считая и остановки, 63 версты въ часъ. Подобная поѣздка вызвала сотни статей въ газетахъ, и поѣздъ Пальмера встрѣчали повсюду съ тріумфомъ; компаніи не нашли однако, возможнымъ воспользоваться этимъ примѣромъ, потому что въ пустынѣ пассажирское движеніе еще слишкомъ незначительно и не стоитъ увеличивать настоящую скорость. Да это увеличеніе не такъ легко и дается: механика учитъ насъ, что для удвоенія только скорости, нужно преодолѣть сопротивленіе, т. е. сжечь топлива, въ восемь разъ больше. Для туриста пріятнѣе проѣхать нѣсколько тише, чѣмъ промчаться на курьерскихъ, не видя ничего по сторонамъ.

Совершенно случайно выборъ мой остановился окончательно на Чикаго-сѣверо-западной желѣзной дорогѣ, самой сѣверной изъ паралельныхъ линій, соединяющихъ Чикаго съ Омахой. Паралельность дорогъ объясняется свободой, господствующей на этотъ счетъ въ Америкѣ. Если вы видите, что какая-либо линія приноситъ хорошій доходъ, то безъ длинныхъ церемоній строите линію рядомъ и стараетесь привлечь къ себѣ движеніе пассажировъ и товаровъ. Американцы разсуждаютъ, что если

не воспрещается устраивать рядомъ два магазина, или двое торговыхъ бань, то нѣтъ повода запрещать строитъ и параллельныя желѣзныя дороги; публика только выигрываетъ отъ конкуренціи; если же новая компанія раззоряется, то до ея легкомыслія нѣтъ никому дѣла, да и въ Америкѣ банкротство вовсе не считается чѣмъ-то позорнымъ, губящимъ человѣка окончательно. Это только стимулъ обратить свою энергію къ другимъ болѣе выгоднымъ отраслямъ труда. Къ сожалѣнію, такимъ стимуломъ чрезчуръ зло употребляютъ, и банкротства съ цѣлью «объегорить» своихъ кредиторовъ случаются въ Америкѣ съ легкостью, которой позавидовала бы даже Москва. Важнѣйшія состоянія въ Соединенныхъ Штатахъ составлены, говорятъ, при помощи злостныхъ банкротствъ; личное задержаніе воспрещается особыми статьями конституцій почти всѣхъ штатовъ, а потеря политическихъ правъ для банкротовъ слишкомъ слабая узда, въ виду выгодъ проистекающихъ отъ возможности легкой наживы при помощи остроумной «акоммодаціи» копѣекъ по пяти за рубль.

Не безъ сожалѣнія покинулъ я Чикаго. Grand Pacific Hotel, гдѣ я жилъ, великолѣпный дворецъ съ росписными плафонами и коврами во всѣхъ корридорахъ, передъ которымъ наша «Европейская гостинница» выглядитъ постоялымъ дворомъ. Отель былъ выстроенъ въ 1870 году, обошелся въ $2^1/_2$ милл. доллара и сгорѣлъ въ большой пожаръ. При помощи страховой преміи хозяинъ снова соорудилъ его въ 1873—74 годахъ. Польза страхованія ярко бросается тутъ въ глаза. Неудивительно, что американцы всячески его поощряютъ, и въ то время, когда у насъ какой-нибудь десятокъ страховыхъ обществъ, пользуясь даже монополіей, заѣдаетъ другъ друга и существуетъ только при помощи нѣмецкихъ агентовъ, въ Америкѣ болѣе двухсотъ пятидесяти страховыхъ обществъ оперируютъ съ выгодою, допуская полную конкурренцію иностранныхъ обществъ.

Поѣздъ изъ Чикаго въ Санъ-Франциско выходитъ утромъ въ половинѣ одиннадцатаго и до Фультона, стоящаго на Миссисипи, идетъ по штату Илиной. Все время дорога проложена по мѣстности совершенно плоской, довольно плотно заселенной и покрытой полями пшеницы и кукурузы. Чистенькія деревушки, мельницы и красивые городки: Женева, Диксонъ и Стерлингъ, оживляютъ эту часть знаменитыхъ американскихъ «прерій», тянущихся непрерывною полосою отъ озера Мичигэна до подножія Скалистыхъ горъ.

Какъ Одесса служитъ центральнымъ портомъ для южно-русскихъ

черноземныхъ степей, такъ и Чикаго сдѣлался центральнымъ складомъ американскихъ прерій, которыя очень похожи на наши степи, только еще плодороднѣе и богаче послѣднихъ. Эти преріи, остававшіяся долго, подобно нашимъ степямъ, совершенной пустыней, безъ сомнѣнія, одинъ изъ тѣхъ уголковъ земнаго шара, гдѣ природа собрала съ замѣчательною щедростью все, что нужно для благосостоянія и счастья человѣчества. Поверхность земли покрыта тутъ богатѣйшимъ черноземомъ, по которому можно вести плугомъ борозду верстъ сорокъ, не встрѣтивъ ни одного корня; между тѣмъ на небольшой даже глубинѣ подпочва богата строительною глиною, камнемъ, каменнымъ углемъ, желѣзною и свинцовою рудою. Многочисленныя и многоводныя рѣки пересѣкаютъ прерію; нигдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ столь удобно нельзя устраивать желѣзныя дороги, каналы, шоссе, какъ тутъ. Даже климатъ преріи считается однимъ изъ лучшихъ въ Америкѣ. Уклоны почвы самые незначительные и здѣсь, точно въ нашихъ новороссійскихъ или заволжскихъ степяхъ, отправляясь изъ одной станціи, видишь часто впереди себя слѣдующую, вся же окружающая мѣстность кажется непрерывнымъ ковромъ зелени и цвѣтовъ. Необыкновенно чистый и прозрачный воздухъ, расширяя чрезвычайно горизонтъ зрѣнія, способствуетъ хорошему впечатлѣнію. Какъ-то свѣжо и просторно дѣлается на душѣ, глядя на эту равнину. Площадь такой замѣчательной земли столь велика въ Соединенныхъ Штатахъ, что на ней умѣстился бы свободно десятокъ европейскихъ государствъ съ сотнею милліоновъ населенія. Неудивительно, если Америка получаетъ постоянно преобладаніе во всемірной хлѣбной торговлѣ.

Какія обширныя пространства остаются еще открытыми для колонизаціи, видно, напримѣръ изъ слѣдующаго примѣра: одно общество «Соединенной Тихоокеанской дороги» владѣетъ 12 милліонами акровъ земли, т. е. площадью составляющею пятую часть Франціи. Эта земля распродается въ настоящее время участками въ 160 акровъ, по цѣнѣ отъ $1^1/_2$ до 10 долларовъ за акръ, смотря по добротѣ и разстоянію отъ желѣзной дороги, съ разсрочкою платежа на 10 лѣтъ и учетомъ въ случаѣ взноса всей суммы, 6 % годовыхъ. Для облегченія продажи земли повсюду имѣются бюро, гдѣ колонистъ находитъ карты и планы своего участка, а также образцы почвы и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, снятыхъ въ сосѣднихъ отводахъ. Понятное дѣло, что о какихъ-либо стѣснительныхъ формальностяхъ по вводу во владѣніе и пр. не можетъ быть здѣсь и рѣчи. Каждый, покупающій клочекъ земли, дѣ-

лается de facto американскимъ подданнымъ со всѣми правами послѣдняго.

Илиной, а равно и сосѣдній штатъ, Айова, производятъ странное впечатлѣніе: наружный видъ и учрежденія у нихъ американскіе, населеніе нѣмецкое, а географическія названія французскія. То и дѣло мелькаютъ станціи: Декальбъ, Рошель, Лафосъ, Бельфонтенъ и т. п.; все это остатки нѣкогда громкаго колоніальнаго величія, которое проспалъ распутный Людовикъ XV со своими любовницами. Сохраненіе французскихъ именъ по всему бассейну Миссисипи и Миссури не совсѣмъ даже понятно, потому что никогда французы этими мѣстами прочно не владѣли, а о колонизаціи конечно не думали. Только французскіе охотники и мѣновые торговцы, сохранившіеся и по сію пору пріѣзжали и, живя какъ индѣйцы въ шалашахъ изъ древесныхъ сучьевъ, занимались обмѣномъ мѣховъ на водку и оружіе, а отъ скуки учили дикарей танцовать кадриль. Знаменитый Шатобріанъ самъ видѣлъ, какъ старый маркизъ-эмигрантъ командовалъ индѣйцами въ танцахъ: A vous messieurs les sauvages, a vous mesdames les sauvagesses! Не смотря на такое поверхностное отношеніе къ дѣлу, французы оставили вѣроятно по себѣ очень хорошую память, если окрещенныя ими мѣстности сберeглись въ памяти индѣйдевъ, а послѣ нихъ перешли къ американцамъ, изобрѣтать которымъ новыя названія было уже некогда. Вообще изобрѣтательность на этотъ счетъ янки очень невелика. Союзные почтмейстеры съ ума сходятъ, стараясь направить письмо въ тотъ именно Индепенденсъ, Вашингтонъ, Линкольнъ, Джеферсонъ (а такихъ тутъ сотни), въ который письмо дѣйствительно слѣдуетъ.

У Фультона поѣздъ переходитъ черезъ «отца водъ»—Миссисипи, рѣку, которая, по словамъ кентукійцевъ—извѣстныхъ на всю Америку вралей, такова, что, вздумай запереть ее американцы, Атлантическій океанъ высохнетъ до капли и англійскій флотъ станетъ на мель. Здѣсь Миссисипи уже довольно широкъ и дѣлится на нѣсколько рукавовъ, раздѣленныхъ поросшими лѣсомъ плавнями; такихъ островов вѣроятно не мало и выше, потому что дубовыми карчами усѣянъ весь берегъ рѣки. Черезъ Миссисипи устроенъ длинный желѣзный мостъ той системы, которую американцы устраиваютъ съ особымъ искусствомъ и которая въ строительномъ искусствѣ носитъ ихъ имя. Съ моста отличный видъ на далекое разстояніе внизъ и вверхъ. Мостъ, не смотря на свою громадность, ничего еще въ сравненіи съ тѣми чудовищными мостами, которые пришлось потомъ проѣзжать, потому не

стоитъ о немъ распространяться. За рѣкой городъ Клинтонъ находится уже въ Штатѣ Айова, очень похожемъ на сосѣднiй Илиной: та же ровная черноземная почва, то же нѣмецкое населенiе, пьющее пиво и втайнѣ восхищающееся Бисмаркомъ, хотя стыдящееся говорить на своемъ родномъ языкѣ.

Айова богата каменнымъ углемъ, но, какъ вся прерiя, лишена строеваго лѣса, отъ того вагоны, идущiе отъ Чикаго, наполнены обыкновенно деревомъ. Чикаго, какъ извѣстно, снабжаетъ лѣсомъ весь западъ Америки и для удобства посылаетъ его уже въ видѣ готовыхъ издѣлiй. Цѣлые дома перевозятся такимъ образомъ въ частяхъ. «Въ Чикаго, замѣчаетъ одинъ остроумный путешественникъ, дѣлаютъ дома какихъ угодно размѣровъ на продажу, точно въ магазинѣ La belle jardiniere — готовые панталоны». По прейскуранту вы можете выбрать себѣ домъ, дачу, школу, церковь, а не далеко то время, когда будутъ заказывать цѣлые города.

По оживленной колонизацiи Айова стоитъ теперь едва ли не во главѣ другихъ штатовъ, и здѣсь можно видѣть сооруженiе желѣзныхъ дорогъ, по американской системѣ, прямо въ пустыню въ увѣренности, что населенiе явится туда чрезвычайно быстро. Колонизируется, какъ я сказалъ, штатъ почти исключительно нѣмцами, бѣгущими изъ страны «добрыхъ нравовъ» отъ голода и военной повинности. Германская печать лежитъ на всемъ. Обѣдъ на станцiяхъ простъ и безвкусенъ; прислуживаютъ толстыя горничныя, бросающiя томные и нѣжные взгляды, взгляды не гармонирующiе съ ихъ расползающимися во всѣ стороны корсетами; при отходѣ поѣзда не звонятъ, а какъ въ Южной Германiи, Herr Conductor реветъ въ дудку. Нацiональность узнается и по другимъ признакамъ: жители ходятъ въ однихъ жилетахъ, бережно сохраняя сюртуки въ комодахъ; всѣ чисто выбриты, бѣлокуры и видъ имѣютъ наивно глупый въ достаточной пропорцiи. Экономiя проглядываетъ даже и въ системѣ путешествовать. Мѣсто спальнаго вагона такъ широко, что постель помѣщаетъ двоихъ; этимъ пользуются на Западѣ нѣмцы и, подъ предлогомъ, что провожающiя ихъ нѣмки-жены, берутъ въ кассѣ на двоихъ по одному мѣсту, представляя по ночамъ туристамъ трогательные образчики супружескаго счастiя.

Ближе къ Миссури мѣстность дѣлается нѣсколько холмистою; но передъ рѣкою, тамъ, гдѣ расположена станцiя Консиль Блефъ, она совершенно плоская. Консиль-Блефомъ назвалъ это мѣсто полковникъ Фримонтъ, одинъ изъ первыхъ пiонеровъ дальняго Запада, встрѣтивъ

тутъ лѣтъ тридцать назадъ на пустынныхъ холмахъ совѣщаніе индѣйскихъ старшинъ. Теперь къ этому пункту сходятся пять линій желѣзныхъ дорогъ! Три изъ нихъ, о чемъ сказано выше, идутъ почти паралельно изъ Чикаго. Такъ какъ поѣзды уходятъ и приходятъ въ одинъ и тотъ же часъ, то любопытно видѣть, какъ на послѣдней станціи три поѣзда, идущіе здѣсь уже почти рядомъ и приходящіе къ одному и тому же вокзалу, стараются обогнать другъ друга. Это—совершенная гонка нашихъ извощиковъ. Стоитъ одному изъ локомотивовъ припустить пару, чтобы два другіе сейчасъ же сдѣлали тоже самое. Азартъ влечетъ иногда къ дурнымъ послѣдствіямъ. Впрочемъ, не слышно о тѣхъ несчастіяхъ, которыя зачастую происходили на Миссисипи вслѣдствіе гибельной привычки капитановъ «гоняться», привычки свирѣпствовавшей одно время и у насъ на Волгѣ. Американцы съ свойственнымъ имъ увлеченіемъ довели эту страсть до невѣроятныхъ границъ. Говорятъ, что при вступленіи на пароходъ васъ любезно предупреждаютъ, что двери у каютъ легко снимаются съ петель и могутъ служить для спасенія вплавь въ случаѣ несчастія. Еще лучше анекдотъ о капитанѣ парохода который, видя, что противникъ перегоняетъ его, а дрова вышли, сѣлъ самъ на предохранительные клапаны и кричалъ публикѣ:

— Ради Бога не выдавайте! Валите подъ котелъ грузъ, мебель, что хотите, только не выдавайте!

X.

Миссури.—Омаха.—Westward ho!—Тихо-океанская желѣзная дорога.—Штатъ Небраска. — Территорія Айомингъ. — Индѣйцы и индѣйская война.— Американская армія.—Скалистыя горы.—Ларами.

У Кунсиль-Блефа всѣ поѣзды соединяются въ одинъ и перевозятся по мосту, принадлежащему особой трансфертной компаніи, въ Омаху. Миссури течетъ здѣсь въ одномъ широкомъ руслѣ и переѣздъ по обширному высокому мосту, подъ которымъ свободно проходятъ суда съ мачтами, чрезвычайно пріятенъ, вслѣдствіе великолѣпныхъ видовъ, открывающихся во всѣ стороны. Сзади видна степь, прорѣзанная пятью линіями желѣзныхъ дорогъ; тамъ и сямъ шныряютъ поѣзды; съ боковъ, на огромное пространство внизъ и вверхъ Миссури катитъ свои ужасно мутныя воды, а впереди, на возвышенной равнинѣ, припекаемой горячими іюньскими лучами солнца, широко раскинулся городъ Омаха, отправляясь изъ котораго путешественникъ имѣетъ наконецъ право воскликнуть: Westward ho! старый кличъ эмигрантовъ, неудержимо стремящихся къ Западу, этому Эльдорадо европейскаго пролетаріата.

Великолѣпный мостъ достоинъ могущественной рѣки, открывающей судоходству непрерывный путь въ 3200 миль, т. е. на 700 миль длинѣе разстоянія Америки отъ Европы. Это, впрочемъ, только частица удивительнаго судоходнаго бассейна Миссисипи, съ его притоками заключающаго болѣе 12,000 миль водянаго пути. Длина всего моста, оконченнаго въ 1872 году, 9950 футъ, въ томъ числѣ собственнаго желѣзнаго пути 2,750 футъ. Онъ стоитъ на 11 быкахъ, возвышающихся надъ меженью на 50 футъ и обошелся постройкою въ 2.650,000 долларовъ. Городъ Омаха, хотя основанъ только въ 1854 году, но уже

соотвѣтствуетъ своему важному географическому положенію. Лучшее зданіе города — университетъ, стоившее 250,000 долларовъ; кромѣ того этотъ выросшій, какъ грибъ, городъ истратилъ 516,000 долларовъ на зданія для школъ. Не менѣе роскошно зданіе почтамта, которое любопытно сравнить съ нашими губернскими почтовыми конторами; правда въ Омахѣ въ 1875 г. было получено 1,313,349 писемъ—это на населеніе въ 20 тысячъ! Конечно, въ городѣ имѣется Grand Hôtel въ шесть этажей, занимающій цѣлый кварталъ, издается четыре ежедневныхъ газеты и т. д., какъ подобаетъ приличному американскому городу. Почему все это дѣлается, откуда берутъ американцы деньги— просто непонятно. Между тѣмъ, положительно каждый живетъ здѣсь въ своемъ собственномъ домѣ; нѣтъ такого бѣднаго хозяйства, гдѣ бы не было швейной машины, постели съ чистымъ бѣльемъ и занавѣсокъ на окнахъ; затѣмъ самыя скромныя деревенскія женщины одѣты какъ у насъ одѣваются городскія дамы, и Америка осуществляетъ идеалъ XVIII вѣка — пастушекъ въ костюмахъ маркизъ. Если попадается оборванецъ, то онъ навѣрное эмигрантъ, свѣжеприбывшій изъ Европы; такихъ, однако, на дальнемъ Западѣ почти не бываетъ; исключительно земледѣльческій трудъ, требующій извѣстнаго капитала, привлекаетъ сюда людей, уже нѣсколько обжившихся и зашибившихъ копѣйку въ восточныхъ штатахъ.

Отъ Омахи начинается такъ называемая Тихо-океанская желѣзная дорога, сооруженіе которой составляетъ одно изъ чудесъ американской предпріимчивости. Дорога это по своимъ условіямъ, напоминающимъ ту, которая Россія должна рано или поздно соорудитъ въ Среднюю Азію и далѣе въ Остъ-Индію, заслуживаетъ съ нашей стороны полнѣйшаго вниманія. Исторія ея слѣдующая. Когда открытіе золота въ Калифорніи привлекло туда обширную эмиграцію, немедленно почувствовалась необходимость въ болѣе прямыхъ и прочныхъ сообщеніяхъ съ этою частью Союза, чѣмъ тѣ, которыя производились мимо мыса Горнъ, черезъ Панамскій перешеекъ, или прямо по степи, населенной дикими индѣйцами. Мысль о желѣзной дорогѣ казалась сначала почти невѣроятною, тѣмъ болѣе, что обширное пространство между Миссури и Сьера-Невадою, слишкомъ въ двѣ тысячи шестьсотъ верстъ, было вовсе не извѣстно; только неустрашимые путешественники, въ родѣ Веллера, Фримонта, Кистера, Гейдена, Поуэля, проходили по этому пути съ конвоемъ для составленія маршрутныхъ картъ, да полудикіе канадскіе мѣновые торговцы бывали тамъ для мѣновой торговли. Развитіе въ 50-хъ годахъ

мормонскихъ поселеній около Великаго Соленаго озера облегчило сообщеніе; устроилась даже постоянная перевозка почты и пассажировъ при помощи маль-постовъ, довольно впрочемъ первобытныхъ. Поддерживать почту было тѣмъ труднѣе, что на всемъ пространствѣ дальняго Запада, на территоріи равной половинѣ Европы, не было и ста тысячъ осѣдлаго населенія. Это не остановило, однако, американцевъ. Линкольнъ еще за нѣсколько минутъ до смерти, разсуждая объ этомъ пространствѣ, произнесъ извѣстныя пророческія слова: «здѣсь лежатъ сокровища цѣлаго міра». Сознаніе будущаго значенія дальняго Запада позволило ему рѣшиться на шагъ, смѣлость котораго оцѣнитъ каждый, припомнивъ, что Соединенные Штаты раздирались въ это время междоусобною войною, долженствовавшею, казалось, поглотить всѣ рессурсы государства.

Въ 1862 году дорога изъ Омахи въ Сакраменто—2722 версты, была отдана двумъ компаніямъ «Union Pacific» и «Central Pacific» съ тѣмъ, чтобы каждая, начавъ работу съ противуположныхъ концевъ, владѣла дорогою до того пункта, куда она успѣетъ довести ее къ сроку, опредѣленному въ 12 лѣтъ. Впослѣдствіи оказалось, что «Union Pacific», имѣя мѣстность болѣе ровную, успѣла построить 1640 верстъ, въ то время когда «Central Pacific» соорудила только 1082 версты пути. Строющіяся линии встрѣтились въ 1869 году, т. е. на пять лѣтъ ранѣе предположеннаго срока. Встрѣча произошла на станціи Promontory, гдѣ дано было по этому случаю большое торжество, подробно описанное въ свое время въ газетахъ: клались шпалы изъ драгоцѣнныхъ деревьевъ, вбивались золотыя и серебрянные костыли и все это поливалось безконечнымъ количествомъ вина и водки. Въ видѣ пособія правительство ссудило компаніямъ 55 милл. долларовъ на тридцать лѣтъ и подарило имъ на каждую сооруженную линію желѣзной дороги по обѣ стороны ея полосы по 10 миль въ ширину изъ общественныхъ земель съ находящимися на послѣднихъ мѣсторожденіями каменнаго угля и желѣзныхъ рудъ, что составляетъ болѣе 20 мил. акровъ земли, которые теперь уже продаются среднимъ числомъ не ниже $4^1/_2$ долларовъ за акръ. Послѣдній даръ полученъ былъ, какъ открыло недавно парламентское слѣдствіе, при помощи подкуповъ въ конгрессѣ. Насколько даръ этотъ былъ серьезенъ и какія отъ продажи свободныхъ земель компаніи должны выручить огромныя деньги, видно изъ отчетовъ о доходахъ дорогъ.

Не прошло еще семи лѣтъ съ открытія линій и, несмотря на то, что онѣ идутъ пустынею, компаніи выручили въ 1875

году: «Union Pacific» дохода долларовъ—валоваго 11,393,832, чистаго 7.611,794; «Central Pacific»—валоваго 17,021,015, чистаго 7.417,944. Товаровъ было перевезено въ 1875 году по «Union Pacific» болѣе 60 мил. пудовъ, а по «Central Pacific» болѣе 122 мил. пудовъ. Пассажирское движеніе совершается тутъ преимущественно къ западу; такъ въ 1875 году перевезено изъ конца въ конецъ по всему пути пассажировъ на обѣихъ линіяхъ къ востоку 60,678, а къ западу—148,015. Обошлись дороги постройкою: «Union Pacific» по 107,016 долл. за милю, «Central Pacific» по 115,087 долл. Цѣна эта очень высока для Америки, хотя, конечно, сооруженіе дороги въ пустынѣ не могло обойтись дешево; природныя затрудненія также были не малы: высшія точки дорогъ пришлись на «Union Pacific» въ Скалистыхъ Горахъ на 8,274 футахъ, а на Central Pacific» въ Сьера-Невадѣ на 7,100 футахъ надъ уровнемъ океана. Желѣзныхъ дорогъ, проведенныхъ на такой высотѣ, въ Европѣ не существуетъ, а подобныя затрудненія оказались для американцевъ сущею бездѣлицею. Нѣтъ сомнѣнія, что въ десять, пятнадцать лѣтъ они соорудятъ еще нѣсколько тихо-океанскихъ линій, по крайней мѣрѣ половина одной изъ подобныхъ линій, идущей чрезъ Колорадо и Канзасъ, совершенно готова въ настоящее время.

Людямъ, которые сомнѣваются еще въ возможности провести сибирскую желѣзную дорогу, достаточно посмотрѣть на условія Тихо-океанской дороги. Они увидятъ тогда, что наша дорога находится въ условіяхъ несравненно благопріятнѣйшихъ по количеству населенія, размѣру торговаго движенія, характеру мѣстности и дешевизнѣ сооруженія. Даже дорога черезъ киргизскія степи только въ небольшой части своей можетъ затруднительностью эксплоатаціи сравниться съ тѣми трудностями, которыя преодолѣли американцы въ пустынѣ.

Вагоны на Тихо-океанской желѣзной дорогѣ устроены еще роскошнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Америки. Кромѣ всякихъ другихъ удобствъ, въ родѣ 4-хъ роскошныхъ ловабо со всѣми принадлежностями, въ вагонахъ находятся фортепіано; во все время пути прогуливаются особые агенты и предлагаютъ книги, фрукты, сладости и т. п. Такъ какъ число пассажировъ обыкновенно не велико, а въ пустынѣ уже новыхъ пассажировъ почти не бываетъ, то, подобно тому какъ на пароходѣ, путешественники черезъ нѣсколько станцій близко знакомятся между собою и естественно устанавливаются весьма дружественныя отношенія; образуется одинъ кружокъ, изобрѣтающій только средства по-

пріятнѣе провести шесть дней пути. Я попалъ очень удачно; со мною въ вагонѣ ѣхалъ адмиралъ Муррей, командиръ эскадры Тихаго океана, который въ чинѣ командора начальствовалъ судами, приходившими въ Россію съ извѣстнымъ посольствомъ Фокса. Съ Мурреемъ были еще два моряка: его племянникъ и адъютантъ, все очень милые и любезные люди.

Я выучилъ ихъ играть въ ералашъ, который американцамъ очень понравился; затѣмъ у каждаго изъ моихъ спутниковъ въ сакъ-вояжѣ оказалось по бутылкѣ приличныхъ размѣровъ или коньяку или old burbon wisky, изъ которыхъ моряки отъ времени до времени подкрѣпляли свои силы. Я объяснилъ, что операція эта довольно извѣстна въ Россіи подъ именемъ: пропускать по маленькой. Адмиралу пришлось по душѣ такое названіе и послѣ каждыхъ трехъ роберовъ, онъ обращался ко мнѣ съ вопросомъ: «Voulez vous po malenkoi»? Женское общество представляла въ нашемъ вагонѣ очень милая миссъ Варренъ, храбро отправлявшаяся одна въ Городъ Соленаго озера, гдѣ отецъ ея, о которомъ рѣчь впереди, командовалъ 14-мъ пѣхотнымъ полкомъ. Американцы чрезвычайно любезно старались доставить мнѣ всякія удобства; ихъ вниманіе не оставило меня даже въ Санъ-Франциско и только время не позволило мнѣ отправиться съ эскадрою на Сандвичевы острова и въ Перу. Муррей съ удовольствіемъ вспоминалъ русское гостепріимство, особенно часто произносилъ онъ, изъ своихъ русскихъ знакомыхъ, имена адмирала Лессовскаго и В. А. Кокорева.

Нордгофъ, описывая штатъ Небраска, говоритъ: «Едва вы оставили за собою Омаху, все окружающее покажется вамъ совершенно новымъ, страннымъ, удивительнымъ»... По мнѣ, если Айову можно сравнить съ Тамбовской губерніей, то Небраска наружнымъ видомъ степи чрезвычно напоминаетъ Херсонскую губернію лѣтъ двадцать назадъ. Цивилизація уже быстро измѣнила эту мѣстность; повсюду видны фермы съ виду зажиточныя; вмѣсто бизоновъ гуляютъ обыкновенныя коровы, вмѣсто индѣйцевъ — нѣмцы съ длинными трубками. Желѣзная дорога почти все время идетъ вдоль рѣки Платъ, французское названіе которой хорошо опредѣляетъ ея свойства. Платъ, точно рѣка Уралъ, течетъ совершенно въ плоскихъ берегахъ, разница только въ совершенномъ отсутствіи деревьевъ. Пейзажъ довольно утомительный, хотя нѣкоторые гиды увѣряютъ, что «путешественникъ проникается здѣсь такимъ чувствомъ упоенія, которое пожелаетъ сохранить въ себѣ навсегда».

Въ Фримонтѣ, быстро растущемъ городѣ, близь котораго проходитъ

важный скотопрогонный трактъ изъ Техаса, мы пообѣдали. Нѣмецкія горничныя подали жареную ветчину съ яйцами, бифстексъ съ зеленью и гречневые блины съ патокой. Хотя за эту скромную трапезу пришлось уплатить долларъ, но мы, разсуждая, что въ пустынѣ прихотничать нечего, остались довольны. Каковъ же былъ нашъ ужасъ впослѣдствіи, когда шесть дней подъ рядъ, три раза въ сутки, взимая каждый разъ по доллару, насъ неизмѣнно угощали ветчиной, бифстексомъ и блинами съ патокой. Подъ конецъ одинъ видъ этихъ снадобій приводилъ уже публику въ неистовство. Дурное расположеніе духа отразилось на одномъ негрѣ, которые обыкновенно составляютъ прислугу въ спальныхъ вагонахъ. Видя наступленіе вечера, адмиралъ приказалъ проходящему цвѣтному гражданину (слово «негръ» здѣсь оскорбительно) постлать постель. Негръ ушелъ. Затѣмъ адмиралъ видитъ идущаго негра, а постель непостланною. Забывъ XV поправку къ конституціи, даровавшую неграмъ равноправность, адмиралъ, привыкшій на кораблѣ къ безусловному повиновенію, бацъ негра въ ухо. Негръ ничего не понимая, пошелъ къ оберъ-кондуктору жаловаться. Тотъ разобралъ дѣло и оказалось, что адмиралъ приказалъ постлать постель совсѣмъ не этому негру.

— «Да вы съ ума сошли, возразилъ въ сердцахъ адмиралъ оберъ-кондуктору, думая что я въ состояніи различать негритянскія рожи»!

Оберъ-кондукторъ нашелъ такой аргументъ неотразимымъ; тѣмъ дѣло и кончилось. Означенный случай рисуетъ воззрѣніе американцевъ на чернокожихъ братій. Замѣтимъ, что Муррей — добрѣйшій человѣкъ и каждому прислуживавшему ему негру давалъ на водку по золотому,—щедрость, которая никого не удивляетъ въ странѣ, гдѣ за чистку сапоговъ платятъ иногда пол-доллара.

Мы отлично проспали двѣ трети Небраски. На слѣдующее утро завтракать пришлось въ Сиднеѣ, новомъ городкѣ съ лавками и гостинницами, гдѣ не продаютъ, однако, ни подъ какимъ видомъ крѣпкихъ напитковъ, даже пива. Мѣстность уже тутъ совершенно напоминаетъ нашу степь. Гладкое пространство покрыто зелеными пастбищами, нигдѣ ни клочка воздѣланной земли. Вся окружающая мѣстность недавно еще была опустошаема враждебными племенами индѣйцевъ, потому у самой станціи находится фортъ. Американскіе степные форты такъ же мало напоминаютъ крѣпости, какъ и наши укрѣпленія по оренбургской и сибирской линіямъ. Тутъ нѣтъ ни бастіоновъ, ни орудій; противъ индѣйцевъ они совершенно излишни. Фортъ состоитъ изъ нѣ-

скольких деревянных домиков, обнесенных деревянным забором, Звѣздчатый флаг Союза развѣвается на высоком шестѣ. В подобных фортах разбросана малыми отрядами по всей степи армія республики, в которой по спискам числится около 26 тысяч, но как кажется четверть солдат, вслѣдствіе системы вербовки, в постоянных бѣгах. Только в Вашингтонѣ и в Техасѣ находятся еще сколько нибудь значительные отряды американских войск, затѣм в остальных штатах Союза солдат почти вовсе нѣт. Служба в степи не очень легка, в особенности тяжело постоянное уединеніе. Так как американская армія представляет в сущности кадры, то число офицеров в ней чрезвычайно велико. Всѣ эти офицеры очень хорошо образованы; они оканчивают курс в вест-пойнтской военной академіи и говорят свободно по-французски и по-испански. Не смотря на образованіе, положеніе военнаго офицера в обществѣ в Америкѣ не очень почетно и в придачу конгресс, не оцѣнивая заслуг этих достойных людей, по большой части ветеранов междуусобной войны, сбавил им недавно и без того скудное жалованье. Солдаты, набираемые преимущественно из нѣмцев и канадских выходцев, имѣют очень молодцоватый вид; они одѣты в красивые мундиры, состоящіе из синей куртки, сѣрых панталон и кэпи, на котором написан номер полка а металлической арматурой обозначен род оружія.

Служба арміи не только не легка, не сопряжена с большими опасностями. Из Сиднея дорога ведет к хребту Блэк Гиль (черные холмы), гдѣ при мнѣ кипѣла война, не совсѣм для американцев удачная. Война началась вслѣдствіе несогласія индѣйскаго племени Сіу оставить свои кочевья, гдѣ колонисты открыли золото, и перебраться в отведенное для их племени заповѣдное пространство по рѣкѣ Іелостону. Сіу очень храброе и многочисленное племя. Посланный против них генерал Крук с отрядом успѣха не имѣл; тогда послали подкрѣпленія, но направили их чрезвычайно глупо с разных сторон Скопище индѣйцев тысяч в пятнадцать засѣло в Блэк-Гилѣ и приняло наполеоновскую тактику, т. е. поочереди разбивало наступавшія против них с разных сторон без взаимной связи американскія колоны. Чрезвычайное волненіе вызвала во всей Америкѣ гибель при этом генерала Кистера с цѣлым кавалерійским полком.

Кистер — личность чрезвычайно популярная. Это был — тип ру-

баки, искавшаго опасности. Во время междуусобной войны онъ далъ слово не стричься и не бриться, пока не окончится война и сдержалъ его. Вашингтонъ съ восторгомъ привѣтствовалъ лихого кавалериста, когда онъ показался съ длинной рыжей гривой на головѣ. Такой человѣкъ, хотя съ дѣтства знакомый съ индѣйской войной, былъ неспособенъ къ отступленію: попавшись 17-го іюня около Бигъ-горна въ засаду индѣйцамъ, Кистеръ, вмѣсто спасенія, храбро началъ атаку и погибъ съ своимъ отрядомъ до послѣдняго человѣка. Спасся только индѣйскій проводникъ. А погибнуть отъ руки индѣйцевъ не весело. Раненыхъ и убитыхъ эти дикари страшно изувѣчиваютъ, а плѣнныхъ отдаютъ своимъ женамъ; тѣ вырываютъ у несчастныхъ ногти, глаза и въ заключеніе убиваютъ, разведя на животѣ костеръ, причемъ пляшутъ вокругъ, держась за руки. Понятно, что и солдаты не даютъ пощады, и газеты частенько передаютъ съ отвращеніемъ факты, какъ при взятіи индѣйскихъ кочевьевъ поголовно избиваются старики, женщины и дѣти, Американскіе колонисты еще безжалостнѣе къ индѣйцамъ, чѣмъ солдаты; помня гибель своихъ родственниковъ, они постоянно требуютъ самыхъ рѣшительныхъ и строгихъ мѣръ.

Почти вездѣ параллельно желѣзной дорогѣ идетъ въ пустынѣ бывшій колесный путь, по которому и теперь тянутся огромныя фуры «сетлеровъ». Почтовое сообщеніе прежде было устроено на манеръ нашего,—тѣ же эстафеты, по здѣшнему «pony express», мальпосты, почтовыя станціи, только нападеніе индѣйцевъ придавало мѣстный колоритъ; безъ карабиновъ не ѣздили и очень часто мальпостъ обращался въ блогаузъ, откуда по нѣсколько часовъ въ ожиданіи помощи отстрѣливались пассажиры. Теперь индѣйцевъ болѣе не видать, зато осталось еще страшное изобиліе такъ называемыхъ prairie dog, нѣчто вродѣ нашихъ сусликовъ. Около станціи Поттеръ огромное пространство земли покрыто ихъ норами и носитъ названіе «собачьяго города». Объ этихъ сусликахъ разсказываютъ разный вздоръ, между прочимъ, что они мирно живутъ въ однѣхъ норахъ съ гремучими змѣями и совами. Недалеко отъ собачьяго города плодородная Небраска оканчивается и начинается дикій Айомингъ—территорія, образованная въ 1868 году и населенная наиболѣе враждебными цивилизаціи племенами индѣйцевъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что послѣдніе угрожаютъ желѣзной дорогѣ. Пассажиръ, ищущій скальпированныхъ череповъ и окровавленныхъ томагуаковъ, очень разочаруется. По дорогѣ онъ найдетъ въ изобиліи только пустыя пивныя бутылки, жестяныя банки изъ-подъ

консервовъ, загрязнившіеся бумажные воротнички и тому подобные остатки современной американской цивилизаціи.

Айомингъ не по однимъ этимъ остаткамъ можетъ быть причисленъ къ передовымъ странамъ. Онъ замѣчателенъ еще необыкновенно либеральнымъ законодательствомъ и единственнымъ почти на земномъ шарѣ опытомъ дарованія женщинамъ полныхъ политическихъ правъ. Послѣднее было сдѣлать тѣмъ легче, что — о, горькая иронія, — женщинъ въ этой территоріи почти нѣтъ. Честью увѣряю, что, проѣхавъ эту дикую пустыню по самой ея населенной части, я не встрѣтилъ представительницъ прекраснаго пола, или, быть можетъ, наружность ихъ была такова, что легко позволяла смѣшивать ихъ съ мужчинами. Айомингъ представляетъ для туриста отличное зрѣлище формаціи американскаго штата.

Эта формація чрезвычайно проста. Правительство межуетъ землю на квадратики и отдѣливъ извѣстную часть ея на школы и общественныя учрежденія, продаетъ остальное участками въ 80 десятинъ каждому желающему по дешевой цѣнѣ. Являются колонисты и разселяются повсюду; еще ранѣе ихъ приходятъ рудопромышленники, которые также безъ труда получаютъ отводы. Вслѣдъ за приливомъ населенія, образуются города, хотя сколоченные изъ тонкихъ досокъ, но непремѣнно съ почтою, телеграфомъ, газетою и съ грандіознымъ планомъ въ виду будущаго. Сначала эти города становятся притономъ воровъ, шулеровъ и всякихъ авантюристовъ, но сила общественнаго чутья въ англо-саксонской расѣ такъ велика, что колонисты и бродячее населеніе устраиваются отлично безъ всякой помощи администраціи и полиціи. Первыя поселенія вводятъ у себя законъ Линча. Это нашъ самосудъ; но въ то время, когда крестьяне, почесывая затылки, добродушно толкуютъ: ишь-ты, да подишь-ты, американцы безъ церемоніи вѣшаютъ. Въ каждомъ новомъ городѣ устраивается тайный «наблюдательный комитетъ». Стоитъ ему указать на кого либо, сейчасъ же толпа по большинству голосовъ рѣшаетъ дѣло о наказаніи. Исходъ обыкновенно одинъ — на висѣлицу. Наблюдательныхъ комитетовъ боятся всѣ, потому что въ Калифорніи одинъ такой комитетъ повѣсилъ даже судью за то, что послѣдній неохотно вѣшалъ преступниковъ. Понятное дѣло, что при такомъ упрощенномъ судопроизводствѣ, мошенники считаютъ за благо удалиться подалѣе; поэтому даже въ пустыняхъ Запада вамъ смѣются въ физіономію, если вы скажете, что въ Европѣ убѣждены, будто бы и въ большихъ городахъ Америки никто

не ходитъ иначе какъ съ револьверомъ въ карманѣ. Съ водвореніемъ спокойствія мало по малу число честныхъ колонистовъ увеличивается, а разъ число населенія превзошло 30,000, оно имѣетъ право созвать учредительное собраніе, сочинить конституціи и просить конгрессъ образовать новый штатъ. Образованіе отдѣльнаго штата представляетъ огромныя выгоды, потому что тогда можно издавать для себя какіе угодно законы, избирать судъ и администрацію, имѣя весьма не стѣснительную связь съ центральнымъ правительствомъ въ Вашингтонѣ. Штатъ посылаетъ туда сенаторовъ и депутатовъ, тогда какъ территоріи имѣютъ только делегатовъ.

Впрочемъ, и территоріи пользуются значительною долею самостоятельности, централизація противна американцамъ; отъ этого такія отдаленныя и суровыя мѣстности, какъ всѣ земли по обѣ стороны Скалистыхъ горъ, быстро и безъ затрудненія превращаются въ цвѣтущія, образованныя поселенія. Гдѣ десять лѣтъ назадъ были форты или индѣйскія кочевья, теперь выстроились города. Правда постройка ихъ не совсѣмъ прочна, и часто городъ, прогремѣвъ два-три года, бросается жителями и переносится на другое мѣсто; многіе, однако, пункты уже опредѣлились окончательно по важности своего географическаго положенія. Одинъ изъ такихъ городъ — Чайенъ, главный въ Айомингѣ. Имя этого города происходитъ отъ испорченнаго французскаго слова chien (собака), — названіе однаго индѣйскаго племени. Около Чайена разгуливаютъ еще быстроногія антилопы, вдали видны отроги Скалистыхъ горъ, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Возвышенная мѣстность — 6041 футовъ надъ моремъ, дѣлаетъ климатъ Чайена пресквернымъ, не видно ни одного дерева, ни одной пашни; но, всего имѣющій 3000 жителей, городъ растетъ по часамъ; въ немъ съ основанія (въ 1867 г.) дѣйствуетъ почта, телеграфъ; затѣмъ устроено нѣсколько школъ, церквей, театръ, водопроводы, издаются газеты, получающія ежедневно телеграмы изъ Европы, работаютъ фабрики; отсюда начинается важная линія желѣзной дороги на Денверъ въ Колорадо, и далѣе къ Новой Мексикѣ, съ одной стороны, и Миссури — съ другой. За Чайеномъ начинается очень быстрый подъемъ въ гору, болѣе чѣмъ по 50 футовъ на милю. Приходится пересѣкть хребетъ Скалистыхъ горъ. Какой-то шутникъ давно замѣтилъ, что въ «Скалистыхъ горахъ нѣтъ ни горъ ни скалъ». Это очень вѣрно по отношенію къ тому пункту, гдѣ проведена желѣзная дорога. Хотя абсолютная высота пути надъ океаномъ чрезвычайно велика, но постепенный подъемъ, начиная еще отъ Чика-

го, на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, дѣлаетъ, что поѣздъ достигаетъ вершины перевала совершенно незамѣтно для путешественника. Нѣтъ ни стремнинъ, ни глубокихъ ущелій, только въ такъ называемой Гранитъ-Каньонѣ полотно идетъ въ громадной разсѣлинѣ въ скалѣ. Скалы эти изъ сѣраго гранита, вывѣтрившагося отъ дѣйствія атмосферы и принявшаго причудливыя формы большихъ просфоръ и пироговъ.

Перевалъ напоминаетъ скорѣе плато и такъ какъ вѣтеръ гуляетъ свободно, то для защиты пути отъ снѣга построенъ почти непрерывный рядъ галлерей. Галлереи эти представляютъ срубы призматической формы, забранные толстыми досками. Самый высшій пунктъ перевала находится около станціи Шерманъ на высотѣ 8212 футъ, т. е. приблизительно около высоты перевала по военно-грузинской дорогѣ, но какая разница впечатлѣнія! Въ то время когда на Кавказѣ восторгъ невольно овладѣваетъ туристомъ, въ Скалистыхъ гарахъ безъ барометра въ рукѣ нельзя догадаться, что находишься на такой страшной высотѣ, которая на 42 фута выше самой высокой точки, достигаемой мулами на Сенъ-Бернарѣ. Воздухъ конечно, сухъ и рѣзокъ, хотя вообще въ Америкѣ воздухъ очень сухъ, и особенно въ преріи. Каждый путешественникъ замѣчаетъ на себѣ невольно вліяніе сухаго воздуха въ физіологическихъ отправленіяхъ: почки чрезвычайно замедляютъ свою дѣятельность, а легкія, наоборотъ, ее усиливаютъ. При оставленіи Америки происходитъ обратное явленіе, отражающееся обыкновенно на здоровьи. Нѣсколько приземистыхъ и искривленныхъ березокъ, вѣтви которыхъ служатъ мѣстомъ погребенія для умершихъ индѣйцевъ, очень мало оживляютъ Скалистыя горы, вообще имѣющія замѣчательно унылый и безжизненный видъ; говорятъ впрочемъ, что здѣсь возможно скотоводство, а рѣчки и ручьи богаты рыбою.

Отъ Шермана путь снова быстро опускается къ знаменитой равнинѣ Ларами и тутъ черезъ рѣчку Даль проведенъ замѣчательный по конструкціи деревянный мостъ въ 560 футовъ длины и 125 футовъ высоты. Этотъ мостъ издали кажется сдѣланнымъ изъ спичекъ; таковы всѣ мосты по Тихо-океанской дорогѣ, хотя поѣзды летятъ по нимъ съ полною скоростью. Нѣсколько далѣе встрѣчается городъ Ларами. Хотя онъ существуетъ всего восемь лѣтъ, но имѣетъ уже «Институтъ Айоминга» и литературное общество съ классическою библіотекою. Мѣстная газета сообщила мнѣ, что въ городѣ и его окрестностяхъ свирѣпствуетъ оспа, и я боялся высунуть носъ изъ вагона. Дороговизна въ

этихъ мѣстахъ страшная: стаканъ пива стоитъ 25 центовъ (38 коп.), стаканъ чаю—тоже самое, а послѣдній пить не вредно, потому что, не смотря на іюнь мѣсяцъ, ночью въ вагонахъ было очень холодно и намъ даже предлагали затопить печь.

Къ утру открылась у Гринъ-Риверъ мѣстность еще болѣе суровая, пустынная и безжизненная, чѣмъ въ восточной части Айоминга. Совершенно безплодная почва покрыта щелочнымъ налетомъ, горы изъ глинистаго сланца и краснаго конгломерата имѣютъ самую странную форму. Разрушаясь отъ дѣйствія воды, онѣ получаютъ разнообразныя формы, очень напоминающія издали башни, развалины замковъ и укрѣпленныхъ городовъ. Одна гора поразительо похожа на чайникъ. Тутъ впервые намъ, вмѣсто негровъ или нѣмокъ, прислуживали за столомъ китайцы въ бумазейныхъ блузахъ съ длинными косами, въ которыя вплетено еще порядочное количество черныхъ лентъ. Китайцы убѣждены, что ихъ будутъ тащить въ царствіе небесное за косу, потому стараются имѣть ее по возможности длинною. Зеленая рѣка можетъ считаться границею китайской эмиграціи, которая какъ волна затопила бы западъ Америки, если бы американцы, напуганные необычайнымъ трудолюбіемъ, терпѣніемъ и бережливостью китайцевъ, рядомъ съ самыми противостественными пороками, не клали всевозможныхъ затрудненій для китайской эмиграціи. Общественное мнѣніе требуетъ еще болѣе серьезныхъ ограниченій для этого переселенія. На желѣзной дорогѣ китайцы служатъ рабочими и неприхотливая жизнь ихъ въ нетопленныхъ балаганахъ не должна быть очень пріятна въ подобной мѣстности среди покрытыхъ снѣгомъ горъ; даже близь станціи желѣзной дороги, Пидемонтъ, не смотря на жаркую лѣтнюю пору, лежалъ никогда не тающій снѣгъ. Очень много снѣга также около Аспена, гдѣ путь подымается снова до 7,500 футовъ. Почва, покрытая солончаками, должна еще болѣе задерживать таяніе снѣга. Вмѣстѣ съ суровостью климата тутъ и у колонистовъ физіономіи дѣлаются какъ-то особенно грубыми и непривѣтливыми, хотя на станціяхъ вездѣ замѣтна примѣрная опрятность. Прибавимъ, что въ числѣ блюдъ подаются жареныя антилопы, а забавою для пассажировъ служатъ содержимыя въ клѣткахъ мѣстныя дикія кошки. Другою забавою служатъ индѣйцы.

Въ Эванстонѣ, городкѣ замѣчательномъ своими угольными рудниками и доменными печами, я, наконецъ, увидѣлъ собственными глазами краснокожихъ. Какая жалкая раса! Взрослые сидѣли смирно

въ тупой апатіи, молодыя дѣвушки назойливо предлагали намъ показать свое искусство стрѣлять въ цѣль. Это развлеченіе потомъ повторялось почти на каждой большой станціи. На палкѣ въ щель укрѣпляется мелкая пятицентовая монета, и толпа индѣйскихъ дѣвушекъ по очереди старается сбить ее шаговъ за пятьдесятъ изъ лука. Такъ какъ стрѣляютъ индіянки очень мѣтко, то нѣсколько долларовъ весьма скоро уходятъ изъ кармановъ пассажировъ. Фигурою краснокожіе напоминаютъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ и теорія, производящая индѣйцевъ изъ Азіи, имѣетъ, кажется, солидныя основанія. Кожа у индѣйцевъ не красная, а желто-бронзовая, волоса черные, прямые, хорошо «населенные», скулы очень широкіе; выраженіе коварное, осанка нѣсколько неуклюжая. Мужчины—отличные охотники и, говорятъ, замѣчательные ораторы. Краснорѣчіе многихъ индѣйскихъ вождей, прозвища которыхъ обыкновенно такъ неприличны, что развѣ могутъ быть переданы по-латыни, славится во всей Америкѣ. Эти вожди не стѣснялись произносить длинные спичи передъ аудиторіей въ тысячи человѣкъ въ Филадельфіи и Нью-Іоркѣ. Женщины менѣе развиты, но за то болѣе трудолюбивы, индѣйцы не считаютъ ихъ почти человѣческими существами и третируютъ какъ домашнюю скотину. Бываютъ впрочемъ, и исключенія. Здѣсь, какъ и вездѣ, разыгрываются романы, героями которыхъ бывали даже американскіе офицеры.

Число индѣйцевъ постоянно уменьшается; еще въ концѣ прошлаго столѣтія ихъ насчитывали около милліона, а теперь едва ли наберется въ Соединенныхъ Штатахъ триста тысячъ. Такое истребленіе зависитъ отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ главная — неспособность краснокожихъ подчиняться условіямъ современной цивилизаціи. При большихъ усиліяхъ удалось превратить въ земледѣльцевъ не болѣе 25,000 индѣйцевъ, населяющихъ такъ называемую Indian Territory. Эти земледѣльцы не богаче нашихъ евреевъ-колонистовъ на югѣ Россіи. Остальная часть краснокожихъ не дошла даже до пастушескаго образа жизни и питается исключительно охотой. Такъ какъ серьезнымъ предметомъ охоты былъ только бизонъ, а послѣдній быстро исчезаетъ, то понятно, что индѣйцы вѣчно голодаютъ, питаясь кореньями, червями и всякою дрянью. Американцевъ нерѣдко упрекаютъ въ безсердечіи по отношенію къ краснокожимъ, но едва ли справедливо. «Нація, которая обѣдаетъ въ пять минутъ и строитъ по двѣ мили желѣзной дороги въ одни сутки, говоритъ Макри, не въ состояніи ждать сто лѣтъ, пока индѣецъ умоетъ рыло и надѣнетъ панталоны». Главное затрудненіе

состоитъ въ томъ, что для охоты 300,000 индѣйцамъ нужна территорія, которая легко можетъ прокормить, при трудѣ земледѣльческомъ, сто милліонное населеніе. Земли постепенно колонизируются европейскою эмиграціею и индѣйцы невольно оттѣсняются далѣе и далѣе, къ границамъ Канады и Мексики.

Американское правительство защищаетъ еще всячески краснокожихъ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ. Оно признаетъ ихъ юридическое право на землю, потому взамѣнъ занятой колонистами, отведены индѣйцамъ такъ называемые кантоны (заповѣдныя земли) по рѣкамъ, куда бѣлые не имѣютъ права входить. Кромѣ того, индѣйцамъ платится ежегодный откупъ провизіей, полосатыми одѣялами, старыми солдатскими штанами и проч. предметами. Пользы отъ этого мало. Провизію индѣйцы сейчасъ же буквально пожираютъ, земледѣльческія орудія, сѣмена и тому подобное пропиваютъ, только одѣяла и штаны они сохраняютъ и носятъ, причемъ у послѣднихъ ради удобства вырѣзываютъ всю заднюю часть. Полагая примѣромъ вождей пріохотить индѣйцевъ къ осѣдлой жизни, американское правительство построило было въ заповѣдныхъ дачахъ много домовъ, но это ни къ чему не повело. Диксону разсказывалъ одинъ агентъ по индѣйскимъ дѣламъ слѣдующій забавный анекдотъ. Агентъ построилъ краснокожему вождю казенный домъ. Пріѣхавъ черезъ мѣсяцъ, онъ видитъ, что вождь продолжаетъ жить около дома въ шалашѣ. На вопросъ удивленнаго агента, вождь спокойно отвѣчалъ:

— Жить въ домѣ хорошо для лошадей, а не для человѣка.

Агентъ заглянулъ въ окно и дѣйствительно увидалъ въ столовой лошадь, которая философски жевала сѣно.

Любовью индѣйцевъ къ чистому воздуху хорошо воспользовались желѣзно-дорожныя компаніи въ степи. Дабы дикари не портили пути, ихъ убѣдили, что дорога выстроена собственно для нихъ, въ доказательство чего дали имъ право ѣздить даромъ, подъ условіемъ садиться внѣ вагона, на платформѣ. Этимъ правомъ индѣйцы пользуются охотно и я часто видѣлъ индѣйцевъ съ толпою грязныхъ оборванныхъ женъ, путешествовавшихъ отъ одной станціи до другой и развлекавшихся полезной охотой въ волосахъ, которую человѣчество унаслѣдовало еще отъ обезьянъ. Конечно не всегда къ индѣйцамъ такъ снисходительны. Многіе жалобы ихъ на бѣлыхъ справедливы: не такъ давно напримѣръ, открылось что главное индѣйское управленіе въ Вашингтонѣ украло весь «индѣйскій фондъ»—запасный капиталъ въ нѣсколько милліоновъ

долларовъ. Воровство начато было еще при президентѣ Бухананѣ и и состояло въ замѣнѣ солидныхъ процентныхъ бумагъ различными не имѣющими цѣны акціями на туже номинальную сумму. Провизія, которая доставляется индѣйцамъ, также не всегда бываетъ свѣжая. Эти злоупотребленія заставили въ 1876 г. конгрессъ изъять индѣйскія дѣла изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и подчинить ихъ военному министру. Подобная комбинація, говорятъ, впрочемъ, сдѣлана вовсе не съ гуманною цѣлью, а чтобы поскорѣе разъ на всегда покончить съ индѣйскимъ вопросомъ, т. е. съ индѣйцами. Не вѣрится, чтобы американцы, отличающіеся терпѣніемъ и добродушіемъ, имѣли такіе гнусные замыслы. Во всякомъ случаѣ, раньше или позже индѣйцы должны исчезнуть непремѣнно и филантропы не сократятъ этого срока ни на одинъ день. Бизона развести между линіями желѣзныхъ дорогъ невозможно, а безъ этого животнаго нѣтъ средствъ спасти индѣйцевъ. Сами краснокожіе предчувствуютъ свою участь, меланхолически повторяя: «Не будетъ бизона—не будетъ индѣйца».

Эвастонъ находится уже въ территоріи Ютахъ—интересномъ царствѣ мормоновъ, о которомъ ходятъ въ Европѣ такіе фантастическіе разсказы.

XI.

Территорія Ютахъ.—Огденъ.—Великое Соленое озеро.—Дезеретъ.—Мормонскіе нравы.—Бригамъ Юнгъ, мое знакомство съ нимъ.—Полигамія.—Достопримѣчательности Города Соленаго озера.—Отъѣздъ.

Съ чувствомъ внутренняго удовольствія вступилъ я на мормонскую территорію, которая недавно еще была почти недоступна туристамъ и извѣстна только по весьма пристрастнымъ и недобросовѣстнымъ описаніямъ разныхъ путешественниковъ, которые считали долгомъ полемизировать противъ мормонизма, какъ будто бы это ученіе, основанное на наивномъ убѣжденіи и преклоненіи передъ авторитетомъ, имѣетъ какіе либо серьезные шансы успѣха въ нашъ скептическій и либеральный вѣкъ. Сами американцы, по крайней мѣрѣ, въ массѣ, проникнутой извѣстнымъ филистерствомъ, относятся съ замѣтною ненавистью къ мормонамъ и не желаютъ отдать имъ справедливости даже въ тѣхъ случаяхъ, когда очевидность, можно сказать, дѣлаетъ споръ празднымъ.

Ютахъ или мормонская территорія образуетъ географически нѣчто совершенно отдѣльное на американскомъ материкѣ: здѣшнія рѣки не принадлежатъ ни къ какому морскому бассейну и впадаютъ въ Великое Соленое озеро, образующее родъ внутренняго моря. Доступъ къ Ютаху затрудненъ цѣпями горъ, тѣснины которыхъ были укрѣпляемы въ 1857 г. мормонами противъ ожидавшагося нападенія союзныхъ войскъ. Оставивъ за собою хорошо обработанную и населенную мормонами болотистую долину Медвѣжьей рѣки, рельсовый путь помощью длиннаго тоннеля входитъ въ Эхо-Каньонъ, длинное очень живописное ущелье. Полотно дороги вьется по утесамъ, а внизу видна прежняя почтовая дорога, такъ называемый «путь вагоновъ», потому что въ Америкѣ, по-

чему — неизвѣстно, кареты называются «вагонами», а вагоны «каретами». Эта дорога есть тропа, по которой въ 1846 году мормоны, покинувъ Науну въ Иллиноѣ, гдѣ были убиты основатели ихъ секты, Іосифъ и Гирамъ Смиты, и, перебравшись послѣ многихъ и безпримѣрныхъ испытаній черезъ большія преріи, достигли, какъ казалось сектаторамъ, обѣтованной земли, прозванной Дезеретомъ. Ютахъ принадлежалъ въ то время Мексикѣ; каково же было разочарованіе мормоновъ, когда послѣдняя черезъ два года уступила эту область во владѣніе Соединенныхъ Штатовъ, и мормоны снова возвратились невольно въ свое неблагодарное отечество. Они долгое время не признавали правительственной власти Союза и уступили только силѣ. Съ тѣхъ поръ Дезеретъ получилъ названіе Ютаха, по имени кочевавшихъ по близости индѣйцевъ, а въ городѣ Соленаго озера засѣлъ губернаторъ, назначенный изъ Вашингтона.

Конечно, мормоны кричатъ объ угнетеніи, но американскій губернаторъ очень мало напоминаетъ персидскаго сатрапа или французскаго префекта. Это — джентльменъ, который сидитъ по цѣлымъ днямъ, задравши ноги, въ своей конторѣ и, посвистывая, соображаетъ какое нибудь дѣльце, въ видѣ выпуска акцій несуществующаго рудника; подчиненной администраціи у него почти никакой нѣтъ и власть его ограничивается правомъ veto по нѣкоторымъ законодательнымъ вопросамъ и правомъ созыва милиціи, чего онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлать никогда не рѣшится, ибо это значило бы дать оружіе въ руки самихъ мормоновъ.

Эхо-Каньонъ отличается скалами изъ разрушеннаго атмосферическими водами песчанника, самаго страннаго вида, называемыхъ здѣсь Castle-rock; одна гора напоминаетъ церковь (Cathedral Rock), другая повисла надъ пропастью (Hanging Rock), третья торчитъ какъ высокій маякъ и называется Sentinel Rock. Скалы принимаютъ разнообразныя и неожиданныя формы: кухонной посуды, бутылокъ, иглъ, обелисковъ, надгробныхъ памятниковъ; причудливѣе всѣхъ гора Pulpit, похожая издали на голову извѣстнаго египетскаго сфинкса. Въ такъ называемомъ Cliffs of Echo Canon скалы навалены одна на другую, точно ихъ кто просыпалъ сверху изъ мѣшка; дичь вокругъ страшная. Станція Эхо, около городка того же имени — въ Америкѣ каждое поселеніе, хотя бы въ немъ былъ десятокъ домовъ, непремѣнно называется городомъ—служитъ раздѣльнымъ пунктомъ между двумя ущельями. Далѣе начинается самая красивая часть Ютаха и дороги Union Pacific, такъ называемый Веберъ-Каньонъ.

Въ Эхо я былъ свидѣтелемъ трогательной семейной сцены. Наша спутница, миссъ Уарренъ, равнодушная, какъ всѣ женщины, къ видамъ природы, преспокойно заснула; дверь вагона внезапно отворилась, въ нее ворвался пожилой офицеръ и принялся цѣловать миссъ, которая, съ просонку ничего не понимая, крѣпко перепугалась. Это оказался папаша, выѣхавшій на встрѣчу за нѣсколько станцій къ своей дочери, полковникъ Уарренъ, командующій войсками въ Ютахѣ. Онъ благодарилъ насъ за услуги, оказанныя въ пути его чаду, просилъ посѣтить ихъ военное поселеніе, а пока сдѣлался нашимъ чичероне въ замѣчательномъ ущельи, которое напоминаетъ отчасти знаменитое Дарьяльское ущелье на Кавказѣ. При входѣ стоитъ высокая сосна: надпись на ней объясняетъ, что отсюда ровно 1,000 миль до Омахи. Ущелье постепенно съуживается, дорога представляетъ рядъ крутыхъ кривыхъ, мостовъ и тоннелей; въ иныхъ мѣстахъ утесы совершенно отвѣсны и исчерчены перпендикулярными полосами; надъ головою тянется непрерывная цѣпь снѣговыхъ вершинъ Уазача, а внизу, съ шумомъ, несется черезъ пороги мутными струями рѣка Веберъ. Одно изъ курьезнѣйшихъ мѣстъ ущелья, такъ называемый «Чертовъ спускъ»—двѣ отвѣсныя бѣлыя стѣны, образованныя выходами бѣлаго известняка среди темно-красной породы; издали кажется, будто бы это дѣло рукъ человѣческихъ, такъ чисто и гладко пространство между стѣнками. Еще интереснѣе «Чертовы ворота»: вода бьетъ здѣсь водопадомъ, а поѣздъ несется по страшнымъ крутизнамъ, открывая каждую минуты новые величественнные виды. Объ этихъ «Чертовыхъ воротахъ» одинъ мормонскій острякъ (есть таковые и въ Ютахѣ) сказалъ, въ видѣ эпитафіи похороненной здѣсь старухѣ, что «никогда не нужно отчаяваться, ибо душа мистриссъ Тоддъ была спасена даже въ «Чертовыхъ воротахъ!» Быстро спускаясь изъ этой трущобы, желѣзно-дорожный путь мало-по-малу выходитъ въ открытую равнину, по которой черезъ нѣсколько минутъ достигаетъ города Огдена.

Огденъ уже чисто мормонскій городъ; на станціи желѣзной дороги продаются мормонскія книги, газеты и фотографіи, у каждаго служащаго по двѣ и по три жены—чистенькія мистрисъ, довольно нарядно одѣтыя—и множество дѣтей; различныя промышленныя заведенія также принадлежатъ мормонамъ. Городъ расположенъ довольно красиво у подножія громадныхъ горъ и имѣетъ особое значеніе, потому что тутъ оканчивается Соединительная тихо-океанская дорога и начинается Центральная тихо-океанская, идущая непрерывно до Санъ-Франциско.

Огденъ обстраивается очень быстро, но земля вокругъ еще, за недостаткомъ рукъ, по большей части не воздѣлывается. Здѣсь безъ ирригаціи за отсутствіемъ дождей ничего не ростетъ, а орошеніе всей обширной долины потребовало бы огромнаго капитала. Городъ Соленаго озера отстоитъ отъ Огдена въ $36^1/_2$ миляхъ и приходится пересаживаться въ желтые вагоны Ютахъ-центральной желѣзной дороги, которая ведетъ въ священный городъ мормоновъ. Послѣ элегантнаго общества спальныхъ вагоновъ, публика мормонской дороги показалась мнѣ нѣсколько грубоватою, зато мѣстность, по которой проведенъ путь, восхитительна.

Съ одной стороны тянулась, освѣщенная лучами заходящаго солнца, гладкая поверхность озера съ его извилистыми очертаніями и высокими гористыми островами, съ другой—покрытая вѣчнымъ снѣгомъ, цѣпь горъ Уазачъ, гдѣ видны устья штолень многочисленныхъ каменноугольныхъ рудниковъ; долина же, помощью ирригаціи, обращена въ непрерывный рядъ роскошныхъ пашень, огородовъ и фруктовыхъ садовъ. Богатыя и цвѣтущія фермы попадаются на каждомъ шагу. Необыкновенная прозрачность воздуха еще усиливаетъ впечатлѣніе, открывая взору далекія пространства. Великое Соленое озеро имѣетъ воду на столько богатую солью (22 проц. солей), что въ этомъ озерѣ нельзя потонуть; зимою оно не замерзаетъ, но уровень его колеблется сообразно съ таяніемъ снѣговъ въ горахъ; индѣйцы увѣряютъ еще, что каждый періодъ въ 24 года поверхность озера или повышается или понижается ежедневно на одинъ футъ. Причина подобнаго страннаго геологическаго явленія неизвѣстна. Приближаясь ближе къ озеру, замѣчаешь не совсѣмъ пріятный сѣрный запахъ; окружающая мѣстность вообще богата сѣрными ключами, иногда горячими. Озеро поражаетъ своею безжизненностью, мормоны, впрочемъ, оживляютъ его нѣсколько, плавая въ лодкахъ и пароходахъ.

За станціей Центрвиль число мормонскихъ фермъ постепенно увеличивается и поѣздъ останавливается, наконецъ, у города, который очень напоминаетъ наши кавказскія штабъ-квартиры, въ родѣ Чиръ-Юрта, Хасавъ-Юрта и т. п.: улицы обсажены деревьями, повсюду проведена вода, текущая отъ уклона почвы съ шумомъ, бѣлые домики утопаютъ въ зелени. Множество цвѣтниковъ и огородовъ очень украшаютъ городъ. Нѣкоторыя улицы, однако, съ наплывомъ «язычникомъ», т. е. немормоновъ, послѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, совершенно пріобрѣли характеръ европейскій. Дома на этихъ улицахъ въ четыре и

шесть этажей; магазины, устроенные часто на кооперативномъ началѣ, снабжены — чѣмъ угодно, а многочисленные кафе и рестораны открыты всю ночь. Въ одномъ изъ послѣднихъ я насчиталъ 12 билліардовъ, — роскошь, которую не найдешь, пожалуй, и въ нашей столицѣ. Само собою разумѣется, что улицы освѣщены газомъ, по нимъ ходятъ вагоны конно-желѣзныхъ дорогъ, запряженные мулами, а со станціи желѣзной дороги пассажировъ перевозятъ въ гостинницу особые дилижансы. Отелей нѣсколько; лучшій изъ нихъ Walker House, своимъ устройствомъ и положеніемъ, съ видомъ прямо на цѣпь снѣжныхъ вершинъ Уазача, поспорящій съ отелями Интерлакена въ Швейцаріи; но туристы предпочитаютъ останавливаться въ Townshend House—маленькой гостинницѣ, содержимой однимъ изъ апостоловъ мормонской церкви; тамъ за столомъ прислуживаютъ три жены Тоушенда, подавая примѣръ трогательнаго единодушія и простодушія для тѣхъ, кто во всѣхъ дѣйствіяхъ мормоновъ видитъ только притворство и наглую хитрость. При такихъ удобствахъ нѣтъ сомнѣнія, что Городъ Соленаго озера по красотѣ, богатству и здоровому климату сдѣлается очень скоро однимъ изъ лучшихъ городовъ въ Америкѣ; онъ существуетъ, между тѣмъ, менѣе тридцати лѣтъ.

Я пріѣхалъ вечеромъ и, устроившись въ гостинницѣ, немедленно со своими спутниками пошелъ бродить по городу. Звуки оркестра привлекли наше вниманіе. Мы увидѣли большое зданіе, ярко освѣщенное, съ раскрытыми по случаю жары дверями и окнами. Это оказался залъ въ мормонскомъ дѣвичьемъ пансіонѣ. Изъ зрителей мы немедленно превратились въ гостей, гостепріимство всегда священно въ пустынѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я уже танцовалъ съ мормонскими дѣвицами кадрили. Въ промежутокъ между танцами мы гуляли по аллеямъ изъ бѣлой акаціи вокругъ квартала, наслаждаясь прекрасною звѣздною ночью. Я бесѣдовалъ съ барышнями, перелагая въ прозу извѣстные стихи г. Фета, а самъ, вспоминая, что до Россіи тысячъ десять верстъ, думалъ: «Заноситъ же иногда судьба человѣка чортъ знаетъ куда и зачѣмъ»... Мормонки, какъ и другіе американцы, конечно, спрашивали меня, очень ли мнѣ нравится ихъ страна, на что я могъ только восклицать: splendide и beautiful! къ ихъ совершенному удовольствію, ибо нѣтъ народа болѣе самолюбиваго на этотъ счетъ, какъ американцы, гдѣ бы они ни находились и какую бы религію ни исповѣдовали.

Сдѣлавъ поутру визиты, отдавъ рекомендательныя письма и выпивъ соотвѣтственно числу ихъ количество «дринковъ», я отправился въ свя-

тилище мормоновъ «Табернакль» и на квартиру къ Бригамъ - Юнгу, помѣщающіяся рядомъ, потому что новый отличный домъ Юнга Amelia-Palace, еще не совсѣмъ готовъ. «Табернакль» или храмъ мормоновъ, въ сущности, состоитъ изъ трехъ храмовъ. Первый изъ нихъ, видомъ и величиною напоминающій овинъ — первоначальный храмъ; другой состоитъ изъ громаднаго каменнаго фундамента, куда пошло уже на милліонъ долларовъ тесаннаго сѣраго гранита—это будущій храмъ въ фантастическо - готическомъ стилѣ, окончаніе котораго предвидится очень не скоро, наконецъ, третіе зданіе и есть настоящій храмъ, хотя считается временнымъ. Оно представляетъ деревянное строеніе въ видѣ половины гигантскаго яйца, опирающагося на многочисленныхъ колоннахъ. Такое устройство купола слѣдуетъ перенять для устройства концертныхъ залъ: каждый щелчокъ въ храмѣ раздается съ трескомъ и слышенъ во всѣхъ углахъ; понятенъ поэтому эффектъ великолѣпнаго органа, занимающаго цѣлую стѣну. Зала, выкрашенная бѣлой краской, украшена флагами, гирляндами и надписями, поднесенными школами Дезерета по случаю истекшаго 25-лѣтія основанія города. Посреди залы бьетъ фонтанъ съ водою, которую пьютъ во время службы, что составляетъ родъ мормонскаго таинства. Затѣмъ устройство храма самое простое; для массы публики обыкновенныя деревянныя скамьи въ партерѣ; для апостоловъ Юнга кресла, разставленныя амфитеатромъ подъ органомъ, а для самаго пророка разорванный диванчикъ, обитый ситцемъ, передъ которымъ стоитъ столикъ и огромная плевальница. Женщины сидятъ по серединѣ залы, мужчины по бокамъ. Священнодѣйсвіе состоитъ изъ пѣнія гимновъ, сочиненныхъ по большой части мормонской поэтессой, старой и уродливой Э. Сноу, и изъ проповѣди, въ которой каждый можетъ принять участіе Самъ Юнгъ охотнѣе всего говоритъ о догматѣ многоженства. «Язычники» допускаются въ храмъ совершенно свободно. Нѣсколько стариковъ поддерживаютъ его въ замѣчательной опрятности. Вмѣстѣ съ прочими строеніями Табернакль занимаетъ цѣлый кварталъ, окруженный стѣною, обсаженною снаружи рядами акацій и эйлантусовъ. У воротъ находится контора, гдѣ туристамъ предлагаютъ книгу для записки своихъ именъ; я нашелъ тутъ росписки бразильскаго императора и президента Гранта, а изъ русскихъ литераторовъ подпись г. Ровинскаго.

По той же Temple - Street, лучшей улицѣ въ городѣ, находится «Семейный домъ» Бригамъ-Юнга, превозглашеннаго послѣ убійства основателя мормонизма Смита президентомъ и твердо держащаго съ тѣхъ

поръ бразды правленія *); неограниченная власть президента составляетъ одно изъ основаній мормонской религіи, власть эта сильнѣе, чѣмъ власть непогрѣшимаго папы и я полагаю, что она гораздо скорѣе будетъ причиною раскола и распаденія въ мормонской общинѣ, чѣмъ догматъ многоженства, на который болѣе всего указываютъ публицисты, въ томъ числѣ и американскіе.

Сераль Юнга носитъ названіе «Львинаго дома», потому что на фасадѣ одного изъ главныхъ флигелей желтаго цвѣта изсѣченъ изъ камня лежащій левъ. Это собраніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ строеній окруженное съ четырехъ сторонъ высокою булыжною стѣною съ коническими столбами, нѣсколько напоминающей наши монастырскія ограды. Тутъ помѣщаются жены Юнга; ихъ число достигаетъ восемнадцати, не считая такъ называемыхъ «духовныхъ женъ», которыя не болѣе какъ разныя старушки-ханжи, надоѣдающія пророку своимъ ухаживаніемъ. Молва, конечно, приписываетъ Юнгу несчетное число женъ и злые языки разсказываютъ даже, что когда ему прижарятъ жаркое, то онъ немедленно отправляется въ городъ и привозитъ себѣ новую жену, которой и поручаетъ хозяйство. На дѣлѣ Юнгъ вовсе не живетъ какъ турецкій султанъ въ кругу одалисокъ: жены его имѣютъ по большей части отдѣльныя хозяйства, нѣкоторыя живутъ даже за городомъ на фермахъ. Затѣмъ, для этихъ женъ существуетъ во всемъ полнѣйшая свобода, онѣ усердно посѣщаютъ модные магазины, театръ и принимаютъ визиты. Такъ же легко видѣть самого Юнга. По обычаю всѣхъ дѣловыхъ американцевъ, онъ имѣетъ «оффисъ» въ нижнемъ этажѣ одного изъ своихъ домовъ, гдѣ устроена телеграфная станція; здѣсь каждый утромъ можетъ видѣть пророка, передавая только длиннозубому секретарю свою карточку.

Пріемная комната—довольно большой кабинетъ, дверь котораго отворена на улицу. Кабинетъ украшается портретами главнѣйшихъ мормонскихъ дѣятелей, большими часами, барометромъ, объявленіями по стѣнамъ и толстыми книгами на полкахъ, вѣроятно конторскими, такъ какъ Юнгъ учредитель и членъ совѣта многочисленныхъ предпріятій въ Ютахѣ: желѣзно-дорожныхъ, банковыхъ, рудничныхъ и т. п. Послѣ минутнаго ожиданія къ намъ вышелъ высокій и плотный старикъ, сѣдой, въ черномъ длинно поломъ сюртукѣ съ отложнымъ воротникомъ. Физіономія Юнга не совсѣмъ пріятна: большія уши, сжатыя губы, какъ

*) Это было писано до кончины Юнга, послѣдовавшей въ 1877 году.

то кривящіяся въ бокъ при улыбкѣ, нижняя губа нѣсколько выдавшаяся; зубы вставные, цвѣтъ лица мертвенно блѣдный; лицо гладко выбрито, только изъ-подъ бородка торчитъ длинная бѣлая борода, соединяющаяся съ такими же бѣлыми бакенбардами. Поправивъ во рту пальцемъ жвачку табаку, онъ пригласилъ насъ сѣсть і любезно отвѣчалъ на различные предлагаемые ему вопросы. Видя, что я интересуюсь мормонами, онъ далъ мнѣ брошюру «The Rise Progress and travels of the Church of Jesus Christ of Latter day Saints», родъ оффиціозной исторіи секты, а, узнавъ о моей спеціальности горнаго инженера, подарилъ нѣсколько образцовъ рудъ изъ окрестныхъ мѣсторожденій. Разговоръ вертѣлся на успѣхахъ мормонизма и на вѣротерпимости. Юнгъ жаловался на притѣсненія со стороны американскихъ «язычниковъ» и говорилъ, что если притѣсненія будутъ продолжаться, то онъ полагаетъ переселиться въ Аризону, угроза едва ли исполнимая, въ виду громадныхъ капиталовъ, затраченныхъ мормонами въ Ютахѣ. Я спрашивалъ Юнга, имѣетъ ли онъ поклонниковъ въ Россіи, на что онъ отвѣчалъ контръ-вопросомъ, существуетъ ли въ Россіи толерантность? На мой положительный отвѣтъ, онъ сослался на менонитовъ. Я сталъ объяснять причины ихъ эмиграціи, но Юнгъ слушалъ недовѣрчиво.

— «Охота вамъ убѣждать этого мошенника», довольно неожиданно замѣтилъ по-французски племянникъ адмирала Муррея, служившій мнѣ переводчикомъ.

Подобная фраза хорошо показываетъ взгляды истыхъ американцевъ на мормоновъ. Я любезно однако простился съ президентомъ. Въ теченіи всего разговора только разъ его физіономія приняла не совсѣмъ довольное выраженіе, когда на вопросъ: «откуда я познакомился съ полигаміей?» я невпопадъ отвѣчалъ: «Изъ книги «An Expose of Polygamy». Нужно знать, что книгу эту написала Элиза Юнгъ, одна изъ женъ пророка, имѣвшая съ нимъ довольно скандальный процессъ. Портретъ этой Элизы продается повсюду въ Городѣ Соленаго озера. На портретѣ она изображена женщиною довольно красивою и съ умнымъ выраженіемъ лица, но замѣтно пожившею.

Понятно, что для умной женщины полигамія невозможна, поэтому француженки оказывались всегда очень дурными мормонками; наоборотъ, нѣмки, поглощенныя домашнихъ хозяйствомъ, смотрящія на своихъ мужей, какъ на существа высшей породы, отлично уживаются при многобрачіи, и никакихъ жалобъ на ревность съ ихъ стороны не слышно. Все,

что писали путешественники, предубѣжденные — въ родѣ Диксона, чистѣйшая сказка. Люди болѣе беспристрастные находятъ, что пока трудъ у мормоновъ будетъ стоять на первомъ планѣ и горячая вѣра въ сердцахъ женщинъ не погибнетъ, полигамія большихъ препятствій не встрѣтитъ, исключая препятствій экономическихъ, потому что содержать нѣсколькихъ женъ и въ Ютахѣ можетъ только человѣкъ богатый. На вопросъ одного путешественника, какъ уживаются мормонки между собою, одна изъ нихъ отвѣчала: «чѣмъ насъ въ домѣ болѣе, тѣмъ намъ веселѣе». Конечно, нужно помнить, что такой отвѣтъ даютъ женщины или родившіяся въ мормонской средѣ, или взятыя изъ среды самыхъ бѣдныхъ и неразвитыхъ европейскихъ населеній, гдѣ мормонизмъ имѣетъ особый успѣхъ. Представители такихъ бѣдняковъ, переходя изъ первобытнаго нищенства къ относительной роскоши, естественно проникаются какимъ то благоговѣйнымъ и даже суевѣрнымъ уваженіе къ источнику такого превращенія, которое они наивно предполагаютъ въ догматахъ своей новой религіи.

Догматы мормоновъ не представляютъ большаго различія отъ христіанской религіи; только теогонія мормоновъ чистѣйшій вздоръ, основанный на «Библіи Нефи», будто бы написанной египтяниномъ Мормономъ; къ числу догматовъ прибавлена полигамія, названная Celestial Marriage. Прибавка эта, сдѣланная Смитомъ въ 1843 году, развита впослѣдствіи Юнгомъ. Хотя послѣдній объясняетъ ее вдохновеніемъ основателя мормонизма свыше, но охотно доказываетъ и соображеніями соціальными и физіологическими. По словамъ Юнга, въ полигаміи нѣтъ ничего противоестественнаго, потому что человѣчество тысячелѣтіе практиковало многобрачіе и до сихъ поръ большая часть населенія земного шара живетъ въ полигамическомъ бракѣ. Однобрачіе существуетъ, по его словамъ, только въ Европѣ отъ того, что Европа наслѣдовала свое право отъ римлянъ, римляне же сдѣлались защитниками единобрачія чисто случайно — произойдя отъ разбоничьей шайки, не имѣвшей достаточно женъ и даже воровавшей ихъ у сосѣдей. Что въ европейскомъ обществѣ существуетъ, однако, стремленіе къ многобрачію, показываетъ, по мнѣнію Юнга, проституція, которая будто бы немыслима въ обществахъ полигамическихъ — предположеніе, какъ извѣстно, совершенно противорѣчащее дѣйствительности. Физіологически полигамія оправдывается имъ тѣмъ соображеніемъ, подтверждаемымъ статистикою, что женщинъ всегда имѣется нѣсколько болѣе чѣмъ мужчинъ, а въ обществахъ полигамическихъ пропорція эта еще выгоднѣе въ поль-

зу женщинъ. Замѣчательно, что у мормоновъ даже число рождающихся дѣвочекъ значительно превосходитъ число мальчиковъ. Полигамія въ тѣсномъ кругу, какъ у мормоновъ, рождаетъ еще другое неизбѣжное послѣдствіе — необходимость браковъ въ близкихъ степеняхъ родства. Юнгъ, ссылаясь опять на библейскіе примѣры, идетъ въ этомъ случаѣ очень далеко.

Какъ ни странны мормонскіе догматы, какъ ни возмутительна для нашихъ европейскихъ воззрѣній мормонская мораль, въ нихъ нѣтъ однако ничего такого, что подрывало бы въ корнѣ существованіе государства. Я разумѣю это въ томъ смыслѣ, что и съ мормонскою вѣрою государство можетъ существовать развиваясь, по крайней мѣрѣ, экономически. Доказательствомъ служатъ весьма краснорѣчивыя цифры. Двадцать пять лѣтъ назадъ, территорія Ютахъ, занимающая 84 тысячи кв. мили, была пустыней, покрытой жидкой травой, мелкія индѣйскія племена буквально умирали тутъ съ голоду, питаясь чѣмъ попало. Въ настоящее время въ Ютахѣ населеніе мормоновъ не свыше 125,000 душъ воздѣлало подъ пашню 350,000 десятинъ орошенной земли, цѣнностью въ 24 милл. долларъ., и производитъ ежегодно земледѣльческихъ продуктовъ на 8 милл., горныхъ — на $6^1/_2$ милл., мануфактурныхъ и другихъ на — $3^1/_2$ милл. долларовъ. Изъ этого количества вывозится ежегодно за границу территоріи товаровъ на $9^1/_2$ милл. долларовъ. По мормонскимъ желѣзнымъ дорогамъ провозятся 9 милл. пудовъ груза, состоящаго изъ самыхъ разнообразныхъ произведеній сельскаго хозяйства, горнаго промысла и мануфактуръ. Едва ли гдѣ на земномъ шарѣ можно указать на подобное безпримѣрное развитіе благосостоянія, и мормоны въ правѣ имъ гордиться. Они приписываютъ это своей религіи. Горячая вѣра тутъ, безъ сомнѣнія, имѣла значеніе, но развѣ только въ смыслѣ стимула, который энергію и волю каждаго отдѣльнаго человѣка доводилъ до крайняго напряженія и, при помощи остроумной іерархіи, дисциплинировалъ и распредѣлялъ наивыгоднѣйшимъ образомъ.

До сихъ поръ проповѣдь мормонизма идетъ весьма дѣятельно, и каждый день эмигранты сотнями прибываютъ въ Дезеретъ, подъ руководствомъ своихъ провѣдниковъ, изъ Германіи, Норвегіи, Уэльса и др. мѣстъ. Новоприбывшихъ немедленно направляютъ внутрь страны, чтобы соприкосновеніемъ съ «язычниками» не ввести ихъ въ соблазнъ и не охладить религіозной ревности. Юнгъ распредѣляетъ колонистовъ по военному, никто не посмѣетъ ему противорѣчить. Замѣчательно, что съ особою силою распространяется мормонизмъ на Сандвичевыхъ остро-

вахъ, гдѣ онъ сдѣлался почти господствующей религіей. При мнѣ въ Городъ Соленаго озера пріѣхалъ изъ Гонолулу мормонскій епископъ. Онъ привезъ шесть женъ, хорошенькихъ каначекъ, которыхъ взялъ съ собою, не смотря на законъ, запрещающій выѣздъ женщинъ изъ Гавайскаго королевства, подъ опасеніемъ большого штрафа. Въ нашей гостинницѣ барыни эти были размѣщены по отдѣльнымъ номерамъ, но обѣдали вмѣстѣ съ нами. Если новообращенные мормоны со всѣхъ сторонъ идутъ въ Дезеретъ, то восторженные проповѣдники въ свою очередь расходятся оттуда въ разныя стороны. Въ этомъ случаѣ вліяніе Юнга необыкновенно. Стоитъ ему приказать кому-либо отправиться для проповѣди—и послушный миссіонеръ отправляется безпрекословно въ Константинополь, Стокгольмъ или Мельбурнъ, бросая свои собственныя дѣла и занятія. Индѣйцы также имѣютъ чрезвычайное уваженіе къ Юнгу и его приказаніямъ.

Нѣкоторыя наши раскольничьи поселенія могутъ дать понятіе о томъ, какъ образовались мормонскія поселенія. Кто видѣлъ, напримѣръ, что сдѣлали молокане на безплодной съ виду почвѣ Бакинской и Эриванской губерній и при этомъ еще приметъ въ разсчетъ различіе культуръ, тотъ не удивится необыкновеннымъ успѣхамъ колонизаціи около Соленаго Озера. Что мормонизмъ не только не чуждается цивилизаціи, но употребляетъ ее какъ могущественное орудіе, кромѣ мормонскихъ желѣзныхъ дорогъ и мануфактуръ, доказываютъ и многіе другіе факты. На Main Street, въ городѣ Соленаго Озера, находится университетъ съ 265 студентами, если не равняющійся своимъ европейскимъ товарищамъ, то равносильный американскимъ высшимъ школамъ, немногимъ отличающимся отъ нашихъ гимназій. Въ 1871 г. въ Ютахѣ было 268 школъ съ 368 учителями, въ которыхъ училось 8,369 мальчиковъ и 8,623 дѣвочки. Учителя получали въ сложности 78,562 доллара жалованья, или среднимъ числомъ болѣе 300 руб., причемъ мужчины вознаграждались въ два раза болѣе женщинъ. Естественно-историческій музей, завѣдуемый профессоромъ Барфутомъ, представляетъ отличную коллекцію мѣстныхъ минеральныхъ богатствъ. Затѣмъ, въ городѣ Соленаго Озера процвѣтаетъ театръ; посѣщеніе его не только не возбраняется, но даже поощряется Юнгомъ. При мнѣ въ театрѣ играла труппа изъ Санъ-Франциско и въ ложахъ можно было видѣть сливки мормонской іерархіи и множество разряженныхъ дамъ. Конечно, красивые костюмы въ странѣ, гдѣ даже коровъ пасутъ подъ зонтиками, ничего не доказываютъ,—все-таки видно, что участь мормонокъ не такая горькая, какъ изображает-

ся она въ сочиненіяхъ разныхъ памфлетистовъ. Театръ, величиною съ нашъ Михайловскій, имѣетъ шесть ярусовъ ложъ, репертуаръ его самый разнообразный.

Печать также процвѣтаетъ въ Ютахѣ. Въ Городѣ Соленаго озера, кромѣ разныхъ спеціальныхъ изданій, ежедневно выходитъ четыре политическія газеты, изъ которыхъ лучшая «Salt Lake Herald», вѣсомъ бумаги не менѣе «Голоса». Американскія газеты для меня просто загадка. Трудно повѣрить, что въ глухихъ городишкахъ выходятъ газеты въ огромный листъ, наполненныя объявленіями и ежедневно печатающія мелкимъ штрифтомъ три или четыре столбца телеграммъ изъ Европы, телеграммъ, каждое слово которыхъ стоитъ $1\frac{1}{2}$ доллара. Дѣло журналиста облегчается въ Америкѣ организаціей бюро корреспонденцій и телеграфныхъ, кромѣ того, почтовое и судебное управленія очень поощряютъ прессу. Это поощреніе состоитъ въ томъ, что каждая газета перевозится даромъ въ предѣлахъ штата, также безплатно получаетъ она по почтѣ въ обмѣнъ всѣ другія изданія; законъ съ своей стороны обязываетъ публику во множествѣ случаевъ къ публикаціямъ въ газетахъ. За то и журналисты щедро раздаютъ свои листы. Телеграммы, по мѣрѣ полученія редакціями, выставляются на улицѣ, а газета наклеивается на стѣнахъ и ее могутъ читать даромъ всѣ, у кого нѣтъ нѣсколькихъ копѣекъ для покупки номера. Весьма умное приспособленіе состоитъ также въ печатаніи изъ готоваго набора особыхъ воскресныхъ номеровъ, которые по дешевой цѣнѣ распространяются въ народѣ и положительно нѣтъ почти фермы, гдѣ не получалось бы подобнаго дешеваго изданія. Американскія газеты почти всецѣло поглощены мѣстными дѣлами, европейская политическая жизнь для нихъ болѣе предметъ курьеза, чѣмъ изученія, какъ для насъ какія нибудь политическія извѣстія изъ Японіи. О Россіи, безъ сомнѣнія, и говорить нечего. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ я нашелъ въ американскихъ газетахъ только два извѣстія о Россіи: одно о банкротствѣ двухъ чайныхъ торговцевъ въ Москвѣ, другое о пожарѣ въ Коджорахъ. Подобно нашимъ провинціальнымъ изданіямъ американцы не брезгаютъ въ газетахъ помѣщеніемъ чувствительныхъ стиховъ.

Выше я упомянулъ о пристрастномъ отношеніи американцевъ къ мормонамъ. Такъ какъ послѣдніе только нехотя признаютъ свою связь съ республикой, то союзное правительство весьма недовѣрчиво къ мормонамъ. Оно здѣсь держитъ постоянно гарнизонъ изъ шести ротъ пѣхоты, которыя помѣщаются въ Фортѣ Дугласъ, на возвышенности

верстахъ въ трехъ отъ Города Соленаго озера. Этимъ гарнизономъ и командуетъ полковникъ Уарренъ, которому я обязанъ любезнымъ содѣйствіемъ въ обозрѣніи города и его окрестностей, между прочимъ замѣчательныхъ минеральныхъ водъ Warm Spring. Кромѣ гарнизона, раздражающаго своимъ присутствіемъ мормоновъ, вашингтонское правительство стѣсняетъ послѣднихъ еще неутверждая конституцію штата, на превращеніе въ который территорія Ютахъ, заключающая уже въ четыре раза болѣе жителей, чѣмъ требуется по основному закону Соединенныхъ Штатовъ, имѣетъ полнѣйшее право. Конгрессъ не утверждаетъ конституцію подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нее не включена статья, запрещающая многоженство; на подобную статью мормоны никогда конечно не согласятся, хотя имѣть для нихъ свой штатъ было бы чрезвычайно важно, чтобы избавиться отъ управленія и суда чиновниковъ, присылаемыхъ изъ Вашингтона.

Когда не было желѣзныхъ дорогъ, въ Вашингтонѣ еще съ мормонами церемонились и Юнгъ даже былъ одно время губернаторомъ Ютаха, но теперь наступила реакція; Юнга уже два раза предавали суду, хотя и безуспѣшно, такъ какъ обвиненія были весьма шатки. Чѣмъ окончится борьба—неизвѣстно, хотя въ случаѣ торжества демократической партіи желанія Ютаха по всей вѣроятности будутъ удовлетворены, не безъ участія, впрочемъ, «всемогущаго доллара», пользоваться которымъ мормоны большіе мастера. Замѣчательно, что не смотря на религіозное воодушевленіе, мормоны и среди практическихъ и плутовыхъ американцевъ заслужили въ дѣлахъ репутацію величайшихъ пройдохъ. Такимъ образомъ, «христіане послѣднихъ дней», какъ именуютъ себя мормоны, очень мало напоминаютъ христіанъ первыхъ дней.

Такое свойство мормоновъ совершенно уничтожаетъ теорію Диксона, формулированную въ его послѣдней книгѣ «Бѣлое завоеваніе», будто бы мормонизмъ образовался какъ подражаніе краснокожихъ. Теорія эта служитъ дополненіемъ такой же фантастической теоріи того же писателя, будто бы, подъ вліяніемъ климата и почвы, американскій типъ постепенно видоизмѣняется и приближается къ типу краснокожихъ. Замѣчательно, что въ своей «Новой Америкѣ» Диксонъ высказалъ на мормонизмъ совсѣмъ другой взглядъ, гораздо болѣе близкій къ дѣйствительности. Добрыя отношенія между индѣйцами и мормонами основаны вовсе не на общности догмата полигаміи, а на гуманномъ отношеніи послѣднихъ къ краснокожимъ, которые постоянно обращаются къ Юнгу за третейскимъ судомъ.

Меня звали объѣхать мормонскіе рудники, между прочимъ «Эмму», знаменитую мошенническою продѣлкою американскаго посланника въ Лондонѣ, но я торопился въ Калифорнію и 24 іюня возвратился со своими спутниками въ Огденъ, чтобы ѣхать далѣе. Поѣздъ отходитъ къ вечеру и до наступленія ночнаго мрака проходитъ только нѣсколько станцій на сѣверномъ берегу Соленаго Озера, находящихся въ плодородной полосѣ Ютаха: Банвиль, Бригамъ, Коринна. Послѣдняя, довольно важный по торговлѣ городокъ, откуда, съ одной стороны, ходитъ пароходъ къ различнымъ пунктамъ Соленаго Озера, а съ другой—начинается почтовая дорога въ Вирджинія-Сити, снабжающая хлѣбомъ Идахо и Монтану, двѣ юныхъ территоріи, колонизируемыя рудокопами. Этотъ же путь служитъ для туристовъ, рѣшающихся, преодолѣвая многія затрудненія, посѣтить національный паркъ Іелостона — необыкновенный клочекъ земли, гдѣ водопады, гейзеры и разныя чудеса природы считаются чуть не сотнями. Проѣхавъ Соленое Озеро начинается Большая Американская пустыня, покрытая ѣдкою щелочною пылью. По срединѣ пустыни проведена граница Невады, штата, изъ котораго потекли на Европу тѣ массы серебра, грозящія теперь перевернуть вверхъ дномъ всю монетную систему.

XII.

Невада, ея серебряные рудники.—Калифорнія.—Сьера Невада и золотые розсыпи.—Сакраменто.—Санъ-Франциско.—Величайшій отель въ мірѣ.

Штатъ Невада одинъ изъ самыхъ непривлекательныхъ для туриста въ Америкѣ; сплошная пустыня тянется вдоль всего пути, и какая пустыня! Песчаная или солонцоватая, гдѣ только вода, съ трудомъ извлекаемая помощью артезіанскихъ колодцевъ, позволяетъ образовать небольшіе оазисы скудной растительности. Высокія горы и вообще огромная абсолютная высота надъ океаномъ дѣлаютъ климатъ Невады суровымъ и непріятнымъ. Эта мѣстность, конечно, надолго оставалась бы незаселенною, еслибы природа, какъ-то особенно щедрая къ Америкѣ, не снабдила Невады, взамѣнъ ея непривлекательной поверхности, богатѣйшею подпочвою. Тутъ находятся тѣ неисчерпаемыя мѣсторожденія серебряныхъ рудъ, эксплоатація которыхъ вызвала такія рѣзкія колебанія на монетномъ рынкѣ, сразу понизивъ въ іюнѣ 1876 года цѣну серебра почти на одну четверть противъ его прежней цѣны. Правда не одно богатство нѣдръ земныхъ причина подобнаго явленія. При другихъ государственныхъ и экономическихъ порядкахъ невадское серебро оставалось бы преспокойно въ почвѣ, какъ безъ сомнѣнія лежитъ оно во многихъ другихъ странахъ.

Необыкновенные результаты американскаго серебрянаго и вообще горнаго промысла зависятъ отъ чрезвычайно либеральнаго горнаго законодательства. Законодательство это очень разнообразно по мѣстностямъ, но принципы его вездѣ одинаковы. Нѣдра земли не считаются ничьею собственностью и открыты для поисковъ каждаго, не толь-

ко гражданина республики, но и желающаго сдѣлаться таковымъ; не можетъ сдѣлаться собственникомъ только китаецъ. Мѣсторожденіе принадлежитъ открывателю. Законъ ограничиваетъ однако участокъ открывателя, обязывая въ случаѣ желанія увеличить участокъ пригласить себѣ товарищей, и образовать артель. Формальности при этомъ ничтожны. Точно также, разъ заявка объ открытіи сдѣлана и работы начаты, открыватель считается собственникомъ впредь до рѣшенія, въ случаѣ спора, судомъ. Законъ понуждаетъ однако работать непрерывно и жить въ штатѣ. Полученіе отвода и пр. нисколько не задерживаютъ хода работъ. Такая же быстрота, простота и практичность господствуетъ во всѣхъ юридическихъ функціяхъ, во всѣхъ постановленіяхъ горнаго устава, которыя обработаны уже въ Америкѣ очень подробно и составляютъ замѣтную часть мѣстнаго гражданскаго права. Успѣху работъ способствуетъ еще отсутствіе налоговъ. Такъ какъ нѣдра земли считаются ничьими, то и никакихъ спеціальныхъ горныхъ податей существовать здѣсь не можетъ. Мало того, законъ въ видахъ поощренія долгое время не дозволялъ облагать горные отводы налогомъ на недвижимыя имущества, на равнѣ съ имуществами школъ, вдовъ, и др. изъятіями. Теперь отводы платятъ $^1/_2$ % въ годъ; затѣмъ небольшія гербовыя пошлины суть единственный налогъ, который несетъ горная промышленность, ворочающая громадными капиталами. Каковы ея средства, видно изъ данныхъ о горной производительности. Только добыча драгоцѣнныхъ металловъ, и то къ западу отъ р. Миссури, въ 1875 году составляла въ сложности 76.703,413 долларовъ, изъ которыхъ приходилось на Неваду 40.478,369 долларовъ, Калифорнію 17.753,151 д., Колорадо 6.299,817 д., Ютахъ 5.687,494 д., Монтану 3.573,609 дол. и т. д. Такая цифра, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза превосходитъ добычу драгоцѣнныхъ металловъ въ Россіи, существующую уже непрерывно свыше полутораста лѣтъ.

Серебряные рудники попадаются въ Невадѣ на каждомъ шагу и всѣ города по желѣзной дорогѣ или построены близь рудниковъ, или созданы на торговыхъ путяхъ къ послѣднимъ. По выѣздѣ отъ мормоновъ по утру первый городъ штата Невады, представившійся намъ, былъ Элько, снабжающій припасами нѣсколько сосѣднихъ горныхъ округовъ. Видъ его вполнѣ характеренъ для всей этой мѣстности: вдали высокія снѣговыя горы, вокругъ дикая пустыня, поросшая рослымъ бурьяномъ. Домишки, сколоченные изъ досокъ, и бревенчатые сараи заняты по большей части лавками и ресторанами. При приходѣ поѣзда

происходитъ слѣдующая оригинальная картина. Такъ какъ въ станціонномъ буфетѣ табльд'отъ стоитъ долларъ, то къ станціи присосѣживаются нѣсколько частныхъ ресторановъ, гдѣ тоже кушанье даютъ за полцѣны; потому, когда подходитъ поѣздъ, изъ каждаго домика вылетаютъ для зазыва публики негры съ гонгами и со свойственнымъ черной расѣ безтолковымъ усердіемъ начинаютъ колотить съ разными кривляніями со всей дурацкой мочи балдою по мѣдному тазу. Звонъ стоитъ страшный, къ великому удовольствію толпы оборваныхъ индѣйцевъ, кочевья которыхъ попадаются по всей дорогѣ на каждомъ шагу. Подобная картина повторяется при всѣхъ остановкахъ. Этотъ звонъ имѣетъ впрочемъ свою пользу. Въ Америкѣ поѣзды отходятъ безъ звонка и безъ свистка, потому легко прозѣвать поѣздъ. Негры же звонятъ все время пока поѣздъ стоитъ на мѣстѣ и звонятъ тѣмъ тише, чѣмъ время ближе къ отходу, что очень удобно для соображенія пассажировъ. Въ здѣшнихъ городахъ лучшее зданіе принадлежитъ обыкновенно могущественной компаніи «Уэльсъ, Фарго и К°», имѣющей спеціальность перевозку драгоцѣнныхъ металовъ съ рудниковъ къ монетнымъ дворамъ. Эту деликатную задачу компанія выполняетъ съ замѣчательною аккуратностью многіе годы, и подвиги нѣкоторыхъ ея агентовъ по отысканію украденнаго золота напоминаютъ миѳическіе подвиги древнихъ героевъ. Случается, что ограбленный агентъ беретъ карабинъ, отправляется на поиски и не возвращается прежде, чѣмъ не перестрѣляетъ по одиночкѣ, какъ куропатокъ, всѣхъ грабителей и не овладѣетъ потеряннымъ сокровищемъ. Такое усердіе создало компаніи необыкновенную репутацію. Къ ней обращаются не только за транспортировкою, но и за различными услугами, такъ напр., она есть единственный вѣрный источникъ мѣстной горной статистики, такъ какъ сами американскіе промышленники не стѣсняясь врутъ безбожно.

Особенно много индѣйцевъ толчется около города Карлина. Краснокожіе здѣсь носятъ часто европейское платье, хотя лицо вымазано вермиліономъ; бѣдность дикарей поразительна. Кочевья состоятъ изъ простыхъ навѣсовъ на пескѣ, гдѣ нѣтъ почти никакого домашняго скарба, только собаки, неизмѣнный другъ человѣка, составляютъ кажется единственное имущество. Нѣтъ однако народа такого жалкаго, у котораго нельзя былобы что нибудь позаимствовать; у здѣшнихъ индѣйцевъ въ этомъ случаѣ любопытная система пеленанія ихъ «папусовъ» или дѣтей. Ребенокъ остается довольно свободнымъ, головка его прикрыта навѣсомъ и мать, упаковавъ свое дѣтище, смѣло кладетъ его се-

бѣ за спину и совершаетъ большiе переходы. Карлинъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что всѣ проѣхавшiе меридiанъ города уже какъ бы считаются въ предѣлахъ «Пасифика» и имена пассажировъ по телеграфу сейчасъ же сообщаются въ газеты Санъ-Франциско, гдѣ и печатаются en toutes lettres,—обычай оставшiйся вѣроятно отъ прежняго времени рѣдкихъ путешественниковъ, потому что теперь пассажиры моремъ и и по желѣзной дорогѣ считаются въ Калифорнiи десятками тысячъ. До сихъ поръ, впрочемъ, подъ «штатами» въ Америкѣ продолжаютъ разумѣть атлантическое побережье, а Пасификъ считаютъ какъ бы захолустьемъ.

Послѣднее справедливо, пожалуй, для Невады. Даже виды природы не развлекаютъ тутъ путешественниковъ, хотя мѣстность очень гориста, а около Палисада горы имѣютъ даже фантастическiя очертанiя, въ видѣ гребней. Отсюда снова отдѣляется желѣзная дорога къ рудникамъ Эврека. Далѣе за Батль-Маунтенъ пустыня дѣлается вполнѣ безжизненною и мелкая пыль проникаетъ въ вагоны и въ изобилiи садится на платье. При помощи воды, однако, эта пустыня легко обращается въ пашню, а съ большимъ старанiемъ можно даже развести деревья. Опытъ съ послѣдними сдѣланъ у станцiи Гумбольтъ (по американски произносится «гумбугъ»), гдѣ артезiанскiй колодезь, бьющiй фонтаномъ, позволилъ развести маленькiй садикъ, кажущiйся, въ видѣ контраста съ окружающими каменистыми скалами и твердыми глинистыми полями покрытыми полынью, запыленнымъ путникамъ армидиными садами. Эти безконечныя пространства, не смотря на свое однообразiе, производятъ все-таки грандiозное впечатлѣнiе, особенно на западно-европейцевъ, а американцамъ естественно внушаютъ сознанiе величiя ихъ страны. Это сознанiе насквозь проникаетъ ихъ, Европа кажется имъ маленькимъ муравейникомъ, гдѣ люди бьются и дерутся изъ-за куска хлѣба.—«Англiя, разсказывалъ одинъ янки,—показалась мнѣ послѣ Америки такой маленькой, что я не смѣлъ по ночамъ выходить изъ гостинницы, опасаясь упасть въ море»—шутка, хорошо рисующая это настроенiе американцевъ.

Населенiе въ Невадѣ вездѣ показываетъ новость колонизацiи этого края. Это тѣ грубые съ виду, но далеко не лишенные сердечности рудокопы, которыхъ такъ живо описываетъ въ своихъ разсказахъ Бретъ-Гартъ. Даровитый писатель, служившiй прежде конторщикомъ, оставилъ теперь Санъ-Франциско, гдѣ издавалъ журналъ «Overland Monthly» и переѣхалъ на жительство въ Нью-Iоркъ. Тон-

кій талантъ его, вполнѣ оцѣненный въ Европѣ, не подходитъ къ потребностямъ дальнаго Запада, даже имя его мало извѣстно американцамъ, а сочиненій его нѣтъ въ числѣ тѣхъ книгъ, которыя въ изобиліи предлагаются для чтенія въ вагонахъ желѣзной дороги. Публика забавляется здѣсь сборниками анекдотовъ на калифорнійскомъ нарѣчіи и разбойничьими романами изъ мѣстныхъ нравовъ. Въ большемъ ходу также комическая иллюстрированная Исторія Соединенныхъ Штатовъ—злая сатира Гопкинса. Невадскіе колонисты набраны, конечно, со всего свѣта и мнѣ представлялись трое «русскихъ», оказавшихся по провѣркѣ варшавскими жидами, по всей вѣроятности удравшими отъ рекрутской повинности. Смѣсь населенія заставляетъ держать себя осторожно на счетъ кармановъ, даже съ бывшими соотечественниками, по крайней мѣрѣ на каждой станціи виситъ предостереженіе противъ лицъ «скальпирующихъ» пассажирскій багажъ. Здѣсь, впрочемъ, прибыльнѣе быть честнымъ: на висѣлицу угодить не трудно, а занимаясь работой получаешь по пяти долларовъ въ сутки! Нѣтъ, я думаю, нигдѣ въ мірѣ такой высокой заработной платы и неудивительно, что американцы отъ всей души ненавидятъ китайцевъ, исполняющихъ такую же работу съ еще большимъ усердіемъ за одинъ долларъ.

Къ вечеру, миновавъ Невадскую пустыню, не оживленную даже видомъ на большое Гумбольдтово озеро, и пропустивъ въ полночь соединеніе желѣзной дороги съ вѣтвью, идущею къ Вирджинія Сити—центру знаменитыхъ Комстокскихъ серебрянныхъ рудниковъ—къ утру вознаграждаешся за нѣсколько дней терпѣнія чуднымъ видомъ Калифорніи, «Эльдорадо» или «Золотого Штата» какъ зовутъ ее здѣсь. Нарочно еще просыпаешся на самомъ лучшемъ мѣстѣ спуска съ высочайшаго хребта Сьеры Невада въ долину Сакраменто. Сразу, будто по мановенію жезла, мѣняется вся окружающая обстановка. Вмѣсто голыхъ скалъ и бурьяна—горы, поросшія густымъ хвойнымъ чуть не мачтовымъ лѣсомъ, испускающимъ ароматическій смолистый запахъ; небо и воздухъ прозрачны; виды великолѣпны; повсюду необыкновенная дѣятельность; типъ людей совсѣмъ другой, даже лошади другіе: горячія испанскія въ богатой мексиканской сбруѣ. Локомотивы топятся не углемъ, а сосновыми дровами; поѣздъ быстро удлиняется, потому что большое населеніе даетъ на каждой станціи пассажировъ. Здѣсь я замѣтилъ, что китайцевъ, какъ у насъ жидовъ, сажаютъ въ особые вагоны. Конечно, Сократъ былъ теоретически правъ, сказавъ: «Какова бы ни была непріятность, все таки нужно предпочитать справедливость», но

американцы предпочитаютъ комфортъ и удаляютъ отъ себя подальше неудобныхъ спутниковъ, примѣръ, служащій оправданіемъ въ глазахъ гг. юдофиловъ для другихъ менѣе помѣшанныхъ на равенствѣ странъ. При въѣздѣ въ Калифорнію замѣчается весьма чувствительно еще одна перемѣна. Цѣны дѣлаются сразу дороже на 12 проц., потому что федеральныхъ бумажекъ здѣсь не берутъ. Конгрессъ прозѣвалъ, допустивъ въ конституціи штата статью, безусловно воспрещающую обращеніе бумажныхъ денегъ и даже банковыхъ билетовъ. Этимъ Калифорнія воспользовалась въ 1862 году, рѣшительно воспротивившись введенію у себя гринбековъ. Послѣдніе приходится обмѣнивать, иначе на каждой станціи ихъ берутъ каждый разъ по новому какому-то фантастическому курсу, едва не изъ милости.

Станціи, ближайшія къ началу спуска, особенно между Alta и Gold Run, почти сплошная золотоносная розсыпь, промываемая мѣстнымъ гидравлическимъ способомъ. Вода скопляется для того въ прудахъ и помощью канавъ и сплотокъ проводится на далекое разстояніе. Падая съ большой высоты, она по желѣзнымъ трубамъ направляется на древнія розсыпи (новыя давно выработаны), состоящія изъ рухляковъ, дѣйствуетъ подъ большимъ напоромъ и легко разрушаетъ самую вязкую породу. Размытая порода несется по шлюзамъ, гдѣ въ изобиліи налита ртуть, улавливающая самое мелкое золото. Система эта также не похожа на нашу (весьма впрочемъ хорошую) систему промывки золота, какъ Сьера Невада не похожа на сибирскую тайгу. На Амурѣ перенимаютъ, впрочемъ, американскіе пріемы и изъ Санъ-Франциско высылаютъ теперь въ Николаевскъ опытныхъ рабочихъ и машины, уплачивая, за неимѣніемъ русскихъ судовъ, фрахтъ по 20 долларовъ съ тонны! Суть американской системы—въ изобиліи воды, потому водопроводы такъ и мелькаютъ по желѣзной дорогѣ надъ полотномъ, рядомъ, подъ насыпью, внизу въ ущельяхъ, образуя подпруды, водопады, фонтаны и др. гидравлическіе фокусы. Хорошо промытая розсыпь обращается въ гладкую, какъ дипломатическій подбородокъ, пустыню, на которой уже ничего рости не можетъ. За выработкою новыхъ розсыпей золотопромышленность въ Калифорніи быстро уменьшается; въ настоящее время она даетъ болѣе всего золота въ округахъ Ломо и Оровиль, но не достигаетъ и половины количества, добывавшагося въ началѣ 50-хъ годовъ. За то, обратно пропорціально, выростаетъ земледѣліе, скотоводство и винодѣліе. Калифорнійскимъ виномъ, имѣющимъ вкусъ туалетнаго уксуса, снабжается уже вся Америка.

Что такое Калифорнія въ экономическомъ отношеніи, покажутъ немногія цифры, за которыя, надѣюсь, не посѣтуютъ на меня читатели. Эти сухія данныя краснорѣчивѣе всякой болтовни докажутъ, на что способны американцы. Въ 1848 году, когда мормонъ Маршаль нашелъ первую золотинку, Калифорнія была пустыней, теперь въ ней примѣрно 800,000 жителей т. е. менѣе чѣмъ у насъ въ Витебской губерніи, но это населеніе добыло въ девятнадцать лѣтъ золота и серебра для вывоза на 749 милл. доллар., для чеканки монеты на 409 милліоновъ. Хотя добыча золота, какъ я сказалъ, уменьшается, зато Калифорнія сдѣлалась богатѣйшею земледѣльческою страною, снабжающею хлѣбомъ даже Европу. Въ 1875 году было собрано въ штатѣ пшеницы 20 милл. центнеровъ, а вывезено 9 милл.; шерсти $43\frac{1}{2}$ милл. фунтовъ; вина 8 милл. фунт.; дерева 362 милл. куб. футъ. Какія богатства нажили въ двадцать лѣтъ нѣкогда голодные и оборванные эмигранты, подтверждаютъ еще слѣдующія цифры: въ 1875 году вывезено изъ Калифорніи моремъ разныхъ товаровъ на $30\frac{1}{2}$ милл. дол.; дѣйствовавшія въ штатѣ горнозаводскія компаніи имѣли капиталъ въ 220 милл.; а выдали дивидендъ, не смотря на кризисъ, 28 милл. долл. Коммерческіе банки располагали основнымъ капиталомъ въ 150 милл. долл.; а вкладовъ имѣли на $72\frac{1}{2}$ милл. Недвижимая собственность штата, по скромной оцѣнкѣ, сдѣланной для уплаты налога, стоила въ 1874—1875 гг. $611\frac{1}{2}$ милл. долл.; т. е. выросла въ двадцать лѣтъ въ 10 разъ Ничего подобнаго въ Европѣ никогда не было, да и быть не можетъ съ нашей рутиной, централизаціей, воображаемымъ попеченіемъ объ общемъ благѣ и тысячью другихъ препятствій, связывающихъ частную предпріимчивость по рукамъ и по ногамъ.

А связать американца—все равно, что поймать калифорнійскаго медвѣдя, чуднаго звѣря который кажется исполиномъ въ сравненіи съ нашимъ Мишенькой и, говорятъ, сильнѣе льва и тигра. Экземпляръ подобнаго молодца сидитъ на станціи въ клѣткѣ, въ Кольфаксѣ, чистенькомъ городкѣ, куда поѣздъ приходитъ послѣ длиннаго ряда восхожденій и спусковъ, напоминающихъ путь черезъ Земерингъ. Паденіе здѣсь 6,000 футъ на 45 миль, потому уклоны чрезвычайно круты; однако въ гору два паровоза легко тащатъ 23 товарныхъ вагона, а пассажирскій поѣздъ идетъ довольно шибко по самому краю обрывовъ, проходя мѣстами на выступахъ, высѣченныхъ по склонамъ горъ, которыя свѣшиваются надъ поѣздомъ; попадаются и тоннели, гдѣ свистать считаютъ излишнею роскошью. Лучшій пунктъ такъ-называемый мысъ Горнъ: до-

рога проведена здѣсь по длинному деревянному мосту и по обѣ стороны открывается необыкновенно красивый видъ на глубокія лощины, далеко простирающіяся къ горизонту. Американская Рѣка, ручьи, линіи желѣзной дороги, фермы у вашихъ ногъ кажутся точно на планѣ и поѣздъ, извиваясь змѣей, безпрестанно мѣняетъ точки зрѣнія. Нѣчто подобное можно видѣть только въ Гатскихъ горахъ, по дорогѣ въ Пунахъ. Еще ниже, около Оберна, природа напоминаетъ отчасти южный Уралъ, только здѣсь по всѣмъ русламъ видны остатки выработанныхъ разсыпей. Наконецъ, еще одинъ спускъ и широко разстилается покрытая деревьями и тучными пажитями плоская долина Сакраменто, прорѣзываемая мутною рѣкою того же имени, знаменитой въ лѣтописяхъ золотоискательства.

Сакраменто и Санъ-Джоакимо — два имени, обратившія вниманіе европейскаго міра даже въ бурную эпоху 1848 и 1849 годовъ. Сколько людей мечтали попасть сюда, сколько людей разочаровалось въ радужныхъ надеждахъ! Большинство, повидимому, въ накладѣ не осталось, если судить хоть по городу Сакраменто, политической столицѣ Калифорніи. Столица эта гуляла долго по разнымъ городамъ, Сакраменто между тѣмъ горѣлъ, тонулъ и, не взирая на разнообразіе бѣдствій, оказался въ концѣ концовъ огромнымъ правильно разбитымъ городомъ съ величественнымъ Капитоліемъ и другими зданіями, приличествующими пункту, откуда управляется и судится «народъ калифорнійскій». Это оффиціальный титулъ; имъ можно гордиться, потому что калифорнійскій народъ, собранный на скоро изъ подонковъ общества, сначала сочинилъ себѣ конституцію, которой позавидовали бы европейскіе доктринеры, а за тѣмъ отличное гражданское уложеніе, гдѣ разработано не только матеріальное право, но и принципы—роскошь не доступная многимъ и очень большимъ государствамъ. Наши профессоры университета не хотѣли вѣрить глазамъ, когда я имъ показалъ калифорнійскіе кодексы. Изъ Сакраменто можно попасть въ Санъ-Франциско уже троякимъ путемъ, скорѣе всего на Стоктонъ и Латропъ. За послѣднимъ, тѣмъ же Сокраменто въ миніатюрѣ, начинается сплошная масса посѣвовъ пшеницы, которую жали, хотя было начало лѣта. Жаръ и пыль въ первый разъ дали себя чувствовать послѣ поѣздки по горамъ. Около Нейльса открылось море, а затѣмъ поѣздъ полетѣлъ густо населенною мѣстностью, среди многочисленныхъ фермъ, пересѣкая разные города, до Окленда, пока Тихоокеанская желѣзная дорога, не уперлась въ море: она впрочемъ не ос-

танавливается и передъ такимъ препятствіемъ, а на сваяхъ далеко продолжается до отмели, гдѣ устроена тоже на сваяхъ станція. Оклендъ хотя большой городъ, но въ сущности предмѣстіе Санъ-Франциско. Здѣсь находится университетъ штата и живутъ на дачахъ богатые люди. Городъ утопаетъ въ зелени кипарисовъ; ихъ изобиліе невольно припомнило мнѣ стихи Мицкевича, удачно сравнившаго это безмолвное дерево съ нѣмецкимъ камергеромъ, не смѣющимъ шевельнутся въ глубокомъ сознаніи важности этикета.

Въ Оклендѣ цѣлый поѣздъ пересаживается на громаднѣйшіи ферриботъ, очень быстро перевозящій черезъ Golder-Gate—заливъ, у котораго стоитъ Санъ-Франциско. Свѣжій вѣтеръ разгонялъ легкій туманъ застилавшій горизонтъ и городъ представился мнѣ во всемъ своемъ величіи. Красотѣ его способствуетъ то обстоятельство, что онъ стоитъ между двумя горами—Русской и Телеграфной, на сѣдловинѣ, почему дома, обращенные къ порту, кажутся расположенными амфитеатромъ; портъ былъ переполненъ судами и пароходами, конечно не русскими, а на рейдѣ расположилась эскадра военныхъ судовъ разныхъ націй, собравшаяся ко дню столѣтія независимости. Набережная деревянная, но цѣнности громадной, потому что первоначально ее забутили не имѣвшимъ рѣшительно сбыта грузомъ множества кораблей, присланныхъ сюда послѣ открытія золота. Экипажъ этихъ кораблей разбѣжался по пріискамъ, а корпуса судовъ разтаскали для устройства домовъ. Теперь отъ этихъ временныхъ строеній не осталось слѣдовъ и по постройкамъ Frisco или Золотой городъ одинъ изъ лучшихъ въ Америкѣ. До сихъ поръ, однако, набережная и ближайшія улицы загромождены лѣсопильными и лѣсообдѣлочными заводами, которые давно пора изъ предосторожности перенести подальше тѣмъ болѣе, что городъ страдалъ уже неоднократно отъ ужасныхъ пожаровъ. За то нѣсколько далѣе начинается лучшая часть города—средоточіе торговли и спекуляціи По американской системѣ, первое зданіе города по величинѣ и роскоши—отель, куда я и направилъ свои стопы.

Эта гостинница—Palace Hotel—въ своемъ родѣ осьмое чудо въ свѣтѣ. Нѣтъ въ мірѣ отеля по размѣрамъ равнаго ему, и когда смотришь на Санъ-Франциско, восьми-этажное зданіе гостинницы подымается надъ городомъ, какъ нѣкое чудовище, точь въ точь какъ въ Севильѣ ея знаменитый соборъ. Отель построенъ однимъ спекуляторомъ, который, скучая жизнью, употребилъ на постройку 5 мил. доллар. и въ заключе-

ніи выбросился изъ окна. Подобнаго отеля нѣтъ ни въ одной столицѣ и парижскій «Grand Hotel», по крайней мѣрѣ, въ половину менѣе. Размѣры еще ничего, въ сравненіи съ тою роскошью, которую встрѣчаешь повсюду, роскошью тѣмъ болѣе удивительною, что Санъ-Франциско подверженъ сильнымъ землетрясеніямъ; un bon matin восьмиэтажная гостинница провалится Въ ней 1200 номеровъ, отдѣланныхъ по одному и тому же плану съ одинаковымъ комфортомъ. Нѣтъ ни одной вещи, купленной отдѣльно, все дѣлано на заказъ по извѣстному образцу, мебель какого-то желтаго пахучаго дерева съ позолотою, ковры великолѣпные, общія залы украшены масляннными картинами, мрамора и зеркальныхъ стеколъ въ изобиліи. Всѣ номера выходятъ во дворъ въ мавританскомъ стилѣ, дворъ покрытъ стекляннымъ колпакомъ и по всѣмъ этажамъ устроены великолѣпныя открытыя галлереи, откуда видъ на совершающееся внизу движеніе отличный. При такомъ расположеніи, въ комнатахъ постоянная прохлада. Пять элеваторовъ день и ночь подымаютъ жильцовъ, слѣдовательно, все равно въ какомъ бы этажѣ ни жить. Обѣденныя залы, читальни, гостинныя, билліардныя размѣровъ и роскоши поразительной; кухня отличная, французская; прислуги изобиліе всѣхъ національностей, за столомъ служатъ негры, комнаты убираютъ китайцы, постояльцамъ прислуживаютъ негритянки, подобранныя изъ самыхъ красивыхъ. За все удовольствіе платится 5 долларовъ въ сутки и за эту цѣну я, напримѣръ, получилъ отличную гостинную, спальню и ванную—все большихъ размѣровъ. Единственный недостатокъ, общій въ Америкѣ, отсутствіе всякаго другого освѣщенія. кромѣ газоваго, занятія при которомъ требуютъ извѣстной привычки. Такой отель, понятно, слишкомъ великъ для города, какъ Санъ-Франциско, гдѣ число жителей не превосходитъ еще 250 тысячъ и гдѣ, имѣется съ десятокъ другихъ отличныхъ гостинницъ; потому, говорятъ Palace не даетъ барышей, но поддерживается ради мѣстнаго патріотизма, а американцы никогда не задумаются поддерживать предпріятіе, если оно только грандіозно и эффектно. Въ этомъ случаѣ размѣры дѣла не только не пугаютъ ихъ, но, напротивъ того, еще больше возбуждаютъ ихъ несравненную энергію.

XIII.

Санъ-Франциско.—Китайскій кварталъ. — Биржи и спекуляція. — Климатъ. — Игорные дома и общественныя увеселенія. — Окрестности города. — Русская колонія въ Санъ-Франциско.—Россъ.—Празднованіе столѣтняго юбилея Соединенныхъ Штатовъ.—Г-жа Бѣлоха и спиритизмъ.

Санъ-Франциско представляетъ картину могучаго проявленія американской энергіи. Гдѣ двадцать пять лѣтъ назадъ стояла на песчаномъ скатѣ куча балагановъ и палатокъ, раскинулся теперь огромный городъ, котораго застроена еще только часть; остальное пространство, однако, урегулировано, освѣщено и снабжено водопроводами. Въ холмистой части прорѣзаны огромныя выемки и снесены цѣлыя скалы. Пожарная команда устроена совершенно образцовымъ образомъ и все населеніе входитъ въ ея организацію. Уже въ настоящее время городской бюджетъ превосходитъ $3^1/_2$ милліоновъ долларовъ, т. е. равенъ петербургскому, но многаго не достаетъ, такъ тротуары по большей части деревянные, полиціи, по крайней мѣрѣ наружной, нѣтъ вовсе, а посреди города, рядомъ съ лучшими кварталами, помѣстился китайскій кварталъ, который, положимъ, очень оригиналенъ, а вечеромъ со своими разноцвѣтными фонарями и затѣйливыми вывѣсками дажа красивъ, но въ сущности представляетъ ужасную клоаку, гдѣ дома, помощью наръ, обращены въ вонючіе ящики и оспа почти постоянно свирѣпствуетъ, угрожая городу эпидеміей. Число китайцевъ въ Санъ-Франциско быстро увеличивается, каждый годъ пріѣзжаетъ ихъ болѣе 18,000 чел. (въ томъ числѣ женщинъ только 5%). Мѣстное законодательство сочиняетъ разныя ограниченія этой эмиграціи, но губернаторъ кладетъ свое veto, а федеральный конгрессъ также скорѣе го-

товъ поощрять, чѣмъ сдерживать монгольскую эмиграцію. Кто правъ — вопросъ. Пороки китайцевъ, на которые постоянно жалуются американцы, зависятъ, кажется, отъ недостатка женщинъ, трудолюбіе же китайцевъ выше всякой хвалы. Какъ поздно ни проходишь по китайскому кварталу, вѣчно кипитъ тамъ работа. Съ особеннымъ наслажденіемъ китайцы любятъ заниматься стиркою бѣлья, занятіе монополизированное ими по всему Пасифику, хотя сами китайцы ужасно неопрятны и имѣютъ отталкивающій запахъ. Несмотря на свою наружную слабость, они могутъ исполнять самыя тяжелыя работы, питаясь въ то же время чѣмъ попало. Слизистыя вещества составляютъ ихъ главную пищу и осмотръ китайской кухни въ состояніи отбить аппетитъ на нѣсколько дней. Уличное населеніе Калифорніи и Невады ненавидитъ сыновъ Небесной имперіи и появленіе «Джона» — общая кличка китайцевъ—на улицѣ служитъ мишенью для толчковъ и всякихъ оскорбленій со стороны уличныхъ мальчишекъ.

Если выключить китайскій кварталъ, то Санъ-Франциско, какъ городъ, весьма привлекателенъ даже послѣ Чикаго: широкія улицы, красивые дома, многочисленные магазины, учебныя и религіозныя учрежденія—архитектуры самой разнообразной и прихотливой; все это ново, свѣжо, точно съ иголочки. Особенно много въ Санъ-Франциско конторъ горныхъ инженеровъ и адвокатовъ, профессій идущихъ рука объ руку, такъ какъ здѣсь, благодаря мексиканскимъ концессіямъ, столько же процессовъ, сколько и рудниковъ, а послѣднихъ не мало, ибо однѣхъ горныхъ компаній регистровано болѣе десяти тысячъ. Санъ-Франциско—городъ по преимуществу спекуляціи, потому главнѣйшія улицы его: California, Montgomery, Market, Samson и др. наполнены банкирскими лавочками, получающими направленіе изъ банковъ, роскошныхъ снаружи, но легкихъ какъ зефиръ по внутреннему устройству; во главѣ послѣднихъ стоялъ еще недавно знаменитый Калифорнійскій банкъ, банкротство котораго на 25 мил. доллар. въ сентябрѣ 1875 года вызвало такой жестокій кризисъ, что цѣлый мѣсяцъ не было въ Санъ-Франциско никакой котировки на биржѣ или, вѣрнѣе, на биржахъ, такъ какъ для такого города мало одного храма Меркурію; ихъ три и игроки собираются по два раза въ день, въ 10 и 3 часа. Я посѣтилъ биржу San-Francisco Exchange, введенный г. Киромъ — молодымъ человѣкомъ, нажившимъ въ нѣсколько лѣтъ капиталецъ въ 5 милл. долл.! Устройство биржи значительно отличается отъ нашего. Входъ безъ рекомендаціи членовъ не допускается; затѣмъ игроки сидятъ амфитеат-

ромъ; на трибунѣ находится предсѣдатель, дюжій молодой дѣтина съ молоткомъ въ рукахъ, и секретари. Партеръ свободенъ. Секретарь читаетъ списокъ бумагъ. Желающій купить или продать обязанъ выйдти на середину партера и заявить громогласно свою цѣну. Если бумага пустая, гласъ его остается одинокимъ или встрѣчается хохотомъ, но если какая либо цѣнность въ ходу, то на середину мгновенно выскакиваютъ десятки маклеровъ и во все горло набиваютъ цѣну. Секретари записываютъ цѣны и онѣ немедленно сообщаются по телеграфу въ банки и конторы и выставляются на улицѣ, гдѣ толпа мелкихъ спекулянтовъ обработываетъ свои дѣлишки. Конечно, въ этой толпѣ преобладаютъ представители избраннаго народа, который и устроился здѣсь отлично, построивъ себѣ роскошныя синагоги. При каждой биржѣ 100 маклеровъ и они покупаютъ свои мѣста, которыя стоятъ не дешевле 40,000 долларовъ. Спекуляція происходитъ почти исключительно на акціяхъ знаменитыхъ серебряныхъ рудниковъ Комстока въ Невадѣ.

Рудники эти, доставившіе въ десять лѣтъ серебра слишкомъ на 150 милліон. рублей, разработываются 60 компаніями, дѣла которыхъ измѣняются сообразно ходу развѣдочныхъ работъ. Случается, что натыкаются въ жилѣ на утолщенія, называемыя bonanza; тогда барыши компаній просто баснословны. Не довольствуясь годовымъ дивидентомъ, онѣ даютъ его иногда помѣсячно. При мнѣ только двѣ компаніи: California и Consolited Virginia, находящіяся въ четырехъ или пяти крѣпкихъ рукахъ, за 6 мѣсяцевъ выдали въ дивидендъ 8.640,000 долларовъ! Въ томъ же родѣ дѣйствуютъ компаніи: Ophir, Belcher и нѣкоторыя другія. Такъ какъ акціи выпускаются здѣсь по доллару, а работы на рудникахъ развиваются уже изъ барышей, то понятно, что цѣна акцій подымается легко въ семьдесятъ, а иногда и семьсотъ разъ противъ номинальной цѣны соблазняя биржевыхъ игроковъ. Обыкновенно цѣна акцій зависитъ отъ телеграфическихъ извѣстій изъ Вирджинія-Сити о ходѣ развѣдочныхъ работъ, но въ мою бытность присоединился еще другой элементъ колебаній: телеграммы изъ Европы сообщали о необыкновенномъ упадкѣ цѣнъ на серебро, которое подешевѣло было въ Лондонѣ до $46^1/_2$ пенсовъ за унцію.

Такая цѣна должна была вызвать въ Невадѣ кризисъ, тѣмъ болѣе, что руды въ Комстокѣ замѣтно годъ отъ году бѣднѣютъ среднимъ содержаніемъ, а ради этого мѣсторожденія американцы пренебрегаютъ остальными мѣсторожденіями серебряныхъ рудъ. Комстоку угрожаетъ еще другая бѣда. Тамошніе рудники страдали отъ избытка воды и

дурной вентиляціи. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался одинъ грекъ по имени Сутро и предложилъ провести на свой счетъ штольну (тоннель), которая осушала бы рудникъ. Компаніи, получавшія прежде огромные барыши, согласились платить Сутро по 2 доллара съ тонны руды, что было облечено въ форму закона не только штатомъ, но и вашингтонскимъ конгрессомъ. Теперь руды обѣднѣли, а ловкій грекъ, недавно еще несчастный маклеръ, затративъ $1^1/_2$ или 2 милл. доллар. будетъ имѣть милліоновъ пять годового дохода. Понятна ненависть, которую возбуждаетъ одно имя Сутро во всемъ калифорнійскомъ обществѣ, хотя здѣсь примѣры быстраго обогащенія ежедневны, а дѣло, дающее менѣе 25% барыша, считается приносящимъ чуть не убытокъ.

Жители Санъ-Франциско имѣютъ право быть требовательны, потому что избалованы всѣмъ, даже природою. Климатъ и тотъ какой-то необыкновенный. Онъ очень хорошъ во всей Калифорніи, но въ Санъ-Франциско замѣчателенъ еще своею оригинальностью: зимою тутъ едва ли не теплѣе, чѣмъ лѣтомъ, и вообще крайнія температуры расходятся всего на 8° Фаренг., т. е, царствуетъ вѣчная весна. Погода распредѣляется неизмѣнно въ теченіе круглаго года слѣдующимъ образомъ: утромъ до 11 часовъ жарко, въ 11 часовъ начинаетъ дуть съ моря свѣжій вѣтеръ и дуетъ до 6 часовъ; такимъ образомъ, въ полдень въ Санъ-Франциско прохладнѣе всего; въ 6 часовъ вѣтеръ стихаетъ и наступаетъ тихій и теплый вечеръ, за которымъ слѣдуетъ такая же ночь. При подобномъ климатѣ санъ-францисканцы могутъ жить, какъ говорится въ каратыгинскихъ водевиляхъ, «безпечно», т. е. безъ печей и быть вполнѣ счастливыми. Чтожъ, вообразите себѣ, ихъ, главная жалоба тутъ на климатъ. Несчастнымъ кажется, какъ извѣстному коменданту въ Киргизской степи, что «по новости мѣста имъ климата не полагается» и они тоскуютъ при мысли, что нѣтъ разницы временъ года, не холодно зимою, не жарко лѣтомъ и не грязно осенью. Хорошій климатъ имѣетъ, правда, и свои неудобства. Онъ дѣйствуетъ развращающимъ образомъ. Баронъ Остенъ-Сакенъ, нашъ бывшій генеральный консулъ въ Нью-Іоркѣ, живущій въ Калифорнія для занятій энтомологіей, и отлично знающій страну, разсказывалъ мнѣ, что въ южной части Калифорніи пришлое американское населеніе въ двадцать лѣтъ утратило энергію и приводитъ жизнь въ полусонной нѣгѣ и невѣжественномъ равнодушіи ко всему окружающему, подобно туземному испанско-индѣйскому населенію, единственно возбуждаемому игрою,

особенно игрою «монтэ», родъ баккара, теперь преслѣдуемою въ публичныхъ мѣстахъ.

Въ Калифорніи нѣтъ болѣе игорныхъ домовъ, кромѣ конечно, тайныхъ, и туристъ лишенъ удовольствія видѣть банкомета, мечущаго карты, держа колоду между двумя заряженными револьверами, и понтеровъ, ставящихъ вмѣсто денегъ кучки шлиховаго золота, взвѣшиваемаго примѣрно на руку, какъ чемоданы на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Въ этихъ домахъ выигривалъ, конечно, только банкъ. Одинъ американецъ разсказывалъ мнѣ, что, пріѣхавъ какъ-то въ Сакраменто, онъ встрѣтилъ въ гостинницѣ знакомую актрису и отправился съ нею въ игорный домъ. Онъ далъ 20 золотыхъ и актриса очень быстро выиграла 750 золотыхъ. Взявъ ее подъ руку, американецъ возвращался въ отель вдвойнѣ довольный, предвкушая заранѣе блаженство свиданія. Подходя близко къ дому по набережной, актриса внезапно остановилась и распрощалась съ нимъ.

— «А выигрышъ», спросилъ онъ оборачиваясь, но въ это время замѣтилъ, что сзади ихъ торчитъ фигура весьма сомнительнаго вида, закутанная въ плащъ. Измѣривъ фигуру и бросивъ взглядъ на рѣку, куда такъ удобно было бросить его грѣшное тѣло, мой знакомый счелъ за лучшее любезно проститься съ очаровательнымъ созданіемъ, и съ тѣхъ поръ, не видалъ не только своего выигрыша, но и поставленныхъ на карту 20 золотыхъ.

Послѣ закрытія игорныхъ домовъ и вообще послѣ знаменитаго очищенія при помощи «наблюдательнаго комитета» города отъ разныхъ авантюристовъ, Санъ-Франциско зажилъ буржуазною жизнью. Разсказы Диксона о здѣшнихъ удовольствіяхъ, такъ же какъ и о битвахъ на револьверахъ—чистѣйшая фантазія. Тутъ немногимъ веселѣй, чѣмъ въ другихъ американскихъ городахъ, хотя воскресный день несоблюдается съ іудейскою аккуратностью и общество состоитъ изъ болѣе разнообразныхъ національныхъ элементовъ, не слившихся еще въ одно однообразное тѣсто. Мнѣ удалось быть на балу, данномъ французскимъ адмираломъ Периго на его флагманскомъ кораблѣ «La Galiçonière»; многочисленная публика состояла почти исключительно изъ французовъ, швейцарцевъ и русскихъ. Замѣчательно, что и тутъ общество замѣтно дѣлилось на два кружка, изъ которыхъ одинъ, подъ руководствомъ жены мѣстнаго швейцарскаго консула, отставной танцовщицы, считалъ себя какъ бы аристократическимъ, не танцовалъ подъ разными предлогами, а больше иронически поглядывалъ какъ пляшутъ дру-

гіе. Не скажу, чтобы элегантность костюмовъ соотвѣтствовала роскоши внѣшней обстановки города и количеству добываемаго золота. Французскіе моряки, весьма неказистые на видъ, прыгали съ комическимъ усердіемъ и старъ и младъ, продѣлывая фигуры въ томъ родѣ, какъ у насъ танцуютъ кадриль горничныя. Только адмиралъ, каюта котораго по старинному обычаю охранялась часовымъ съ какими-то золотыми рогами на палкѣ, не танцовалъ, а «ухаживалъ» за дамами. Ухаживаніе состояло въ томъ, что онъ взрослыхъ дѣвицъ сажалъ къ себѣ на колѣна, цѣловалъ, трепалъ по плечамъ и т. п. Вольность, объяснявшаяся развѣ тѣмъ, что французская эскадра пришла съ острова Таити, гдѣ, какъ извѣстно, сохранились еще райскіе нравы. Губернаторъ или протекторъ этого современнаго Цитера, маркизъ де-Лотрекъ, мой спутникъ по океану, разсказывалъ, что тамъ даже принцы королевскаго дома, пріѣзжая съ визитомъ, не могутъ удержаться, чтобы не похвастаться искуссной татуировкой своихъ женъ, причемъ наивно обнажаютъ передъ европейцами такія части женскаго тѣла, одно упоминаніе которыхъ можетъ наповалъ убить англійскую миссъ. Насъ на балу даже угощали очень скверно, изъ чего нужно заключить, что республика de l'essai loyal не очень-то балуетъ своихъ служащихъ.

Впрочемъ, въ Санъ-Франциско въ восторгѣ и отъ такого развлеченія. Послѣднія здѣсь не разнообразны. Любимѣйшее время провожденіе лучшаго общества состоитъ въ катаніи около 2 часовъ дня верстъ за шесть по пыльной и пустынной дорогѣ въ такъ называемый Cliff-House. Это—домикъ, передъ которымъ торчитъ изъ океана скала, на которую выползаютъ грѣться на солнце тюлени и

Любви свершая пантомимъ

продѣлываютъ курьезные прыжки, чѣмъ и любуются съѣхавшіяся дамы въ бинокли. Другое катанье — въ Президіо, мѣсто расположенія стоящаго въ Калифорніи отряда войскъ. Президіо прекрасный пунктъ на скатѣ берега Тихаго океана, вѣчно здѣсь волнующагося. Среди сада тропическихъ растеній и богатыхъ цвѣтниковъ, построены скромные домики офицеровъ. Насъ принималъ артиллерійскій генералъ Блуксъ, истинный типъ американскаго генерала въ пуховой шляпѣ съ золотымъ шнуркомъ вокругъ и бѣлыми волосами до плечъ, точь въ точь итальянскій maestro. Онъ выставилъ для угощенія бутылку виски и графинъ воды, а затѣмъ держалъ длинную рѣчь, крѣпко ругая вашингтонское правительство.

— «Вотъ видите, говорилъ онъ, я служу 50 лѣтъ, изъ нихъ лѣтъ 30 провелъ съ индѣйцами, между тѣмъ, я не увѣренъ, что завтра меня не выгонятъ изъ службы какъ негодную собаку безъ всякаго пенсіона. Постоянная армія здѣсь въ презрѣніи, а война кажется, показала наше значеніе. Милиція четыре года училась, пока перестала бѣгать при первомъ выстрѣлѣ, да и этимъ обязана нашимъ же кадрамъ»...

Блуксъ настоящій воинъ, не то что, напримѣръ, извѣстный генералъ Банксъ, посѣтившій Россію въ 1869 году. Банксъ былъ танцовальнымъ учителемъ; усердное занятіе политикой въ одинъ годъ сдѣлало его сначала корпуснымъ командиромъ, а когда его побили, то предсѣдателемъ въ сенатѣ коммисіи дипломатическихъ сношеній! Счастлива страна, процвѣтающая и богатѣющая даже съ такими государственными мужами...

Я забылъ прибавить, что ѣздилъ въ Президіо, смотрѣть на морскіе маневры; о нихъ страшно шумѣли въ мѣстныхъ газетахъ, но въ дѣйствительности маневры состояли въ томъ, что три военныя судна бомбардировали старую гнилую барку и, къ великому скандалу, ни разу не попали въ цѣль. Такое состояніе флота зависитъ отъ скудости отпускаемыхъ на него средствъ. Средства эти какъ-то утекаютъ еще въ Вашингтонѣ. Мало того, газеты увѣряли будто морской министръ укралъ изъ флота 71 корабль. Считаютъ, что при вступленіи Робизона въ должность морскаго министра, федеральный флотъ состоялъ изъ 203 кораблей; съ тѣхъ поръ построили новыхъ кораблей 10, а купили 3, итого должно состоять на лицо 216. Между тѣмъ, послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ, сыскали только 145 судовъ. Безъ сомнѣнія, недостающіе корабли были проданы, только чиновники морскаго министерства «по разсѣянности» забыли записать на приходъ вырученныя отъ продажи деньги.

Калифорнія замѣтно отличается отъ всѣхъ другихъ штатовъ Америки образомъ жизни, что особенно проявляется не въ Санъ-Франциско, а въ провинціи. Испанская закваска—хотя во время занятія креольское населеніе, по большей части изъ мулатовъ, не превосходило 8 тысячъ душъ—рѣшительно повліяла на складъ жизни и общественныхъ отношеній. До сихъ поръ географическая терминологія осталась въ Калифорніи испанскою—вещь нелегкая для народа, который при англійскомъ произношеніи долженъ порядочно коверкать языкъ, чтобы принаровиться къ подобной терминологіи. Я нашелъ въ одномъ американскомъ гидѣ наставленіе для выговора испанскихъ словъ. Можно

подумать, что рѣчь идетъ о китайскомъ языкѣ. Напримѣръ, Іезусъ Марія должно произносить: hay-soos mah-ree-ah! Удивительно, почему испанское вліяніе осталось такъ прочно, между тѣмъ какъ отъ русскаго владычества въ Калифорніи едва сохранились два-три названія урочищъ, хотя мы жили и торговали здѣсь болѣе тридцати лѣтъ подъ рядъ, въ то время какъ испанцы только служили молебны и мессы.

Многихъ интересуетъ вопросъ объ исчезновеніи нашихъ колоній въ Калифорніи. Въ публикѣ сложилось даже убѣжденіе, будто бы между уступкою этихъ колоній и открытіемъ золота въ Калифорніи находится какая-то таинственная связь. На дѣлѣ это вовсе не такъ. Русскіе, т. е. агенты россійско-американской компаніи, водворились въ Калифорніи въ 1812 году, когда Испаніи, занятой Наполеономъ I было не до своихъ колоній. Русскіе наименовали рѣку Санъ-Себастіанъ Славянкой, свою новую колонію Россомъ, а гавань—гаванью Румянцева; колонія была чисто земледѣльческая и снабжала Ситху пшеницею. Развитіе русскаго поселенія шло медленно и оно приносило компаніи дефицитъ. Между тѣмъ испанскія колоніи отдѣлились отъ метрополіи и мѣстность вокругъ Росса стала, хотя и номинально, принадлежать Мексикѣ. Убыточность Росса зависѣла отъ недостатка по сосѣдству удобныхъ земель подъ пашни. Бывшій правитель колоній, покойный Врангель, проѣзжая въ Петербургъ, завелъ переговоры съ мексиканскимъ правительствомъ и послѣднее было согласно увеличить русскую территорію подъ условіемъ, чтобы его объ этомъ попросило само правительство. Когда Врангель доложилъ о желаніи Мексики покойному Государю Императору, то тотъ замѣтилъ, что исполненіе просьбы невозможно, ибо онъ не признаетъ мексиканской республики. На слова же Врангеля, что Пруссія, хотя также не признала мексиканской республики, но имѣетъ съ нею сношенія по торговымъ дѣламъ, государь съ живостью возразилъ:

— У нѣмцевъ прежде всего деньги, а потомъ честь, а у меня прежде честь, а потомъ деньги.

Послѣ такого категорическаго отвѣта, россійско-американская компанія рѣшилась въ 1846 году продать землю и имущество колоніи Россъ швейцарскому капитану Суттеру, тому самому, на мельницѣ котораго въ 1848 г. мормонъ Марешаль нашелъ первое въ Калифорніи золото. Мельница эта находилась отъ нашего Росса верстахъ въ двухстахъ, да и Калифорнія за два года передъ тѣмъ уже была уступлена Мексикою послѣ несчастной войны Соединеннымъ Штатамъ.

Единственное воспоминаніе о русскомъ владычествѣ осталось въ рѣкѣ, переименованной изъ Славянки въ Russian-River; да въ Санъ-Франциско проживаетъ престарѣлый генералъ Бодехо, который нѣкогда, по порученію мексиканскаго правительства, наблюдалъ, чтобы русскіе не забирались далѣе своихъ границъ. Продажа Росса за безцѣнокъ (кажется 40 тыс. руб.), конечно, фактъ для нашего народнаго самолюбія прискорбный, но, по совѣсти говоря, если бы Калифорнія осталась въ русскихъ рукахъ, то открытое тамъ золото навѣрное продолжало бы до сихъ поръ лежать въ землѣ мертвымъ капиталомъ, такъ какъ наши политическія условія никогда не дозволили бы ринуться туда потоку европейской эмиграціи, да еще какой эмиграціи! Калифорнійскими піонерами были по большей части герои барикадъ и другіе политическіе преступники, тысячами бѣжавшіе изъ Европы послѣ событій 1848 и 1849 годовъ. Ужь безъ сомнѣнія не въ русскую землю направили бы эти вольные и невольные изгнанники тогда свои стопы, а безъ людей за десятки тысячъ верстъ отъ Россіи, компанія, флотъ которой состоялъ всего изъ 6 судовъ дальняго плаванія, что въ состояніи была сдѣлать, предположивъ даже, что мы измѣнили бы кореннымъ образомъ принципы своего горнаго законодательства.

Санъ-Франциско единственный, впрочемъ, городъ въ Америкѣ, гдѣ и теперь можно найдти значительную колонію русскихъ. Тутъ не только встрѣтишь нѣсколько пріятныхъ русскихъ семействъ, но найдешь и русскую церковь, даже консисторію съ порядками, занесенными изъ русскаго провинціальнаго захолустья и съ судопроизводствомъ по «Кормчей книгѣ». Одно время выходила даже въ Калифорніи русская газетка, наполненная исключительно личною бранью. Здѣшнее русское общество, состоящее по преимуществу изъ выходцевъ изъ проданныхъ американскихъ колоній, группируется около милаго семейства бывшаго русскаго консула г. Клинкофштрема. Этотъ почтенный финляндецъ, хотя 35 лѣтъ живетъ на Тихомъ океанѣ, а жена его родомъ изъ Камчатки—такіе горячіе русскіе патріоты, которыхъ рѣдко гдѣ и сыщешь. Я всегда думалъ, что русскіе порядки должны казаться гораздо лучше за двѣнадцать тысячъ верстъ, но въ Санъ-Франциско я наслышался имъ такихъ восторженныхъ похвалъ, какъ будто бы у насъ была Аркадія, а другія государства представляли нѣчто въ родѣ жилища антропофаговъ. Въ особенности дамы отличались своими неумѣренными восторгами; какъ кажется такое краснорѣчіе возбуждалось воспоминаніями о тѣхъ военныхъ судахъ, которыя изрѣдка заходятъ въ Санъ-Франци-

ско. Меня чуть не разорвали на клочки, когда я въ одномъ обществѣ сообщилъ новость, что изъ Кронштадта идетъ корабль прямо въ Санъ-Франциско, а черезъ часъ объявилъ, что это—невинная шутка моего сочиненія. Честь и хвала нашимъ морякамъ, которые оставляютъ такія неизгладимыя впечатлѣнія въ единокровныхъ намъ сердцахъ!

Но если наши моряки такъ высоко держатъ русское знамя на Тихомъ океанѣ, то нельзя того же сказать о нашемъ духовенствѣ. Правительство, полагая полезнымъ сохранить свое вліяніе на оставшееся въ бывшей русской Америкѣ русское и полурусское населеніе, а также на многочисленныхъ славянъ, эмигрирующихъ въ Калифорнію, учредило въ Санъ-Франциско особую епархію. Неудачный выборъ лицъ былъ причиною того, что епархія, вмѣсто тѣснѣйшаго объединенія славянскаго кружка, сдѣлалась причиною раздоровъ. Въ русской епархіи завелись обычные консисторскіе порядки, священники бывшихъ колоній жалуются на притѣсненія, а жители Санъ-Франциско, надѣявшіеся въ русской церкви видѣть центръ, около котораго они сгруппируются негодуютъ, что церковь (домозая) устроена за нѣсколько верстъ отъ города и служба въ ней совершается въ часы совершенно неудобные для большинства мѣстнаго населенія. Болѣе 50 тыс. казенныхъ рублей тратятся здѣсь ежегодно непроизводительно, не считая тѣхъ косвенныхъ расходовъ, которые несутъ креолы.

Въ Санъ-Франциско не мало этихъ креоловъ. По большей части они метисы, т. е. смѣсь русскихъ отцевъ съ индѣйскими матерями; индѣйскія черты очень ясно сохранились съ ихъ типѣ, но говорятъ они замѣчательно правильнымъ русскимъ языкомъ съ небольшою примѣсью сибирскихъ провинціализмовъ. Нравственность креоловъ не одобряется: мужчины лѣнивы и по большей части пьяницы, а женщины занимаются проституціею. Заочно креолы сгораютъ великою привязанностью къ Россіи, но предлагавшіяся имъ различныя поощрительныя мѣры для переселенія на Амуръ не имѣли пока успѣха, потому что тамъ придется работать, а креолы привыкли жить паразитами на счетъ россійско-американской компаніи, хотя державшей ихъ въ состояніи весьма близкомъ къ крѣпостному праву, но за то заботившейся объ ихъ продовольствіи.

Въ Санъ-Франциско мнѣ довелось быть свидѣтелемъ торжества, ради котораго и съѣхалось въ Америку столько европейцевъ—празднованія столѣтія независимости. Это празднованіе совершилось, какъ кажется, одинаково во всѣхъ городахъ Союза и можетъ дать нѣкоторое

понятіе о системѣ устройства американскихъ общественныхъ манифестацій. Никакого участія со стороны правительства, конечно, не проявлялось. Уже задолго до 4 іюня городъ началъ украшаться флагами, вензелями, гирляндами и портретами. Число этихъ украшеній въ Санъ-Франциско безъ всякаго напоминанія полиціи было необыкновенно велико и нѣкоторыя улицы, особенно Mongomery-Street, представляли очень красивое зрѣлище. Протянутое черезъ улицы безчисленное множество проволокъ, на которыхъ вывѣшивались флаги и пр., обращали ихъ въ красивые павильоны. Въ украшеніяхъ, подобно другимъ городамъ, преобладали вензеля и портреты Вашингтона; въ окнахъ было выставлено безчисленное множество печатныхъ копій пресловутой декларації правъ. Далѣе не шла американская изобрѣтательность. Дней за пять до торжества по всѣмъ улицамъ поставили столы для продажи ракетъ и хлопушекъ. Тутъ то проявился національный характеръ, любящій шумъ и трескотню; цѣлую недѣлю раздавался неумолкаемый шумъ ракетъ, пускаемыхъ посреди улицъ, не обращая вниманія на лошадей и на опасность отъ пожара; каждый китаецъ осыпался хлопушками. Въ день торжества трескотня дошла до какого то иступленія.

Самое торжество состояло въ процессіи. Городская дума наняла безчисленное множество экипажей и щедро раздавала мѣста въ нихъ. Мнѣ тоже прикололи красную ленту съ надписью: «Гость города» и я получилъ право кататься въ общественной каретѣ и участвовать въ скверномъ завтракѣ, устроенномъ на счетъ города. Думскіе экипажи составили начало процессіи, къ нимъ мало по малу присоединились всякаго рода возницы, начиная отъ похоронныхъ дрогъ, до телѣжекъ для развозки молока; все это образовало безконечную вереницу, которая разъѣзжала часа четыре по городу, смотря на другихъ, но болѣе показывая себя. Консулы разныхъ государствъ ѣхали въ головѣ кортежа. Время отъ времени процессія останавливалась выслушать рѣчь какого нибудь оратора, который, по американской манерѣ, говорилъ точно въ припадкѣ delirium tremens, топая ногами и подымая кулаки кверху. Замѣчательно, что процесія, въ которой участвовало до ста тысячъ человѣкъ, обходилась совершенно безъ полиціи. Нѣсколько солдатъ и милиціонеровъ разъѣзжали только на показъ въ самой процессіи. Толпа терпѣливо дожидалась очереди, становилась въ рядъ, раздѣлялась, никакія улицы нигдѣ не загораживались, никого «честью» не просили, по зубамъ не колотили; между тѣмъ порядокъ былъ образцовый и газеты на другой день не упомянули ни объ одномъ несчастномъ

случаѣ. Вотъ результаты привычки съ дѣтства обходиться безъ всякаго вмѣшательства власти и быть предоставленнымъ собственному здравому смыслу! Я уѣхалъ изъ Санъ-Франциско, а городъ долго еще ликовалъ, пользуясь рѣдкимъ случаемъ отдохнуть отъ однообразія будничной жизни.

Разставаясь съ Санъ-Франциско, слѣдуетъ упомянуть еще, что на этой далекой окраинѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ нашей талантливой соотечественницей, г-жею Бѣлохою, предпринявшею съ г. Стракошемъ артистическое путешествіе по Америкѣ, которое продолжалось цѣлый годъ. Г-жа Бѣлоха извѣстна въ Америкѣ подъ именемъ графини Anna de Beloca. Біографія ея, въ четыре столбца мелкаго шрифта съ необыкновенными подробностями, съ самаго младенчества, печаталась во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ, а портреты выставлялись на каждомъ шагу. Реклама, впрочемъ, и въ Америкѣ потеряла значительную часть своей притягательной силы, по крайней мѣрѣ оперныя представленія съ г-жею Бѣлохою, при участіи пѣвцовъ нью-іоркской оперы, не привлекали много публики. Г. Стракошъ объяснялъ это лѣтнею порою, когда посѣщеніе театра лучшимъ обществомъ не принято. Впрочемъ, г-жа Леонова была весною, и публики привлекала еще того менѣе.

Успѣхъ, въ смыслѣ впечатлѣнія, г-жа Бѣлоха имѣла посредственный. Она красива собою, хотя нѣсколько полна не по росту; черныя глаза и смуглый цвѣтъ лица не обличаютъ славянскаго происхожденія; голосъ ея контральто или, вѣрнѣе, меццо-сопрано, хорошо обработанный. Я слышалъ г-жу Бѣлоху въ «Цирюльникѣ» и «Фавориткѣ», кромѣ того она удачно пѣла нѣсколько французскихъ и англійскихъ романсовъ. Оперный театръ или «Академія музыки» въ Санъ-Франциско великолѣпно отдѣланъ, публика также почище, чѣмъ въ другихъ американскихъ театрахъ и держитъ себя сдержано. Такъ называемый телячій восторгъ меломановъ сдѣлался теперь кажется исключительно удѣломъ нашей родины и только въ Россіи еще провожаютъ пѣвицу, вытянувшую mi-bemol, съ тріумфомъ, точно спасителя отечества. Успѣхи г-жи Бѣлохи на разныхъ сценахъ, успѣхи довольно выгодные въ финансовомъ отношеніи, не въ силахъ все-таки заставить ее позабыть отечество; я нашелъ ее страдающею носталгіею и жалующеюся на медленность хода почты изъ Россіи къ берегамъ Тахаго океана; юная пѣвица нерѣшительно потому относилась къ весьма выгодному предложенію своихъ калифорнійскихъ поклонниковъ собрать по подпискѣ 50,000

долларовъ, чтобы обезпечить хорошій зимній оперный сезонъ съ ея участіемъ.

Въ Санъ-Франциско на 250,000 жителей пять театровъ, не считая разныхъ кафе-шантановъ—таковы результаты свободы театральнаго искусства. На одномъ изъ этихъ театровъ я видѣлъ представленіе профессора Бальдвина, разоблачающаго фокусы спиритовъ. Не скажу, чтобы разоблаченія были особенно удачны, но они даютъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ о положеніи спиртизма въ Америкѣ. Въ газетахъ я неоднократно читалъ, будто спириты считаются въ Соединенныхъ Штатахъ милліонами; многіе почтенные поклонники столоверченія серьезно просили меня узнать, въ какомъ положеніи тамъ находится этотъ вопросъ; поэтому я неоднократно обращался къ людямъ весьма образованнымъ и свѣдущимъ съ запросомъ, правда ли, что спиритизмъ силенъ въ Америкѣ и пользуется уваженіемъ? На это я неизмѣнно получалъ одинъ отвѣтъ, что никакого авторитета спиритизмъ не имѣетъ, адепты его и въ Америкѣ относятся или къ наглымъ шарлатанамъ, или къ болѣзненнымъ женщинамъ и вообще людямъ нервическаго темперамента. Такимъ образомъ, наши спириты могутъ разочароваться, чудеса американскаго спиртизма—плодъ газетной шутки, на изобрѣтеніе которой янки необыкновенные мастера.

XIV.

Обратный путь. — Разговоры о Техасѣ и испанскихъ революціяхъ. — Штатъ Миссури.—Вопросъ о неграхъ.—Санъ-Луи.—Митингъ о правахъ женщинъ.—Мулатки.—Газеты.

Я пожалѣлъ, что силою какого-либо спиритическаго фокуса не могъ незамѣтно перенестись изъ Санъ-Франциско снова въ населенныя мѣста восточныхъ штатовъ. По неволѣ пришлось второй разъ продѣлать весь путь до Миссури черезъ описанныя уже пустыни, въ тѣхъ же вагонахъ, но съ тою разницею, что вмѣсто веселыхъ моряковъ я имѣлъ спутниками благочестивое американское семейство и время проводилъ въ игрѣ съ дѣвицами въ шахматы и въ разговорахъ о женскомъ трудѣ и образованіи. Наконецъ, удалось добраться до Омахи, откуда уже возвращаться въ Нью-Іоркъ можно какимъ угодно путемъ. Я направился черезъ Санъ-Луи, чтобы хотя отчасти видѣть остатки минувшаго величія южныхъ штатовъ; далѣе я думалъ сначала проѣхать въ Цинцинати, но судьба нѣсколько измѣнила маршрутъ, въ мою, впрочемъ, пользу.

Изъ Омахи въ Санъ-Луи кратчайшая дорога идетъ черезъ штаты Айова и Миссури. Любопытна система выдачи здѣсь желѣзнодорожныхъ билетовъ, на которыхъ требуется ваша подпись. Помощью ея билетъ обращается въ контрактъ съ дорогою и дѣлается срочнымъ; обыкновенно же въ Америкѣ билеты сохраняютъ свою силу по нѣсколько лѣтъ. Пройдя по описанному уже мосту, поѣздъ, идущій на востокъ, поворачиваетъ на право и все время до Канзасъ-Сити тянется по тальвегу рѣки Миссури, заливнымъ лугомъ, покрытымъ очень высокою травою; рядъ зеленыхъ холмовъ и видъ рѣки пріятно дѣйствуетъ послѣ пятидневнаго пребыванія въ степи. Мѣстность тутъ, однако, еще

очень недавно колонизирована и населеніе отличается грубостью первобытныхъ сетлеровъ. Высокіе, рослые фермеры преспокойно снимаютъ въ вагонахъ верхнее платье или даже являются вовсе безъ таковаго, оригинально зацѣпивъ цѣпочки отъ часовъ за гульфикъ панталонъ. Много ѣхало также скотоводовъ изъ Техаса въ испанскихъ круглыхъ шляпахъ съ серебряными украшеніями. Штатъ Техасъ американцы считаютъ чуть не притономъ разбойниковъ; нравы тамъ очень грубы, и до сихъ поръ большинство населенія занято разведеніемъ гуртовъ и торговлей живымъ скотомъ. Техасъ, впрочемъ, вовсе не какая-нибудь голая степь. Одно французское семейство, ѣхавшее оттуда, разсказывало мнѣ, что Техасъ прелестное мѣсто, богатое живописными видами, лѣсами и рѣками, недостаетъ только рукъ, да и спокойствіе, особенно у границъ, постоянно возмущается междоусобными войнами въ Мексиканской республикѣ. Вслѣдствіе войнъ до сихъ поръ нѣтъ желѣзной дороги въ столицу Мексики, безъ чего торговыя сношенія ея съ Соединенными Штатами крайне затруднительны.

О революціяхъ въ Мексикѣ мнѣ сообщали тѣ же лица забавныя вещи. Обыкновенно война тянется безконечно и производится слѣдующимъ образомъ: войска правительственныя и инсургентовъ становятся въ сраженіяхъ за 700 шаговъ—ружья же ихъ берутъ на 300 шаговъ, и затѣмъ палятъ до тѣхъ поръ, пока одна сторона не разстрѣляетъ весь запасъ пороха и не отступитъ. Это считается съ противной стороны за побѣду. Никогда, однако, убитыхъ, раненыхъ или плѣнныхъ, иначе какъ на бумагѣ, въ этихъ войнахъ не бываетъ.

Такъ къ чему жъ воюютъ? спроситъ читатель.

Вотъ здѣсь-то и секретъ. Война даетъ право обѣимъ сторонамъ объявлять осадное положеніе и жить реквизиціями на счетъ мирнаго населенія. Солдатъ, какъ правительственный, такъ и революціонный, состоитъ на службѣ пока не награбитъ 50 пезосовъ, затѣмъ прячетъ ружье и идетъ въ ближайшій игорный домъ поиграть въ монтэ; онъ сидитъ тамъ, пожевывая чику (родъ чеснока, запахъ котораго дѣлаетъ всѣхъ мексиканокъ отвратительными), и когда продуется до копѣйки, тогда снова беретъ ружье и возвращается къ своему отряду для новыхъ подвиговъ. Неудивительно, что при подобной системѣ революцій вся испанская Америка постепенно дичаетъ и обращается въ пустыню, не смотря на лживо-либеральныя фразы своихъ республиканскихъ конституцій.

Отъ Небраска-Сити начинается штатъ Миссури, который справед-

ливо считаютъ богатѣйшимъ по природнымъ качествамъ въ Америкѣ, гдѣ уже и безъ того много богатыхъ штатовъ. Чѣмъ только не надѣлила щедрая природа этотъ клочекъ земли величиною въ пять разъ болѣе Голландіи или Бельгіи! Онъ изобилуетъ также нѣмцами, непрерывною линіею раскинувшими свои поселенія: Гамбурги, Бисмарки и т. п., среди безконечныхъ посѣвовъ кукурузы, перемежающихся дубовыми рощицами. Веселый пейзажъ оживляютъ многочисленныя вѣтренныя мельницы съ крыльями системы Голидея, общеупотребительными въ Америкѣ. Въ Санъ-Франциско почти каждый домъ имѣетъ такой приводъ, приспособленный для качанія воды для домашнихъ надобностей. Зданія въ Миссури обвиты дикимъ виноградомъ и украшены безчисленнымъ множествомъ громоотводовъ, показывающихъ, что благодатная мѣстность имѣетъ и свои неудобства въ частыхъ грозахъ. Поля обработываются машинами; одинъ человѣкъ успѣваетъ обработывать по 30 десятинъ въ годъ! Всѣ, даже мелкія сельско-хозяйственныя работы въ Америкѣ, начиная съ образцовыхъ хозяйствъ восточныхъ штатовъ и кончая фермами въ Индѣйской территиріи, исполняются теперь машинами. Но, при мелкомъ землевладѣніи, невозможно имѣть на каждой фермѣ всевозможныя машины, по значительной ихъ стоимости; поэтому обыкновенно различные хозяева, имѣя различныя машины, обмѣниваются ими взаимно. Въ Америкѣ выросло уже цѣлое поколѣніе фермеровъ, которое не знаетъ что такое серпъ и коса; а у насъ, въ Россіи, до сихъ поръ существуетъ, даже въ спеціальной литературѣ, мнѣніе, что косильныя и жатвенныя машины настолько несовершенны, что ихъ не стоитъ и заводить.

Работа машинъ на столько производительна, что жатва производится всегда во-время и только при помощи мѣстныхъ рабочихъ рукъ. При этомъ нужно замѣтить, что въ полевыхъ работахъ въ Америкѣ никогда не участвуютъ женщины, тогда какъ у насъ на спѣшныя работы выходитъ старъ, и младъ, и всѣ женщины. Обыкновенно, американецъ управляетъ машиною, сидя подъ зонтикомъ, покуривая, а иногда и читая газету. Зрѣлище болѣе пріятное — не во гнѣвъ будь сказано американофобамъ — чѣтъ десятковъ покрытыхъ потомъ и изнеможенныхъ бабъ, не разгибая спины подъ палящимъ солнцемъ, жнущихъ хлѣбъ первобытными орудіями.

Послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ не совсѣмъ спокойно, вслѣдствіе дикихъ зазываній въ гостинницы по разнымъ городкамъ, по утру, около Лексингтона, появилась опять рѣка Миссури, а съ нею густая раститель-

ность, въ родѣ нашихъ петербургскихъ острововъ. Поля маиса продолжаются непрерывно; почва — роскошный черноземъ, который доказывается дорогами съ невылазною грязью. Чтобы не бороться съ послѣдней, американцы здѣсь, какъ и въ сосѣднихъ штатахъ, строятъ желѣзныя дороги на каждомъ шагу. Отъ Брунсвика путь удаляется отъ рѣки и врѣзывается въ довольно лѣсистую и болотистую мѣстность; но посѣвы маиса не прекращаются и здѣсь. Около города Мексики мѣстность дѣлается совершенно плоскою, почва становится глинистою и появляются квакеры и въ большомъ изобиліи негры, напоминая, что мы приближаемся къ одному изъ центровъ плантаторскаго юга. Относительно негровъ, я бесѣдовалъ съ однимъ бывшимъ рабовладѣльцемъ. Онъ иронически относился къ будущности негровъ, увѣряя, что черные мало по малу вымрутъ; относительно же освобожденія повторялъ жалобы нашихъ помѣщиковъ. Главный мотивъ жалобъ—неисполненіе неграми условій найма. Чуть только урожай получше, негры бросаютъ хозяевъ и преспокойно нанимаются по сосѣдству, унося полученные задатки. Возвратить послѣдніе невозможно, потому что мировые судьи также негры, или выбираются неграми; даже полученіе исполнительнаго листа, не ведетъ ни къ чему, ибо у негра не оказывается никакого имущества, а, приговоренный дослужитъ свой срокъ на плантаціи, онъ работаетъ такъ небрежно, что его лучше прогнать, тѣмъ болѣе, что негры весьма предусмотрительно нанимаются всегда съ пищею отъ хозяина.

— Мы объ эмансипаціи не жалѣемъ, заключилъ плантаторъ, отрѣзывая перочиннымъ ножемъ кусокъ жевательнаго табаку и закладывая его себѣ за щеку,—жестоко съ неграми обращались только нравственственные уроды, большинство же холило негровъ какъ собственныхъ дѣтей; доказательствомъ тому служитъ то, что негры самая здоровая раса въ Америкѣ. Такая заботливость проявлялась вовсе не отъ предписаній закона, положительно приравнивавшаго негра къ рабочему скоту, игнорируя его браки и другія гражданскія обязанности, но отъ интереса самаго плантатора; каждый здоровый негръ представлялъ капиталъ въ $2^1/_2$ тысячи долларовъ. Если посчитать, что намъ стоило содержаніе негровъ, воспитаніе и леченіе ихъ дѣтей, кормъ въ случаѣ неурожая или застоя въ торговлѣ, то положительно можно сказать, что трудъ негровъ только, только окупалъ себя.

— Однако же вы имѣли выгоды, замѣтилъ я.

— О, конечно, отвѣчалъ плантаторъ, выгоды эти были въ приплодѣ

негровъ.... Продажа прироста населенія на новыя плантаціи на западѣ была весьма выгодна для насъ.

Эти слова мой собесѣдникъ говорилъ также, какъ будто бы рѣчь шла о какомъ нибудь табунѣ. Впрочемъ и я — воспитанный въ эпоху, когда въ Россіи хотя продажа черныхъ невольниковъ наказывалась смертью, но продажа бѣлыхъ крѣпостныхъ дѣвокъ по 50 рублей за штуку считалась дѣломъ столь же простымъ, какъ питье водки передъ обѣдомъ — слушалъ его, не коробясь.

Поѣздъ между тѣмъ ѣхалъ да ѣхалъ и за Санъ-Чарльзомъ вошелъ на мостъ, который покажется въ диковинку даже въ Америкѣ, этой странѣ необыкновенныхъ мостовъ. Тутъ Миссури, пройдя около шести тысячъ верстъ, близокъ къ впаденію въ Миссисипи и уровень его подымается въ полноводіе необыкновенно, а потому разливъ рѣки страшный; американцы не задумались устроить, однако, мостъ, которому кажется, и конца нѣтъ; онъ образуетъ даже нѣсколько заворотовъ. Сидя на задней платформѣ и любуясь величественнымъ видомъ, открывающимся во всѣ стороны, дѣлается страшно, когда взглянешь внизъ. Мостъ кажется гигантскою паутиною, а никакой настилки нѣтъ, кромѣ одной линіи досокъ вдоль рельсовъ на случай поправки пути. Я былъ изумленъ смѣлостью рабочаго, встрѣтившаго по середи моста. Онъ, чтобы пропустить поѣздъ, сталъ на шпалу, надъ страшною пропастью и затѣмъ быстро побѣжалъ по узкой дощечкѣ съ твердостью человѣка, который идетъ по улицѣ. Между тѣмъ только мелькомъ поглядѣть сквозь шпалы въ глубину — начинаетъ кружиться голова!

Черезъ двадцать миль ровной какъ скатерть дороги открывается Санъ-Луи — городъ, которому предсказываютъ современемъ занять мѣсто столицы Соединенныхъ Штатовъ. Дѣйствительно, по своему несравненному географическому положенію, почти въ центрѣ республики, на сліяніи ея важнѣйшихъ рѣкъ, въ отличномъ климатѣ и посреди богатѣйшаго штата, Санъ-Луи имѣетъ всѣ задатки сдѣлаться всемірнымъ городомъ. И теперь онъ растетъ съ замѣчательною быстротою, немногимъ уступая въ ростѣ Чикаго, отъ котораго Санъ-Луи отличается въ другихъ отношеніяхъ. Наружный видъ Чикаго нарядноѣ, но населеніе его погружено исключительно въ торговлю; Санъ-Луи же очень напоминаетъ безжизненнымъ однообразіемъ и прямолинейностью Филадельфію, но въ немъ сохранилась французская закваска и общество отличается утонченными нравами. По пріятности жизни, по хорошей кухнѣ

этотъ городъ уступаетъ только Новому Орлеану, а купцы Санъ-Луи имѣютъ рѣдкую въ Америкѣ репутацію честности и осторожности.

Въ Санъ-Луи я былъ свидѣтелемъ митинга, устроеннаго мѣстнымъ Women's Suffrage Society. Подобныя общества существуютъ во всѣхъ почти большихъ американскихъ городахъ и имѣютъ цѣлью путемъ пропаганды добиваться для женщинъ полученія политическихъ правъ. Тотъ образчикъ женскаго краснорѣчія, котораго мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, не очень то много доказываетъ въ пользу этой агитаціи, и едва ли не злоупотребляютъ у насъ примѣромъ Америки, выставляя ее страною, гдѣ почва вполнѣ уже подготовлена для равноправности женщинъ. Митингъ былъ назначенъ въ 7 часовъ вечера. Но только въ восемь часовъ зала наполнилась публикою, состоявшей по большей части изъ женщинъ, коротко остриженныхъ и немногихъ мужчинъ съ длинными волосами. На подмосткахъ стояло фортепіано, покрытое кучею букетовъ, разбиравшихся присутствующими. За особымъ столомъ помѣщались двѣ старыя женщины: президентша и секретарь ассоціаціи. Первая слабымъ голосомъ объявила засѣданіе открытымъ. Тогда молоденькая леди въ шляпкѣ на бокъ à la Fra Diavolo сначала бойко пропѣла слегка фальшивя итальянскую арію, а затѣмъ прочла стихотвореніе, сочиненное какою-то женщиною.

Потомъ взошла на эстраду г-жа Юнгъ, докторъ наукъ, и произнесла короткій, но горячій спичъ, гдѣ утверждала что единственнымъ спасеніемъ для женщины—неизвѣстно почему исключенныхъ изъ политики—остается священное и неотъемлемое право говорить, особенно публично, чтобы клеймить по заслугамъ ограниченія, которыя мужчины наложили на права женщинъ, какъ гражданъ. Эта фраза была принята съ большимъ сочувствіемъ. Ободренная аплодисментами, докторесса трагическимъ тономъ обратилась къ аудиторіи съ вопросомъ: много ли мужчинъ, находящихся въ этой залѣ, согласны даровать равноправность женщинамъ? Два человѣка встали въ отвѣтъ на это предложеніе, но, какъ бы сконфузившись, немедленно сѣли, не произнеся ни слова. Признавъ, повидимому, результатъ голосованія удовлетворительнымъ, мистрисъ Юнгъ молча удалилась съ эстрады.

Тогда джентльменъ, блѣдный какъ мертвецъ, котораго бюро назвало полковникомъ, былъ приглашенъ взять на себя защиту женскихъ правъ. Ораторъ замогильнымъ голосомъ долго мямлилъ что-то о братьяхъ и сестрахъ, потомъ вдругъ, точно пораженный электрическимъ токомъ, заговорилъ съ быстротою 250 словъ въ минуту къ видимому отчаянію

репортеровъ и стенографовъ. Держа одну руку за спиною, онъ махалъ другою какъ маятникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ качалъ во всѣ стороны головою. Свое словоизверженіе полковникъ заключилъ проклятіемъ тѣмъ сочинителямъ законовъ, которые желаютъ во чтобы то ни стало обратить женщинъ исключительно въ кухарокъ. Среди шумныхъ «браво» мисстрисъ Стефенсъ начала послѣ того рѣчь, предупредивъ собраніе, что не знаетъ еще о чемъ будетъ говорить. Но сейчасъ же она воодушевилась и рѣзко порицала мужчинъ, которые постоянно называютъ женщинъ ангелами, а въ сущности обращаютъ ихъ въ мучениць.

— Зачѣмъ говорила она, равенство, братство и свобода, написанныя въ конституціи 1776 года, не относятся одинаксво къ женщинамъ, какъ и къ мужчинамъ? Почему дано право голоса негру и отказываютъ въ томъ женщинѣ? Это нелѣпость, вопіющая несправедливость, скандалъ, который такъ или иначе, необходимо уничтожить!

Слѣдующая ораторша, г-жа Гордонъ, заключила засѣданіе, провозгласивъ въ длинной и запутанной рѣчи пророческимъ голосомъ, что освобожденіе женщины, какъ естественный результатъ цивилизаціи произойдетъ скорѣе, чѣмъ ожидаютъ, можетъ быть даже на дняхъ. Она не знаетъ, на чемъ основано ея предчувствіе, но, какъ женщина понимаетъ, что подобное внутреннее чувство никогда не обманываетъ. Среди рѣчи ораторша упомянула имя Бичера немедленно раздались крики негодованія. Надобно сказать, что Бичеръ, братъ знаменитой г-жи Бичеръ-Стоу, весьма популярный въ Нью-Іоркѣ методистскій проповѣдникъ, высказалъ себя рьянымъ противникомъ эманципаціи женщинъ. Г-жа Гордонъ сконфуженная остановилась. Находчивая президентша приказала тогда сыграть польку, подъ звуки которой и разошлось собраніе, не вотировавъ никакихъ резолюцій.

На другой день газеты весьма иронически дали отчетъ объ этомъ засѣданіи, изображая ораторовъ мужскаго и женскаго пола одинаково въ каррикатурномъ видѣ.

Женщины, о судьбѣ которыхъ такъ заботится Women's Suffrage Society въ Санъ-Луи, славятся своею красотою, ихъ легко видѣть ежедневно въ сборѣ на 4-й улицѣ, заключающей лучшіе магазины. Въ Санъ-Луи нѣтъ, къ сожалѣнію, достойнаго мѣста прогулки, и кирпичные дома его и узкія улицы носятъ слишкомъ квакерскую наружность, хотя преобладающая религія католическая. Замѣчательнѣе всего въ Санъ-Луи мулатки—большаго роста, красивыя, съ отличными зубами, вьющимися волосами и необыкновенно скульптурными формами, кото-

рыхъ отродясь не стѣсняли никакіе лифы и корсеты. Цвѣтъ лица мулатокъ весьма различныхъ оттѣнковъ и тѣмъ менѣе уважается, чѣмъ онъ ближе къ черному. Mademoiselles de Beaux-Cirages, употребляющія вмѣсто poudre de riz березовый зубной порошокъ, въ презрѣніи; выше всего стоятъ мулатки съ голубыми глазами; говорятъ, что онѣ получились на Санъ-Доминго изъ помѣси польскихъ легіонеровъ, посланныхъ Наполеономъ съ Леклеркомъ, съ туземными негритянками. Мулатки очень любятъ наряжаться; какъ всѣ южныя женщины, онѣ имѣютъ врожденный вкусъ и умѣнье пользоваться съ успѣхомъ самыми яркими цвѣтами. Какая нибудь горничная въ гостинницѣ, въ грубомъ платьѣ въ яркихъ голубыхъ полосахъ и колпакѣ, кокетливо, свернутомъ изъ папиросной бумаги, право сдѣлала бы большой эффектъ, если бы выступила гдѣ нибудь на сценѣ въ «Африканкѣ». Замѣчательно, что мулаты могутъ улучшаться только помѣсью съ какою либо нецвѣтною расою; напротивъ того, отъ браковъ между собою у нихъ рождаются преуродливыя дѣти. Не оттого ли южные плантаторы такъ заботливо оберегали своихъ невольницъ отъ всякаго рода любви, кромѣ своей собственной?

Въ Санъ-Луи есть на что посмотрѣть и кромѣ красивыхъ мулатокъ: замѣчательны общественныя зданія, судъ, присутственныя мѣста и рынокъ (Market). Американцы усвоили себѣ мудрое изреченіе Наполеона I-го: la Halle est le Louvre du peuple; поэтому каждый почти городъ хвастается великолѣпными сооруженіями въ этомъ родѣ. Набережная Санъ-Луи также устроена очень искусно, въ виду того, что уровень рѣки Миссипи измѣняется въ огромныхъ предѣлахъ. Видъ на эту набережную съ противоположнаго берега считается однимъ изъ лучшихъ въ Америкѣ, но онъ не стоитъ ни Кіева, ни Нижняго, а много много Саратова. Миссисипи, конечно, великолѣпная рѣка, хотя мутныя воды ея несутъ только массы дерева, рѣка же не оживлена, пароходовъ сравнительно съ Волгою немного, а судовъ и совсѣмъ нѣтъ.

Судоходство убиваетъ конкурренція желѣзныхъ дорогъ, а также безпорядочность русла. На Миссисипи нельзя плавать безъ лоцмановъ, а хорошіе лоцманы въ Америкѣ получаютъ 700 долларовъ въ мѣсяцъ! Странно, что у насъ стали перенимать теперь американскую систему товаро-пассажирскихъ пароходовъ, тогда какъ въ Америкѣ ее оставляютъ, переходя къ болѣе выгодной системѣ буксирныхъ пароходовъ. Не смотря ни величайшія затрудненія, противъ самаго города, американцы устроили снова великолѣпный мостъ, въ которомъ поѣздъ желѣз-

ной дороги проходитъ подъ полотномъ, въ трубѣ. Окна вагоновъ закупориваются, тоннель наполняется горячимъ дымомъ и температура очень быстро подымается, такъ какъ поѣздъ идетъ тихо, а мосту, кажется, и конца нѣтъ. Духота въ тоннелѣ немалая, потому что черезъ мостъ идетъ шесть линій желѣзныхъ дорогъ, пользующихся тоннелемъ, да и оригинальное впечатлѣніе провести четверть часа въ темнотѣ, почти въ печкѣ, заставляетъ множество публики ради одного этого кататься до ближайшей станціи по ту сторону рѣки. Эту поѣздку совершаютъ обыкновенно лица, провожающія отъѣзжающихъ, особенно своихъ молодыхъ тетенекъ. Америка, хотя и очень прогрессивная страна, а все-таки средневѣковая система провожанія на станцію не вышла и тамъ изъ моды, такъ же какъ и снабженіе на дорогу домашней провизіей.

За то въ Америкѣ встрѣчаются явленія, которыхъ нигдѣ не встрѣтишь. Въ Санъ-Луи, напримѣръ, главнѣйшій республиканскій органъ называется «Миссурійскій Демократъ», а важнѣйшій демократическій органъ —«Миссурійскій Республиканецъ». Почему?—вѣдаетъ Аллахъ. Названія не мѣшаютъ, впрочемъ, американскимъ журналистамъ устраивать недурно свои дѣла. Даже въ провинціи (напримѣръ въ Цинцинати) есть издатели, состояніе которыхъ оцѣнивается въ пять, шесть милліоновъ долларовъ.

XV.

Индіана.—Питсбургъ.—Поѣздка въ страну петроля.—Американское нефтяное производство.—Штатъ Нью-Іоркъ.—Возвращеніе въ Европу.—Заключеніе: общее впечатлѣніе, оставляемое Соединенными Штатами и американскою жизнью.

Возвращеніе въ Нью-Іоркъ не обошлось для меня безъ приключеній. Со станціи Санъ-Луи отходятъ одновременно шесть поѣздовъ, стоящихъ рядомъ — по три съ каждой стороны прохода. Я отдалъ свой ручной багажъ и билеты негру, который, со свойственнымъ черной расѣ дурацкимъ усердіемъ, полетѣлъ въ ближайшій спальный вагонъ и, пріискавъ по спальному билету соотвѣтственное мѣсто, уложилъ вещи. Я же, видя, что вещи на мѣстѣ, считалъ себя спокойнымъ. Каково же было мое удивленіе, когда за нѣсколько станцій отъ Санъ-Луи одинъ джентельменъ вѣжливо заявилъ мнѣ, что я сижу на его скамейкѣ. Начались разъясненія — и оказалось, что у меня билетъ линіи Ogio and Mississipi, а я ѣду по Vandalia Line; обѣ линіи ведутъ, правда въ Нью-Іоркъ, но на разстояніи трехсотъ верстъ одна отъ другой и нигдѣ не сходятся. Нечего было дѣлать, пришлось покупать новые билеты — удовольствіе, стоившее 26 долларовъ. При этомъ выказалась американская натура. Такъ какъ у меня остался билетъ другой линіи, то, посыпались просьбы продать его за полцѣны. Видя, что я плохо объясняюсь по англійски, со мной говорили на разныхъ языкахъ, а одинъ пасторъ написалъ даже записку по латыни! Я продалъ этому классику билетъ за 9 долларовъ, но онъ мнѣ возвратилъ его черезъ полчаса и потребовалъ деньги обратно, потому что билетъ оказался срочнымъ и оставался дѣйствительнымъ всего на три дня. Затѣмъ два

дня приходили ко мнѣ торговать билетъ пассажиры изъ разныхъ вагоновъ; но все-таки билетъ остался не проданнымъ. Какой-то добрый полякъ-эмигрантъ былъ добровольнымъ посредникомъ во всѣхъ этихъ торжищахъ, и вагонъ нашъ положительно изображалъ аукціонъ.

Это забавляло и развлекало меня, потому что пейзажъ въ штатѣ Индіана мало способенъ привлечь вниманіе туриста. Мѣстность вездѣ ровная, лѣсистая, почва глинистая, впрочемъ хорошо обработанная. Штатъ этотъ много отпускаетъ за границу черезъ Чикаго и считается богатымъ, но фермы не имѣютъ того вида довольства, какъ на востокѣ; новость нѣмецкой колонизаціи еще очень замѣтна. Удивительно, сколько на свѣтѣ голодныхъ нѣмцевъ, чтобы наводнять всѣ эти штаты! Населеніе тутъ большое, ибо пассажировъ садится много на каждой станціи. Поутру я испугался, найдя въ умывальникѣ для мытья чай съ молокомъ. Оказалось на повѣрку, что это вода, взятая изъ рѣки Миссури. Цвѣтъ зависитъ отъ разболтанной глины, на вкусъ, однако, ничего не замѣтно и коричневая вода не вредна для питья. Колумбусъ, гдѣ мы завтракали, главный городъ Индіаны, въ немъ я не видѣлъ ничего выдающагося, кромѣ того, что у этого города нѣтъ пригородовъ, городскія постройки точно ножемъ отрѣзаны отъ окружающаго поля. Такая система расположенія, показывающая, что городъ выстроился по щучьему велѣнію и не сегодня, завтра поѣдетъ въ другое мѣсто, замѣтна во многихъ пунктахъ Соединенныхъ Штатовъ. Видно, что населеніе этой страны не устоялось и не совсѣмъ плотно пустило корни, за исключеніемъ развѣ атлантическихъ штатовъ, гдѣ даже издаются родословныя книги обывателей, ведущихъ свое происхожденіе отъ колонистовъ XVII столѣтія.

Въ штатѣ Огайо таже мѣстность, что и въ Индіанѣ, но замѣтно болѣе промышленнаго движенія. Городъ Нейаркъ уже сильно смахиваетъ на большіе англійскіе фабричные города: кирпичные шестиэтажные сараи замѣняютъ изящные деревянные коттеджи. Ближе къ Пенсильваніи оживленіе еще увеличивается, а мѣстоположеніе дѣлается очень красивымъ. Пассажиры снова вылѣзаютъ на платформы. Осебенно хорошъ уголокъ Западной Виргиніи, врѣзавшійся клиномъ между двумя штатами: Огайо и Пенсильваніей. Рельсовый путь проложенъ здѣсь вдоль замѣчательно извилистой рѣки Огайо; почему кривыя поражаютъ своею крутизною и, паровозъ, чтобы не соскочить съ рельсовъ, долженъ все время ѣхать сломя голову, переваливаясь съ боку на бокъ. Виды вокругъ чрезвычайно эффектны. Не даромъ французы, первые открывшіе эту мѣст-

ность, прозвали Огайо La belle rivière. Американцы не удовольствовались, однако, наслажденіемъ пейзажами, и повернувъ почву вверхъ дномъ наполнили эту мѣстность доменными печами, угольными рудниками, фабриками, заводами и пр. Уже городъ Штейбенвиль даетъ понятіе о здѣшнемъ промышленномъ движеніи, но Питсбургъ поражаетъ самое смѣлое воображеніе.

Этотъ американскій Бирмингамъ построенъ на сліяніи трехъ судоходныхъ рѣкъ (Огайо, Аллегани и Мононгахела) въ самомъ центрѣ богатѣйшаго въ мірѣ каменно-угольнаго бассейна и въ двухъ шагахъ отъ знаменитыхъ нефтяныхъ источниковъ. Понятно, онъ сдѣлался собраніемъ безчисленнаго множества огромныхъ огнедѣйствующихъ заводовъ. Нельзя себѣ вообразить волшебной картины, которая представляется вечеромъ, когда поѣздъ идетъ извиваясь по крутому склону Аллегани, а на противоположной сторонѣ рѣки тысячи трубъ извергаютъ дымъ и пламя, а гулъ отъ безчисленнаго множества паровыхъ свистковъ, молотовъ и станковъ наполняетъ воздухъ. Если видъ на берега Босфора даетъ понятіе о гигантскомъ царствѣ лѣни и разврата, то раскинутый на нѣсколько верстъ амфитеатромъ Питсбургъ идеализируетъ картину труда и кипучей дѣятельности. Густое черное облако дыма, точно грозовая туча, стоитъ надъ городомъ и придаетъ пейзажу мрачный колоритъ. Не видя никогда солнца иначе какъ сквозь закопченное, если можно такъ выразиться, небо, только въ знаменитой old burbon wisky — приготовляемый гдѣ-то по близости — находятъ мѣстные жители источникъ живительной теплоты. Впрочемъ, богатый классъ — аристократы водки, керосина и желѣза, отличаются въ Питсбургѣ любезностью и хорошими манерами, особенно сравнительно съ дальнимъ Западомъ. Эту любезность я очень скоро испыталъ на себѣ.

Желая поужинать, я взошелъ въ Питсбургѣ въ буфетъ громадной желѣзно-дорожной станціи и къ удивленію засталъ въ залѣ человѣкъ сто за большимъ банкетомъ. Безчисленныя бутылки шампанскаго и раскраснѣвшіяся лица указывали на какое то большое торжество; оказалось, что это были эксперты филадельфійской всемірной выставки, для которыхъ могущественная компанія Пенсильванской желѣзной дороги устроила семидневную увеселительную поѣздку. При моемъ появленіи раздались восклицанія съ разныхъ сторонъ: наши русскіе эксперты привѣтствовали своего соотечественника; не успѣлъ я пожать еще всѣ протянутыя мнѣ руки, какъ предсѣдатель торжества явился уже съ приглашеніемъ сдѣлаться гостемъ, увѣряя, что фамилія моя уже ранѣе была

записана въ его calépin. Черезъ нѣсколько минутъ на бутоньеркѣ моего запыленнаго пиджака красовалась красная лента съ надписью: «Гость Пенсильванской желѣзной дороги», а мой багажъ изъ вагона переносили въ номеръ гостинницы, спеціально нанятой для участвующихъ въ увеселительно-научной поѣздкѣ. Согласіе свое я далъ, впрочемъ, условно, именно на то время, которое было необходимо для осмотра такъ называемой Петроліи, т. е. той части Пенсильваніи гдѣ на весь свѣтъ добывается нефть, перегоняемая въ Питсбургѣ и окрестныхъ городахъ въ керосинъ.

Ночь, проведенная въ Питсбургѣ, дала мнѣ случай испытать всѣ прелести жизни служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Окна номера выходили на станціонный дворъ; цѣлую ночь поѣзда приходили, уходили и маневрировали, свистя немилосердно. Нужно еще замѣтить, что въ Америкѣ прогрессъ распространяется одинаково на все — даже на свистъ. Американскіе машинисты виртуозы въ этомъ отношеніи и, изучая звуки своихъ свистковъ, продѣлываютъ потомъ различные курьезы, насвистывая Jankee Dodle и др. любимые мотивы. Конечно, такая музыка не слишкомъ располагаетъ ко сну, даже послѣ нѣсколькихъ ночей, проведенныхъ въ вагонѣ, и торжественнаго ужина, а въ 7 часовъ утра пришлось вставать, чтобы успѣть выполнить обширную програму поѣздки.

Поднявшись по звонку и позавтракавъ на скоро, мы усѣлись въ великолѣпный спеціальный поѣздъ и мимо безчисленнаго множества желѣзныхъ, механическихъ, стеклянныхъ и керосиновыхъ заводовъ и фабрикъ понеслись по краснымъ берегамъ Аллегани въ знаменитую Петролію, которую американцы, неохотно вообще сочиняющіе каламбуры, удачно прозвали Oil-dorado. Наша ученая экскурсія была, какъ всѣ подобныя экскурсіи въ свѣтѣ: хотя профессора, ученые и инженеры считались десятками, но вести технические разговоры они считали излишнимъ, а предпочитали какъ можно чаще заглядывать въ громадный центральный вагонъ, обращенный въ буфетъ, гдѣ услужливые негры не успѣвали раскупоривать бутылки вина и водки, поливая ими разложенные по стаканамъ куски льда и подавая въ перемежку congres-water—американскую сельтерскую воду. Эта невинная забава служила только въ видѣ антракта между болѣе основательными возліяніями, совершавшимися за завтраками, обѣдами и ужинами, для которыхъ поѣздъ останавливался на станціяхъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Особенно неутолимою жаждою отли-

чались нѣмецкіе ученые и репортеры, которые съ грустью казалось разставались съ бутылкою даже на короткіе промежутки и къ каждой трапезѣ относились съ такой симпатіей, точно отродясь ничего не ѣли и не пили. Счастливая нація!

Два года передъ тѣмъ я посѣтилъ русскую Петролію—окрестности Баку, и для меня было вдвойнѣ интересно сравнить теперь наше нефтяное производство съ американскимъ. Само собою разумѣется, что ничего похожаго нѣтъ. Тамъ, гдѣ у насъ разбросано десятокъ буровыхъ скважинъ наполовину неоконченныхъ и нѣсколько колодцевъ, изъ которыхъ по библейскому способу козлиными шкурами черпаютъ нефть, у американцевъ тысячи буровыхъ скважинъ, одна почти рядомъ съ другой, день и ночь качаютъ масло. Для перевозки масла у насъ продолжаютъ служить турсуки и масло перевозится на вьюкахъ, утраиваясь въ цѣнѣ на разстояніи какихъ нибудь десяти, пятнадцати верстъ; въ Америкѣ огромныя компаніи устроили особую систему маслопроводовъ и по тонкимъ желѣзнымъ трубкамъ перегоняютъ нефть за ничтожную цѣну на 50 и болѣе верстъ, а современемъ будутъ перегонять вплоть къ морскимъ портамъ, для вывоза заграницу. Перевозка масла производится также въ особыхъ вагонахъ, которые представляютъ огромную желѣзную бочку съ колпакомъ для отвода летучихъ веществъ. Наши керосиновые заводы въ Баку по большей части только кухни, устроенныя армянскими ростовщиками, гдѣ простые персіяне, ни о какой химіи неслыхавшіе, перегоняютъ керосинъ въ мѣдныхъ чайникахъ и деревянными палками разбалтываютъ его въ деревяннымъ же кадкахъ съ очищающими веществами. Въ Америкѣ керосиновые заводы устроены на широкую ногу и скучены преимущественно въ Питсбургѣ, откуда отправка керосина на приморскіе порты и далѣе въ Европу наиболѣе удобна.

Американское нефтяное производство имѣетъ и свои недостатки. Необыкновенная легкость и доступность производства, небольшой капиталъ, необходимый для устройства дѣла, либеральное горное законодательство и особенно громадные барыши, нажитые первыми предпринимателями, привлекли къ этой промышленности слишкомъ много рукъ и капиталовъ сразу. Буровыя скважины проводились поспѣшно и также скоро оставлялись, нефтью распоряжались чрезвычайно щедро и неэкомно, теряя ее въ огромномъ количествѣ, керосинъ готовили всегда далеко выше запроса изъ Европы, потому цѣна на него, постепенно падая, дошла до невѣроятной дешевизны, между тѣмъ для геологовъ давно было

ясно, что запасы горнаго масла не только не неисчерпаемы, но, наоборотъ, должны, по крайней мѣрѣ въ Пенсильваніи, изсякнуть очень скоро. Это происходитъ отъ самаго способа образованія нефти. Подземныхъ большихъ резервуаровъ ея нѣтъ; нефть подымается изъ нѣдръ земли въ видѣ паровъ и охлаждается близь поверхности, насыщая почву и распространяясь по трещинамъ, особенно при помощи воды. Буровыя скважины высасываютъ нефтяную землю какъ губку, и затѣмъ никакого новаго притока ея ждать не откуда. Углубляясь ниже, получается только горючій газъ. Подобное явленіе замѣчается и у насъ на Кавказѣ. Американцы уже начинаютъ чувствовать послѣдствія своей расточительности, хотя ни на волосъ не измѣняютъ принятой системы эксплоатаціи нефти. Недостатокъ нефти отражается на ея запасахъ и извѣстно, что керосинъ вообще повышается въ цѣнѣ. Это повышеніе приписываютъ спекуляціи, но, оно лежитъ въ натурѣ вещей, и я полагаю, что оно еще будетъ еще идти впередъ.

Обозрѣніе маслянаго царства я началъ съ городовъ Кернсъ и Паркеръ, такъ какъ, знаменитое еще недавно по богатству нефти, графство Венанго стало давать значительно менѣе нефти, нежели графство Кернсъ. Округа, гдѣ добывается нефть, были лѣтъ двадцать назадъ, самою дикою частью Пенсильваніи и теперь еще они покрыты густымъ лѣсомъ, только мѣстами разчищеннымъ для потребностей нефтянаго промысла. Главный бассейнъ лежитъ вдоль рѣки Аллегани, весьма красивые и утесистые берега которой покрыты, встрѣчающимися на каждомъ шагу, буровыми зданіями, резервуарами нефти, трубками, въ которыхъ сожигается выходящій вмѣстѣ съ нефтью газъ, и другими признаками добычи нефти. Послѣдняя покрываетъ также большими радужными пятнами воду рѣки, смѣшивается съ грязью дорогъ, пачкаетъ всѣ зданія, одежду рабочихъ, наконецъ, заражаетъ своимъ запахомъ воздухъ. Неудивительно, что у первыхъ піонеровъ этой богатой мѣстности дѣлался родъ нефтяного вертижа и они съ такою же быстротою расточали милліоны, какъ и ихъ добывали. Исторія Петроліи полна миѳическихъ подробностей, превосходящихъ тѣ, которыя встрѣчались въ Калифорніи во время сильнѣйшаго развитія такъ называемой «золотой лихорадки». Внезапно возникали города, сбиравшіе до 15 и болѣе тысячъ жителей, съ театрами, водопроводами, гостинницами и газетами. Потомъ все это вдругъ бросалось вовсе или переносилось въ другую мѣстность.

Знаменитая спекуляція съ акціями Южнаго моря въ Англіи и банкомъ Лоу во Франціи — ничто въ сравненіи съ нефтяною горячкою; сила ея понятна, потому что случалось, затративъ десять тысячъ долларовъ, нажить милліонъ или два. Бывало также, что паи, стоившіе десять долларовъ, продавались на другой день по 10,000 долларовъ! Земля, стоившая 15 долларовъ акръ, продавалась по 80,000 долларовъ за половину акра. Въ два года было основано 1,458 акціонерныхъ компаній для добычи нефти! И до сихъ поръ, хотя горячка поулеглась, страсти успокоились и нищихъ въ итогѣ получилось болѣе, чѣмъ милліонеровъ, общій характеръ Петроліи — какая-то неустойчивость, какъ будто бы населеніе собралось только на временныя работы. Города состоятъ изъ бревенчатыхъ домовъ, построенныхъ безпорядочно вдоль чрезвычайно узкихъ немощенныхъ улицъ, полиціи никакой, магазины послѣдняго качества, цѣны безобразно высоки, даже желѣзныя дороги строятся на живую нитку.

Никогда не совершалъ я такого оригинальнаго путешествія, какъ по узколинейной дорогѣ изъ Перкера въ Кернсъ. Рельсы положены по невозможнымъ кривымъ съ невѣроятными уклонами. Вмѣсто вагоновъ намъ наставили на платформы стульевъ, взятыхъ изъ станціоннаго буфета, и повезли усердно посыпая сажею изъ локомотивной трубы. Въ Петроліи, да и въ Питсбургѣ, копоть вообще такая, что мыть руки и лицо почти Сизифова работа, потому болѣе практическіе американцы не моютъ вовсе грязнаго бѣлья, а прямо бросаютъ послѣднее на улицу, купивъ предварительно въ магазинѣ чистое и новое.

На нетвердое отношеніе населенія къ почвѣ вліяютъ частые, страшные пожары. Стоитъ ли обстраиваться и обзаводиться, когда рискуешь завтра сгорѣть до тла. Мы выѣхали изъ Питсбурга любуясь, какъ по обѣ стороны пути горѣли керосиновые заводы, а когда пріѣхали въ Кернсъ, то увидѣли ужасное зрѣлище, точно для насъ нарочно заказанное: горѣлъ городъ Миллерстоунъ и съ нимъ 23 тысячи бочекъ нефти. На это, впрочемъ, никто по сосѣдству не обращалъ вниманія, и показывавшіе намъ, лежащіе въ двухъ шагахъ, нефтяные источники, американскіе инженеры врали безъ запинки, не стѣсняясь даже тѣмъ, что говорили передъ сотнею экспертовъ всемірной выставки, т. е. такъ сказать, передъ кладеземъ европейской технической премудрости.

Послѣ завтрака въ Фоксбургѣ, поѣздъ двинулся далѣе къ сѣверу, черезъ болѣе извѣстные нефтяные города: Пизоль, Олеополисъ, Ойль-

Сити, Петроль-Центръ. Брошенныя и разрушающіяся буровыя устройства производили весьма грустное впечатлѣніе. Впрочемъ, Ойль-Сити, на знаменитой рѣчкѣ Ойль-Крикъ, — колыбель нефтянаго дѣла, доставившаго Америкѣ сотни милліоновъ долларовъ, обратился въ цвѣтущій городокъ, обстроенный красивыми каменными зданіями; видно населеніе не думаетъ уже удирать отсюда при первой возможности. На одномъ изъ большихъ керосиновыхъ заводовъ по дорогѣ былъ сдѣланъ привалъ. Директоръ завода прочелъ родъ лекціи о приготовленіи керосина, при чемъ разсказывалъ такія чудеса, что одинъ шведскій химикъ довольно безцеремонно остановилъ его замѣчаніемъ:

— Да если бы вы творили все, что разсказываете, то давно бы взлетѣли на воздухъ.

Американецъ презрительно улыбнулся и указалъ на какія-то развалины завода, изъ которыхъ можно заключить, что подобные случаи вѣроятно бывали.

Всѣ параллельныя линіи желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ между собою, конечно, во враждѣ и ссорѣ, поэтому, когда я попросилъ высадить меня на чужой линіи съ тѣмъ, чтобы хотя на минуту былъ остановленъ поѣздъ на промежуточной по росписанію станціи, то, послѣ длиннаго ряда совѣщаній, представители Пенсильванской желѣзной дороги предпочли лучше телеграфировать о задержаніи своего скораго поѣзда на десять минутъ, только, чтобы не обязываться передъ чужой компаніей. Съ нѣкоторымъ торжествомъ на станціи Юніонъ высадили меня. Пожавъ съ чувствомъ безчисленное множество рукъ лицамъ, которыхъ я никогда до того не видалъ и едва ли впредь увижу, при крикахъ ура и теплыхъ пожеланіяхъ, разстался я съ моими веселыми спутниками, направлявшимся въ Эри и далѣе на Ніагару, видѣть которую вторично мнѣ нисколько не было любопытно. Задержанный поѣздъ могъ доставить меня только до городка Корри, гдѣ пришлось ждать цѣлую ночь и половину слѣдующаго дня, чтобы попасть на почтовый поѣздъ, идущій въ Нью-Іоркъ. Пріютившись въ желѣзно-дорожной гостинницѣ, содержимой бѣглымъ польскимъ жидомъ, я порядочно проскучалъ, хотя Корри — городокъ быстро обстраивающійся, подъ вліяніемъ огромной хлѣбной торговли и керосиноваго производства, но однообразіе американскихъ городовъ начинало мнѣ уже сильно пріѣдаться.

Изъ Корри въ Нью-Іоркъ, на Саламанку, поѣздъ идетъ большею частью

ночью. Впрочемъ, съ полудня до заката солнца и рано по утру успѣваешь достаточно насмотрѣться на мѣстность такъ называемаго Empire-State, которая похожа на пенсильванскую, но болѣе сурова, а потому не такъ красива. Сначала линія идетъ густымъ лѣсомъ; рѣдко гдѣ можно встрѣтить такую могучую растительность. Затѣмъ являются берега озера Чатаукуа, славящагося своими красивыми видами. Послѣ Саламанки характеръ штата измѣняется, край дѣлается очень населеннымъ, попадаются большіе города, хотя и съ обычнымъ характеромъ временныхъ дачныхъ построекъ, вмѣсто домовъ; число пассажировъ приростаетъ, въ спальныхъ вагонахъ тѣснота и духота страшныя. Еще ближе къ Нью-Іорку почва дѣлается каменистою, но вліяніе столицы уже сильно замѣтно: постройки становятся все роскошнѣе и роскошнѣе, и мѣстность принимаетъ какъ бы европейскій характеръ.

Въ Нью-Іоркѣ я имѣлъ неосторожность остановиться въ Brunswick-Hôtel, устроенномъ, какъ оказалось sur le plan européen. Этотъ «европейскій планъ» отличается отъ американскаго тѣмъ, что за каждую вещь берутъ отдѣльно и сочиняютъ, такимъ образомъ, совершенно баснословные счеты. Бифштексъ-шатобріанъ стоитъ, напримѣръ, 4 доллара! Въ сутки я издержалъ болѣе, чѣмъ заплатилъ бы въ американской гостинницѣ въ недѣлю. А тутъ еще пришлось передъ отъѣздомъ отдать множество визитовъ, для чего требуется экипажъ, обходящійся въ Америкѣ также безобразно дорого. Въ числѣ визитовъ я посѣтилъ такъ называемое «Русско-американское общество», гдѣ нѣсколько бывшихъ русскихъ литераторовъ продаютъ американцамъ самовары, табакъ и др. произведенія, выписываемыя изъ Россіи.

Дѣло это еще въ началѣ, но у нашихъ соотечественниковъ большой энергіи не замѣтно, по крайней мѣрѣ они ругали американцевъ довольно дружно. Насколько эти жалобы основательны, не знаю; но вообще замѣчу, что нѣтъ народа менѣе подходящаго для колонизаціи Соединенныхъ Штатовъ, какъ русскіе. Тамошній языкъ и нравы намъ совершенно чужды, а затѣмъ въ Америкѣ необходимы здоровыя руки, изъ Россіи же идутъ только представители интеллигенціи. Естественное разочарованіе понятно; оно производитъ иногда столь сильную реакцію, что учрежденія, казавшіяся издали чудесными, дѣлаются противными. Русская эмиграція отличается еще разрозненностью. Никакого центра ея въ Америкѣ нѣтъ и одинъ кружокъ отзывается о другомъ

съ презрѣніемъ. Въ послѣднее время въ Америкѣ начали также появляться изъ Россіи разные бѣглые преступники, преимущественно кассиры. Къ сожалѣнію, при всемъ желаніи, американское правительство ихъ выдать не можетъ, за неимѣніемъ взаимной конвенціи. Конвенціи же нѣтъ, потому что наши дипломаты опасаются, что при существованіи таковой, занятія ихъ сдѣлаются довольно серьезными. Одинъ изъ дипломатовъ замѣтилъ мнѣ, что не стоитъ заботиться о возвращеніи на родину мошенниковъ, пусть ихъ лучше исправляются на чужой землѣ: замѣчаніе болѣе игривое, чѣмъ убѣдительное.

Оставляя Америку, я имѣлъ случай еще разъ убѣдиться въ практичности ея порядковъ. Уѣзжая въ Калифорнію, я просилъ всѣ письма, адресованныя на мое имя, переслать изъ Филадельфіи въ агентство французскаго пароходнаго общества. Это было исполнено. На бѣду одинъ мой знакомый капитанъ, видя толстый пакетъ съ моей фамиліей, думалъ оказать мнѣ Богъ вѣсть какую услугу и свезъ всѣ письма обратно въ Филадельфію и отдалъ въ русскій отдѣлъ. Я узналъ объ ошибкѣ уже наканунѣ отъѣзда, немедленно телеграфировалъ и такъ какъ почта не въ состояніи была застать меня въ Нью-Іоркѣ, то просилъ адресовать письма черезъ транспортную контору. Дѣйствительно, нашъ пароходъ уже снималъ мостки, когда запыхавшійся разсыльный прилетѣлъ прямо со станціи желѣзной дороги, отыскивая меня, чтобы вручить пакетъ съ письмами. Въ Россіи только на разъясненіе подобнаго недоразумѣнія потребовалось бы недѣли двѣ, да еще вопросъ — добился ли бы я чего нибудь. По крайней мѣрѣ, обратившись однажды къ почтовымъ властямъ съ заявленіемъ о потерянномъ письмѣ, я получилъ въ отвѣтъ лишь фразу:

— Неужели вы думаете, что въ Америкѣ писемъ не теряютъ?

Пароходъ, на которомъ мнѣ пришлось возвращаться въ Европу, былъ тотъ же самый—L'Amérique, на которомъ я ѣхалъ и въ передній путь. Спутники мои также были по большей части возвращавшіеся съ выставки французскіе эксперты; кромѣ того ѣхалъ профессоръ Менделѣевъ и еще двое русскихъ. Погода намъ замѣчательно благопріятствовала, десять дней океанъ былъ буквально какъ зеркало, приберегая свое коварство для болѣе скучныхъ пассажировъ; мы же ѣхали весело, упражняясь въ дешевомъ остроуміи и кулинарномъ искусствѣ, такъ какъ къ серьезнымъ занятіямъ море не очень располагаетъ. Изъ пассажировъ обращали на себя вниманіе два курьеза: молодая красивая

американская вдова, очень интересная, но къ сожалѣнію выпивавшая преспокойно по бутылкѣ шартреза, и морской докторъ временно прикомандированный компаніей къ пароходу; докторъ, какъ оказалось, учился сначала въ Россіи въ нѣжинскомъ лицеѣ, а затѣмъ, изучивъ во Франціи медицину и былъ въ полчищахъ Гамбетты старшимъ докторомъ. Такого добродушнаго оригинала я рѣдко гдѣ встрѣчалъ. Онъ помѣшался на извѣстной туманной философіи Гойенэ Вронскаго и проводилъ такія теоріи, что французы только руками разводили и единогласно порѣшили, что il est toqué notre cher docteur. Счастье везло вамъ во всемъ: мы потеряли было матроса, упавшаго завязывая тентъ за бортъ,но, не смотря на скорость хода парохода, удалось спасти бѣдняка, съумѣвшаго въ сапогахъ и одеждѣ продержаться шесть минутъ на водѣ. Выпивъ полбутылки теплаго коньяку и переодѣвъ бѣлье, онъ черезъ десять минутъ уже работалъ какъ ни въ чемъ не бывало... Пріятная, нечего сказать, служба!

Пароходъ, однако, уже совсѣмъ переноситъ меня въ Европу, потому я имѣю право закончитъ свой периплъ и сказать прости новому свѣту, гостепріимно меня пріютившему нѣсколько мѣсяцевъ. Разставаясь съ Америкою, считаю необходимымъ прибавить нѣсколько словъ объ общемъ впечатлѣніи, которое я оттуда вынесъ. Конечно, скажутъ, что быстрота поѣздки не даетъ мнѣ права дѣлать обстоятельныхъ заключеній. Все равно, безусловныхъ рѣшеній нѣтъ, а при нѣкоторомъ желаніи наблюдать, т. е., выражаясь словами Вольтера, путешествуя не какъ чемоданъ, всегда можно подмѣтить кое-что не лишнее для себя и чѣмъ можно подѣлиться съ другими. Это заключеніе я считаю тѣмъ болѣе полезнымъ, что, сколько извѣстно, большинство русскихъ, посѣтившихъ въ 1876 г. году Америку, сильно разочаровалось въ ней. О себѣ скажу—наоборотъ. Отправившись въ Соединенные Штаты нѣсколько подъ впечатлѣніемъ «Oncle Sam» и разныхъ вздорныхъ книжекъ, до путешествій Диксона включительно, я возвратился вынеся скорѣе хорошее, нежели дурное впечатлѣніе.

Нерѣдко читаешь, что опытъ будто бы доказалъ, что американскія учрежденія были соотвѣтствующи только тогда, когда въ мѣстномъ населеніи жилъ еще духъ первыхъ эмигрантовъ изъ Европы, основателей республики, людей политически разумныхъ и нравственно религіозныхъ, а что теперь одно численное большинство безъ достаточнаго образованія и при упадкѣ нравственности (?) не въ состояніи охранить никакія учрежденія отъ искаженія. Другіе увѣряютъ, что съ уничто-

женіемъ равновѣсія власти отдѣльныхъ штатовъ и центральной прежняя конституція на дѣлѣ уничтожена и что въ настоящее время какая бы партія ни захватила власть въ Вашингтонѣ, противъ ея произвола не существуетъ уже огражденія американскому гражданину, а имена республики, свободы, равенства — только одна горькая иронія. Эти смѣлыя утвержденія публицистовъ—грубая мистификація европейской публики.

Безъ сомнѣнія, каждая страна имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Идеала нѣтъ и его въ Америкѣ не достигли и не достигнутъ. Но, если положить на вѣсы худыя и хорошія стороны, то навѣрное въ Соединенныхъ Штатахъ, сравнивая ихъ съ Европою, хорошее сильно перетянетъ въ свою сторону. То что сказалъ объ Америкѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія де Стендаль (Henry Beyle) остается вполнѣ вѣрнымъ «Свободное правительство, говоритъ онъ, это правительство которое не дѣлаетъ ничего дурнаго своимъ подданнымъ, а наоборотъ доставляетъ имъ тишину и спокойствіе. Но отъ этого еще далеко до счастья. Послѣдняго человѣкъ долженъ самъ достигнуть, ибо только очень грубыя натуры могутъ быть вполнѣ счастливы ради того, что они спокойны и находятся въ безопасности. Мы смѣшиваемъ эти вещи въ Европѣ, пріученные къ правительствамъ, которые причиняютъ намъ вредъ; избавиться отъ послѣднихъ кажется намъ высшимъ блаженствомъ. Это то же самое какъ положеніе больныхъ, которымъ прискучила ихъ продолжительная болѣзнь. Примѣръ Америки доказываетъ, однако что одного этого недостаточно»....

Къ недостаткамъ Америки относятъ обыкновенно ея буржуазный характеръ общества. Она и издали и вблизи представляется сборищемъ трудолюбивыхъ и ловкихъ мѣщанъ; интересы науки, искусства, утонченной цивилизіи стоятъ тамъ на второмъ планѣ, трудъ и ординарный незамысловатый комфортъ — на первомъ. Правда, и въ Америкѣ замѣтно извѣстное различіе въ манерахъ, образованіи, образѣ жизни, но преимущественно преобладаетъ одинъ типъ. Если Россію справедливо называютъ мужицкимъ царствомъ, то Америку съ такимъ же основаніемъ можно назвать мѣщанскимъ царствомъ. Кто ставитъ прямолинейные идеалы на первомъ планѣ, тотъ пусть въ Соединенные Штаты не заглядываетъ: онъ раскается непремѣнно. Совсѣмъ въ другомъ положеніи явится тотъ, кто, не задаваясь искусственными построеніями, оставитъ Европу съ ея

историческими законодательными несправедливостями, пролетаріатомъ, невѣжествомъ, бѣдностью массы и необузданностью авторитета и посмотритъ на Амернку,—онъ увидитъ въ ней явленіе прямо противоложное: конституцію и кодексъ, которые сдѣлались фактами, а не фразами; желѣзныя дороги и гигантскія сооруженія, построенныя въ интересѣ всѣхъ, въ размѣрахъ, о которыхъ Европа не имѣетъ никакого понятія; народную школу и газету, доведенную до nec plus ultra доступности и дешевизны, и какъ общій результатъ—довольство массы, довольство политическое и соціальное. Я разумѣю именно массу, потому что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ по временамъ, а особенно тамъ, гдѣ волна голодной европейской эмиграціи бьетъ непрерывно, легко указать множество ничего не доказывающихъ исключеній. Я обратилъ въ своемъ мѣстѣ вниманіе на наиболѣе выдающіеся факты, о которыхъ сейчасъ упомянулъ.

Не считая древней Греціи, исторія не знаетъ почти республикъ демократическихъ. Республика и олигархія въ Европѣ сдѣлались синонимами. Американская конституція — единственное можно сказать въ своемъ родѣ твореніе человѣческаго разума—создала демократическое государство, размѣры котораго могутъ увеличиваться по произволу безъ всякаго опасенія за единство страны. Хотя каждый новый штатъ имѣетъ право сочинить себѣ какую угодно конституцію, онъ не находитъ, однако, ничего лучшаго, какъ копировать старую федеральную. Это фактъ.

Въ Америкѣ указываютъ на различныя злоупотребленія администраціи. Эти злоупотребленія дѣйствительно существуютъ, но они дѣло партіи, и конституція тутъ не причемъ, а развѣ имѣетъ то значеніе, что дозволяетъ всегда передать власть въ руки другой партіи по неволѣ искореняющей злоупотребленія. Въ Европѣ такой порядокъ вещей немыслимъ, тамъ административныя ошибки передаются, такъ сказать, по наслѣдству. При этомъ трудно дѣлать сравненія. Еслибы въ Европѣ была гласность, хотя на половину подобная американской, то злоупотребленій открылось быть можетъ еще болѣе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Хотя въ Америкѣ, повидимому, управляетъ толпа и всеобщая подача голосовъ, но, всматриваясь ближе, мы видимъ, что нигдѣ болѣе осторожно не подготовляютъ выборовъ и не обсуживаютъ такъ внимательно кандидатовъ. Если же выборы бываютъ подъ часъ неудачны, то это доказываетъ, что худы не учрежденія, а люди.

О законодательствѣ американскомъ я считаю излишнимъ распространяться. Оно сочинено вновь и не знаетъ никакихъ предразсудковъ, кромѣ нѣкоторыхъ расовыхъ предразсудковъ. Если законы страдаютъ тамъ чѣмъ либо, то исключительно желаніемъ сдѣлать все для поощренія энергіи человѣка, представляя въ случаѣ столкновенія вѣдаться судомъ, въ которомъ, увы! сидятъ опять тѣже несовершенные люди. Судъ, однако, находится также въ рукахъ нуждающагося въ немъ державнаго народа и можетъ чрезвычайно легко освѣжаться болѣе здоровыми элементами. Доказательствомъ служитъ Калифорнія, гдѣ толпа оборванныхъ авантюристовъ въ короткое время обратилась въ собственниковъ, спокойно владѣющихъ имуществомъ цѣнностью въ сотни милліоновъ.

Желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ—столько же верстъ протяженіемъ, сколько во всей Европѣ въ сложности, и дороги эти выстроены превосходно, возятъ дешево, доставляютъ комфортъ, передъ которымъ европейская система можетъ сравниться развѣ съ перевозкою скота. Правда, американцамъ помогаетъ большое вообще пассажирское движеніе, ибо двигаться въ ихъ духѣ.

Школа въ Америкѣ является ранѣе чѣмъ плугъ проводитъ по дѣвственной почвѣ первую борозду. Параллельно идетъ почта и телеграфъ. Точно также нѣтъ въ Америкѣ города, гдѣ не было бы газеты, т. е. гдѣ бы община не знала, что дѣлается на свѣтѣ, что дѣлается по сосѣдству и особенно въ ней самой. Гласность въ Америкѣ доведена до непонятнаго въ Европѣ развитія и злоупотребленія ея уничтожаются тѣмъ же развитіемъ печати. Хорошихъ и честныхъ газетъ такъ много, что безчестныя не могутъ съ ними конкуррировать и мнѣніе ихъ считается только курьезомъ, а слѣдовательно клевета не можетъ марать порядочнаго человѣка.

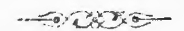
Комфортъ Америки получилъ свое высшее выраженіе въ отеляхъ. Нѣтъ послѣдняго городишка, гдѣ бы не было отличной гостинницы, опрятной, комфортабельной и принаровленной къ потребностямъ всего населенія, а не одного богатаго класса; тоже относится до клубовъ, кафе, жилыхъ построекъ, общественныхъ увеселеній и пр.

Такъ называемые моралисты, одобряя матеріальное благосостояніе, не хвалятъ нравственность американцевъ. Рыцарскаго, правда, очень мало въ американскомъ характерѣ, но отчего же толпы пьяныхъ ир-

ландцевъ, попадая въ эту безнравственную страну, дѣлаются очень скоро честными и довольными отцами семейства и собственниками?

Лучшая похвала Америки все-таки заключается въ томъ, что послѣднею вполнѣ довольны сами амерканцы. Съ дѣтскою радостью слушаютъ они всегда похвалы своей странѣ, хотя и безъ того убѣждены, что оглядываясь кругомъ они не найдутъ для себя въ цивилизованномъ мірѣ ничего лучшаго. Пожелаемъ такого же толковаго и сознательнаго патріотизма всѣмъ народамъ въ мірѣ!

КОНЕЦЪ.

Цѣна 2 рубля.

Того же автора:

Путевыя впечатлѣнія въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи. Съ рис. Ц. **2** р.

У Скандинавовъ и Фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія въ Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. **1** р.

Вокругъ свѣта. Сорокъ шесть тысячъ верстъ по морю и сушѣ. Съ рис. Ц. **1** р. **50** к.

Путевыя впечатлѣнія въ Португаліи, Франціи, Австріи и Италіи. Ц. **1** р.

Суэзскій каналъ и его значеніе для русской торговли. Ц. **1** р. **50** к.

Срочное и почтовое пароходство въ Россіи и заграницею. Ц. **2** р.

Русская торговля въ Тихомъ океанѣ. Экономическое изслѣдованіе. Ц. **2** р.

Типографія Министерства путей сообщенія (А. Бенке).